

INTERNATIONAL BESTSELLING AUTHOR
of the Broken Empire and the Red Queen's War Trilogies

"Dark, passionate, tense,
with a female hero anyone
could relate to—I was
utterly fascinated!"

—Tamora Pierce,
#1 *New York Times*
bestselling author

RED SISTER

FIRST BOOK OF THE ANCESTOR

MARK
LAWRENCE

В женском монастыре Святые Угодники из молодых девушек воспитывают убийц. В некоторых детях проявляется старая кровь, даря редкие таланты, из которых можно выковать смертоносные или мистические способности. Но даже мастера меча и тени не смогли до конца оценить, что они приобрели, когда в их залы привели Нону Грей.

Запятнанный кровью девятилетний ребенок, ложно обвиненный в убийстве, но виновный в куда более ужасных преступлениях, Нона была похищена из-под петли. Десять лет необходимо, что обучить Красную Сестру всем премудростям клинка и кулака, но под надзором настоятельницы Стекло можно обучиться большему, чем просто искусство смерти. В её классе Нона находит новую семью и новых врагов.

Несмотря на безопасность и изолированность монастыря, секрет Ноны и её жестокое прошлое настигают её, таща за собой запутанную политику полуразрушенной империи. Её приезд разжигает старые междоусобицы и порочную борьбу внутри церкви и даже привлекает внимание самого императора.

Под угасающим солнцем Нона Грей должна усмирить своих внутренних демонов, а потом напустить их на тех, кто стоит на её пути.

Перевод Александра Вироховского

Посвящение

Селин, которая не нуждается в словах для красноречия.

Замечание автора

Вместо того чтобы поместить эту справочную информацию в приложение сзади, где вы можете ее не заметить, пока не закончите книгу (я уже делал это раньше), я помещаю ее здесь, спереди. Однако, лучше всего пропустить ее и вернуться только в том случае, если вы обнаружите, что она вам нужна. Вся информация дается вам в тексте и разворачивается естественным образом вместе с рассказом.

Люди Абета происходят от четырех «племен», а именно:

Геранты — отличаются большими размерами.

Хунска — отличаются скоростью. Темноволосые, темноглазые люди.

Марджал — отличаются способностью использовать малую магию.

Квантал — отличаются способностью идти по Пути и творить великую магию.

Когда глава семьи получает титул лорда империи, великие семьи принимают суффикс *сис*. Собственная семья императора — Лансис. К другим известным семьям относятся Таксис, Йотсис, Мемсис, Галамсис, Линсис, Герсис, Ролсис и Чемсис.

В монастыре Сладкого Милосердия послушницы проходят через четыре класса на пути к принятию святого сана. Послушница должна окончить каждый класс. Классы названы в честь четырех монашеских орденов:

Красный Класс — обычно послушницы в возрасте 9-12 лет.

Серый Класс — обычно послушницы в возрасте 13-14 лет.

Мистический Класс — обычно послушницы в возрасте 15-16 лет.

Святой Класс — обычно послушницы в возрасте 17–19 лет.

Приняв священный сан, послушницы становятся монахинями. Они следуют по одному из следующих путей:

Невеста Предка (Святая Сестра) — монахиня, занимающаяся почитанием Предка и поддержанием веры. Самое распространенное призвание.

Боевая Сестра (Красная Сестра) — монахиня, искусная в вооруженном и невооруженном бою, обычно имеющая кровь хунска.

Сестра Благоразумия (Серая Сестра) — монахиня, искусная в шпионаже, невидимости и ядах. Часто обладает кровью марджал и талантом к тень-работе.

Мистическая Сестра (Святая Ведьма) — монахиня, способная ходить по Пути и манипулировать нитями. Всегда обладает кровью квантал.

Действующие лица.

Монахини (в порядке старшинства).

Стекло: Настоятельница монастыря Сладкого Милосердия, также известная как Шелла Яммал.

Роза: Старшая Сестра, Святая Сестра, управляет санаторием.

Колесо: Старшая Сестра, Госпожа Дух, Святая Сестра, преподает Дух.

Яблоко: Госпожа Тень, Серая Сестра, также известная как Отравительница, преподает Тень.

Сковородка: Госпожа Путь, Святая Ведьма, преподает Путь.

Правило: Госпожа Академия, Святая Сестра, преподает Академию.

Сало: Госпожа Меч, Красная Сестра, преподает Меч.

Хризантема: Святая Сестра, в основном известная как Сестра Швабра.

Кремень: Красная Сестра, руководительница Серого Класса.

Чайник: Серая Сестра.

Дуб: Святая Сестра, руководительница Красного Класса.

Скала: Красная Сестра.

Послушницы.

Алата: младшая послушница.

Арабелла Йотсис: младшая послушница, кровь квантал и хунска.

Клера Гомал: младшая послушница, подруга Ноны, кровь хунска.

Крой: младшая послушница.

Дарла: младшая послушница, кровь герант.

Генна: младшая послушница, кровь хунска.

Гесса: младшая послушница, подруга Ноны из клетки Гилджона, кровь квантал.

Джула: младшая послушница, подруга Ноны, прилежная.

Карисс: младшая послушница.

Катча: младшая послушница.

Кетти: младшая послушница, кровь хунска.

Лини: младшая послушница.

Мэлли: младшая послушница, староста Серого Класса.

Рули: подруга Ноны, кровь марджал.

Сарма: младшая послушница.
Шарлот: младшая послушница.
Шилар: младшая послушница.
Сулери: старшая послушница.

Другие.

Император Крустикэл: его дворец находится в городе Истина.
Шерзал: сестра императора. Ее дворец находится недалеко от границы со Скиффроулом.
Велера: сестра императора. Ее дворец находится на побережье.
Первосвященник Джейкоб: глава Церкви Предка.
Архонт Невис: священник высшего ранга.
Архонт Анаста: монахиня высшего ранга.
Архонт Фило: священник высшего ранга.
Архонт Краттон: священник высшего ранга.
Туран Таксис: лорд, глава семьи Таксис.
Раймел Таксис: наследник Турана Таксиса, ринг-боец в Калтессе, кровь герант.
Лано Таксис: второй сын Турана Таксиса, кровь хунска.
Академик Рексус Дегон: старший академик Академии.
Маркус: ребенок из клетки Гилджона, кровь марджал.
Сайда: ребенок из клетки Гилджона, кровь герант.
Виллум: ребенок из клетки Гилджона, кровь марджал.
Чара: ребенок из клетки Гилджона, кровь марджал.
Партнис Рив: владелец бойцовского зала Калтесс.
Гретха: ринг-боец в Калтессе, кровь герант.
Майя: подмастерье в Калтессе, кровь герант.
Регол: ученик в Калтессе, кровь хунска.
Денам: ученик в Калтессе, кровь герант.
Таркакс: известен как «Лед-Копье», прославленный воин из лед-племен.
Йишт: воин из лед-племен, служит Шерзал.
Зоул: девочка из лед-племен, подопечная Шерзал.
Ирвон Галамсис: судья высокого суда.
Сестра Сова: легендарная Красная Сестра (мертва).
Сестра Облако: легендарная Красная Сестра (мертва).
Сафира: бывшая старшая послушница, работает на Шерзал.
Малкин: кот настоятельницы Стекло.
Аргус: охранник в Хэрритоне.
Дава: охранник в Хэрритоне.
Джон Фаллон: охранник в Хэрритоне.
Гербер: могильщик.
Джейми Лендер: заключенный, казненный в Хэрритоне.

Очень важно, убивая монахиню, не забыть привести с собой армию достаточного размера. Для сестры Шип из монастыря Сладкого Милосердия Лано Таксис привел двести человек.

Стоя у фасада монастыря можно увидеть как северный лед, так и южный, но более прекрасный вид открывается на плато и узкие земли. В ясный день можно заметить побережье и море Марн — слабый намек на синеву.

В какой-то момент мучительно долгой истории, народ, знание о котором утрачено, возвел на плато тысячу двадцать четыре колонны: коринфские гиганты, толще тысячелетнего дуба, выше высочайшей сосны. Каменный лес, безо всякого порядка и рисунка от края до края, так, что нигде не было больше двадцати ярдов до какой-нибудь из колонн. Сестра Шип ждала среди этого леса, одинокая и ищущая свой центр.

Люди Лано начали рассредоточиваться между колоннами. Шип не видела и не слышала приближения врага, но знала его расположение. Она уже видела, как они ползли вверх по западной тропе из долины Стикс, по трое и четверо в ряд: наемники-пеларти с лед-окраин, носящие меха белого медведя и снежного волка поверх кожаных доспехов, некоторые с обрывками кольчуг, старых и темных или ярких, как новые, в зависимости от удачи. Многие несли копья, некоторые мечи; у каждого пятого был короткий лук из изогнутого рога. В основном это были высокие мужчины, светловолосые, с короткими или заплетенными в косы бородами, женщины с синими полосами на щеках и лбу, похожими на лучи холодного солнца.

Настало мгновение.

Весь мир и многое другое устремилось в бесконечность, чтобы достичь этого удара твоего сердца, кричащего сквозь годы. И если ты позволишь этому случиться, вселенная, не переводя дыхания, протолкнется через эту раздробленную секунду и помчится к следующей, в новую вечность. Все, что есть — отголоски всего, что когда-либо было, корни всего, что когда-либо будет, — должно пройти через это мгновение, которым ты владеешь. Твоя единственная задача — остановить его, сделать заметным.

Шип стояла без движения, ибо только когда ты действительно неподвижна, ты можешь быть центром. Она стояла без звука, потому что слушать можно только молча. Она стояла без страха, ибо только бесстрашные могут понять опасность.

Ее — тишина леса, укорененное беспокойство, медленность дуба, быстрота сосны, кипящее терпение. Ее — безмолвие ледяных стен, обращенных к морю, прозрачных и глубоких, голубые тайны, холодом вставшие против правды мира, терпение эонов, сложенных стопкой против внезапного падения. Ее — неподвижность рожденного в скорби младенца, замершего в своей колыбели. И его матери, застывшей в своем открытии, мимолетном и вечном.

Шип хранила молчание, которое состарилось еще до того, как она впервые увидела свет этого мира. Тишина, передаваемая из поколения в поколение, покой, который заставляет нас смотреть на рассвет, невысказанный союз с волной и пламенем, который позволяет и тому, и другому взять всю речь из языков и заставляет нас стоять перед волнами и зыбью воды — или ждать, чтобы стать свидетелями всепоглощающего танца радости огня. Ее — безмолвие отвержения и детской обиды: немота, неведение, шрам на долгие годы. Ее — невысказанное

все первой любви: косноязычие, нескладность, отказ запятнать столь острое и золотое чувство чем-то столь грубым, как слова.

Шип ждала. Бесстрашная, как яркие и хрупкие цветы, открытые небу. Храбрым может быть только тот, кто уже проиграл.

До нее донеслись голоса, пеларти перекликались друг с другом, теряя из виду своих на изломанных пространствах плато. Крики разносились по ровной земле, эхом отражаясь от колонн, вспышки факелов, множество приближающихся шагов. Шип повела плечами под броней из черн-кожи. Она сжала пальцы каждой руки вокруг острого веса метательной звезды, ее дыхание было спокойным, сердце бешено колотилось.

— В этом месте за мной следит смерть, — выдохнула она. Совсем рядом раздался крик, между двумя колоннами мелькнули фигуры, пронесшиеся через проем. Много фигур. — Я — оружие на службе Ковчега. Те, кто пойдет против меня, познают отчаяние. — Ее голос повысился вместе с напряжением, которое всегда предвещало бой, жужжанием в скулах, стеснением в горле, ощущением того, что она находится глубоко внутри собственного тела, а также над ним и вокруг него одновременно.

Первый из пеларти оказался в поле зрения и, увидев ее, споткнулся и остановился. Молодой человек, безбородый, но с жесткими глазами под железным шлемом. Другие толпились позади него, вываливаясь на место убийства.

Красная Сестра наклонила голову, приветствуя их.

А потом началось.

Ни один ребенок по-настоящему не верит, что его повесят. Даже на помосте виселицы с веревкой, царапающей запястья, и тенью петли на лице, они знают, что кто-то выйдет вперед: мать, отец, вернувшийся после долгого отсутствия, король, вершащий правосудие... кто-то. Немногие дети прожили достаточно долго, чтобы понять мир, в котором родились. Возможно, и немногие взрослые, но они, по крайней мере, усвоили некоторые горькие уроки.

Сайда поднялась по лесенке виселицы, как много раз поднималась по деревянным ступенькам на чердак Калтесса. Они спали там все вместе, самые молодые работники, устроившись на ночлег среди мешков, пыли и пауков. Сегодня ночью они все поднимутся по этим ступенькам и будут в темноте шептаться о ней. Завтра ночью шепот кончится, и новый мальчик или девочка заполнят пустое место, которое она оставила под карнизом.

— Я ничего не делала. — Сайда сказала это без всякой надежды, ее слезы высохли. Холодный ветер дул с запада, ветер Коридора, и солнце горело красным, заполняя половину неба, но предлагая мало тепла. Ее последний день?

Охранник подтолкнул ее вперед, скорее равнодушно, чем недобро. Она оглянулась на него, высокого, старого, плоть его была такой тугой, словно ветер стер ее до костей. Еще шаг, и петля повисла, темная на фоне солнца. Перед ней лежал почти безлюдный двор тюрьмы, только горстка людей наблюдала из черных теней, где внешняя стена предлагала убежище от ветра — старухи с седыми, волочащимися волосами. Сайда гадала, что же их так привлекает. Возможно, будучи такими старыми, они боялись умереть и хотели посмотреть, как это происходит.

— Я этого не делала. Это была Нона. Она сама так сказала. — Сайда произносила эти слова так много раз, что смысл улетучивался, оставляя лишь бледный шум. Но это было правдой. Все это. Даже Нона так сказала.

Палач одарил Сайду едва заметной улыбкой и наклонился, чтобы проверить веревку, стягивающую запястья, которые зудели от слишком тугой веревки, рука болела там, где ее сломал Раймел, но Сайда ничего не сказала, только осмотрела двор, двери в тюремные блоки, внешние здания, даже большие ворота в мир снаружи. Кто-нибудь обязательно придет.

С лязгом открылась дверь Стержня, приземистой башни, где, как говорили, жил начальник тюрьмы, жил в роскоши, как какой-нибудь лорд. Увы, просто гвардеец: надежда, так легко вспыхнувшая в груди Сайды, снова погасла.

Из-за спины гвардейца выступила фигура поменьше и пошире. Сайда взглянула еще раз, опять надеясь. Во двор вошла женщина в длинном одеянии монахини. Только посох в ее руке, с загнутым золотым концом, отмечал ее пост.

Палач оглянулся, его узкая улыбка сменилась широкой и хмурой:

— Настоятельница...

— Я ее здесь раньше не видел. — Старый гвардеец сжал пальцы на плече Сайды.

Сайда открыла рот, но обнаружила, что он слишком сухой для ее мыслей. Настоятельница пришла за ней. Пришла, чтобы забрать ее в монастырь Предка. Пришла, чтобы дать ей новое имя и новое место. Сайда даже не удивилась. Она никогда по-настоящему не верила, что ее повесят.

Зловоние тюрьмы — честный запах. Эвфемизмы охранников, открытая улыбка главного надзирателя, даже фасад здания могут лгать и лгать снова, но вонь — это неприкрашенная правда: нечистоты и гниль, инфекция и отчаяние. Тем не менее, тюрьма Хэрритон пахла слаще, чем многие другие. Тюрьма для висельников, вроде Хэрритона, не дает своим заключенным шанса сгнить. Недолгое ожидание, долгое падение с короткой веревкой — и можно без хлопот кормить червей в тюремном могильном рве кладбища нищих в Уинсконе.

Запах беспокоил Аргуса, когда он впервые присоединился к страже. Говорят, что через некоторое время твой рассудок обходит любой запах, не замечая его. Это правда, но это также верно и в отношении почти всех других плохих вещей в жизни. Через десять трудовых лет мозг Аргуса управлялся с проблемой удлинения человеческих шей так же легко, как с вонью Хэрритона.

— Когда ты уезжаешь? — Одержимость Давы чужими расписаниями раздражала Аргуса, но теперь он просто отвечал, без дум и усилий. — Седьмой колокол.

— Седьмой! — Маленькая женщина выпалила свое обычное возмущение несправедливостью рабочего графика. Они неторопливо направились к главному блоку, за спиной у них был частный эшафот. Позади них Джейми Лендер все еще дергался, болтаясь под люком; они его не замечали. Теперь Джейми стал задачей могильщика. Скоро придет старик Гербер со своей повозкой и ослом, чтобы забрать добычу за день. Короткое расстояние до Холма Уинскон могло оказаться долгим путешествием для Старого Гербера, его пятерых пассажиров и осла, почти такого же старого, как и его хозяин. Тот факт, что у Джейми не было мяса, о котором можно было бы говорить, облегчит ношу. Это, а также то, что двое из прочих четырех были маленькими девочками.

Гербер проедет по улице Резчиков и первым делом доберется до Академии, распродавая все части тела, которые могли бы сегодня иметь ценность. То, что он добавит в могильный ров на Холме, вероятно, значительно уменьшится — коллекция мокрых останков, если дела пойдут хорошо.

— ...шестой колокол вчера, пятый — позавчера. — Дава прервала свою тираду, которая поддерживала ее в течение многих лет, непреходящее чувство несправедливости, которое давало ей мужество иметь дело с осужденными мужчинами вдвое больше ее.

— А это кто? — Высокая фигура стучала тяжелой тростью в дверь блока для новоприбывших.

— Парень из Калтесса? Ты его знаешь. — Дава щелкнула пальцами перед своим лицом, как будто пытаясь удивить ответом. — Владелец бойцовского зала.

— Партнис Рив! — Аргус выкрикнул имя, которое запомнил, и здоровяк обернулся. — Давненько не виделись.

Партнис посещал однодневную тюрьму довольно часто, вытаскивая своих бойцов из неприятностей. Ты не можешь управлять командой злых и жестоких людей без того, чтобы они время от времени не ломали нескольких горожан, но обычно они не заканчивали в Хэрритоне. Профессиональные бойцы обычно сохраняют достаточно спокойную голову, чтобы не убивать во время своих драк в баре. Только любители теряют рассудок и продолжают топтать поверженного противника, пока не останется ничего, кроме месива.

— Друг мой! — Партнис повернулся к нему с распростертыми объятиями, широкой

улыбкой и без малейшей попытки произнести имя Аргуса. — Я здесь из-за своей девочки.

— Твоей девочки? — Аргус нахмурился. — Не знал, что у тебя есть семья.

— Ученица. Работница. — Партнис отмахнулся от вопроса. — Открой, пожалуйста, дверь, добрый человек. Ее бросили сюда сегодня, а я и так уже опаздываю. — Он нахмурился, как будто вспоминая какую-то последовательность раздражающих задержек.

Аргус достал из кармана ключ, тяжеленную железяку:

— Наверное, ты уже упустил ее, Партнис. Солнце садится. Старый Гербер и его повозка уже скрипят по переулкам, готовые к ежедневной добыче.

— Они оба скрипят, а? Гербер и его повозка, — вставила Дава. Всегда готова пошутить, всегда не смешно.

— Я послал гонца, — сказал Партнис, — с инструкциями, чтобы девочек Калтесса не вешали раньше...

— Инструкциями? — Аргус помолчал, вставляя ключ в замок.

— Тогда предложениями. Предложениями, обернутыми вокруг серебряной монеты.

— А. — Аргус повернул ключ и провел его внутрь. Он повел своего посетителя кратчайшим путем — через караульный пост, по короткому коридору, где из узких окошек в дверях камер глядели вновь прибывшие, и во двор, где под окном начальника тюрьмы располагался общественный эшафот.

Главные ворота уже открылись, готовые впустить повозку могильщика. Маленькая фигурка ждала у ступеней эшафота, рядом с ней — единственный стражник, Джон Фаллон, судя по виду.

— Как раз вовремя! — сказал Аргус.

— Хорошо. — Партнис двинулся было вперед, но заколебался. — Разве это не... — он замолчал, скривив губы в гримасе разочарования.

Проследив за взглядом высокого мужчины, Аргус понял причину его беспокойства. Настоятельница Сладкого Милосердия прошла сквозь небольшую толпу зевак, собравшихся перед крыльцом начальника тюрьмы. На таком расстоянии она могла быть какой угодно монашенкой — невысокая, пухлая фигурка, закутанная в черную ткань, — но посох позволял ее опознать.

— Дорогие небеса, эта ужасная старая ведьма опять пришла меня обокрасть. — Партнис разом ускорился и увеличил шаг, заставив Аргуса недостойно частить, чтобы не отстать. Даве, стоявшей по другую сторону от мужчины, пришлось бежать.

Несмотря на поспешность Партниса, он лишь на долю секунды опередил настоятельницу.

— А где же другая? — Он огляделся, как будто стражник мог прятать за собой другого пленника.

— Другая кто? — Взгляд Джона Фаллона скользнул мимо Партниса к приближающейся монахине, ее ряса раскачивалась, пока она шла.

— Девочка! Их было двое. Я отдал приказ... я послал просьбу, чтобы их придержали.

— Снаружи, вместе с выброшенными. — Фаллон наклонил голову в сторону холмика около главных ворот, высотой в несколько футов. Камни придавили к куче запятнанную кровью серую простыню. Пока они смотрели, в поле зрения появилась повозка могильщика.

— Проклятие! — Слово вырвалось из уст Партниса так громко, что повернулись головы по всему двору. Он поднял обе руки, растопырив пальцы, затем, дрожа от напряжения, опустил их по бокам. — Я хотел их обоих.

— Тебе придется поспорить с гробовщиком за большую, — заметил Фаллон. — А за эту мелочь... — он потянулся к девочке, стоявшей рядом с ним, — тебе придется поспорить со мной. Потом с этими двоими. — Он кивнул на Даву и Аргуса. — И уже потом с начальником тюрьмы.

— Никаких споров. — Настоятельница встала между Фаллоном и Партнисом, карлик по сравнению с ними обоими, и подняла свой жезл, чтобы разорвать их зрительный контакт. — Я заберу ребенка с собой.

— Нет, не заберете! — Партнис посмотрел на нее сверху вниз, нахмутив брови. — При всем уважении к Предку и все такое, но она моя, куплена и оплачена. — Он оглянулся на ворота, где Гербер остановил свою повозку у покрытого простыней холмика. — Кроме того... откуда вы знаете, что она именно та, кто вам нужна?

Настоятельница фыркнула и одарила Партниса материнской улыбкой.

— Конечно, именно та. Вы можете сказать это, только взглянув на нее, Партнис Рив. У этого ребенка огонь в глазах. — Она нахмурилась. — Я видела вторую. Напуганную. Потерянную. Ей вообще не следовало здесь находиться.

— Сайда вернулась в камеру... — сказала девочка. — Мне сказали, что я пойду первой.

Аргус пристально посмотрел на ребенка. Малышка в бесформенном куске материи — не уличное тряпье, покрытое ржавыми пятнами, но, тем не менее, рабская одежда. Ей могло быть лет девять. Аргус утратил способность говорить. Его двое старших уже давно выросли, а маленькой Селии всегда будет пять. Эта девочка была свирепым созданием, с хмурым выражением на худом, грязном лице. Черные глаза под короткой копной темных волос.

— Может быть, и другая, — сказал Партнис. — Та была побольше. — Ему не хватало убежденности. Бой-мастер узнает огонь, когда увидит его.

— Где Сайда? — спросила девочка.

Глаза настоятельницы слегка расширились. Это выглядело почти как боль. И тут же стали прежними, быстрее, чем исчезает тень от птичьего крыла. Аргус решил, что ему показалось. Настоятельница Сладкого Милосердия давали разные эпитеты, мало из них в лицо, и слово «мягкая» к ним не относилось.

— Где моя подруга? — повторила девочка.

— Так вот почему ты осталась? — спросила настоятельница. Она вытщила из рясы хор-яблоко, такое темно-красное, что казалось почти черным, горькое и твердое. Мул может съесть одно — мало кто из людей повторит такой подвиг.

— Осталась? — переспросила Дава, хотя вопрос был адресован не ей. — Она осталась, потому что это чертова тюрьма, а она связана и под охраной!

— Ты осталась, чтобы помочь подруге?

Девочка ничего не ответила, только пристально посмотрела на женщину, как будто в любой момент могла наброситься на нее.

— Лови. — Настоятельница бросила девочке яблоко.

Маленькая рука быстро-быстро перехватила его. Яблоко шлепнулось в ладонь. За спиной девочки на землю упала длинная веревка.

— Лови. — Настоятельница уже держала в руке еще одно яблоко и с силой швырнула его.

Девочка поймала его другой рукой.

— Лови.

Аргус не мог сказать, где именно настоятельница спрятала свой фруктовый запас, но

через мгновение перестал беспокоиться, уставившись на третье яблоко, зажатое между двумя руками, каждая из которых была полна двумя предыдущими.

— Лови. — Настоятельница бросила еще одно хор-яблоко, но девочка уронила три и дала четвертому перелететь через плечо.

— Где Сайда?

— Ты пойдешь со мной, Нона Грей, — ласково сказала настоятельница. — О Сайде мы поговорим в монастыре.

— Я оставлю ее себе. — Партнис шагнул к девочке. — Драгоценная дочь! Кроме того, она чуть не убила Раймела Таксиса. Семья никогда не отпустит ее на свободу. Но, если я смогу показать, что она ценна, они могут разрешить мне сначала использовать ее в нескольких боях.

— Раймел мертв. Я убила его. Я...

— Драгоценная? Я удивлена, что *вы* дали ей уйти, мистер Рив, — прервала настоятельница протесты девочки.

— Я бы не дал, если бы был здесь! — Партнис сжал кулак, словно пытаясь вернуть себе эту возможность. — Я был на другом конце города, когда услышал об этом. Вернулся и нашел сплошной хаос... повсюду кровь... люди Таксиса ждут... Если бы городская стража не притащила ее сюда, она бы уже была в личной темнице Турана. Он не такой человек, чтобы потерять сына и сидеть сложа руки.

— Именно поэтому вы отдадите ее мне. — Улыбка настоятельницы напомнила Аргусу улыбку его матери, которую она использовала, когда была права, и они оба это знали. — Ваши карманы недостаточно глубоки, чтобы вытащить отсюда юную Нону, если мальчик Таксиса умрет. И даже если вы добьетесь ее освобождения, ни вы, ни ваше учреждение не сможете противостоять требованиям Турана Таксиса о возмездии.

Девочка попыталась вмешаться:

— Откуда вы знаете мое имя? Я не...

— Я дружу с начальником тюрьмы Джеймсом дольше, чем вы живете, мистер Рив. — Настоятельница снова оборвала девочку. — И ни один здравомыслящий человек не станет нападать на монастырь.

— Вам не следует делать ее Красной Сестрой, — сказал Партнис тем угрюмым тоном, какой бывает у мужчин, когда они знают, что проиграли. — Это неправильно. У нее нет веры в Предка... и она всего лишь убийца. Порочная, судя по тому, что говорят...

— Вера, это то, что я могу ей дать. А то, что нужно Красным Сестрам, у нее уже есть. — Настоятельница протянула пухлую руку к девочке. — Пойдем, Нона.

Нона взглянула на Джона Фаллона, на Партниса Рива, на палача и петлю, покачивающуюся рядом с ним:

— Сайда — моя подруга. Если вы причинили ей боль, я убью вас всех.

Она молча прошла вперед, стараясь не наступать на упавшие яблоки, и взяла настоятельницу за руку.

Аргус и остальные смотрели им вслед. У ворот они остановились, черные на фоне красного солнца. Девочка отпустила руку настоятельницы и сделала три шага по направлению к покрытому простыней холмику. Старый Гербер и его мул стояли и смотрели, такие же связанные моментом, как и все остальные. Нона остановилась, глядя на холмик. Потом она посмотрела на людей у виселицы — долгий, медленный взгляд — и снова повернулась к настоятельнице. Через несколько секунд пара исчезла за углом.

— Она пометила нас для смерти, — сказала Дава.
Опять шутка. И опять не смешная.

Однажды в деревню Ноны — такую маленькую, что у нее не было ни названия, ни рыночной площади, — пришел жонглер, одетый в грязный и выцветший пестрый наряд, с голодным взглядом. Он пришел один — молодой человек, темные глаза, быстрые руки. За его плечами висел мешок из дерюги с шарами из цветной кожи, дубинками с белыми и черными лентами и грубо сделанными ножами.

— Подходите и смотрите, великий Амондо будет восхищать и удивлять. — Это прозвучало как фраза, принадлежавшая не ему. Он представлялся горстке деревенских, не работавших в поле или в хижине, но, все же, смелых настолько, чтобы стоять на пронизанном ледяным дождем ветру Коридора. Положив между ними широкополую шляпу, ожидавшую знаки благодарности, он достал четыре полосатых палочки и пустил их плясать в воздухе.

Амондо пробыл там три дня, хотя его аудитория иссякла уже после первого часа первого вечера. Печальный факт заключается в том, что жонглирование одного человека, каким бы впечатляющим оно ни было, доставляет не так уж много удовольствия.

Но Нона осталась с ним, следя за каждым движением, за каждым ловким изгибом и поворотом. Она осталась даже после того, как свет солнца погас и последние дети ушли. Молча и пристально она смотрела, как жонглер начал укладывать реквизит в мешок.

— Ты очень тихая. — Амондо бросил ей сморщенное яблоко, которое лежало в его шляпе вместе с несколькими образцами получше, двумя булочками, куском твердого козьего сыра и затерявшегося между ними медного полпенни, обрезанного до четвертака.

Нона поднесла яблоко к уху, прислушиваясь к шороху своих пальцев по его морщинам:

— Дети меня не любят.

— Да?

— Да.

Амондо ждал, жонглируя невидимыми шарами.

— Они говорят, что я злая.

Амондо уронил невидимый шар. Он дал упасть остальным и поднял бровь.

— Мама говорит, это потому, что у меня такие черные волосы и такая бледная кожа. Она говорит, что я получила кожу от нее и волосы от папочки. — У других детей была загорелая кожа и песочные волосы, как у их родителей, но мать Ноны была родом из ледяных краев, а клан отца охотился на ледниках, так что оба они были чужаками в деревне. — Мама говорит, что они просто не любят *непохожих*.

— В головах этих детей живут отвратительные идеи. — Жонглер поднял свой мешок.

Нона стояла, глядя на яблоко в своей руке, но не видя его. Воспоминание не отпускало ее. Мать, в полумраке хижины, впервые видит кровь на ее руках. *А это что такое? Они причинили тебе боль?* Нона опустила голову и покачала ею. *Биллем Смитсон пытался причинить мне боль. Это было внутри него.*

— Лучше иди домой, к мамочке и папочке. — Амондо медленно повернулся, оглядывая хижины, деревья, амбары.

— Мой папочка умер. Его забрал лед.

— Тогда мне лучше всего отвести тебя домой. — Улыбка, только наполовину грустная. Он откинул назад длинные волосы и протянул руку: — Мы ведь друзья, не так ли?

Мать Ноны разрешила Амондо спать в их амбаре, хотя на самом деле это был не более чем сарай, в котором прятались овцы, когда приходил снег. Она сказала, что люди будут говорить, но ей все равно. Нона не понимала, почему кого-то волнуют разговоры. Это просто шум.

В тот вечер, когда Амондо уехал, Нона зашла к нему в сарай. Он разложил содержимое своей сумки перед собой на грязном полу там, где в дверной проем лился красный свет луны.

— Покажи мне, как жонглировать, — попросила она.

Он оторвал взгляд от ножей и ухмыльнулся, темные волосы рассыпались по его лицу, темные глаза скрылись за ними:

— Это очень трудно. Сколько тебе лет?

Нона пожала плечами.

— Маленькая. — В деревне не считали годы. Ты был младенцем, потом маленьким, потом большим, потом старым, потом мертвым.

— Маленькая — это совсем мало. — Он поджал губы. — Мне уже двадцать два года. Наверное, я должен быть большим. — Он улыбнулся, но в его улыбке было больше беспокойства, чем радости, словно мир совсем сошел с ума и предлагал большим не больше утешения, чем маленьким. — Давай попробуем.

Амондо поднял три кожаных мячика Лунный свет не позволял разобрать их цвет, но ближе к фокусу стал достаточно ярким, чтобы подкидывать и ловить. Он зевнул и повел плечами. Быстрый взмах рук — и три шара заплясали по переплетенным дугам.

— Вот. — Он их поймал. — Попробуй.

Нона взяла мячи из рук жонглера. Мало кто из других детей справлялся с двумя. За три не брался никто. Амондо смотрел, как она вертит их в руках, понимая их вес и ощущение.

Она изучала жонглера с самого его появления. Теперь она представила себе узор, который нарисовали шары в воздухе, ритм его рук. Она подбросила первый мяч вверх по нужному изгибу и замедлила мир вокруг себя. Затем из ее руки лениво вылетел второй. Через мгновение все трое уже плясали под ее дудку.

— Впечатляет! — Амондо поднялся на ноги. — Кто тебя научил?

Нона нахмурилась и чуть не упустила свой улов:

— Ты.

— Не лги мне, девочка. — Он бросил ей четвертый мяч, коричневый и кожаный, с синей лентой.

Нона поймала его, подбросила, попыталась приспособиться, и за один удар сердца все четверо пришли в движение, описывая над ней длинные ленивые петли.

Гнев на лице Амондо застал ее врасплох. Она думала, что он будет доволен, что это сделает ее похожей на него. Он сказал, что они друзья, а у нее никогда не было друзей, и он сказал это так легко... Она думала, что, разделив его умение, заставит его снова произнести эти слова и запечатает их навсегда. Друг. Она нарочно швырнула мяч на пол и неуклюже замахнулась на следующий.

— Меня научил циркач, — солгала она. Мячи откатились от нее в темные углы, где живут крысы. — Я тренируюсь. Каждый день! С... камнями... гладкими, из ручья.

Амондо подавил гнев и натянул на лицо хрупкую улыбку:

— Никто не любит, когда его дурачат, Нона. Даже дуракам это не нравится.

— А сколькими ты можешь жонглировать? — спросила она. Мужчины любят говорить

о себе и своих достижениях. Нона знала так много о мужчинах, хотя сама была маленькой.

— Спокойной ночи, Нона.

Нона, отвергнутая, поспешила обратно в двухкомнатную хижину, которую делила с матерью, вокруг нее сиял свет луны, более теплый, чем свет полуденного солнца.

— Быстрее, девочка! — Настоятельница дернула Нону за руку, вырывая ее из воспоминаний. Эти хор-яблоки вернули Амондо в ее сознание. Настоятельница оглянулась через плечо. Через мгновение она сделала это снова. — Быстрее!

— Почему? — спросила Нона, ускоряя шаг.

— Потому что начальник тюрьмы Джеймес скоро пошлет за нами своих людей. Меня они выругают — тебя повесят. Так что — шире шаг!

— Ты сказала, что дружила с начальником тюрьмы еще до того, как Партнис Рив был младенцем!

— Значит, ты *слушала*. — Настоятельница гнала ее по узкому переулку, такому крутому, что через каждые несколько ярдов приходилось делать прыжок-другой, чтобы не отставать, а крыши высоких домов вставали ступеньками одна над другой. Запах кожи ударил Ноне в нос, напомнив о цветных шариках, которыми Амондо дал ей пожонглировать, запах такой же сильный, как вонь коров — густой, глубокий, отполированный, коричневым.

— Ты сказала, что вы с начальником тюрьмы — друзья, — повторила Нона.

— Я встречалась с ним несколько раз, — ответила настоятельница. — Противный маленький человечек, лысый и косоглазый, внутри — еще уродливее. — Она обошла товары сапожника, разложенные перед его ступеньками. Каждый второй дом, похоже, был сапожной мастерской, в витрине которой старик или молодая женщина стучали молотком по каблукам сапог или отделявали кожу.

— Ты соврала!

— Назвать что-то ложью, дитя мое, — бесполезная характеристика. — Настоятельница глубоко вздохнула, с трудом преодолевая подъем. — Слова — шаги по пути: главное — попасть туда, куда ты идешь. Ты можешь играть по правилам, шаг-на-трещину-сломаешь-спину, но ты доберешься до цели быстрее, если выберешь самый определенный маршрут.

— Но...

— Ложь — сложная штука. Лучше не утруждать себя мыслями в терминах правды или лжи — дай необходимости стать твоей матерью... и изобретай!

— Ты не монахиня! — Нона отдернула руку. — И ты позволила им убить Сайду!

— Если бы я спасла ее, мне пришлось бы бросить *тебя*.

Где-то в глубине переулка раздались крики.

— Быстро. — Переулок переходил в широкий проход с узкой лестницей, и настоятельница свернула на него, не остановившись, чтобы оглянуться.

— Они знают, куда мы идем. — Нона много бегала и пряталась за свою короткую жизнь, и она знала достаточно, чтобы понять — не имеет значения, как быстро ты бежишь, если они знают, где тебя найти.

— Они знают, что, когда мы туда доберемся, они не смогут последовать за нами.

Люди запрудили улицу, но настоятельница прокладывала себе путь сквозь самую гущу толпы. Нона шла следом, так близко, что полы монашеского одеяния развевались вокруг нее. Толпа нервировала ее. Ни в ее деревне, ни во всем ее мире не было столько людей, как на этой улице. И таких разных: некоторые взрослые были едва ли выше ее, другие превосходили

даже массивных гигантов, сражавшихся в Калтессе. Одни темные, с кожей черной, как чернила, другие — белобрысые и настолько бледные, что каждая жилка казалась синей; между ними — все оттенки.

Через переулки, поднимавшиеся к большой улице, Нона видела море крыш, выложенных терракотовой черепицей, с бесчисленными трубами, из которых шел дым. Она и представить себе не могла, что может быть место с таким количеством людей, где так тесно. С той ночи, когда похититель детей привез Нону и прочие свои приобретения в Истину, она почти ничего не видела в городе, только боевой зал, комплекс, где жили бойцы, и тренировочные дворы. И когда они с Сайдой, обнявшись, ехали на повозке в Хэрритон, она почти не смотрела по сторонам.

— Сюда. — Настоятельница положила руку Ноне на плечо и направила ее к ступеням, ведущим в здание, которое выглядело храмом с колоннами, огромные двери которого были открыты, и каждая украшена сотней бронзовых кругов.

Ступеньки были достаточно высокими, чтобы у Ноны заняли ноги. Наверху их ждал похожий на пещеру зал, освещенный высокими окнами, каждый квадратный фут которого был заполнен ларьками и людьми, охотящимися за выгодой. Звуки их торга, отдававшиеся эхом и умноженные мраморными сводами, слышались на входе одним многоязыким голосом. Несколько минут не было ничего, кроме шума, цвета и толчков. Нона сосредоточилась на заполнении пустоты, остававшейся после того, как настоятельница шагала вперед, прежде чем какое-то другое тело могло занять это место. Наконец они очутились в прохладном коридоре и вышли на более тихую улицу позади крытого рынка.

— Кто ты? — спросила Нона. Она достаточно долго следовала за женщиной. — И, — внезапно сообразив, добавила, — где твоя палка?

Настоятельница обернулась, одной рукой надевая на шею нитку пурпурных бус:

— Меня зовут Стекло. Для тебя — Настоятельница Стекло. И я отдала свой посох довольно удивленному молодому человеку вскоре после того, как мы вышли с Обувной улицы. Надеюсь, стражники начальника тюрьмы последовали за ним, а не за нами.

— Стекло — это не имя. Это вещь. Я видела их в конторе Партниса Рива. — Что-то твердое и почти невидимое, что удерживало ветра Коридора от проникновения в логово бой-мастера.

Настоятельница Стекло отвернулась и продолжила свой путь:

— Каждая сестра берет себе новое имя, когда ее считают достойной выйти замуж за Предка. Это всегда название предмета или вещи, чтобы отделить нас от мирян.

— О. — Большинство жителей деревни Ноны молились безымянным богам дождя и солнца, как молились по всей Серости, ставя на полях кукурузные куколки, чтобы побудить их дать хороший урожай. Но ее мать и несколько молодых женщин ходили в новую церковь на Белом Озере, где свирепый молодой человек говорил о боге, который спасет их, о Надежде, которая уже сейчас мчится к нам. Крыша церкви Надежды всегда была открыта, чтобы они могли видеть приближающегося бога. Ноне он показался похожим на все остальные звезды, только эта была белой, хотя почти все остальные были красными, и более яркой. Она спросила, все ли остальные звезды тоже боги, но получила лишь пощечину. Проповедник Микэл сказал, что звезда — это Надежда, а также Единственный Бог, и что прежде чем северный лед и южный лед соединят свои руки, он придет, чтобы спасти верующих.

В городах, однако, в основном молились Предку.

— Там. Видишь это?

Нона проследила за движением пальца настоятельницы. На высоком плато, за городской стеной, косые солнечные лучи падали на куполообразное здание милях в пяти отсюда:

— Да.

— Именно туда мы и направляемся. — И настоятельница повела ее по улице, обходя лошадиную кучу, слишком свежую, чтобы садовники могли до нее добраться.

— Ты слышала обо *мне* по дороге туда? — спросила Нона. Это казалось невозможным.

Настоятельница Стекло рассмеялась теплым и заразительным смехом:

— Ха! Нет. У меня были другие дела в городе. Один из верующих рассказал мне твою историю, и я отклонилась на обратном пути в монастырь.

— Так вот откуда ты знаешь мое имя? Мое настоящее имя, а не то, которое дал мне Партнис.

— А ты могла бы поймать четвертое яблоко? — Настоятельница ответила вопросом на вопрос.

— Сколько яблок ты можешь поймать, старуха?

— Столько, сколько мне нужно. — Настоятельница Стекло снова посмотрела на нее. — А теперь поторопись.

Нона понимала, что знает не так уж много, но она знала, когда кто-то пытался измерить ее, и ей не нравилось, когда что-то вырывали из нее силой. Настоятельница продолжала бы заниматься своими яблоками, пока не нашла бы предел возможностей Ноны — и держала бы это знание, как нож в ножнах. Нона поспешила наверх и ничего не сказала. По мере приближения к городской стене улицы становились все пустынее, тени начали сгущаться.

Переулки зияли направо и налево, темные рты готовы были проглотить Нону целиком. Каким бы теплым ни был смех настоятельницы, Нона ей не доверяла. Она смотрела, как умирает Сайда. Побег все еще был очень хорошим вариантом. Жить с кучей старых монахинь на продуваемом всеми ветрами холме за городом, может быть и лучше, чем висеть, но не намного.

— Мастер Рив сказал, что Раймел не умер. Это неправда.

Настоятельница плавным движением сняла чепец, обнажив короткие седые волосы и подставив шею ветру. Она быстро накинула на плечи расшитую блестками шерстяную шаль.

— Где ты... Ты ее *укра*ла! — Нона огляделась, чтобы посмотреть, не разделит ли кто-нибудь из прохожих ее возмущение, но их было немного, и они стояли далеко друг от друга, склонив головы, связанные своими собственными целями. — Воровка и лгунья!

— Я ценю свою честность. — Настоятельница улыбнулась. — Вот почему у нее есть цена.

— Воровка и лгунья. — Нона решила, что убежит.

— А ты, дитя, похоже, недовольна, что мужчина, за убийство которого тебя должны были повесить, на самом деле не мертв. — Настоятельница Стекло завязала шаль и натянула ее потуже. — Может быть, ты объяснишь мне, что произошло в Калтессе, а я объясню тебе, что почти наверняка имел в виду Партнис Рив, говоря о Раймеле Таксисе.

— Я убила его. — Настоятельница хотела услышать эту историю, но Нона держала свои слова при себе. Она заговорила так поздно, что мать сочла ее немой, и даже сейчас она предпочитала слушать.

— Каким образом? Почему? Нарисуй мне картинку. — Настоятельница Стекло резко

повернулась и потащила Нону через проход, такой узкий, что, если бы настоятельница была толще на несколько фунтов, ее бока заскребли бы по стенам.

— В Калтесс нас привезли в клетке. — Нона помнила это путешествие. В повозке было трое детей, когда Гилджон, похититель детей, остановился в ее деревне, и люди отдали ее ему. Серый Стивен передал ее ему. Казалось, все, кого она знала, смотрели, как Гилджон сажает ее в деревянную клетку вместе с остальными. Деревенские дети, маленькие и большие, молча смотрели на нее, старухи что-то бормотали, Мэри Стримс, подруга ее матери, рыдала, Марта Бейкер выкрикивала жестокие слова. Когда повозка тронулась с места, за ней последовали камни и комья грязи. — Мне это не понравилось.

Повозка грохотала по дорогам несколько дней, а потом и недель. За два месяца они проехали почти тысячу миль, по большей части по узким извилистым улочкам, туда и обратно по одной и той же местности. Они с грохотом носились взад и вперед по Коридору, петляя «тропинкой пьяницы»^[1] на север и на юг, так близко ко льду, что иногда Нона видела, как над деревьями синеют стены. Ветер оказался единственной постоянной, он пересекал землю, не дружа ни с кем, — чужие пальцы, скользящие по траве, холодное вторжение.

День за днем Гилджон вел свою повозку из городка в городок, из деревни в деревушку, из одинокой лачуги в хижину. Купленные им дети были изможденными, некоторые — просто кожа и кости, у родителей не хватало ни воли, ни денег, чтобы прокормить их. Гилджон давал еду два раза в день: утром ячменный суп с луком, горячий и соленый, с твердым черным хлебом, вечером — пюре из брюквы с маслом. Его пассажиры с каждым днем выглядели все лучше и лучше.

— Я видел больше мяса на фартуке мясника. — Так сказал Гилджон родителям Сайды, когда они вывели ее из хижины под дождь.

Отец, жалкий маленький человечек, сторбленный и седеющий, ущипнул Сайду за руку:

— Большая девочка для своего возраста. Сильная. В ней есть чуток геранта.

Мать, с бледным лицом, тонкая, как палка, плачущая, потянулась, чтобы коснуться длинных волос Сайды, но отпустила руку прежде, чем они коснулись друг друга.

— Четыре пенни, и еще мой конь сможет сегодня вечером попасть на твоем поле. — Гилджон всегда диктовал. Казалось, он делал это из любви к игре, его кошелек был самым толстым из всех, которых Нона когда-либо видела; он был набит пенни и кронами, и в нем был даже сверкающий соверен, который привнес новый цвет в жизнь Ноны. В деревне только у Серого Стивена были монеты. А Джеймс Бейкер однажды продал весь свой хлеб купцам, след которых исчез в Джентри. Но ни у кого из них никогда не было золота. Даже серебра.

— Десять, и ты отправишься в путь до истечения часа, — возразил отец Сайды.

В течение вышеупомянутого часа Сайда присоединилась к ним в клетке, ее светлые волосы скрывали опущенное вниз лицо. Повозка тронулась без промедления, став тяжелее на одну девочку и легче на пять пенсов. Нона смотрела сквозь решетку, отец снова и снова пересчитывал монеты, как будто они могли умножиться в руке, его жена хваталась за сердце. Плач матери преследовал их до самого перекрестка.

— Сколько тебе лет? — спросил Маркус, крепкий темноволосый мальчик, который, казалось, очень гордился своими десятью. Он спросил об этом и Нону, когда та присоединилась к ним. Она сказала «девять», потому что ему, похоже, нужно было число.

— Восемь. — Сайда шмыгнула носом и вытерла его грязной рукой.

— Восемь? Кровь Надежды! Я думал, тебе тринадцать! — Маркус, казалось, был в равной мере доволен тем, что остался старшим, и возмущен размерами Сайды.

— В ней герант, — предположила Чара, темноволосая девочка с такими короткими волосами, что сквозь них просвечивал скальп.

Нона не знала, что такое герант, кроме того, что, если бы он у тебя был, ты была бы большой.

Сайда прошаркала поближе к Ноне. Будучи деревенской девочкой, она знала, что нельзя сидеть над колесной осью, если не хочешь, чтобы тебе выбило зубы.

— Не садись рядом с ней, — сказал Маркус. — Она проклята, говорю тебе.

— Её привели с кровью на ней, — сказала Чара. Остальные кивнули.

Маркус вынес окончательный и самый убийственный вердикт:

— Бесплатно.

Нона не могла спорить. Даже Гесса с ее иссохшей ногой обошла Гилджону в обрезанное пенни. Она пожалала плечами и подтянула колени к груди.

Сайда откинула волосы, громко фыркнула и обняла Нону толстой рукой, притягивая ее к себе. Встревоженная, Нона отпрянула назад, но сопротивляться силе старшей девочки было невозможно. Они обнялись и не отпускали друг друга, пока повозку трясло под ними. Сайда плакала, а когда девочка наконец отпустила ее, Нона обнаружила, что ее собственные глаза полны слез, хотя и не могла сказать почему. Возможно, та ее часть, которая должна была знать ответ, была сломана.

Нона знала, что должна что-то сказать, но не могла подобрать нужных слов. Может быть, она оставила их в деревне, на полу у матери. Вместо того, чтобы молчать, она решила сказать то, что сказала только один раз — то, что посадило ее в клетку:

— Ты — моя подруга.

Большая девочка шмыгнула носом, снова вытерла его, подняла глаза и расплылась в белой улыбке.

Гилдзон хорошо кормил их и отвечал на вопросы, по крайней мере, когда их задавали в первый раз. Это означало, что вопросы типа «мы уже там?» и «как далеко еще?» ответа заслуживали не больше, чем стук колес.

Клетка служила двум целям, обе из которых он однажды объяснил, повернув свое седое лицо обратно к детям и позволив мулу, Четыре-ноги, самому выбрать направление движения.

— Дети похожи на кошек, только менее полезные и менее пушистые. Клетка держит вас вместе, иначе мне бы вас вечно сгонять в кучу. Кроме того... — он поднял палец к бледной линии шрама, разделявшей его левую бровь, глазницу и скулу, — я человек вспыльчивый и долго раскаиваюсь. Разозлите меня, и я наброшусь с этим, или с этим. — Он протянул сначала трость, которой подбадривал Четыре-ноги, а потом мозолистую ладонь. — Затем я пожалею о грехах, совершенных против Предка и моего кошелька. — Он ухмыльнулся, показав желтые зубы и темные щели. — Клетка спасает вас от моей неводержанности. По крайней мере, до тех пор, пока вы не разозлите меня до такой степени, что мой гнев продлится всю дорогу до двери.

В клетке могло поместиться двенадцать детей. Больше, если бы они были маленькими. Гилдзон продолжал свой извилистый путь на запад по коридору, насвистывая в хорошую погоду, горбясь и ругаясь в плохую.

— Я остановлюсь, когда мой кошелек опустеет или повозка наполнится. — Он говорил это каждый раз, когда к ним присоединялось новое приобретение, и Нона мечтала, чтобы Гилджон нашел какого-нибудь золотого ребенка, чьи родители любили бы его и который стоил бы всех его денег. Тогда, наконец, они смогут добраться до города.

Иногда они видели его вдалеке, дым Истины. Еще ближе, и в дымке над городом можно было различить слабый намек на башни. Однажды они подъехали так близко, что Нона увидела багровый отблеск солнца на зубчатых стенах крепости, которую императоры построили вокруг Ковчега. Там, с подветренной стороны высокого плато, раскинулся весь город, окруженный толстыми стенами и укрытый от ветра. Но Гилджон повернул, и город снова превратился в далекое пятно дыма.

Нона прошептала свою надежду Сайде в холодный день, когда пурпурное солнце ярко горело над половиной неба, а ветер пробежал пальцами по деревянным прутьям, находя странные и гулкие ноты.

— Гилджон не хочет красивых, — фыркнула Сайда. — Он ищет породу.

Нона только моргнула.

— Породу. Ты знаешь. Любого, кто покажет кровь. — Она посмотрела на Нону, все еще сидевшую с широко раскрытыми от непонимания глазами. — Четыре племени?

Нона слышала о них, о четырех племенах людей, которые пришли в этот мир из тьмы и смешали свои линии, чтобы родить детей, способных противостоять суровости земель, на которые они претендовали:

— Мамочка водила меня в церковь Надежды. Там не любили говорить о Предке.

Сайда подняла руки вверх.

— Ну, было четыре племени. — Она пересчитала их по пальцам. — Герант. Если у тебя слишком много крови герант, ты становишься таким же большим, как они. — Она похлопала себя по широкой груди. — Хунска. Они встречаются реже. — Она коснулась волос Ноны. — Хунска-темный, хунска-быстрый. — Словно прочитала стишок. — Другие встречаются реже. Марджул... и... и...

— Квантал, — сказал Маркус из угла. Он фыркнул и надулся, как будто был старшим. — И марджал, а не марджул.

Сайда сердито посмотрела на него и, повернувшись, понизила голос до шепота:

— Они умеют колдовать.

Нона коснулась своих волос там, где лежала рука Сайды. Деревенские малыши считали, что черные волосы делают ее злой:

— Зачем Гилджону такие дети?

— Продавать. — Сайда пожала плечами. — Он знает знаки, которые нужно искать. Если он окажется прав, то сможет продать нас дороже, чем заплатил. Мама сказала, что я найду работу, если буду продолжать расти. Она сказала, что в городе кормят мясом и платят монетами. — Она вздохнула. — Я все равно не хотела идти.

Гилджон ехал по проселкам, которые никуда не вели, по дорогам, настолько изрытым колеями и заросшим травой, что часто требовалось, чтобы все дети толкали и Четыре-ноги напрягался изо всех сил, чтобы идти вперед. Тогда Гилджон позволял Маркусу вести мула — Маркус умел обращаться со зверем. Дети любили Четыре-ноги, хотя от него пахло хуже, чем от старого одеяла, и он обожал щипать их за ноги, но он без устали тащил их за собой, и в этом его единственным соперником был Гилджон. Некоторые из них боролись за то, чтобы принести ему в конце дня яблоки и сладкую траву. Но сам Четыре-ноги любил только

Гилджона, который хлестал его, и Маркуса, который гладил его между глаз и, делая это, говорил правильные глупости.

Дожди шли целыми днями, делая жизнь в клетке невыносимой, хотя Гилдзон и накинул сверху и с наветренной стороны шкуру. Хуже всего была грязь, холодная и кислая, которая так сильно облепила колеса, что их приходилось толкать. Нона ненавидела грязь: не имея такого роста, как Сайда, она часто оказывалась по колено в холодной и засасывающей грязи, и Гилдзон спасал ее, когда повозка с чавканьем опускалась на более твердую почву. Каждый раз он сжимал кулак сзади ее посконной рубашки и вытягивал ее из грязи вместе с ней самой.

Нона принялась соскребать эту липкую дрянь, как только он опускал ее на заднюю часть повозки.

— Что такое немного грязи для дочки фермера? — хотел знать Гилдзон.

Нона только хмурилась и продолжала скрести себя. Она ненавидела быть грязной, всегда ненавидела. Ее мать говорила, что она ест свою еду как высокородная леди, аккуратно держа каждый кусочек, чтобы не испачкаться.

— Она не дочка фермера, — вступилась за нее Сайда. — Мама Ноны плела корзины.

Гилдзон вернулся на место кучера:

— Она теперь никто, и вы тоже, пока я вас не продам. Только рты, которых надо кормить.

Дороги, которые вели в никуда, приводили их к людям, у которых ничего не было. Гилдзон никогда не просил продать ему ребенка. Он останавливался рядом с любой фермой, где росло больше сорняков и камней, чем урожая, в местах, где назвать урожай «неудачным» было бы слишком великодушно, подразумевая, что можно приложить какие-то усилия, чтобы добиться успеха. В таких местах фермер-арендатор мог приостановить свой плуг или отложить косу, чтобы подойти к повозке, стоявшей у его забора.

Человек, который везет в повозке клетку с детьми, не обязан объяснять, в чем дело. Крестьянину, чья плоть обвисла вокруг его костей, а глаза стали цвета голода, не нужно объясняться, если он подходит к такому человеку. Голод лежит в основе всех наших самых отвратительных сделок.

Иногда фермер совершал этот долгий, медленный переход через свое поле, от правого к неправому, и стоял, наклонившись в своем комбинеzone, жуя кукурузную трубку, глаза блестели в тени его лица. В таких случаях не проходило и нескольких минут, как рядом с ним выстраивалась по росту вереница грязных ребятишек, начиная с тех, кто прищуривал глаза, чтобы не заподозрить, зачем их вызвали, и кончая теми, кто все еще сжимал в одной руке палку, с которой они играли, и держась другой за тряпки на животе; они глядели широко раскрытыми и бесхитростными глазами.

Гилдзон быстро выбирал любого ребенка с возможными чертами герант. Когда они знали свой возраст, это было легче, но даже без чего-либо большего, чем грубое предположение о возрасте ребенка, он находил подсказки, помогавшие ему. Часто он смотрел им в затылок или брал за запястья и сгибал их назад, пока они не начинали морщиться. Этих детей он отводил в сторону. Во время второго прохода он изучал глаза, оттягивая уголки и вглядываясь в белки. Нона помнила эти руки. Она чувствовала себя грушей, которую сорвали с прилавка на рынке, сжали, понюхали и вернули на место. Деревня ничего не просила за нее, но все же Гилдзон выполнил свою проверку. Место в клетке и еду из его горшка надо было заслужить.

Чтобы отличить хунска похититель детей растирал волосы ребенка между большим и указательным пальцами, как бы проверяя их на грубость. Если у него все еще оставался интерес, проверялась быстрота: камень подбрасывался, так, чтобы упасть за растянутым полотнищем, а ребенок должен был пытаться его ловить, когда камень возвращался в поле зрения парой футов ниже. Почти ни один из детей, взятых в качестве хунска, не был по-настоящему быстрым: Гилджон сказал, что они вырастут и станут быстрее, или обучение поможет им проявить их скорость.

Нона решила, что они должны сделать десять остановок, прежде чем найдут кого-нибудь, готового обменять своих сыновей и дочерей на россыпь меди. Она решила, что, пройдя мимо выстроившихся в ряд детей, Гилджон на самом деле предлагал монеты реже, чем один раз из дюжины, и что когда он это делал, то обычно для очень большого ребенка. И даже из этих немногих едва ли кто-нибудь, сказал он, вырастет в полноценное наследие герантов.

После того, как Гилджон выбирал этих, а также всех темных и слишком быстрых детей, он всегда возвращался к линии для третьей и самой медленной проверки. Здесь, хотя он и наблюдал с ястребиной зоркостью, Гилджон держал руки при себе. Вместо этого он задавал вопросы.

— Тебе снился сон прошлой ночью? — мог спросить он.

— Скажи мне... какие цвета ты видишь, когда луна в фокусе?

И когда ему говорили, что луна всегда красная, или что нельзя смотреть на луну в фокусе, она ослепит тебя, он отвечал:

— Но если бы ты мог, если бы это было не так, то какого цвета она была бы?

— А что издает синий звук? — Он часто этим пользовался.

— А что такое боль на вкус?

— Ты видишь, как растут деревья?

— Какие тайны хранят камни?

И так далее, иногда возбуждаясь, иногда изображая скуку, зевая в ладонь. Все это была игра, в которой он редко выигрывал. И в конце он всегда делал одно и то же, пригибаясь, чтобы быть на их уровне.

— Следите за моим пальцем, — говорил он им. И двигал его по воздуху по нисходящей линии, так близко, что ноготь почти перерезал им нос. Линия колебалась, дергалась, пульсировала, билась, никогда не повторяясь дважды, но всегда казалась знакомой. Что он искал в их глазах, Нона не знала. Впрочем, он редко это находил.

Два места в клетке достались детям, отобраннным в этом финальном раунде, и каждое из них стоило больше, чем любое другое. Но никогда не слишком много. Если фермер просил золота, Гилджон уезжал.

— Друг мой, я занимаюсь этим столько же времени, сколько ты возделываешь эти грядки, и за все это время сколько проданных мною детей прошло под аркой Академии? — спрашивал он. — Четыре. Только четыре полн-кровки... и они все еще называют меня маг-искателем.

В долгие часы, отделявшие одну часть нигде от другой, дети, трясясь в клетке, смотрели, как мир пронесется мимо, по большей части унылая пустошь, пятнистые поля или мрачный лес, где винт-сосны и мороз-дубы сражались за солнце, оставляя мало места для дороги. В основном они молчали, потому что детская болтовня довольно быстро затихает, если ее не кормить, но Гесса оказалась чудом. При помощи обеих рук она выставляла перед

собой иссохшую ногу, потом прислонялась спиной к деревянной решетке и рассказывала историю за историей, закрыв глаза над скулами, такими большими, что они казались чужими не ее лице. На ее бледном, остром личике, обрамленном тугими завитками соломенных волос, шевелился только рот. Истории, которые она рассказывала, крали часы и тянули детей в путешествия намного далекие, чем мог когда-либо совершить Четыре-ноги. У нее были рассказы о Скифроуле на востоке и их бой-королеве Адоме, и о ее сделках с ужасом, обитающим под черным льдом. Она рассказывала о людях Дарна, которые плывут через море Марн к западному берегу империи на своих барках из боль-дерева. Об огромных волнах, поднимающихся при обрушении южных ледяных стен, и о том, как они проносятся по всей ширине коридора, чтобы омыть замерзшие отвесные склоны севера, которые, в свою очередь, обрушиваются и посылают собственные волны. Гесса говорила об императоре и его сестрах, об их ссорах, опустошивших многие знатные семьи, которых злая судьба поставила между ними. Она рассказывала о героях прошлого и настоящего, о генералах старых времен, которые удерживали пограничные земли, об адмирале Шеере, потерявшем тысячу кораблей, о ной-гуин, взбирающихся на стены замка, чтобы вонзить нож, о Красных Сестрах и их боевых нарядах, о Мягких Людях и их ядах...

Иногда на этих длинных дорогах Гесса заговаривала с Ноной, забившись в угол клетки и понизив голос, и Нона не могла понять, рассказывала ли она очередную историю или странную правду.

— Ты ведь тоже это видишь, Нона? — Гесса наклонялась так близко, что ее дыхание щекотало ухо Ноны. — Линию? Путь, который хочет, чтобы мы пошли по нему.

— Я не...

— Я не могу ходить в этом месте. Они забрали мой костыль, и мне приходится ползти или меня несут... но там... там я могу идти до тех пор, пока подо мною Путь. — Нона почувствовала улыбку. Гесса отстранилась и засмеялась — редкий случай для нее, очень редкий. Тогда она рассказала историю для всех, про Персус и Скрытый Путь, историю из самых древних дней, и даже Гилджон откинулся назад, чтобы послушать.

И вот однажды, чудо из чудес, двенадцатый ребенок втиснулся в клетку, и Гилджон объявил, что его повозка полна и дело сделано. Повернув на запад, он позволил Четыре-ноги нести его к Истине и вскоре нашел широкую, вымощенную камнем дорогу, по которой четыре копыта могли с удвоенной скоростью проехать все мили.

Они приехали в темноте и под дождем. Нона не увидела в городе ничего, кроме множества огней: сначала созвездие, парящее над черной угрозой огромных стен, а потом, сквозь зев ворот, череду островков, где свет фонарей сливался в светящиеся бассейны, открывая дверной проем здесь, ряд колонн здесь; фигуры, скрытые под плащами, появлялись из слепой ночи, чтобы быть увиденными и снова потерянными.

Улицы, широкие и узкие, прорезанные, как ущелья, через вытянутые шеи домов Истины, со временем привели повозку к высокой деревянной двери. Надпись, сделанная железными буквами над дверью, объявляла имя, но, поняв, что это буквы, Нона подошла к границам своего образования.

— Калтесс, мальчики и девочки. — Гилджон откинул капюшон. — Пора познакомиться с Партнисом Ривом.

Гилджон остановился во дворе, который ждал за высокими стенами, и приказал им выйти. Сайда и Нона спустились вниз, окоченевшие и измученные. Перед ними был многооконный зал, в три раза превышавший высоту любого здания, которое Нона видела до

тех пор, пока не добралась до города. Двор был почти пуст, освещенный пламенем, горевшим в стоявшей в середине жаровне. По углам валялось брошенное странное снаряжение, в том числе куски обтянутого кожей дерева размером и формой напоминавшие людей, установленные на круглодонных подставках. Несколько молодых людей сидели на скамьях под фонарями, все они полировали куски кожи, кроме одного, который чинил сеть, словно был рыбаком.

Партнис Рив продержал детей во дворе больше часа, прежде чем вышел из своего зала. Достаточно долго, чтобы рассвет проник во двор и застал Нону врасплох, объяснив ей, что в пути прошла целая ночь.

Сайда ерзала и куталась в шаль. Нона смотрела, как солнце окрасило багрянцем черную черепичную крышу зала. За стенами просыпался город, скрипя и постанывая, как старик, вставший с постели, хотя он почти не спал.

Партнис спустился по ступенькам, всегда делая следующий шаг одной и той же ногой. Мужчина с тяжелыми чертами лица, высокий и упитанный, с серо-стальными волосами и темными глазами, не обещающими доброты, закутанный от холода в толстый бархатный халат.

— Партнис! — Гилдзон широко развел руки, и Партнис Рив повторил его жест, хотя ни один из мужчин не шагнул вперед, чтобы заключить другого в обещанные объятия. — Селия в порядке? А маленькая Мерра?

— Селия... Селия. — Партнис с кривой усмешкой опустил руки. — А Мерра живет в Дарринс-Тауне, замужем за сыном торговца тканями.

— Как мы стали такими старыми? — Гилдзон тоже опустил руки. — Вчера мы были молоды.

— Вчера было так давно. — Партнис переключил свое внимание на товар. — Слишком маленькая. — Он прошел мимо Ноны без дальнейших комментариев. — Слишком робкая. — Он прошел мимо Сайды. — Слишком толстый. Слишком юный. Слишком больной. Ленивый. Слишком неуклюжий. Слишком много хлопот. — В конце очереди он обернулся и посмотрел на Гилджона. Они были одного роста, хотя Партнис выглядел мягким там, где Гилдзон выглядел твердым. — Я дам тебе две кроны за всех.

— Я потратил две кроны только на то, чтобы накормить их! — Гилдзон сплюнул на песчаный пол.

Торг занял еще час, и оба мужчины, казалось, наслаждались им. Гилдзон перечислил причины, по которым дети могли бы стать ценными бойцами в состязаниях Партниса, указывая на черты герант или хунска.

— Этой девчужке восемь лет! — Гилдзон положил руку на плечо Сайды, заставив ее вздрогнуть. — Восемь лет от роду! Высокая, как дерево. Она — герант-прайм. Или даже полн-кровка!

— Даже полн-кровки получают трудовую ценность только в том случае, если в них есть бойцовский дух. — Партнис бессловесно пролаял прямо в лицо Сайде. Она отшатнулась с криком ужаса, подняв обе руки к глазам. — Бесполезная.

— Ей всего *восемь*, Партнис!

— Так сказал ее отец. На мой взгляд, ей лет пятнадцать.

Гилдзон схватил Сайду за руку и потащил вперед.

— Пощупай ее запястья! — Он подтолкнул ее голову вперед и провел пальцем по позвонкам на затылке. — Смотри сюда! — Он выпрямил ее, потянув за волосы. — Отцы

луг, а кости — нет. За эту поездку я не видел геранта, который побил бы ее. Может быть полн-кровкой.

Партнис взял Сайду за запястье и сжимал, пока она не захныкала.

— Прикосновение, уверяю тебя.

— Прикосновение? Она не чертово прикосновение.

— Пол-кровка, если повезет.

Так и продолжалось. Партнис допускал, что некоторые из детей могут быть прикосновениями или даже пол-кровками, Гилджон настаивал, что все они праймы или даже полн-кровки.

Он утверждал, что Нона и мальчик по имени Турам имели явные признаки родословной хунска. Он ударил Турама, затем попытался снова, и мальчик перехватил его руку прежде, чем удар достиг цели. Когда он попробовал это на Ноне, она позволила ему шлепнуть себя, его твердая рука ударила ее сбоку по голове, оставив ухо гудящим, а щеку — возмущенной горячей болью. Он сделал это снова, нахмурившись, и она нахмурилась в ответ, не делая никаких усилий, чтобы избежать удара, который сбил ее с ног и заменил серое небо яркими и сверкающими огнями.

— ...идiotка.

Нона обнаружила, что стоит на ногах, ее плечо в железной хватке Гилджона, рот наполнился кровью. Она вспомнила силу пощечины и как стучали ее зубы.

— Ты же видел, как быстро она повернулась ко мне.

Это было правдой — губы Ноны стали вчетверо больше, и белые копыа боли пронзали ее нос. Она повернулась к удару в последнее мгновение.

— Должно быть, я пропустил эту часть, — сказал Партнис.

Нона сглотнула кровь. Она позволила боли пронзить себя — цена, которую она заплатила за то, что взяла деньги из кармана Гилджона. Некоторые дети, проданные своими собственными отцами, почти видели в похитителе ребенка замену. Суровый, конечно, но он кормил их, оберегал. Нона думала иначе. Ее отец умер на льду, и те воспоминания, которые она хранила о нем, согревали ее в холоде, были сладкими на вкус, когда мир становился кислым. Он бы знал, как обращаться с таким человеком, как Гилджон.

У герантов не было выбора, их размеры доказывали свою правоту, не нуждаясь в демонстрации. Хотя Нона подумала, что на месте Сайды могла бы согласиться с Партнисом, когда он обвинил ее в пятнадцатилетии.

Партнис взял их в обмен на десять крон и две.

— Будьте хорошими. — Гилджон, отец для них всех в течение трех долгих месяцев, не нашел для них других слов, без церемоний садясь позади Четыре-ноги.

— До свидания. — Сайда была единственной, кто заговорил.

Гилджон взглянул в ее сторону, палка наполовину поднята для удара.

— До свидания, — сказал он.

— Она имела в виду мула. — Турам не повернул головы, но говорил достаточно громко, чтобы слова долетели до Гилджона.

На лице Гилджона появилась ухмылка, и, покачав головой, он щелкнул Четыре-ноги по заду, приглашая его пройти через ворота, которые человек Партниса снова открыл.

Нона смотрела, как отъезжает повозка, а Гесса, Маркус, Виллум и Чара глядят на нее сквозь прутья решетки. Она будет скучать по Гессе и ее рассказам. Она гадала, кому Гилджон продаст ее и как девочка, неспособная ходить, сможет найти свой путь в этом

мире. Возможно, она тоже будет скучать по Маркусу. Мили стерли его острые края, колеса крутились и крутились... каким-то образом превращая его в кого-то, кто ей нравился. В следующее мгновение все они исчезли.

— Теперь вы мои, — сказал Партнис. Он позвал молодого человека, чинившего сеть, худощавого, но мускулистого под шерстяным жилетом, с темными волосами и бледной кожей, но не такой темной и бледной, как у Ноны. — Это Джеймс. Он отведет вас к Майе, которая будет вашей матерью. Она из тех, кто дает пощечины. — Партнис одарил их тяжелой улыбкой. — Я не думаю, что замечу кого-нибудь из вас, пока вы не дорастете до такой высоты. — Он прижал руку к груди. — И если я это сделаю, то, вероятно, это будет плохая новость для вас. Делайте, что вам говорят, и все будет хорошо. Теперь вы принадлежите Калтессу. Куплены и оплачены.

Майя оказалась больше чем на фут выше Партниса, руки толстые, как мужские бедра, лицо красное и покрытое пятнами, как будто постоянная ярость держала ее в своих челюстях. Чтобы компенсировать ее цвет лица, Предок дал ей густые светлые волосы, которые она заплетала в тяжелые канаты. Она стояла на чердачной лестнице после того, как проводила новоприбывших наверх, и только ее голова и плечи виднелись во мраке.

— Здесь никаких фонарей. Никогда. Никаких свечей. Никаких ламп. Нарушите это правило — и я разрушу вас. — Она щелкнула тяжелыми костяшками пальцев. — Когда вы не работаете, вы здесь, наверху. Еда на кухне. Вы услышите колокол, когда придет время. Пропустите его, и вы не будете есть.

Нона и остальные сидели на корточках рядом с люком, наблюдая за гигантской женщиной. Затхлый воздух напомнил Ноне о хлебном складе Джеймса Бейкера в деревне. Вокруг них шуршали тени. Кошки, скорее всего, крысы и пауки наверняка, но и другие дети, наблюдающие за новичками.

Майя повысила голос:

— Не приставайте к новому мясу. Для этого достаточно времени внизу. — Она уставилась на пятно темноты, которое казалось не темнее любого другого. — Денам и Регол. Если я увижу любые синяки и шишки на новых покупках Партниса, я стукну вас головами так сильно, что вы поменяетесь мозгами. Слышите меня? — Пауза. — Слышите меня? — Достаточно громко, чтобы задрожала крыша.

— Я тебя слышу. — Рык.

— Услышал. — Смешок вдали.

Остальные появились, как только Майя ушла. Двое длинноногих мальчишек спрыгнули со стропил в самую гущу новоприбывших. Нона не видела, чтобы они там прятались. Другие выскакивали из тени, или не торопясь выходили, или крались, каждый по своей природе. Никто из них не был так мал и молод, как Нона, но большинство было немногим старше. С той стороны, куда смотрела Майя, появился огромный мальчик, хмурый под густой копной рыжих волос, мускулы вздувались и перекатывались под бесформенной холщевой рубашкой. Несколько мгновений спустя к нему присоединился парень, почти такой же высокий, но худой, как ива, с черными волосами, ниспадающими на глаза, и кривой улыбкой в уголках рта.

Собралась толпа, гораздо больше, чем ожидала Нона. Съежившись и насторожившись, они ожидали развлечения.

Рыжеволосый гигант открыл рот, чтобы пригрозить им:

— Вы...

— Ой, тише, Денам. — Темноволосый мальчик встал перед ним. — Вы — новички. Я — Регол. Это Денам, будущий подмастерье, и самый крутой, самый свирепый воин, которого когда-либо видел чердак Калтесса. Посмотри на него неправильно, и он сожрет тебя, а потом выплюнет кусочки. — Регол оглянулся на Денама. — В этом-то и суть, не так ли? — Он снова перевел взгляд на новичков. — Теперь, когда мы убрали хвастовство в сторону и избавили Майю от необходимости шлепать Денама, вы можете найти себе место для ночлега. — Он небрежно махнул рукой в темноту. — Не наступайте никому на пятки.

Регол повернулся, словно собираясь уйти, но остановился.

— Скорее рано, чем поздно, кто-нибудь попытается убедить вас, что причина, по которой многие из нас здесь такие же обездоленные, как и вы, заключается в том, что Партнис ест детей, или существует какое-то испытание, настолько смертельное, что почти никто не выживает, или иногда Майя забывает посмотреть, прежде чем сесть. Правда в том, что вас купили рано и задешево. Большинство из вас разочарует хозяина. Вы не вырастаете в то, что может пригодиться Партнису. И он вас продаст. — Регол поднял руку, когда Денам начал говорить. — И не в соляную шахту, и не в качестве начинки для пирога — просто в любое место, где есть нужда, которую вы можете удовлетворить. — Он опустил руку. — Есть вопросы?

Треск наполнил немедленно наступившую тишину, и Ноне потребовалось мгновение, чтобы понять, что это были костяшки пальцев Денама, который сжал кулаки. Великан нахмурился еще сильнее:

— Я действительно ненавижу тебя, Регол.

— Это не вопрос. Кто-нибудь еще?

Тишина.

Регол вернулся в темноту, переступая со стропила на стропило с бессознательной грацией кошки.

Жизнь в Калтессе оказалась намного лучше, чем в открытой клетке, грохочущей по закоулкам империи. По правде говоря, жить здесь было лучше, чем в деревне Ноны. Здесь она, возможно, была самая маленькая, но не самая странная. Изоляция деревни породила поколения, настолько похожие по внешнему виду, что можно было выбрать любую горстку наугад, чтобы создать убедительную семью. Одна только Нона не подходила под эту модель. Коза в овечьем стаде. Кошелек Партниса снабдил его детьми всех размеров и форм, всех цветов и оттенков, и даже в полумраке чердака они не казались одинаковыми.

Помимо четырех дюжин детей, которых Партнис держал прямо под своей крышей, в Калтессе жили семь бойцов — в их собственных комнатах вокруг большого зала — и дюжина подмастерьев в казарме в задней части комплекса.

Нона нашла место между мешками с зерном, которые были больше ее самой. Сайде было труднее найти место, куда можно было бы втиснуться, и ее постоянно отталкивали более старшие обитатели чердака, даже те, кого она считала малышами. Но в конце концов она устроилась на досках поближе к куче мешков Ноны, ближе к стене, где крыша была наклонена так низко, что ей приходилось сворачиваться калачиком.

В ту первую ночь зал распахнул свои двери, и мир хлынул в него, чтобы увидеть как из людей течет кровь. Денам и Регол наблюдали за происходящим с самых верхних ступеней лестницы, находившейся в дальнем углу большого зала, за прилавками, где подмастерья продавали толпе эль и вино. Самые старшие из оставшихся детей столпились вокруг люка. Все остальные должны были найти какую-нибудь щель между стропилами, через которую

можно было бы увидеть происходящее внизу.

Место, где сидела Нона, позволяло ей видеть только второй ринг. Она удивилась, что его называют кольцом^[2], когда на самом деле веревки, натянутые между четырьмя столбами, окружали квадрат, возможно, восемь ярдов с каждой стороны, и этот ринг был приподнятой платформой, так что ноги бойца находились на уровне лба среднего человека. Она могла видеть макушки многих голов, сотни макушек, прижатых друг к другу. Гомон их голосов заполнил чердак. По мере того как толпа росла, нарастал и шум, и каждому из них приходилось кричать, чтобы быть услышанным соседом.

Сайда лежала рядом, глядя в щель одним глазом. Стоявший рядом с ней мальчик постарше, Мартен, глядел через отверстие в доске, которое принадлежало ему.

— Сегодня все желающие, — сказал Мартен, не поднимая глаз. — Рейтинговые бои в седьмой день, все желающие — во второй, выставочные бои — в четвертый. Поединки на мечах — последний день месяца.

— Мой отец говорил, что в городе мужчины дерутся в ямах, — робко сказала Сайда, ожидая, что ей скажут, что она ошибается.

— В портах Марна некоторые так и делают, — сказал Мартен. — Партнис говорит, что это глупость. Если у тебя есть добровольные бойцы и толпа, которая платит, надо ставить бои на платформу, а не в яму, где их может видеть только первый ряд.

Нона лежала, наблюдая за толпой внизу, в то время как в дальнем конце зала шли невидимые бои. Ее взгляду были видны только макушки голов, но она оценивала реакцию по пульсу и потоку толпы. Их рев временами звучал как вой одного огромного зверя, настолько громкий, что резонировал в ее груди, пульсируя в ее собственном голосе, когда она кричала им свой вызов.

Наконец какая-то фигура взобралась на ринг под ними. Нона чувствовала, как вокруг нее пробираются другие дети, в поисках зрелища. Кто-то попытался поднять ее с места, но она поймала руки, которые схватили ее, и впилась в них ногтями. Неизвестный кто-то с воем уронил ее, и она снова приложила глаз к щели.

— Раймел! — Голоса вокруг нее казались эхом криков толпы.

На ринге появился крепко сложенный мужчина с густыми светлыми волосами, голый, если не считать белой ткани, обвязанной вокруг паха; его кожа блестела от масла, мышцы живота резко и рельефно выделялись, показывая каждую полосу, отделенную от другой. Нона видела, как он бродил по коридору днем, и знала, что он огромен, даже выше Майи, и двигается без ее неуклюжих промахов. Раймел крался, и каждое движение выдавало уверенность убийцы. Этот мужчина был герант-прайм. В полумраке чердака Нона узнала код, который использовали Партнис и Гилдзон, когда продавали ее. Диапазон простирался от прикосновения — через пол-кровку и прайма — до полн-кровки. Прикосновение можно было считать четвертью крови, а прайм — тремя четвертями. Герант-праймы часто становились лучшими бойцами; полн-кровки, хотя еще более редкие и крупные, были слишком медлительны — хотя, возможно, так просто говорили в Калтессе, когда им некого было показать.

— Сейчас ты кое-что увидишь! — Взволнованный девичий голос слева от Ноны.

Мартен объяснил, что любой, кто надеется выиграть бойцовский кошелек или даже присоединиться к Калтессу, может явиться в ночь всех желающих и за крону сразиться с конюшней Партниса.

— Раймел убьет их, — с благоговением произнесла Сайда.

— Не убьет, — даже перекрикивая рев, Мартен ухитрился говорить презрительно. — Ему платят за победу. Он устроит представление. Убийство не идет на пользу бизнесу.

— Кроме тех случаев, когда идет. — Еще один голос, совсем рядом.

— Раймел делает, что хочет. — Девочка слева от Ноны. — Он может кого-нибудь убить. — Судя по голосу, ей этого почти хотелось.

На ринг вышел претендент: лысый мужчина, толстый и сильный, волосы на его спине были такими густыми и черными, что скрывали его кожу. Руки у него были как куски мяса — наверное, кузнец, привыкший каждый день махать молотом. Нона не могла видеть его лицо.

— Разве Партнис не говорит Раймелу...

— Никто ничего не говорит Раймелу. — оборвала Сайду девочка. — Он — единственный высокородный, вышедший на ринг за последние пятьдесят лет. Так сказал Регол. Ты не указываешь высокородным, что им делать. Деньги для него — ничто.

Нона слышала такой же тон — тон благоговения — в церкви Надежды, где ее мать и Мэри Стримс призывали нового бога и пели гимны, которым их учил проповедник Микэл.

Прозвенел колокол, и Раймела закрыли вместе с кузнецом.

Нона видела кусочек ринга, от угла одного бойца до угла другого, но, когда они отходили в сторону, она их теряла. Раймел двигался с неторопливой точностью, останавливая продвижение кузнеца ударами в голову, отступая назад, чтобы дать ему опомниться и заманивая его вперед для следующего удара. Это не было похоже на состязание, если не считать того, что кузнец соревновался, сколько раз он сможет остановить кулак гиганта своим лицом.

Лай толпы нарастал с каждым ударом, с каждым стукотом крови и слюны. К тому времени, когда Раймел перестал бить кузнеца и тот упал, его противник еще не нанес ни одного удара.

— Зачем кому-то это делать? — спросила Сайда, поднимаясь от глазка и содрогаясь. — Зачем им с ним драться?

— В этом боевом кошельке куча денег, — сказал Мартен. — Он становится толще каждый раз, когда кто-то пытается и терпит неудачу.

Нона не сводила глаз с Раймела, который расхаживал взад-вперед по рингу. Она ничего не сказала, но знала, что дело не только в деньгах. Каждая твердая линия на лице бойца была вызовом, написанным на нем. Рев масс раздувал огонь, но развел его именно Раймела. *Подойди и испытай меня.*

Еще двое попытались до конца ночи, но у бойца на другом ринге, Гретхи, было больше желающих. Возможно, она была скорее актрисой, позволяя своим противникам бить, подавляя их техникой, а не жестокостью. Раймел относился к своим врагам с презрением, бросая их на доски окровавленными и униженными.

Работа, которую Майя требовала от них, не была ни долгой, ни трудной, и была разделена между детьми, которых было больше необходимого. В большом зале Нона полировала, подметала и скребла полы. На кухне она чистила, носила, мыла, резала и топила. В уборной она убирала нечистоты: вычерпывала, вытирала и рыгала. Обслуживание боевой экипировки, спарринг-рингов, тренировочного оружия и тому подобного — все это ложилось на плечи подмастерий. Бойцы сами заботились о своем собственном оружии, как и любой, кто доверял свою жизнь острому лезвию или прочной кольчуге.

Иногда кто-нибудь за пределами Калтесса нанимал группы старших детей, чтобы

собирать фрукты или рыть каналы, но в основном, как сказал Регол, их главной задачей было расти и показывать обещание, ради которого их приобрели. Майя призналась, что ни один из них не будет продан по меньшей мере год, а то и два или три:

— Иногда обещание не проявляется должным образом, пока у девушки не начинает идти кровь. В тринадцать лет я не была и вполовину моего нынешнего роста. Не имеет смысла обучать вас, пока Партнис не узнает, кем вы станете. Обучение стоит денег, которые, по большей части, пропадут. Никто никогда не сможет стать ринг-бойцом, если в нем не будет видна старая кровь. И даже когда Партнис уверен, что у тебя есть дар для этого, он любит ждать — говорит, что лучше тренироваться тогда, когда ты в основном вырос в свой размер и скорость, так что тебе не нужно все время приспосабливаться.

Дважды в день Майя заставляла весь чердак на час выходить во двор. Сначала они убирали гири бойцов обратно в сундуки в кладовке, а потом бесконечно бегали кругами, невзирая на дождь и ветер. Нона с нетерпением ждала этих ежедневных побегов от замкнутой скуки чердака и рутины домашних дел. Она работала с Сайдой и Турамом, последними приобретениями Гилджона — они поднимали гантели поменьше, брошенные во дворе, и возвращали их в комнату для тренировочных снарядов. По правде говоря, они с Турамом скорее мешали, чем помогали Сайде. Когда они поднимались по ступенькам, мимо них прошел Денам, держа в каждой руке по одной тяжелой гантеле, и только пот, прилипший к рыжему пламени его волос, давал им понять, что он скрывает свои усилия.

Они остановились, чтобы пропустить его, а потом Сайда повела их дальше:

— Тащим!

Нона ничего не имела против, хотя помощи от нее было мало и у нее болели руки со спиной, а пот щипал глаза. Ей нравилось чувствовать себя частью чего-то. Сайда была ее подругой, и, хотя ей не нужна была помощь Ноны с гирями, она ценила это.

В их дружбе Нона нашла то, что отсутствовало в вере деревни, в Надежде матери, в нравственных наставлениях Наны Эвен или в семейных узах, которые она видела разорванными. То, что она считала святым и достойным жертвоприношения. Ноне было трудно заводить друзей — она не понимала, как это работает, но иногда такое случалось. У нее был только один друг, ненадолго, и она потеряла его; она не собиралась терять другого.

— Расскажи мне, как ты оказалась в Хэрритоне, дитя. Прямо под петлей. — Голос настоятельницы Стекло прервал воспоминания Ноны, и она обнаружила, что идет по каменной дороге, разделяющей широкие, продуваемые всеми ветрами поля, на которых паслись лошади и овцы. Слева и справа виднелись редкие усадьбы, впереди — низкие остроконечные крыши вилл, а за ними — крутой склон плато.

— Что? — Нона потрясла головой. Она почти не помнила, как покинула город. Оглянувшись, она увидела, что тот в миле или больше позади, а по бокам настоятельницы идут две монахини.

— Ты собиралась рассказать мне, что случилось с Раймелом Таксисом, — сказала настоятельница.

Нона снова посмотрела на монахинь; обе выше настоятельницы Стекло, одна — очень худая, другая — с более округлыми формами, их рясы порхали вокруг них. Она смутно помнила, как они присоединились к настоятельнице у каких-то маленьких ворот в городской стене. Одной из них было, пожалуй, столько же лет, сколько настоятельнице, ее лицо было морщинистым и обветренным, глаза — холодными, губы — тонкими. Другая,

помоложе, зеленоглазая, ответила на рассеянный взгляд Ноны широкой улыбкой, заставившей ее отвести взгляд.

Нона устремила взгляд на горизонт. Монастырь больше не был виден, он отошел от края обрыва.

— Сайде велели вымыть полы в комнатах Раймела. Я слышала, как она визжит. — Люди так не кричат. В деревне, когда Серый Джарри резал свиней... это звучало именно так. И когда один из мальчиков, столпившихся у люка, сказал «комнаты Раймела», какая-то холодная рука схватила Нону за грудь и потянула вперед.

— Я спустилась по лестнице. Быстро. — Это было медленнее, чем падение, но не намного. Она выбежала в фойе. Сайда оставила ведро и швабру, чтобы держать дверь открытой, большую дубовую плиту с медными петлями.

— На полу валялись осколки горшка. И он причинял ей боль. — Сайда выбила что-то из ниши — она всегда была неуклюжей. Раймел сжал ее руку в кулаке, проглотив ее от запястья до локтя, и поднял Сайду с земли. Он просто стоял, поворачивая руку из стороны в сторону, пока Сайда боролась и извивалась, пытаясь уменьшить ужасное напряжение в локте и плече, все время крича.

— Я велела ему опустить ее, но он меня не услышал. — Нона подбежала, чтобы поддержать подругу, но Сайда весила в два раза больше, чем она сама. Тут Раймел заметил ее и, смеясь, тряхнул Сайду так, что Нона отлетела в сторону. Что-то хрустнуло в руке Сайды, когда он сделал это — достаточно громко, чтобы заглушить ее крики.

— Вот я и остановила его. Перерезала ему горло.

Более молодая монахиня фыркнула у нее за спиной:

— Говорят, он девяти футов ростом.

— Я забралась наверх. — Раймел был ростом не девять футов, а больше восьми. Он опустился на одно колено, все еще удерживая Сайду за сломанную руку, дразня Нону уродливой ухмылкой на своем красивом лице.

Нона бросилась вперед. В глазах Раймела мелькнуло удивление, но он не успел пошевелиться. Она запрыгнула ему на колено, чтобы набрать необходимую высоту, а затем полоснула его рукой по горлу.

— Как ты его порезала? — Старшая монахиня, сзади.

— Я... — Нона представила себе Раймела с золотистыми волосами, вьющимися над нахмуренным лбом, улыбку, переходящую во что-то другое, кровь, покрывающую багрянцем глубокие разрезы на шее. — Я вытащила кинжал из ножен на его бедре, когда карабкалась на него.

— Это, — сказала младшая монахиня, — звучит крайне маловероятно.

Настоятельница Стекло ответила прежде, чем Нона успела резко возразить:

— Тем не менее, если вы присмотритесь повнимательнее, Сестра Яблоко, то увидите, что туника девочки была когда — то белой, а не коричневой. Если верить стражникам в Хэрритоне, этот коричневый цвет представляет собой смесь засохшей крови и тюремной грязи. Более того, она и ее подруга должны были быть повешены за убийство Раймела Таксиса.

— Тогда почему он не умер? — спросила Нона. Она хотела, чтобы Раймел умер.

— Потому что его отец очень богат, Нона. — Настоятельница увела их с дороги на более узкую тропу, ведущую к высоким стенам обрыва. — Не просто немного богат, но настолько богат, что может каждый день покупать новый особняк и спать в нем каждую

ночь, пока возраст не потребует его.

— Деньги не имеют значения, когда ты истекаешь кровью. — Нона нахмурилась. Богатые или бедные, внутри люди выглядят одинаково.

— Туран Таксис достаточно богат, чтобы владеть людьми из Академии. — Настоятельница подхватила свою рясу, чтобы легче подниматься по склону. — Я уже скучаю по своему посоху. Старая дама без палки, на которую можно опереться, — это действительно печально.

Нона ничего не ответила, не понимая слов настоятельницы.

— Люди из Академии... волшебники, Нона! Маги. Ведьмы и колдуны. Дети с кровью марджал. Воспитанные и обученные за счет императора, привязанные к Ковчегу и к его службе, но свободные зарабатывать себе на жизнь вне дворца до тех пор, пока императору не потребуются их навыки.

— Они могут воскресить человека из мертвых? — Внезапно она подумала об отце, не в силах вспомнить о нем ничего, кроме густых черных волос и сильных, надежных рук.

— Нет, но они могут остановить превращение живого в мертвого. Там есть граница, место, которое мы пересекаем, чтобы присоединиться к Предку. Некоторые из нас могут посетить эту границу и держать там человека, пока его тело исцеляется от ран, которые в противном случае положили бы ему конец.

— Значит, богатые люди никогда не умирают? — удивилась Нона. — Они откупаются от смерти золотыми монетами?

Настоятельница покачала головой.

— Ни один колдун не может долго оставаться у границы. — По мере того как дорога становилась все круче, ее дыхание становилось все тяжелее. — У Турана есть дюжина колдунов, работающих посменно, чтобы удержать его сына от перехода. И многие вещи, которые убивают нас, тело не может починить, сколько бы времени ему ни дали. Хотя порезанная плоть и потерянная кровь... здоровое тело может починить одно и заменить другое. Настоящий риск заключается в другом: когда они возвращают людей в их тело, есть... существа... которые попытаются последовать за ними и найти дом в их сознании. Чем дольше человек удерживается на границе, тем труднее сдержать таких... пассажиров.

Нона подумала о Раймеле Таксисе, лежащем в залах своего отца, окруженном людьми из Академии, потеющими, чтобы уберечь его от смерти. Сайда была мертва — Нона видела ее ноги, торчащие из-под простыни на тюремном дворе, бинты на них все еще были запятнаны кровью Раймела. Она не испытывала к нему жалости.

— Я надеюсь, что он вернется полный дьяволов и они съедят его сердце.

— Вы могли бы отправить девочку туда, настоятельница.

Они стояли в том месте, где тропа начинала свой крутой подъем вверх по развороченным скалам на плато, прорезая себе путь вперед и назад дюжиной крутых поворотов. Более старшая монахиня повернулась к Ноне и указала через лес и поля на западе:

— Морлтаун в пяти милях отсюда. Девочка могла бы стать там полезной, найти работу в поле.

Сестра Яблоко стояла плечом к плечу с Сестрой Сало:

— Первосвященник узнает об этом за один удар сердца. Таксису даже не придется спрашивать.

— Выбирайте сами, настоятельница, с кем сражаться и на какой почве, — сказала Сестра Сало. — Джейкобу очень бы хотелось снова сунуть ноги под монастырский стол. Это будет идеальным оправданием.

— И вы только что украли ее из тюрьмы... — Яблоко нахмурилась, оглядываясь на далекий город.

— Госпожа Меч говорит мне не драться. — Улыбнувшись, настоятельница повернулась, чтобы начать подъем. — А Яблоко говорит, чтобы я не воровала... — Нона последовала за ней. — Вы — монахини. Проявите немного веры.

Последний край солнца припал к горизонту, когда Настоятельница Стекло направилась к необычному лесу каменных колонн, чьи тени протянулись к приближающимся путникам через сотни ярдов камня. Нона последовала за ней, сопровождаемая двумя монахинями, ни одна из которых не запыхалась от долгого подъема, заставившего настоятельница тяжело дышать. Та, что постарше, Сестра Сало, выглядела так, словно могла карабкаться целый день. Младшая, сестра Яблоко, хоть из приличия слегка порозовела. Нона, закаленная бесконечными кругами в Калтессе, чувствовала, что у нее подкашиваются ноги и мокрая от пота рубашка прилипает к спине, но не жаловалась.

Плато — на самом деле огромная каменная глыба с крутыми откосами — сужалось к перешейку, который вел к широкому выступу. Колонны стояли поперек горловины, от утеса к утесу, дюжины в глубину, десятки в ширину. Настоятельница Стекло шла впереди, находя путь, казалось, наугад. Колонны вокруг них, выше деревьев, тянулись к темнеющему небу. В этом месте царил странная тишина, ветер не находил ничего, что могло бы спеть его мелодию, только шевелил пыль и песок среди башен из резного камня. Ноне это понравилось.

Колонны окаймляли монастырь Сладкого Милосердия с одной стороны, а с другой возвышались два утеса, края которых резко сближались. Главный купол чернел на фоне багрового неба, по обе стороны виднелись еще дюжины хозяйственных построек. Нона последовала за монахинями к сводчатому входу, тяжесть дня лежала на ее плечах, усталость окутала ее своей тупой хваткой, заставляя гнев и печаль отдаляться, превращая их в вещи, которые можно было бы оставить ночи грез.

— Ты там живешь? — Когда они подошли ближе, Нона начала понимать, насколько велик купол. Весь Калтесс поместился бы внутри несколько раз, поставленный сам на себя.

— Это Собор Предка, Нона. Там живет Предок, и больше никто.

— Предок такой большой? — спросила Нона. За ее спиной Сестра Яблоко еле сдержала смех.

— Предок занимает любое место, построенное в его честь. В Истине Предок присутствует в десяти тысячах домашних святилищ, в некоторые из которых даже тебе будет трудно втиснуться, а другие — больше, чем большинство домов. Здесь, на плато, церковь смогла дать Предку более величественный дом — дар императора Персия, третьего этого имени.

Нона молча последовала за ней, плотно сжав губы при мысли о том, что Предок похоже, очень жаден, занимая так много места, в то время как дети в Калтессе втискивались в любой уголок или щель, которая могла их вместить.

— Это мой дом. — Настоятельница Стекло махнула рукой в сторону массивного каменного здания, вырисовывающегося из сгущающейся тени. — По крайней мере, пока я здесь настоятельница. А еще это дом Малкина. — На ступеньках, свернувшись калачиком, лежал большой серый кот. Настоятельница повернулась к Ноне и двум сестрам. — Сестра Яблоко найдет тебе место для ночлега, а утром тебя представят классу, после чего...

— Классу? — Нона моргнула. В деревне Нана Эвен проводила занятия каждый седьмой день, обучая старших детей числам и тому подобному. Нона пыталась подслушивать, но большие ее прогнали, как будто их дурацкие числа были секретом, слишком важным для ее ушей.

— Ты здесь, чтобы поступить в монастырь, Нона. — Тень скрывала лицо настоятельницы, но, возможно, там была улыбка. — Если хочешь. А это означает жить здесь и учиться всему тому, что нужно знать сестре. Занятия проводятся каждый день, кроме седьмого. — Она повернулась и пошла прочь.

— Пойдем, Нона. — Сестра Яблоко протянула руку. Нона смотрела на нее, не уверенная, хочет ли женщина чего-то от нее. Через мгновение Яблоко снова прижала руку к боку и двинулась дальше, огибая купол. Сестра Сало последовала за ней, ее одеяние развевалось вокруг ее ног.

Темнота поглотила плато позади них, там бродил ветер. Нона оглянулась на тропинку, по которой ее привели монахини, — теперь колонны были невидимы. Жар подъема покинул ее, и ветер Коридора пробежал острыми пальцами по ее рубашке из Калтесса, забирая все оставшееся тепло. Он нес в себе оттенок соли — возможно, море, хотя оно лежало так далеко. Нона вздрогнула, обхватила себя руками и последовала за монахинями.

Позади купола виднелось длинное низкое здание, похожее на хвост съездившейся сони. Сестра Яблоко остановилась у крепкой двери под козырьком черепичной крыши. На крюке висел фонарь, дававший монахине достаточно света, чтобы она могла подобрать железный ключ, который она вынула из рясы, к замочной скважине в дверном замке.

Сестра Яблоко сняла фонарь с крючка и поправила капюшон:

— Это кельи монахинь. — Она продолжала говорить тихо.

— Клетки! — Нона сделала шаг назад.

— Не тюремные. — Сестра Яблоко улыбнулась, потом нахмурилась. — Ну, по правде говоря, очень похоже, но они чистые и на дверях нет замков. — Она шагнула в дверной проем. — Сегодня ты будешь спать здесь. Если ты будешь учиться усердно и хорошо, то лет через десять сможешь вернуться сюда еще на одну ночь.

Дверь вела в длинный коридор. Луч фонаря Сестры Яблоко осветил проход, который тянулся до черной двери, ведущей в купол. Слева и справа, повторяясь через каждые

несколько ярдов, две круглые двери охраняли монашеские кельи. Сестра Яблоко шла, мягко ступая. Сестра Сало молча повернулась, когда они миновали третью пару и вошла в темноту левой кельи. Черная дверь в конце коридора привлекла внимание Ноны. Что-то в ней.

Пройдя восемнадцать дверей, примерно половину длины коридора, Сестра Яблоко остановилась и толкнула дверь справа. Она наклонилась, взяла свечу из ящика на стене и зажгла ее от фонаря.

— Ты будешь спать здесь. На тюфяке — постельное белье и одеяло. Я зайду за тобой утром. — Она протянула свечу Ноне. — Только не разжигай никакой огонь.

Нона смотрела, как Сестра Яблоко возвращается к главному входу, и с ее уходом свет стал меркнуть. Наконец монахиня вошла в одну из келий рядом с Сестрой Сало, оставив Нону в ее собственном маленьком мерцающем озере света. Тишина, которая отступила вместе с тенями, теперь вернулась, более глубокая и густая, чем когда-либо знала Нона. Она стояла, удерживаемая ее полнотой. Никакого звука. Ни стопа ветра. Ни скрипа бревен, ни шелеста листьев. Ни шороха крыс, ни отдаленных жалоб сов. Ничего.

Дверь в конце коридора привлекла ее внимание, хотя темнота скрывала ее. Воспоминание об этой двери, черной и отполированной, прижалось словно палец между глаз. Ноги хотели унести ее туда, а руки — прижаться к гладкому дереву и ощутить вблизи огромную и дремлющую... полноту... которая лежала за ним.

Где-то в нескольких кельях позади женщина кашлянула во сне, нарушая тишину и странность происходящего. Освободившись от паралича и принуждения, Нона подняла руку, чтобы заслонить пламя свечи, и вошла в узкую комнату, к которой привела ее Сестра Яблоко.

Даже в ее камере в Хэрритоне было окно, возможно, высокое и зарешеченное, но предлагавшее осужденным небо. В новой камере Ноны была щель, достаточно широкая, чтобы просунуть руку, и закрытая сосновой доской. Она сделала круг. Спальный тюфяк, подушка, стул, письменный стол. Горшок, чтобы помочиться. Последнее и самое странное — кусок металла, идущий вдоль внешней стены на уровне земли. Он выходил из камеры слева и исчезал за стеной справа. Круглый, как ветка, и слишком толстый, чтобы обхватить его рукой.

Нона фыркнула. Пыль и спертый воздух неиспользуемой комнаты. Она подошла к тюфяку. Жар, поднимающийся от металлической палки, обжигал ей щеки. Вся камера хранила его тепло. Нона отодвинула тюфяк от раскаленного металла, не доверяя ему. Она поставила свечу, натянула на себя одеяло и положила голову на подушку. Бросив последний взгляд на комнату, она задула пламя. Она смотрела в темноту, ее разум был слишком взбудоражен, чтобы спать; она была уверена, что пролежит без сна всю ночь.

Мгновение спустя звон железного колокола заставил Нону открыть глаза. Дверь распахнулась, ударившись о стену. Нона приподнялась с тюфяка и, моргая, посмотрела в сторону входа, где темнота превратилась в мрачный полумрак. У нее вырвался стон, каждая конечность затекла и болела, хотя она помнила только, как напрягала ноги во время подъема.

— Вставай! Вставай! Здесь нет никаких лежек! Вставай! — Маленькая, угловатая женщина с голосом, который звучал так, словно его насильно проталкивали через узкую щель. Она вошла в камеру и, перегнувшись через Нону, откинула ставень. — Впусти свет! Никакого укрытия для греха!

Сквозь пальцы, поднятые для защиты от дневного света, Нона обнаружила, что смотрит

в безъяморное^[3] лицо, плотно сжатое вокруг выступающих скул, с широко раскрытыми глазами, бледными и обвиняющими. Голова женщины, которая в полумраке казалась особенно пугающей, была украшена приподнятым белым головным убором, похожим на воронку и совершенно не похожим на то, что носили другие монахини накануне вечером.

— Вставай, девочка! Вставай!

— А, я вижу, ты уже познакомилась с Сестрой Колесо. — Сестра Яблоко вошла в открытую дверь, держа в руках длинную рясу из белого льна, снаружи отделанную серым войлоком.

— Она спала после утреннего колокола! — Старуха подняла руки, явно не зная, ударить ли Нону или лучше изобразить чудовищность ее преступления.

— Она новенькая, Колесо, еще даже не послушница. — Сестра Яблоко улыбнулась и многозначительно посмотрела на дверь.

— Босоногая язычница — вот кто она!

Сестра Яблоко, все еще улыбаясь, протянула пальцы к выходу:

— С вашей стороны было похвально заметить, что в келье кто-то есть.

Старшая монахиня нахмурилась и провела рукой по лбу, убирая выбившуюся прядь бесцветных волос обратно в головной убор.

— Я замечаю все, что происходит в этих кельях, сестра. — Она прищурила свои водянистые глаза на Сестру Яблоко, затем резко фыркнула и вышла обратно в коридор. — Ребенок воняет, — бросила она через плечо. — Его нужно помыть.

— Я принесла тебе кое-что. — Сестра Яблоко подняла рясу. — Но я и забыла, какая ты грязная. Сестра Колесо права... — Она сложила руки на животе. — Идем со мной.

Нона вышла из комнаты вслед за Сестрой Яблоко, огибая монахинь, выходящих из своих келий или тихо переговаривавшихся в коридоре. Пара из них подняла брови при ее приближении, но никто не обратился к ней. В какой-то момент угловатая монахиня остановила Сестру Яблоко, положив руку ей на плечо. Она возвышалась над остальными, ее рост, казалось, увеличился и вытянул обычную женщину далеко за пределы сложения, оставив опасно худой.

— Госпожа Меч докладывает о вооруженных людях за колоннами. Эмиссар прибыл еще до рассвета.

— Спасибо, Кремень, — кивнула Сестра Яблоко.

Сестра Кремень наклонила голову, ее лицо было таким темным, что в полумраке Нона могла видеть только черные глаза, сверкающие, когда они изучали ее. Монахиня убрала руку с плеча женщины поменьше и отпустила ее.

Сестра Яблоко вывела их в хрупкий утренний свет. При дневном свете Нона разглядела, что монастырь состоит из такого количества зданий, что в Серости его можно было бы назвать деревней. Она подозревала, что здесь больше каменных зданий, чем во Флейстауне, хотя видела этот город лишь мельком из клетки Гилджона в тот день, когда он увез ее из дома.

— Сестра Кремень сказала, что появились мужчины. Они здесь из-за меня? — спросила Нона. Она спросила себя, как ей помогут два десятка монахинь, если Туран Таксис действительно послал за ней своих воинов? Она должна была затеряться в городе, когда у нее была возможность.

— Возможно. — Сестра Яблоко оглянулась на огромный Собор Предка и нахмурилась. — Но, возможно, и нет. В любом случае, будет лучше, если ты

присоединишься к нашему ордену раньше, чем позже — и ты не можешь сделать это грязной, не так ли? — Она пошла быстрым шагом.

— Скрипторий, трапезная, пекарня, кухни. — Сестра Яблоко выкрикивала имена, когда они проходили мимо разных зданий. Немногие из них что-то значили для Ноны, но пекарню она знала, и аромат свежего хлеба, когда они проходили мимо двери, наполнил ее рот слюной. — Необходимость. — Монахиня указала на небольшое строение с плоской крышей, прилепившееся к краю утеса в сотне ярдов от нее.

— Необходимость? — спросила Нона.

— Ты пойдешь туда, когда тебе это будет необходимо. — Сестра Яблоко покачала головой и улыбнулась. — По запаху ты поймешь, что это то самое место.

Они миновали длинный ряд зданий с множеством маленьких квадратных окон, все они были закрыты ставнями с наветренной стороны.

— Склады и дормитории.

Нона обнаружила, что за ней наблюдают — дюжина пар глаз в разных окнах. Некоторые девочки что-то кричали, возможно, друг другу. Она ловила обрывки, уносимые ветром.

— ...избранная... никогда!

— ... это не может быть она...

— ...крестьянка...

— ...она не...

— *Избранная?*

Голоса следовали за ними, слова терялись в отдалении, но тон все еще висел в воздухе. Нона знала его достаточно хорошо — резкий и недобрый.

— Баня. — Сестра Яблоко указала на приземистое здание, построенное из ничем не украшенного черного камня, из ряда узких окон которого валил пар, но ветер тут же уносил его прочь. Ветер Коридора прочесывал плато, и, пересекая щель между дормиториями и баней, Нона оказалась под его зубами. Она всю жизнь училась не обращать на это внимания — всего лишь еще один жесткий край тяжелой жизни, — но одна теплая ночь оставила ее мягкой и дрожащей.

Они добрались до стена бани — укрытие от ветра. Монахиня отперла тяжелую дверь и выпустила Нону. Горячий влажный воздух сразу же окутал ее, пар сократил видимое ей до нескольких ярдов. Вдоль фойе стояли деревянные скамьи, а высокая арка выходила на то, что могло быть прямоугольным бассейном, поверхность которого была видна лишь мельком.

Под скамейками в изобилии тянулись непонятные металлические штуки.

— Одна из них была в моей комнате! — Нона показала пальцем.

— Трубы, дитя мое. Они полые — по ним течет минеральное масло. Очень горячее. — Сестра Яблоко кивнула на арку. — Давай уберем с тебя тюремную грязь.

Нона неуверенно направилась к бассейну, гадая, насколько он глубок и горяч. Ручьи вокруг деревни никогда не доходили до колена и быстро крали ощущение от всего, что находилось ниже этой точки.

— Ты не пойдешь туда в рясе. — В голосе Сестры Яблоко послышалась смесь удивления и раздражения.

Нона повернулась и вызывающе посмотрела на монахиню, ее губы были сжаты в хмурую гримасу. Сестра Яблоко стояла, скрестив руки на груди. Одна безмолвная секунда следовала за другой, и наконец Нона начала стягивать с себя детский комбинезон Калтесса,

окостеневший от засохшей крови Раймела Такиса. Она делала это медленно и неуклюже: в деревне даже самые маленькие из малышей редко бегали голышом — лед стоял слишком близко. Только вокруг жатвенных костров или во время слишком короткого поцелуя фокуса луны Ноне было так тепло, как в монастырской бане.

— Поторопись. Я сомневаюсь, что ты прячешь там что-то необычное, — сказала Сестра Яблоко, снимая свой головной убор, так как жара добралась и до нее. У нее были длинные волосы, рыжие и вьющиеся на влажном воздухе.

Нона вылезла из комбинезона, обхватив себя руками, и от скромности у нее остался только пар. Она бросилась к бассейну.

— Подожди! — Сестра Яблоко подняла руку. — Ты не можешь войти грязной. От тебя вода станет черной. — Она сняла кожаное ведро с одного из многочисленных колышков, торчавших из стен над скамьями. — Встань вон там. — Она указала на нишу между скамьями слева.

Нона сделала, как было велено, все ее тело сжалось. В нише могло поместиться два или три человека. Стоять на полу, выложенном плиткой и продырявленном отверстиями, шириной в палец, казалось странным.

— Что... — взрыв горячей воды украл остальную часть вопроса. Нона вытерла глаза как раз вовремя, чтобы увидеть туманные очертания монахини у бассейна, которая снова наполнила ведро.

— На полу лежит щетка. Используй ее. — Еще одна волна горячей воды ударила Ноне в грудь.

Нона потянулась за щеткой, вся мокрая. Она никогда не чувствовала ничего более прекрасного, чем ведро горячей воды. Свежий хлеб и масло не подходили даже близко. И даже яйца и бекон, который она чуяла, готовя в Калтессе. Если скрести себя щетинистой щеткой — цена, которую надо заплатить, чтобы попасть в целый бассейн горячей воды, она будет скрести.

Спустя два ведра Сестра Яблоко объявила ее достаточно чистой для бассейна. Нона подбежала к краю и опустилась в воду, ища пальцами ног дно.

— Насколько он глубок? — Поднимающийся пар ослепил ее, жар был восхитителен.

— Этот конец неглубокий. Тебе... по плечи?

Вода достигла ее шеи прежде, чем ноги Ноны нашли гладкий пол, и она отпустила мертвую хватку за край бассейна. Она стояла, раскинув руки в стороны, уверенная, что никогда прежде ей не было по-настоящему тепло.

Время пропустило удар сердца. Оно пропустило несчетное количество ударов. Нона повисла в слепящей жаре бассейна. Резкий хлопок вернул ее внимание к окружающему миру.

— Вылезай. Ты чист... ну, чище. — Сестра Яблоко стояла у кромки воды. Уступая жаре, она повесила на колышек верхнюю накидку своего одеяния. Она снова хлопнула в ладоши. — Наружу! Нам обоим есть чем заняться. — Она указала на угол бассейна. — Там есть ступеньки.

Нона подошла к ступенькам, слишком обмякая, чтобы попытаться перелезть через край. Наверху она увидела монахиню, протягивающую ей большой прямоугольник плотной ткани. На нем не было ни отверстий для рук, ни завязок:

— Как же я...

Сестра Яблоко фыркнула.

— Это полотенце. — Она сунула вещь в руки Ноне. — Вытри им себя насухо.

Нона завернулась в полотенце, которое показалось ей толстым и роскошным. Если бы у него были отверстия для рук, она бы его надела.

— И волосы тоже высуши.

Когда Нона закончила расчесывать волосы, она с тревогой увидела, что у Сестры Яблоко появилась вторая голова, на этот раз молодая и озорная, с короткими черными волосами, подбородок покоился на плече сестры, щека рядом с ее щекой.

— А это кто? — спросила новая голова.

— Нона, — ответила Сестра Яблоко.

— Кто она такая?

— Ринг-боец из Калтесса.

Новая голова нахмурилась. Две тонкие руки скользнули в поле зрения, держа плечи Сестры Яблоко.

— Для этого она выглядит довольно маленькой и тощей. Кто-то должен ее откормить. Она больше похожа на деревенскую девчонку. — Вторая монахиня ускользнула от Сестры Яблоко. — Ты что, фермерская девочка, Нона?

Нона прижала к себе полотенце и обнаружила, что слишком сильно кусает губы, чтобы объяснить, что ее мать плетет корзины. Она покачала головой.

— Я не очень люблю фермерских девушек, — фыркнула новая монахиня, и жало из ее улыбки исчезло.

— Это Сестра Чайник, — объяснила Сестра Яблоко, отталкивая другую женщину. — И, — она повысила голос, когда Сестра Чайник исчезла в клубах пара, — она любит деревенских девочек. — Она вернулась к скамейкам. — Подойди. Оденься.

Нона последовала за ней и потянулась за рясой. Сестра Яблоко с неодобрением откинула ее руку.

— Сначала нижнее белье. — Она протянула непонятный кусок белого полотна. Нона взяла его, нахмурившись. Сестра Яблоко посмотрела на нее и покачала головой. — Фермерские девочки...

Потребовалось несколько минут и значительное количество советов, прежде чем Нона, наконец, вышла из бани в полном облачении послушницы монастыря Сладкого Милосердия. Ветер неприятно охлаждал лицо, но остальное тело казалась удивительно хорошо защищенным. Она стояла в рясе с двумя рукавами, завязанном посередине шерстяным поясом, под которым шуршали две нижние юбки, и ее ноги чувствовали себя очень странно в кожаных башмаках, туго затянутых шнурками. Она была одета почти как Сестра Яблоко — не хватало только головного убора; монахиня вновь одела рясу, которую сбросила внутри.

— Послушницы будут завтракать в трапезной. — Сестра Яблоко резко повернула голову и помахала кому-то через широкий двор. — Сулери!

Фигура остановилась, повернулась и поспешила к ним — высокая девочка с длинными темными волосами:

— Да, сестра?

— Это Нона, она будет учиться в Красном Классе. Отведи ее к их обеденному столу. — Внезапно Сестра Яблоко показалась более суровой, кем-то таким, с кем надо считаться.

— Да, сестра! — Старшая девочка, лет пятнадцати, посмотрела на Нону сверху вниз. — Пошли. — И она быстро зашагала прочь, заставляя Нону бежать, чтобы не отстать.

Они пересекли двор и свернули за угол в проход, по одну сторону которого находилась

пекарня, а по другую — кухня. Сулери остановилась и повернулась к Ноне, преграждая ей путь.

— Ты не она! — Она казалась одновременно разъяренной и неубежденной. — Избранная не будет тощей маленькой хунской.

Когда голод был твоим спутником всю жизнь, запах пищи — это физическая вещь, нападение, соблазн, глубоко засевавший крючок, который тебя обязательно поймают. Нона забыла о гневе Сулери. Чудеса монастыря вылетели у нее из головы. Поток тепла, проходящий через высокие дубовые двери, быстрый, пронзительный гул множества голосов, переходящий почти в рев... все это не имело значения. Ее поймали аромат свежего хлеба, пленительный запах шипящего бекона и благоухание яичницы-болтуни, посыпанной черным перцем.

— Туда! — В голосе Сулери слышалось раздражение, которое стало сильнее из-за того, что пришлось повторяться.

Она провела Нону через толпу старших послушниц, оживленно болтающих у входа. Голова Ноны едва достигала пояса многих из них.

По всей ширине зала тянулись четыре длинных стола, каждый из которых был окружен стульями с высокими спинками, а в центре стояли большие чаши. Дюжина или больше девушек сидели вокруг каждого стола, за исключением ближайшего, где только пара послушниц заняла свое место, и обе выглядели для Ноны взрослыми женщинами.

— Это она? — Голос сзади.

Разговоры стихли, и, оглянувшись, Нона увидела, что послушницы смотрят на нее.

— Красный Класс сзади, Серый Класс рядом, Мистический... — Сулери хлопнула ладонью по столу прямо перед ними. — И Святой! — Взмахнув рукой, она послала Нону прочь. — Иди!

Нона, держа руки по бокам и сжав кулаки, пошла по залу под пристальным взглядом девочек, стоящих у дверей. Несмотря на толпу, она никогда еще не чувствовала себя такой одинокой. Она прикусила нижнюю губу так сильно, что почувствовала вкус крови. Опустив подбородок, она сжала губы в тонкую, вызывающую линию.

Разговоры за каждым столом обрывались, когда она проходила мимо; к тому времени, как она добралась до четвертого, девочки уже поворачивали свои стулья, чтобы посмотреть.

Нона остановилась у последнего столика. Девочки там были разного возраста, хотя ни одна из них не выглядела такой маленькой и юной, как она. Голод, сжимавший ее желудок в железном кулаке, улетучился под взглядами полусотни послушниц. Она поискала глазами стул, но все они были заняты.

— Это не она. — Голос Сулери прорезал комнату. — Это та грязная крестьянка, которую мы видели раньше. Посмотрите на нее! — Проигнорировав собственную команду, послушница обратила все свое внимание на тарелку перед ней, доверху наполненную беконом и хлебом.

Предательский желудок Ноны выбрал этот момент, чтобы заурчать громче, чем она считала возможным. Последовавший смех заставил ее щеки вспыхнуть, и она стояла, разъяренная, уставившись в пол, желая, чтобы он треснул и загорелся. Вместо этого треснул смех, который мгновенно затих.

В двери вошли высокие люди в мехах красного медведя и доспехах из бронзовой чешуи, послушницы разбежались с их пути. Воины держались властно, как будто они могли запросто растоптать любого, кто слишком медленно уходил с их пути. Каждый носил шлем, украшенный кольчугой и забралом, имитировавшим суровое лицо без намека на милосердие.

Люди Таксиса! Пришли со своей собственной веревкой, чтобы исправить ошибку в Хэрритоне, или, возможно, чтобы совершить более жестокое правосудие самостоятельно. Нона схватила нож с тарелки ближайшей девочки и, держа его перед собой на уровне глаз, попятилась к служебной двери в задней стене.

Мужчины не обратили на нее внимания. Они отступили в стороны, освобождая главный вход, и подняли забрала, чтобы показать лица, в которых было не больше сочувствия, чем было выгравировано на металле. Настоятельница вошла в открытую дверь позади них, одной рукой сжимая свой посох, золотой набалдашник которого поднимался над ее головой, а другая покоилась на плече белокурой девочки, возможно, на год старше Ноны.

— Послушницы, это Арабелла Йотсис. Она присоединится к нашему ордену.

— Как и было предсказано! — Сестра Колесо шагнула из-за спины настоятельница в одну сторону, Сестра Сало — в другую. — Как и было предсказано! — Она быстро огляделась, ее взгляд бросал вызов любому, кто не согласится.

Настоятельница Стекло нахмурилась:

— Мы можем быть уверены, что она Арабелла и что она Йотсис. Все остальное открыто для истолкования. — Она ударила пятой посоха об пол, резкий ответ оборвал бормотание послушниц. — Мы также можем быть уверены, что Арабелла будет усердно учиться и с ней будут обращаться так же, как с любой другой послушницей.

Сестра Колесо, казалось, хотела что-то сказать, но, увидев взгляд настоятельница, резко закрыла рот.

— Кроме того, мы можем быть уверены, что Послушница Нона понимает: тыкать ножом в гостей — невежливо, — добавила настоятельница, склонив голову в сторону Ноны.

Нона виновато положила нож обратно на стол, и вокруг нее поднялся смех.

— Джентльмены. — Настоятельница Стекло посмотрела налево, потом направо. — Ваш долг исполнен. Арабелла теперь на попечении монастыря, и забота о ней находится в моих руках.

Четверо мужчин склонили головы и, повернувшись, вышли из здания, не сказав ни слова ни настоятельница, ни девочке, которую доставили.

Сама Арабелла, казалось, не заметила их ухода. Она показалась Ноне существом иного рода, отделенным от скучных и грязных людей, которые сновали по миру. Ее волосы, казалось, светились золотом в свете, проникавшем через все еще открытые двери. Ее дорожная одежда представляла собой чудо из полированной замши и отороченной мехом кожи, а на плечах красовалась великолепная темно-красная накидка, подпоясанная золотой цепочкой. Там, где другие могли бы быть описаны их коллекцией недостатков, единственной отличительной чертой Арабеллы Йотсис, казалось, было то, что она была без порока. Возможно, Предок выглядел именно так, но люди — нет.

— Твой стол в самом конце, Арабелла. Я уверена, что Красный Класс примет тебя в свои ряды. И Нону. — Настоятельница кивнула в направлении дальнего конца комнаты и убрала руку с плеча девочки.

— Самое лучшее поведение! — добавила Сестра Сало, окинув комнату тяжелым взглядом. С этими словами Настоятельница Стекло вывела монахинь из трапезной.

Арабелла Йотсис оглядела своих новых одноклассников с безмятежной уверенностью и шагнула вперед, как будто не только прожила здесь всю свою жизнь, но и владела этим местом и платила жалованье всем, кто ее окружал. Когда она приблизилась к столу, к ней поспешила девочка постарше с третьего стола с запасным стулом.

Девочка, чей нож схватила Нона, встала, как только за уходящими монахинями закрылись двери. Высокая, стройная и бледная, с черными спутанными кудрями, она казалась менее впечатленной золотой новенькой, чем остальные послушницы:

— Ты увидишь, Арабелла, что Предок не требует особого отношения к королевским особам. Малолетним или нет. Титул твоего отца может позволить ему сокрушить честных людей в Истине, но здесь бои идут один на один, и важно умение, а не ранг.

Арабелла едва удостоила девочку взглядом.

— Твой отец сам посадил себя в тюрьму, Клера Гомал. Из него получился плохой купец. — Она села, как принцесса, на предложенный стул. — И еще более худший вор. — Ее акцент был новым для Ноны, богатым и точным, слова отрывистыми, ударение на странных слогах.

Клера сжала руки в кулаки:

— Будь осторожна в своих словах...

— О, пожалуйста. Ты приходишь из семьи хапуг, которые потеряли свои деньги... что делает их просто... хапугами. Пусть так все и остается. Насколько я понимаю, у нас у всех будет много возможностей ударить друг друга, позже. Так что успокойся и дай мне поесть. — Арабелла взяла булочку с хрустящей корочкой и разломилась на тарелке.

— Спасибо, что все так ясно объяснила, — усмехнулась Клера. — Как ужасно, что тебе приходится терпеть общество людей, у которых нет драгоценностей, всящих столько же, сколько они. Как ты можешь стоять среди нас? — Она потянулась и взяла Нону за руку. — Полагаю, Нону ты ненавидишь больше всего. Представьте себе, крестьянская девочка обедает за одним столом с дочерью Йотсиса!

Арабелла намазала маслом половинки булочки:

— Меня нисколько не интересуешь ни ты, ни твоя тощая крестьянка-хунска, Гомал. А теперь садитесь, вы оба выглядите нелепо.

Клера отпустила руку Ноны и шагнула к Арабелле:

— Я...

— Клера! — Голос Сулери донесся до нее из дальнего конца комнаты. — Садись. И замолчи. Прибереги пыл для занятий Сестры Сало, или тебе придется целый месяц работать в прачечной.

Клера села, сжав губы в злую линию. Удар сердца спустя она усмехнулась, откинулась на спинку стула и придвинула к себе стул, который только что освободила послушница, вышедшая из-за соседнего столика:

— Нона. Садись. Ты выглядишь голодной.

В своей повозке Гилджон кормил Нону гораздо лучше, чем когда-либо удавалось ее матери. В Калтессе еда была еще вкуснее, и кости Ноны начали исчезать из виду, как у городского ребенка. Трапезная монастыря Сладкого Милосердия заставила бы блюда Калтесса покраснеть от стыда. Впервые на своей памяти Нона ела мясо целыми кусками — причем не кусочки, а толстые ломти еще горячего бекона. Она завернула их в хрустящий хлеб и самозабвенно жевала, разбрасывая крошки повсюду, в то время как Клера непринужденно болтала рядом с ней.

Дочь торговца больше не упоминала об Арабелле и даже не глядела в ее сторону. Вместо этого она весело щебетала о том, чего можно ожидать от этого дня, не требуя от Ноны ничего взамен, кроме редкого ворчания или «да» в короткие промежутки, когда ее рот не был полон.

— Генна самая младшая в классе, ей еще девять лет. Нам с Рули по одиннадцать. Мы, вероятно, скоро перейдем в Серый — это Второй Класс. Первый Класс — Красный. Сестры Дуб — наша руководительница, но мы редко ее видим. — Клера остановилась, чтобы посмотреть, как Нона ест. — Ты действительно *была* голодна!

— Мгмммм.

— Сегодня наш первый урок — это Академия с Сестрой Правило; она преподает все: от чисел и чтения до истории и геометрии. Сейчас мы занимаемся географией.

Набитый рот спас Нону от необходимости признаваться, что она не знает, что такое геометрия или география.

— После обеда у нас Меч — мы занимаемся безоружными, но позже мы будем учить ножи и боевые звездочки, а еще позже — настоящий меч, а также тактику и стратегию. В Красном Классе все учатся всему. Позже Святые Сестры проводят больше занятий по Академии и Духу. Боевые Сестры в основном учат Меч. Сестры Осторожности сосредоточиваются на Тени. Мистические Сестры тратят свое время на изучение Пути. Все называют Боевых Сестер Красными Сестрами, а Мистических — Святыми Ведьмами, но пусть ни одна монахиня не услышит, как ты называешь их ведьмами!

Нона продолжала есть, позволяя путанице имен захлестнуть себя. Со временем она впитает все. Она доела бекон, с трудом справилась с яичницей, но миска с хлебом победила ее — она осталась на столе с тремя хрустящими булочками, все еще лежащими на дне. Нона никогда не переставала есть, пока еда оставалась перед ней: делать это казалось отчаянно неправильным.

— Пошли! — Клера положила руку ей на плечо. — Мы уже опаздываем.

Подняв глаза, Нона увидела, что они сидят за столом последними. Она оглянулась и увидела, что в зале остались только три послушницы.

Клера поспешила к главным дверям:

— Ну же!

Нона последовала за ней, сложив руки на ноющем животе, таком полном, что было больно идти, не говоря уже о беге. Клера повела их назад, мимо здания dormitorio, через четырехугольный двор: по одну сторону здания монастыря, посередине — прямоугольный бассейн с фонтаном в центре. Над хребтом, образующим западную оконечность, виднелись крылья ветряной мельницы, проходящие через вершину своего цикла. Клера поспешила

вывести Нону через коридор, проходящий через северную грядку.

— Это Академия. — Она указала вперед, на богато украшенную башню, расположенную рядом с утесами на северной стороне плато. Вместе они наполовину шли, наполовину бежали к арке у ее основания. Быстрый подъем по каменным ступеням винтовой лестницы привел их к дубовой двери, ступени убегали дальше вверх. Клера остановилась в дверях и протиснулась в комнату за ними.

— Здесь никого нет. — Нона почувствовала себя глупо в тот момент, когда слова покинули ее — крестьянская девочка, констатирующая очевидное. Класс лежал в тени. Большой пожилой кот, свернувшись серым калачиком, наблюдал за ними из дальнего угла: Малкин, зверь настоятельности. Четыре ряда пустых парт были обращены к полированному столу перед доской, исчерканной мелом. Путаница карт и схем украшала стену позади него, так много, что они могли бы показать весь мир.

— Проклятие! — Клера подбежала к одному из окон и распахнула ставни. Алмазы из стекла, собранные вместе в сплошной лист, гарантировали, что внутрь проникал только свет, в то время как холод оставался снаружи. Она прижалась лицом к стеклу, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. — Она их куда-то увела — их не видно...

Нона подошла к столу. На нем лежали всевозможные очаровательные предметы: не менее трех книг в кожаных переплетах и большой гроссбух рядом с пером и чернильницей. Но больше всего привлекли ее внимание собачий череп, прозрачный кристалл почти в фут длиной и слишком широкий, чтобы обхватить его рукой, и сверкающий белый шар на медной подставке. Этот последний настолько заинтриговал ее, что она, непонятно как, оказалась рядом с ним, упершись коленями в стол.

— Что это? — Нона приложила палец к покрытому эмалью белому шару, обнаружив, что он шершавый, крошечные гребни ловили свет. Он был немного больше ее головы и совершенно круглый. Подставка поддерживала его так, чтобы он мог вращаться сверху и сбоку. И вокруг его середины, как пояс, тянулась очень тонкая цветная нить, не толще куса бечевки.

— Не трогай! У Госпожи Академии будет припадок! — Клера локтем оттолкнула Нону с дороги и тут же проигнорировала собственные указания, заставив вещь вращаться на своих шарнирах. — Это весь мир, глупышка.

— Весь мир? — В этом не было никакого смысла.

— Абет. — Клера тяжело выдохнула, как будто глупость Ноны ударила ее в живот. — Это его модель.

Нона моргнула. Ее миром были деревня, леса, поля и вдалеке северный лед, образующий одну из стен Коридора. Она никогда не думала, что у него может быть форма, а если бы и была, то не догадалась бы, что это шар, белый или какой-то другой.

— Это глобус. — Клера протянула руку, чтобы остановить его вращение. — Мы живем... здесь. — Она положила палец на линию посередине.

— Здесь? — Нона наклонилась, чтобы лучше рассмотреть ее.

— Хочешь увидеть что-то особенное? — Клера усмехнулась. Не дожидаясь ответа, она положила одну руку на верхнюю часть шара, другую — на нижнюю и с небольшим усилием повернула их в противоположных направлениях. Плавно и бесшумно нижняя часть белой поверхности начала отступать. Нона увидела, что это была не одна деталь, как она себе представляла, а множество лопастей, сложенных друг под другом, как перья складного крыла. В результате тонкая, как шнур, полоска цвета, опоясывающая шар, расширилась сначала до ширины пальца, потом все шире и шире, пока вся рука Ноны не смогла прикрыть ее. Узор из покрытых эмалью драгоценных камней — синих, зеленых и коричневых — заорожил ее взгляд.

— Что...

— Таким был мир пятьдесят тысяч лет назад, задолго до появления племен. — Клера медленно повернула половинки назад, и лед двинулся вперед. — Все люди, которые жили на всех этих землях, были оттеснены назад. — Она вернула ледяные щиты в исходное положение. — Вытолкнуты в этот крошечный коридор, когда солнце стало старым и слабым.

— Как они могли там поместиться? — Нона представила, как они бегут перед льдом.

Клера пожала плечами:

— Госпожа Меч говорит, что людям нужно место. Вы можете давить их только до тех пор, пока не польется кровь, а когда все закончится... там снова будет достаточно места.

— Приятно видеть, что некоторые из твоих уроков остаются в памяти, Послушница Клера.

Обе девочки обернулись и увидели, что дверной проем позади них почти полностью заполнила Сестра Правило, монастырская Госпожа Академия, женщина значительного роста и еще более значительного обхвата, вся закутанная в темно-серую монашескую рясу. Сестра Правило протолкалась в класс, остальные члены Красного Класа последовали за ней, расходясь к отведенным им партам. Вокруг Арабеллы уже теснились три девочки, и они заняли места рядом друг с другом, все они ухмылялись, прикрыв лица руками.

— Объяснитесь, послушницы. — Монахиня смотрела на них темными глазами-бусинками.

— Мы были... — Клера искала объяснения... и не смогла найти ничего лучшего, чем правда, на которой она остановилась со вздохом поражения. — Нона была *очень* голодной!

При этих словах раздался взрыв смеха, резко оборвавшийся, когда указка Сестры Правило треснула по поверхности стола. Она подошла к столу, нависнув над обеими девочками:

— Ну, похоже, Ноне действительно нужно немного подкормиться. Не опаздывай больше на мой урок, Нона. Сегодня ты пропустила быстрое наблюдение слоистой структуры этого плато там, где его обнажает провал Стеклянная Вода. В следующий раз ты можешь пропустить гораздо больше, включая ужин.

Клера проскользнула к своей парте у двери. Нона осталась стоять у стола. Она

посмотрела на лицо Сестры Правило, которое было одновременно мясистым и суровым, затем снова перевела взгляд на шар.

— Ты можешь сесть за любую из двух парт у задней стены, Нона. — Госпожа Академия положила свою указку на стол и вздохнула. — Я очень надеюсь, что ты не будешь слишком задерживать нас, дитя. Иногда настоятельница слишком широко раскидывает свои сети...

Нона опустила глаза и сделала шаг в ту сторону, куда махнула монахиня. Смесь гнева и вызова закипела в ее глазах, но сильнее всего, сильнее этого было желание узнать. Кроме того, она была слишком сыта, чтобы злиться по-настоящему:

— Я... не знаю, что такое география.

Указка Сестры Правило заглушила смех еще до того, как он начался.

— Хорошо. Ты достаточно умна, чтобы задавать вопросы. Умнее, чем многие из тех, что прошли через эти двери. — Она села за стол, поправила свою рясу и подняла глаза. — География похожа на историю. История — это история человечества с тех пор, как мы впервые начали ее записывать. История и понимание этой истории. География — это история мира под нашими ногами. Горы и лед, реки и океаны, суша — все это записано в самих скалах, записано для тех, у кого хватит ума это прочесть. Возьмем, к примеру, каменную плиту, на которой покоится наш монастырь. История этого плато записана в слоях известняка, которые можно увидеть в провале в двухстах ярдах к западу от этой башни. — Она послала Нону к ее парте, легонько ткнув в нее палкой. — Наша история широка, а мы узки, так что, возможно, ее уроки больше не подходят для нас. Говорят, что надо разрезать ткань по мерке. Но история земли дает нам более важные уроки, чем история королей и династий. Там написана история льда. Рассказ о нашем умирающем солнце, высеченный в скалах и ледниках. Это уроки, которыми мы все живем. И, когда луна упадет, мы от них и умрем.

Нона решила, что на Меч она не опоздает. За обедом в трапезной Клера объяснила значение различных колоколов, которые звучали в течение всего дня.

— Здесь три колокола. Только что прозвонил железный колокол, Ферра. Он издает глухой звук и быстро затихает. Он для сестер, чтобы рассказать им, главным образом, о молитвах. Он висит в маленькой колокольне Собора Предка. Выглядит как сосок.

— Клера! — упрекнула ее Джула. Она сидела на стуле с другой стороны от Ноны и теперь повернулась, чтобы присоединиться к разговору. — Брей — это медный колокол, который висит в Академии, на вершине башни. Он отбивает часы, и именно его ты должна слушать, чтобы узнать, когда учиться и есть.

— А также тушить свет и вставать, — снова вмешалась Клера. — У Брея низкий раскатистый голос. *«Она сказала это глубоким и звучным голосом, голосом певицы»*, подумала Нона. — Послеобеденный урок — шестой колокол, обед — пятый, ужин — седьмой.

— Сегодня после обеда Меч. — Джула закатила глаза. — Ненавижу Меч.

— Святые всегда его ненавидят, — ухмыльнулась Клера.

Нона на мгновение задумалась о Джуле. У девочки был вид прилежной ученицы и она была худой, несмотря на то, что больше года ела за монастырским столом. Волосы пепельного цвета, подстриженные на затылке. Ничто в ней не говорило о том, что кровь хунска или геранта может проявиться в ближайшие годы. Почти никто не указывало ни на квантал, ни на марджал, какими бы хорошими ни были знаки, так что Джула почти наверняка будет Святой Сестрой. Нона очень мало знала о Церкви Предка, но мысль о жизни, проведенной в молитве и созерцании, совсем не привлекала ее. Если бы жизнь, о которой идет речь, не включала в себя также хорошее питание и теплое безопасное место, Нона, возможно, пожалела бы девочку.

— После Меча ты будешь думать, что встретила самую суровую госпожу, — сказала Клера. — Но Госпожа Тень заставляет ее казаться нежной. Все называют ее Отравительницей или Госпожой Яд, потому что она всегда заставляет нас перемалывать материал для того или иного яда. Она должна научить нас быть незаметным, уметь маскироваться, лазать и ставить ловушки... но это всегда яд. Во всяком случае, *никогда* не называй ее Госпожой Яд. — Клера вздрогнула.

Джула кивнула, выглядя мрачной. Она взяла вилку и поднесла ее ко рту, прежде чем вспомнила про колокола.

— Третий колокол — Бител. Стальной колокол. — Она положила вилку на тарелку, возможно, все еще думая о ядах. — Это почти всегда плохие новости, и ты не перепутаешь его с другими — он резкий и очень громкий. Настоятельница позвонит в Бител, если начнется пожар, или появится кто-то посторонний, или что-то в этом роде. Надеюсь, ты никогда его не услышишь. Но если ты это сделаешь и никто не скажет тебе, что делать, иди к входной двери настоятельницы и жди.

— Я слышала... — произнесла девочка, сидевшая напротив, достаточно громко, чтобы все услышали. — Я слышала, что настоятельница сама привезла тебя из Истины. — Остальной класс сосредоточился на Арабелле, которая рассказывала им какую-то историю о дворе императора. Нона уловила только странное слово и вообразила, что это сказка вроде

той, что рассказывают о принцессах у очага в ее деревне... но потом она вспомнила, как Клера назвала Арабеллу королевской особой, и ей пришло в голову, что сказка может оказаться правдой.

— Я слышала, что Настоятельница Стекло привела тебя сюда по Дороге Безмятежности посреди ночи. — Говорила та, кого Клера назвала Генной и сказала, что она самая младшая в классе, — девочка с туго завитой шапочкой коротких черных волос. В деревне у Серого Стивена был посох, принадлежавший его отцу и отцу *его* отца: там, где столько рук так долго полировали темное дерево, оно было цвета кожи Генны. — Я слышала, что ты крестьянка. Откуда ты? Как ваши люди вообще оплатили сбор за конфирмацию?

— Я... — Нона обнаружила, что завладела вниманием всего стола. Даже Арабелла прервала свой рассказ и уставилась на нее.

— Ты слишком много слышишь, Генна. — Клера закрыла уши ладонями и рассмеялась. — Ты всю ночь стояла у окна и смотрела, как придет «Избранная»? — Она чуть наклонила голову в сторону Арабеллы. — Ты видела, как мимо проходила настоятельница с пылью на юбках, и поняла, что она пришла по Дороге Безмятежности?

Генна нахмурилась и отвернулась.

После обеда, перед тем как Брей в шестой раз за день сказал им, что они должны спешить на занятия, у них было время побродить или посидеть. Арабелла покинула трапезную в сопровождении большей части класса.

— Они отведут ее в аркаду послушниц, — сказала Клера.

— Там большинство из нас проводит время после обеда, — объяснила Джула. — Он не похож на аркаду монахинь — там полно болтовни и вообще слишком громко, чтобы думать. — Она неодобрительно посмотрела туда, куда задумчиво смотрела Клера.

— Мы отведем тебя к провалу, — сказала Клера. — Ты пропустила его сегодня...

— Я не буду плавать! — перебила ее Рули, последняя из тех, кто остался.

— Я тоже. — Джула скрестила руки на груди и сделала вид, что дрожит.

— Мы просто будем сидеть и бросать камни, — заявила Клера. — А моя новая подруга Нона может рассказать нам, почему ее родители отказались от нее.

Провал Стеклянная Вода внушил Ноне благоговейный трепет. Казалось, будто какой-то великан ткнул пальцем в плато, когда оно было мягким и новым, оставив идеально круглую впадину, чьи вертикальные каменные стены уходили на сорок футов к поверхности темной и спокойной воды. Она гадала, что скрывается под поверхностью, скрываясь в непостижимых глубинах.

Бассейн был около сорока футов в поперечнике. С противоположной стороны в него вела железная лестница, привинченная к камню. Нона могла видеть слои, о которых говорила Сестра Правило, видневшиеся в стенах провала, как будто все плато было сделано из тонких ломтиков, положенных друг на друга.

Четыре послушницы сидели на краю обрыва, свесив ноги. Башмаки Ноны были самыми красивыми из всех, что у нее когда-либо были, единственными кожаными. Она испугалась, что потеряет их, и сжала пальцы ног, хотя они были туго зашнурованы. Некоторое время никто из них не произносил ни слова. Клера с привычной легкостью провела медным пенни по тыльной стороне пальцев. Нона наслаждалась тишиной. Она не хотела рассказывать свою историю, пока... никогда. Но врать ей тоже не хотелось.

— Все рассказывают, — сказала Клера, словно прочитав ее мысли.

— Мама умерла, пытаясь подарить мне младшего брата, — проговорила Джула, заполняя неловкую паузу. — После этого отец стал грустным и печальным. Он — писец, не практичный человек, по его словам. И он решил, что монахини позаботятся обо мне лучше, чем он.

— Мой отец перевозит монастырское вино через море Марн, но не платит пошлину. — Рули ухмыльнулась. — Мои дяди тоже все контрабандисты. Те, кого еще не повесили. Настоятельница пришла на суд и сказала, что возьмет меня. Папе пришлось согласиться, и это спасло его шею.

Они обе выжидающе смотрели на Нону.

Клера подняла брови, приглашая Нону заговорить. Когда они уже не могли подняться больше, она заговорила сама:

— В первый же день ты рассказываешь, почему твои родители больше не хотят тебя видеть. Это должно остановить боль. Если ты ее разделишь, она перестанет тебя терзать. Потом ты слышишь чужие истории и понимаешь, что ты не одна такая. Если бы ты когда-нибудь была в тюрьме, ты бы знала, что там люди в первую очередь рассказывают о том, что они сделали.

Ноне не хотелось говорить, что она *была* в тюрьме и ей не нужно было рассказывать, потому что охранники кричали об этом, когда вели ее в камеру. *Убийца*. Она уже хотела спросить, что дочь торговца знает о таких местах — но, открыв рот, вспомнила жестокие слова Арабеллы об отце Клеры. *Он сам себя посадил в тюрьму*. И вместо этого она начала отвечать на вопрос, которого пыталась избежать. История Ноны должна была начаться так: «Однажды в мою деревню пришел жонглер. Он был моим первым другом». Но она начала не с этого. Она начала с собственного вопроса.

— Вам когда-нибудь снилось, что они идут за тобой? — сказала она, глядя себе под ноги и на черную воду далеко внизу.

— Кто? — спросила Клера.

— Да. — Рули подняла голову, отбросив в сторону длинные светлые волосы, открывая длинное бледное лицо.

— Они? — Джула нахмурилась.

— *Они*. Другие. Плохие люди, которые хотят причинить тебе боль, — сказала Нона и рассказала девочкам историю. И хотя поначалу она спотыкалась и говорила, как крестьянская девочка из диких западных земель Серости, где имя императора произносят редко, а его враги ближе, чем его дворцы, она нашла свой язык и нарисовала в сознании девочек картину, которая захватила их всех и окутала их жизнью, которую они никогда не пробовали и не воображали.

— Этот сон приснился мне, когда я спала в доме моей матери в деревне, где я всегда жила. Мы были не такие, как они, Мама и я. Деревни вдоль Голубой Реки похожи на кланы, каждая из них — семья, одна кровь, одна внешность, одно мышление. Мой отец привез нас туда, когда я была в животе у мамы, но он ушел, а мы — нет.

Мне снилась луна в фокусе, прожигая себе путь по Коридору, и мальчики и девочки, вставшие с постелей, чтобы поиграть в ее тепле. Дети взяли за руки вокруг хижины моей матери и распевали старую песню:

*Она падет, она падет,
Луна, луна, луна, луна...*

*Она падет, она падет,
И скоро будет не видна...
Лед придет, лед придет,
Но нет луны, но нет луны.
Мы все падем, мы все падем,
И скоро будем не видны.*

В фокусе мальчики и девочки выглядят такими красными, словно их залили кровью. Они приближаются. Плохие. Я знаю, что они идут. Я вижу их путь в своем сознании, линию, которая проходит через все, зигзагообразную линию; она изгибается влево, вправо, извивается, пытаюсь сбросить их, но они следуют по ней — и она ведет ко мне.

Снаружи хижины падают дети. Неожиданно. Без крика.

Я просыпаюсь. Неожиданно. Без крика. Уже темно, фокус прошел, и поля беспокойно лежат под ветром. Я сажусь, и темнота движется вокруг меня, как черная вода, достаточно глубокая, чтобы утонуть. Я долго сижу там, дрожа, плотно закутавшись в одеяло и не сводя глаз с двери, которую не вижу. Я жду, когда она откроется.

Лай собак. Далекий крик. А потом грохот совсем рядом. Дверной засов ломается при первом же ударе, и на пороге появляется воин с фонарем в одной руке и мечом в другой. Он такой же высокий, как и любой мужчина в деревне, и у него длинные мускулы.

— Взять ее! — Он входит, и остальные следуют за ним. Фонарь тускло блестит на железных пластинах его кожаной куртки. Он идет к двери мастерской, в другую комнату, где Мама спит на сложенных камышах, материале для ее корзин.

Сильные руки хватают меня, жесткие, как железо, и цепкие. У мужчин заплетены бороды. Какая-то женщина накидывает мне на запястья веревочную петлю и туго затягивает ее. Ее лицо испещрено вертикальными полосами краски. Деревянные амулеты висят в ее спутанных дредах. Пеларти. Налетчики с лед-окраин.

Мама выбегает из мастерской, когда к ней подходит первый налетчик. Она очень быстрая. Ее нож для резки тростника издает яркий звук, когда лезвие скользит по железным пластинам над его животом. Он замахивается своим тяжелым мечом, но ее там нет. Ее рука лежит на шее женщины, держащей меня — нож вонзился в горло женщины. Мама тащит меня к главному входу. Мы почти добрались туда, но человек в коже и железе поворачивается и снова замахивается. Острие его меча находит ее затылок. Она падает. Я падаю под ней. И ночь снова становится темной и тихой.

— Налетчики продали тебя? — в ужасе спросила Джула.

Нона замолчала, глядя на воду далеко внизу.

— Нет. Это сделала моя деревня. — Нона подняла глаза и увидела, что все три девочки смотрят на нее так, словно она была для них чем-то совершенно новым. — Налетчики схватили меня, но они ушли недалеко. На рассвете они разбили лагерь в Лесу Реллам. Деревенские охотники туда не ходят. Говорят, в этих лесах водятся духи, и не добрые.

Пеларти разбились на небольшие группы. В начале их было около двадцати. Со мной осталось пятеро: четверо мужчин и сестра женщины, которую зарезала моя мать. Я обнаружила, что на мне кровь. — Нона посмотрела на свои руки, переворачивая их, как будто там могла быть написана история. — Пока пеларти укладывались спать, в лесу воцарилась тишина. Они, казалось, ничего не замечали, но я чувствовала, что все это место наблюдает за нами — деревья, земля, темнота, — все они наблюдали. Воин вышел из теней,

оттуда, где деревья росли особенно тесно. У него была ежевика в бороде и копна растрепанных волос. Он ничего не сказал, просто поднял меч и пошел к нам, босиком. Никто из пеларти даже не поднял головы — только я, лежавшая на боку со связанными за спиной руками. Я подумала, что он может быть одним из них, но он выглядел слишком... диким, как будто он никогда не жил нигде, кроме как здесь, в Релламе. А его меч был из полированного дерева, черного или очень темно-коричневого.

Сначала дикарь убил воина, который убил Маму. Он просто взмахнул мечом над головой и обрушил его на шею пеларти. Голова мужчины тут же покатила по земле. Остальные вскочили, и они не были медлительными, но он двигался среди них, словно в танце — не произнося ни слова, не издавая ни звука... ни один из их клинков не встретился с его... и каждый раз, когда он менял направление, позади него была рана, из которой брызгала кровь, и кто-то падал.

Женщина упала на меня, споткнувшись от удара меча дикаря. К тому времени, когда я выбралась из-под нее, все было кончено. Пеларти лежали мертвыми, а человек исчез. Только я, трупы и лес, движущийся вокруг нас.

Группа деревенских охотников, выследившая налетчиков, нашла меня через час после восхода солнца, всю в крови и с телами вокруг... в призрачном лесу. Они привезли меня обратно, но старухи уже мыли Маму для погребального костра, а Мэри Стримс уже бежала к Белому Озеру, чтобы заставить проповедника Микэла остановить их. Проповедник Микэл говорит, что когда придет Надежда, все мертвые выйдут из своих могил и станут целыми... поэтому их нужно хоронить, а не отдавать огню, потому что даже Надежда не сможет сделать живых мужчин и женщин из дыма и пепла.

Очень скоро начались шепотки. *...вышла из Реллама вся в крови.....на ней ни царапины.....кто убил пеларти? ...тела.....кровь.....духи...*

Я не знаю, кто сказал *ведьма* первым, но первой прошипела на меня жена кузнеца, Мата. Она ненавидела меня с тех пор, как ее маленький Биллем попытался избить меня палкой, а я в ответ избил его. Прошло совсем немного времени, прежде чем они все это сказали, как будто пеларти даже не приходили, как будто тела в лесу не принадлежали людям, которые убили мою мать и утащили меня. Я думаю, они злились, что из всех людей, похищенных пеларти, я была единственной, кого они вернули. Именно ту, которую они не хотели видеть с самого начала.

Кузнец и Греттл Ивис хотели посадить меня в мешок и утопить в Голубой Реке. Они сказали, что так можно убить ведьму, чтобы она не вернулась — заковать ее в железную цепь, посадить в мешок и утопить. Серый Стивен сказал «нет» — он единственный, кто может сказать, как все будет происходить в деревне, потому что он сражался с пеларти, когда была императрица, и даже убил некоторых из них. Серый Стивен сказал нет, а лудильщик добавил, что видел на дороге похитителя детей, и если деревня не хочет меня, то «этот заберет».

— Я... — и тут над ней раздался глубокий голос колокола, запульсировавший пустоте провала. — Брей! Нам за урок! — Нона вскочила на ноги, не обращая внимания на то, что стоит на самом краю пропасти.

Остальные девочки поднимались медленнее, отталкиваясь от края провала.

— Это ужасно, — сказала Джула, стряхивая песок со своего платья.

— Это невероятно! — сказала Рули. — А ты не испугалась, когда...

— Это правда? — Клера нахмурилась, оценивающе глядя на Нону.

— Мы должны идти на Меч. — Нона уже спешила к Башне Академии. — Я не могу опоздать дважды! — Она помедлила и оглянулась. — А где будет урок?

Клера рассмеялась:

— Пошли. Она права — Сестра Сало заставит нас бегать взад и вперед по Дороге Безмятежности, вы же знаете, какая она!

Через мгновение трое послушниц быстро шагали к зданию на дальнем краю плато, а Нона бежала за ними трусцой.

— Это Зал Меча. — Клера указала на высокое здание с высокими сводчатыми окнами. Стены из огромных известняковых блоков поддерживали остроконечную крышу с каменными горгульями, ревущими под карнизами. На юге ряд резных контрфорсов укреплял стену, выходящую на край плато. — А это Зал Сердца. — Клера кивнула на здание слева, когда они проходили мимо портика с многочисленными колоннами.

— Зал Персуса. — Джула закончила завязывать волосы черным шнурком. — В честь императора Персуса, третьего этого имени, чья линия оборвалась, когда нынешний...

— Все называют его Залом Сердца, потому что он был построен для корабль-сердца. — Клера почти бегом поднялась по ступеням Зала Меча.

— Что это за корабль...

Но Клера уже толкнула тяжелую дверь и проскользнула внутрь. Рули последовала за ней.

— Я все еще не понимаю, кто заплатил за твою конфирмацию. — Джула подошла к Ноне сзади.

Нона тоже этого не понимала. Она беспокоилась, что, возможно, этого не заметили, и сегодня вечером — может быть, завтра, — придет сестра с гроссбухом, пером и требованием десяти золотых соверенов. Говорить об этом с другими — только искушать судьбу.

— Нона! — Сестра Сало позвала ее, как только Нона просунула голову в дверь. — Иди сюда, ко мне.

Нона, спасенная от ответа Джуле, поспешила к ней. Старуха бросила на нее прищуренный взгляд, затем снова перевела взгляд на остальных членов Красного Класа, последние из которых выстроились во втором ряду. Арабелла, уже в рясе послушницы, стояла по другую сторону Госпожи Меч, золотистая и безупречная, ее волосы выглядели так, словно три служанки целый час расчесывали и закалывали их.

Зал тянулся примерно на половину длины здания, заканчиваясь галереей с сидячими местами вокруг короткого туннеля, который вел к остальным комнатам. Сводчатый потолок возвышался над ними достаточно высоко, чтобы в центре мог расти зрелый дуб. Если не считать дюжины или около того обтянутых кожей деревянных столбов в человеческий рост, стоявших на подставках в дальнем углу, зал наполняла гулкая пуста; пол был покрыт песком на дюйм поверх каменных плит.

— Мне нужны партнеры для этих двоих. — В голосе Сестры Сало было столько стали, что даже простые замечания превращались в ультиматумы: живи или умри. Она окинула темным взглядом выстроившихся перед ней девочек. — Послушница Генна, ты будешь с Ноной. Послушница Джула, с Арабеллой.

Генна пристально посмотрела на Нону и позволила себе слегка улыбнуться. Джула удивилась.

— Пора переодеваться. — Сестра Сало хлопнула в ладоши. — Всякий, кто задержится, получит бритую голову. — Она посмотрела Генну, которая теперь, когда Нона подумала об

этом, выглядела так, как будто ее постигла эта участь всего несколько недель назад. — Проследите, чтобы у новых девочек появилась одежда, которая им подходит. — Еще один хлопок в ладоши. — Вперед! — И дюжина послушниц бросилась бежать к туннелю под многоярусными сидениями, песок сыпался у них из-под ног.

Генна двигалась быстро, и Ноне пришлось бежать, чтобы догнать ее. После яркого света зала мрак туннеля лишил Нону зрения. Когда она замедлила шаг, чтобы дать глазам привыкнуть, Генна исчезла, в то время как другие неслись сзади. В конце коридора большинство девочек свернули налево, но Джула повела Арабеллу направо, и Нона последовала за ней.

Генна ждала их в длинной и узкой кладовой. Она отодвинула ставни, и свет из окна в дальнем конце комнаты осветил обе стены, уставленные полками. На них были сложены всевозможные предметы: глиняные кувшины, свернутые циновки, тяжелые кожаные шары, посохи, палки, трости, даже рукояти того, что могло быть кинжалами или мечами. Ближе к ним на полках красовались стопки аккуратно сложенных туник и обуви из плотной черной ткани.

— Самые маленькие стоят у двери. Убедитесь, что вы взяли то, что хорошо сидит, — сказала Джула. — Слишком туго, и если кто-то захочет схватить тунику, он схватит и вас тоже. Слишком свободно, и вы споткнетесь или вам ее оторвут.

Нона и Арабелла вытащили боевые туники, каждый топ был в паре с брюками длиной до лодыжек, и держали их против себя под критическим взглядом своего партнера.

— Слишком маленькая даже для тебя, — рывкнула Генна. Джула уже увела Арабеллу в раздевалку, и новенькая, похоже, больше заботилась о том, чтобы сохранить свои золотистые кудри, чем о том, чтобы туника была ей впору.

— Выглядит неплохо... — Нона никогда раньше не выбирала одежду, но эта *выглядела* вполне прилично.

— Когда тебя кто-нибудь схватит. — Генна рванулась вперед и схватила тунику. — Ты хочешь, чтобы у них была горсть этого или горсть твоей кожи?

— Я не хочу, чтобы меня схватили, — сказала Нона. — Свободную тунику схватить легче.

Генна зарычала и вырвала тунику из рук Ноны:

— Мы с тобой партнеры, фермерская девочка. Каждая твоя ошибка выставит меня в плохом свете. Госпожа Меч проверит тебя, и, если ты потерпишь неудачу, я буду наказана. И если это случится, я вымещу злость на тебе.

Нона вернула топ на место.

— Победа никогда не бывает ошибкой. — Она встретилась взглядом с темными и яростными глазами Генны, чувствуя, как ее собственное рычание начинает искажать ее лицо, вспоминая, как она кричала от ярости, когда бежала к Раймелу Таксису. Спустя секунду от нее убежало все тепло, словно по комнате пронесся холодный ветер. Она снова увидела простыню палача, а под ней — Сайду. Гнев не спас ее. Победа не спасла ее. Нона взяла тунику в двух местах от той, что примеряла в прошлый раз, и прижала ее к себе. — Достаточно хорошо?

— Достаточно хорошо.

Они добрались до раздевалки и увидели, что первые послушницы уже уходят.

— Вы, двое, будете прекрасной парой с блестящими головами. — Кетти, проходя мимо них, провела ладонями по лбу и ухмыльнулась; ее собственные густые черные волосы были

туго стянуты сзади белым шнурком.

— ...свиньи и коровы. — Арабелла замолчала и с сияющей улыбкой посмотрела на дверь, в которую вошли Нона и Генна. Все послушницы засмеялись, кое-кто попытался скрыть это, закрыв лицо руками.

Нона стиснула зубы и, найдя свободное место на длинной скамье, начала стаскивать с себя незнакомую рясу, бросая ее на колышки наверху, как это делали другие девочки. В комнате пахло застарелым потом и тесно прижатыми телами — это чувствовалось и в главном зале, слабый, но всепроникающий запах. Он напомнил ей о деревне.

— Поторопитесь! — Клера извиняющимся тоном дала совет и вышла, в боевой одежде, талия затянута тугим поясом, волосы зачесаны назад, и ни один локон не выбился.

— Давай! Ну же! — Джула стояла в дверях, лихорадочно оглядывая коридор. — Арабелла!

Арабелла бросилась к двери, и они обе помчались прочь. Нона и Генна вышли из раздевалки последними.

— Давай! — Генна пустилась бежать.

Нона бросилась было в погоню, но в дверях заметила один из темных льняных поясов, брошенный на полу. Не раздумывая, она схватила его и взяла с собой, чтобы вернуть владельцу, засунув за пазуху, чтобы освободить руки. Через несколько мгновений она уже бежала по туннелю к ярко освещенному коридору. Слепленная солнечным светом, Нона не могла разглядеть, кто пробежал мимо нее в противоположном направлении.

— В последнюю секунду, послушница. — Сестра Сало повернулась, чтобы посмотреть, как запыхавшаяся Нона идет по пятам за Генной.

Нона склонила голову и подошла к Генне, стоявшей в конце второго ряда. Она огляделась вокруг... один человек пропал. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но Генна быстро и резко ткнула ее локтем в ребра.

Прошло мгновение тишины. Другое. Целую минуту одиннадцать послушниц смотрели на песчаный пол под ногами, и вокруг них нарастало напряжение.

— А вот и она. — Сестра Сало произнесла эти слова с той же силой, с какой судья вынес смертный приговор Ноне.

Арабелла выбежала из туннеля, крепко прижимая к груди свою боевую тунику.

— Я не могла его найти! Его нигде нет! — Она остановилась, задыхаясь и чуть не плача.

— Изобретательный ребенок взял бы на складе замену и заявил бы, что он принадлежит ему. Внимательный ребенок не потерял бы свой пояс сразу же после того, как получил его. — Сестра Сало снова посмотрела на класс. — В монастыре правила распространяются как на короля, так и на простолюдина. Как только урок будет закончен, послушница Джула побреет голову послушницы Арабеллы, а затем Арабелла выполнит ту же обязанность для нее.

Нона поняла свою ошибку. Она помедлила, потом сунула руку под тунику и вытащила пояс Арабеллы:

— Сестра...

— А! — У госпожи Меч оказался острый глаз. — Я вижу, что Нона продемонстрировала непреходящую и ценную истину. Мы можем сражаться здесь, в этом зале, и думать, что, поскольку наши битвы не ограничены правилами, мы действительно понимаем, что такое война. — Сестра Сало прошла по всей длине первой шеренги. — Не обманывайте себя. Ни один настоящий бой не связан четырьмя стенами. Ни один настоящий бой не заканчивается

в определенном дверном проеме или когда мы смываем пот и кровь. Бои заканчиваются поражением. И смерть — единственное поражение, которое понимает воин. Пока мы дышим, мы воюем с нашими врагами, а они с нами. — Монахиня повернулась в конце очереди и подошла к Ноне, забирая у нее пояс. — На будущее, Нона, побереги такие демонстрации тайной войны для класса Госпожи Тень, где они будут оценены по достоинству. Хотя... постарайся не раздражать ее. Наша сестра тени гораздо менее... добра... чем я. — Она бросила пояс Арабелле. — Круги! Шарлот, веди.

Самая высокая девочка в Красном Классе, стройная и рыжеволосая, бросилась бежать, остальные последовали за ней.

Нона привыкла к кругам от Калтесса и легко вошла в ритм. Она чувствовала Арабеллу позади себя, последнюю среди бегущих, которая, несомненно, смотрела кинжалами ей в затылок. На каждом углу Клера оглядывалась и улыбалась. После первых нескольких кругов по залу Нона забыла обо всем, кроме того, что надо ударять ногами по посыпанному песком полу. Она отпустила историю, которую рассказала у провала, позволила ускользнуть беспокойству по поводу ее платы за конфирмацию, позволила Арабелле Йотсис и ее мести исчезнуть; даже мысли о Раймеле Таксисе и *его* мести терялись, пока она ставила одну ногу перед другой. Осталась только линия, яркая и горящая, как во сне.

— Я повторю для новых девочек, — сказала Сестра Сало, когда они снова выстроились в два ряда, обливаясь потом и с трудом переводя дыхание. — Это послание многим из вас не помешает услышать снова. Возможно, после стольких уроков в этом зале, вы поймете его лучше.

Мы не созданы для войны. Мы не быстры — почти каждое животное может обогнать или ускользнуть от нас, будь то собака, кошка, крыса или воробей. Мы не сильны — мул, хула, медведь, все они в три, а то и в пять раз сильнее мужчины. И вы не мужчины.

Но мы очень умны и точны. Это наше оружие. Ум и точность. Я учу вас сражаться без оружия по двум причинам. Во-первых, потому, что бывают мгновения, когда вы останетесь без оружия. Во-вторых, потому, что во время такой тренировки вы узнаете о боли, не будучи сломленным, и вы узнаете о ярости, не убивая. — Она подняла руки вверх. — Это плохое оружие. Когда мы сражаемся, мы сражаемся, чтобы победить. Это... — из ниоткуда в ее руке появилось шесть дюймов сверкающей стали. — Это оружие получше. Однако я могу ударить тебя кулаком, и ты получишь хороший урок. Урок ножа короток и окончателен.

Сестра Сало согнула запястье, и лезвие исчезло в рукаве:

— В историях говорится, что битвы бывают о добре и зле. Что победа требует сердца и страсти. Что Предок обратится к тем, кто верит, и даст силу их руке. Истина заключается в том, что Предок соберет вашу сущность в целое, когда вы умрете. Я уверена, что вам больше рассказывают об этом на уроках Духа, но здесь, на уроках Меча, просто знайте, что, пока вы не умрете, Предок будет только наблюдать.

Сражение — это контроль. Контролируйте свой страх, свою боль и свой гнев. Контролируйте ваше оружие. Контролируйте вашего противника. Сражение — это механика, рычаги, точки разрыва и скорость. Ваше тело — это механизм. Пришло время узнать, как он работает, как далеко вы можете толкнуть его — или позволить вашему противнику толкнуть его — прежде, чем он сломается, хотя и не прежде, чем он причинит вам боль. Рукопашный бой требует применения силы: вы должны отключить механизм противника прежде, чем он отключит ваш.

В Мече мы ценим быстроту. Достаточная скорость делает все остальные аспекты боя

неважными. Если ваш противник — статуя, не имеет значения, насколько он силен или искусен — найдите его горло или глаз и покончите с ним. Скорость — это путь Сестер.

Вы наверняка слышали старые истории о Красных Сестрах, о Сестре Туче и Западном Короле, или, может быть, о Сестре Сове, когда она укротила Черный Замок. Словесники и Истине за четверть пенни сплетут для вас небылицы и расскажут о кулачной буре, о дюжине приближенных короля, оставшихся лежать, когда Облако встала, и прочую чушь. — Сестра Сало сплюнула на песок. — Истории — это просто слова. В бою нет места словам. Истина заключается в том, что почти каждый раз, когда два человека поднимают пустые руки друг против друга, они оба оказываются на полу задолго до того, как один из них умирает или иным образом ломается.

На земле говорит сила, и очень часто вы не будете самыми сильными. Я научу вас разбираться в суставах. Как они двигаются и как не двигаются. В каком направлении они ломаются легче всего. В каком месте сила, которую вы применяете, найдет самые длинные рычаги для давления на эти суставы. Как защитить себя из подобных захватов. Как кусать и обманывать. Как побеждать там, где победа — единственный вариант.

Что еще более важно, вы узнаете о боли, страхе, ярости и контроле. Вы узнаете, как сбалансировать первые три, чтобы достичь четвертого. И вы перенесете эти уроки в Серый Класс, где я вложу в ваши руки оружие и научу вас, что значит быть Красной Сестрой. В Сером Классе я научу вас, как заставить ублюдков истекать кровью.

Арабелла, Нона, Джула, Генна — вперед.

Нона последовала за остальными к месту, указанному сестрой Сало.

— Вы двое... — Сестра Сало махнула Арабелле и Джуле выйти еще дальше. — Обе наши новоприбывшие имеют большой потенциал. Давайте посмотрим, как далеко этот потенциал их заведет. Сначала Джула и Арабелла. Не делай ей больно, Джула. — Она отступила назад и снова хлопнула в ладоши. — Бой.

Джула встала в боевую стойку, повернувшись боком к Арабелле, кулаки подняты на уровне груди, один в нескольких дюймах позади другого, ноги широко расставлены. Арабелла не обратила на нее внимания, вместо этого посмотрев на сестру Сало:

— Сражаться, Госпожа Меч? Как это должно...

— Дерись! — Сестра Сало развела руками. — Пинай ее, бей, кусай, если надо. Брось на землю.

— Но...

Сестра Сало кивнула Джуле. Та рванулась вперед и, высоко подняв ногу, ударила ей Арабеллу по плечу, отчего та растянулась на полу.

— Нога сильнее руки. Ступня менее чувствительна, чем рука. Хотя для удара приходится жертвовать равновесием. — Сестра Сало поманила пальцами. — Вставай, девочка.

Нападение удивило Нону. Джула выглядела такой прилежной девочкой... она поймала себя на том, что улыбается этому контрасту, а потом заметила, что Арабелла хмуро смотрит на нее с земли.

Арабелла потеряла плечо и медленно поднялась на ноги.

— Бой! — Еще один хлопок.

Джула повторила удар ногой. Арабелла шагнула в сторону с поразительной скоростью. Джула опять ударила, опять промахнулась. Обе девочки выпрямились, подняв кулаки. Арабелла первой нанесла удар, свинг, ослепительно быстрый. Каким-то образом Джула

поднырнула под него и, схватив белокурую девочку за запястье, вывернула свое тело под руку Арабеллы и перекинула ее через плечо. Арабелла тяжело приземлилась на спину и, набрав в легкие побольше воздуха, выплюнула слово, которое, как думала Нона, никогда не употребляют при дворе императора.

Нона посмотрела на сестру Сало, ожидая ее реакции, и обнаружила, что та вместе со всем классом смотрит на Арабеллу широко раскрытыми глазами. Удивление монахини смешалось с каким-то чувством, которое Нона не могла определить, но оно было достаточно сильным, чтобы линии старых шрамов выделились на ее бледной коже.

Джула сказала это первой, еще стоя в победной позе:

— Она двигается, как хунска.

В детстве, в неведении своей деревни, Нона почти ничего не знала о четырех племенах людей и о том, как может проявляться их кровь, но месяцы, проведенные с Гилджоном, а затем в Калтессе, научили ее тому, как глубока одна простая истина. У хунска были темные глаза и волосы. Вот теперь она поняла, почему Арабелла может быть настолько особенной, что Церковь Предка согласилась забрать ее из благородного дома. Она поняла это еще до того, как первая из послушниц прошептала «смешанная». Два-кровки были редкостью, как таяние снега. За три столетия, прошедшие с тех пор, как Основатель Аран вырезал королевство из хаоса дикарей и мелких королевств, в нем не было три-кровок. По крайней мере, так говорили в Калтессе. Если Арабелла Йотсис проявит еще признаки крови герантов, она войдет в историю. А если квантал или марджал — шагнет в легенду.

— Достаточно. — Еще один хлопок, от которого заболели уши. — Нона, наш ринг-боец из Калтесса, — послушницы рассмеялись шутке. — Теперь твоя очередь. Генна? Ты готова?

Нона повернулась к Генне и увидела, что та уже стоит в боевой стойке, глаза сосредоточенно прищурены, ни улыбки, ни рычания. Девочка была примерно на дюйм выше ее, что делало их самыми маленькими в классе. Ее смуглые конечности были почти такими же худыми, как у Ноны, каждая часть их состояла из мышц и костей.

У этой меч-стойки был очевидный здравый смысл: она представляла меньшую площадь для атаки, сохраняя при этом широкую, устойчивую базу. Нона осталась стоять так же, как и всегда. Она научится и будет использовать методы меча, но было бы глупо немедленно имитировать позу и встретить свой первый бой в позиции, к которой она не привыкла.

— Готова? — спросила Генна. Она не воспользовалась преимуществом неожиданности, как Джула, но, глядя на нее, Нона знала, что за сдержанностью скрывается гордость, а не доброта. Генна хотела полной победы.

Нона слегка кивнула, и Генна нанесла ей удар, прямой джеб, а не неуклюжий свинг Арабеллы, о котором сообщило все ее тело еще до того, как она начала. Генна ударила внезапно и прямо. Нона заблокировала кулак обеими руками, скрестив ладони перед лицом. Шлепок плоти о плоть отозвался эхом в пространстве зала, и удар причинил гораздо большую боль, чем Нона себе представляла.

Она опустила руки и увидела удивление на лице Генны.

— Ты быстрая. — Генна наклонила шею влево, потом вправо, растягивая мышцы.

Без предупреждения послушница обрушила шквал ударов, продвигаясь с каждым на шаг — яростная беспощадная атака. Нона позволила миру замедлиться вокруг нее, доли секунды кристаллизовались в ту ясность, которую она всегда могла призвать. Она отступила назад, уклоняясь от одного удара, отбросив следующий в сторону, так что он прошел на расстоянии волоска от ее щеки. Генна двигалась быстро. Очень быстро. Хунска-быстро. Нона

оттолкнула еще один удар, потом еще, обошла третий. Маска Генны треснула, в ней вспыхнула ярость. Гнев делал ее удары еще более дикими, но, казалось, только увеличивал скорость. Нона обнаружила, что ей приходится работать еще усерднее, спасаясь лишь на самых узких краях. Она стиснула зубы и углубилась глубже в мгновение, пока ее мозг не загудел внутри черепа, как пойманная пчела, и даже резкие, как щелчок кнута, удары Генны стали ленивыми тычками, которые она легко могла обойти.

Нона увидела — даже в те доли секунды, которые занимал их бой, — как в глаза Генны начало проникать осознание и ее зрачки расширились. Она знала этот взгляд — она видела его раньше в глазах своего первого друга, когда он бросил ей четвертый мяч, и она добавила его к своему жонглированию, думая угодить ему... Она позволила кулаку Генны поймать ее левое плечо и развернулась от удара, позволив ему унести себя на пол. Огромные брызги песка отметили ее прибытие, и она осталась там, тяжело дыша.

Прошло долгое мгновение, и Нона снова позволила миру идти своим чередом, чувствуя песчинки между губами, боль в плече и жжение в ладонях. Наконец тишину нарушил хлопок Госпожи Меч. Нона села, медленно поднялась на ноги и пошла на свое место. Послушницы одобрительно закивали. Клера и Рули выглядели впечатленными, Арабелла — кислой. Из всех них только во взгляде Генны читалось некоторое замешательство, а в глазах Сестры Сало — тихое размышление.

Дормитории понравились Ноне больше, чем монашеская келья прошлой ночью. Здание имело три этажа, Красный и Серый классы делили между собой цокольный этаж, занимая две длинные, низкие комнаты; Мистический и Святой имели собственный этаж, последний этаж занимали учебные комнаты Святых. Кровати были большие и удобные, они были подняты на ножках, каждая с матрасом из положенных поверх досок одеял. Нона лежала на своей кровати, а класс ходил вокруг нее, болтая и готовясь ко сну. В постели слева от Ноны Генна уже забралась под одеяло и лежала, мертвая для всего мира.

Нона потянулась и зевнула. Упражнения в Мече — один удар и один бросок, повторяемые снова и снова, но так и не удовлетворившие сестру Сало, — оставили ее больной и мокрой от пота. Последовавшая баня сняла боль и зловоние физических упражнений, оставив вместо них теплую и глубокую усталость. Нона подозревала, что, если бы Клера не протянула руку, чтобы помочь ей выбраться из бассейна, она все еще была бы там, беспомощно плавающая среди пара.

Рули подошла и села на край кровати Ноны, ее длинные волосы были собраны в ночной пучок, комично торчащий на макушке.

— Я удивлена, что ты можешь держать глаза открытыми после этого. — Она кивнула в сторону кровати Генны.

— Я все сделала правильно? — спросила Нона.

— Ты была великолепна! Ты быстрая, Нона! Генна не очень техничная, потому что она здесь всего три месяца, но она очень, очень быстрая, наверняка прайм. Только Клера быстрее Генны, и некоторые говорят...

— Говорят, я самая быстрая, какую только видел монастырь за последние годы. — Клера села на соседнюю кровать и одарила Нону опасной улыбкой. — Полн-кровка хунска.

— А есть другие монастыри? — Нона лежала на спине, натянув одеяло до самой шеи, и смотрела на пляску теней на потолке.

— Шесть. — Рули начала пересчитывать их на пальцах. — Молчаливое Терпение, Целомудренная Преданность, Скала Джеррене...

— Сладкое Милосердие — единственный монастырь, в котором учат Мечу, Пути и Тени. Остальные воспитывают только Святых Сестер.

— Только? — Джула с соседней кровати, все еще недовольная тем, что потеряла волосы.

— Святые Сестры так же важны для Предка, как и любая другая сестра, — примирительным тоном вмешалась Рули. — Настоятельница — Святая Сестра, и она отвечает за всех нас.

Нона не мешала им разговаривать и наблюдала за игрой теней. Она не хотела видеть Арабеллу, теперь странно непривычную, с ее розовым скальпом и пятнистой светлой щетиной. Она не хотела встречаться с ней взглядом и начинать новый раунд обвинений. Джула приняла бритье с подавленным гневом, но ее реакция не шла ни в какое сравнение со вспышкой ярости Арабеллы. Нона на мгновение задумалась, не придется ли сестре Сало держать ее...

Настоятельница Стекло сказала, что Нона может уйти в любое время, но когда Арабелла потребовала вернуться домой тоном человека, привыкшего, чтобы ей

повиновались, Сестра Сало сказала «нет».

— Я не позволю послушнице искромсать меня бритвой только потому, что какая-то дикая крестьянка украла мой пояс! — И с этими словами Арабелла направилась к главным дверям.

То, что последовало за этим, было неприятно наблюдать, но как бы Арабелла ни бушевала и как бы ни угрожала, монахиня не выказывала ни малейшего намека на отступление, и в конце концов заплаканная Арабелла Йотсис села в предоставленный для нее стул, а Джула длинной бритвой и дрожащей рукой убрала ее золотистые волосы.

К тому времени, когда настала очередь Арабеллы брить голову Джулы, она сделала это, крепко сжимая лезвие, ее глаза покраснели и были полны холодного обвинения, направленного в сторону Ноны.

Нона вздрогнула и открыла глаза. Сон почти поглотил ее. Она повернула голову влево. Клера сидела на краю кровати в длинной белой ночной рубашке, держа в руке медный пенни, которым она так часто играла. Остальные девочки уже лежали в своих кроватях.

— Значит, мы друзья? — спросила она без предисловий, глядя Ноне в глаза.

— «Друг» может быть опасным словом, — сказала Нона.

Клера рассмеялась:

— Друг? Неужели?

— Да, если ты серьезно. — Нона не улыбнулась. Она подумала об Амондо и Сайде. «Друг» — это связь. Много из того, что люди делали, как они себя вели, смущало Нону. Но слово «друг» она понимала. Друг, за которого ты готов умереть. Или убить за него.

— Ну, я серьезно. — Клера позволила собственной улыбке ускользнуть.

— Тогда мы подруги.

Для Клеры этого оказалось достаточно. Она встала с кровати Ноны и пошла к своей, подбрасывая монетку и напевая какую-то мелодию, тихую и нежную.

Нона позволила усталости закрыть ее глаза. Дормитории отапливались такими же трубами, которые бежали в бане и кельях. Она и представить себе не могла, что простолюдины когда-либо полностью спасались от холода — возможно, император, перед его вечно горящими каминами, но не такие девочки, как она, и не так. Одно из высоких окон было даже приоткрыто на четверть, чтобы не было слишком душно, как будто тепло было чем-то, что можно было отдать ветру, а не чем-то драгоценным, что необходимо сохранить.

Деревенские матери стригли своих детей до пуха всякий раз, когда погода менялась. Когда лед-ветер уступал место ветру Коридора и холод становился менее резким, ножи вылезали наружу. Они делали это, чтобы уменьшить количество вшей, блох и гнид до приемлемого уровня, но Нона всегда чувствовала, что это начало чего-то нового: нового роста, новых возможностей. Ее последние мысли перед тем, как ее похитил сон, были о том, что если бритая голова — это самое худшее, что случилось с Арабеллой Йотсис до сих пор, то она прожила очаровательную жизнь. К тому же, с досадой подумала Нона, потеря золотой гривы никак не повлияла на красоту девочки. Во всяком случае, она выглядела еще более совершенной.

Погруженная в тихий гул голосов и тепло своей постели, увлекающих ее в сон, Нона позволила поединку с Генной появиться на обратной стороне ее век. Весь бой длился всего лишь мгновения, мгновения, в течение которых Генна нанесла дюжину или больше ударов, хорошо отработанный танец с ее стороны, инстинкт и рефлекс со стороны Ноны. Воспоминание об одной битве скользнуло в воспоминание о другой, возвращая Нону к

опилкам и поту Калтесса, к тренировочным боям подмастерий. Бой-мастера Партниса Рива учили дисциплине, но оставляли место для агрессии.

Через неделю или две после приезда Ноны Раймел Таксис вошел в большой зал, где тренировались подмастерья. Нона, Сайда и двое других детей с чердака, занятых подметанием пола, перестали работать и, опершись на метлы, стали наблюдать за бойцом. Вблизи его размеры пугали. Нона осознала, что ее голова даже не дотянется до бедра мужчины, и что одной рукой он сможет швырнуть ее, Сайду и двух других уборщиков через всю комнату, и не по отдельности, а всех вместе.

— У меня есть урок получше для этих щенков. — Раймел перелез через канаты на ринг, где сражались два подмастерья-геранта, оба огромные, но все равно на фут ниже взрослого бойца. Он стоял между ними огромный, белокурый и великолепный, каким-то образом одетый в свое богатство, хотя его покрывали только набедренная повязка и блестяще масло.

Бой-мастер шагнул вперед с возражением на губах, но Раймел прогрохотал через его голову: «И все остальные». — Он подозвал еще троих учеников с другого конца зала. Двое хунска с ловчими сетями в руках и девушка-герант с тяжеловесным лбом, который выглядел так, словно мог сломать кулак любому, кто был достаточно глуп, чтобы ударить ее по голове.

Когда девушка вскарабкалась вслед за двумя более быстрыми подмастерьями, Раймел ткнул локтем в горло стоявшего позади геранта: «Никогда не жди, атакуй». — Подмастерье упал, схватившись за шею. Остальные стояли, слишком ошеломленные или взволнованные, чтобы действовать. Раймел отвесил девушке пощечину, его огромная ладонь закрыла половину ее лица, и она упала обратно на веревки, сплевывая кровь. На его красивом лице появилась портившая его уродливая ухмылка.

Стоявшая рядом с Ноной Сайда прикрыла глаза, отвернулась и потянулась за метлой.

— Ты не будешь смотреть? — Нона не могла отвести взгляд. Подмастерья-хунска бросились на Раймела, два расплывшихся пятна кулаков и ног.

— Ненавижу это. — Сайда снова принялась подметать. — У меня болит живот, когда я вижу, как люди страдают.

— Но... — Нона вздрогнула, когда Раймел загнал одного из хунска на веревки и схватил его за ногу. — Партнис купил тебя, чтобы ты сражалась. Тебе придется это делать.

Она скорее почувствовала, чем увидела, как Сайда пожалала широкими плечами:

— Я скорее буду чинить людей, чем ломать их. Есть такое в городе? Чинить людей?

— Не знаю. — Нона смотрела, как Раймел ударил подмастерье-хунска о столб ринга. Какая-то ее часть хотела, чтобы ее выпустили на свободу в огороженном веревками пространстве. Другая часть хотела, чтобы надежда Сайды оказалась правдой, хотела, чтобы были люди, которые вкладывали столько же страсти в исцеление, сколько Раймел вкладывал в причинение боли.

— Раймел! — рывкнул бой-мастер. — Перестань.

Раймел продолжал душить подмастерье в своих руках, все еще, казалось, невосприимчивый к атакам последней оставшейся на ногах хунска.

Нона поймала себя на том, что тоже отворачивается, и неуправляемый гнев, который поднимался в ней всякий раз, когда она видела сражение, рассеивается:

— Тебе не придется драться, Сайда. Они увидят, что у тебя ничего не получается, и дадут тебе другую работу. Регол сказал, что старик, который приходит к лошадям, может зашивать раны, как швея. Возможно, ему скоро понадобится подмастерье. Он *очень* стар.

Сайда выдавила из себя застенчивую улыбку:

— Я бы хотела помочь. Я не хочу, чтобы Партнис отослал меня. Я буду по тебе скучать.

— Я тоже буду по тебе скучать. — Нона почувствовала, как у нее заныло в груди от этой мысли. — Значит, я этого не допущу! — Она произнесла это с такой яростной уверенностью, что улыбка Сайды стала еще шире, а ее грубое лицо — прекрасным.

Сон стал темнее, холоднее, тени вторглись в зал Калтесса. Теперь они были одни, Сайда и Нона, и между ними металась глубокая тревога.

— Не делай мне больно! — Сайда вдруг в ужасе попятилась от Ноны.

— Сайда! Я никому не позволю...

— Не делай мне больно! — Сайда, съезжившись, указала на Нону.

Нона попыталась успокоить ее, но вместо этого обнаружила, что возвышается над Сайдой, сжимая руку подруги в массивном кулаке. Серый зал вокруг нее превратился в стены квартиры Раймела, Сайда висела над толстым роскошным ковром из медвежьей шкуры.

Нона попыталась отпустить Сайду:

— Это не я. Я не такая, как он. Не такая!

— Нет, пожалуйста! Я не хотела этого делать.

Где-то глубоко в груди Ноны вспыхнул гнев. Она пыталась помочь глупой девчонке. Почему та испугалась? Неужели она думает, что у Ноны есть что-то общее с таким существом, как Раймел Таксис? «Я не сделаю тебе больно». Однако, к своему ужасу, она обнаружила, что трясет Сайду и еще сжимает кулак на руке подруги, чтобы придать особое значение своим словам

— Отпусти!

— Я отпускаю... — Но кулак сжался еще крепче, изогнулся, и Сайда начала кричать.

Нона резко вздохнула и открыла глаза. Краски ее кошмара исчезли, осталась только чернота. Потребовалось мгновение, чтобы понять, где она находится. Мягкие звуки спящих окружали ее со всех сторон. На задворках ее сознания длился сон, как будто ему и не требовалось ее внимания с разрешением продолжаться. Она шла за чем-то, за линией, которая тянулась по узкой тропинке между двух опасных сторон, с одной стороны находился темный и всепоглощающий голод, с другой — слепота, свирепая, как взгляд на солнце. И каким-то образом в то же самое время она шла еще за кем-то, одетым в черное, быстро и уверенно двигавшимся сквозь беззвездную ночь, прокладывая верный путь между высокими зданиями. Фигура нашла то, что искала, посмотрела вверх, потянулась к холодным каменным стенам и начала карабкаться.

Нона напрягла слух, прислушиваясь к тихому похрапыванию и вздохам послушниц, тихому повороту тела во сне, шепоту ветра... скрип, внезапное движение... трудно сказать, на каком расстоянии в непроглядной ночи. Без предупреждения, удивив себя, Нона резко выпрямилась, так быстро, как никогда раньше, и сбросила с себя одеяло. Возможно, какой-то новый звук заставил ее сесть, а может, и ничего, просто одно из тех подергиваний, которые возникают из ниоткуда и дергают тело, как струну. Где-то еще в темноте раздался приглушенный удар, звук воздуха, покидающего легкие быстро и без приказа...

— Ч-что? — В конце ряда Кетти, самая старшая из них, сняла с крючка фонарь, стоявший у ее кровати, — на случай, если кому-то понадобится добраться до Необходимости глубокой ночью.

Прямо под свернутым одеялом, где лежала голова Ноны, на кровати гордо возвышался

маленький черный предмет. Она моргнула, пытаясь сфокусировать взгляд — рукоять? Чего? Рядом Клера, пошатываясь, поднялась со своей кровати: «А разве уже утро?» — Ее голос был хриплым от сна. Между ними стояла фигура, показавшаяся в свете незакрытого фонаря — Арабелла Йотсис, ее лицо было маской.

Нона взялась за рукоять — обтянутую кожей, с навершием в виде железного шара размером с глаз — и потянула. Ей потребовалась большая часть сил, чтобы вытащить острие из досок, и когда она увидела, что сверкающее лезвие начало выскальзывать из щели, которую оно проделало в ее одеялах, она быстро прикрыла его. Только Арабелла это заметила и перевела взгляд от руки Ноны, сжавшей рукоять, на лицо Ноны, их взгляды встретились.

— Возвращайтесь в постель! Сейчас середина ночи. — Кетти закрыла колпак фонаря, осталось только слабое свечение.

Арабелла поспешила к Кетти и через несколько мгновений вышла из комнаты, держа в руках фонарь.

— Закройте окно. Здесь очень холодно. — Клера со своей кровати, все слова сливаются воедино. Никто не ответил.

Нона легла на спину, натянув на себя одеяло. Стало *холоднее* — должно быть, ветер подхватил окно и распахнул его настежь, — но если Клера назвала это холодом, значит она никогда не стояла лицом к лед-ветру, голодная и укрытая лишь плетеной изгородью.

Она вытащила нож из-под одеял. Клинок достигал примерно двух ладоней в ширину, узкий, как два пальца, и весь из холодной стали. Нона могла только думать, что Арабелла, должно быть, украла его из склада в тренировочном зале. Но на самом деле вопрос был в другом — намеревалась ли она заколоть Нону до смерти или просто оставила острое предупреждение? В глубине существа Ноны что-то красное и первобытное зарычало на вызов клинка, требуя крови, требуя, чтобы оружие вернули с тяжелым уроком. Нона боролась с желанием броситься за Арабеллой. Она могла поймать ее прежде, чем та доберется до Необходимости на краю утеса. Чем закончится эта встреча? Нона, с острым ножом в руке и тупыми обвинениями на губах? Гнев имел право на жизнь, это было оружие, которым нельзя пренебрегать, но терпение тоже было оружием и Нона решила, что контроль заключается в том, чтобы решить, что использовать и когда.

Она осталась в своей постели. На улице было холодно и опасно во всех отношениях. Должно быть, нож предназначался для того, чтобы напугать ее. Даже такая высокородная особа, как Арабелла Йотсис, не могла рассчитывать, что убьет человека во сне в переполненной дормитории и это сойдет ей с рук... если только она действительно не считает деревенскую девочку коровой или свиньей по сравнению с тем, кого приглашают в императорский дворец?

В какой-то момент, когда одна мысль гонялась за другой бесконечными кругами, Нона заснула и, хотя ворочалась с боку на бок, не просыпалась до тех пор, пока Брей не объявил час пробуждения и по всему дормиторию не зашевелились серые тени, ворча на день.

— Сегодня Путь и Дух, — простионала Клера. — Хуже всего на свете.

— Сначала завтрак! — Рули с усмешкой распустила ночной узел и трянула волосами.

— Дух — это то, ради чего мы все здесь собрались. — Джула фыркнула, погладила себя по голове и обнаружила, что за ночь ее волосы не вернулись.

— Я здесь потому, что меня сюда послали, — сказала Клера. — И если кто-нибудь попросит меня повторить катехизис, когда я уже буду Красной Сестрой, я воткну ему нож в

глаз.

— Если бы ты уделяла Духу больше внимания, то знала бы, что колотить людей в глаза — это нехорошо. — Джула поправила свою рясу и начала застилать постель. — Во всяком случае, сегодня первым — Путь.

— Ааа! — Клера зевнула и натянула рясу поверх панталон. — Надеюсь, Сквородка позволит нам, беспутным, снова поиграть.

Нона выскользнула из-под одеяла и начала одеваться. Она сунула руку под подушку, чтобы еще раз дотронуться до ножа и убедиться, что это не сон. Все еще там, теплый от ее тела, твердый и острый — неоспоримая правда. Она хотела взять его с собой, привязав к телу, завернув лезвие в полоску ткани, но ей не хватало ни времени, ни уединения. Ей придется оставить оружие в постели и надеяться, что у Арабеллы не будет возможности вернуть его.

Нона вышла из дормитория одной из последних и, вместе с Клерой, поспешила в трапезную позавтракать. Они вдвоем спустились по ступенькам крыльца, обнаружив необычно тихий день, безоблачное небо и редкое тепло.

У стены дормитория пухлая краснолицая сестра атаковала жесткой щеткой каменные плиты. На мгновение она остановилась, чтобы плеснуть еще воды из ведра. Она взглянула на девочек:

— Быстрее! — Она вернулась к своей работе, яростно скребя темное пятно. — Прочь отсюда.

Клера показала язык ее спине и, хихикая, побежала в сторону трапезной:

— Это Сестра Швабра. Она считает, что у послушниц есть только две цели в жизни: испачкать вещи и встать у нее на пути.

— Она назвала себя Шваброй? — Нона побежала за подругой.

— Нет, но все остальные так ее называют. Она выбрала какое-то цветочное имя, Хризант... или что-то вроде, но никто не может его произнести или запомнить.

Через сотню ярдов они миновали Сестру Сало, выходящую из дома настоятельницы. Сестра Сало посмотрела в восточное небо, когда они пробежали мимо, но не раньше, чем Нона увидела ссадину на левой стороне ее лица и синяк, темнеющий вокруг нее.

Нона подождала, пока они не скрылись за углом трапезной:

— Что случилось?

— Не знаю. Не могу себе представить, чтобы кто-нибудь победил старый Меч, — задыхаясь, сказала Клера. — Может быть, настоятельница дала ей пощечину? — Она засмеялась, потом стала серьезной. — Ты заметила, что ее рука была спрятана под рясой?

Нона не заметила, и, как только она вошла в дверь, вид тарелок с едой, полных и дымящихся, вытеснил все вопросы из ее головы. Завтрак надо было съесть быстро, но все же Нона сделала доблестную попытку не оставить ничего съедобного к тому времени, когда вышла из-за стола.

— Давай! — Клера обернулась и поманила Нону, которая бежала трусцой, чтобы не отстать, одной рукой придерживая свой переполненный живот. К счастью, вскоре они увидели здание Пути, стоявшее за ульями, выстроившихся с подветренной стороны дома настоятельницы. Четыре крыла тянулись с юга, запада, севера и востока к круглой центральной башне. Каждое крыло представляло собой каркас из искусно обработанного камня, открытого всем стихиям, с изящными угловыми колоннами; между ними, завершая структуру, простиралась решетчатая каменная кладка. Центральная башня темнела на фоне

неба, бросая вызов годам с надменностью камня; одно мгновение она казалась в зловещей, а в следующее — прекрасной. Четыре двери вели на первый этаж, по одной на каждое крыло здания.

Впереди Ноны и Клера ковыляла к башне прихрамывающими шагами послушница с костылем под левой подмышкой.

— Должно быть, вчера кто-то сильно пнул Меч! — Нона замедлила шаг, когда они догнали девочку. В dormitorio никто не хромал, и все же в этой послушнице было что-то знакомое.

— Ха! — закричала Клера, — это же просто Кривоножка! — Она промчалась мимо толкнув девочку так, что та пошатнулась.

Нона остановилась, почти поравнявшись с послушницей, и потянулась, чтобы поймать ее, но тут же отдернула руки, увидев, что в этом нет необходимости. Девочка была едва ли выше ее, волосы цвета соломы обрамляли ее голову сотней тугих локонов.

— Нона, — сказала она, не оборачиваясь.

Нона узнала этот голос:

— Гесса?

Гесса повернулась на костыле. Длина одеяния скрывала ее иссохшую ногу, но только кончик ботинка касался земли с этой стороны:

— Мы проделали долгий путь от клетки Гилджона.

Нона обхватила ее руками прежде, чем та успела моргнуть:

— Они убили Сайду.

— Мне очень жаль. — Гесса неуверенно подняла руку, чтобы похлопать Нону по плечу.

— Как ты здесь оказалась? Почему я тебя не видела? — Нона отпустила ее и отступила назад.

— Я была в санатории. Сестра Роза хотела оставить меня там, пока я не избавлюсь от кашля. — Гесса стукнула кулаком по своей узкой груди. — Я здесь уже несколько недель. Гилджон пытался продать меня в Академию, но я провалила их тесты. Они сказали, что я им не подхожу, квантал, может быть, но определенно не марджал. Он пытался продать меня трем разным магам. У них такие большие дома, Нона! Я думала, мы идем в императорский дворец...

— НоооОоОоона! — закричала Клера из северной двери. — Мы опоздаем!

— Иду!

— Нам лучше поторопиться. — Гесса переместила свой вес и выставила вперед костыль.

Костлявые ладони легли на плечи им обоим:

— Вижу, язычницы нашли друг друга! — между ними протиснулась Сестра Колесо. — Крестьянка и калека сговорились. Мы скоро очистим эти грязные маленькие мозги. Очистим от ереси и лжи, чтобы Предок мог найти вас достойными. Даже простая глина может быть сформована и обожжена в нечто ценное.

Нона открыла рот, чтобы сказать что-то резкое:

— Я...

— Да, Сестра Колесо! Я с нетерпением жду нашего урока Духа. — Гесса улыбнулась монахине так мило, что Нона почти поверила, что она говорит правду. — Но сейчас нам лучше уйти, иначе на нас рассердится Госпожа Путь.

Сестра Колесо издала звук отвращения и отпустила их обоих, вытирая руки о свою рясу:

— Тогда быстро!

Гесса довольно быстро зашагала со своим костылем, ее высохшая нога качалась под юбками. Нона прибавила скорость, оглянувшись на Сестру Колесо, которая теперь направлялась к куполу:

— Не нравится мне эта старуха!

— Ха, с Колесо можно иметь дело, если ты знаешь ее повадки. — Костыль, нога, костыль, нога. — Подожди, пока не встретишься с Отравительницей. Вот она *действительно* страшная!

Нона вошла в Башню Пути вместе с Гессой через восточную дверь. Послушницам полагалось проходить через определенную дверь, но никто не знал, через какую. Все четыре двери вели в одну и ту же комнату — гулко пустую, с каменной винтовой лестницей посередине, а по стенам висели самые странные картины, которые Нона когда-либо видела, хотя, по правде говоря, она никогда не видела картин до тех пор, пока она не вошла в комнаты ринг-бойцов в Калтессе. Пока Гесса поднималась по лестнице, Нона оглядела около двух дюжин портретов; на них были изображены только монахини, но с непокрытыми волосами и самыми необычными фантастическими дополнениями. У одной не хватало половины лица, а из разреза, на черном как ночь фоне, торчали лохмотья. У другой вместо одного глаза была красная звезда, лучи которой тянулись во все стороны. У третьей не хватало рта, зато из волос торчали цветы, которых Нона никогда не видела — темно-синие, как вечернее небо.

— Нона!

Она помчалась вверх по лестнице вслед за Гессой. Лестница казалась достаточно длинной, чтобы достичь вершины башни, но не было дверей в какие-либо комнаты по пути. Она выходила прямо в середину классной комнаты. По крайней мере, Нона предположила, что это классная комната, хотя она больше походила на церковь. Если не считать стульев, на которых сидел Красный Класс, и большого окованного железом сундука в передней части, комната была совершенно пуста. Но даже в ней была своя красота. Четыре высоких и узких окна разбивали свет на множество цветов. Дюжины плиток из цветного стекла превращая каждое окно в светящуюся абстрактную картину, отбрасывавшую красные, зеленые и синие тона на стены и пол. Какое-то мгновение Нона только и могла, что таращиться на чужеродное чудо этого места.

Монахиня, стоявшая перед сундуком, была самой старой из всех, кого Нона видела. Возможно, самая старая женщина, которую она когда-либо видела. Старшая сестра Наны Эвен, Ора, умерла год назад. Мать Ноны утверждала, что эта женщина видела, как приходили и уходили восемьдесят лет. И все же, даже лежа на погребальном костре на площади перед каменным домом Серого Стивена, старая Ора выглядела совсем юной по сравнению с Госпожой Путь.

— Садись, Гесса. — У старой монахини был удивительно молодой голос. — И ты тоже, послушница?..

— Нона. — Нона взяла стул, на самом деле чуть больше табуретки, со спинкой в виде одной узкой доски.

— Война? — Госпожа Путь подошла на шаг ближе и наклонилась вперед.

— Нона! — почти крикнула Клера.

— А, Нона. — Монахиня хлопнула Нону по плечу. — Как королева-торговка?

Нона была не единственной, кто ответил на этот последний вопрос пустым взглядом,

хотя она и заметила, что Клера кивнула.

— Неважно... неважно. — Госпожа Путь отошла, качая головой. — Это было давно, и все ее сыновья превратились в прах.

— Теперь мы все собрались? — Госпожа Путь оглядела комнату, ее глаза были такими бледными, что казались бесцветными, а белки — кремовыми от старости. — Две новые девочки, да?

— Да, Госпожа Путь. — Громкий хор.

— Тогда я представляюсь. Я — Сестра Сквородка. В этих стенах меня зовут Госпожа Путь. — Она прошла в переднюю часть класса и с преувеличенным вздохом уселась на большой сундук. Нона заметила, что правая кисть женщины, которую она сочла исчезнувшей под рукавом, исчезла круче: у запястья рука заканчивалась уродливым комом из рубцовой ткани.

Сестра Сквородка опустила голову и постучала пальцами по крышке сундука. Она молчала так долго, что Нона спросила себя, не задремала ли она, но через мгновение Сестра Сквородка подняла голову, и ее глаза заблестели:

— На этих уроках мы изучаем Путь. Для большинства из вас это будет путешествие к безмятежности, к состоянию ума, которое может помочь вам терпеть или концентрироваться. Или, может быть, оно поможет успокоить ваши страхи или отложить печаль на некоторое время, пока у вас не появится время для ее визита. Для тех немногих из вас, кто, возможно, имеет в своей крови способность ясно видеть Путь, а не просто воспринимать его как идею, эти уроки являются первыми шагами к открытию скрытых миров, границы между ними и власти, которую могут завоевать те, кто осмелится войти в такие места.

Клера наклонилась к Ноне и тихо сказала:

— Если кто-то из нас и пойдет туда, то только в одиночестве. Говорят, старушка уже лет тридцать не ступала на Путь.

Нона сжала губы, указывая глазами на Госпожу Путь.

— Она глуха, как пень, глупая. — Клера усмехнулась и немного повысила голос. — Те, кто может, делают, а те, кто не может, преподают. По крайней мере, так для Пути. Делатели слишком ценны, чтобы тратить их на нас.

Сестра Сквородка остановилась и хмуро посмотрела на Клера, которая покорно уставилась вперед.

— Теперь у нас есть... Арабелла. — Монахиня сосредоточилась на девочке Йотсис, чья бритая голова была забрызгана разноцветным светом. — У нее дерзкий взгляд. Хммм. Но что она может видеть? — Сестра Сквородка подошла и наклонилась ближе. — Не отворачивайся, дорогая. Не спускай с меня глаз. В этом месте мир поет для нас. Ты слышишь это? — Она сжала запястье Арабеллы скрюченными тисками своей руки. Кожа монахини была черной, как аспидный сланец, темнее, чем ее ряса; по сравнению с ними пальцы Арабеллы казались белыми, как кость. — Песня из трех частей. Жизнь. — Она подняла их соединенные руки. — То, что никогда не жило. — Она опустила культию в бассейн темно-красного света и проследила за лучом, падавшим из окна. — И смерть. — Быстрый взгляд назад, на сундук. — Ноты песни... — Сестра Сквородка пропела три ноты, чистые, но почему-то грустные, начало мелодии, которую Ноне хотелось бы услышать полностью. Монахиня отпустила запястье Арабеллы и начала расхаживать перед сидящими послушницами. — Есть граница между тем, что живет, и тем, что не живет. Она проходит

через все вещи и вокруг них. Это путь, по которому трудно идти, но каждый сделанный шаг — святой. Когда вы идете по Пути, вы приближаетесь к божественному. Путь исходит от Предка, и Предок ждет в конце его. В конце всего сущего.

Но мы смертны. Мы испорчены. Жалкие сосуды для божественности. Каждый шаг тяжелее предыдущего, Путь поворачивает и изгибается, он узок и движется, сила, которую он дает... ей трудно обладать. Рано или поздно каждый соскальзывает с Пути, независимо от того, чего желает его сердце, независимо от того, насколько чиста его вера.

Наше знание Пути — дар четвертого племени, последнего, кто посадил свои корабли на берег Абета. Среди звезд кванталы строили свою жизнь вокруг Пути, поколение за поколением, пока он жил в их жилах. Эта кровь была смешана, чтобы ответить на вызовы нового мира — но в некоторых из нас она видна даже сейчас, после стольких прошедших лет.

— Ты видела Путь, дитя? — Сестра Сквородка, снова стоявшая перед Арабеллой, взяла девочку за подбородок и посмотрела ей в глаза.

— Я... Иногда я вижу яркую линию, похожую на трещину, проходящую через мои сны...

— Ты к нему прикасалась? — спросила Сестра Сквородка.

— П-почти. Один раз. Я потянулась к нему... — Арабелла отвела взгляд в сторону, к одному из светящихся окон. — Мне показалось, что я бегу... мое сердце... и моя голова наполнена углами. Все было резко и неправильно...

— А что случилось потом? — Сестра Сквородка отпустила подбородок девочки.

— Я упала с кровати и проснулась с головной болью.

Раздался смех, наполовину веселый, наполовину нервный.

— А как насчет... — Сестра Сквородка моргнула и стала оглядываться, пока не увидела Нону, сидящую в дальнем конце класса, — ...нашей другой новенькой?

— Она хунска, Госпожа Путь! — крикнула Клера, хлопнув Нону по плечу. — Одна из нас, красных!

— Хммм... — Сестра Сквородка снова перевела взгляд на Арабеллу и начала задавать новые вопросы.

— Теперь она оставит тебя в покое, — тихо сказала Клера. — Ее волнуют только мистики.

— Кто? — прошептала Нона.

— Мистики. Если Императрица Арабелла не врет, она будет вторым кванталом в классе, а первый — твоя подруга Хромоножка. Но наша лысая подруга к тому же хунска, быстрая, что делает ее такой особенной; вот почему все монашки из-за нее ссут кипятком — Избранная. — Клера подняла руки в притворном поклонении. — По окончании учебы, если нас сочтут годными, мы примем духовный сан и поступим в монастырь монахинями. Девушки, которые следуют Пути, станут членами ордена Мистических Сестер — все называют их Святыми Ведьмами. Я тебе уже говорила о них. Ты и я, мы сосредоточимся на Мече и станем членами ордена Боевых Сестер, которых называют Красными Сестрами. Большинство из тех, кто приезжает сюда, становятся Святыми Сестрами... и все называют их Святыми Сестрами... или, если хотят высказаться красиво, Невестами Предка. Для меня это звучит жутко... А некоторые в последний год принимают Тень. Это Сестры Осторожности. Серые Сестры. Есть много других имен, которые люди используют для этого, и все они неприятные. Но...

— Послушница Клера! — Глухая или нет, но у Сестры Кастрюли было достаточно хорошее зрение, чтобы заметить двух послушниц, которые так склонили головы в разговоре, что почти соприкасались.

— Я рассказывала Ноне о меч-пути, Госпожа! Можно я ей покажу? Пожалуйста!

Сестра Сквородка подняла глаза к небесам и изобразила знак веры, приложив к сердцу указательный палец, указывающий вверх.

— Ребенок здесь всего несколько минут! — Она глубоко вздохнула. — Сегодня мы будем медитировать. Продолжать развивать безмятежность, которая помогает привести нас на Путь. И, Нона, хотя для многих из вас, девочки, никакая продолжительность спокойного созерцания не поставит сложность и красоту Пути в фокус вашего мысленного взора, есть много других преимуществ, духовных и физических, которые вы можете получить, достигнув некоторых ментальных состояний, — именно их мы и стремимся разблокировать. В первый год обучения я постараюсь научить вас — при помощи медитации, мантр и контроля дыхания — тройственному состоянию ума. Необходимым состояниям ясности, терпения и безмятежности. Когда вы изучите основы триады, моя печать будет на вашем свитке для продвижения в Серый Класс.

Сестра Сквородка отошла от Арабеллы и заковыляла к Ноне и Клере:

— Хотя абсолютно необходимо, чтобы Мистическая Сестра в совершенстве владела этими техниками, все три полезны для любой послушницы. Святая Сестра обнаружит, что ее общение с Предком станет более глубоким, достигнет ясности. Сестра Благоразумия будет выполнять свои обязанности с большей эффективностью, если наберется терпения. И, по иронии судьбы, Боевая Сестра будет еще более смертоносной, если перед боем она достигнет мира безмятежности. Однако, поскольку это первый день Ноны, и у меня есть ряд тестов, которые нужно пройти с Арабеллой, любая послушница, которая хочет потренироваться на меч-пути, может это сделать.

Скрип полдюжины стульев немедленно последовал за этим заявлением, когда девочки вскочили на ноги по всей комнате и направились к лестнице в центре.

— Клера! — крикнула им вслед Сестра Сквородка, и ее голос поразительно громко разнесся по лестнице. — Ты можешь попросить ключ от Зала Меча в санатории!

Шесть девочек выпорхнули, смеясь, из основания Башни Пути и побежали к перешейку плато. Четыре девочки-хунска обогнали Рули и Карисс, но в беге их природная прыть значила меньше, чем в бою: кровь хунска позволяла рефлекторно реагировать со скоростью кончика хлыста и еще изумительней перемещаться, двигая руки из одного положения в другое без утомительной необходимости заполнить ими всё пространство между, но никак не могла, например, переместить тело целиком на четыреста ярдов быстрее лошади.

Санаторий располагался на самом краю комплекса, построенный из известняковых блоков, высеченных из самого плато. Здание, казалось, пригнулось от ветра, длинная галерея с колоннами шла по подветренной стороне. Клера вбежала внутрь, остальные послушницы остановились у двери.

— Почему мы пришли сюда? — Кетти нахмурилась, сгорбившись, чтобы стать выше остальных девочек.

— Я видела, как Сестра Сало хромала сегодня утром, — сказала Генна. — Должно быть, она ранена.

— Каким образом? — спросила Рули.

Генна пожала плечами:

— Не знаю.

Нона попыталась представить себе, как Сестра Сало поскользнулась и шлепнулась на лестничный пролет. Но не смогла. Она еще не видела, как сражается Госпожа Меч, но все в том, как двигалась женщина, говорило, что она не будет застигнута врасплох чем-то неодушевленным. Значит...

— Может быть, кто-то послал ассасинов за Арабеллой, — предположила Кетти.

— Ассасинов? Почему? — Нона слышала об ассасинах только в старых сказках. Ной-гуин, обученные тайно, отправлялись на войну, чтобы положить конец войнам, или начать их, или отрезать любую жизнь, которая могла бы представлять собой оскорбление для кого-то, у кого было достаточно денег, чтобы заплатить цену, которую даже старая знать находила ошеломляющей.

Генна хмыкнула на очевидную глупость Ноны. Кетти подняла обе брови и сделала что-то губами, что означало крайнее удивление глубиной невежества Ноны:

— Она — Избранная. Дар Предка. Думаешь, люди не дерутся из-за того, чтобы завладеть ею? Или убить ее, если стало ясно, что она им не достанется, и только для того, чтобы помешать кому-то другому получить преимущество, владея ею?

— Я слышала, что Шерзал пыталась забрать ее из поместья Йотсисов, — сказала Рули.

Даже в деревне были известны имена двух сестер императора Крустикэла. Говорили, что Шерзал была худшей из них, заговорщицей, и императору пришлось изгнать ее почти до самой границы Скифроула, прежде чем он почувствовал себя в безопасности за своими стенами.

Клера прервала расспросы Ноны, выбежав из санатория с улыбкой на лице и большим железным ключом в руке. Позади нее к двери вразвалку подошла грузная фигура Сестры Роза, ее конусообразный головной убор был точно таким же, как у сестры Колесо:

— Поосторожнее на линии, послушницы. Я серьезно, Кетти! Проследи, чтобы новенькие девочки не оказались сегодня у меня на пороге...

Клера возглавила забег в Зал Меча и торопливо провела их через тренировочный зал, по коридору под трибунами и прямо к двери в конце.

— Разве мы не должны переодеться? — Рули, повернувшись налево, к раздевалке.

— Нам нужны палки для равновесия... — Карисс, тяжело дыша, поворачивая направо к складам.

— Тьфу. Палки предназначены для младенцев, и хунска лучше держат равновесие в их обычной одежде. — Клера захлопала рукавами, как крыльями. Она протиснулась в коридор, слишком темный, чтобы можно было разобрать детали.

Кетти и Генна последовали за ней. Нона, шедшая сзади, слепо наткнулась на узкую деревянную лестницу. Где-то далеко наверху открылась дверь, и к ней потянулся свет. Она начала карабкаться.

— Поосторожнее, — предупредила Кетти. — На платформе не так уж много места.

Нона протиснулась в дверь вслед за более старшей девочкой, и ее первые вопросы тут же сменились новыми. Они стояли на платформе прямо под потолком огромного зала, освещенного множеством маленьких квадратных окон в самой дальней стене. Если не считать огромных сетей, растянутых между опорами каждого угла в паре ярдов над засыпанным песком полом, комната была почти совершенно пуста. Слева на стене висел огромный маятник, тридцать ярдов в длину, почти в высоту комнаты — тяжелый медный боб на конце длинного тонкого железного прута. Над ним находилось круглое колесо,

шириной в размах рук Ноны, и размеченное по краю равномерно расположенными делениями. От помоста, где стояли девочки, к двери на уровне земли с противоположной стороны вела труба того же типа, по которым в монашеские кельи и баню подавалось горячее масло. Она поднималась, опускалась, крутилась, поворачивалась и в одном месте делала штопор с тремя поворотами.

— Что это? — Нона обнаружила, что осталась единственной, стоящей на ногах. Остальные сидели на краю платформы, снимая обувь и складывая ее в полотняные мешки у задней стены. Кетти уже сняла свою и сидела, свесив ноги над пропастью.

— Линия, — сказала Клера. — Меч-путь. — Она выгащила из рясы маленький глиняный кувшинчик и принялась натирать темной жидкостью подошвы ног. — Это...

— Сосновая смола. — Нона почувствовала запах.

— Я использую деготь, — сказала Кетти. — Лучше держит.

— Сосновая смола дешевле. — Клера использовала его с осторожностью скряги.

— Меч-путь? — спросила Нона.

— Самое близкое к Пути, что может получить хунска. Самое близкое, что может получить любой, кто не квантал. Говорят, что это помогает телу учить разум — но на самом деле это просто дает нам, скромным смертным, какое-то похожее занятие, и мы можем понять, как тяжело приходится бедным ведьмам, сидящим на Пути со скрещенными ногами и закрытыми глазами.

— Ты идешь по нему, — объяснила Генна, редкая любезность. — Маятник подсчитывает, сколько времени это у тебя заняло. — Она указала на рычаг в стене позади себя. — Вот этот начинает, а там, у двери, есть еще один, который останавливает.

— Я тебе покажу, — сказала Клера.

Но Кетти уже проковыляла к краю платформы, стараясь не запачкать ее дегтем, и остановилась прямо перед началом узкой трубы.

— Не торопиться! — И она вышла с бесконечной осторожностью, раскинув руки.

К ужасу Ноны, она увидела, что тросы, тянущиеся от крыши к кольцам на трубе, не были предназначены для поддержания конструкции — они были ее единственной опорой, и в тот момент, когда Кетти перенесла на нее свой вес, все сооружение начало раскачиваться, даже вращаться вокруг шарниров в полудюжине мест по всей длине.

Генна потянула за рычаг на стене и освободила огромный маятник. Он качнулся, быстро и бесшумно. Через, наверное, десять ударов сердца Ноны, он достиг предела и начал возвращаться. Во время этого первого взмаха колесо вверху повернулось на пять небольших делений.

Обретя равновесие, Кетти начала продвигаться вперед, стараясь не дать наклону трубы ускорить себя. Она двигалась с определенной долей изящества, каждое мгновение ее длинное тонкое тело совершало дюжину маленьких движений, покачиваясь в контрапункте с путем под ее ногами; каждый новый шаг менял ритм.

Подойдя к первому подъему, Кетти еще больше замедлила шаг и подождала, пока вся конструкция приспособится к ее весу, который теперь двигал ее в новом направлении. Расстояние под платформой показалось Ноне огромным. Более чем достаточным, чтобы убить. Больше любого дерева. Насколько больно будет попасть в эти сети на такой скорости? Выдержат ли они?

— А! — Кетти, теряя равновесие, начала изо всех сил махать руками.

Три девочки на платформе смотрели, как зачарованные. Мгновение спустя Кетти

восстановила равновесие и продвинулась вперед на двадцать футов по крутому спуску.

— Теперь будет трудно, — сказала Клера.

Кетти шагнула к возвышению, где труба начинала свою спираль из трех полных витков, настолько высокую, что она могла поместиться в них. С мучительной медлительностью Кетти начала перебираться с внутренней поверхности на внешнюю, держась на холодном металле благодаря силе сцепления ее смазанных дегтем ног. Вопреки ожиданиям Ноны, она достигла вершины первой спирали.

Нона повернулась, чтобы посмотреть на колесо, сделавшее почти полный круг: «Сколько времени это займ?..» Крик ярости и отчаяния оборвал ее. Далеко внизу Кетти ударилась о сетку и подпрыгнула, крича от разочарования.

— Обычно у нее получается лучше, — сказала Генна.

— Твоя очередь, Нона! — Клера махнула рукой в сторону стартовой точки.

Нона взглянула на горшочек со смолой в руке Клеры, но та отвернулась и наклонилась, чтобы подразнить Кетти, которая теперь карабкалась к краю сетки у двери. Генна потянула за рычаг, который поймал маятник в конце его размаха, и установила колесо в исходное положение. Обернувшись, она кивнула в сторону темного пятна на платформе, где начиналась труба. — Потопчись по нему. Твои подошвы будут достаточно липкими. Госпожа Меч чистит путь каждый день — у нее должен быть бизнес с торговцами смолой. Но она не говорит нам чистить платформу... так что мы этого не делаем!

Нона выскользнула из обуви. Смола и деготь под пальцами ног казались липкими. Она попыталась сосредоточиться на ощущении, а не на пустом пространстве между ней и землей. То, что Клера не дала ей свой горшочек со смолой, немного ранило Нону, но она знала, что нужда и щедрость имеют свои собственные циклы. В голодные времена деревня имела обыкновение делиться едой, но когда голод достигал определенного предела, все, даже самые добрые из них, замыкались в себе, делясь только с ближайшими родственниками. Возможно, даже наступал момент, когда голод мог остановить мать, кормящую ребенка. Нона лучше других понимала, что даже самые священные узы могут быть разорваны при достаточном напряжении. Клера не была голодна — но когда-то она была богата, а теперь нет. Возможно, для того, кто вырос в роскоши, это было равносильно голоду...

Нона попыталась отогнать мысли о матери и подавить гнев. Стиснув зубы, она шагнула вперед. Труба сдвинулась под ее ногой в тот момент, когда она нажала на нее. Далеко внизу дрожала сеть.

— Монастырь хранит записи о рекордах, лучших временах, — сказала Клера. — Лучшее время в каждом классе в каждом году, лучшее время за год среди всех классов, лучшее время когда-либо. — Рычаг издал глубокий лязг, когда Генна снова запустила маятник.

— Я не... Как я могу... — Нона обнаружила, что ее вторая нога приклеена к платформе не только липким участком пола. Ни одна часть ее не хотела связывать себя с этим путем. Она всегда плохо лазила по деревьям, боясь беспомощности падения почти так же сильно, как боли воссоединения с землей.

— Вперед! — настойчиво сказала Клера.

Звук шагов на лестнице позади нее вытолкнул Нону на путь. Стыд может оказывать такое же давление, как и гнев. Она вытянула руки и слегка замедлила вращение мира. Равновесие основывается на понимании движения вещей: качания, импульса, ограничений, которые законы гравитации накладывают на всю материю, будь то плоть или камень.

Слишком сильно замедляя мир, ты теряешь это интуитивное понимание, тырываешь связь с взаимосвязанной паутиной движущихся частей, и, хотя ты можешь падать постепенно и потребуются вечность, чтобы понять, что ты прошла точку невозврата, ты все равно упадешь.

Склон пути тянулся к Ноне, ноги то и дело соскальзывали. Труба предательски качалась. Она подошла к изгибу, ее неглубокое дыхание замедлялось в такт движениям ее тела, когда она изо всех сил пыталась удержаться на ногах. Ее руки уже болели, как будто она висела на них, а не просто балансировала. Каким-то образом ей удалось обогнуть первую длинную и нисходящую кривую!

Крутой подъем штопора казался непреодолимой преградой, поднимающейся над ее головой в течение нескольких шагов. Нона шла мелкими шажками, не слыша ничего, кроме хриплого дыхания и стука собственного сердца. К своему удивлению, она оказалась на вершине первого витка спирали, глядя вниз на невероятно крутой спуск к подножию следующего витка. Она знала, что ее ноги будут скользить там, когда путь будет убегать от нее.

— Продолжай! — Крик с платформы, почти сердитый.

Нона задержалась на мгновение, а пропасть со всех сторон кричала, чтобы она упала, напряжение в ногах было невыносимым. Потом она прыгнула.

Ее ведущая нога зацепилась за вершину следующего витка спирали, и, раскачивая заднюю ногу, вытянув вверх обе руки, она добралась до вершины третьего и последнего витка. Где, размахивая руками, она поймала себя одной ногой. В два прыжка она добралась до точки, расположенной чуть больше чем в четверти пути по меч-пути.

Нона поставила вторую ногу на трубу и с преувеличенной осторожностью пьяницы отвернулась в сторону. И во время этого движения увидела других послушниц, столпившихся на платформе и уставившихся на нее с открытыми ртами. Это выражение она знала: такое же потрясение отразилось на лице Амондо, когда она слишком быстро научилась выполнять его трюки. Это было начало взгляда, который закончился болью и гневом.

Ступня Ноны соскользнула с железной трубы. Она вскрикнула и упала навзничь. К тому времени, как она ударилась о сетку, она уже кричала.

Она дважды подпрыгнула и перевернулась, хрипя, пытаясь втянуть воздух обратно в легкие. Неловкая борьба привела ее к краю сетки, и сильные руки помогли ей спуститься. Она поймала себя на том, что смотрит в озорные глаза сестры Чайник, которая в последний раз появлялась за спиной сестры Яблоко в клубах пара в бане.

— Ну, это было... необычно. — Сестра Чайник улыбнулась. — Не совсем то, что я бы назвала *следованием* по пути, но все равно впечатляющая акробатика!

— С-сколько... — тяжело выдохнула Нона.

— Тебе потребовалось? — Сестра Чайник посмотрела на платформу. — Генна? Сколько времени прошло, прежде чем она упала?

— Один и двадцать!

— Один цикл и двадцать, — повторила Сестра Чайник. — Это восемьдесят делений. Ты знаешь, Нона, рекорд твоего класса по прохождению?

— Нет.

— Догадайся.

Нона попыталась представить себе это:

— Триста делений?

— Кетти? — спросила Сестра Чайник.

— Никто в настоящее время в Красном не завершил меч-путь. Сулери была последней, кто прошел его, все еще находясь в Красном. Она насчитала двести девяносто. — Кетти стояла у двери. Ее глаза метнулись к пути над ними. — Однажды я почти дошла до конца. Почти.

— Сейчас Сулери справится быстрее, — сказала Сестра Чайник, поворачиваясь к двери. — Она самая быстрая послушница в монастыре. Ее рекорд — сто восемнадцать.

— А какое самое быстрое время? — спросила Нона.

Сестра Чайник остановилась, приоткрыв дверь:

— Наши записи говорят, что чуть более двухсот лет назад некая Сестра Сова — да, та самая, что в историях, Черная Крепость и все такое — записала в гроссбухах, что она, будучи в Священном Класе, прошла путь за двадцать шесть делений. Хотя в это трудно, поверить. Возможно, за эти годы был скорректирован механизм синхронизации...

— Двадцать шесть! — Нона моргнула. Это казалось даже отдаленно невозможным.

— Есть к чему стремиться. — Сестра Чайник вышла, слегка прихрамывая, оставив Нону и Кетти смотреть друг на друга. Высоко над ними по пути двинулась Рули.

— Почему Сестра Чайник зашла сюда? — спросила Нона, чтобы нарушить молчание.

— Чтобы присмотреть за новенькой, конечно, — сказала Кетти. — Она будет отчитываться перед сестрой Сало. Вот что она делает. Смотрит и отчитывается. Она была бы госпожой Тень, если бы у нас уже не было Отравительницы! Я думаю... — она замолчала, когда Рули с криком отчаяния рухнула в сеть. — Я думаю, она все равно пришла бы, чтобы составить мнение о соревновании. Чайник держит монастырский рекорд для меч-пути — рекорд для всех, кто еще живет здесь, — шестьдесят девять делений.

Нона еще с полдюжины раз попыталась пройти по пути, двигаясь не так быстро и падая, но не для того, чтобы остаться частью группы, а потому, что сила тяжести, казалось, вцепилась в нее своими крючьями. Как ей удалось забраться так далеко раньше, она не могла сказать, потому что теперь путь качался под ней, как чужое море, и его дороги были чужды ее ногам. Но даже так она продвинулась дальше, чем Рули, Генна и бедная Карисс, которая едва делала первый ярд и никогда не достигала третьего.

От шестого удара сетью у нее зазвенело в ушах.

— Брей! — закричала Клера. — О, черт возьми! — Она спрыгнула с платформы, ряса закружилась вокруг ее головы, длинные ноги вытянуты перед собой.

Нона крепко повисла на веревках. Единственное правило, которое они ей сказали, — не пробовать путь, пока кто-то еще в сети, так как можно столкнуть его.

Клера бросилась к краю:

— Мы опоздаем на Дух!

Нона взглянула на платформу. Пусто. Они с Клерой так увлеклись соревнованием, что не заметили, как остальные ушли.

— Вперед! — Клера бросила Ноне башмаки и спрыгнула на пол. — Госпожа Дух хуже всех!

— Мне показалось, ты сказала, что самая худшая — Отравительница!

— Они все хуже, когда ты опаздываешь! — Клера уже бежала.

Мчась вокруг Собора Предка, Нона начала думать, что в этом месте нет двери; ее дыхание стало прерывистым, более длинные ноги Клеры неслись впереди. Внезапная боль пронзила легкие, и она замедлила шаг, схватившись за бок. К счастью, через несколько шагов она увидела большие двери, которые видела в свою первую ночь. Шеренга Красного Класа уже входила в узкую щель, где чья-то рука придерживала левую створку приоткрытой. Клера и Нона, потные и запыхавшиеся, присоединились к концу очереди, как раз когда Кетти и Рули проскользнули вперед. Кетти пришлось пригнуться под рукой, которая, как оказалось, была прикреплена к Сестре Колесо. Нона нахмурилась, все еще не простив монахиню за то, что та с таким святым рвением выдернула ее из постели в первое же утро в монастыре.

— Быстро! Тихо! — Сестра Колесо пропустила их внутрь.

Поначалу тусклый свет породил лишь впечатление огромных колонн и полированного пола; за ними виднелось более светлое пространство. Нона последовала за спиной Клеры, моргая, чтобы помочь глазам привыкнуть. Они находились в огромном фойе, которое само по себе было больше любого дома в Истине, за исключением самых богатых. Сестра Колесо повела их вдоль стены налево к маленькой двери сбоку, словно позволяя послушницам рисковать, пятная и дальше столь святое место. Из вида внутренней части собора, мелькнувшей между гладкими колоннами черного мрамора, Нона поняла, что пространство было одновременно необычным и обширным, освещенным дюжинами длинных и узких окон, расходящихся от вершины купола, с мерцающей статуей в центре, крошечной в таком пространстве, но намного большей человека.

Притяжение, которое Нона почувствовала в ту первую ночь в монашеских кельях, тоже было здесь. Не такое сильное, как тогда, когда она стояла всего в нескольких ярдах от черной двери, ведущей в заднюю часть собора... но все же оно было. Огромное и гулкое пространство, солнечный свет, проникающий через множество окон, золотая статуя — все это было величественным и впечатляющим, возможно, даже святым, но не они были источником. Что-то заполняло этот купол, едва не разрывая, но его центр лежал глубже...

— Нона! — Клера у открытой боковой двери, зовет. — Хватит попусту терять время!

Нона поспешила в маленькую классную комнату, тускло освещенную тремя высокими узкими окнами, которые образовывали кольцо, продырявившее стену большого купола.

— Опаздывают на занятия, но никогда не опаздывают на ужин! — Голос Сестры Колесо, скрежещущий, как железо по стеклу, стал на удивление громким, когда она указала на Нону и Клера, появившихся в двери.

Ноне, которая до сих пор присутствовала только на одном монастырском ужине, это показалось слишком суровым суждением.

Сестра стояла в дальнем конце класса в одном из кругов света, отбрасываемого окнами, белая воронка ее головного убора сияла, а выбившиеся пряди седых волос, казалось, плавали вокруг ее лица:

— Идите на место, быстро! Дорога к проклятию вымощена медленными шагами!

Нона поспешила к пустой парте у двери, опустив голову и пытаясь понять, как можно вымостить дорогу шагами. Клера заняла соседнюю парту, сверкнув улыбкой в ее сторону. Порывшись в рясе, она вытащила туго свернутый свиток пергамента, грифельную доску,

кусок мела, маленький закупоренный горшочек и перо. Последнее создавало впечатление, что птица, с которой его сняли, умерла от какой-то изнурительной болезни, упав со своего насеста в грязную лужу, прежде чем ее переехали несколько повозок и, наконец, основательно пожевала голодная кошка.

Послушницы за другими столами уже развернули перед собой свитки, некоторые макали перья в чернильницы. Перо Арабеллы поймало свет, превратившись в нечто неземное. Идеальное лебединое перо, чистое и блестящее.

— Мы продолжим восемнадцатую часть катехизиса. Позже я проверю, как вы помните имена святых, их дни памяти, а также службы и традиции, характерные для каждого... Новая девочка! Достань свой пергамент и перо! Или ты не считаешь мои слова достойными записи?

— Да... — Смех со всех сторон, в том числе музыкальный перезвон Арабеллы. — Я имею в виду, нет, Сестра Колесо.

— Сестра Колесо? В *этом* классе нет Сестры Колесо, девочка. Ты будешь обращаться ко мне Госпожа Дух. А теперь достань свой свиток!

— Но... у меня нет... — Нона хлопнула себя по рясе, как будто нужные ей вещи могли каким-то образом оказаться в одном из внутренних карманов без ее ведома.

— Быстро! — Сестра Колесо хлопнула железной ладонью по столу Джулы в первом ряду и двинулась к Ноне, лавируя между столами, девочки опускали головы, когда она проходила мимо.

Нона почувствовала, как знакомый гнев закипает где-то глубоко внутри, куда ее мысли никогда не осмеливались проникнуть. Даже если бы ей дали перо и пергамент... Она никогда в жизни не держала в руках ни того, ни другого и могла делать нужные знаки пером на пергаменте примерно так же, как могла летать.

— Ну? — Сестра Колесо нависла над Ноной, бледные водянистые глаза встретились с пристальным взглядом.

Нона резко встала.

— Поступление послушницы Ноны в монастырь было... нестандартным. — Настоятельница Стекло вошла незамеченной и теперь, положив руку на плечо Ноны, вернула ее на место. — В результате обычной переписке относительно припасов, которые должен принести с собой абитуриент, просто не было, Госпожа Дух. — Настоятельница положила на стол перо с серым опахалом и толстый свиток пергаменты. — Нона, однако, будет скорее слушающей ученицей, чем пишущей, до тех пор, пока Сестра Чайник не объявит, что Нона достаточно продвинулась во время внеклассных занятий. Она будет...

Бледное лицо Сестры Колесо побагровело:

— Я знаю *в точности*, какими внеклассными занятиями занимается Сестра Чайник, и с кем, и я...

— Сестра Чайник улучшит чтение и письмо Ноны до уровня, необходимого в Красном Классе. — Настоятельница пристально посмотрела на Сестру Колесо. — Вопрос закрыт.

Сестра Колесо нахмурилась и заковыляла к началу классной комнаты.

Настоятельница Стекло развернула верхнюю часть свитка Ноны и достала чернильницу, чтобы удержать его на месте. Она обмакнула перо и, казалось, одним плавным движением оставила на пергаменте прекрасную путаницу линий, черных и блестящих, извивающихся, как виноградная лоза.

— Твое имя, — сказала она. Она обмакнула снова, и под пером появились три очень

разные линии, переплетенные закорючками, небрежно нарисованными, хотя имя было очень аккуратным. Настоятельница достала промокашку и промокнула рисунок. — А это ты.

Нона уставилась на узор, нахмутив лоб.

— И, раз уж я здесь, — продолжала настоятельница, — я обращусь к послушницам. — Она последовала за Сестрой Колесо, улыбаясь девочкам по обе стороны от нее. — Некоторые здесь, возможно, еще не слышали моего приветствия вере — конечно, Арабелла и Нона не слышали, — и не будет вреда освежить память у тех, кто слышал.

Нона вытянула палец, чтобы проследить линии своего имени, и когда она сделала это, более крупный узор под ее именем внезапно обрел смысл... ее лицо, пойманное тремя черными закорючками. Лицо, которое в последний раз смотрело на нее из зеркала на стене Раймела Таксиса. Она моргнула и подавила смешок, удивляясь, как она вообще могла не понять, что означают эти строки. Возможно, когда-нибудь письмо откроет ей свое значение таким же образом.

Настоятельница Стекло вышла вперед и, отогнав Сестру Колесо в сторону, заняла центральное место:

— Сестра Колесо учит нас важным деталям нашего почитания Предка. Механики этого дела, если хотите. *Как и когда*. Она делает это хорошо, и мы благодарим ее за это. Однако моя обязанность — напоминать нам всем *почему*.

Нона, например, до того, как пришла к нам, была последовательницей Надежды, и хотя Надежда — это санкционированная ересь, которая подпадает под рамки Предка, мы... да, Нона?

Нона подняла руку, как это делали большие, когда хотели задать вопрос на уроке Наны Эвен, проходившем в каждый седьмой день. Мало кто из них когда-либо действительно спрашивал, потому что ответ обычно был: *«потому что я так говорю»*.

— Моя мать ходила в церковь Надежды в Белом Озере, но я никогда не произносила этих слов. Одна звезда белая, другие красные... почему я должна преклонять перед ней колени? — Так говорил ее отец. — В моей деревне молятся богам, которых много и у которых нет имен. — Послушницы захихикали, как будто это было смешнее, чем их собор и золотая статуя.

Настоятельница Стекло поджала губы:

— Такие верования необычны для Истины, Нона. В Диких Землях на востоке и по ту сторону границы, в Скифроуле, сохранились остатки многих верований, и император терпимо относится к ним, но Предок...

— Мой отец охотился на льду и даже в подземных туннелях. — Нона почти ничего не помнила о своем отце, кроме тех историй, которые он рассказывал. И ни одна из этих историй не запомнилась ей так ярко, как та, что рассказывала о туннелях. Проточенные рекой, они бежали подо льдом и становились сухими, когда вода находила лучший путь или замерзала у истоков. В этих историях ее отец и его клан охотились на зверей из всех сказок, которые она когда-либо слышала. Но лучшие из его историй рассказывали о Пропавших, о тех, кто не был людьми и кто жил на Абете до того, как четыре племени спустились со звезд. Ни один человек никогда не видел Пропавших, но их слуги остались и теперь бродили по темным местам подо льдом, где святые для Пропавших места снова обнажились. Такие руины можно было найти везде, где туннели пересекали города, которые Пропавшие вырезали глубоко в самой скале. — Мой отец говорил, что Предок может присматривать за нами в Коридоре, но в темных уголках этого мира правят боги, которых оставили после себя

Пропавшие.

На этот раз не было никакого смеха, только тишина затаенного дыхания, ожидающего падения молота.

Настоятельница Стекло поджала губы, словно попробовала что-то особенно кислое. Она какое-то мгновение изучала Нону, подняв руку в сторону Сестры Колесо, когда монахиня, казалось, собиралась произнести свое первое слово, выплеснуть свой гнев. Настоятельница расплылась в улыбке:

— Император запретил поклоняться ложным идолам, Нона. Большая часть нашей собственной истории — более десяти тысяч лет — погребена подо льдом. Летопись триумфов, безумств и медленного поражения под умирающим солнцем. Существует достаточно ересей и языческих богов, придуманных нами самими, и нет необходимости гнаться за тайнами существ, менее похожих на нас с тобой, чем собака на рыбу.

Тот же гнев, что вскипел в каком-то красном уголке Ноны, когда Раймел ранил Сайду, снова начал бурлить в ней. Она встала так быстро, что ее стул упал бы, если бы не быстрые руки Клеры: «Мой отец...» — Слова, жесткие и резкие, застряли у нее в горле. Она усмирила их — гнев лишил Нону ее места в деревне, а потом и в Калтессе...

— Я здесь для того, чтобы ответить на вопрос *почему*, — спокойно продолжила Настоятельница Стекло, словно маленькая девочка не стояла перед ней с вызовом, уперев в бока сжатые кулаки. — Мы почитаем Предка, потому что, поступая так, мы соединяемся с тем, что свято в человеческом духе, что свято в нас...

— Вы не святая! — Нона не могла остановить эти слова. Теплые постели и хорошая еда были слишком большим сокровищем, чтобы приносить их в жертву, но вместе с ними пришли ножи в темноте, смех сквозь прижатые к лицу ладони и эта женщина, называющая себя святой. — Вы видели, как убили Сайду! Вы видели, как ее душили и задушили!

— Сестра Колесо! — Настоятельница повысила голос до крика, заглушая все, что говорила монахиня. — Принесите мне проволочную трость из склада Меча.

Резкий вздох раздался по всей комнате. Лицо Сестры Колесо расплылось в непривычной усмешке.

— Да, Настоятельница Стекло, конечно. Хороший выбор. Прекрасный выбор для наказания. — И она поспешно вышла из комнаты, удивив всех своей скоростью.

Настоятельница подождала, пока дверь закроется. Она отодвинула один из стульев от неиспользуемого стола и села на него, являя собой слегка комичный образ дородной женщины, взгромоздившейся на детское сиденье.

— Я не святая? Что *есть* святое? Нона? Кто-нибудь? — Молчание. Нона хотела было ответить, но поняла, что не знает. — Я верю в Предка — в дух Предка.

— Верите? Как верит Сестра Колесо? — Нона не смогла не подпустить яд в свои слова. Когда она смотрела на Колесо, ей казалось, что при создании этой женщины что-то было пропущено. Большую часть времени Нона чувствовала то же самое по отношению к себе — как будто в ее конструкции какая-то часть была пропущена, полностью отсутствовала, и она даже не могла сказать, какая, только то, что пустота лежала там, где эта часть должна была быть: — Я ненавижу Сестру Колесо. — Гораздо труднее простить людям свои собственные грехи, чем те, что уникальны именно для них. Гораздо труднее.

— Ты не знаешь Сестру Колесо, Нона. Ты ведь только что с ней познакомилась. Нона нахмурилась.

— Я много чего знаю. Я много чего повидала. Больше, чем вы можете видеть отсюда, из

своего милого теплого монастыря, за который платят все люди, работающие там, в городе, и в Коридоре, выращивающие вам еду из грязи. Что хорошего в святости, если она не может себя накормить и одеть? Это место превращает детей в старух, молящихся за грехи мира и никогда их не видящих. — Некоторые слова принадлежали ее отцу, но весь гнев принадлежал ей. — Что хорошего в святости, если она видит, как умирает моя подруга — не потому, что она сделала что-то не так, а потому, что ее кровь была недостаточно хороша?

Лица послушниц вокруг нее застыли в самых разных выражениях, от ужаса и шока на лице Джулы и Рули до изумления на лице Клеры и улыбки Арабеллы, которая могла означать все, что угодно. Ноне хотелось взять свои слова обратно — даже сейчас ей хотелось извиниться и попросить оставить ее здесь... но она не могла выдать из себя ни слова.

— Ты права, Нона. — Настоятельница кивнула сама себе, бросив быстрый взгляд на ее единственное кольцо, украшенное большим аметистом.

Нона моргнула, она ждала удара или осуждения.

— Если бы мы провели здесь всю свою жизнь, мы мало что могли бы предложить миру и знали бы о нем достаточно мало, чтобы иметь контекст для нашей молитвы... — заметив, что Нона нахмурилась, она заговорила более просто. — Мы бы не понимали, за что молиться. Не зная хаоса и смятения, которые омывают все вокруг этого плато, нашей Скалы Веры, мы не могли бы оценить спокойствие, которое ищем. — Настоятельница Стекло замолчала и устремила на Нону взгляд своих темных глаз. Ей казалось важным, чтобы Нона поняла... чтобы Нона поверила. — Я не всегда была монахиней. У меня был сын, и я дышала на него. Когда мы хоронили его, меня охватила печаль. Было ли мое горе святым? Было ли оно уникальным? Все наши обиды и глупости повторяются снова и снова. Поколение за поколением живут и делают одни и те же ошибки. Но мы не похожи на огонь, реку или ветер — мы не одна мелодия, скорее ее вариации, которые разыгрываются вечно, в огромных количествах, пока мир не умрет. В нас написана история. Твои родители — твой отец и его ледяные туннели, твоя мать и ее Церковь Надежды, любили ли они тебя или бросили, — оба они живут в твоих костях, их помнит твоя кровь. Хунска поднялась в тебе на поверхность, быстрота какого-то родственника, умершего десять тысяч лет назад — ты думаешь, что твои мать и отец присутствуют меньше?

Нона обнаружила, что слишком крепко стиснула зубы, чтобы ответить. Гнев за мать кипел в ней, и руки ее судорожно сжимались.

— В нас записана история, которая дополняется с каждым зачатием — она помнит и изменяет нас — мы движемся от чего-то к чему-то. — Настоятельница Стекло вытянула обе руки перед собой, ладонями наружу, сложив большие пальцы, так что между указательными пальцами обеих рук образовалась узкая щель. — Жизнь. — Она чуть приподняла одну руку. — Смерть. — Она подняла вторую руку, чтобы соответствовать первой. — Мы тратим все наши годы на короткое путешествие через эту щель. Но обрати внимание — пропасть узкая, если ты пересекла ее, но, если идти вдоль нее, она длинная. Длинная настолько, насколько захочешь. Ты и я, мы путешествуем через щель, но, как народ, мы следуем *вдоль* нее. Предок стоит на обоих концах. Предок наблюдает за нами еще до полета — до того, как корабль-сердца впервые отбили свой ритм. Это Предок необычайной формы, источник, альфа. На нашем пути мы стали многочисленными и разнообразными. Предок наблюдает за нами от начала *и* до конца, из-за мертвых звезд, в холодной тьме запредельного. Это Предок необычайного разума, предназначение, омега.

— Предок — это смысл в хаосе, память во времени, и *это* святое. Ритуал, которому

учит Сестра Колесо, является частью этой памяти — нашей связи с ним, и это важно, что бы ты ни думала о человеке, который передает послание. Но что меня действительно волнует, так это знание, стоящее за этим посланием. Мы — многие части единого. Мы — ступени. Предок — путешествие. — Она встала и взяла Нону за руку. — Пошли, нам лучше уйти.

От удивления у Ноны развязался язык.

— Но почему? Куда? — Она подозрительно отступила назад.

— К этому времени Сестра Колесо уже наверняка обнаружила, что Зал Меча заперт. Отправилась на поиски сестры Сало, нашла ее в санатории и забрала ключ. Ты хочешь быть здесь, когда она вернется с проволочной тростью? — Она подошла к двери и открыла ее, потянув Нону за собой. — Ведите себя прилично, девочки. Госпожа Дух захочет воспользоваться этой тростью и не потребует особых причин.

— Сестра Колесо скоро успокоится. — Настоятельница пересекла фойе и открыла главные двери. — По крайней мере, настолько, насколько это возможно. Хотя я не стану притворяться, что она не из тех, кто забывает обиду. Она несет свою страсть к вере в обеих руках, и любое неуважение ко мне, реальное или предполагаемое, является для нее нападением на веру, Нона. Оставайся на ее хорошей стороне и обрати внимание: тебе нужно узнать то, чему она учит.

Они подошли к дому настоятельницы, где на ступеньках спал ее кот, Малкин. Настоятельница Стекло остановилась:

— Ты всегда можешь высказать мне все, что думаешь, Нона, но тебе будет легче с Сестрой Колесо и другими, если тебя накажут за неуважение к должности, которую я представляю. Сегодня ты проведешь час в созерцании у провала вместо того, чтобы присоединиться к своему классу за вечерней трапезой.

— Да, настоятельница. — Нона съела за два дня еды на целую неделю: она могла пропустить ужин и даже не заметить этого. Она и раньше знала, что такое голод. Настоящий голод.

Какая-то фигура бежала к ним, пересекая участок плато между собором и лесом колонн. Настоятельница уставилась на приближающуюся монахиню.

— Тебе нужно выучить то, чему учит Госпожа Дух. Как только ты это усвоишь, ты сумеешь выработать собственное понимание веры. Сможешь упорядочить и расставить приоритеты догматов веры по своему усмотрению, как и все мы. Но сначала ты должна узнать, что они оз... — она растерянно замолчала, когда бегунья приблизилась, хлопая рукавами и юбками, и остановилась перед ними.

— Сестра Кремень? — Настоятельница Стекло склонила голову набок.

Бледная монахиня склонила голову, по-видимому, несколько не обеспокоенная долгим бегом:

— Приближаются гости, настоятельница. Судья верховного суда и девять вооруженных мужчин.

— Любопытно. — Настоятельница поджала губы. — Не по Дороге Безмятежности, ни по Виноградной Лестнице, иначе бы нас бы предупредили. Сестра Дуб все еще патрулирует Дорогу Повозок?

Сестра Кремень кивнула.

— Значит, наши гости либо прилетели сюда на спинах орлов, либо совершили очень долгую прогулку, чтобы попасть к нам без предупреждения...

— Орлов? — спросила Нона.

— Это шутка, дорогая. — Настоятельница нахмурилась и посмотрела на сестру Кремень. — Когда они придут?

— Через несколько минут.

— М-да. — Настоятельница Стекло с некоторым трудом опустилась на ступеньки своей официальной резиденции. — Принеси, пожалуйста, мой посох, Нона. Прямо за входной дверью. Она открыта.

Нона быстро поднялась по ступенькам и толкнула обшитую панелями дверь в полутемный коридор, выложенный черно-белой плиткой. Ее шаги эхом отдавались в сводчатом пространстве над ней. Чуть поодаль у стены стояла стойка с пятью одинаковыми посохами, увесистыми шестами, окованными железными обручами, верхняя часть которых извивалась, как пастуший посох, плоская спираль была покрыта пластинками очень тонкого чеканного золота, на каждой из которых были выгравированы сцены из книги Предка. Она взяла первый, удивившись его весу, и поспешила обратно к настоятельнице.

— Спасибо. — Настоятельница Стекло взяла посох и похлопала по ступеньке рядом с собой. — Садись.

Нона села, и Малкин побрел прочь. Сестра Кремень ждала у подножия лестницы, ветер туго окутывал ее одеяние вокруг ее болезненно худого тела.

Вскоре они увидели, как гости пробираются между колоннами, чувствуя себя неловко среди каменного леса.

— А ты знаешь, Нона, что камень, из которого сделаны эти колонны, нигде в Коридоре не найдешь? Теперь все это подо льдом. Потеряно для нас.

Нона начала было отвечать, но тут же осеклась. Настоятельница Стекло знала, что она ничего не знает.

Приближающиеся мужчины были одеты в длинные красные плащи и нагрудники из полированной стали, их шлемы блестели и были богато украшены. Сбоку от них седовласый мужчина в толстой черной мантии ехал на огромном коне, выведенном скорее для выносливости, чем для скорости. Второй человек, тоже в черной развеваемой ветром мантии, но более тонкой, шел следом, ведя за собой мула с нагруженными седельными сумками.

К этому времени полдюжины монахинь наблюдали за происходящим из дверей собора Предка, в том числе Сестра Колесо, задержавшаяся по возвращении в класс Духа, с проволочной тростью в руке.

Девять гвардейцев выстроились перед ступенями настоятельницы Стекло, и старик спустился со своего гигантского коня. Он держался с такой уверенностью и достоинством, что посрамил бы Серого Стивена. Нона спросила себя, был ли он лордом или каким-то близким родственником императора. Толстый обруч из переплетенных золотых прядей удерживал белую гриву от падения на лицо патриция. Он посмотрел на настоятельницу из-под аккуратно подстриженных бровей, направив легкое отвращение вниз по обеим сторонам выступающего вперед угловатого носа.

— Это самые великолепные городские гвардейцы, каких я когда-либо видела, — пробормотала Настоятельница Стекло. — Я чую запах денег, и немалых.

Вперед вышел молодой человек, сжимавший в руках тяжелую книгу в черном кожаном переплете. Нона видела, как он вытаскивал ее из седельной сумки мула:

— Судья Ирвон Галамсис передает Настоятельнице монастыря Сладкого Милосердия его приветствия и поздравляет с днем рождения императора Хедрала Антсиса, четвертого

этого имени.

Настоятельница Стекло наклонилась к Ноне, улыбнулась и тихо сказала.

— Почти каждый день — день рождения того или иного императора, если копнуть поглубже. — С ворчанием она поднялась на ноги, опираясь на посох. — Ирвон, как я рада снова вас видеть. Вы останетесь на ужин? Послушницы будут в восторге! У нас в гостях судья, и не просто какой-нибудь обычный, а треть Верховного суда страны!

— Я пришел за девочкой, настоятельница. Я не собираюсь задерживаться здесь надолго.

— Девочка? У нас здесь их много, Ирвон. Я обязана заботиться о них душой и телом.

— Осужденная убийца, которой вы помогли сбежать из тюрьмы Хэрритон два дня назад.

— Осужденная? — Настоятельница потерла подбородок. — Был суд? Или для нее просто купили веревку?

Судья Ирвон щелкнул пальцами, и молодой человек поднял книгу, открыл ее на странице, помеченной шелковой лентой, и прочитал монотонным голосом:

— Во время правления Судьи Мейкера, уважаемого главы Верховного суда: в пределах звука дворцовых колоколов лицо без гражданства может быть осуждено любым тюремным чиновником, прошедшим на службе более трех лет, на основании показаний пяти или более свидетелей хорошей репутации. ГЛ 3417.

Золотая головка посоха настоятельницы стала медленно поворачиваться:

— Такая новая обложка для такой старой книги, судья. Год Луны 3417? Ваш закон появился раньше, чем этот монастырь. Он предшествует большей части Истины! И я сомневаюсь, что он использовался в те времена, когда здесь встали эти здания.

— Тем не менее, начальник тюрьмы Джеймс вынес приговор девочке, когда она прибыла в Хэрритон. — Судья посмотрел в сторону монастыря. — Будьте так добры и прикажите привести ребенка — это лучше, чем обыск.

Нона с самого начала поняла, что никто из мужчин не знает, что она была той, кого они искали.

— Конечно. — Настоятельница кивнула. — Конечно, я буду рада помочь. Но мне кажется, что даже в наше время, и даже с таким старым законом... разве не требуется, чтобы кто-то был убит, чтобы повесить другого человека за убийство? Или бедняга Раймел ушел подводить счета с Предком?

Судья со скучающим видом махнул рукой своему помощнику, и тот обратился к другой странице, отмеченной куском шелка:

— ГЛ 3702, Судья Арк Линсис постановил, что в случае покушения на убийство преступник может быть повешен за убийство, если приговор основан на разумном убеждении, что жертва умрет.

— Туран Таксис, должно быть, заплатил немалую сумму золотом, чтобы ваши клерки с таким усердием рылись в юридических книгах, Ирвон.

— Какой отец не захочет справедливости для своего сына? — Судья склонил голову, по-видимому, серьезно и задумчиво. Нона подумала, встречался ли он когда-нибудь с Раймелом Таксисом: — Лорд Таксис готов не обратить внимание на ваше вмешательство в закон, Настоятельница Стекло, и из уважения к церкви я не собираюсь настаивать на этом деле от имени города. Однако вам следует незамедлительно передать под мою ответственность убийцу, известную как Нона Рив.

Нона крепко стиснула зубы, чтобы не сплюнуть. Партнис Рив не дал ей ничего, что она

хотела бы сохранить, и меньше всего — его имя.

— Я никогда не слушаюсь верховного суда, Ирвон. — Настоятельница Стекло перестала крутить свой посох. Судья фыркнул. Настоятельница Стекло немного помолчала и продолжила: — Но...

— Ха! — Судья покачал головой.

— Но Нона теперь послушница в монастыре, и поэтому любые проступки, прошлые и настоящие, подпадают под юрисдикцию церковного закона. Как и мои. Мне очень жаль, что вы напрасно потратили время. Вам действительно стоит остаться на ужин, девочки будут в восторге...

Большая черная книга законов с громким стуком упала на землю.

— Это она, не так ли? — Молодой помощник направился к лестнице, указывая пальцем на Нону. — Это та маленькая сучка, которая это сделала!

— Лано... — судья покачал головой, скорее смиренно, чем сердито. — Я же говорил, что тебе не следовало приходить.

Нона пристально посмотрела на него, впервые *увидев* этого человека и найдя что-то знакомое в его узких чертах лица, возможно, бледную ярость в его глазах или скошенные губы.

— Он убил бы Сайду! — Гнев, охвативший Нону в то мгновение в Калтессе, мгновенно вернулся к Ноне, словно никогда и не покидал ее. — Он заслуж...

Лано Таксис двигался быстрее, чем кто-либо из тех, кого Нона когда-либо видела — размытое пятно темных одежд обогнуло Сестру Кремень, хотя та потянулась к нему со скоростью, способной пристыдить пещерную гадюку. Нона едва успела вскинуть руки и перехватить пальцы, пытавшимися схватить ее за горло. Мгновение спустя Лано оттащили назад, крик гнева заглушила тонкая рука Сестры Кремень, обхватившая его за шею.

— Что? — Настоятельница Стекло, остолбеневшая в момент атаки, обрела дар речи, осознав, что произошло нападение только тогда, когда преступника оттащили. — Нона! Ты ранена?

Нона посмотрела на встревоженную настоятельницу:

— Нет.

— Твои руки!

Нона подняла их, с обеих капала малиновая кровь. Боли не было.

— Эта сучка порезала меня! Эта маленькая шлюха действительно *порезала* меня! — Лано, отброшенный назад в объятия ближайших гвардейцев, сжимал одну руку другой, кровь пульсировала между его пальцами. — Арестуйте ее!

Между людьми судьи и настоятельницей уже стояли другие монахини — Сестры Чайник и Яблоко встали по бокам от Сестры Кремень вместе с двумя незнакомыми Ноне монахинями.

— Лано Таксис? — Настоятельница Стекло сделала шаг вперед. — Ваш отец знает, что вы здесь, молодой человек?

Лано зарычал и сделал шаг вперед, но достаточно медленно, чтобы гвардейцы смогли удержать его.

— Я вижу, вы хорошо провели время в Тетрагоде. Ваша маскировка и скорость были восхитительны. — Настоятельница посмотрела на Судью Ирвона, вздохнула и снова перевела взгляд на молодого человека, стоявшего перед ней. — Похоже, оба сына Турана Таксиса еще не усвоили, что избивание маленьких девочек — не то развлечение, которое

можно проводить совершенно без последствий... У меня здесь есть несколько старших девочек, которые будут рады преподать вам этот урок. Не хотите ли бросить им вызов в Зале Меча?

— Ты меня не испугаешь, Шелла Яммал! — Лано выплюнул эти слова, бледный от ярости, с лихорадочными красными пятнами вокруг глаз. — Да, я знаю твой род и твою семью, старуха. Мой отец мог бы купить этот камень со всей твоей жалкой коллекцией старых ведьм и отбросов.

— Лано имеет в виду, — судья Ирвон возвысил голос, глубокий и внушительный, исполненный власти и авторитета, — что мы вернемся в Истину и продолжим расследование по соответствующим каналам. — Он сделал знак стражнику, чтобы тот поднял упавший юридический фолиант, а затем взобрался на коня, воспользовавшись помощью другого мужчины.

— Первосвященник Джейкоб обедает за столом моего отца, ты, жалкий мешок ворвани! — взревел Лано. Судья махнул людям, державшим его, чтобы они шли обратно к колоннам. — Я тебя за это утоплю! — Лано позволил им тащить себя, пока он кричал. — Я прикажу поджарить эту девчонку! Я подам ее моему брату на обеденном блюде! Первосвященник вышвырнет тебя отсюда, старуха. Ты будешь просить милостыню на улицах прежде, чем я покончу с тобой!

Примерно в двадцати ярдах от них, Лано Таксис, до этого дававший волочь себя, стряхнул людей, державших его, и бросился вперед, чтобы осыпать упреками судью. Монахини молча наблюдали за происходящим. Грубая ярость и колкости Лано тянулись обратно через плато даже тогда, когда мужчины достигли колонн.

— Хорошо. — Настоятельница Стекло тяжело опустилась на ступеньки. Она, казалось, не собиралась больше ничего говорить. Сестра Яблоко повернулась к ней, но настоятельница отмахнулась. — Вы слышали этого человека — мы можем достаточно скоро ожидать визита первосвященника. Хорошая возможность немного прибраться и убедиться, что все в порядке. Я оставляю это вам, дорогая Яблоко.

Сестра Яблоко поджала губы, посмотрела на руки Ноны, затем кивнула и повела остальных прочь. Сестра Колесо задержалась, но взмах посоха заставил ее поспешить за остальными.

— Итак, — сказала настоятельница, похлопав по ступеньке рядом с собой. — У тебя есть нож?

Нона кивнула и села на холодный камень.

— Вполне могу понять, я полагаю. — Настоятельница Стекло не сводила глаз с далеких колонн. — Но я должна попросить тебя вернуть его на склад Меча.

— Да, настоятельница. — Нона в замешательстве опустила взгляд на свои руки. Настоятельница сделала для нее больше, чем собственная мать: она могла потерять все ради какой-то крестьянки, которую едва знала. Нона не солгала, но все равно было неправильно обманывать ее. — Я так и сделаю.

— Ты уверена, что это не твоя кровь? — спросила настоятельница.

Нона согнула ладони, пальцы уже прилипли друг к другу:

— Уверена.

— Тогда беги. Положи нож обратно, и мы больше не будем об этом говорить. Мой долг и долг всех твоих сестер здесь — защищать тебя. Тебе не нужен клинок.

— Да, настоятельница. — Нона быстро поднялась на ноги. — Я так и сделаю. — Она

хотела поблагодарить настоятельницу, но ничего из того, что она хотела сказать, не прозвучало бы правильно. И, что бы ни случилось, настоятельница Стекло безучастно наблюдала, как повесили Сайду.

Нона побежала прочь, ветер коридора пытался направить ее. Она сразу же отнесет нож на склад Зала Меча... но сначала сбегает в dormitorio и достанет его из кровати.

Нона пришла в dormitorio поздно, на обратном пути от созерцания провала ускользнув в баню, чтобы избежать встречи с Сестрой Колесо и заставить женщину вести бесконечный разговор прямо за дверью с кем-то неизвестным. Ноне показалось, что она услышала свое имя, но сводящая с ума толщина двери, плеск нескольких более старших послушниц в бассейне и тихое, но постоянное журчание труб не позволяли расслышать настоящие слова. В какой-то момент Колесо повысила голос настолько, что Нона успела уловить: «Ассасин!» и мгновение спустя: «Кровь!» но после этого только бормотание.

В конце концов у Сестры Колесо закончились мнения или, по крайней мере, закончилось время их высказать, и она ушла, позволив Ноне сбежать. Нона вышла из паров и тут же обнаружила, как мучительна встреча теплой влажной рясы с холодным и упорным ветром.

Дождь начался, когда она проходила мимо прачечной. Несмотря на то, что она торопилась добраться до dormitorios, Нона задержалась у боковой двери прачечной. Какая-то монахиня держала ее открытой на ширину ладони, остановившись, чтобы закончить разговор с кем-то внутри.

— ...Предком! Мы не хотим, чтобы он снова был здесь.

— ...

— Ты даже не была здесь тогда и не видела его, девочка. У Настоятельницы Осколок не хватило духу не пускать его. Он отправит послушниц в Зал Сердца для «специального тестирования». И не только тех, кто постарше.

— ...

— Просто архонтом. И если он был таким в то время, когда был архонтом, как ты думаешь, каков он как первосвященник? Неудивительно, что он ненавидит Стекло! Говорят... — дверь снова захлопнулась, и разговор увлек сестру обратно в прачечную.

Нона подождала минуту, потом другую и пошла дальше, мокрая от дождя, как будто только что выплыла из бани. Открыв дверь в Красный dormitorio, она увидела, что класс болтает в разных группах вокруг кроватей, несколько девочек начали раздеваться, но никто особенно не спешил. Голос Арабеллы разнесся по всей толпе, хотя она была скрыта тремя или четырьмя послушницами вокруг нее:

— ...могли бы сказать такое Сестре Колесо!

— И нас бы побрили, как тогда, когда она взяла твой пояс, Ара!

Нона заметила, что Джула была одной из тех, кто вращался в кругу Арабеллы. Было больно видеть ее там, но то, что она сказала, было правдой. А внимание знатной особы, почти принцессы, должно быть, очень льстит дочери писца. Опустив голову, Нона подошла к кровати.

— Слышала, что тебя разыскивает закон. — Клера, лежавшая поверх одеял, отложила свой классный свиток при приближении Ноны. — Ненавижу судей. — Она поставила на грифельную доску рядом с собой пенни и тот крутился, разбрызгивая свет лампы.

Нона слабо улыбнулась и повернулась к кровати. Клера хлопнула по своей.

— Ты выглядишь наполовину утонувшей. Вытрись. — Она бросила Ноне грубое серое полотенце. — Что ты сделала, Нона? Они пришли арестовать тебя за то, что ты надерзила настоятельнице? Или за то, что ты поклоняешься туннелям? — Она усмехнулась, откинула

волосы и снова хлопнула по кровати. — Ну же, расскажи все Клеру.

Нона стянула с себя мокрую рясу, вытерла лицо, пригладила волосы и, несмотря на свое настроение, села там, куда указала Клера.

Клера наклонилась поближе.

— Судья? Проклятый судья проехал всю дорогу вверх, чтобы забрать тебя? Какого черта ты сделала, Нона? — Она взяла Нону за руку. — И почему ты все еще здесь? Я не хочу, чтобы они забрали тебя!

Нона вздохнула. Рано или поздно весь монастырь узнает о Раймеле Таксисе. Она была удивлена, что эта история еще не распространилась среди послушниц. Рано или поздно. Она предпочла бы, чтобы это было поздно, хотя...

— Ты — моя подруга? — спросила она.

— Да. — Хватка на ее руке усилилась.

— Я соврала. — Нона подняла голову. Рули сидела на соседней кровати, ночной колпак был на месте, одна бледная прядь волос выбилась. — Меня не забрали из деревни налетчики...

Клера и Рули придвинулись ближе, ничего не говоря, и Нона начала свой рассказ заново.

— ОДНАЖДЫ В МОЮ деревню пришел жонглер. Он был моим первым другом... — Нона опять начала с начала: — За всю мою жизнь у меня был только один друг. В маленькой деревне трудно жить чужим. Спрятаться негде, тебя везде знают. Раньше я думала, что со мной что-то не так, и поэтому другие дети меня прогоняют. Что-то большее, чем темная кожа... Я никогда не понимала людей — действительно не понимала — и не умела быть с ними непринужденной и заставить их быть непринужденными со мной. Иногда мне кажется, что я играю какую-то роль, как те ряженые, которые разъезжают по дорогам, только я плохо знаю слова и не знаю, как мне себя вести.

У меня был один друг. Я не знаю, был ли он настоящим другом, но он сказал, что был, и никто не говорил мне этого раньше, так что это было что-то особенное.

— Жонглер? Сколько ему было лет? — спросила Клера, наклоняясь к Рули. Теперь Джула сидела рядом, наблюдая за происходящим с непроницаемым выражением лица.

— Двадцать два, — ответила Нона, вспомнив лицо Амондо, свет и тень в сиянии луны.

— Двадцать два! — Клера ахнула и переглянулась с Рули. — Взрослый мужчина.

— Как его звали? — Джула с соседней кровати.

— Амондо. Он пробыл у нас всего три дня. Он сказал, что должен продолжать путешествовать, чтобы найти новых людей, которые заплатят за то, чтобы посмотреть его представление. Но в то утро, когда моя мать обнаружила, что он ушел, она очень рассердилась. Я никогда не видела ее такой, по крайней мере, не такой плохой — она швыряла корзины и проклинала его. Потом она увидела, что я стою в углу, стараясь не попадаться ей на глаза, и сказала, что это моя вина, все это моя вина, что я прогнала Амондо и теперь она меня ненавидит.

— Он прикасался к тебе? — спросила Клера.

— Да. — Нона нахмурилась. Это показалось глупым вопросом.

Рули резко втянула в себя воздух.

— Я имею в виду... в плохом смысле? — спросила Клера.

— Он не бил меня... — Нона нахмурилась еще сильнее. — Он показал мне, как

жонглировать. — Она поджала губы и пожала плечами. — А когда он ушел, я пошла за ним. Сказала себе, что заставлю его вернуться, чтобы мама не сердилась на меня так сильно. Она была сердита большую часть времени, как будто что-то было совсем не так. Я не помню, чтобы она смеялась. Когда-либо. Но я подумала, что, если Амондо вернется, все изменится и мы будем счастливы. Я сказала себе, что заставлю его вернуться — но, на самом деле, часть меня надеялась, что он попросит меня пойти с ним, а другая часть знала, что я скажу «да».

Отец рассказывал мне разные истории, и они отличались от тех, которые Серый Стивен рассказывал в деревне ночью вокруг костра. Они были другими, потому что я *знала*, что он был в тех местах, которые описывал, и эти истории заставили меня захотеть пойти туда же. Рассказы папочки заставили меня почувствовать, что мир простирается гораздо дальше, чем я могу видеть, и что Коридор — дорога, которая может привести меня куда угодно. Я могла бы добраться до моря Марн и плыть на рыбацкой лодке, выкапывать изумруды из земли в Текрасе, охотиться на белых зверей во льдах или исследовать туннели и искать Пропавших. Все, что захочу.

Старая Матушка Сибл видела, как Амондо уходил по тропе в Реллам. Она сказала ему, что лес — это место с привидениями, но он только рассмеялся и сказал, что везде есть свои привидения.

Нона, как и прежде, погрузилась в свою собственную историю, не слыша слов, которые произносила, а только видя события, разворачивающиеся перед ее мысленным взором.

Матушка Сибл крикнула мне вслед, чтобы я остановилась:

— Ты его не догонишь, пока он не доберется до леса.

Я продолжала бежать, обмотки на ногах промокли, покрылись грязью и хлопали, когда я перепрыгивала выбоины от колес.

— Ты его не догонишь... — голос старухи затерялся в отдалении.

Я и раньше бывала в Лесу Реллам. Я собирала хворост на опушке, искала ежей среди сухих листьев, вглядывалась в темные промежутки между стволами деревьев, высматривая волшебные огни, о которых говорили жители деревни. Ничего не увидела, ничего не нашла, кроме палок, а в хижине они сгорели так же, как и все остальные. Я и раньше бывала в Лесу Реллам — но не после захода солнца. И никогда не отваживалась войти внутрь.

И все же мы с Амондо стояли на одной дороге. Мы оба стояли под одними и теми же облаками, увешанными краями, освещенными солнцем, и темными сердцами, наполненными дождем, — дождь пойдет из темного сердца. Я догоню Амондо прежде, чем он начнет.

Амондо опередил меня более чем на час, и матушка Сибл оказалась права в своем предсказании. Я обнаружила, что задыхаюсь, ноги болят и потеют, а тропа превратилась в полосу вытоптанной зелени, вьющуюся между первыми деревьями, как будто она тоже слышала о репутации леса и пыталась задержаться.

Везде есть свои призраки, говорил Амондо, но в большинстве мест эти призраки, по крайней мере, прячутся по углам или прячутся под прямым углом к миру, ожидая своего часа. В Лесу Реллам можно было увидеть призраков, нарисованных на сумраке под пологом, их искаженные лица застыли на коре древних стволов. И еще было слышно, как они кричат в тишине, не совсем нарушая ее, но заставляя трепетать.

Мне было страшно. Больше всего я боялась больших, которые преследовали меня, или собаки Черного Уилла, которая в прошлом году забрала пальцы Дженны. Но, на самом деле, меня заставлял идти по тропе — вместе с заходящим солнцем и холодным ветром,

говорящим в ветвях, — еще бóльший страх, который жил со мной с тех пор, как я сумела облечь его в слова; страх, что я никогда не покину эту деревню, что я останусь и состарюсь, согнусь и буду брошена там в землю, что я потрачу все годы своей жизни, живя как чужая в этой деревне.

Я прошла несколько миль по тропе, прежде чем сумрак сгустился настолько, что я не могла найти дорогу. Голодная и замерзшая, я прижалась спиной к старому дереву и стала ждать. Начался легкий дождь, наполовину ледяной; он с шлепком падал на листья, собираясь на них в мокрые лужицы, прежде чем пролиться на землю.

Когда ты двигаешься в темном и призрачном лесу, возникает желание сделать каждый шаг быстрее, чем предыдущий. Будто что-то давит между лопатками. Каждый скрип и стон — это охотник, преследующий тебя, каждое дуновение ветра — его дыхание, близкое к твоей шее. Ты хочешь вырваться и бежать, в любом направлении, но только до тех пор пока это быстро.

Когда ты сидишь и ведешь себя тихо, хочется быть еще тише. Осознание того, что все глаза устремлены в твою сторону, успокаивает воздух в легких. Ты делаешь себя маленькой. Ты напрягаешь каждый мускул. И слушаешь. Прежде всего ты слушаешь деревья, как они смыкаются вокруг тебя.

Я сидела там, сжавшись в комок, дрожа и ужасаясь, пока меня не нашел лунный свет. Свет просачивался вниз, сначала медленно, делая непроницаемый мрак снова проницаемым, воссоздавая лес вокруг меня, превращая чудовищ в случайное расположение несвязанных ветвей. Через несколько минут я увидела тропу. Я бросилась бежать. Все это время, пока я шла по тропе, мне хотелось броситься бежать, но этот путь ведет в безумие: ты не бежишь из-за страха, что тебе никогда не захочется остановиться. Однако теперь, когда красный свет падал вокруг меня, оставляя на земле яркие пятна, я бежала.

Вскоре фокус достиг своего предела, обжигающий свет полился сквозь облака. От листьев пошел пар, ледяной дождь превратился в теплый туман. Я бежала, бежала, бежала и увидела его.

— Амондо! — Просто темное пятно в тумане, но я закричала и бросилась к нему.

Человек, который повернулся и схватил меня за руку, был выше Амондо, выше любого мужчины в деревне, весь из твердых мускулов, грязи и вони застарелого пота. Борода свисала на грудь.

— Возьми ее! — Он передал меня другому, стоявшему позади него, и обнажил меч. Даже в тумане фокус луны тускло блестел на железных пластинах его кожаной куртки. — Сколько вас еще осталось? — спросил он.

Мужчин было четверо или пятеро. Все они были одеты в одинаковые кожаные доспехи с железными пластинами, и в такие же темные и тяжелые плащи, красные под грязью, — дорогая ткань, возможно, цвета какой-нибудь армии. У некоторых были шлемы, обереги вокруг глаз придавали их лицам странный совиный оттенок. Сильные руки схватили меня, крепко и больно.

— Амондо, сказала она? — Высокий человек медленно повернулся в дымящемся тумане, держа меч перед собой. — Я же говорил вам, что хорек должен быть где-то здесь. — И он тонко и пронзительно закричал. — Амондо! Амондо! Помоги мне, Амондо!

Один из мужчин, державших меня, хихикнул в ладонь.

— Заставь ее петь, — прошипел высокий мужчина. — Это приведет его, если он близко.

Один из них заломил мне руку за спину. Я стиснула зубы и крикнула. Он потянул

сильнее, и боль пронзила меня насквозь. Достаточно легко сделать так, чтобы тело болело за гранью любой решительности. Через несколько секунд я уже кричала, и это было все, что я знаю. Я не знаю, сколько времени это заняло. Казалось, прошло полжизни. Внезапно все прекратилось. Человек, заломивший мне руку, отпустил ее и сел, схватившись за шею. Фокус почти прошел, туман светился багровым в последних лучах света.

— Что за игры? — Человек, державший мою вторую руку.

Кровь, темная, как вино, сочилась между пальцами, которые его друг сжимал вокруг горла.

— Он здесь! — Мой похититель выхватил меч, все еще держа меня. — Он... — рукоятка ножа появилась у него под подбородком, клинок спрятался в шее.

— К деревьям! — Высокий человек рывкнул приказ и в тот же миг выполнил его.

Мужчина, державший меня, отпустил мою руку и выдернул нож из шеи, как будто это могло его спасти. Он постоял три или четыре удара сердца, теплая, соленая кровь брызнула из раны на мои губы, затем он опустился на колени, используя меч как опору. Он не выглядел сердитым или испуганным, просто не верящим; его глаза уставились в туман.

— Беги, Нона! — Крик Амондо.

Я увидела темную фигуру,двигающуюся среди деревьев, слышала крики и проклятия, свет угасал мгновение за мгновением. Крик. Влажный стук. Треск низких веток. Ноги меня никуда не несли. Мне некуда было идти.

Темнота. Не было слышно никакого шума, кроме скрипа и стопа Реллама, как будто он только что прикусил язык, ожидая, когда свет двинется дальше. Я затаила дыхание, и где-то вдалеке, едва различимый за ночными звуками, послышался прерывистый топот кого-то, кто хромал прочь или тащился через подлесок.

Я оставалась там, маленькая и тихая в беспокойной темноте, ожидая, когда призраки мертвых покинут свою плоть и найдут меня, как они делали во всех историях. Но в конце концов рассвет пробился сквозь деревья, а вместе с ним Джеймс Бейкер и Уиллум Стримс. Они не искали меня, они думали догнать Амондо — запас монет Бейкера пропал в тот день, когда ушел жонглер. Им повезло найти только меня, окровавленную и окруженную трупами.

Нона глубоко вздохнула и подняла глаза:

— Все остальное так, как я уже говорила. Они назвали меня ведьмой и воровкой и отдали похитителю детей.

— Только твоя мать не умерла, — сказала Клера, почти шепотом.

— Да.

— Она позволила им это сделать, — сказала Рули без всякого удивления, как будто ее мать сделала то же самое, хотя и при других обстоятельствах.

— Она сказала, что я помогла Амондо обокрасть Бейкеров. — Нона опустила голову.

— И поэтому судья пришел... — сказала Клера. — Из-за мертвецов. И пропавших денег. Были ли они солдатами? Или людьми какого-нибудь местного лорда?

— Я не знаю. — Нона встала с кровати и пошла к себе, отягощенная воспоминаниями и ложью, которую наговорила.

— Как Амондо метал свои кинжалы? — Джула, все еще лежа на другой кровати, хмурая. — Ты сказала, что был туман...

— А теперь я пойду спать. — Нона упала головой на кровать и лежала тихо и неподвижно, пока не погасли фонари и вокруг нее не поднялись звуки сна.

НОНУ РАЗБУДИЛ ФОКУС. Каждая щель в ставнях рисовала красным на стена дормитория, змеилась над лежащими в кроватях послушницами, описывая каждую в нескольких строчках, как Настоятельница Стекло изобразила лицо Ноны. Линии двигались вместе с движением луны, обтекая спящие тела вокруг Ноны. Здание закрипело и застонало, когда жар проник внутрь. Где-то там, далеко, огромные стены, поднимающиеся к Белизне, будут плакать, сбрасывая гнилой лед, теряя медленные приобретения, которые они сделали в течение дня. Конечно, эта битва то возобновлялась, то затихала. В течение столетия Серость и все ее города и деревни были поглощены наступлением, прежде чем фокус, наконец, прогнал лед обратно. Даже сейчас верхний слой почвы был тонким и бедным, и только самые отчаявшиеся могли возделывать его и охотиться на нем на диких животных. Ледники отодвинули добрую черную землю на тридцать миль вглубь Коридора и превратили земли Хернона в сады империи.

Нона лежала на спине и думала о своей деревне, о людях, которые выкапывали себе пропитание из тонкого слоя земли. Даже спустя всего несколько месяцев было трудно представить себе это — трудно представить, что их мир катится дальше без нее.

— *Нона.*

Нона села. Огляделась.

— *Нона.*

Никого. Ничего.

— *Нона.*

На мгновение лунный свет, пойманный яркими линиями на полу, казалось, слился в единую нить, ведущую из комнаты. Нона выскользнула из постели, босиком ступая по холодному камню. Она завернулась в одеяло и последовала за нитью, а зал шептался о ней и ее спящих сестрах.

— Ты пришла! — Гесса сидела на ступеньках скриптория напротив массивного здания дормитория, закутанная, как и Нона, в тонкое монастырское одеяло. От жара, исходившего от фокуса луны, лужи покрылись паром, и Нона вспотела под своим одеялом.

Нона подняла голову. Линия, по которой она шла, исчезла. Теперь она уже не была уверена, что эта линия когда-либо существовала:

— Почему ты не спишь?

— Я плохо сплю. — Гесса похлопала себя по больной ноге. — Не после клетки. — Она нахмурилась. — С тех пор ни разу.

Нона села рядом с ней на ступеньки:

— Странное место, этот монастырь.

— Да.

— Я им не доверяю.

Гесса пожала плечами:

— Мне нравится большинство монахинь.

— И еще я не доверяю Предку, — сказала Нона. — Но я не собираюсь убежать. Пока, во всяком случае.

— Вера — это одно, а церковь и ее люди — совсем другое. — Гесса подвинула ногу и откинулась назад, чтобы искупаться в лунном свете. — Ты можешь верить в Предка или нет.

Но церковь — это просто люди, одни хорошие, другие — плохие.

Они сидели молча в течение долгой минуты, затем еще одной, фокус достиг своего пика и начал соскальзывать.

— Мне приснился плохой сон, — сказала Гесса.

Нона оглянулась на нее.

— О Маркусе.

— Маркусе? — Нона не вспоминала о мальчике с тех пор, как убила Раймела Таксиса. — А где Гилджон его продал? Неужели ему пришлось отдать Четыре-ноги в придачу? — Она улыбнулась, вспомнив связь Маркуса с мулом похитителя детей.

— Мне приснился плохой сон, — повторила Гесса дрожащим голосом, глядя поверх крыш, — но действительность была еще хуже. — Она повернулась к Ноне. — Думаю, я могу тебе показать. Сестра Сквородка сказала, что у меня есть дар к историям, к тому пути, которым они идут. А память — это своя история, свой путь...

— Покажи мне.

Гесса вытянула руку, сложенную чашечкой и готовую, ее глаза смотрели на Нону. Нона, которой ничего было дать, положила туда свою. Гесса повернула руку Ноны ладонью вверх.

— Я пробовала это только с Сестрой Сквородка. Ты можешь получить какую-то неясную идею, или ничего. Ничего, наверное, лучше... — Она поставила указательный палец так, что кончик ногтя впился в основание ладони Ноны. — Возможно, мне придется проделать это несколько раз. — Она начала чертить линию поперек ладони Ноны, оставляя настолько глубокий след, что Ноне захотелось закрыть ладонь.

— Что... — рассказ Гессы заглушил сначала голос Ноны, а потом и все остальное.

Академия купила Виллума и Чару. Как и Калтесс, она создавала для себя запас юного потенциала, но в то время как Партнис Рив хранил детей среди мешков и коробок на чердаке, Академия завела школу для этой цели, обширную цепь зданий, которые выглядели для Гессы волшебным замком, а не местом для обучения оборванных крестьян, вырванных из клетки Гилджона.

Копыта Четыре-ноги застучали по булыжнику, когда он принес их под огромную арку из песчаника, каждый дюйм которой был украшен сциллами, некоторые из которых, казалось, складывали мир вокруг себя, а другие заставляли ее улыбаться, смех пузырился из мест, которые Гесса забыла еще до путешествия. Странная энергия наполнила воздух, щекоча кожу Гессы, покалывая ее щеки, напевая в костном мозге.

— Вы сейчас так близко к императорскому дворцу, как никогда раньше. — Гилджон, похоже, нервничал — беспокойство в нем казалось таким же неуместным, как доброта или сентиментальность. — Ближе, чем когда-либо. Зал Академии находится позади этой школы, и он практически упирается в Ковчег. — Он становил Четыре-ноги перед комплексом зданий, под бдительными взглядами стюардов в безупречно чистой черной униформе. — Наружу. — Гилджон вывел их из клетки. — Быстрее! — Он неуверенно замахнулся на Маркуса. — И постарайтесь выглядеть достойно, черт бы вас побрал!

Им устроили экзамен, всем четверем, включая Маркуса и Гессу, в здании, таком же величественном, как и любая церковь. Каждый из них, по очереди, проходил проверку за широким полированным столом из черного дерева. Гесса сидела на неудобном стуле, который принес ей Гилджон, на материи, которую ассистент академика положил поверх гладкого дерева. Ассистент сморщил нос и удалился.

Гесса решила, что в этом месте даже Гилджон выглядит нищим. Он неловко стоял среди сверкающих мраморных колонн, наблюдая, как Маркус занял свое место за столом.

Академик сидела в кресле с высокой спинкой, которое само по себе являло собой произведение искусства из перевернутых колонн и витиеватых башенок, ее пальцы были сложены перед ней, тонкие руки выглядывали из рукавов блестящей пурпурной ткани, вышитой одним и тем же сигилом, повторяемым снова и снова. Ее шея казалась слишком длинной и тонкой, чтобы поддерживать голову, и по всей ее стороне расплзлось пятно, тускло-алое утолщение кожи, как будто рука протянулась, чтобы задушить ее.

Она долго разговаривала с каждым из них, глядя вниз с высоты своего роста холодными любопытными глазами. Гесса ушла смущенная и опустошенная, как будто каждый ответ отнимал у нее что-то.

Когда дело дошло до продажи, у Гилджона уже не было того добродушного подшучивания, которое он разделял с Партнисом. Скорее, он говорил, как владелец ларька на крестьянском рынке, столкнувшись с какой-нибудь знатной дамой, забредшей на минутку развлечься. Он называл цену, и академик либо платила, либо спрашивала о следующем ребенке. За Чару и за Виллума она заплатила по двенадцать крон — за каждого больше, чем Партнис дал за все восемь, которые взял.

— Смуглый мальчик, в нем, вероятно, есть немного крови марджал, но его аура слишком дикая для работы в Академии. Он закончит земляным магом или вообще станет отшельником. Если это случится, пусть лучше он станет лесным жителем, чем отправится в туннели, запомни это. — Академик повернулась и пошла по длинной галерее колонн, а Гилджон толкал ей вслед покупки, положив руки им на плечи. — А девочка?

— Ничего. Возможно, она видит Путь... возможно, кто-то научил ее, что говорить, чтобы ее накормили. Отведи ее к сестрам или к Кайфусу, если он захочет тебя видеть. Или к какому-нибудь жулику. Мне на самом деле все равно; Путь — не дело Академии.

После Академии Гилджон вел свою тележку по маленьким улочкам, бормоча что-то себе под нос. В многоквартирных домах стоял кислый запах, а из высоких труб за домами валил темный, почти зеленый дым, которого, казалось, не хотел даже ветер.

— Будь я проклят, если поведу тебя к ведьме, девочка! — Гилджон неожиданно повысил голос и повернулся на своем сидении. — Мне не нравится, как она на меня смотрит. К тому же дорога до монастыря очень крутая, мул не справится.

Гесса отпрянула в дальний угол клетки, подняв руки. Ведьма, маг, Академик — для нее все они были одинаковыми, все звучали устрашающе.

— Сначала я отвезу мальчика в церковь. Священник знает свое дело. Не осудитель, этот мужик. — Гилджон тряхнул поводьями, и Четыре-ноги ускорил шаг. Небо над головой было угрюмым, а воздух — тяжелым от жары, которая заставляла тело покрываться потом.

Они миновали мрачные улицы восточной части города и поднялись по обсаженным деревьями аллеям в более богатый квартал, где над морем черепичных крыш возвышались шпили огромного собора, бросая вызов небу. Гесса чувствовала себя так же неловко, проезжая мимо жителей Истины, как и под пристальным взглядом Академика.

— Они не похожи на настоящих людей... — прошептал Маркус рядом с ней.

Гесса кивнула. Все они, старые или молодые, независимо от крови или цвета кожи, казались другой породой, ослепительно чистыми, полнокровными, их одежда была странной и дорогой. Гесса однажды видела мэра Морлтауна, когда он проезжал мимо их деревни на своей лошади. Здесь даже он выглядел бы потрепанным, а краски его одежды — тусклыми.

Гилджон остановился под большим деревом и выпрыгнул на дорогу.

— Я прикрою вас. Оставайтесь в укрытии. — Он вытащил шкуры, которые вешал, когда шли дожди, и просунул их через решетку. Гесса и Маркус укрылись под ними.

Какое-то время они ехали в удушливой темноте, и только переход с булыжника на мощеную дорогу и обратно отмечал их путь.

— Мне не понравилась эта женщина, — сказал Маркус.

— Академик? Она была... странной.

— Моя прабабушка была земляной ведьмой. Она говорила, что марджал, которые работают с землей, не обманывают, как остальные. Вот почему они нас ненавидят.

— Обманывают? — Гесса приподняла край шкуры, чтобы увидеть лицо Маркуса.

— Обманывают. — Он приложил руку к шее, где женщина оставила синюю отметку. — Племя марджал познало глубочайшие тайны своего мира, вкусило его кровь, познало его до самых корней и за их пределами — это позволяло им работать с ним своим разумом, черпать его силу, понимать его зверей и черпать его огонь. Но это не тот мир, он принадлежит кому-то другому. Если ты берешь слишком много, Абет забирает это обратно. Это место все еще принадлежит Пропадшим.

Гилджон снова остановился:

— Ждите здесь.

Спустя целую вечность, а может быть, и пару минут, Гилджон вернулся и загнал тележку за угол в какое-то гулкое место. Он остановился и снял шкуры, оставив Гессу слепой на дневном свете.

Сначала она увидела, что они находятся в огороженном высокой стеной саду на посыпанной гравием дорожке, ведущей к дому. Затем поняла, что настолько величественного дома никогда не видела, что окна под огромными перемычками из песчаника украшены листьями стекла больше ее головы, которых удерживают перекрещивающиеся деревянные рамы.

— Священник выйдет через минуту, — сказал Гилджон. — Покажи ему, что он ищет, мальчик. Он не тот человек, которого ты захочешь разочаровать.

Гесса прошаркала вперед, чтобы сесть на задок повозки, а Маркус выбрался наружу и встал рядом с Гилджоном у Четыре-ноги. Стены сада, казалось, сдерживали то небольшое, что мог предложить день, воздух висел близко и влажно вокруг них.

— Он священник? — спросил Маркус.

— Церкви Предка, так что следи за своим языческим ртом.

— Я не язычник...

Главная дверь дома открылась, и на пороге появился изысканно одетый мужчина. Он окинул повозку и троих путников неодобрительным взглядом, словно их присутствие могло испортить темно-синий бархат его одежды. Мгновением позже священник вышел наружу, за ним — широкоплечий охранник. Гесса уставилась на них, приоткрыв рот. Слуга был одет богаче, чем кто-либо из тех, кого она когда-либо видела, но священник носил мантию из темной материи, которая, казалось, блестела, даже когда поглощала свет — она была настолько толстая и со столькими складками, что могла покрыть клетку, которая в течение многих месяцев была ее домом. Золотые цепи сверкали на обоих его запястьях, аметист размером с куриное яйцо свисал с цепочки из плетеного золота на шее. В правой руке он держал посох из серп-дерева, на конце которого были выгравированы альфа и омега Предка, причем каждая буква была инкрустирована серебром.

— Гилджон. Надеюсь, твой приезд остался незамеченным. Что у тебя есть для меня? — Священник говорил с небрежной властью, не пытаясь скрыть своего отвращения.

— Мальчик, ваша святость. Истинная кровь марджал. Я сразу же подумал о вас. Он из тех, кого посылают в монастырь на побережье. В нем больше, чем прикосновение, из него можно сделать прекрасного Мистического Брата. — На дороге Гилджон правил ими железной рукой и обращался с фермерами в Серости так, словно был лордом, раздающим милости. Но здесь, с каменным домом, возвышающимся перед ним, и классическими садами за спиной, он сам казался крестьянином, раболепным и неловким.

— У меня было семь мальчиков от тебя, Гилджон. Аббат Тай сообщает, что только в двух из них было заметно прикосновение марджал, и один из них был полудиким. — Священник спустился по ступенькам, пристально глядя на Маркуса. — Дикие должны быть сломаны как можно раньше, если их надо сохранить. Сломайте их должным образом, и их умы могут быть переучены на более полезные цели. Но это требует больших усилий.

— У этого сильные признаки, ваша святость, очень сильные. По меньшей мере пол-кровка! И умный. Мог бы вдвое быстрее работать с сигилами. — Гилджон кивнул.

Священник, хотя и невысокий рядом со своим охранником и Гилджоном, навис над Маркусом. Он выглядел стариком — седые волосы, грубое, но глаза оставались острыми; взгляд скользнул по Гессе и отбросил ее. Его рука, когда он потянулся к мальчику, была быстра, как змея. — Работник с сигилами? — Его рука сомкнулась на запястье Маркуса. — Или дикий мальчик? — Резкий рывок заставил Маркуса с криком броситься вперед.

Как ни быстр был священник, Четыре-ноги двигался быстрее: он наклонился и укусил пальцы, сжимавшие запястье Маркуса. Священник с проклятием отпустил запястье, и Четыре-ноги принялся реветь так громко, что горничные подбежали к окнам верхнего этажа и устали на него.

Гилджон, бормоча извинения, шагнул вперед, чтобы проверить руку, которую священник прижимал ко рту, но стражник отбросил его назад, ударив прямой рукой в грудь.

— Никогда раньше не видел, чтобы этот мул кого-нибудь кусал, ваша святость, клянусь правдой Предка! — Гилджон обхватил Маркуса за шею и поставил за собой. — В парне марджал, как вы и сказали, ваша святость. Дикий. Но эмфи может работать и на людях, если его правильно обучить. Такое влияние может стать золотом в вашем кармане.

— Это называется эмпатия, идиот, а не эмфи. — Священник опустил руки, одна вцепилась в другую, с красными пальцами. На губах у него тоже была кровь, а над кровью — недобрый взгляд. — И есть сотня с прикосновением, шепчущих зверям, на одного прайма, который может перевернуть разум человека. И десять праймов на каждого полн-кровку, который может делать так же... Но я возьму мальчика. И мула.

— А. Ну, парень стоит двадцать крон, ваша святость. Как сын для меня... так оно и есть. Но Четыре-ноги, он не продается. Вот уже двенадцать лет, как я живу со стариком.

— Ты возьмешь десять за мальчика и крону за мула. На Коричневой ярмарке ты получишь молодого за пенни. Мой садовник и его сын помогут тебе дотолкать туда твою повозку. — Охранник шагнул поближе к священнику.

Гилджон сглотнул, все еще держа Маркуса за спиной:

— Десять. Десять я могу взять у человека в сутане. Как знак моей преданности Предку. Но Четыре-ноги...

— Ты продашь мне этого мула, Гилджон, или больше никогда ничего не продашь в этом городе. Одно слово в ухо капитану Херстину — и стража не пропустит тебя даже за

городские ворота. Так что хватит с меня этой глупости. Крона за злобного мула, которого через сезон отдадут на клей и собакам на мясо. — Священник махнул рукой своему слуге. — Заплати этому человеку.

— Не делай этого! — Маркус вырвался из рук Гилджона, подбежал к Четыре-ноги и обнял мула за голову. — Он хочет убить Четыре-ноги!

Взрослые не обратили на это никакого внимания. Слуга достал из-под бархата потертый кожаный мешочек и взял первую корону. Похититель детей неохотно протянул руку, его лицо исказилось от противоречивых эмоций.

— Не надо! — закричал Маркус, дикими глазами глядя на них. — Это была моя вина, а не Четыре-ноги!

Слуга положил крону на морщинистую и грязную ладонь Гилджона: серебряная монета, отполированная от времени, со следами тусклости в бороздках, создающих лицо императора. Он отсчитал остальные, каждая звякнула о другую. На десятой Гилдзон прикрыл ладонь.

— Видите ли... Четыре-ноги — это семья...

— Животное укусило меня. — Священник поднял руку, липкие струйки крови потянулись вниз до самого запястья. — Прими свою монету, похититель детей. Или ты настолько богат, что готов пожертвовать своими средствами к существованию ради старого мула?

Слуга сунул последнюю монету в полуоткрытую ладонь Гилджона. Дождь, который так долго угрожал им, начал накрапывать.

— Привяжи зверя вон там. Используй прочную веревку. — Священник указал на колонны, поддерживающие крышу над его задней дверью.

Гилдзон взял недоуздок Четыре-ноги в свои руки, не обращая внимания на крики Маркуса.

— Извини, парень, — пробормотал он. Четыре-ноги позволил себя вести, но заржал от огорчения, вращая темным, влажным глазом в сторону Гессы. Она крепко обхватила себя руками, не желая ничего видеть, но и не в силах отвести взгляд.

Гилдзон оставил Четыре-ноги привязанным к ближайшему столбу толстым буксирным тросом, с помощью которого повозка — а иногда и другие путешественники — выбирались из глубокой грязи. Он вернулся к повозке, выглядя еще более бедным человеком, несмотря на дополнительное серебро в кармане.

Садовник и его сын подошли к воротам, чтобы выкатить тележку, но священник, похоже, не собирался ждать:

— Знаешь, Гилдзон, как сломать человека? Конечно же, знаешь — Скифроул сломал тебя некоторое время назад, не так ли?

Гилдзон ничего не сказал, только наклонился, чтобы толкнуть повозку, но прежде чем его плечо уперлось в ее край, он протянул руку и коснулся пустой глазницы левого глаза.

Дождь шумел вокруг них, капая с носа Гессы, стекая по прутьям клетки.

— Сломать мужчину или мальчика легче всего, сломав то, что они любят. А еще лучше, если он их тоже любит. — Они не обратили внимания на слова священника, но повернулись, услышав удар дерева о плоть и испуганный крик мула. Священник снова поднял свой посох и, когда Гесса оглянулась, держал его обеими руками за конец, перекинув через плечо.

— Нет! — Маркус рванулся вперед, но стражник схватил его за руку.

Священник снова замахнулся изо всех сил и обрушил посох на спину Четыре-ноги. Мул,

уже напрягшийся, бросился на веревку, крича от удивления и боли. Священник бил снова и снова, и Четыре-ноги натянул веревку, вытаращив дикие глаза. Маркус кричал, пытаясь освободиться, но за треском каждого удара и громким отчаянием Четыре-ноги Гесса не могла разобрать слов.

— Вы не... — Гилджон остановился, поднял руку и голос, и тут же дал им упасть. Дождевая вода стекала из глазницы вместо слез, которые должны были там быть. — Вы не... Тащить, это все, что он знает... Он думает, что вы хотите... — Гилджон покачал головой, опустив лицо, чтобы скрыть свои эмоции.

— Остановите его, — взмолилась Гесса, но Гилджон, коренастый садовник, и его тощий сын, все отвернулись, каждый из них был сломан каким-то образом, а Гесса, даже с ее бесполезной ногой, нет.

Посох проливал свой собственный дождь ударов, густых и тяжелых, в равномерном, а не в бешеном темпе. Священник, тяжело дыша, отмечал каждый удар словом:

— Ты. Укусил. Меня. Ты. Мерзкое. Животное.

Четыре-ноги, с потемневшей от крови шерстью на спине и боках, навалился всем весом на веревку, привязанную к неподвижному столбу, теперь уже не ревя, а отчаянно дыша через морду, густо покрытую алой пеной.

Гилджон и садовник толкали тележку. Мальчик отодвинул засов на воротах. Всем им нужно быть подальше оттуда.

Гесса, сидевшая в клетке и парализованная горем, обнаружила, что не может ни дышать, ни двигаться. У нее болела грудь. Ее лицо исказила такая яростная гримаса, что стало больно. Жестокость священника проникла внутрь и исказила что-то жизненно важное, доведя его до предела, превратив в сопли и слезы. Сквозь полуслепые глаза она видела, как Четыре-ноги напрягся, настолько сильно, что мог разорвать свое сердце, ничего не понимая под ударами, зная только то, чему научила его простая жизнь: тянуть.

С животным криком Маркус вцепился зубами в костяшки пальцев гвардейца. Промокший под дождем, он стал скользким. Мужчина с проклятиями отдернул руку, и Маркус освободился. Он побежал, но не к священнику, а к Четыре-ноги, обхватил руками шею мула и прижал лицо к его уху. Следующий удар священника пришелся Маркусу в бедро, не такой яростный, как для Четыре-ноги, но громкий, сильный и мучительный. И все же Маркус остался на месте.

Гесса не видела этого, не слышала и не почувствовала — но внутри, в самой ее сердцевине, она знала, что в это мгновение Маркус нашел край своей силы. Было ли это слово, прошептанное на ухо Четыре-ноги, или что-то такое, невидимое, что текло между ними, Гесса не могла сказать. Но она увидела, как Четыре-ноги поднял голову и не дрогнул, когда следующий взмах посоха сломал еще несколько ребер. Мул фыркнул — так он фыркнул бы, увидев свежий луг с высокой травой или восхитительные заросли целембины, — и снова потянул...

Колонна сдвинулась. Толстая масса камня — пятнадцать футов высотой и шире человека — рванулась вперед. Смоченная проливным дождем, терракотовая черепица стекла с крыши красным водопадом. Священник упал на землю, заваленный черепицей. Через один удар сердца веревка оборвалась, и Четыре-ноги мягко рухнул, поджав под себя ноги. Маркус упал вслед за ним. Мул сделал еще один судорожный вдох. И умер.

Сцена сузилась. Потом сузилась снова. Ворота священника закрылись за повозкой.

— Нет! Нет! — закричала Гесса, но руки продолжали держать ее, пока она боролась. —

Нет! — Она открыла глаза. Гесса склонилась над ней, лунный свет ярко освещал со спины. — *Гесса?* — И Нона снова узнала себя. — Я думала... Я была тобой. — Она протянула руку, и они обнялись, как тогда, в клетке Гилджона, плача вместе, как будто слезы могли каким-то образом смыть боль.

— Тогда расскажи нам. — Клера отложила вилку и многозначительно уставилась на Джулу.

— Что? — Джула снова набила рот хлебом. — Вуфф?

— Ты знаешь, — сказала Рули.

— Ее историю. — Клера слегка наклонила голову в сторону дальнего конца Красного стола. Все четверо сгрудились в одном конце, Арабелла держала двор на другом, ее группа была больше.

— Ара говорит...

— Ара? Кто такая Ара? — Лицо Клеры посуровело.

— Арабелла, — ответила Джула. — Все зовут ее Ара. И ты это знаешь.

— Ее *подруги* зовут.

Джула пожала плечами:

— С ней все в порядке. Она не виновата, что родилась такой богатой. В любом случае, вы хотите услышать ее историю или нет?

Клера постучала по своей тарелке:

— Давай.

— Ну... — Джула огляделась, наслаждаясь всеобщим вниманием. — Ну... священники уже много лет твердят об Аргате, верно? Но в последние несколько месяцев они действительно возбудились и стали посылать ассессоров в провинции, даже в дикие города вдоль границы.

— Аргата? — Нона сгорбилась, ожидая, что ей скажут, какая она дура.

— Старое пророчество, — быстро сказала Рули. — Его сделала Святая Ведьма по имени Сестра Аргата, когда первый император отобрал Ковчег у сармарианцев. Там сказано, что Ковчег откроется, когда четыре племени потребуют этого в один голос.

— Разве нельзя взять герант, хунска, марджал и квантал, чтобы это сделать? — спросила Нона.

— Точно! Именно это я и сказала. — Джула кивнула. — Но они пытались сделать это много лет назад, и это не сработало. Поэтому с тех пор священники говорят, что «один голос» означает одного человека, демонстрирующего все четыре крови.

— Все знают, это просто театр, чтобы отвлечь людей от грядущей войны, — сказала Клера. — Каждый раз, когда наступает кризис и император хочет заткнуть рот несогласным, внезапно раздается громкий крик о поисках Избранного. Так говорит мой отец... — Она замолчала, уставившись в стол.

— Значит... настоятельница думает, что Арабелла покажет нам обе магические крови? — спросила Нона.

— Сковородка, похоже, уверена, что она квантал, и больше, чем прикосновение, — сказала Джула. — Прикосновение не в счет. Ты можешь иметь прикосновение ко всем четырем, и никто даже бровью не поведет. Сестра Чайник — хунска-прайм с прикосновением марджала, и никто не называет ее Избранной.

— Она с прикосновением? — спросила Нона. — Откуда ты знаешь?

— Чайник умеет плести тени. Это самый простой трюк марджал, и даже прикосновения могут делать это рядом с корабль-сердцем.

— Неужели настоятельница думает, что Арабелла продемонстрирует и герант? — Нона нахмурилась. Арабелла была далеко не самой высокой в классе. — Если только ей не шесть лет и никто мне этого не сказал, она — не герант.

— Ей скоро одиннадцать, — сказала Джула. — Но иногда герант не проявляется, пока ты не вырастешь — ты просто начинаешь расти без остановки... *Во всяком случае...* — Она сложила руки вместе, словно пытаясь вернуть разговор в нужное русло. — Во всяком случае, семья Ары видела, как быстро она двигалась и при этом не выглядела хунской; это их встревожило. Поэтому отец взял ее с собой в Академию.

— Очень глупо, — сказала Клера. — Как только Академия узнает, все узнают. Слишком много пальцев в этом пироге.

— И это тоже сказал твой отец? — Кетти с шумом подвинула свой стул, чтобы присоединиться к ним, и вытерла рот.

Клера повернулась к ней с яростным взглядом, и Кетти подняла руки:

— Мой отец собирает налоги. Он говорит, что если бы император не стоял у него за спиной, его бы каждый день называли вором.

— В любом случае! — Джула повысила голос, затем понизила его, глядя через стол на группу Арабеллы, погруженную в их собственный разговор. Теперь только Гесса и Генна сидели в одиночестве в центре стола, напротив друг друга, сосредоточенные на своих тарелках. — Император призвал ко двору всю ее семью. Так что Малкан Йотсис, дядя Арабеллы, который является главой семьи, собирает всех в своем поместье в Ледо, а затем ведет всех во дворец, но по дороге их перехватывают домашние войска Шерзал, примерно сотня из них... по дороге от границы со Скифроулом. И это всего лишь через несколько дней после проверки в Академии!

— И что они сделали? — спросила Рули.

— Ничего, — ответила Кетти, заработав хмурый взгляд Джулы, потому что украли ее рассказ. — Йотсис уже тайно отправили Ару с четырьмя доверенными людьми на встречу с настоятельницей, чтобы Ара могла присоединиться к монастырю.

— Что, — сказала Джула, проводя обеими руками по своей щетинистой голове, — выводит ее из-под контроля императора, и даже его сестры не настолько безумны, чтобы пытаться украсть послушницу. И как бы сильно ни давили на первосвященника Джейкоба, он вряд ли сможет отказаться от нее из-за того шума, который подняли священники вокруг Аргаты.

— Вот именно. — Клера встала, стряхивая крошки с ряссы. — Никто из них на самом деле не ожидал найти кандидата, поэтому у них не было плана, что делать, если он появится.

В то утро Академия первой увидела в дверях Клери и Нону. Сестра Правило ждала за своим столом, массивная даже когда сидела, ее головной убор распирало так же сильно, как и рясу, будто ему тоже было что сдерживать. Кот настоятельницы, Малкин, лежал на столе, свернувшись кольцом.

— Доброе утро, Госпожа Академия, — хором сказали обе, занимая места в первом ряду.

Сестра Правило посмотрела на них темными глазами и ничего не сказала. Вслед за ними гуськом вошли другие послушницы. Стоявший на столе глобус снова приковал взгляд Ноны — Абет, завернутый в лед с тонким как ниточка зеленым поясом. Нона всегда считала Коридор огромным — бесконечным, на самом деле. Трудно было себе представить, сколько там было пространства до того, как лед двинулся вперед.

— Почему... — на языке вертелось столько вопросов, что Нона не знала, что сказать,

прежде чем эти слова прозвучали. — А почему луна тоже не круглая?

Голос Сестры Правило заглушил смехи за спиной Ноны:

— Отличный вопрос. Хотя ты должна была сказать, почему луна не является сферой?

— Сфера. — Нона покатала это слово во рту.

— Почему ты думаешь, что луна должна быть сферой? — спросила Сестра Правило.

— Ну... — Нона на самом деле не знала, просто это казалось правильным. — Ну... мир таков. А в небе Бадон иногда круглая, а иногда — полумесяц... если хорошенько прищуриться. А в церкви Надежды говорят, что Бадон — это целый мир, как наш, а не звезда, как Надежда, и что Бадон не придет спасать нас, как Надежда, потому что Бадон — это лед и еще больше льда и она привязана к нашему солнцу, как и мы... — Нона перевела дыхание. — Ну... я просто подумала, что все очень, очень большое кажется круглым... — Она посмотрела на Сестру Правило, которая, надо сказать, была очень большой, хотя и не сферической, и уже начала двигаться в этом направлении.

Сестре Правило достаточно было потянуться за своей указкой, чтобы заглушить хихиканье.

— Ты знаешь, что с благословения Предка наши пращуры давным-давно поместили луну на небо, Нона?

Нона кивнула, она была не совсем невежественна, хотя и не знала названия для формы луны.

Сестра Правило полезла в ящик стола и что-то вытащила. Она подняла руку и протянула ее классу.

— Луна. — Серебряный круг-квадрат у нее на ладони. Она повернула его боком, и Нона с удивлением увидела, что это вогнутое зеркало, тонкое, как бумага. — Смотрите! — Сестра Правило расположила «луну» за глобусом Абета, там, где утреннее солнце косо падало из окон, наполняя комнату светом. Она постучала по глобусу, и Нона увидела ярко-красное пятно, двигавшееся, когда Сестра Правило двигала рукой с зажатой в ней «луной». — Весь свет, который она собирает, падает на это место. Фокус. Положи туда свою руку, дитя.

Нона встала и сделала, как ей было сказано:

— Тепло! Жарко!

— И именно так луна держит Коридор открытым. Солнечный свет с большой площади фокусируется огромным зеркалом на маленькую площадь. Нет никаких причин для того, чтобы она была сферической. — Сестра Правило убрала зеркало. — Мы стоим между двумя огромными ледяными стенами, Нона, и зима приближается уже пятьдесят тысяч лет. — Она держала руки так, словно они были двумя стенами, и прижала их друг к другу с тревожной решимостью. — Но сегодня мы поговорим о камнях!

Девочки застонали и достали свои грифельные доски. Нона изо всех сил старалась быть внимательной, но камни оказались менее интересными, чем казались, и они не казались настолько интересными, чтобы быть в их обществе. Снова и снова она ловила себя на том, что думает о луне, которую какой-то ее далекий предок поставил висеть над миром, и о том, что одно тонкое и хрупкое зеркало, было всем, что стояло между всеми, кого она когда-либо знала, и льдом, наступающим с севера и юга.

После обеда Клера повела Нону к аркаде послушниц, на ходу подбрасывая пенни.

— Почему ты все время играешь с ним? — спросила Нона. Похоже, что Клера, считавшая себя бедной теперь, когда ее семья была разорена, смотрела на пенни как на ничтожную сумму, игрушку, но Нона видела ребенка, купленного у родителей за один

пенни, и вид ребенка, брошенного так легко, всегда вызывал у нее чувство беспокойства.

— Мне его подарил отец. Он велел мне научиться превращать одно во много. — Клера пожала плечами. — Коридор разделен на сотни стран, может быть, на тысячу, но ты знаешь, кого не волнуют эти границы или то, кто там правит? Двоих. — Она пересчитала их на пальцах. — Ветер Коридора и деньги. Торговцы движутся через Коридор, как кровь по телу. Ни одна королева или император не настолько глупы, чтобы пытаться остановить их. Вот почему богатые приправляют свою пищу черной солью из шахт в Кремоте. Никто из Кремота никогда не бывал в империи, но деньги текут и торговля идет. — Клера подбросила монетку вверх и поймала ее. — Деньги находятся в центре всего, что мы делаем: у них самый громкий голос. — Она говорила так, словно цитировала своего отца.

— Но... ты же учишься быть монахиней. У монахинь нет денег. — Нона даже не была уверена, что Клере позволено владеть этим пенни. Она определенно прятала его на уроках.

— Когда меня научат, я уйду. — Она положила монету в карман. — То образование, которое мы здесь получаем, очень востребовано...

— Но... — Нона собиралась спросить, кто платит ей за конфирмацию, — пансион и содержание, а также образование, которое дает такие ценные знания, наверняка стоили очень дорого, — но она прикусила язык, не желая, чтобы этот вопрос адресовали ей самой. Вместо этого она кивнула. — Я собираюсь сделать то же самое. — Она подумала о священнике, который купил Маркуса и забил Четыре-ноги до смерти. — Я не хочу быть монахиней.

Аркада послушниц представлял собой открытую галерею, огибавшую внутренний двор здания и служившую местом стирки и починки как для монахинь, так и для послушниц. Пятьдесят или около того послушниц всех возрастов либо медленно ходили кругами, болтая на ходу, либо сидели на длинных каменных скамьях, глядя сквозь арки на посыпанный гравием двор. Посреди двора раскинуло свои ветви единственное огромное дерево, центральный дуб, хотя Нона не могла понять, что именно держит его на скале.

— Аркада монахинь гораздо величественнее, — сказала Клера. — Сестры выходят в глухую ночь и лежат в центре, ожидая фокуса.

— Нет, не лежат, — сказала Нона.

— Голые! — Клера кивнула головой.

— Клера! — Рули скорчила гримасу.

— Ну, когда я спала в келье, они этого не делали, — сказала Нона.

— Ты спала, — сказала Клера.

Нона попыталась представить Сестру Колесо, Сестру Правило и почтенную Сестру Песок, купающихся в свете луны:

— По-моему, тебе это приснилось, Клера.

— Следующий урок — Тень. — Джула присоединилась к ним, протиснувшись между Ноной и Рули. — Ты ей уже сказала?

— Сказал кому что? — Клера замолчала, когда Арабелла прошла мимо с несколькими девочками на буксире. Казалось, она всегда смеется. Нона не думала, что смеялась бы, если бы ей пришлось оставить роскошь жизни в благородной семье ради монастыря, а ассасины пытались бы ее убить.

— Об Отравительнице! — сказала Джула, как только Арабелла ушла.

Клера закатила глаза:

— Надеюсь, Арабелле никто не скажет.

Джула повернулась к Ноне с серьезным лицом:

— Госпожа Тень всегда травит новых девочек.

— Что?

— *Пытается*, — ответила Клера, как будто это ничего не значило.

— Ну, я еще не видела, чтобы у нее не получилось. — Джула сжала губы в тонкую линию, вспоминая. — Тебя она отравила, Клера. И меня. И Рули.

— Я болела несколько дней. — Рули изобразила, как ее рвало. — Я плохо себя вела на Мече только для того, чтобы побрить голову и не запачкать волосы рвотой.

— Так что не ешь ничего из того, что она тебе даст, — сказала Джула.

— И не позволяй ей прикоснуться к тебе, — сказала Рули.

— Лучше всего просто позволить ей себя отравить. Она все равно тебя достанет, — сказала Клера. — По крайней мере, будет интересно посмотреть.

— Кле...

— Я имела в виду, будет интересно посмотреть, что она сделает с Арабеллой. — перебила Клера возражения Джулы.

— Это ужасно. — Нона нахмурилась. — Разве настоятельница не знает?

— Я думаю, настоятельница поощряет ее! — Клера криво усмехнулась. — Если отравление — самое худшее, что может случиться с тобой в классе Госпожи Тень, считай, что тебе повезло. Она самая подлая су...

— Клера! — Джула, казалось, страдала от грубого языка, как будто эти слова были физическими ударами.

— Она такая и есть! Никто не наказывает так, как она. Но хуже всего ее острый язычок. Никогда не отвечай ей, Нона, она может разрезать тебя на части одним предложением.

По аркаде прокатился голос Брея, звучный и протяжный.

— Пора идти. — Клера поспешно вскочила на ноги. Раньше она никогда не выглядела так, будто боится опоздать.

— Ты могла бы предупредить меня раньше. — Нона схватила свою шаль. — Насчет отравления.

Клера пожала плечами.

— Ты ничего не можешь с этим поделать. Кроме того, об этом никто не хочет говорить за обедом. — Они присоединились к толпе, которая пыталась протиснуться через главную арку. — Однажды она отравила суп Серого Класса. Отравила их всех, и только потому, что ни один из них не сдал экзамен.

Они уже запыхались, когда добрались до Тени. Занятия проходили в естественных пещерах, которые пронизывали толщу плато. Госпожа Академия объясняла что-то об их образовании на предыдущем уроке... дождевая вода, пробивающая дорогу через камень, если Нона правильно помнила... это звучало неправильно...

— Мы не последние! — Клера шлепнула Нону по руке. — В этом классе ты должна никогда не быть последней.

Они быстро спустились по лестнице, ведущей в пещеры, узкий пролет которой был перекрыт железными воротами всего в нескольких ярдах ниже входа. Лестница располагалась позади Зала Сердца и была так близко к краю плато, что Нона спросила себя, не могут ли пещеры достичь утесов и раскрыться, как голодные рты.

Высокая стройная послушница с мертвенно-бледной кожей и темными волосами стояла на верхней ступеньке, отмечая имена девушек на грифельной доске. Она посмотрела в

сторону Ноны голубыми глазами неестественного и тревожного оттенка.

— Бента, — прошептала Клера, — из Священного Класса. Она помогает Отравительнице в лабораториях. Не связывайся с ней.

Через минуту Бента подняла глаза от грифельной доски и достала из внутреннего кармана своего одеяния увесистый железный ключ:

— Все здесь. Послушница Гесса, приятно видеть, что на этот раз ты удостоила нас своим присутствием. Послушница Джула, ты, кажется, побрилась со времени нашего последнего урока.

— Она пытается быть такой же язвительной, как Отравительница, — прошептала Клера. — Но, на самом деле, у ней не слишком получается.

— Послушница Клера, вынь язык из уха новенькой девочки и следи за ступеньками. — Бента шлепнула Клере по голове, когда они проходили мимо нее.

Ступени круто вели вниз, известняк местами сочился водой и густо покрылся слизью. В некоторых местах Ноне казалось, что Бенте, замыкающей шествие, придется пригнуться, чтобы не поцарапать голову. Через несколько шагов их начало окутывать слабое зловоние: запах щелока, кислого вина и других компонентов, которые Нона не могла назвать. Она сморщила нос, когда запах стал сильнее.

Дневной свет последовал за ними дальше, чем Нона могла себе представить, и как только он стал настолько тусклым, что она начала с трудом различать ступеньки, его место занял другой источник света. Им оказалась толстая свеча, стоявшая в нише у изгиба спуска. Ее свет привел их в вырубленный вручную туннель с деревянной дверью сбоку, перед которой девочки выстроились в очередь.

Бента спустилась вниз, задула свечу, протиснулась мимо очереди и вошла в комнату. Девочки последовали за ней.

Эта комната тоже была высечена вручную, хотя, возможно, из небольшой естественной пещеры, поскольку некоторые участки на покрытом сажей потолке выглядели неровными и не имели никаких следов кирпичи. Свет проникал через несколько горизонтальных шахт в дальней стене, каждая длиной в пять или шесть футов, через которые были видны участки неба. Нона решила, что они, должно быть, выходят на утесы.

Три длинных стола тянулись по всей длине комнаты со скамьями по обе стороны, на середине каждого стояли всевозможные кувшины, горшки, стеклянные бутылки и запечатанные тыквы. В дальнем конце комнаты, спиной к двери, стояла монахиня и что-то писала на доске. Послушницы расселись за столами без обычных споров, кто с кем сидит.

Женщина у доски не была ни высокой, ни низкой, стройной, конечно, но Нона не могла определить ее возраст, разве что сказать «не старая».

Бента закрыл дверь, и Госпожа Тень, Отравительница, обернулась к классу с теплой улыбкой:

— Нона, дорогая, поднимись сюда. И ты, Арабелла. Мне всегда нравится хорошенько рассмотреть новых девочек.

Нона моргнула и встала. Отравительница уже успела хорошенько рассмотреть ее в бане.

— Да, Сестра Яблоко, — сказала она.

Они подошли и остановились перед Сестрой Яблоко. Нона искоса взглянула на Арабеллу Йотсис, на вид безмятежную, несмотря на то, что всего две ночи назад вонзила нож в то место, где спала Нона. Мысль о том, что Арабелла может скрывать свои кровожадные инстинкты так глубоко, что на поверхности не остается и следа, нервировала

Нону больше, чем сам поступок. Она знала, что ее собственные эмоции были написаны на ее лице в тот момент, когда она почувствовала их, и, возможно, даже раньше.

— Мне кажется, ты уже не такая худая, Нона. Еще год монастырских трапез, и на этих костях у нас будет приличное количество мяса. И Арабелла Йотсис... очень приятно, что ты присоединилась к нам. Каково это — *быть* частью пророчества? — Сестра Яблоко подняла руку, когда Арабелла открыла рот. — На этот вопрос лучше не отвечать, дорогая. — Она достала из рясы красивую жестяную коробочку, покрытую черно-белой эмалью, и нажала на нее; крышка откинулась. Внутри лежала дюжина прозрачных желтых шариков, каждый не больше ногтя большого пальца. — Конфетки, чтобы поприветствовать вас в Классе Тени. Мы хорошо проведем время. — Она улыбнулась той же медленной и легкой улыбкой, которой впервые встретила Нону по дороге в монастырь.

— Я наелась досыта. — Нона схватилась за живот. Она действительно набила себе рот, как делала за каждым приемом пищи, но сладости выглядели соблазнительно, сияя, как витражи в Башне Пути.

— Жаль. — Сестра Яблоко повернулась к Арабелле и протянула ей коробочку.

— Спасибо. — Арабелла протянула руку и изящно взяла одну конфетку большим и указательным пальцами. Нона заметила, что оба пальца имеют восковой блеск. — Я приберегу ее для внеклассных занятий.

Сестра Яблоко закрыла коробочку и убрала ее:

— Тогда занимайте свои места, девочки. Сегодня нам предстоит много выучить!

Нона последовала за Арабеллой к ближайшему из трех длинных столов. Старшая девочка вернулась на свое место первой, поморщившись, когда садилась, затем сменила позу и нахмурилась. Нона нашла свое место и начала опускаться на скамью, но резко остановилась, удерживаемая внезапным подозрением, когда ее зад был всего в дюйме или двух от полированного дерева. Она повернулась, прищурилась и быстро изучила пространство под собой. Что-то блеснуло. Короткая булавка стояла вертикально на крошечном темном основании. Нона бросила ее на пол и села. Бента, должно быть, положила эту штуку, пока Нона стояла перед классом.

— Молодец Нона, хорошо справилась! — Сестра Яблоко захлопала в ладоши. — Арабелла... справилась не так хорошо.

Нона посмотрела на Арабеллу. Лицо девочки было странно напряженным, только яростные глаза и подергивающаяся гримаса указывали на то, что она не просто сосредоточилась на словах Госпожи Тень. Она резко дернулась влево, но, казалось, была не в состоянии двигаться.

— Ты прошла испытание, Нона. — Сестра Яблоко улыбнулась. — Я больше не буду пытаться тебя обмануть. — Она снова повернулась к доске, постучала мелом по рисунку листа и подчеркнула слово рядом с ним. — Сегодня мы будем учиться заваривать очень сильную кот-траву, близкую родственницу корня сегрена. Именно из него я сделала настойку, отравления которой так умно избежала Нона, а Арабелла — нет. Обычно мы называем эту настойку *тюряга*. Первый...

Тук-тук-тук в дверь. Сестра Яблоко повернулась в сторону класса:

— Войдите.

Сестра Чайник просунула голову в класс с озорной улыбкой на лице:

— Я только что из скриптория и хочу передать Ноне ее письменные принадлежности. — Она протиснулась в полуоткрытую дверь с темной доской в одной руке

и мелками в другой. — Для наших совместных уроков.

— Входи. — Сестра Яблоко терпеливо улыбнулась и жестом пригласила Сестру Чайник войти.

Монахиня помладше — Нона решила, что Чайник может быть лет двадцать с чем — то против тридцати у Яблоко, — преувеличенно осторожно подошла к ней на цыпочках и положила перед ней на стол дощечку и мелки. Она вынула из рясы сложенную салфетку и положила ее между ними, прошептала «извините» Госпоже Тень и на цыпочках вышла. Оказавшись в дверном проеме, невидимая от доски, она весело помахала послушницам.

— Как я и говорила. — Сестра Яблоко постучала по доске. — Кот-трава.

Нона посмотрела на свои новые вещи. Единственное, что у нее было, кроме пера, свитка и чернил, которые дала ей настоятельница... и ножа, которым она так недолго владела. Она взяла грифельную доску, удивляясь ее ровным углам и равномерной толщине. Старшие в семидневном классе Наны Эвен сидели с грубыми кусками шифера, которые они сами выкопали из Дыры Эбсона. Пока Сестра Яблоко продолжала описывать места, где можно найти кошачью траву, Нона положила дощечку перед собой, обнаружив, что она слегка липкая. В том месте, куда она дотронулась, на кончиках ее пальцев осталось коричневатое пятно, и от него исходил слабый запах гнили.

— Кот-траву в ее естественном состоянии можно есть без каких-либо побочных эффектов, — продолжала Сестра Яблоко. — Хотя я бы посоветовала вам не употреблять ее в больших количествах. Это привело бы к спазмам в желудке и онемению конечностей. Кроме того, у нее кислый и неприятный вкус.

Сестра Яблоко продолжала рассуждать о достоинствах кошачьей травы в течение нескольких минут, прежде чем остановилась и посмотрела на Нону:

— Как ты себя чувствуешь, послушница?

Нона облизала губы. Ее рот был странно сухим и вязким.

— Ты... соврала. — Она обнаружила, что у нее слабость во всем теле. Попытка подняться лишь заставила ее повалиться на стол.

— Было совершенно очевидно, что я попытаюсь отравить тебя, дорогая Нона. Неужели ты думаешь, что тот, кто захочет отравить тебя, должен говорить правду во всех случаях?

— Л... гунья. — Ни одна часть тела Ноны не повиновалась ей. Но если Арабелле застыла, то Нона обмякла, хотя ни один из них не владел своими мускулами.

Сестра Яблоко пересекла комнату и встала рядом с Ноной, положив руку ей на плечо.

— Ты знаешь, какой самый коварный яд, Нона? — Сестра Яблоко поджала губы. — «Коварный» означает «худший».

— Н... — Теперь, когда голова Ноны встретилась столом, он занимал большую часть поля зрения. Она могла видеть Сестру Яблоко от бедер до грудной клетки, руку Арабеллы и Клеру позади них обоих.

— Н?.. Кот-трава похитила твой язык? — Сестра Яблоко подняла дощечку завернутой в ткань рукой. — Доверие, Нона. Доверие — самый коварный из ядов. Доверие сводит на нет все предосторожности. — За спиной монахини Клера закатила глаза. — Так что давай свое доверие экономно. Или, еще лучше, не давай вообще. И, Послушница Клера... ты будешь молотъ вонь-желуди в дым-пещере в течение часа после окончания урока.

Занятия в классе Тень проходили медленно, но Нона все-таки сумела узнать о свойствах и приготовлении кот-травы, основного ингредиента препарата, известного как «бескостный», которым ее отравили. Она также узнала о корне сегрена, из которого была дистиллирована настойка тюрюга, которой отравили Арабеллу. Самым запоминающимся фактом было то, что у кот-травы был неприятный запах гнили, тогда как корень сегрена, когда его разрезали, пах кошачьей мочой.

— Корень сегрена пахнет кошачьей травой. Кот-трава — нет. — Сестра Яблоко постучала по доске. — Это легко запомнить!

Нона не видела демонстраций, хотя ей удалось увидеть, как Клера дважды ущипнула обездвиженную Арабеллу.

Примерно за десять минут до конца урока Нона обнаружила, что может поднять голову. Вокруг нее послушницы кипятили маленькие железные кастрюли, полные кот-травы и уксуса, на подносах с раскаленными углями. Вонь стояла невероятная.

К тому времени, как Нона смогла сесть, Сестра Яблоко уже ходила по классу, проверяя составы на цвет и консистенцию.

— Вы все должны сейчас профильтровать жидкость. Используйте мелкое сито и убедитесь, что вы добавили алкоидную соль перед процеживанием, а ртуть — после. На следующем уроке мы будем перегонять наш ликер, чтобы восстановить эссенцию, которой была покрыта грифельная доска Ноны. Он будет проникать в кожу, хотя медленно и менее эффективно — для достижения оптимальных результатов его нужно употреблять в свежем виде.

Нона и Арабелла замыкали шествие, когда класс поднимался по длинной лестнице, чтобы выйти на свежий воздух. Сестра Яблоко поддерживала Нону, а Бента помогала Арабелле.

— Ты полностью восстановишься в течение часа, — сказала Сестра Яблоко, хлопком отправляя Нону в путь, когда та поднялась наверх.

До самого сна Нона чувствовала себя не совсем в своей тарелке. Она сидела на кровати и болтала с Рули, пока, наконец, Клера не пришла из бани.

— Мне пришлось отмокать несколько часов, чтобы избавиться от этой вони! Смотрите! Я вся в морщинах! — Клера вытянула вперед пальцы, подушечки которых слишком долго были в воде.

Нона фыркнула, но ей не хотелось говорить, что она все еще чувствует запах вонь-желудей:

— Откуда она узнала?

— Что я нагло себя веду? У нее глаза на затылке! — Клера фыркнула.

— Откуда она знала, что ей понадобится Сестра Чайник, чтобы обмануть меня?

Джула наклонилась к ним с соседней кровати:

— Если бы конфеты или булавки достались вам обоим, она не обратила бы внимания на дверь, и Чайник бы ушла. Если бы Арабелла не была отравлена, когда Чайник вошла, она бы достала что-нибудь для нее — письмо от отца или что-нибудь еще... Отравительница всегда побеждает!

— Ненавижу эту женщину, — сказала Клера.

Утром Нона первая вскочила с кровати, и сонная Клера напомнила ей, что в седьмой день занятий не бывает.

— Старшим послушницам разрешается спускаться в город на экскурсии под наблюдением сестры. — Клера села, зевая и потягиваясь. Ее ночная рубашка была тонкой и серой, со множеством прорех, но все же лучше, чем ничего, как у Ноны. — Я собираюсь повидаться с отцом. Под наблюдением Сестры Кремень, к несчастью. Она совсем *не* клевая. Настоятельница дала мне особое разрешение, хотя я все еще в Красном.

Нона ничего не ответила. Она достаточно знала о тюрьмах, чтобы сказать, что не хотела бы видеть своего отца в одной из них. Однако, если бы быть в тюрьме означало, что она может навещать отца в один день из семи и он не пропал подо льдом, она с удовольствием заняла бы место Клеры.

Гесса высунула голову из-под одеяла и широко зевнула.

— Мне приснился ужасный сон. — Она села, содрогаясь. — Про волка...

— ...в капкане, — сказала Нона.

— Да... — Гесса нахмурилась. — Разве я разговаривала во сне?

Нона не ответила. Ночью ее разбудил сон о волке с ногой в железном капкане. Она не помнила об этом, проснувшись, пока Гесса не заговорила.

— Мы будем плавать в провале. — Джула натянула нижние юбки и тут же споткнулась о кровать, недостойно упав лицом вниз, задом вверх. Она откатилась в сторону и брыкнулась, задрав юбки. — Идешь, Нона?

— У меня дополнительные уроки с Сестрой Яблоко. — Кроме того, Нона не умела плавать.

— Смотри, чтобы она снова тебя не отравила, — усмехнулась Клера.

После завтрака Нона встретила с Сестрой Чайник в Башне Академии. Классная комната казалась очень большой, их было только двое, их стулья стояли бок о бок за столом, на котором обычно были выставлены загадочные вещи Сестры Правило. Грифельная доска и мелки, при помощи которых Сестра Яблоко напала на Нону во время урока Тени, лежали перед ними на полированном дереве.

— Ты меня отравила, — сказала Нона.

— Да.

— Больше так не делай.

Сестра Чайник закусилла нижнюю губу, изучая Нону:

— Не думаю, что попытаюсь. Это очень свирепый взгляд для маленькой девочки.

— Я заставила обоих братьев Таксисов истекать кровью, а они даже не пытались меня отравить. — Нона достала перо.

— Они недооценили тебя, Нона. Я видела тебя на меч-пути. Я бы не стала тебя недооценивать. — Чайник достала из кармана плоский футляр и открыла его, чтобы показать свое перо, черное и жесткое, возможно воронье. — Я рассказала сестре Сало о том, как ты прыгала между вершинами спирали.

Нона ничего не ответила, но достала свиток, глядя в темные глаза Чайник.

— Сестра Сало сказала, что ты выбрала дорогу воина. Она сказала, что большинство не берет с собой ничего, кроме страха перед падением. Даже когда они больше не заботятся о высоте падения, они боятся возможности неудачи — точно так же, как страх смерти давит на многих, когда они сражаются. Воин, однако, ненавидит страх: это такое же нападение, как и любое другое, и с ним нужно бороться. Он бросается на него, все или ничего, он

преодолевает и презирает его. В конце концов смерть заберет нас всех, но воин выбирает почву, на которой встречается с ней, и способ, он заставляет смерть бежать, чтобы догнать его. — Чайник разгладила собственный свиток. — Начнем!

— А кто ранил Госпожу Меч? — спросила Нона.

Сестра Чайник обмакнула перо и написала на свитке букву:

— Это буква А. Я принесла тебе грифельную доску и мелки, чтобы ты могла попрактиковаться в переписывании.

Нона уставилась на блестящую букву. Гесса рассказала ей самое главное. А — это Академия, и так далее. Влажные чернила напомнили ей кровь в темноте.

— А — для ассасина, — сказала Нона. — Говорят, сестры императора Шерзал и Вел... Вел...

— Велера.

— Велера. Говорят, что они предпочли бы видеть Арабеллу царстве мертвых, чем в руках императора.

— Ну, она ведь ни там, ни там? — сказала Чайник.

— Я знаю истории про ной-гуин. — В клетке Гилджона Гесса рассказывала о ной-гуин, необычных охотниках на людей, невидимых в ночи, проникающих сквозь любую защиту и безнаказанно отнимающих жизни. Маркус всегда требовал рассказов об убийцах, и чем больше крови, тем лучше. — Сестра Сало дралась с одним из них?

Сестра Чайник смерила Нону оценивающим взглядом.

— Чтобы ранить Госпожу Меч, потребуется не один ной-гуин. — Она фыркнула. — Сейчас. М — это меч. — Ее перо скользнуло по пергаменту, оставляя блестящий черный след.

— Похоже на букву П, — сказала Нона, прищурившись, пытаясь вспомнить фигуры, которые Гесса рисовала для нее снова и снова. Она нарисовала одну из них на своей грифельной доске и перевернула ее вверх ногами. — Вот.

Сестра Чайник усмехнулась:

— М — это меч, П — путь. Мало кто знает, но меч и путь — две стороны одной медали. Меч-путь — не просто игра, чтобы занять беспутных: один действительно помогает другому. Кроме того, то, что у тебя есть, — это К, если вообще что-то есть...

— Ты — самая лучшая на меч-пути, — сказала Нона. — Значит, ты тоже квантал?

Ухмылка сестры Чайник превратилась в смех:

— Предок, нет! Но я *очень* хорошо разбираюсь в связанных с Путем видах мышления, которым учит Сестра Сквородка. Я могу быть такой же *безмятежной*, как все черти ада! И никто не может такой *тихой*, как я! Кроме Ябби, конечно. Я имею в виду Госпожу Тень.

Нона попыталась представить Сестру Чайник безмятежной... или даже тихой. Ей это не удалось.

— Я думала, что Путь — это ясность, безмятежность и терпение. Да?

Чайник пожала плечами:

— Терпение и безмятежность, — две стороны одной монеты. И тебе нужно знать все стороны монеты, прежде чем сможешь заработать ее и потратить. Сестра Сквородка научит тебя этому.

— Послушницы говорят, что Сестра Сквородка просто старая женщина, которая много болтает. Они говорят, у нее совсем не осталось магии. — На самом деле, когда Нона думала об этом, ей было легче представить сестру Кастрюлю, творящую магию, чем квантал-

безмятежность Сестры Чайник, заменившую ее обычную болтовню и юмор. Сестра Сквородка, по крайней мере, выглядела такой же древней и изможденной, как любая древесная ведьма из тех историй, о которых шептались у деревенского очага.

— Это В. Я хочу, чтобы ты писала А, М, В снова и снова, пока твоя рука не запомнит их. — Сестра Чайник указала на дощечку Ноны.

Нона начертила буквы, мысленно следуя по линиям каждой из них.

— Хорошо. Еще раз.

Нона проделала это еще семь раз, прежде чем дощечка заполнилась.

— Хорошо. И нет, я не знаю, может ли Сестра Сквородка дотронуться до Пути. Она была стара, когда настоятельница была послушницей. Но я могу сказать тебе, что когда-то она была одной из великих Святых Ведм и следовала по Пути, который проходит через все сущее. К ней приходили первосвященники. Император Кстал, третий этого имени, и его сын, четвертый, вызвали ее ко двору. И когда, более пятидесяти лет назад, против нас выступил Дарн — их барок из боль-дерева было так много, что они почти построили мост через Коридор, — именно Сестра Сквородка и Сестра Дождь из Скалы Джеррана встретили их шпорм-ткачей и смыли их с моря... Так что не хорони пока старушку. И не называй ее «старушкой». И не говори ей, что я рассказала тебе эту историю... Давай нарисуем немного Г, хорошо?

Большая часть дня прошла, прежде чем Нона убежала от ужасов алфавита и выскочила из башни Академии, слишком измученная, чтобы идти на поиски своих подруг. Над головой махал крыльями грач, черный на фоне неба, спускаясь к многооконному шпилю монастырского гнездовья грачей. Обычно они прилетали и улетали вместе, кружась и хрипло крича. Одинокая птица означала послание. Нона гадала, какие слова приносят эти темные крылья и из какой дали. Она также спрашивала себя, было ли их так же больно писать, как ее бесконечные буквы.

Когда Клера вернулась, Нона отдыхала в дормитории, нянча страдающую от судорог руку. Солнце уже начало клониться к закату, его красный свет нарисовал полосы на потолке.

— Ты пыталась писать чернилами на пергаменте. — Клера кивнула в сторону пальцев Ноны, прежде чем плюхнуться на кровать.

Нона вытянула перед собой испачканные чернилами пальцы правой руки. По настоянию Ноны Сестра Чайник разрешила ей попробовать с пером и низкосортной бумагой после нескольких часов работы с мелом и грифельной доской. Это оказалось труднее, чем ожидала Нона, и в результате получилось корявое месиво из рваных линий и чернильных пятен.

— Как твой отец? — спросила Нона.

Клера перевернулась на спину и уставилась в потолок:

— А где все остальные? Неужели они утонули во время купания?

Нона пожала плечами.

— Не знаю. Я видела, как Рули входила в Зал Меча. Некоторые из них, должно быть, тренируются на меч-пути. — Клера выглядела измученной. И печальной. Она подбрасывала монетку высоко вверх, ловила ее, подбрасывала. — Как твой...

— С ним все в порядке. Через месяц у него апелляционное слушание. Выглядит многообещающе.

— Это хорошо? — Нона не знала, что такое апелляционное слушание.

— Да. — Клера поймала пенни в ладонь и сжала его в кулаке. В угасающем свете он

казался серебряным. — Ты никогда не думала о том, чтобы просто убежать, Нона? Просто бежать, бежать и где-то потеряться?

— Куда? — Нона думала об этом, но лучше бежать куда-то, чем бежать от кого-то.

— Куда угодно. Начать новую жизнь.

— Там очень тяжело. — Нона посмотрела на окна. — Бежать — хорошо, но когда ты останавливаешься, то начинаешь замерзать, голодать и умирать. Вот если у тебя есть деньги, тогда...

— Да. — Клера внезапно села. — Да, деньги делают побег лучше. Деньги исправляют все. — Она встала. — Давай найдем их. Повеселимся, устроим неприятности, пошумим. Завтра занятия. Всегда занятия. Давай...

— Это же серебряная крона! — Нона указала на монету, которой играла Клера.

— Я заставила одну стать многими. — Клера сунула монету в карман. Та упала со слабым звоном. — Мне немного повезло. — Она улыбнулась, но вид у нее был грустный.

— Как... — но тут дверь распахнулась, и в комнату с визгом вбежала Рули, завернутая в полотенца, а Джула и Кетти ее преследовали.

— Лови ее!

— Хватай ее!

И Клера бросилась в погоню, широко и дико улыбаясь.

Первая полная неделя пребывания Ноны в монастыре прошла как в тумане: она изнуряла себя бесконечным повторением ударов, бросков и захватов на Мече, напрягала мозг в Академии, изучая оледенение, эрозию и образование скал, и объедалась, все еще не в силах поверить, что трапезы будут приходиться три раза в день.

В dormitorio Нона разделила с Гессой еще два сна, оба кошмарные. Гесса сказала, что они, должно быть, проходят через остатки связи, которая возникла, когда она поделилась с Ноной своей памятью. Феномен исчезнет, сказала она. Кроме того, Кетти поссорилась с Генной, и их обоих на неделю отправили в прачечную. И, к радости Клеры, кот настоятельницы помочился на рясу Арабеллы в ночь третьего дня.

На уроках Тени они сварили еще два яда, один из которых вызывал слепоту, другой — путаницу, изучая природу ингредиентов, противоядия, если таковые существовали, и средства, с помощью которых полученные мази могли быть введены жертвам или избегнуты послушницами. Сестра Яблоко оказалась столь же неприятной в своей пещере, сколь милой вне ее. Кетти провела целый день без зрения после того, как ей не удалось помешать Отравительнице обмануть ее тем же трюком, который она только что описала на доске. Рули провела целый день в Необходимости после того, как слишком громко пошептала с Генной в конце класса. Никто не знал, как Отравительница добралась до нее, но к тому времени, когда она добежала до верха лестницы, ее уже рвало. И Джула попала на острый кончик языка Яблока за мгновение мечтательности — критика ее алхимических неудач довела девочку до слез, что невольно заставило рассмеяться остальной класс.

Путь оказался наименее любимым уроком Ноны, он был даже хуже, чем скучный Дух, на котором Колесо вела их через бесконечные маленькие церемонии, которые, казалось, занимали каждый день Святой Сестры. Вскоре она начала бояться комнаты Сестры Кастрюли, наполненную светом и гармонией. Она смотрела на узоры до тех пор, пока ей не показалось, что ее глаза вот-вот начнут кровоточить, но ничего из того, что рассказала старуха, не заставило мистический Путь открыться перед ней. В ней не было той странной и тревожной энергии, о которой говорила Арабелла на первом уроке Пути, только такая глубокая скука, что ей захотелось выцарапать себе глаза. Визуализация безмятежности разозлила Нону; визуализация тишины наполнила ее голову требованиями чего-то другого.

К тому времени, когда снова пришел седьмой день, Нона уже начала считать монастырь своим домом. Воспоминания о Калтессе казались далекими, воспоминания о Гилджоне и его повозке — сном, а воспоминания о деревне — историей, рассказанной о ком-то другом.

По дороге к Башне Академии Нона остановилась, медленно повернулась на месте и посмотрела на здания, которые так быстро стали знакомыми: Зал Сердца и Зал Меча, Собор Предка, маячивший позади них, dormitorio и трапезная, аркада монахинь и широкий двор перед баней. Одинокая курица с важным видом расхаживала в тени скриптория, останавливаясь, чтобы поскрести землю и клюнуть, словно ища пропущенные знаки препинания. Между прачечной и санаторием Нона разглядела стоящий у винодельни фургон, нагруженный бочонками с последним вином, готовым к поставке. Послушницам Священного Класа разрешалось выпить бокал монастырского вина за вечерней трапезой в любой седьмой день, который также был священным праздником, чем большинство из них, по-видимому, и являлось. Рули утверждала, что монастырь зарабатывает гораздо больше на

доставке бочонков Сладкого Милосердия по Коридору, чем на обучении и тренировке послушниц.

— Конечно, если бы кто-нибудь из них встретился с Отравительницей, они бы сейчас выливали вино из своих кувшинов в канализацию.

Клера ждала в dormitorio, когда Нона вернулась с очередного урока сестры Чайник, ее белые от мела руки были сведены судорогой, а пальцы испачканы чернилами. Прощальные слова сестры Чайник были о Клере, и Нона пересекла продуваемые всеми ветрами дворы, хмурясь под их тяжестью.

— Бесплатный совет. — Чайник накрыла ладонью руку Ноны, когда та потянулась за грифельной доской. — Самый трудный урок, который я когда-либо усвоила: все плохое, что твой друг делает кому-то другому, он когда-нибудь сделает и тебе. Некоторые люди в этом мире являются потребителями, а некоторые — дарителями. Когда двое таких образуют связь, она часто заканчивается плохо. Найди еще друзей, Нона. Клера Гомал проводит достаточно времени, думая о себе, и для этого ты ей не нужна. Не надо...

Нона высвободилась и поспешила прочь из башни, но все еще чувствовала пальцы сестры на своей руке, все еще слышала ее голос. Она вытерла руку об рясу и попыталась стряхнуть поднявшееся в ней дурное настроение. За всю жизнь у нее было мало друзей, и узы, связывавшие ее с ними, были для нее более священными, чем Предок для любой монахини. Дружба — это не то, что ты упускаешь или от чего отказываешься, не то, что можно делать по чуть-чуть или разрезать пополам.

Она все еще злилась, когда распахнула дверь dormitorio.

Большинство послушниц еще не вернулись из своих многочисленных развлечений, но Джула лежала поперек кровати, свесив голову через край, словно изучала свиток, а Генна спала — она всегда, казалось, мчалась или спала, без какой-либо реальной паузы между ними. Мимо пронеслась Кетти в нижнем белье, держа перед собой рясу и морща нос.

— Кто-то впустил сюда этого чертового кота! Он написал на мои нижние юбки! Сестра Правило должна утопить эту штуку!

— Малкин хороший, — сказала Джула, не поднимая глаз. — Просто немного старый и сбитый с толку.

— Утопить! — донеслось через дверь, а сама Кетти уж исчезла в направлении прачечной.

— Единственный мужчина в монастыре, и он все время пишет на все подряд. — Клера из своей постели.

— Есть еще петухи. — Джула, все еще не поднимая глаз.

— Которые проводят время, кукарекая и расхаживая с важным видом, — сказала Клера.

— И хряки.

— Которые едят и гадят, — сказала Клера. — Я остаюсь при своем мнении.

Нона подошла к своей кровати.

— Сестра Чайник хочет врезать буквы тебе в голову, Нона? — Клера оторвала взгляд от серебряной кроны, которая путешествовала по костяшкам ее пальцев. В ее тоне было что-то отстраненное: возможно, на этот раз день в тюрьме принес ей плохие новости.

— Ей повезло больше, чем сестре Кастрюле с ее дурацким Путем. — Нона плюхнулась на кровать, протянула руку и вздохнула. — В следующий раз мы должны попросить ее отпустить нас попрактиковаться на меч-путь.

— Да, — кивнула Клера. Она изучала Нону, как будто та была для нее чем-то новым. —

В любом случае, поторопись и научись читать. Ты же не хочешь отнимать у Чайник слишком много седьмых дней, иначе Отравительница не будет счастливой маленькой Отравительницей.

— Почему? — Нона нахмурилась.

— Ты не знаешь? Неужели? Да ладно тебе...

Звон колокола перебил Клеру. Звон колокола, которого Нона раньше не слышала, резкий и очень громкий. Три удара, пауза, еще три. Звон стального колокола.

— Предок, пусти мне кровь! — Клера выглядела потрясенной. — Это же Бител! Мы должны выбраться наружу, немедленно!

Через несколько мгновений девочки из Красного Класса уже выбирались наружу через главный вход дормиториев, вместе с дюжиной старших послушниц. Снаружи, в сгущающихся сумерках, двигались монахини и послушницы, стекаясь со всех сторон, одни бежали, другие быстро шагали, все направлялись к дому настоятельницы.

Бител снова нашел свой язык. *Дзинь*. Грачи рванулись в небо из-за Зала Сердца. *Дзинь*. Клера и Нона бросились бежать. *Дзинь*. Где-то вдалеке закричала женщина.

Весь монастырь собрался перед дверями Настоятельницы Стекло. Нона и Клера протиснулись в толпу послушниц, некоторые из которых были еще влажными и дымились после бани. Старшие монахини расположились по периметру толпы, некоторые из них несли фонари.

— Пожар? — Джула протиснулась к ним сквозь толпу.

— Я слышала, что произошел обвал в пещерах Тени... — Рули, длинные волосы завернуты в банное полотенце.

— Шшш. — Генна указала на дверь настоятельницы.

Сестра Сало и Сестра Яблоко шли впереди настоятельницы, Сестра Сало держала руку на перевязи. Настоятельница Стекло следовала за ними с посохом в руке и остановилась на ступеньках, откуда открывался вид на собравшуюся паству.

— Сестры. — Настоятельница Стекло улыбнулась им, хотя в ее улыбке не было радости. — Послушницы. Только что пришло известие о приближении Первосвященника Джейкоба и четырех архонтов. Они будут здесь в течение часа. Этот визит — большая честь для нас и для Сладкого Милосердия. Я ожидаю, что вы все будете вести себя наилучшим образом.

Первосвященник и его свита разместятся в Зале Сердца, который будет закрыт до дальнейших распоряжений. Послушницы останутся на ногах, чтобы приветствовать первосвященника Джейкоба, после чего удалятся в свои дормитории. Сестра Правило возглавит хор, который будет петь Гимн Предку Этсана и Реквием Святой Джулы.

— Первосвященник, несомненно, пожелает возглавить службу в соборе, и все сестры должны будут присутствовать. — Настоятельница Стекло хлопнула в ладоши. — У нас есть час! Зажгите фонари, приготовьте еду и вино, пусть хор оденется должным образом... Вперед! Вперед!

Нона огляделась в поисках направления, в котором можно было бы пойти, и обнаружила широкую коричневую руку, опустившуюся на ее плечо.

— Красный Класс, — крикнула Сестра Дуб с высоты своего роста. — Со мной и трапезную. Мы вынесем столы и стулья, чтобы поставить их перед Собором Предка для церемонии приветствия.

Махнув мясистой рукой, Сестра Дуб повела их, и послушницы Красного Класса

последовали за ней. Клере следовало бы присоединиться к хору, но вместо этого она осталась с классом, возможно, не готовая выступить перед такой высокой аудиторией. Когда они уходили, Нона оглянулась. Настоятельница спустилась по ступенькам, золотой завиток ее посоха украл яркость фонарей. В полумраке внизу были видны ее губы, сложившиеся в мрачную линию.

Огни, замигавшие между колоннами, дали первый видимый признак прибытия первосвященника. Нона представила себе священников — карликов среди громадных колонн, — их маленькие пятна света во всей этой тьме, тени, колышущиеся вокруг них. Она спросила себя, сколько их пришло и с какой целью. Брат Раймела Таксиса, Лано, сказал, что его отец знает Первосвященника Джейкоба. Как далеко простирается влияние Турана Таксиса? Настоятельница Стекло тоже должна была знать первосвященника, и, наверняка, это значит больше?

— Они пришли за тобой. Ты ведь это знаешь, правда?

Нона повернулась и посмотрела на Клеру, стоящую чуть левее нее во втором ряду послушниц. Каждый класс стоял в две шеренги, самая короткая — впереди.

— Об этом говорит весь город, Нона. Ты должна была мне это сказать. — Клера не сводила глаз с приближающихся огней. Стоявшие по обе стороны от нее Рули и Кетти повернулись и уставились на нее.

— Сказать что? — спросила Джула, стоявшая рядом с Ноной.

— Нона почти убила Раймела Таксиса, сына Турана Таксиса, ринг-бойца. А когда на днях сюда приезжал Лано Таксис с судьей верховного суда...

— Он не приезжал! — Генна справа от Ноны. — Неужели?

— Он приезжал, и Нона чуть не отрубила ему два пальца. Чтобы спасти их, понадобился волшебник-марджал из Академии. Раймел все еще находится под опекой четырех других магов Академии.

— Где ты взяла нож? — прошипела Генна.

Нона посмотрела вдоль линии и увидела, что Арабелла смотрит на нее удивительно напряженно.

— Почему ты напала на него? — прошептала Джула.

Нона ничего не ответила. Она посмотрела на свои пустые руки и спросила себя, почему Клера не задала ей вопросов в dormitorio. Должно быть, она рассердилась, что Нона ввела ее в заблуждение рассказом об Амондо в лесу. Хотя в этой истории было больше правды, чем в первой, которую рассказала ей Нона... Узнала ли она о Раймеле в последний седьмой день или только сегодня? Клера хорошо сдерживала свой гнев, держа его холодным и скрытым от глаз, а потом использовала как меч. Нона не понимала этого в своей подруге — но ведь она вообще мало что понимала в людях. Она ожидала, что все они будут похожи на нее, но вместо этого обнаружила, что каждый из них был загадкой, начиная с Клеры с ее медным пенни, который превратился в серебряную крону, Рули такой легкомысленный и доброй, без амбиций, и кончая Джулой и ее верой, Гессой и ее магией; даже гнев Генны, такой близкий к ее собственному, никогда не поддавался объяснению или предсказанию.

В тусклом свете костра, который монахини разожгли в костровой яме перед монастырем, показались священники. Под руководством Сестры Правило хор начал петь Гимн Этана. Младшие послушницы пронзили ночь высокими, сладкими нотами, необычными и разорванными ветром; они повисли на мгновение, прежде чем сестры подхватили их с бóльшей силой, слова слились в мелодию. Сестра Швабра стояла впереди, коренастая, с некрасивым и измученным заботами лицом, но ее голос был чудом, от которого по тыльной стороне ладоней Ноны пробежали мурашки.

Первой шла дюжина церковь-стражей в полированных стальных нагрудниках, с гладкими забралами шлемов, отражающими мир. Четыре барабанщика, шедшие позади бронированных рядов, начали мрачный ритм, который заглушил голоса монахинь и послушниц, ритм их ударов не соответствовал метру гимна. Позади барабанщиков восемь священников подняли длинные шесты, на которых развевались штандарты четырех архонтов и четырех провинций империи. Каждый штандарт находился под короткой перекладной, на самом вершине которой поблескивало серебряно-медное навершие.

Архонты ехали верхом, их жеребцы были настолько похожи, будто являлись детьми тех же родителей. Каждого архонта сопровождали по два клирика, на маленьких пони. Даже они носили серебряные цепи и роскошные мантии, отороченные мехом лед-рыси. Дюжина мужчин несла на двух шестах паланкин первосвященника.

Барабанщики прекратили бить только тогда, когда носильщики первосвященника опустили паланкин. Хор умолк, и никто не произнес ни слова, когда одинокий носильщик поспешил открыть дверь закрытого паланкина.

Молодой человек, светловолосый и красивый, в черном бархате, вынырнул из открытой двери, прижимая к груди книгу в кожаном переплете. Нона спросила себя: неужели священники и судьи даже в Необходимость носят с собой книгу, которая говорит им, что делать?

Первосвященник Джейкоб последовал за ним после почтительной паузы, маленький человечек, почти поглощенный своим парадным облачением — мантией с глубокими пурпурными складками, украшенной золотыми нитями, которые утяжеляли ее и не давали взлететь под порывами ветра. Короткие седые волосы выбивались из-под черного головного убора, спиралью поднимавшегося вверх. Он стоял в тридцати ярдах от Ноны, освещенный мерцающими огоньками, но все равно в этом человеке было что-то знакомое. Что-то такое, что заставило ее скривить губы.

Первосвященник зорко огляделся, не обращая внимания на протянутую носильщиком руку, которая должна была помочь ему спуститься. Помощник достал из паланкина длинный прямой посох, на пару футов выше него и сделанный из такого темного дерева, что мог бы быть черным, с золотым тиснением на конце — переплетшиеся альфа и омега Предка. Первосвященник взял посох и неодобрительно оглядел комитет по встрече.

Сестра Нож приблизилась с поклоном. Опустив глаза, она указала на ступеньки, где ждала настоятельница. Настоятельница стояла рядом не с Сестрами Яблоко и Сало, как это часто бывало раньше, а с Сестрой Колесо и Сестрой Роза из санатория, чьи воронкообразные головные уборы теперь, казалось, свидетельствовали о каком-то церковном старшинстве.

Поняв намек, первосвященник подошел к настоятельнице. Он шел, заметно прихрамывая, опираясь на посох. Позади него четверо архонтов спешили, и носильщики начали вынимать багаж из паланкина.

— Первосвященник Джейкоб! Добро пожаловать в Сладкое Милосердие. — Настоятельница Стекло кивнула в сторону хора, чтобы начать реквием.

Первосвященник поднял руку, опережая их.

— Этот визит не из тех, которые я совершаю с радостью. Если вы присоединитесь ко мне, настоятельница... — Он поманил ее к себе.

— Я его знаю... — Нона не собиралась произносить эти слова, но шепот вырвался из нее.

— *Не* знаешь! — прошипела Генна справа от нее. — Это Первосвященник Джейкоб,

глава веры. Не какой-нибудь бродячий проповедник, которого могла бы увидеть крестьянка.

— Настоятельница? — Первосвященник снова поманил ее к себе.

Настоятельница Стекло поджала губы, глядя на двух носильщиков, вышедших из паланкина и несших на веревочных ручках ящик с железными углами. Со вздохом она спустилась, сопровождаемая Колесом и Розой и присоединилась к первосвященнику, стоявшему перед костровой ямой.

— И девочка. — Первосвященник Джейкоб окинул взглядом линию Красного Класса, в его глазах горел огонь. Свет и тень сделали его лицо похожим на череп. И теперь Нона узнала его. Человек из воспоминаний Гессы. Человек, который забил до смерти Четырехноги.

Настоятельница с недоумением посмотрела на него:

— Какая дев...

— Не надо, — сказал первосвященник.

— Нона! — Настоятельница Стекло помахала ей рукой, и Нона, не думая о побеге, подошла к ней. Она бросила прищуренный взгляд на первосвященника, встретила его бледные глаза и заметила в них удивление. На мгновение она представила себе, как прыгает и вцепляется ему в горло. Эта картина ей понравилась.

— Это и есть послушница? — спросил он, когда она подошла ближе.

Настоятельница кивнула:

— Слишком маленькая, чтобы привести первосвященника и всех четырех архонтов по такой крутой и извилистой тропе, не так ли?

— Ты поступила не очень хорошо, Шелла. — Первосвященник нахмурился. За его спиной носильщики открыли ящик и начали вынимать оттуда что-то тяжелое и лязгающее.

— Разве это необходимо, Джейкоб? — Настоятельница Стекло с отвращением взглянула на ящик.

— Неужели ты действительно не понимаешь, кто такой Туран Таксис? — Первосвященник Джейкоб покачал головой. — Я думал, ты умна, Шелла, даже хитра. Это не имеет... никакого смысла. — Он махнул рукой, и носильщики шагнули вперед с тяжелыми железными колодками в руках, волоча за собой длинные цепи. — Настоятельница Стекло, послушница Нона, вы обе должны быть помещены под церковный арест до суда на рассвете.

Тот, что покрупнее, открыл железную колодку, которую держал в руках, и шагнул вперед, чтобы надеть ее на голову настоятельницы. Нона услышала позади себя вздохи и крики. Другой мужчина шагнул к ней, и она попятилась.

— Пусть он это сделает, дорогая Нона. — Настоятельница Стекло улыбнулась и поморщилась, когда тяжесть колодки легла ей на плечи. — Первосвященник сказал свое слово. Предок присмотрит за нами.

Нона заставила себя остановиться. Ей было все равно, наблюдает за ней Предок или нет, но она знала, что настоятельница стоит перед ней смиренная и закованная в цепи, потому что вытащила ее из самой тени виселицы за несколько мгновений до того, как они попытались накинуть ей на шею веревку. Нона не понимала, почему настоятельница так поступила, но понимала, что она в долгу перед ней.

— Я снова убью его. — Нона стояла прямо, когда колодка опустилось на нее. — Я убью его брата и его отца, если они думают, что это правильно.

— Она сама себя осуждает. — Первосвященник развел руками. — Нам вообще нужен суд?

— Она еще ребенок, Джейкоб. — Настоятельница, спотыкаясь, шагнула к нему, лицо ее было напряжено.

Когда тяжесть легла на Нону, ее ноги подкосились, и она упала на колени на камень. Один носильщик поддерживал ее, в то время как другой пытался закрепить колодку, чтобы та охватила ее шею и оба запястья. Потребовалось использовать гаечный ключ, чтобы затянуть колодку настолько, чтобы ее руки просто не выскользнули.

— Откажись от нее сейчас же, и, возможно, для тебя еще найдется место в церкви, Шелла. Это не похоже на тебя — сентиментально относиться к ребенку. И почему *этого* ребенок?

— Меня зовут Стекло. Мы устроим суд и посмотрим, чего стоит это имя.

Первосвященник вздохнул. Он снял шляпу, пригладил волосы и поправил их, прежде чем ветер успел испортить его работу.

— Отведите их в карцер.

И вот, пока монастырь наблюдал за происходящим, а приветственная трапеза остывала на длинных столах, Настоятельница Стекло и Нону увели дожидаться суда. Нона посмотрела на своих одноклассников, когда она, шатаясь, прошла мимо, слегка поддерживаемая одним из церковных охранников. Некоторые отворачивались или смотрели себе под ноги, в том числе и Клера. Другие — смотрели в ужасе. Даже Арабелла Йотсис выглядела пораженной хотя Нона не могла понять почему.

Сестра Яблоко должна была привести людей первосвященника к карцеру — в каждом монастыре имелся свой карцер, но его местоположение менялось от места к месту. Карцером Сладкого Милосердия была пещера в конце туннеля, который проходил мимо классной комнаты Тени. Сестра Яблоко провела их на сотню ярдов в глубь плато, высоко держа фонарь. Темнота — чем глубже, тем неохотнее — расступалась перед вторжением монахини. Они миновали с полдюжины перекрестков, где туннель раздваивался на меньшие или большие пути, и в конце концов коридор закончился в маленькой, почти сферическую пещере, где стены были сглажены водой, уже давно нашедшей более быстрое русло. Железные прутья перегораживали коридор и маленький вход в исчезнувший поток. Сестра Яблоко отперла дверь в решетке, и настоятельница вошла с таким достоинством, на какое только была способна. Стражи помогли войти Ноне. Сестра Яблоко заперла дверь.

— Я буду молиться за вас обоих. — Она слегка улыбнулась и пошла прочь, ведя за собой четырех гвардейцев. Она не оставила после себя ничего, кроме эха света своего фонаря, вскоре проглоченного ночью, такой древней, что она, казалось, никогда не покидала этих мест.

— Она не выглядела очень расстроенной. — Голос Ноны удивил ее. Она не собиралась говорить, но темнота дает языку свободу — как маска или корона судьи.

— Яблоко — Серая Сестра, — сказала настоятельница. Нона услышала, как Стекло села. — У нее много личин, и она сама сказала бы тебе не доверять ни одной из них. Только помни, что она — твоя сестра, такая же верная тебе, как ты Предку.

— Что они с нами сделают? — спросила Нона. Земля была влажной, неровной и твердой, и в этом месте стоял стойкий запах канализации, возможно, напоминая о последней монахине или послушнице, посланной сюда, чтобы поразмыслить о своих грехах.

— Надеюсь, нас сочтут невиновными.

— А если нет?

— Ну что ж, тогда мы будем предметом церковного правосудия, которое, к сожалению,

покоится на очень старых и довольно варварских законах. Мне отрежут язык и выпорют, а потом выгонят из монастыря. И тебя предадут смерти.

— О.

— Ты сама спросила. И ты была на ступеньках виселицы, когда я нашла тебя...

— Я думала, что вы любите лгать. — Нона пошевелила руками в ярме. Было больно.

— Я сказала, что ложь может быть очень полезной. Но даже дети заслуживают честности в темноте.

— Как?

— Как что?

— Как меня предадут смерти?

— А. — Настоятельница втянула в себя воздух. — В каждом монастыре свой обычай. Молчаливое Терпение и Целомудренная Преданность сжигают, но по-разному; Скала Джеррена предпочитает побивать камнями. Мы топим. Не в мое время, но говорят, что дно провала полно костей...

— Зачем вы мне все это рассказываете? — Может быть, Ноне было всего десять лет, но она знала, что взрослые должны утешать детей, даже если они могут предложить только ложное утешение.

— Чтобы завтра ты попридержала язычок и позволила мне сделать то, что нужно, без того, чтобы твой гнев закопал нас еще глубже.

При этих словах Нона прикусила губу и подтянула колени к груди, прислонив часть тяжести колодки к стене пещеры. Она молчала, казалось, целую вечность, вспоминая лица своих одноклассников, когда они смотрели, как ее уводят.

— Почему вы помогаете *мне*? — наконец спросила она.

Настоятельница Стекло долго молчала, а когда заговорила, то сказала только одно:

— Возможно, потому, что я действительно знаю, кто такой Туран Таксис.

Церковь-стражи вывели Нону и настоятельницу, шурящихся от дневного света, и повели их мимо скриптория и Зала Меча в Зал Сердца. Монахини и послушницы выстроились на последних пятидесяти ярдах перед ступенями и колоннами парадного входа в Зал Сердца. Сестры и старшие послушницы бормотали первую молитву Предка. Нона не знала этих слов наизусть, но слышала их достаточно, чтобы узнать, когда они были произнесены.

— *Предок, следи за нашим путешествием. Предок, проведи нас в направлении от и в направлении к. Предок, помоги нам нести бремя наших лет и вечер...*

— Разве так не говорят на похоронах? — спросила Нона, спотыкаясь и стараясь не отставать от настоятельницы.

— И при родах, Нона. И при родах.

Огромные двери из железного дерева вели в фойе, еще больше колонн поднималось к сводчатому потолку, пол был выложен черно-белой плиткой. Бронзовые двери, поменьше, открывались в зал с куполообразным потолком, где первосвященник восседал на возвышении в кресле, чья позолоченная спинка возвышалась над ним в виде свитков. Четыре архонта сидели у подножия возвышения, по двое с каждой стороны, каждый в пышном наряде и в кресле, едва ли менее впечатляющем, чем у первосвященника. Нона впервые рассмотрела архонтов, заметив в ночь их прибытия только их величие и символы должности. Толстый и бледный человек, седеющий, с глубоко посаженными глазами и влажными губами. Строгая старуха, темная как смоль, с бритой головой, с единственной золотой серьгой в ухе. Высокий и худощавый мужчина, моложе остальных, темноволосый, с выражением глубокой меланхолии на лице. Крепкий мужчина, излучавший вокруг себя беспокойную энергию, квадратная голова на толстой шее, половина лица покрыта старыми шрамами, как будто чья-то когтистая рука пыталась оторвать ему голову. Этот последний бросил быструю натянутую улыбку в конец зала — исчезнувшую так быстро, как будто ее никогда и не было.

Полдюжины помощников, некоторые с переплетенными в кожу томаами законов, сопровождали архонтов; все, собравшиеся перед помостом, очевидно, были настолько погружены в различные невнятные разговоры, чтобы даже не заметили появление пленников. Сестры Колесо и Роза ждали возле возле близкой к двери области, огороженной короткой деревянной стеной, доходившей Ноне до груди. Церковь-стражи выстроились вдоль стен зала, по пять с каждой стороны.

Настоятельница Стекло первой вошла в ограду, Нона последовала за ней.

— Ты боишься, дитя мое? — спросила настоятельница, с трудом поворачивая голову и руки, чтобы взглянуть на Нону.

— Не знаю. — Нона знала, что ей должно быть страшно. Она боялась упасть, когда ступила на меч-путь. Боялась не земли внизу, а беспомощного падения. Она боялась потерять Сайду, когда повозка везла их в тюрьму. Но здесь, в кандалах, с ожидающим ее провалом, с черепами в черной воде, глядящими вверх в ожидании ее прибытия, ей еще предстояло найти место для страха. Это исходило от Раймела Таксиса, его поступков, его зла. Этот человек умрет от ее руки, и, если церковь поддержит его, она тоже станет ее врагом. Первосвященник, как она уже решила, заплатит за мула Гилджона больше кроны. — В основном я злюсь.

Настоятельница Стекло моргнула, покачала головой и улыбнулась.

— Конечно, боишься, Нона. Как и я. — Она опустилась на одно колено, чтобы быть на одном уровне с Ноной. Несколько прядей седых волос выбились из-под головного убора, на лбу выступили капельки пота. — Ты знаешь, почему это место называют Залом Сердца?

Нона покачала головой.

— Он назван в честь корабль-сердца, которое хранится в пещере далеко под нашими ногами. Тепло для бани и спален идет оттуда, трубы тянутся вниз, достаточно близко к корабль-сердцу, чтобы нагреть масло...

Нона позволила настоятельнице успокоиться, рассказывая свои истории, и вместо этого посмотрела на свои запястья, удерживаемые колодкой на уровне плеч. Железные зажимы впились в кожу, оставив под ней влажную красную плоть, пальцы наверху онемели и едва реагировали, когда она пыталась ими шевельнуть. Если ее бросят в воду все еще в колодке, она утонет и исчезнет. Даже без колодки она утонет, если только плавание не окажется чем-то легким, чему можно научиться в спешке. Но такой железный груз... неужели они отбросят его так же легко, как и ее жизнь? Или удалят для последующего использования? Это будет ее шанс.

— ...взял его с корабля, который доставил наших предков из тьмы над небом. Ты знала об этом, Нона?

— Нет. — Нона оторвалась от осмотра ран на запястьях и посмотрела на настоятельницу. — Они скоро начнут?

— Достаточно скоро. Нет ничего, что церковный суд любит больше, чем отсрочки и дебаты, но у меня такое чувство, что наш первосвященник очень хочет отправиться в путь. Должно быть, у него срочная встреча в Истине. Или, возможно, он беспокоится, что другие стороны могут проявить интерес к процессу, если у них будет достаточно времени, чтобы узнать о нем. У меня есть друзья в суде.

Как будто услышав ее через всю комнату и сквозь приливы и отливы болтовни архонтов, первосвященник встал, резко опустив пята своего посоха на помост.

— Я, Первосвященник святой церкви Джейкоб, объявляю внеочередное заседание суда Предка открытым. — Он кивнул помощнице, сидевшей слева от него, склонившейся над большим открытым свитком с пером в руке. Женщина начала писать.

— Со мною вместе на суде присутствуют четверо архонтов веры. Архонт Невис принес тяжесть геранта. — Толстяк склонил голову, глубоко посаженные глаза блеснули на бледном лице. Если не считать его талии, он не показался Ноне особенно крупным мужчиной, уж точно не крови геранта. — Архонт Анаста принесла быстроту и точность хунска. — Старуха кивнула, дневной свет блеснул на лысом темном куполе ее черепа, одинокая серьга покачнулась. — Архонт Фило принес тайну и прозрение марджала. — Высокий человек не подал виду, что услышал его, разве что печаль на его узком лице стала еще глубже. — Архонт Краттон принес направление и равновесие квантала. — Последний архонт наклонил голову, шрамы на левой стороне его лица побагровели в лучах утреннего солнца, косо падавшего из узких окон. Он сжал перед собой кулаки. Нона представила себе, что эти руки могут раздавить камни, оставляя только порошок.

Первосвященник поклонился каждому архонту по очереди, затем снова перевел взгляд на пленников:

— Я ожидаю, что суд будет быстрым. Факты неоспоримы, прецедент диктует нам приговор, и трудно представить себе, что может быть какая-то защита. Мы выслушаем

извинения Настоятельницы Стекло и подумаем, какая мера милосердия может быть открыта для нас в этом деле.

— Факты таковы. Раймел Таксис, сын одного из самых знатных семейств государства, рожденный в династии императоров, получивший свое имя в святом соборе Предка, был смертельно ранен Ноной Рив... — Нона открыла рот, чтобы возразить, сказать, что ей ничего не нужно от Партниса Рива, но настоятельница шикнула на нее и ее взгляд был таким свирепым, что Нона прикусила язык. — ...сказал человек, которого затем признали виновным в убийстве и приговорили к повешению по воле императора в тюрьме Хэрритон.

Настоятельница Стекло из монастыря Сладкого Милосердия добилась освобождения преступницы под ложным предлогом и впоследствии доставила ее в монастырь, где та была принята в послушницы с неприличной поспешностью.

Дело теперь подпадает под церковный закон, который в вопросах убийства и покушения на убийство не более снисходителен, чем императорские предписания в этом отношении. Наш долг ясен. Во-первых, мы должны приговорить Послушницу Нону к смерти за ее преступление против Раймела Таксиса. Во-вторых, мы должны вынести приговор Настоятельнице Стекло за грубое вмешательство в светские дела государства; она совершила преступление, за которое необходимо подать пример как церкви, так и мирянам. Отказ от вынесения сурового приговора вызовет волнения как среди населения, так и внутри двора императора. Церковь не может позволить, чтобы ее считали стоящей выше гражданского права.

— Если на данном этапе нет других мнений... — он взглянул на архонтов, — я обращусь к Настоятельнице Стекло. Надеюсь, она принесет свои извинения и попросит о помиловании.

Все взоры обратились к настоятельнице, которая сделала шаг вперед, прислонившись к деревянному ограждению для узников.

— А ты не спрашивал себя, Джейкоб, зачем мне понадобилось отнимать ребенка у палача?

Первосвященник кашлянул в ладонь и прочистил горло.

— Вы будете обращаться ко мне по титулу, Настоятельница Стекло. Здесь нет никаких дружеских уз. Только закон. — Когда он сидел, ряса поднималась над ним, и его голова плавала в море пурпура и золота. — Мы понимаем слабость, настоятельница: все мы люди. Нам недостает совершенства Предка. Материнский инстинкт, возможно, подавил вас. Это не редкость для женщин определенного возраста, но вы выбрали неудачно, когда выбрали эту... — он махнул рукой в сторону Ноны, — ...чтобы удочерить.

Настоятельница Стекло выпрямила спину, несмотря на тяжесть колодки, и выдавила из себя кривую улыбку.

— У меня много недостатков, первосвященник, слишком много, чтобы пытаться их скрыть. Но даже мои враги до сих пор не обвиняли меня в том, что у меня мягкое сердце. Я думаю, что чаще всего против меня использовали слово «хитрость». Поэтому мне больно видеть, как быстро вы пришли к выводу, что я стою перед вами, скованная собственной глупостью.

Нона заметила, как улыбка дрогнула на покрытых шрамами губах архонта Краттона справа, а еще шире — на влажных губах архонта Невиса слева.

— Суды ищут истину, первосвященник. Именно этого не произошло во время осуждения ребенка, сидящего рядом со мной. Может быть, вы могли бы спросить меня,

почему я поступила так, как поступила, до того, как потребовали извинений за эти действия? Конечно, люди, которые обвинили эту маленькую девочку в убийстве знаменитого геранта и ринг-бойца, должны были задать этот вопрос, прежде чем приговаривать ее и Сайду Рив к смертной казни.

— Сайда ничего не сделала! — Нона выпалила эти слова, боясь, что настоятельница попытается положить раны Раймела к ногам Сайды.

— Тише, Нона, — тихо сказала настоятельница. — Ты утопишь себя своим ртом.

Первосвященник поднялся с кресла, держа посох в руке.

— Недостаток смирения не принесет вам здесь никакой пользы, Настоятельница Стекло...

— Даже если это так, я хотел бы услышать почему. — Голос архонта Краттона задрожал, словно по нему пробежала какая-то мощная вибрация. Ноне вдруг пришло в голову, что первосвященник вовсе не такой король, каким может показаться, а архонты — не просто часть его представления.

Настоятельница Стекло склонила голову в сторону архонта.

— Я слышала о деле Ноны, когда была в Истине и договаривалась о поступлении в монастырь девочки Йотсис. Пророчество Аргаты имеет значительное влияние среди населения, и какой бы вес мы ни придавали или не придавали этим словам, несомненно верно, что вера простых людей придала пророчеству свою собственную силу. Она может, например, довольно легко увидеть в любой два-кровке, подозреваемой в убийстве или похищении ребенка, часть имперской политики.

Я упоминаю пророчество: это пример того, как слова обретают силу, потому что мы им это позволяем. Два других слова, которые приобрели слишком большую силу, потому что мы им позволили, — Туран Таксис. Первосвященник Джейкоб спросил меня, действительно ли я знаю, кто такой Туран Таксис? Ну, я знаю, что это тот самый человек, чей старший сын убил по меньшей мере пять молодых девушек в актах жестокости, иногда из-за своей вспыльчивости, а иногда для собственного садистского удовольствия, и в каждом случае ему было позволено выйти на свободу даже без попытки ареста или судебного преследования. Деньги Таксиса купили общее право. Даже в высших судах, где другие представители аристократии и торгового сословия могли бы добиваться справедливости, золото Таксиса часто говорит громче всех. Воистину громче любого из тех, на кого возложена обязанность исполнять уставы, установленные нашими предками.

Итак, мне стало интересно, как маленькая девочка смогла завалить ринг-бойца геранта, и я стала спрашивать дальше. Я нашла многих, чьи отчеты об этом событии, по крайней мере в частном порядке, были совершенно иными, чем у «свидетелей», представленных в поддержку смертного приговора, вынесенного Ноне и Сайде Рив. Это, конечно, правда, что Нона нанесла травмы Раймелу Таксису. Однако она не напала на него неожиданно и сзади, а сделала это, чтобы защитить свою подругу, тоже маленькую девочку, от его нападения, предварительно предупредив его, чтобы он перестал.

Ноне обладает редким талантом, самым чистым хунска, который я видела за многие годы, и она родилась с инстинктом битвы и защитой слабых. Невинная девочка, в которой семя веры найдет благодатную почву. Сладкое Милосердие рыщет по империи в поисках таких девушек... неужели я должна была позволить принести ее в жертву нездоровым аппетитам убийцы, слишком богатого, чтобы заплатить за свои преступления?

Предок велит нам следовать догматам нашей веры, церковь — наша броня. Я видела,

что обычное право потерпело неудачу, и заменила его церковным правом. Мы здесь, в этом зале, связаны долгом и верой, мы должны показать, что, как сыновей и дочерей Предка, нас нельзя ни купить, ни продать. Закон Предка — золото, по сравнению с низким металлом общего права. Мы ведем, когда другие падают. Я спасла ребенка, который будет хорошо служить Предку, но, более того, я нанесла удар ради идеалов, которые записаны в книге самого Предка. Если мы вернем Нону этому ложному правосудию, то удар будет нанесен не по коррупции, а по основам самой церкви.

Настоятельница Стекло глубоко вздохнула и позволила своим плечам опуститься, уступая давившей на них колодке.

Толстый архонт облизнул губы и медленно кивнул сам себе. Архонт Фило, скорбный марджал, поднял голову от созерцания своих коленей:

— Лучше было бы потребовать отсрочки казни, пока вы будете искать судью для рассмотрения дела.

— Возможно, вы правы, архонт. — Настоятельница кивнула. — Но дело должно было быть очень громким, чтобы любой судья в Истине услышал его сквозь звон золотых монет. — Она вздохнула. — Я поступила опрометчиво. Я поняла, что могу взять Нону. Путешествие от *могу* до *должна* очень короткое и оставляет мало времени для размышлений. Но я не думаю, что результат оказался неправильным. За исключением того, что я не смогла найти способ спасти обеих девочек.

— Это, как и говорит первосвященник, опасная игра. — Архонт Анаста впервые заговорила глубоким и хриплым от старости голосом. — Поставьте церковный закон над общим правом за нашими дверями, и вы обеими руками примете власть императора как свою собственную.

— Тоже верно, архонт Анаста. Я никогда не могла спорить о политике с женщиной, которая учила меня этому с самого начала. — Настоятельница выдавила из себя улыбку, как будто она не была придавлена колодкой и не истекала кровью, а вместо этого обсуждала тонкости науки за школьной партой. — Однако, забирая Нону из Хэрритона, я никогда не ставила один закон выше другого. Я не упомянула о своей должности. Я просто напомнила стражникам о своей давней дружбе с начальником тюрьмы Джеймсом и сказала, что забираю девочку. Никто из них не пытался остановить меня или даже приказать мне прекратить, и поэтому казалось вполне разумным предположить, что они были счастливы, что я взяла ее. Я более чем готова подвергнуться любой проверке на истинность... я слышал, что есть выпускники академии, которые могут определить, лгут ли им, и...

— Истина — очень туманное понятие. — Архонт Фило принял еще более скорбный вид и снова устался на свои колени.

— Ха! — раздался лающий смех архонта Краттона. — Они даже не пытались остановить вас?

— Да, не пытались.

— Ну, это их некомпетентность. Если они позволили вам забрать девочку, это молчаливое разрешение! — Он стукнул себя кулаком по бедру.

— Если вам больше нечего сказать. — Первосвященник Джейкоб, осознав, что все еще стоит, тяжело опустился в свое величественное кресло. — Если вы продолжаете настаивать на своем отказе извиниться, тогда мы можем перейти к вынесению приговора.

— Я выступаю за то, чтобы обвинения были сняты. — Архонт Краттон пренебрежительно махнул рукой над головой. — Кто со мной?

— Краттон! — Первосвященник с трудом поднялся со стула. — Я бы посоветовал вам отнестись к этому делу серьез...

— У меня своя голова на плечах, Джейкоб. Будь прокляты старые долги и старые секреты, если они означают продажу моей души за золото Таксиса.

Архонт Фило поднял лицо к залу:

— По-видимому, в этом судебном деле нет оснований для разбирательства. — Он не казался счастливым по этому поводу, но Нона спросила себя, бывал ли он когда-нибудь счастлив по любому поводу.

Архонт Анаста уставилась на Настоятельницу Стекло таким пристальным взглядом, что Ноне показалось, будто она протягивает руку, чтобы найти между ними нечто материальное, невидимый железный прут:

— Это можно было бы сделать лучше, Стекло.

— Я знаю.

— Чище. Резче. Яснее. Как я всегда учила. — Архонт сузила и без того узкие и искушенные губы. — Это... это было грязно, неаккуратно, неуверенно.

Настоятельница Стекло склонила голову.

— Но ребенок не должен страдать от твоей ошибки. Это не то дело, за которое надо отвечать.

Настоятельница начала сползать на пол, охранник шагнул вперед, чтобы не дать ей упасть.

— Архонт Невис, решение остается за вами. — Первосвященник подошел и встал за креслом толстого архонта. — По крайней мере, я знаю, что на вас можно положиться в понимании того, где лежат наилучшие интересы церкви.

Архонт Невис бросил взгляд поверх шеренги своих собратьев-архонтов. Он нервничал, пот выступал маленькими колечками в седых волосах, прилипших ко лбу.

— Я...

— Прошло больше лет, чем нам обоим хотелось бы упоминать, Невис, — сказала Настоятельница Стекло, стряхивая с себя охранника и выпрямляясь. Она говорила так, словно их было только двое, а Нона и остальные — не более чем тени. — Тот мальчик и та девочка не узнали бы нас. Мы уже стары. Изменились. Но я помню. Однажды ты сказал. Однажды. Что я смогу попросить тебя о чем угодно. Я сомневаюсь, что ты думал, что мне понадобится так много времени, чтобы попросить. И этот единственный раз — сейчас. И это «о чем угодно» — вот это.

— Я помню. — Невис побледнел еще больше, каждая жилка на мраморе его тела посинела. — Мы были детьми, Шелла. Играли в детские игры. Ты не можешь ожидать...

— Фокус луны, Невис. Лед вокруг нас загорелся красным и начал испаряться...

— ...и коростели поднялись в небо и их песня...

— Очень трогательно. — Первосвященник Джейкоб с треском опустил свой посох. — Но архонт Невис больше не мальчишка с круглыми глазами, вздыхающий по дочке кожевника. Великий Предок, женщина! Невис платит свои долги всей церкви. Тот, кто повелевает казней веры, занимается долгами более взрослого характера. Архонт, давайте покончим с этим фарсом.

— Я... — Архонт Невис поднял палец к груди, так, чтобы первосвященник его не заметил. Только настоятельница. — Дело не имеет под собой никаких оснований. Ему не на чем стоять.

По залу прокатился шепот одобрения среди охранников и слуг. Снаружи раздались восторженные крики, хотя Нона понятия не имела, как эта новость так быстро дошла до женщин и девушек, стоявших перед залом. Архонт Краттон уже был на ногах, его кресло качалось позади него.

— Снимите с нее эту проклятую колодку! Она — настоятельница церкви!

Нона обнаружила, что стоит прямо и без всякой поддержки, ее пути теперь не были бременем, а на губах зазвучал крик вызова.

Охранник двинулся, чтобы повиноваться, держа наготове тяжелый ключ. Громкий треск посоха первосвященника о камень прорезал громкие голоса:

— Отменить.

— Что? — Нона вытаращила глаза. Даже архонты выглядели потрясенными. Она взглянула на настоятельницу. — Он не может...

Из всех них только Настоятельница Стекло, казалось, не удивилась:

— Это большой шаг, Джейкоб. Ты уверен, что хочешь...

— Это суд, и вы будете обращаться ко мне по титулу! — Первосвященник Джейкоб тяжело опустился в свое кресло. — Ваше беспокойство замечено, настоятельница. Я уверен, что вы беспокоитесь обо мне, а не о своем неизбежном и... неудобном... уходе из этого монастыря и из церкви в целом.

Настоятельница Стекло поджала губы:

— Должность первосвященника покоится на четырех столпах. Мой долг — посоветовать вам не выбивать их из-под себя.

— Отмечено. — Первосвященник повернулся к своей помощнице в черном, скрипевшей пером по свитку. — Обязательно запиши это, Греха. *Теперь* — к вынесению приговора.

— Я забрала Нону из тюрьмы, потому что она — Щит. Предок приказал мне сделать это в видении. — Настоятельница Стекло не повышала голос, но каким-то образом сумела собрать все внимание, которое первосвященник держал минуту назад, и, в тишине зала, сосредоточить его на себе.

— Чепуха! Чепуха... — Первосвященник попытался отмахнуться от этой мысли. — Это глупость, отчаяние. Это было бы неправдоподобно, даже если бы эти слова были первыми из ваших уст, когда мы прибыли. Но произнести их за мгновение до того, как вас приговорят к отрезанию языка... ну... это ниже вашего достоинства. Это ниже настоятельницы Предка!

— Чт... — Нона хотела спросить, что такое Щит, но настоятельница поставила свою большую ногу поверх маленькой.

— У Щита будет почти столько же врагов, сколько у Аргаты. Моим долгом было защищать ее до тех пор, пока она не сможет защитить себя и Избранную. Она всего лишь ребенок. И она была в безопасности, пока никто не знал ее тайну. К сожалению, вы заставили меня сделать пагубный выбор: раскрыть правду о ее личности или позволить вам утопить ее в неведении.

— Это просто смешно, Настоятельница Стекло. Любой может претендовать на святое видение, чтобы спастись от правосудия.

— Разве мои первые слова, обращенные к вам в начале суда, не были приглашением подумать, *почему* я так поступаю? Вместо того чтобы всерьез задуматься над этим вопросом, вы предпочли свалить все на материнский инстинкт, который совершенно отсутствовал до того, как мои менструации прекратились. Я спрашиваю вас еще раз — зная то, что вы знаете обо мне, вы серьезно верите словам, которые вылетели из ваших уст?

Нона знала, что ей чуждо чувство такта, но даже для ее ушей у настоятельницы, похоже, не очень-то получалось убедить гордого человека изменить свое мнение. Она не давала ему ни отступления, ни спасения, и все же он обладал всей властью. Даже архонты не могли сказать ему, что делать.

Первосвященник Джейкоб откашлялся, подобрал свою рясу, как будто ему было холодно, и поставил посох рядом со стулом.

— Вы меня не убедили, настоятельница. Приговор этого суда таков, что...

— Я требую испытания.

— Испытания? Какого испытания? — Первосвященник посмотрел по сторонам, словно что-то упустил. Отвечая на его вопрос, одетый в черное помощник наклонился в нему и что-то прошептал на ухо. Первосвященник нахмурился, морщины на его лбу становились глубже с каждой секундой. Потом улыбнулся: — Ты хочешь поставить эту девочку перед Красными Сестрами и позволить им стрелять в нее стрелами? Это, конечно, более интересная форма казни, чем утопление. — Помощник поднял голову от раскрытой книги, которую держал в руках, и снова наклонился вперед. — Но ребенку, несомненно, придется согласиться на такое испытание.

— Нет. — Настоятельница покачала головой, давление на ногу Ноны усилилось. — Это было бы просто смешно. Испытание Щита — это испытание для любой сестры, претендующей на титул. Оно никогда не предназначалось для послушницы. И уж конечно, не для той, кто носит рясу чуть больше недели. Испытание, о котором я говорю, стало юридическим прецедентом после видения Сестрой Тростник Трех Ковчегов. — Настоятельница подняла ногу, освобождая ногу Ноны. — Вам придется заглянуть в книгу Лорки о церковных доказательствах. Я полагаю, что у слуги архонта Фило есть копия в самом низу стопки, которую он сложил у кресла архонта...

— Почему бы вам не избавить нас от хлопот, Настоятельница Стекло, и просто рассказать нам? — Первосвященник поставил одну руку на кулак другой и положил на нее подбородок, упершись локтями в колени.

Губы настоятельницы дрогнули в улыбке.

— Меня так и подмывает сказать, что я должна подтвердить свое видение каждому архонту, и, поскольку я невеста Предка, этого будет достаточно. — Она подняла руку, когда Первосвященник Джейкоб поднял голову, чтобы возразить. — К сожалению, испытание, которому подверглась Сестра Тростник, чтобы доказать свои слова, было довольно неприятным. — В ее голосе послышалась дрожь.

В наступившей тишине заговорила архонт Анаста:

— Монахиня, о которой идет речь, держала руку над пламенем свечи, пока ей не поверили. Прецедент заключается в том, что либо председательствующее должностное лицо склоняется к тому, чтобы поверить показаниям, и позволяет свидетелю убрать свою руку. Или свидетель убирает руку без разрешения и тем самым признает свою ложь. Или, я полагаю, свеча догорает, что должно быть достаточным доказательством чего-то экстраординарного для любого человека. Все это архаично, варварски и изобилует суевериями, но опять же пророчество, на которое ссылается Настоятельница Стекло, архаично и изобилует суевериями, а наказание, которое Первосвященник Джейкоб, похоже, намерен наложить, несет в себе еще большую степень варварства и древности... — Старуха беспомощно подняла руки. — У кого есть свеча?

Просьба архонта прошла через цепочку помощников и охранников к сестрам,

ожидавшим снаружи. Последовала тишина, поскольку, по-видимому, монахи разбежались в поисках обетной свечи.

— Как ваша сожженная рука изменит его мнение? — спросила Нона. Ее запястья начали болеть, к пальцам вернулась некоторая чувствительность, хотя колодка был не менее тесной. — Ему все равно: он любит причинять людям боль.

— Первосвященник увидит всю глубину моего убеждения. Каждая секунда промедления опозорит его перед архонтами, против которых он высказал свое мнение. Он будет знать, что женщина, которая может выдержать пламя, способна на все, и это поколеблет его. — Настоятельница говорила со спокойной безмятежностью, не сводя глаз с Первосвященника Джейкоба, сидевшего в кресле напротив.

Нона спросила себя, как Настоятельница Стекло может быть такой спокойной. Сама Нона обожгла пальцы в углях костра, когда едва могла ходить, и эти мгновения невероятной боли навсегда отпечатались в ее сознании.

— Если женщина способна на такое, значит, она тоже способна солгать?

— А его это волнует? Как и правда. — Настоятельница не сводила глаз с Первосвященника Джейкоба. — Если он решит причинить мне боль, то в конце концов ему придется отпустить меня. Думаешь, у него есть яйца для этого?

Нона знала, что на месте настоятельницы она бы вспотела. Искала бы выход. Готовая к бою. Но женщина выглядела такой... безмятежной.

— Вы ведь это делаете, не так ли? Этой игре разума учит Сестра Сквородка. — Затенение Пути, так это называли послушницы. Не следовать по нему, как квантал, но подойти достаточно близко, чтобы изменить способ работы их умов.

— Безмятежность. — Настоятельница медленно кивнула.

Нона нахмурилась. Безмятежная или нет, настоятельница все равно будет гореть.

Вошла молодая церковь-страж в промоленном дождем плаще и сдвинутом набок шлеме. Она подошла к архонтам, сжимая обетную свечу так, словно это был священный артефакт.

— Снимите с пленницы колодку и приведите ее к нам, — приказал первосвященник. — Поставьте стол... вон там. И веревку, чтобы она не подняла руку слишком высоко над пламенем.

— Вряд ли в этом есть необходимость. Я...

— Она доказывает это мне, а не вам, архонт Краттон, и я считаю это необходимым! — Он вытер рот. — Приведите и девочку.

Рядом с Ноной охранник работал тяжелым ключом, вращая винт, который позволял медленно отделить колодку, удерживающую руки Настоятельницы Стекло по обе стороны от ее головы. Устройство издавало болезненный звук, иногда визг, иногда более глубокий скрежет.

— Будет лучше, если ты отвернешься, дорогая Нона, — сказала настоятельница, высвобождая одну руку из колодки, когда страж потянулся, чтобы освободить другую. — Не вмешивайся, ты мне не поможешь. Мне нужно сосредоточиться.

Нона смотрела, как с шеи Настоятельницы Стекло сняли колодку, и она, разминая запястья, пошла туда, где на столе стояла свеча. Нона спросила себя, не спасла ли ее настоятельница от петли, как она сама сначала сказала, по какому-то принципиальному поводу, возмущенная коррупцией и провалом имперского закона? Или потому, что она ценила навыки, продемонстрированные Ноной? Или ее действительно вело видение? Или это заявление было сделано в отчаянии? Все это не имело никакого смысла. Настоятельница

сказала, что слова — это шаги по пути: главное — попасть туда, куда идешь. Интересно, подумала Нона, знает ли настоятельница, куда она сейчас идет, или эта игра ускользнула от нее в тот день, когда она вышла из тюрьмы Хэрритон, держа Нону за руку?

Церковь-страж, который вел Нону за настоятельницей, напомнил ей человека, который вел ее на виселицу: высокий, седеющий, вероятно, чей-то дед. Если настоятельница не выдержит испытания, то именно он столкнет Нону с края провала и отправит ее тонуть в воде.

— Она надежно привязана? — Первосвященник спустился со своего возвышения и наклонился над столом, оказавшись почти лицом к лицу с Настоятельницей Стекло, словно опасаясь обмана. Две веревки, обвязанные вокруг раненого запястья настоятельницы, вели к противоположным ножкам стола, где они были закреплены. Она могла двигать рукой из стороны в сторону, но не поднимать ее.

Обетная свеча, толстая, но короткая, стояла рядом, ее пламя мерцало, когда стражи обходили стол, проверяя пути настоятельницы.

— Настоятельница? — Первосвященник указал на пламя. — Я жду, чтобы меня убедили.

Четыре архонта подались вперед в своих креслах, и зал затаил дыхание. Нона слышала, как дождь барабанит по крыше над ними, брызгая из высоких водостоков. Настоятельница Стекло подняла раскрытую ладонь над пламенем, всего дюйм отделял кончик его языка от кожи. Испытание не выглядело впечатляющим. Нона знала, что дикари в Дарне, доказывая свою правоту, висят на деревьях на веревках, прикрепленных к железным крюкам, закрепленным под мышцами их грудей. Но, несмотря на кровь и стоны такого театрального зрелища, испытание настоятельницы было по-своему притягательным. У каждого человека в зале были свои воспоминания о поцелуе огня. Тот поцелуй преподавал им урок, который нужно выучить раз и навсегда. *Горячий, не трогай.*

Настоятельница Стекло не сводила глаз с первосвященника, с его холодных серых глаз, с ухмылки, подергивающейся на его губах, — развлечение? Смущение? Ее лицо оставалось безмятежным, и Нона представила себе, что настоятельница, должно быть, идет широкими шагами по какой-то тропинке, ведущей к покою, мягкими поворотами находит дорогу в тихие уголки мира, где ветер держит язык за зубами, а свет умирающего солнца мягко ложится на землю.

Прошло несколько долгих мгновений.

— Ах. — Быстрый вдох. Щеки настоятельницы напряглись, в глазах застыла далекая боль.

— Ты должна бросить эту глупость сейчас, Шелла. — Первосвященник Джейкоб наклонился вперед, его голос упал до шепота. — Ты можешь сжечь всю руку до черных костей, и я все равно буду знать, что ты лжешь. На этот раз ты проиграла. Ты сыграла в свою игру и проиграла.

Настоятельница Стекло стиснула зубы, широко раскрытыми глазами уставилась на первосвященника, дыхание перехватило: «Стекло. Я — Стекло». Из-под ее ладони донесся слабый шипящий звук. Нона пригнулась. Это мог быть бекон, горячий со сковороды и наваленный в миски в трапезной. В животе у нее урчало, даже когда ее вырвало.

Дыхание настоятельницы, трудный прерывистые вздохи, отсчитывало время ее мучений. Низкий рост Ноны сделал ее единственной свидетельницей того, что пламя делало с настоятельницей: сначала на ее ладони возник красный круг, затем в нем поднялись белые

волдыри, потом они надулись и почернели.

Слезы наполнили глаза настоятельницы и покатались по ее щекам, пот бисеринками выступил на лбу, собрался в складках под подбородком. Крик, вырвавшийся у нее, был таким внезапным и громким, что Нона отпрянула назад, а половина стражей потянулась за мечами. Настоятельница начала задыхаться и стонать, издавая глубокие гортанные звуки, которые было больно слышать. Она попыталась поднять руку, но веревки не поддавались. Ее рука дрожала от напряжения, но не двигалась ни вправо, ни влево, чтобы спастись от жара огня.

— Это бессмысленно! — Первосвященник поднял руки и оглянулся на архонтов. — Сдавайся, Шелла, ты только мучишь себя. — Если уж на то пошло, то первосвященник выглядел так, словно его мучили — его лицо было почти таким же красным, как и у настоятельницы. Она была вне всякого позора, глубоко в каком-то месте, где не существовало ничего, кроме нее и ее боли.

— Арррррггггххх! — На этот раз рев агонии. Нона видела, как из сморщенных развалин над пламенем свечи капает жир. Теперь, казалось, пламя поднялось еще выше, словно пыталось лизнуть ладонь. — Арррррггггхххх! — Крик такой ужасный, что Нона зажала бы уши руками, если бы они были свободны.

Нона снова увидела плавное движение, с которым умная рука настоятельницы нарисовала ее изображение на рабочем свитке в классе сестры Колесо. Как теперь будут действовать эти пальцы? Смогут ли они когда-нибудь снова рисовать?

— Убери руку! — Нона обнаружила, что это говорит она. Но она была не одна — по всей комнате мужчины и женщины бормотали это. — Убери руку! — Помощник архонта Фило потерял самообладание и закричал на настоятельницу, сжав кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

— Это просто смешно! — Первосвященник в гневе стукнул посохом. — Я не позволю себя шантажировать... — Еще один крик боли оборвал его. Нона едва могла видеть из-за слез. Из носа у нее текло, и она не могла вытереть его; в горле пересохло от крика, требующего, чтобы настоятельница остановилась.

На лице Первосвященника Джейкоба застыла болезненная гримаса. Он повернулся и пошел обратно к своему креслу, преодолевая три ступеньки возвышения одним шагом, его путь перемежался криками настоятельницы. Он повернулся, заправил мантию под колени и сел.

— Я буду следить за тем, как плоть... — еще один крик, — ... будет капать с твоих костей, прежде чем я позволю тебе продать мне эту... — крик, в котором не было ничего человеческого, — ...эту жалкую ложь.

— Я пройду испытание щитом! — Никто не слышал Ноны среди криков и почти непрерывного воя настоятельницы. Она рванулась вперед, ударившись всей тяжестью своей колодки о стол. Свеча дернулась, упала и покатилась прочь. — Я пройду испытание Щита! — крикнула Нона в ошеломленную тишину. На мгновение воцарилась полная тишина. Затем настоятельница рухнула, и все заговорили разом.

Дождь обрушился на Нону, холодный и сильный, когда она вышла из дверей Зала Сердца. Его удар потряс ее и, казалось, разбудил, дав возможность понять ее положение. То, что она стояла в зале перед архонтами в их пышных нарядах, было настолько далеко за пределами ее опыта, что события приняли характер сновидения, закончившегося кошмаром. Тут, под ледяным дождем, мрачная реальность вновь обрела свою власть.

Она почти ничего не видела, кроме спин идущих впереди стражей и, по обеим сторонам, серых силуэтов сестер и послушниц, почти потерявшихся в ливне, съжившихся в своих одеяниях и прижавшихся к стенам в поисках укрытия. Ледяная вода обжигала запястья там, где колодка содрала кожу. Она быстро размяла руки, зная, что скоро они ей понадобятся. Дождь стекал с кончиков ее пальцев, как будто они были трубками, разбрызгивающими его изнутри.

Процессия шла быстрым шагом. Нона не отставала. Освободившись от тяжести колодки, она чувствовала себя так, словно плыла, словно одним сильным ударом ноги могла сбросить путы земли и достичь крыши Зала Меча, темного силуэта, колеблющейся впереди них. Через несколько мгновений они уже стояли в дверях, а за ними толпилось еще больше народа.

Двое стражей отвели Нону в сторонку, не обращая особого внимания на то, как они ее держат, словно она была всего лишь маленькой девочкой, а не заключенной, обвиняемой в убийстве и готовящейся к испытанию, которое мало кто мог выдержать даже из полноценных Красных Сестер.

Первосвященник и архонты вошли в двери и стояли на песке, с них капала вода, их роскошные наряды были испачканы. Мама Ноны говорила, что дождю все равно, как долго ты расчесываешь волосы, он все равно будет падать на тебя. Жители деревни верили, что в дожде есть боги, как и в каждой реке и в каждом лесу. Им можно было молиться, но обычно, когда они подходили достаточно близко, чтобы услышать молитвы, было слишком поздно оставаться сухим.

Оказавшись за дверями, архонтам пришлось быстро искать себе место, так как все больше народа напирало на них сзади. Сначала священники и служители церкви, потом монахини, а за ними послушницы, и никто не пошевелился, чтобы остановить их.

Почти не говоря ни слова, все собрание прошаркало по левой стороне зала и поднялось на многоярусные сидения в дальнем конце. Последние сели на свои места сзади, когда Настоятельница Стекло вошла в главные двери в сопровождении двух церковь-стражей. С одной стороны ее поддерживала Сестра Скала, крепкая остролицая Красная Сестра, а с другой — Сестра Роза, все еще поправлявшая края массы льняных повязок, превративших руку настоятельницы во что-то почти сферическое. Настоятельница Стекло, казалось, нетвердо держалась на ногах, позволяя вести себя. Стражи подвели ее к нижнему ярусу сидений. Проходя мимо Ноны, настоятельница бросила на нее быстрый взгляд, мимолетный, но достаточно долгий, и Нона увидела те же пронизательные темные глаза, которые оценивали ее в тот первый день у подножия виселицы.

Нона взглянула на трибуну. Классы перемешались, послушница сидела рядом с монахиней, но она заметила Клеру и Рули, сбившихся вместе на втором ярусе. Отблеск цвета немного позади девочек привлек внимание Ноны: рыжие волосы сестры Яблоко выбились из-под ее головного убора, сестра Чайник сидела совсем рядом с ней, не менее близко, чем

Клера и Рули.

Первосвященник стоял на самом верхнем ярусе, его шляпа была сброшена, мокрые седые волосы прилипли к покрасневшему лбу.

— Сестра Колесо... Сестра... — Он взглянул на одетого в черное мужчину рядом с собой, который что-то пробормотал. — Сестра Роза. Вы, как я понимаю, старшая по рангу сестра в Сладком Милосердии? Наделенная полномочиями в отсутствие настоятельницы, которая, как узница церковного закона, лишена власти. Итак, вам предстоит провести испытание Щит для этой... послушницы.

Сестра Роза пробормотала что-то неразборчивое и поспешила к Ноне, ее жир дрожал и трясся вокруг нее.

— О, моя дорогая... — она тяжело опустилась на колени, не обращая внимания на охранников, и взяла руки Ноны в свои.

Внезапно Ноне захотелось заплакать. Она почувствовала себя ребенком, каким была в тумане своей памяти, когда объятия матери были крепостью и убежищем. Она высвободилась из объятий Сестры Розы. Мать позволила отдать ее в руки похитителя детей; слабость, которую предлагала Сестра Роза, ей не поможет.

— Что я должна делать? — спросила она.

Взгляд сестры Розы метнулся мимо нее туда, где на своих круглых основаниях стояли тренировочные манекены, каждый из которых был похож на кожаного человечка ростом около шести футов, избитого бесчисленными ударами и пинками. Манекены при ударе откидывались назад, поглощая силу удара, а затем прыгали вперед, когда свинец в их основании снова поднимал их в вертикальное положение.

— Ну... со старшими девочками, новыми сестрами, я имею в виду... прошло уже несколько лет... Чайник была последней... она взяла копье и кинжал... — Сестра Роза с трудом поднялась на ноги, качая головой. — Эй, вы, там! — Она махнула рукой паре стражей у главного входа. — Нам нужно, чтобы одна из тренировочных фигур переместилась к той стене. — Она повернулась к Ноне, посмотрела на трибуны, потом снова на Нону. — Но... но это же безумие!

Безумие это или нет, но два церковь-стража подошли к манекенам и начали тащить один из них к тому месту, которое указала Сестра Роза, оставляя на песке ровную и широкую полосу.

— Подождите! — Первосвященник поднялся со своего места на самой высокой скамье. — Щит защищает Аргату, драгоценный дар Предка, а не какой-то комок лошадиных волос, завернутый в кожу. Пусть она защитит плоть и кровь, чтобы было хоть какое-то эхо давления, под которым должна быть проделана такая работа. — Он протянул руку к Ноне и огляделся, улыбка вернулась к нему. — А кто пойдет добровольцем? — Он посмотрел налево, потом направо. — Неужели вы не верите в этот Щит?

Сестра Чайник закусил губу и попыталась встать, но Отравительница схватила ее за руку и посадила обратно на скамью. Они начали яростно шептаться.

— Никто? — Первосвященник развел руками и расплылся в улыбке.

— Я. — Сестра Сало поднялась на ноги всего в пяти шагах от первосвященника, одновременно снимая с руки мокрую повязку. Она двинулась вдоль скамьи к ступеням, монахини и архонты встали, чтобы пропустить ее.

— Думаю, что нет. — Первосвященник направил свой посох на Сестру Сало, когда она подошла к нему. — Госпожа Меч, не так ли? Откуда нам знать, тем из нас, у кого медленные

глаза, если ребенок защищал вас или вы защищали себя?

— Я вам скажу. — Сестра Сало сузила глаза и уставилась на него таким взглядом, что Нона почувствовала себя неловко на другом конце зала. Первосвященник его не выдержал.

— Да, да... — Тут его осенила новая мысль, и он овладел собой. — Но ребенок вряд ли сможет защитить такого высокого человека, как вы, Госпожа Меч. Она едва достает вам до бедра. Мы должны поставить ее в пару с кем-то близким к ней по росту, не так ли? Для честного испытания. — Он не стал дожидаться ответа. — Нам нужна послушница. Если нет добровольцев, то это отсутствие веры говорит само за себя — она вряд ли может быть Щитом, если в нее никто не верит. Помимо защиты, Щит должен представлять и нести нашу веру. — Первосвященник огляделся, его взгляд скользнул по переполненным сиденьям. — Послушница! Девочка из ее собственного класса была бы наиболее подходящей. Кто готов отдать свою жизнь в руки этой преступницы?

Нона спросила себя, сколько из присутствующих видели испытание Щита. Ни одна из послушниц, если Сестра Чайник была последней, кто прошла его. Возможно, были демонстрации, а может быть, просто рассказы, и иногда рассказ вызывает больше страха, чем реальность. В любом случае, никто из Красного Класа не вскочил на ноги. Клера опустила глаза и уставилась на чей-то затылок. Сидевшая рядом Рули, по крайней мере, смотрела на Нону широко раскрытыми и безнадежными глазами. Она заметила Кетти и Генну вместе, первая была бледна, рот полуоткрыт, вторая сердито нахмурилась, как будто ее только что оскорбили. За ними и справа две бритые головы. Джула, казалось, плакала, Арабелла собиралась открыть рот, возможно, чтобы рассмеяться.

— Никто? — Первосвященник Джейкоб сложил губы в тонкую улыбку. — Дело кончено...

— Я. — Гесса наклонилась за костылем. Теперь она воспользовалась им, чтобы подняться на ноги.

Глаза Ноны затуманились. По монастырю гуляла история о том, как ей не удалось спасти Сайду. Как она позволила своей подруге умереть. Она не ожидала, что кто-то из них доверит ей свою защиту. Она посмотрела на свои руки, сложила их в кулаки и сжала до боли.

Гесса спускалась с места с мучительной медлительностью, неуклюже ступая по ступенькам, и все глаза были устремлены на нее. Первосвященник наклонился к более нижнему ярусу и похлопал Сестру Колесо по плечу. В тишине, когда Гесса спускалась по последним ступеням, голос Первосвященника Джейкоба донесся дальше, чем он, возможно, намеревался:

— ...не выбрана быть Красной Сестрой. Она не квантал?

Сестра Колесо что-то пробормотала в ответ. Нона услышала в ответе первосвященника слово «расточительство». Возможно, он считал, что кровь квантал слишком драгоценна, чтобы проливать ее в таком упражнении, но Сестра Колесо казалась равнодушной, возможно, желая заплатить такую цену, чтобы избавить монастырь от крестьянки. И от калеки.

Гесса заковыляла по песку, чтобы присоединиться к Ноне и Сестре Роза, покачивая своей иссохшей ногой, оставляя за собой неглубокие следы волочения. Она неуверенно улыбнулась Ноне, и ее голубые глаза стали темнее, чем Нона когда-либо видела.

— Ты не должна этого делать, — сказала Нона.

— Я — твой друг, — сказала Гесса. — Кроме того, ты защитишь меня.

Глаза Ноны расширились:

— Друг?

— Конечно, глупая. Ты же не думаешь, что Клера — твоя единственная подруга? Люди могут быть друзьями, не говоря об этом.

Нона открыла рот и обнаружила, что у нее кончились слова. Она поклялась, что никогда не подведет друга, что сделает все, что угодно, для любого из них, чтобы защитить их. Клятва, более священная для нее, чем Предок, более священная, чем церковь от самого высокого шпиля до самого низкого склепа. Мысль о том, что кто-то может считать ее другом без ее ведома или согласия, внезапно усложнила ситуацию.

Сестра Роза положила руки им на плечи:

— Вы обе понимаете, как проходит испытание?

Нона покачала головой, но Гесса ответила:

— Я должна стоять спокойно, и Нона должна защищать меня от брошенного копья и метательной звезды, и... есть ли четыре стадии в полном испытании или три?

— Есть...

— Сестра Роза! — крикнул первосвященник с трибуны. — Приготовьте их, если хотите. И снабдите капитана Рогана копьем. — При этих словах один из церковь-стражей, стоявших у главного входа, шагнул вперед — не герант, но значительно выше шести футов ростом и крепкий в груди и руках. Он снял шлем и откинул назад короткие каштановые волосы, так же посыпанные сединой, как и его короткая каштановая борода. Бледный шрам растянул его рот в усмешке. Его глаза, однако, не были ни жестокими, ни добрыми, только безразличными, как будто метание копья в маленьких девочек было просто еще одной ежедневной обязанностью.

Сестра Роза подвела девочек к той части стены, которая была прикрыта расколотым деревянным щитом. Нона почувствовала, как дрожит рука женщины.

— Постарайся, Нона. — Ее голос дрогнул. — О, дорогая. И Гесса, не бойся. Сестра Салк говорит, что Нона очень быстрая... и... Я уверена, что настоятельница права... У нее было видение, и... — Монахиня поперхнулась следующим словом, вместо этого обняв их обоих и прижав к своему жиру. Нона с удивлением обнаружила, что не хочет, чтобы ее отпускали. Испытание не пугало ее до тех пор, пока первосвященник не доверил ей жизнь человека — и этим человеком оказалась Гесса. Ее подруга, Гесса.

— Сестра Роза! — Голос первосвященника, недовольного задержкой.

Монахиня, рыдая, поднялась на ноги и позволила сестре Кремень увести ее. Кремень оглянулась, один раз, темные глаза нашли взгляд Ноны, короткий кивок, и она отвернулась, помогая Сестре Роза пройти в конец зала.

Нона повернулась и подошла к Гессе так близко, что их носы почти соприкоснулись.

— Не двигайся. У меня не будет времени смотреть на тебя. Я должна знать, что ты там, куда я тебя поставила.

— Я сделаю все, что в моих силах. — Гесса слабо улыбнулась, теперь уже очень бледная, и посмотрела на капитана Рогана, которому вручили копье из запасов. — В любом случае, мне нужна целая вечность, чтобы добраться куда-нибудь.

Капитан поднял свое оружие — простое ясеневое древко почти в два ярда длиной, обитое железом, с узким лезвием, предназначенным для того, чтобы пробивать броню.

— У вас есть что-нибудь потяжелее? С широким наконечником?

Сестра Сало, прищурившись, посмотрела на него:

— Ничего более тяжелого. У нас есть копья с наконечниками-клинками, если вы хотите

разрезать как можно больше плоти, капитан.

Мужчина пожал плечами и без видимого смущения отмахнулся от этого предложения:

— Это подойдет.

Первосвященник стукнул посохом по полу:

— Давайте покончим с этой ерундой.

Нона посмотрела на Настоятельницу Стекло, и та бросила на нее тот же расчетливый взгляд, что и в тот день в тюрьме, швыряя в нее хор-яблоки. Нона повернулась, положила руки на плечи Гессы, поставила ее, затем повернулась лицом к капитану и сделала пять шагов вперед. Меньше времени, чтобы увидеть приближение копья — больше времени, чтобы увеличить любое незначительное отклонение.

— Сестра Колесо, вы будите судить, если вы не против. — Первосвященник открыл ладони, словно сделал легкий толчок, и, поняв намек, монахиня спустилась на песок, двигаясь в своей странной неуклюжей манере, которая, казалось, не могла принадлежать кому-то, рожденному женщиной.

Все это время Нона изучала капитана, наблюдая за блеском его нагрудника, покачиванием железных шипов, торчавших из кожаных язычков нижней рубашки, которая прерывалась юбкой, защищавшей его бедра. Ярким острием его копья. Толщиной его руки.

Наконец Сестра Колесо заняла свое место в середине зала и подняла руку:

— Предок, будь свидетелем нашего испытания веры и быстроты, Щита Аргаты. — Она посмотрела налево, направо. — Готовы? — Она дала руке упасть.

Нона удлинила удары сердца и смотрела. Рука капитана откинулась назад, потом рванулась вперед, скользя по воздуху с бессловесным ревом на губах. Пальцы разжались, когда он полностью вытянул руку, освобождая древко копья. Нона обернула вокруг себя мир, наблюдая, как блестящее стальное острие клинка слегка пульсирует вверх и вниз, как древко копья изгибается от силы броска.

Капитан Роган нацелил бросок в сердце Ноны. Она начала поворачиваться в сторону. Быстрота зависит от реакции, от скорости, с которой ум понимает то, что показывают ему глаза, и с которой он посылает свои приказы телу. Независимо от того, насколько быстры эти сообщения, однако, есть пределы тому, что мышцы могут сделать. Нона знала, что палец может двигаться быстрее, чем ладонь, ладонь быстрее, чем рука, рука быстрее, чем тело. Она попыталась убрать свое тело с пути полета копья, ее тонкое тело внезапно стало тяжелее железа, угрюмо сопротивляясь той силе, с которой она пыталась оттолкнуть его в сторону.

Изгибаясь, она подняла руки, готовя ладони, одну поверх другой, тыльной стороной к груди. Все части зала застыли, лица, глаза, песок от каблуков капитана повис в воздухе. Двигалась только Нона, Нона и копье, неумолимо скользившее к ее сердцу.

К тому времени, как стальное острие достигло ее, летя в густой глубокой тишине, Нона почти выкрутилась из линии, которая соединяла острый наконечник с сердцем подруги. Проходя мимо, самая широкая часть лезвия коснулась ее пальцев. Касание не достигнет ее еще некоторое время, но мышцы уже были готовы к толчку, и они сделали это в почти идеальное мгновение, направив ее ладонь на древко копья.

На скорости все отказывается двигаться с упрямым упорством, как будто воздух — самая густая грязь. Хотя вес копья оказался неприятным сюрпризом, у Ноны было два преимущества. Во-первых, она давила прямо на тот конец, который хотела отклонить, сразу за наконечником копья. Во-вторых, она была достаточно впереди своей подруги, чтобы, сдвинув наконечник всего на дюйм, увидеть, что он полностью миновал Гессу.

Нона толкнула его со всей силой и скоростью, которые были в ее руках и ногах. Деревянное древко скользнуло по ее ладони. На мгновение ее охватила паника, когда она сообразила, что, если она продолжит толкать копьё после того, как его середина пройдет по ее рукам, возможно, повернет наконечник обратно к Гессе. Ее разум говорил, но потребовалась целая вечность, чтобы руки перестали двигаться вперед. Середина копья прошла мимо ее рук, и еще несколько дюймов прошло по ее ладони, когда контакт прекратился — копьё теперь было на своем новом пути, ее единственная возможность повлиять на него прошла.

Нона позволила миру вращаться вокруг нее с обычной скоростью, не сводя глаз с капитана Рогана. Если его копьё убьет Гессу, она подарит ему новый шрам для его коллекции. И даже не один. Удар прогремел вокруг нее, отражаясь эхом от стен и потолка. Какое-то мгновение слышался только голос копья, дрожь его древка вокруг острия, которое глубоко вошло куда-то. А потом... послышались одобрителльные возгласы. Нона обернулась и увидела Гессу, там же, где она оставила ее, глаза зажмурены, но начали открываться, копьё гордо стояло на стене, в трех дюймах от предплечья Гессы.

— Спасибо, — выдохнула Гесса. Она подошла к Ноне, опираясь на костыль, и неловко обняла ее одной рукой.

— Продолжайте! — На трибуне первосвященник со стуком опустил свой посох. — Я полагаю, это становится все более сложным, пока мы идем?

— Метательная звезда! — Надтреснутый голос Сестры Колесо заглушил последние обрывки разговора. — Госпожа Меч, не хотите ли?

— Только не она. Колесо, сделай это. — Первосвященник жестом пригласил Сестру Сало вернуться на свое место. — Приложи свою чертову руку.

— Сестра Колесо? — Нона негромко фыркнула. Она повернулась к Гессе: — Хорошо. Что она может сделать?

— Плохо! — Гесса покачала головой. — А ты не знаешь? Она принесла обеты как Красная Сестра. Прошла все испытания. Затем отреклась от этого, чтобы быть Святой. Она не считает Красных Сестер настоящими монахинями — они недостаточно близки к Предку. Она...

— Метательная звезда! — Сестра Колесо заняла место капитана и теперь держала руку над головой, стальная метательная звезда ловила свет из окон. Звезда представляла из себя почти непрерывный диск: маленький тяжелый центр, пять широких блестящих лезвий, промежутки позади и между ними, там, где Сестра Колесо держала ее. Нона не знала, как именно она бросит ее, не отрезав себе пальцы.

— Предок, будь свидетелем нашего испытания веры и быстроты. — Сестра Колесо прищурилась, глядя на Нону, как будто мишенью была она, а не Гесса. Она потрясла своей длинной рукой, выкручивая слишком гибкое запястье. Ее глаза, обычно широко раскрытые, как будто в постоянном и смутно комичном удивлении, становились чем-то совершенно другим, когда они были прищурены: в эти мгновения на мир сквозь них смотрело что-то зловещее и нечеловеческое.

Нона вытянула руки перед собой, скрестив ладони.

Без дальнейшего предупреждения Колесо тряхнула рукой, шелкнув ею, как хлыстом, и заставила метательную звезду рвануться в полет. Движение выглядело слишком небрежным, чтобы придать звезде значительную скорость, но та рассекала воздух значительно быстрее, чем копьё капитана Рогана — она поворачивалась вокруг своего центра, лезвия вырезали

искры из света. Диск вращался вокруг вертикальной оси, параллельно полу, и был нацелен в грудь Ноны. Даже если бы она смогла отклонить оружие, нажимая на него сбоку, ей нужно было бы сдвинуть его с курса на достаточно большой угол, чтобы отправить над головой Гессы или в землю перед ее ногами. Огромное отклонение. Чтобы сдвинуть его немного влево или вправо настолько, чтобы он миновал Гессу, Ноне пришлось бы прижаться к вращающимся лезвиям... Пока она обдумывала этот вопрос, метательная звезда поглотила треть расстояния между ними, и впервые в жизни Нона обнаружила, что не может зарыться дальше в пространство между ударами сердца.

Она начала протягивать одну руку к приближающейся звезде. Другой рукой она начала водить ногтями от манжеты рясы к подмышке. Жесткая ткань без сопротивления раздвинулась под ее пальцами. Когда она была маленькой, Биллем Смитсон попытался ударить ее. Нона протянула к матери окровавленные руки. *Вот что было у него внутри.* Кожа мальчика была рассечена там, где она коснулась ее, четыре параллельные раны, как будто у нее были невидимые лезвия, идущие от ее пальцев. То же самое произошло, когда она ударила Раймела Таксиса, и еще раз, когда она отбивалась от его брата на лестнице настоятельницы. Она пыталась сделать это много раз, в долгие скучные часы, в скучные дни, когда шел проливной дождь со льдом... но только в тюрьме Хэрритон острые лезвия стали приходить к ней не в моменты паники или ярости. Тогда веревки, связывавшие руки за спиной, поддались ее прикосновениям.

Теперь ее пальцы разрезали рукав платья на длинные ленты. Возможно, они разрывали кожу и мышцы под ними — прошло слишком мало времени, чтобы какая-то боль достигла ее или пролилась кровь.

Метательная звезда приблизилась к протянутой руке Ноны как раз в тот момент, когда другая ее рука достигла подмышки и продолжила, теперь уже с одним вытянутым пальцем, прорезать линию поперек груди. Звезда прошла в одном вздохе от вен на ее запястье и закружилась прямо под ее вытянутой рукой, где ленты ее рукава еще не успели упасть. Она пронеслась сквозь них, разрезая все, что противостояло ей, но, пролетая под локтем Ноны, запуталась в других лентах, попавших в узкие промежутки между лезвиями, и намотала их на себя.

Когда ее палец достиг грудной кости, Нона прекратила резать и изменила направление движения руки, несмотря на инерцию крови и костей; пальцы сложились чашечкой, хватая отрезанный лоскут ткани.

Закутанная в ленточки метательная звезда пропутешествовала по всей длине ее руки, достигнув точки, где она начинала проходить под плечом. Другая рука Ноны встретила пролетающую звезду, ткань ее рясы была собрана в комок в ладони, наклоненной вниз и в сторону. Сила удара прокатилась по руке. Нона сделала все, что могла. Она дала мгновению пройти.

Глухой стук обернутой в ткань звезды, толчок от ее удара вверх по руке и острая боль в ладони — все это достигло Ноны одновременно. Звезда упала на песок, истратив всю свою энергию. Посмотрев вниз, она увидела, что ее рука наполняется кровью, и на мгновение подумала, что вся рука может быть рассечена, но более темная точка среди алого пятна обнаружило правду — одно острие метательной звезды пробило все слои ткани и прокололо ее ладонь, маленькая дыра, но глубокая и свободно кровоточащая.

Восторженные крики поднялись вокруг нее, когда она вытащила из рукава длинную полоску и туго обмотала ее вокруг ладони.

— Прикройся, девочка! — Сестра Колесо подошла к ней, неодобрительно нахмурившись и глядя на разорванный рукав и широкий лоскут, оторванный от груди Ноны. — Что ты наделала?

— Я защищала Гессу. — Нона прикусила губу, чтобы не произнести более резких слов.

— Ты испортила свою рясу! — Подозрительные глаза пробежали по обнаженной плоти и острому верхнему краю разреза на груди Ноны. — Как...

Нона махнула рукавом, пристально глядя на Сестру Колесо.

— *Ваша* метательная звезда все это пережевала. — *Ты бы предпочла, чтобы это было мое тело?* Что-то во взгляде, который вернула Святая Сестра, подсказывало, что она была бы не против.

— Я надеюсь, что последний раунд этого испытания будет потруднее! — Первосвященник прервал линию, соединявшую их глаза. Нона моргнула и покачала головой. Она не думала, что прошло так много времени, и этот старик, хромя, спустился по всем ступеням. Она посмотрела на него — его хмурый взгляд был таким же уродливым, как у Сестры Колесо, — и почувствовала, как голова закружилась. Рука, которую она подняла к лицу, казалось, застыла на целую вечность — голоса жужжали вокруг нее, как разъяренные мухи.

— ...что-то не так с девчонкой? — Первосвященник фыркнул. — Она едва ли может быть Щитом, если при виде нескольких капель крови у нее начинает кружиться голова.

— Со мной все в порядке. — Но Нона этого не чувствовала. Она чувствовала слабость во всем теле, невыносимую усталость. Марионетка, у которой осталась одна ниточка, и если бы ее отпустили, она бы легла лицом вниз на мягкий песок и заснула.

— Последнее испытание — лук, — сказала Сестра Колесо, сжав губы в непроницаемую линию. — Принесите мне лук!

— Нет! — Первосвященник поднял руку. — У тебя был шанс, Колесо. У меня как раз есть для этого человек — и лук. Дэвид? — Он повысил голос, оглядываясь по сторонам. — Дэвид!

С первого ряда сидений прыгнул крупный мужчина, один из носильщиков паланкина первосвященника, его руки были обвиты мускулами.

— Принеси орлиный лук из моего багажа. Иди! Быстро!

Мужчина умчался прочь, песок летел из-под его сапог. Нона стала отступать назад, пока не уперлась спиной в стену. Гесса взяла ее за плечо и попыталась повернуть.

— В чем дело? Ты выглядишь ужасно.

Нона стала соскальзывать вниз, пока ее зад не коснулся пола. Она наклонила голову.

— Долгая ночь. Просто устала. — Слова невнятно слетали с ее губ. Неужели метательную звезду окунули в какой-то яд? — Просто... закрыть... глаза.

— Ты не можешь спать... — но голос Гессы, казалось, доносился откуда-то издалека, становясь не более, чем приглушенным эхом в пещере, темнота которой поглотила... все.

Пощечина вернула мир назад: дневной свет, струящийся сквозь узкие окна, тихий шепот разговоров, а под ним отдаленный грохот дождя по высокой крыше.

— Вставай, девочка! — Вторая костлявая рука Сестры Колесо схватила остатки рясы Ноны и рывком подняла ее на ноги.

Позади монахини стоял наготове Дэвид, его туника промокла и прилипла к телу, обрисовывая мускулы груди и плеч. Лук перед ним был почти такой же высокий, как и он сам, не одна дуга, как у охотников Серости, а смесь различных изгибов и пород деревьев. В

руках опытного лучника такой лук действительно мог сбить белых орлов, которые плавали на ветрах Коридора. И ни один крестьянин никогда не защитит таким оружием свое стадо — этот лук стоил дороже любого стада и земли, на которой оно пасется, в придачу.

Первосвященник, хромая, подошел к мужчине.

— Сделай это.

Половина сидений была пуста — монахини, послушницы, стражи и носильщики столпились по обе стороны от линии между Ноной и Гессой у северной стены зала и лучником перед южной. Даже Настоятельнице Стекло было позволено приблизиться, ее охранник стоял рядом. Нона посмотрела на правую руку настоятельницы, толстую от бинтов, и на свою собственную, на полоску ткани, черную от крови, с кожей от кончиков пальцев до основания ладони, красной и липкой. Настоятельница Стекло встретилась с ней взглядом и кивнула так же уверенно и настойчиво.

— Предок, будь свидетелем нашего испытания веры и быстроты. — Сестра Колесо жестом велела зрителям отступить назад.

Дэвид вытащил из колчана за плечом длинную стрелу с белым оперением — возможно, с орлиными перьями, — и с длинным и узким стальным наконечником, предназначенным скорее для того, чтобы пронзать, чем резать. Он установил его на тетиву и посмотрел на первосвященника, который нетерпеливо махнул ему рукой.

Нона смотрела на него, сложив руки перед грудью, как и прежде, одна поверх другой — тыльная сторона левой упиралась в грудную кость, ладонь правой смотрела на Дэвида и его лук. У этого мужчины было костлявое, грубое лицо, как будто глина, из которой он был сделан, находилась в руках Предка не более мгновения, как раз достаточного для смелых мазков.

— Она всего лишь ребенок. — Слова вырвались из него, такие низкие и тихие, что Ноне было трудно разобрать их. — Обе, маленькие девочки. — Он снова беспомощно посмотрел на первосвященника.

— Ты выпустишь эту стрелу с такой силой, что она пробьет чертову стену, Дэвид. — Первосвященник с глухим стуком опустил свой посох, хотя песок приглушил удар. — Предок решит, кто достоин завтрашнего дня. На твоих руках не будет греха. А теперь сделай это!

Дэвид поднял огромную руку, потер глаз, покачал головой и вернул руку на тетиву. Он сделал плавное движение, мышцы напряглись, вены гордо вздулись вдоль предплечья, лук заскрипел от напряжения. Держал. Держал. И с криком гнева или стыда пустил в полет.

Стрела летела быстро, как бы Нона ни цеплялась за каждый миг, который пролетал мимо нее. Она изгибалась взад и вперед, как рыба на палубе, вздрагивая от силы толчка натянутой тетивы, когда летела к ней. Ее путь с высоты роста Дэвида к сердцу Гессы лежал над левым плечом Ноны.

Гесса упала спиной на землю и смотрела, беспомощная, руки подняты и вытянуты вперед.

Надавить на этот тонкий стержень — сделать это достаточно сильно, чтобы отклонить его от Гессы, и дать этот толчок за крошечный промежуток, в течение которого стержень будет пролетать мимо нее — скорее всего, просто сломать его. И оставить наконечник стрелы или древко позади него все еще летящим к Гессе со смертельной скоростью.

Слишком быстро, не давая времени на раздумья, стрела оказалась перед ней. Руки, уже вставшие на место, уже сомкнувшиеся, теперь сжимали стрелу. Нона увидела, как ее кожа выходит из тугого завитка пальцев, уносится на первом появившемся дюйме древка,

следующий дюйм выскользнул окровавленным. Она не почувствует боли до тех пор, пока стрела не найдет конечную цель.

Вынырнув, окровавленная стрела двигалась медленнее, чем когда покрывала ярды между Ноной и лучником, но она не была медленной, и смазанная ее кровью хватка не снизит ее скорость ниже смертельного уровня до того, как стрела покинет ее руки. Нона потянула вниз, надеясь, что сможет быть достаточно нежной, чтобы опустить наконечник стрелы вниз, а не отломить заднюю часть.

Она смотрела, как стрела ускользает из ее рук. В это мгновение стальной наконечник, слегка отклоненный вниз, коснулся ее под ключицей. К тому времени, как ее руки поймали конец стрелы, наконечник был погружен на три дюйма в ее плечо, замедленный толщиной ее плоти и повернутый дальше от своего пути вращением ее тела, падающего назад. Она снова ухватилась за дерево, стараясь коснуться немного более резко и надеясь, что это поможет схватить древко, а не сломать его.

До нее по-прежнему не доходило ни малейшего намека на боль. По длине стрелы, вонзившейся в нее, она поняла, что наконечник, должно быть, торчал высоко у нее за спиной, но ничего не почувствовала. Ее острые пальцы стали гнать из стрелы стружку, как рубанок из дерева. Задняя часть рассыпалась на кувыркающиеся секции длиной в дюйм. Они отскочили от нее, засыпав область вокруг кровавой дыры под ключицей, когда она упала.

Она знала, что сейчас сильно ударится головой о песок. Но удара так и не последовало. Она падала, и не было дна, только белизна, а потом и вовсе никакого цвета.

Нона выплюнула песок изо рта, обнаружив между зубами и за губами больше, чем смогла избавиться. Что-то холодное и мокрое накрыло лицо. Она попыталась его оттолкнуть. В это мгновение неожиданно пришла боль, что-то слишком огромное для ее тела, пытающееся вырваться из-под мышц и кожи. Она закричала или попыталась закричать, но это было больше похоже на всхлип. Мокрое существо пошевелилось, и сквозь плотно зажмуренные от боли глаза она увидела расплывчатое пятно — кто-то склонился над ней с тряпкой в руке.

— Не двигайся. — Сестра Роза положила руку на грудь Ноны.

— Гесса? — Нона попыталась перекатиться, но белый огонь в плече остановил ее эффективнее, чем монахиня.

— С Гессой все в порядке. — Улыбка. — Стрела ударила в землю в футах перед ней. — Сестра Роза посмотрела в сторону. — Мы должны ее перенести! — Обращается к кому-то.

Другие голоса проникли в сознание Ноны. Она сосредоточилась на крыше высоко над собой, на песке под ногами. Она все еще была в Зала Меча. Справа от нее разговаривали люди. Повернув голову, она увидела их.

Настоятельница Стекло, без колодки, с высоко поднятой головой и Сестрой Яблоко у плеча. Архонты и Первосвященник стояли на тренировочном песке лицом к ней. Посмотрев в другую сторону, Нона увидела толпу монахинь и послушниц и церковь-стражей, сопровождавших их из зала; все они уходили как можно медленнее, чтобы ничего не пропустить. Сестры Кремень, Чайник и Швабра приближались, вероятно, чтобы отнести Нону в санаторий, хотя любая из них могла поднять ее.

— ... нелегитимно! В наше время, когда ты нарушаешь закон императора с помощью древних текстов и разговоров о пророчествах... Ты поступила бы правильно, если бы отдала ребенка гражданским судьям, настоятельница, как бы густо хунска ни текла в ее жилах. Это очень разочаровывает. Это дело может доставить нам массу неприятностей — и не в последнюю очередь при дворе самого императора...

— Что меня разочаровывает, Джейкоб, так это то, что тебя, похоже, купили оптом, вместе с твоим персоналом и должностью, за что-то столь бесполезное, как деньги. — Настоятельница Стекло повысила голос, не крича, но давая ему силу достичь стропил. — Церковь Предка не продается. Ты приводишь сюда архонтов, примчавшихся с четырех концов империи, а затем плюешь им в лицо и накладываешь вето на их решение, потому что их мнение не совпадает с тем, которое купил Туран Таксис? Я говорю, что должно быть голосование по вотуму недоверия. Здесь и сейчас!

Первосвященник зарычал: тот же самый вид был у него, когда он поднял свой посох, чтобы ударить по спине Четыре-ноги.

— Ты не имеешь права объявить такое...

— Я объявляю голосование. — Архонт Краттон, нахмурившись, потер свои шрамы. — Не могу сказать, что я впечатлен, первосвященник. Три дня верхом, чтобы добраться до Истины. Прочитав сообщение, обернутое вокруг ноги птицы, я решил, что стены рухнули, император оказался бастардом или ересь Скифроула бродит по улицам... Вместо этого ребенок унизил хулигана. И если мы хотим верить, что она — Щит Аргаты, то ты проделал в ней дыру только потому, что не поверил словам настоятельности.

— Я голосую за освобождение от должности. — Архонт Фило, возвышающийся над своими братьями-клириками, худой и усталый, резкий контраст с компактной силой и неутомимой энергией Краттона. — Анаста?

Самая старшая из них покатила шарик своей сережки между длинными пальцами, затем опустила руку, чтобы вложить ее в другую.

— Вы даже не представляете себе, как неудобно провести пять ночей на «Синем Вине» в половодье. Речной корабль и в лучшие времена не годился для путешествия. Меня укачивает, когда я смотрю на чашку с водой. Но, — она подняла руку, — меня бы это не волновало, если бы вызов был по важному делу. Это можно было бы даже простить как отдельную ошибку суждения... если бы наше решение было уважено. Но заставить нас мчаться в Истину, как комнатных собачек, и только для того, чтобы подписать твой собственный приговор бедной Стекло... Я голосую за освобождение от должности. — Она повернулась налево. — Архонт Невис?

Толстый архонт провел обеими руками по седым завиткам своих волос, все еще густых по бокам; его макушка была такой же лысой и блестящей, как голова Анасты.

— Освобождение.

— Остался только я, — сказал Краттон, резко шагая к первосвященнику, пока они не оказались лицом к лицу, глаза на одном уровне. — И, поскольку голосование должно быть единогласным, чтобы убрать тебя, я считаю, что мое мнение имеет значение...

— Краттон, мы должны обсудить это наедине... Есть *вопросы*, которые...

— Я никогда не был особенно высокого мнения о твоём пребывании на этом посту, Джейкоб. Посох делает с человеком разные вещи — в основном плохие. Не стоит иметь вокруг себя слишком много людей, чье положение зависит от того, насколько они тебе приятны. Тем не менее, я бы проголосовал за то, чтобы оставить тебя... если бы не одно обстоятельство. Первосвященник может быть глупым, он может быть жадным, он может быть неправым, но он не может быть продажным. Я проголосовал за то, чтобы назначить тебя на эту должность, и я буду стоять за это. Однако я не голосовал за то, чтобы дать Таксису мантию и тиару. Тебе придется уйти. Извини. Освобождение от должности.

Кто-то схватил Нону, склонился над ней, готовый поднять, но никто никуда не собирался уходить, пока все не будет сделано. Тишина за спиной дала Ноне понять, что монахини уже не делают вид, что собираются уходить.

— Это... это возмутительно! — Первосвященник попятился от архонтов и настоятельницы, хромя на ногу, которую повредила черепица крыши, и выставив перед собой посох, словно защищаясь. — Ни один первосвященник никогда...

— Первосвященник Албур был смещен архонтами сорок три года назад во время последнего сужения, — сказала Настоятельница Стекло.

— И Первосвященница Сартра за сто лет до этого. За... неделикатные отношения, — добавила архонт Анаста, кивая.

— Не уйду, это... заговор. — Первосвященник Джейкоб побагровел. Он посмотрел в сторону Ноны. — Это трюк! Стража! Арестуйте этих архонтов. В колодки их!

Пара церковь-стражей встала по бокам от первосвященника; остальные были в передней части зала, чтобы выпроводить теперь уже нежелательную аудиторию. Первый из стражей успел сделать шаг, прежде чем нога Сестры Сало ударила его колено сзади, и он с грохотом рухнул на пол. Еще одна страж потянулась к ней, но Сало схватила женщину за запястье и отправила кувыркаться по песку. Страж позади них потянулся за мечом.

— Мой титул — Госпожа Меч, молодой человек. Я была Красной Сестрой еще до твоего рождения. Не испытывай меня.

Страж — который для Ноны не выглядел особенно молодым — остановился, когда над ножнами заблестел дюйм стали и посмотрел в дальний конец зала. Двое церковь-стражей рядом с Первосвященником Джейкобом держали руки на рукоятках мечей, но не проявляли никакого энтузиазма по поводу ареста архонтов.

Архонт Краттон повысил голос прежде, чем первосвященник смог высказать все свое возмущение:

— Капитан Роган. Ваша преданность первосвященнику не подлежит сомнению, но этот человек больше не первосвященник. Вам придется положиться на мнение четырех архонтов и монастыря, полного монахинь, когда речь заходит о законности этого дела, но я могу заверить вас, что наши действия здесь были столь же законными, как и в суде, в котором мы участвовали непосредственно перед этими событиями. Пожалуйста, скажите своим людям, чтобы они стояли спокойно.

Последовавшее мгновение молчание показалось Ноне таким же долгим, как и все, за что она цеплялась во время испытания.

— Стражи, вольно.

— Это предательство! Богохульство! Император узнает об этом и насадит ваши головы на колья! — Джейкоб казался полубезумным, сжимая посох так, словно это был его прежний ранг, а не кусок позолоченного дерева. — Император услышит... — Теперь уже шепот.

— И ты можешь сказать ему об этом, Джейкоб, — сказал архонт Невис, и его лицо было почти таким же мрачным, как у архонта Фило. — Ты свободен идти куда хочешь. Надеюсь, со временем ты согласишься служить в одной из моих епархий. Священник Мартью из Геллима перешел к Предку в прошлом месяце, и его паства могла бы воспользоваться мудростью церковного старейшины...

— Геллим? Ты сошел с ума? Это же дикое ледяное болото на окраине! — Бывший первосвященник направился к главному входу, наполовину притопывая, наполовину хромя. — Я иду во дворец. Любой, кто попытается остановить меня, будет повешен!

Архонты смотрели ему вслед.

— Мы должны вернуть посох... — сказал архонт Фило.

— Пусть оставит себе. — Настоятельница Стекло улыбнулась. — Это всего лишь палка. Кроме того, он понадобится ему по пути вниз. Ноги могут предать.

— Нам нужен новый первосвященник. — Архонт Фило согнул свои длинные руки и сплел пальцы перед собой.

— Ну, мы все здесь, — сказал Краттон. — Мы могли бы уединиться в комнате и часами болтать по кругу, или просто покончить с этим и пойти домой. Будь я проклят, если хочу провести на этом продуваемом всеми ветрами куске скалы больше времени, чем нужно. Не обижайся, Стекло.

— Никто не обиделся.

Архонт Анаста обвела толпу мрачным взглядом:

— Лучших свидетелей нечего и просить.

— Я голосую за Анасту, — сказал архонт Фило.

— Я голосую за Невиса. — Архонт Анаста склонила голову. — Сегодня он проявил величайшее мужество и меньше всего будет спорить с императором.

Архонт Невис выглядел удивленным:

— Я тоже голосую за Невиса. — Он обхватил руками живот и широко улыбнулся.

— Я полагаю... — Краттон махнул рукой, как будто речь шла о пустяке. — Тогда Невис.

Все трое повернулись и посмотрели на архонта Фило:

— Действительно, Анаста?

Она кивнула:

— В моем возрасте мне нужен удобный стул, не слишком далеко от уборной, но и не слишком близко. И чай из ромашки. Очень много.

— Тогда Невис.

— Сделано. — Архонт Краттон отряхнул руки. — Поздравляю, Первосвященник Невис. Тебе придется купить посох. А теперь, если вы не возражаете, мне нужно освятить церковь, справиться со вспышкой оспы и с призовой кобылой, которая, возможно, уже родила. Ну что, пойдём?

— Ты забыл, Краттон. — Анаста подняла руку. — Нам не хватает одного архонта. Я предлагаю новому первосвященнику выбрать Настоятельница Стекло.

Невис нахмурился и склонил голову, его подбородок удвоился, затем утроился.

— Это было бы нелегитимно, но...

В дальнем конце зала за бывшим первосвященником захлопнулась парадная дверь.

— Спасибо. — Настоятельница Стекло шагнула к Первосвященнику Невису. — Но нет, мое место здесь, у меня есть сестры, которые должны служить Предку, послушницы, которых надо растить в монахини, и, кроме того, политика никогда не была моей сильной стороной.

Первосвященник и все три архонта захлебнулись от смеха, Невис и Анаста смеялись дольше всех.

— Настоятельница Стекло. — Невис вытер глаза. — Иногда мне кажется, что если ты когда-нибудь откажешься от этой великой игры, лед сомкнется над нами. — Он посмотрел на сестер по обе стороны от нее. — Отвезите в санаторий эту женщину и ребенка — из нее, наверное, тоже течет кровь быстрее, чем следовало бы. — Он хлопнул в ладоши, и Нона обнаружила, что ее легко подняли руки сестры Чайник. Боль снова пронзила ее, заставив вскрикнуть, и она уткнулась лицом в плечо Чайник, когда монахиня вынесла ее из зала.

Сестра Роза дала Ноне горький напиток, похожий на воду из канавы. Сон овладел ею почти сразу же. Сейчас она приоткрыла мутный глаз и попыталась сосредоточиться. Она чувствовала себя так же, как чувствуют себя простыни в прачечной после того, как их прополоскают в лохани.

— Настоятельница? — Нона наконец-то разглядела расплывчатую фигуру рядом с собой. Ее голос сорвался на надтреснутый шепот, который, казалось, остался неслышанным. Она подняла руку, чтобы осмотреть рану под ключицей, но обнаружила, что и рана и вторая рука перевязаны полосками полотна, а ладони испачканы какой-то оранжевой пастой. Она со стоном перекатилась на бок и почувствовала отголосок прежней боли. Льняные простыни ограничивали ее движения, и она обнаружила, что лежит под ними совершенно голая, если не считать широких полос марли, обернутых вокруг раненого плеча, поперек груди и под правой рукой. — Настоятельница. — На этот раз слово прозвучало громче.

Настоятельница Стекло склонилась над кроватью и протянула Ноне чашку с водой. Она выглядела старше, вокруг глаз залегли тонкие морщинки.

— Еще. Выпей все, если можешь.

Нона обнаружила, что может.

— А теперь спи.

Нона обнаружила, что может сделать и это.

В санатории мнение Сестры Роза пользовалось абсолютным авторитетом. Не имело значения, кому только что предложили кресло архонта или кто только что прошел испытание Щита. Маленькая палата могла похвастаться пятью кроватями, все в ряд, напротив большого окна, выходящего в уединенный ухоженный сад. Настоятельница Стекло лежала на самой дальней от двери кровати, Нона — рядом с ней.

В тот первый день Сестра Роза не допустила к ним посетителей. Наступил вечер. Нона лежала, откинувшись на подушки, и смотрела, как солнце садится за крышей в сад. Настоятельница Стекло сидела и читала один из нескольких свитков, сложенных на столе у ее кровати. На обоих запястьях у нее были бинты, а правая рука была все еще туго перевязана. Она неловко держала свиток левой рукой и выругалась, как дровосек, когда тот в третий раз вырвался из ее рук и свернулся, но тут же вспомнила о присутствии Ноны и разразилась фальшивым кашлем.

— Твое имя было произнесено перед императором в его тронном зале, Нона, ты знаешь об этом? — Настоятельница оторвалась от чтения.

— Мое имя? — Нона моргнула. Она даже представить себе не могла, что ее имя войдет во дворец.

— Пал первосвященник. Это не так уж и мало. Церковь — один из столпов, на которых держится власть императора. И он очень заинтересован в том, чтобы она была прочной, от основания до самой высокой точки. Турана Таксиса вызвали в суд. Он поклялся забыть о своей обиде на тебя, а заодно и на монастырь, который тебя приютил. Дело закрыто.

— И вы ему верите? — Нона видела лицо Раймела Таксиса; такое же высокомерие отражалось и на лице его брата. Такие не прощают и не забывают.

— Туран Таксис — холодный и безжалостный человек. Он убил бы тысячу маленьких

девочек, если бы они встали на пути его честолюбия. Но он не бешеный пес. Клятвы императору даются не просто так. Он будет двигаться дальше. Нашему лорду Таксису надо поджарить рыбу поважнее, чем ты, послушница, и это дело уже отбросило его назад. Но не забывай его, потому что он, наверняка, не забудет тебя. Некоторые люди обладают медленным гневом, который накапливается по кусочку за раз, так что никогда не увидишь, как он появляется. У такого гнева есть инерция, поэтому он иногда закипает, даже когда тот, кто вызвал его, остановился. Туран Таксис не одинок в этом — следи за такими людьми, Нона. Но да, пока я ему верю.

Нона позволила напряжению покинуть ее, отдавшись объятиям подушек. Снаружи дождь, несомый ветром, молотил по крутому склону.

— Неужели какая-то старая монахиня действительно говорила обо мне сто лет назад?

— Нет. — Настоятельница не подняла глаз, только еще больше наклонила свиток к свече, которую только что зажгла.

— Но... — Нона не хотела, чтобы это было правдой, но внезапное отрицание слегка выбило ее из колеи. — Но говорили, что Сестра Аргата была знаменитой Святой Ведьмой. Она сделала пророчество...

— Пророчеств не бывает, Нона. Или, скорее, бывают, но их произносят безумцы или люди, которых когда-то слушали за их мудрость и которые обнаружили, что стали старыми и немудрыми, но все еще хотят быть услышанными. В этом нет никакой магии. Магия так не работает.

— Сестра Аргата была слабоумной, когда произносила его? — Нона смотрела, как над крышей угасает красное зарево. — В любом случае я не хотела быть Щитом — я хотела быть Мечом.

Настоятельница со вздохом отложила свиток и расправила его. Как только она подняла руку, он тут же свернулся в тугой клубок.

— Ты заслуживаешь правды, Нона, и я ни в коем случае не хочу запятнать доброе имя Сестры Аргаты, но ты должна обещать держать то, что я тебе скажу, при себе. Ты можешь это сделать?

— Да. — Нона умела хранить секреты.

— И ничего не скажешь этой Клере, с которой ты так дружишь?

— Да, настоятельница.

Настоятельница Стекло сложила руки на коленях, затем поморщилась и разжала их. Сестра Роза дала ей три дозы коры соррина, приглушающей боль, но Нона видела, что она все еще мучается, двигаясь с хрупкой деликатностью тех, кто страдает от самых тяжелых видов ран.

— Сестра Аргата совершила очень много поступков, по большей части хороших, несколько плохих, и дважды, насколько мне известно, просто глупых. Чего она не делала, так это пророчеств. Пророчество Аргаты является делом рук двух архонтов около тридцати пяти лет назад, когда дед императора Крусикэла, Эдиссат, был на троне. Стояли смутные времена: Эдиссат впал в малярию, его старший сын был в изгнании, Дарн угрожал войной, лед-ветры погубили несколько урожаев. Пророчество дало нам возможность сосредоточиться. Оно напомнило нам о спасении, которое обещал нам Предок. Оно напомнило нам, что Ковчег может быть открыт, будет открыт, и мы овладеем им вместе.

— А что там внутри? — спросила Нона.

— Никто не знает, — ответила настоятельница. — Но учитывая, что власть императора

основывается на том, что он контролирует Ковчег, было бы неплохо, если бы он мог открыть его, не так ли?

— Но кто-то же должен знать. — Нона нахмурилась.

— Может быть, кто-то и знает. Беда в том, что так много людей утверждают, будто знают, и их утверждения настолько разнообразны, что трудно понять, какие из них верны, если таковые вообще есть. Многие верят, что он может управлять луной.

— Луной? Но...

— Пророчество говорит нам, что ключ лежит среди нас, среди наших детей или детей, которые еще будут. Я верила в это всей душой. Я была тогда молодой женщиной, и ревностной. — Она выдавила улыбку, хотя боль все еще преследовала ее глаза. — Во всяком случае, оно выполнило свою задачу. Я не знала правды, пока не стала здесь настоятельницей и не получила доступ к санкционированным историям. Сейчас это не имеет большого значения — но это не та история, которая должна распространяться. Я доверяю тебе, Нона. И это скорее бремя, чем дар. Ты это понимаешь?

— Понимаю. — По крайней мере, она поняла половину. — Но разве первосвященник не знал? И архонты?

— Джейкоб никогда не любил читать. Или слушать. — На этот раз улыбка настоятельницы была шире. — Архонты? Я уверена, что Анаста знает. Наверное, и Филс тоже. Краттон? Не знаю. Он часто удивляет меня. Невис, наверное, нет. Или, возможно, как Сестра Колесо, они знают, но предпочитают верить.

Нона нахмурилась:

— Тогда *почему* вы спасли меня?

— Ты слышала, что я сказал архонтам. Этого им хватило, чтобы признать меня невиновной.

— Но вы же сказали, что у вас было ви...

— Я солгала, Нона. Я делаю это иногда, даже когда кто-то не угрожает отрезать мне язык и выпроводить из монастыря.

Нона вспомнила, что говорила настоятельница, когда они спешили из тюрьмы. *Слова — шаги по пути: главное — попасть туда, куда ты идешь.* И куда шла настоятельница?

— Вам не нравился первосвященник.

— Да.

— Он был занозой в вашем боку.

— Скорее ножом в моей почке.

— И вам не нравился Туран Таксис.

— Да.

— А теперь у Турана нет друга-первосвященника.

— Да, теперь в его кармане нет первосвященника. При всех своих недостатках Невис не продаст себя так дешево, как это сделал Джейкоб.

— Зачем вы мне все это рассказываете? — Нона нахмурилась, пытаясь понять, не издевается ли над ней настоятельница.

— Ты спросила.

— Но... вы не должны так говорить об архонтах... не с послушницей. Не со мной. Я тут совершенно новенькая.

— Может, твои башмаки и блестят, Нона, но в твоей рясе есть несколько дыр. — Настоятельница внимательно разглядывала Нону, не улыбаясь. — Ты пролила за меня кровь.

Я обязана тебе кое-какими ответами. Или, возможно, я хочу посмотреть, как тщательно ты хранишь секреты?

— Если первосвященник был таким плохим, почему архонты не сместили его раньше? — Это казалось достаточно простым делом.

— У каждого архонта есть своя епархия, и их соборы очень далеки от Истины. Нужно сдвинуть горы, чтобы получить двух архонтов в одном месте, не говоря уже о четырех. Это собрание, которое я никогда бы не смогла созвать.

— Но разве первосвященник нуждался в них, чтобы вас изгнать?

— Ему нужно было, чтобы это выглядело как нечто большее, чем обыкновенная злоба. У нас с Джейкобом свои счеты. Если бы он просто объявил меня виновной, то выставил бы себя слабаком. А человек, который проводит при дворе императора столько времени, как первосвященник, не может позволить себе выглядеть слабым. В этих водах слишком много акул. Он думал, что крепче держит архонтов в руках, чем было на самом деле. Что у него больше власти над ними. Если бы хоть один из них согласился с ним, то не было бы никаких проблем. Так что Туран Таксис заставил всех четырех архонтов приплыть к моему порогу по реке из золота — просто чтобы добраться до тебя, дорогая.

— И вы знали, что он... — Нона начала различать какие-то очертания. Наброски плана. Настоятельница кивнула:

— Я считала это вероятным.

— Но... но вы же сами себя обожгли. Хотя и знали, что это не поможет. Вы знали, что это не заставит первосвященника передумать.

— Да.

— Потому что... вы знали, что это заставит меня сказать, что я выдержу испытание. Но я с самого начала сказала, что сделаю это.

— Если бы я тогда приняла твое предложение, архонты никогда бы не проголосовали за то, чтобы отнять у Джейкоба посох. Они должны были видеть, как я страдаю — они должны были видеть, как *он* заставляет меня страдать. Собрать четырех архонтов в одном месте — это подвиг, но это ничто по сравнению с задачей заставить их договориться о чем-то важном.

— И так... все это... с того самого первого дня... было сделано для того, чтобы свергнуть первосвященника и повредить Турану Таксису.

Настоятельница просто посмотрела на нее.

— Как... как вы могли знать, что я выдержу это испытание? — Нона повела плечом и поморщилась. Гесса чудом выжила, и даже царапина на ней могла бы стать причиной того, чтобы утопить Нону.

— Сестра Сало наблюдала за тобой в тот первый день на Мече. Маленькая девочка, которая может причинить такой вред Раймелу Таксису, что потребуются четыре человека из Академии, чтобы удержать его на краю жизни... ринг-боец герант... Я решила, что такой ребенок будет быстрым. Сестра Сало наблюдала за тобой на песке и сказала мне, что даже в расцвете сил она не была такой быстрой.

Нона лежала молча, боль в ране пульсировала, руки и запястья горели огнем. Настоятельница Стекло не была ни быстрой, ни сильной, у нее не было явного богатства, ее должность не давала ей возможность как-то влиять на политику, и все же, правдой и ложью, она повернула одно колесо против другого, в результате чего горы сдвинулись, могущественный человек пал, и мир запел песню, которую она выбрала для него. Нона не

знала, что она чувствует по этому поводу. Она знала, что пыталась возложить часть своей вины за смерть Сайды на ступени настоятельницы и что на самом деле это была ее вина, и только ее. Она должна была никогда не прекращать борьбу, никогда не позволять им предстать перед «правосудием». Нона знала, что она не понимает людей. Не понимает, как они работают в своей паутине хрупкой, гибкой дружбы и изменчивой преданности, как играют в игры улыбок и объятий, хмурых взглядов и отвернувшихся спин при дворе или за монастырским завтраком, как работают их скрытые сердца. Она знала, что не понимает этого, но еще меньше понимала Настоятельницу Стекло. Нону, закованную в цепи, хотели бросить в черную и непроницаемую воду колодца, где плавали послушницы, где глубоко под ударами их ног лежит ил, переполненный костями. Настоятельница Стекло и этот провал, возможно, имели общего больше, чем казалось.

Стекло и ее церковь. Теперь Нона не была предана ни тому, ни другому. И, возможно, это был просто еще один поворот колес настоятельницы... но время бежать уже ушло. Она назвала Клеру и Гессу подругами, и эта связь была глубже крови: это была основа мира, который она *могла* понять.

Основа веры, которая имела значение.

После той первой ночи Настоятельница Стекло вернулась в свой дом и к своим обязанностям. Нона пролежала в постели еще три дня под присмотром сестры Роза.

Клера и Рули пришли навестить ее в первое же утро, когда их отпустили из Академии. Рули сначала стеснялась, прячась за волосами, зато Клера улыбалась и обнималась с того мгновения, как ворвалась в дверь. Они сидели на ее кровати и болтали обо всем, кроме того, что случилось. Клера рассказала им о бале, на который отец водил ее еще до того, как впал в немилость.

— ...а потом вошла Велера. Она младшая сестра, но это никогда не мешало ей жаловаться, что ее брат сидит на троне, в то время как она влачит жалкое существование в своем дворце на побережье. Так или иначе, по одну сторону от нее шел лорд Йотсис, молодой, а по другую — наследник Герсиса. А ее платье! Она выглядела так, словно ее туда влили. Отец сказал, что она пролила немного...

В тот же вечер пришла Гесса, одна, опираясь на костыль.

— Я вижу, Сестра Роза отдала тебе мою кровать. — Она осторожно опустилась на конец кровати.

Они поговорили об испытании.

— Я ничего не видела, — сказала Гесса. — Только стражей и Сестру Колесо, готовых метнуть, и в тот же миг что-то ударило о стену рядом со мной. Я подпрыгнула так сильно, что чуть не упала. И я действительно упала, когда и ты. Мне пришлось замахать руками и сказать им, что в меня не попали!

На следующий день пришли Джула с Клерой.

— Мы можем приходить только по двое. Сестра Роза говорит, что мы тебя утомим. Сестра Чайник хотела прислать тебе грифельную доску и какие-то прописи, но Роза не позволила. — Клера села, затаив дыхание. — Представь, раненая и вынужденная писать буквы!

Джула осторожно подошла к Ноне, обняла ее, как будто та могла сломаться, ее короткие волосы щекотали щеку Ноны. Когда они разделились, ее нижняя губа дрожала.

— Слава Предку, с тобой все в порядке! Я думала... — ее голос сорвался, и Нона с удивлением увидела, что она плачет.

Только утром третьего дня Нона рассказала Сестре Роза о своем страхе. Рана, которую сделала в ней стрела, и повреждения на руках и запястьях, которые, как она знала, заживут — ерунда, но ее тело подвело ее, подвело, когда она больше всего нуждалась в этом.

— Настоятельница считает, что я быстрая. — Нона произнесла это между плотками кислого варева, которое Сестра Роза то и дело подносила к ее губам, хотя она могла бы держать сама. — Но это не так. Я старалась быть быстрой со стрелой — я думала, что смогу — но я просто не смогла. Я так устала.

— Устала? — Сестра Роза рассмеялась, ее лицо заколыхалось и сморщилось. — Это ожог хунска. Все его получают. По крайней мере, все вы, с молнией в жилах. Я не могу двигаться так быстро, но могу неуклюже топтать часами. — Сестра Роза забрала чашку и, прищурившись, заглянула в нее, проверяя, не осталось ли на дне отвратительных шершавых кусочков. — Ты тратишь свои ресурсы, когда делаешь такое. — Она ущипнула Нону за руку. — Но вообще, у тебя нет ничего, кроме костей — чего же тебе сжигать? Я поражена,

как тебе это удалось. Большинство хунска готовы упасть после всего лишь нескольких секунд борьбы на скорости. После этого надо пить воду с сахаром, это помогает. Но у тебя есть только то, что может дать тело. Возьмешь слишком много, и что-то сломается. У хунска это обычно сердце. Но, так или иначе, вы живете недолго...

— Мы? — Нона села, ее плечо теперь уже горело, а не просто болело.

— Госпожа Академия не... Конечно, нет. — Улыбка покинула ее лицо. — Я забыла, как мало времени ты провела с нами, Нона. — Сестра Роза отставила чашку в сторону и придвинула стул так близко к кровати, как только позволяли ее ноги. — Четыре племени, пришедшие в Абет еще до ледникового периода, считали его суровым миром. Именно смешение их крови породило людей, которые могли жить здесь. Хунска и геранты живут короткими жизнями, у первых сердца слишком быстрые для этой земли, у вторых — слишком большие. Сестра Сало — самая старая хунска из всех, кого я знаю, и она не так стара, как выглядит. Не на слишком много... Квантал и марджал черпают силу этого места, подключаясь к магии, которая лежит внизу и наверху и проходит через все предметы этого мира. Но это не та земля, которая их породила, ее магия остра и быстра, она сжигает неосторожных или деформирует их...

— Я... — Нону прервал стук в дверь.

Сестра Роза погладила ее руки:

— Те, что горят быстро, горят ярко. Самые короткие жизни могут отбрасывать самые длинные тени.

Нона подумала о Сайде, лежащей в холодной земле, и о тени, которую она отбрасывает. Стук раздался опять.

— Войдите. — Сестра Роза с трудом поднялась на ноги.

Дверь в фойе открылась, и Арабелла Йотсис просунула голову, ее череп был покрыт короткими светлыми волосами, что придавало ей что-то мальчишеское. — Сестра Сковородка хочет видеть меня и Нону.

— Ну, скажи сестре Кастрюле, что Нона не выйдет отсюда...

— Это для именованья.

— О. — Сестра Роза посмотрела на Нону, снова на Арабеллу, снова на Нону. — Как ты себя чувствуешь, Нона? Ты в состоянии дойти до Башни Пути? Я могу попросить сестер, чтобы они тебя понесли...

— Нет, я могу идти. — Нона спустила ноги с кровати и встала прежде, чем сестра Роза успела настоять, чтобы ее подняли, как ребенка. Ее плечо болело сильнее, чем она думала, но она стиснула зубы и с большой осторожностью пошла к двери.

Снаружи у нее от холода перехватило дыхание: налетел лед-ветер, сдувая покров южного, и три дня в тепле санатория сделали ее уязвимой перед ним.

— Отвратительная погода. — Арабелла поплотнее закуталась в свою рясу, но не торопилась: Нона заметила сдержанность в ее походке и попыталась идти быстрее, плечо при каждом толчке наполнялось горячей влажной болью.

— А что такое «именование»? — Нона подумала, что это первые три слова, которые она сказала Арабелле. Казалось странным идти рядом с ней, как будто все было нормально, как будто Арабелла никогда не пыталась ударить ее ножом в постели, как будто они не были врагами с самого начала. Но если это фальшивое пророчество вонзит в них свои зубы, Арабелле Йотсис придется играть роль Избранной, а Ноне — ее неохотного Щита.

— Именование? Как ты думаешь, Сестру Чайник назвала «Чайник» ее мать? —

Арабелла искоса посмотрела на нее и весело улыбнулась.

— Но... но у старших послушниц все еще есть свои имена! Сулери учится в Святом Класе, а она все еще Сулери... — Нона нахмурилась, гадая, не является ли «Сулери» предметом, вроде стекла или яблока, но только таким, которого крестьяне не знают.

— Да, но у всех у них есть свои святые имена. Они просто должны держать их в тайне, пока не примут обеты и не станут монахинями. Если зайдут так далеко. Каждая послушница должна выбрать свое имя перед Госпожой Путь, когда та призовет их. Она зовет большинство из них в течение первого года обучения.

Нона расслабилась. Она не хотела отказываться от своего имени.

— Тогда мы останемся Арабеллой и Ноной.

— Арой.

— Что?

— Арой. Все зовут меня Ара. Ты тоже должна.

Над ними возвышалась Башня Пути, темная на фоне утра, четыре открытых входа, обрамленных камнем.

— Я пойду в восточную дверь, — сказала Ара.

— Почему?

— Туда ведет меня Путь. — Ара помолчала, склонив голову набок и изучая девочку поменьше. — Попробуй. Закрой глаза и посмотри. — Она рассмеялась. — Так говорит Сестра Сквородка.

Нона закрыла глаза. Она видела только то, что видела всегда, оранжевое и серое, остаточные образы пульсировали и исчезали, их последние следы формировались в идеи и предположения — края снов.

— Ты видишь его? — Ара, почти у самого ее уха.

— Нет.

— Смотри внимательнее. — Рука коснулась плеча Ноны, и в этот момент то, что она видела, превратилось в острый блеск и жаркую тьму, одно прорезало другое, как трещина — хотя она не могла сказать, кто из них кого, — оба пролетели через ее голову и раскололись, с силой ударившись о затылок.

— ...она!

Нона открыла глаза, прищуренные на фоне яркого серого неба.

— Нона? — Темная фигура нависла над ней.

— Куда? — Нона почувствовала, как кто-то взял ее за руку и приподнял.

— Мне очень жаль! — сказала Ара извиняющимся голосом, словно несчастная принцесса. — Я совсем забыла о твоём плече!

Нона вскочила на ноги, рыча от боли, готовая к бою. Девочка подняла ее за больную руку, и рана пульсировала так, словно стрела вернулась в нее и раскалилась докрасна.

— Ты не... — Нона оборвала себя на полуслове. Она не видела ни насмешки в глазах Ары, ни намека на улыбку, только беспокойство... Ара не положила руку на раненое плечо. Она не могла видеть повязки под рясой Ноны: она просто предположила, что Ноне нехорошо, потому что та упала, и использовала другую руку, чтобы помочь ей подняться, раненую руку.

Нона отряхнулась.

— Я воспользуюсь той же дверью, что и ты.

Вместе они преодолели оставшееся расстояние и вошли через восточную дверь в

комнату с портретами у основания Башни Пути. На картине, висевшей прямо напротив восточной двери, было изображено женское лицо, наполовину черное, наполовину белое; в черной половине был белый глаз, в белой — черный. Между двумя половинами тянулась серая полоска, но, подойдя поближе, Нона увидела, что граница между половинами не прямая, как ей показалось вначале, а бесконечно извилистая, черное переходило в белое, белое — в черное.

— Она великолепна, не правда ли? — Ара подошла и встала рядом с Ноной. — Это Сестра Облако. Она была два-кровка. Полн-кровка хунска и полн-кровка марджал.

— Это звучит... довольно полно! — Нона улыбнулась.

— Это просто означает, что она обладала полными талантами обоих племен. — Ара пожала плечами. — Сестра Сквородка говорит, что в каждом поколении рождается по одному такому ребенку.

— А у этого поколения есть ты? — Нона посмотрела на Ару еще пристальнее, чем прежде. Насколько глубоко идет эта уверенность? Не живет ли страх где-то там, под лицом, которое приучила ее носить жизнь аристократа?

— Нам надо подняться наверх.

Ара позволила Ноне задавать темп на ступеньках, следуя за ней. Медленно поднимаясь по восходящей спирали, Нона пыталась вспомнить обиды, которые таила на девочку, идущую позади нее. Преступления Ары, по-видимому, сводились к тому, чтобы быть красивой, родиться богатой и быть Избранной. Все остальное, осознала Нона, было чем-то, подаренным ей Клерой, или предположениями. Она решила, что остальные наполовину услышанные шутки были на ее счет, что смех, который затихал, когда она входила в комнату, был адресован ей.

— Готова? — спросила Ара, нервно улыбаясь.

Нона обнаружила, что остановилась прямо под классной комнатой. В этот момент она также обнаружила, что ее внезапно озарило — Арабеллу Йотсис очень легко полюбить.

— Готова, — сказала Нона, и они вместе поднялись наверх.

Сестра Сквородка ждала их, сидя без всяких формальностей на ученическом стуле, и жестом велела им пододвинуть свои стулья. Она выглядела невероятно старой, как те трупы, которые люди находят в ледяных туннелях, почерневшая кожа на костях свернулась в себя, как цветы под лед-ветром.

— Снаружи дует ветер! — Когда Сестра Сквородка улыбалась, даже в этой улыбке было что-то от черепа. — Сегодня вечером Коридор сузится.

— И Луна расчистит путь, — сказала Ара, давая подходящий ответ.

— И Луна расчистит путь. — Сестра Сквородка кивнула. — А вы знаете, что Луна падает?

Нона взглянула на Ару:

— Нет...

Снова ухмыляющийся череп.

— Не волнуйтесь. Она падала всю вашу жизнь, и мою тоже. — Сестра Сквородка подняла руку, кожистую, но темнее любой кожи, и сложила пальцы чашечкой, словно хотела поймать лунным свет, освещавший мир. — Она падает с тех пор, как ее туда поставили. Свет давит на нее, как и солнечный ветер. И когда она приблизится, она начнет царапать самые края нашего воздуха, касаясь самых высоких ветров Абета. Тогда... тогда все будет быстро. — Сестра Сквородка опустила руку на колено.

— Мы можем что-нибудь сделать? — спросила Ара, глядя на руку, лежащую на колене сестры Кастрюли.

— Нет. По крайней мере, ничего хорошего. — Старая монахиня пожала плечами. — И так... я позвала вас сюда, чтобы услышать, как вас зовут.

— Я выбрала, — сказала Ара. Она посмотрела на Нону. — Разве мы не должны... сделать это наедине?

Сестра Сквородка повернула голову в одну сторону, потом в другую.

— Здесь никого нет, кроме нас.

— Но... — Ара нахмурилась. — Но мы не должны никому называть свои имена. Это секрет, пока мы не принесем обеты...

— У Избранной и Щита нет секретов друг от друга.

Нона не открывала рта. Ей было все равно, кто знает ее имя, хотя она и не сказала бы его. Настоятельница хотела знать, может ли она хранить тайну, и она могла.

— Я не Избранная, — сказала Ара. — Я бы знала, если бы это было так. Кроме того, я не могу сделать то, что может марджал.

— Это не имеет значения, так или иначе, — сказала Сестра Сквородка. — Пророчество навлекло на тебя опасность, и сейчас тебя спасает монастырь, а не стены, не сестры, красные, серые или какие-то другие. Та женщина в большом доме. У Стекло длинные руки, и очень ловкие. Было время, когда я могла проделать дыру в скале, на которой мы живем, настолько большую, что она могла бы проглотить всю эту башню целиком. Но даже тогда я не была и наполовину так смертоносна, как эта женщина. Даже наполовину. — Она наклонила голову, словно прислушиваясь к далекой музыке. — Пророчество подвергло вас опасности, потому что люди наполовину верят в него. Заставьте их поверить в него полностью, и оно начнет заботиться о вас. О вас обоих.

— И нам нужно, чтобы оно заботилось о нас... потому что настоятельница может... передумать? — спросила Нона.

— Потому что ветер будет дуть всегда, а луна продолжит падать. — Сестра Сквородка вытерла ладонь о бедро и выжидающе посмотрела на них. — А теперь скажите, как вас следует называть, когда вы будете сестрами? Нона?

Нона не думала об этом ни в те дни, когда жила в монастыре, окруженная Чайниками, Яблоками, Стеклами и Колесами, ни на пути к башне, ни при подъеме по лестнице.

Сквородка улыбнулась.

— Часто сестры выбирают такое имя, которое заставляет их думать о доме, о чем-то безопасном, о чем-то дорогом.

— Я... — Нона попыталась представить себе деревню, свой дом, мать, срезающую тростник и вплетающую один стебель в другой. Она думала о Лесе Реллам, о жестокости и смерти, о лице своей матери, когда ей вернули ее ребенка из дикой природы, одетого в чужую кровь.

— Выбирай осторожно, Нона. Пусть Путь приведет тебя к имени.

Нона открыла рот.

— Клетка, — сказала она. — Пусть меня зовут Клетка.

Сестра Сквородка поджала морщинистые хрящи своих губ.

— Клетка. — Она повернулась к Арабелле Йотсис, которая наблюдала за ними с безмятежностью, которой позавидовала Нона. — А ты, дорогая?

— Шип, — сказала Ара. — Я буду Сестрой Шип.

Очень важно, убивая монахиню, убедиться в том, что вы привели с собой армию, состоящую из умелых воинов. Для сестры Шип из монастыря Сладкого Милосердия Ланс Таксис привел наемников-пеларти, воинов, набранных с лед-окраин к востоку от Серости, из племени, которое считали диким их дикие соседи. Драчуны и убийцы, жестокие мужчины и жестокие женщины, убивавшие за деньги. Еретики, которые ставят поклонение умершим военачальникам, проводшим под землей не более трех столетий, выше почитания Предка, на плечах которого стоит все человечество и который делает каждого человека братом другому.

Метательная звезда, или крест-нож, как ной-гуин называют ее, обычно является оружием отвлечения внимания, попыткой вывести из равновесия и причинить незначительные повреждения; но в руках Красной Сестры такие снаряды становятся смертельными.

Патронташ, висевший на броне из черн-кожи сестры Шип, содержал две дюжины звезд, ножи которых проникали внутрь тела, а не просто пускали кровь; каждый был закреплен вокруг центрального кольца, утяжеленного свинцом. Звезды вылетали из ее пальцев, когда она бежала между колоннами, и пеларти были потрясены ее внезапной быстротой. Глаз, горло, лоб. Они пробивались сквозь мягкую плоть и твердые кости. Глаз, горло, рот, открытый для рева битвы, поглощающий быстрое вращение звезды среди сломанных зубов. Лоб, горло. Герант, огромный в своих доспехах, забрало топфхелма, тяжелый латный воротник на шее. Звезда описала дугу и попала ему в запястье прямо над латной рукавицей, разорвав сухожилие и артерию; его огромный меч выскользнул из онемевших пальцев.

В акте разрушения есть красота, которую мы пытаемся отрицать, и радость, которую мы не можем отрицать. Дети строят, чтобы разрушать, и хотя мы можем вырасти из этого, эта потребность течет в нас глубже, чем наша кровь.

Насилие — язык разрушения, плоть так часто является тем хрупким и драгоценным предметом, который оно легко и безвозвратно ломает: что еще мы сожжем, чтобы мир обратил на это внимание?

Твоя смерть не ждет твоего прибытия в назначенный час: она на протяжении всех лет твоей жизни мчится к тебе со свирепой скоростью стрелы времени. От нее нельзя уклониться, с ней нельзя торговаться, ее нельзя отклонить или умиротворить. Все, что тебе дано, это выбор: встретить ее с открытыми глазами и миром в сердце и спокойно отправиться за наградой. Или ярко вспыхнуть, взять в руки оружие и сразиться с этой сукой.

В каждой утонченной вещи, какой бы драгоценной и прекрасной она ни была, есть вызов. *Сломай меня.* Все невесты Предка смотрят на жизнь как на хрупкий, чудесный дар, которым она и является. От альфы до омеги мы все братья, сестры, дети, рожденные единством, связанные единством. И все же... и все же... тех, кто принимает красное, учат слушать. *Сломай меня.*

Шип носила в каждой конечности каждый час своих тренировок, каждый день и каждый год был привязан к мышцам ее рук, написан на всей длине ее ног, вбит в твердость живота и бедер. Она знала пять дюжин способов убийства, знала с интимностью любовницы, и при использовании, возможно, сладострастие тоже играло свою роль — ибо что такое сладострастие, как не голод? А голод надо утолять.

Любое оружие требует применения. Сам клинок подстрекает к насилию. А те, кто принимает красных детей Сладкого Милосердия за что-то другое, кроме оружия, — самые глупые из своего вида.

Мелькают запястья, руки щелкают, как хлысты, и метательные звезды взлетают, одержимые своим собственным яростным вращением, привязанные к изогнутым параболам. Ни одна мать не давала своему ребенку столько указаний и не заставляла его кружиться по свету с такой заботой. Управляемые только силами, которые направляют истинные звезды по темным небесам, яркие отпрыски Шип прокладывают свой путь: детерминированные, знающие цели, верные и независимые, не требующие больше ее внимания.

Копья брошены в удивлении, стрелы выпущены в замешательстве. Она появляется среди них и исчезает, мимолетная мишень в черном и рваном красном. Копья летят высоко, бьют в столбы, находят плоть союзников, а не врага. Одна пеларти, с ледяной кровью и ястребиными глазами, заметив цель, стреляет в мелькающего врага. Стрела смотрит с плеча Шип, когда та поворачивается, черн-кожа становится жесткой, чтобы противостоять скорости снаряда. Временная жесткость ее брони затрудняет ответ Шип. Ее звезда разрывает кожу в уголке глаза лучницы, разрывает ухо и устремляется в грудь человека позади.

И, наконец, руки Шип пусты, патронташ безвольно повис, две дюжины пеларти владеют ее сталью, некоторые лежат распростертые, растоптанные своими сородичами, захлебываясь кровью; другие все еще стоят, сгорбившись из-за ран, борьба ушла из них, сменившись болью, печалью стали, слезами крови.

Она достает меч. Лезвие длинное, тонкое, с небольшим изгибом и достаточно жестокой кромкой, могущей прокусить сталь. Хотя он и шепчет из ножен, но почему-то достаточно громко, чтобы нарушить минутную тишину. *Вот.* Вот где бьется сердце Красной Сестры — на его кромке. Другой рукой она достает из-за пояса нож.

Пеларти окружают Шип с трех сторон, купая ее в свете своих факелов, переступая через своих мертвецов, их следы багровеют на известняке. Много и даже больше. Между колоннами мелькнула человеческая волна, десятки спешили к ней с флангов. Первые из них теперь медлят, следя за блеском ее клинка, за режущей кромкой, которую вырвал из темноты свет факелов.

Шип стоит свирепо и неподвижно, но она идет по Пути и с каждым шагом собирает в себе грубую и фундаментальную силу, которая разделяет и соединяет творение. Она неподвижна, но энергия, которая накапливается внутри, сотрясает ее, заставляя дрожать воздух и танцевать свет.

Пеларти наблюдают за ней — высокие и низкие, жилистые и сильные, носители топора и меча, копия и лука. Женщины с раскрашенными лицами, оскаленными губами, жаждущие насилия, с растрепанными или заплетенными в косы волосами, некоторые забрызганы кровью друзей. Мужчины с мрачными глазами, сжимают перед собой заостренное железо, скрежещут челюстями, мускулы подергиваются под цепями и кожами, ожидая момента.

Они ждут, что она побежит. Они знают, что она побежит. И она бежит. На них.

Есть радость в разрушении, и когда Шип поднимает голову, чтобы посмотреть на руины вокруг нее, среди алых капель ее пота появляется белая улыбка. Это не ее кровь, по крайней мере, не вся. Скорость хунска, абсолютное владение меч-искусством — священным знанием ордена сестер — и направленная сила Пути объединились в одной молодой женщине, чтобы совершить бойню, которую никогда не видели на Скале Веры. Она стоит, тяжело дыша, оба клинка багровые от кончика до рукояти, достаточно усталая, чтобы упасть, но около сотни

наемников лежат мертвыми вокруг нее. Кое-где их *груды*.

Шип выпрямляется, рыча от боли в сломанных ребрах. Она порезана, щека вскрыта, колотая рана высоко на бедре. Ее скорость уменьшилась: Путь сбросил ее и лежит теперь вне пределов досягаемости, но ее враг познал ужас и не приблизится. Оставшиеся наблюдают за ней из-за колонн. Шакалы, преследующие раненого льва, слишком робкие для нападения, слишком голодные, чтобы бежать.

Копье попадает ей между лопаток. Она должна была услышать, как его бросили, почувствовать его приближение, знать, что оно приближается. Но оно пришло слишком быстро — хунска-быстро. Черн-кожа становится твердой, как железо, собираясь вокруг наконечника копья, вонзившегося на полдюйма в ее плоть, но останавливает снаряд, отрицающий ее жизнь. Падая, она оборачивается и растягивается среди запекшейся крови.

Кто-то выходит из рядов пеларти. Женщина.

— С-сестра? — Зрение Шип затуманилось от крови, пота и усталости. Эта женщина — не пеларти, но она держит второе копьё. Шип моргает и в этот момент узнает ту, которая когда-то была ее сестрой.

Очень важно, убивая монахиню, убедиться в том, что вы привели с собой армию, состоящую из умелых воинов.

Темноволосая женщина поднимает копьё.

— Не надо! — Шип поднимает руку, не прося пощады, а протестуя. Это неправильно. — Не делай этого, К...

Копье брошено.

— Добро пожаловать в Серый Класс. — Сестра Кремень встала из-за стола, чтобы взять свиток с успехами Ноны, на котором стояли печати пяти учительниц в знак признания ее удовлетворительных результатов в Мече, Духе, Академии, Тени и Пути. — Ты будешь сидеть рядом с Алатой, вот здесь. — Классная руководительница проводила Нону от двери до ее места. Благодаря тому, что Сестра Кремень была значительно выше шести футов ростом, но не больше одного фута в ширину, ей удалось заставить Нону чувствовать себя в двенадцать лет меньше, чем тогда, когда она впервые вошла в Красный Класс, не достигнув своего десятого дня рождения.

Клера, Ара, Гесса и Кетти ухмыльнулись ей из-за своих столов, в то время как остальные восемь послушниц одарили ее каменными взглядами, предназначенными для любого нового мяса. Клера была первой из них, кто поднялся навверх, и никто не забывал об этом. Дольше всего Нону удерживала Академия, хотя она любила и этот предмет, и Сестру Правило. Нона даже освоила ненавистные святые дни, церемонии и катехизис под неумолимым оком Сестры Колесо раньше, чем сдала последние экзамены Академии. Ее так долго побеждало письмо, а не чтение — борьба мыслей с извивающимися белыми каракулями линий на грифельной доске.

Сестра Кремень вернулась к своему столу, но не села.

— Серый Класс собирается здесь утром каждого первого дня для общего инструктажа. Я также предоставляю индивидуальное обучение по предметам, с которыми у вас могут возникнуть трудности. — Сестра замолчала и посмотрела в окно. Серый Класс собрался в комнате в задней части Зала Меча, откуда открывался вид на провал Стеклянная Вода и сельскохозяйственные угодья к северу от Истины, лежавшие за сужающимся краем плато. Сейчас скала лежала, забрызганная солнцем, и лишь мимолетная тень мелькала там и сям, когда ветер гнал с неба тучу. — Сегодня, однако, мы закончим на четверть часа раньше. Я оставлю вас познакомиться с новыми одноклассницами и посплетничать со старыми. — Сестра Кремень захлопнула тяжелую книгу, лежавшую на столе, дав кожаному переплету с треском упасть. Она больше ничего не сказала и вышла из комнаты, возможно, желая поймать момент слишком редкого солнечного света.

Когда за монахиней закрылась дверь, послышался скрип стульев и разговор. Клера первой подошла к Ноне, проталкиваясь сквозь толпу более старших девочек. Самой старшей из послушниц было около четырнадцати, и некоторые выглядели старше своих лет.

— Спасибо Предку, Нона! Ты спасла нас. Кремень рассказывала о том, как у девочек идет кровь. Это было отвратительно. Она просто не хотела останавливаться, не рассказав все детали. Я решила, что обойдусь без них.

Ара обошла двух старших послушниц и села на стол Ноны.

— У меня началось после последнего лед-ветра. Все не так уж плохо. Колики — это...

— Может, ты просто *прекратишь*? — Клера скорчила гримасу. — В любом случае, я в безопасности. Кремень сказала, что они приходят позже, если ты худая. — Она посмотрела на изгибы Ары.

Кетти, еще более высокая и стройная, чем Клера, удивленно приподняла бровь:

— Она так сказала?

— Если бы это было правдой, то у Кремень бы крови никогда не было, — сказала Ара,

поднимая глаза к потолку. Она терпела Клеру примерно в той же степени, в какой та терпела ее, но ногти никогда не были полностью убраны, когда они разговаривали.

— Возможно, именно поэтому она так любит об этом говорить. — Клера отмахнулась от этой темы. — *Так или иначе*, маленькая Нона... в Сером Классе! Это будет здорово. Джула и Рули скоро придут. Я знаю, что так и будет. Рули просто должна получить свою печать от госпожи Меч...

Нона открыла было рот, чтобы сказать, что Джуле просто нужна печать Тени, а экзамен назначен на следующий четвертый день, но тут на нее упала тень, и слова остались там, где были. К ней потянулась рука размером с обеденную тарелку. Она схватила один большой вытянутый палец, в то время как остальные вцепились ей в плечо, и с болезненно подняли со стула.

— Меня зовут Дарла. — Послушница подняла ее с земли, держа так крепко, что Ноне показалось, будто пальцы, впившиеся в нее, пробили кожу насквозь.

— Нона, — выдохнула она. Девочка выглядела большой, когда сторбилась над столом. В трапезной она была выше большинства послушниц Священного Класса, да и монахинь тоже. Но вблизи она казалась огромной.

— Ты и есть Щит, а? — У Дарлы было грубое лицо, которое выглядело так, словно им долго мыли полы. Ее голова была выбрита, возможно, неделю назад, бледный шрам шел от левой брови назад через лоб и скальп, видимый среди крупной коричневой щетины. Она пронесла Нону, одной рукой, через класс и прижала к стене. — Не смотри на меня так пристально.

— Ты же видела ее на испытании! — Ара, громко и сердито.

— Отпусти ее! — Кетти потянулась к руке Дарлы.

Дарла хмыкнула, усиливая давление на плечо Ноны, пока сустав не хрустнул.

— Чтобы победить, скорость не нужна. Плевать, что говорит Сало. — Свободной рукой она ткнула Нону в живот, да так сильно, что та задергалась. — Что ты теперь будешь делать, быстрая девочка?

Еще одна из старших послушниц оторвала руку Кетти от руки Дарлы и отправила Клеру пятится назад, ударив ее бедром.

— Первый урок, который ты получаешь в Сером Классе, — не все крутится вокруг маленьких крыс-хунска. По крайней мере, пока я в нем. — Дарла снова ткнула Нону в живот. — И это не тот урок, который пишут чернилами! Я оставлю тебе несколько синяков, чтобы ты могла поучить его снова сегодня вечером. Все твои друзья получили свои в первый же день. Окромя принцессы. Ее я пощадила. — Она отвела назад кулак.

Нона встретилась взглядом с плоскими карими глазами девочки. Хватка на ее плече была железной. Ее ноги, болтающиеся над полом, могли бы просто коснуться живота Дарлы, если бы она проигнорировала боль и попыталась дотянуться до него — но она могла бы с таким же успехом пнуть ствол дерева.

— Нечего сказать? — Дарла усмехнулась. Уродливо.

Нона разжала губы и улыбнулась в ответ, преодолевая боль. Она потянулась, чтобы схватить другой рукой единственный палец, который ей удалось удержать, когда Дарла схватила ее. И дернула изо всех сил.

Крик Дарлы, треск костей и удар мясистого кулака в лицо Ноны — все слилось в один звук. Затем последовало падение на пол, крики, поток пинков, снова крики. Ошеломленная и полуослепшая от боли, Нона попыталась изогнуться, чтобы минимизировать удары,

складываясь вокруг самых тяжелых пинков. Выкованная в крепкую полосу мышц, хрящей и костей более чем за два года тренировок в меч-кулаке, Нона знала, как принять наказание. Наконец нога ударила ее так сильно, что подняла с пола, шлепнув спиной об основание стены. Хотя у Ноны перехватило дыхание, она ухитрилась изогнуться, уходя от следующего удара, и позволить Дарле пнуть стену. Послушница взвыла. Она отпрыгнула в сторону, разбрасывая парты, выкрикивая проклятия и хватаясь за ногу. Остальные послушницы бросились с ее непредсказуемого пути, оставив Дарлу лицом к лицу с Сестрой Сало, стоявшей в дверях.

— Дарла. Ты, кажется, сломала палец, — бесстрастно сказала Сестра Сало.

Дарла посмотрела на свою руку, палец торчал под пугающим углом. Она побледнела, почти позеленела и выпрямилась, опустив ногу, только чтобы поморщиться и прохныкать еще одно проклятие.

— И несколько пальцев на ногах. — Сестра Сала нахмурилась. — Иди в санаторий. Мы поговорим об этом позже.

Дарла заковыляла прочь, шипя при каждом втором шаге. Клера и Ара помогли Ноне подняться, и, хотя каждая частичка ее тела хотела остаться на полу, свернувшись вокруг боли в ребрах и животе, она позволила им поднять себя на ноги. Гесса стояла рядом, опираясь на костыль, выглядя обеспокоенной, но в то же время озадаченной.

— И Нона тоже — похоже, тебе пришлось несладко. — Сестра Сало махнула рукой в сторону двери.

Нона, поморщившись, выпрямилась и стряхнула с себя руки.

— Я прекрасно себя чувствую, госпожа. — Она сплюнула на пол багровое месиво и показала Госпоже Меч свирепую кровавую ухмылку. — Я ждала два года, чтобы вы показали мне меч-искусство. Теперь я готова.

Сестра Сало долгое мгновение молча смотрела на Нону, прищурив глаза.

— Серый Класс, в зал. Посмотрим, насколько ты готова, послушница. — Короткий кивок, и она вышла из комнаты.

— Что? Ты должна пойти к сестре Розе, Нона! — Ара вытерла рот Ноны рукавом своей рясы, на котором остались кровавые пятна.

— Почему ты не сбила ее с ног? — спросила Клера негромко, ее голос почти потерялся в шуме.

Нона хрустнула шеей и шагнула вперед, борясь с желанием схватиться за бок.

— Как бы я это сделала? Она же великанша!

Клера бросила на нее прищуренный взгляд, удивительно похожий на взгляд Сестры Сало. Нона пожалала плечами. Ее захватили врасплох и крепко держали, скорость не могла ей помочь. Ей пришлось бы резать Дарлу, чтобы освободиться без травм. Она снова сглотнула кровь.

— Тебе надо было ее поколотить. — Клера скривила губу, возможно, представляя, как ее саму пытаются избить.

— Даже если бы я могла, не стоит заводить врага из-за такой мелочи.

— *Мелочи?*

— Она хотела, чтобы я знала — она босс. Если ты собираешься позволить кому-то командовать тобой, ты должна, по крайней мере, получить что-то стоящее взамен. Этому нас научила госпожа Меч.

— Она это сделала? — Клера выглядела удивленной. Послушницы вокруг них собирали

свои вещи и направлялись в раздевалку. — На самом деле?

Ара прошла мимо стола Ноны с сумкой для занятий.

— *На самом деле.* Я думаю, ты отключаешь уши, когда Сестра Сало кладет меч и начинает говорить о теории.

— Я получила несколько пинков, а взамен мне не нужно прикрывать спину или беспокоиться о том, что Дарла отравит мою еду, — сказала Нона. — Для нее очень важно, чтобы ее боялись. Зачем лишать ее этого маленького удовольствия?

— Зачем же тогда ломать ей палец? — спросила Клера, и на ее лбу появились глубокие морщины.

— Она запомнит, что побила меня, и не будет держать на меня зла. Она запомнит, как ей было больно, и убедит себя, что больше этого делать не нужно.

— А пальцы ног?

— Мне надоело, что меня пинают. — И Нона, прихрамывая, вышла из двери.

Гесса ковыляла рядом с Ноной, на этот раз легко держа темп.

— Неужели все это правда?

Нона, поморщившись, посмотрела в ее сторону.

— Да.

— Все-все?

— Не все, — созналась Нона. Это было далеко не все, и, как обычно, Гесса знала. — Она причинила тебе боль. Мне хотелось переломать ей кости.

— Она бьет каждую новую послушницу. — Гесса повернулась к выходу: она проведет урок меча, занимаясь другими предметами.

— Да, но твою боль я почувствовала. — Однажды Гесса поделилась с Ноной воспоминаниями о своем последнем дне с Гилджоном, и каким-то образом ее неопытность привела к созданию более прочной связи. Примерно раз в месяц им снился один и тот же кошмар. Никогда хороший сон, всегда что-то травмирующее. И в моменты настоящей паники или боли, мысли Гессы достигали и переполняли Нону. Это происходило и в другом направлении, хотя и в меньшей степени. Когда Нону ранили стрелой, Гесса потеряла сознание не только от шока. Боль отозвалась эхом и в ней самой. Когда Дарла повалила Гессу на пол и приставила ногу к ее лицу, Нона в тот же самый момент оказалась в ее коже — смесь мыслей и чувств запузрырилась перед ней в классе Тени, мгновенно забытом и невидимом, — почувствовала вес ботинка Дарлы, боль в бедре Гессы и унижение от многих глаз, наблюдающих, как она извивается. Она знала все это и не могла действовать. — Я не собираюсь терпеть побои второй раз и не кусать в ответ.

Гесса застенчиво улыбнулась.

— Ну, ты ее укусила. — И с этими словами она ушла по коридору, высохшая нога качалась, оставляя пунктирную линию вдоль каждого из своих одиноких следов.

На песке их ждала Сестра Сало, держа в руке обнаженный клинок, длинный тонкий меч, любимый сестрами, полосу Ковчег-стали, с легким изгибом и кромкой, способной отделить правду от лжи. Нона трусцой побежала за остальными, чувствуя себя неуютно в отведенной ей меч-одежде — тяжелой тунике из мягкой кожи, выгоревшей до бледно-бежевого цвета. Длинные рукава перекрывали неуклюжие боевые рукавицы, предназначенные для того, чтобы свести к минимуму вероятность того, что послушницы выпотрошат друг друга. Нона подошла и встала рядом с Клерой и Кетти.

Сестра Сало всегда отличалась какой-то неподвижностью. На уроках меч-кулака Нона

часто начинала и заканчивала схватку только для того, чтобы найти монахиню в той же самой позе, наблюдающей, словно ее плоть была неодушевленной, и она была вырезана из нее, а не выращена. Но сегодня она расхаживала взад и вперед, поглядывая на окна. Длинными, быстрыми шагами, нетерпеливыми и крутящимися, она шла, поворачивалась и опять шла.

Прежде чем послушницы собрались и выстроились в шеренгу, главные двери открылись, и Сестра Колесо проскользнула внутрь, конус ее головного убора заскрежетал по дереву. Она стояла у дверей и, казалось, пристально смотрела на всех в зале.

— Некоторые из вас видели его раньше, большинство — нет. — Сестра Сало подняла меч, когда они поспешили занять свои позиции. — Вы не получите его, пока не закончите этот класс — и все остальные Серые классы — и не придете ко мне снова в Мистическом Классе. Но если вы станете боевыми сестрами, то именно с помощью такого оружия вам, возможно, придется направлять волю Предка. Молитесь, чтобы вам никогда не пришлось использовать его, но знайте, что было очень мало сестер, которые выбрали красный и сохранили свой клинок незапятнанным.

— Запятнали? — Клера попыталась проглотить вопрос, но он все равно вырвался.

— Кровь — это всегда неудача. — Взгляд сестры Сало метнулся к Ноне. — Часто это неудача сестры, которая держит меч. Иногда тех, кто посылает ее участвовать в конфликте. А иногда неудача лежит в прошлом, в руках того, кто упустил возможность для мира, кто видел шанс предотвратить отдаленное насилие и не воспользовался им... или вообще не сумел увидеть шанс. — Она вернула меч в ножны на бедре. — В Красном Классе — два года для большинства из вас — я научила вас рукопашному бою. Одна из причин, по которой я сделала вас опасными без всякого оружия — и буду продолжать эти тренировки, — заключается в том, что у вас должна быть альтернатива этому. — Она хлопнула себя по бедру. — Вас могут призвать насаждать авторитет и волю церкви. Будет лучше, если вы сделаете это таким образом, который разрешит преступнику увидеть свои заблуждения, а не содержимое своего тела. Меч — это окончательное решение. — Сестра Сало оглядела их ряды, словно рассматривая фрукты на рынке и не находя ничего подходящего по ее меркам. — Сегодня ножи — тренировочные клинки. Вооружайтесь сами. Бегите, но помните, где ваш клинок и что он рассечет, если вы упадете.

Послушницы бросились бежать, песок рассыпался под босыми ногами. Нона замыкала шествие, прихрамывая, чтобы пощадить нежную плоть, уже превратившуюся в синяк. Дарла была уроком сама по себе. Застигни гиганта врасплох, и ты можешь одним ударом свалить Раймела Таксиса. Позволь гиганту застать врасплох *тебя*, и твои возможности могут сойти на нет.

Когда она повернула туда, где коридор разделялся, — раздевалка налево, склад направо, — Нона заметила фигуру в темном коридоре, который продолжался до комнаты мечей. Она выглядела очень похожей на Чайник, но в ее суровом взгляде не было и намека на юмор монахини.

— Она тебе голову побреет! — Клера выбежала из склада с длинным ножом в руке, когда Нона подошла к двери.

К тому времени, когда Нона пробилась сквозь толпу послушниц, толпившихся у дверей с кинжалами в руках, комната уже опустела. Было неясно, откуда девочки взяли свои ножи: в дальнем конце комнаты на полках выстроились ошеломляющие ряды оружия, рукоятки которого ожидали, когда их возьмут. Нона прошла мимо стеллажей. Мечи разной длины и

веса, топоры с длинными рукоятями, ледорубы, кривые кинжалы, метательные ножи, стилеты, смертоносные шипы... Она поспешила в самый дальний угол, опустилась на колени и протянула руку под самую нижнюю полку. Иногда в таких местах прятались зобпауки, но у нее не было времени на осторожность. Ее пальцы нащупали только пустоту, и на мгновение ей показалось, что его кто-то нашел. Она прижала щеку к краю полки, еще раз вытянула руку и нащупала рукоять. Рывок высвободил его.

Нона побежала назад с ножом в руке, тем самым, который Ара воткнула ей в подушку в свою первую ночь. Еще до того, как они стали... почти... подругами. Нож стоял между ними уже два года, между Избранной и ее Щитом, они никогда не говорили о нем, никогда не упоминали, и от этого он становился еще острее. Она бежала по темному коридору так быстро, как только позволяли ее раны, преследуемая призраками той далекой ночи, их шаги следовали за ней по пятам.

Остальные выстроились в ряд и были готовы, Сестра Сало наблюдала за туннелем, когда Нона выбежала из него и, поморщившись, остановилась.

— Я повторяю этот урок для каждой послушницы, которая присоединится к Серому Классу. Прежде чем вы уйдете, вы услышите его дюжину раз, и все же этого будет недостаточно. — Сестра Сало жестом пригласила Нону занять свое место в конце группы.

— Да, Госпожа Меч. — Нона присоединилась к хору.

— Это. — Сестра Сало подняла собственный нож. — Это великий уравниватель. Голыми руками трудно вывести противника из строя — еще труднее убить его. Несмотря на все, чему я вас научила, без оружия вас может победить значительно менее искусный противник, если он весит вдвое больше вас, покрыт мускулами и в четыре раза сильнее вас. Я говорю здесь об обычном городском гвардейце. Не переоценивайте, как много будет стоить ваша подготовка в неравном соревновании. В таких обстоятельствах вас может спасти только ваша готовность быстро перейти к самой жестокой тактике. Глаза, пах, горло.

Сестра Колесо отошла от двери, медленно, неуклюже продвигаясь вдоль дальней стены, поглядывая на послушниц, окна и двери. Сестра Сала продолжала, как будто той здесь и не было:

— Острая кромка, однако, лишает противника многих преимуществ в силе и размерах. Ни один мускул, каким бы твердым или толстым он ни был, не остановит удар меча. Острая кромка, ударившая по шее, положит конец любому состязанию, и быстро. Острая кромка, ударившая по руке или ноге, раскроет ее до кости с тяжелой и калечащей травмой. Не сомневайтесь, что даже легкий порез может разрушить конечность. Кожа, мышцы, кровеносные сосуды, нервы — все поддается стали с пугающей легкостью.

Нона, ты найдешь время навестить Сестру Скала на кухне и сопровождать ее, когда она в следующий раз будет резать свинью. После этого ты сделаешь разрез и продолжишь резать теплую тушу дальше, чтобы увидеть, как легко плоть раскрывается перед отточенным ножом и что лежит внутри.

Сестра Кремень появилась из тени коридора под трибуной, оглядывая зал, как будто ища что-то, хотя Нона не могла догадаться, что могло скрываться среди стропил. Остальные послушницы заметили Сестер Кремень и Колесо и обменялись взглядами.

— Разбейтесь на пары. Нанесите краску на ваши ножи и начинайте спарринг — альфа через дельту, разрезы только.

Клера и Ара шагнули к Ноне, но Сестра Сало избавила ее от необходимости выбирать между ними.

— Нона, ты будешь со мной.

— Да, сестра. — Это было к лучшему, она понятия не имела, что такое альфа-порез, и еще меньше о том, как проводить спарринг с Клерой, не расстроив Ару. С тех пор как Клера присоединилась к Серому Классу, полгода назад, жизнь в этом отношении была легче.

Послушницы столпились вокруг подставки с сажей, каждая торопливо вытирала нож об узлы с тряпками, нанося сажу на тупые края и закругленное острие. Любой контакт оставит линию или точку на бледной коже боевой одежды.

Ара вытащила свой клинок из тряпья, измазанного черной сажей, и улыбнулась Ноне, делая преувеличенно медленный выпад в ее сторону. Нона обнаружила, что не может повторить улыбку, вспомнив, что нож в ее руке когда-то был смертельной угрозой. Тем не менее, она подняла нож в ответ на выпад Ары. В это мгновение что-то взорвалось у основания стены, где раньше не было ничего, кроме теней. Фигура, двигавшаяся с захватывающей дух быстротой, пожрала скудные ярды между ними, прежде чем Нона полностью повернула голову, чтобы увидеть. Земля подскочила, и Нона обнаружила, что ее избитое тело прижато к ней, а нападавший навалился сверху, удерживая ее за оба запястья. Она попыталась заговорить, но от удара у нее перехватило дыхание.

— Нона? — Расплывчатая фигура, сидевшая на ней верхом, наклонилась ближе.

Ноне удалось втянуть в себя воздух из-за ушибленных ребер. Она моргнула, прочищая зрение.

— Чайник?

— Сестра Чайник? — Сестра Сало появилась над плечом сестры Чайник и нагнулась к ней.

Чайник позволила Сестре Сало поднять ее на ноги, потянув за собой Нону и крепко держа ее за руку с ножом.

— Что ты делаешь, сестра? — спросила Сестра Сало. Сестра Кремень нависла над всеми ними, а Сестра Колесо использовала острые локти, чтобы пробиться сквозь толпу послушниц.

Чайник ничего не сказала, только подняла руку Ноны с зажатым в ней ножом.

— Интересное у тебя оружие, послушница. — Сестра Сало приподняла одну бровь в той манере, которую Нона безуспешно пыталась воспроизвести в течение двух лет.

— Ассасин! — прошипела Сестра Колесо. — Эта девочка в сговоре с ними?

— Не говорите глупостей, Колесо. — Сестра Сало отмахнулась от этой идеи. — Арабелла и Нона делили комнату в дормитории больше года, и сегодня вечером они снова начнут это делать.

— Нити привели нас сюда! — Сестра Колесо возмущенно посмотрела на Сало, уперев руки в бока. — Не только меня. И Кремень с Чайник!

Сестра Сало жестом велела Чайник отойти, не сводя глаз с Ноны.

— Откуда у тебя этот интересный нож, послушница?

— Я... — в спешке, думая о Дарле или, по крайней мере, о различных ранах, которые девочка оставила ей, Нона была слишком рассеянна, чтобы заметить, что лезвие в ее руке мало походило на те, что держали другие послушницы, будучи меньше и острым, как бритва, с тонким, как игла, концом.

— Покажи мне рукоять.

Нона раскрыла ладонь, обнажив тонкую рукоять, обмотанную узкой полоской кожи и заканчивающуюся железным шаром.

Послушницы вокруг них хранили мертвое молчание, опасаясь быть замеченными и отосланными прочь. Сестра Колесо все равно их заметила:

— Класс свободен! Идите и молитесь. Молитесь, чтобы у вас не было таких неприятностей! Вперед!

— Попрактикуйтесь на меч-пути. Но сначала верните свои тренировочные ножи на склад, — поправила ее Сестра Сало. Девочки неохотно начали отступать в туннель. — Послушница Арабелла, останься.

Ара прибежала обратно. Сестра Сало жестом велела ей отойти в сторону.

— Это метательный нож. — Сестра Сало снова обратила внимание на оружие. Она протянула руку, и Нона его отдала. Старая монахиня поднесла нож к свету. — Ной-гуин берут свои клинки у тех, кого убивают. Так что нет никакого предательского клейма или стилия, чтобы идентифицировать их работу. — Она вернула нож, ее пальцы оставили чистую сталь там, где они стерли черную сажу с лезвия. — Но я уже видела близнеца этого ножа. И третий, такой же. В поясе женщины, которую я сняла со стены твоего dormитория на вторую ночь, проведенную тобой в монастыре.

— Ной-гуин! — Нона посмотрела на нож в своей руке. У нее было мало времени, чтобы осмотреть его между тем, как она вытащила его из своей кровати и тем, как спрятала на складе на следующий день. Это было больше двух лет назад. Она не знала точно, почему спрятала его под полкой — он имел для нее значение, смешать его с другими ножами и потерять казалось неправильным. Поэтому она воткнула его в подставку под самой нижней полкой. Таким образом, она подчинилась настоятельнице, вернув его, но оставила себе. — Что здесь понадобилось ной-гуин?

— Я начала разговор с ней. — Сестра Сало, вспоминая, сузила глаза. — Но второй ассасин из ее ордена прервал нас. К тому времени, как я справилась с помехой, первая уже сбежала... а второй... ну, он был не в состоянии отвечать на вопросы. Поэтому я снова спрашиваю тебя — где ты его взяла?

— Он был на складе...

Сестра Сало подняла бровь:

— Я регулярно провожу инвентаризацию оружейных складов. Послушницы Святого Класса ежедневно чистят и поддерживают все клинки. Я не видела этого оружия или чего-то подобного уже два года.

— Он был на складе. — Нона стиснула зубы.

Прищуренные глаза Сестры Сало превратились в буравчики. Она втянула воздух, собираясь произнести что-то грубое, но Сестра Чайник заговорила первой:

— Ты знаешь, как он туда попал, Нона?

— Настоятельница велела мне положить его туда. — Нона знала, чего они хотят, но что-то глубоко внутри нее всегда заставляло ее хранить каждую тайну, которую она знала. Она обнаружила, что ей не легче говорить правду, чем лгать.

— Когда она приказала тебе? — спросила Чайник.

— На вторую ночь в монастыре.

— А где ты впервые взяла нож?

— В моей кровати. — Нона нахмурилась. — Я села ночью, а когда оглянулась на то место, где лежала, нож был там, он торчал из одеяла, как будто его туда вонзили.

— Или бросили. — Сестра Сало взглянула на сестру Колесо. — Мы считали, что ассасины приходили за Арабеллой, но, похоже, их целью была Нона. Ной-гуин далеко не

дешевы, но, возможно, Туран Таксис счел их цену более разумной, чем цену судьи верховного суда, чье прибытие последовало за их неудачей. Предок знает, какие средства Таксис вложил в визит нашего собственного первосвященника и архонтов после этого...

Сестра Колесо бросила кислый взгляд на Нону, а затем слабо улыбнулась Арабелле:

— Нашим приоритетом должна быть Избранная, сестра императора ясно выразила свой интерес. Щит должен быть в состоянии позаботиться о себе, иначе какой от него прок?

Сестра Сало издала слабый звук, который мог бы быть всего лишь многострадальным вздохом, вырвавшимся несмотря на все ее усилия.

— Шерзал, конечно, не известна тем, что проговаривается о своих намерениях... Но эти титулы бесполезны. Избранная? Сама настоятельница открыла нам правду, сестра.

Сестра Колесо подошла к Арабелле сзади и положила костлявые руки ей на плечи.

— Это называется «вера», а не «разум», сестра. Аргата приходит к нам из историй, и даже если истории об этих историях отличаются, все они сходятся в том, что они пришли из святых уст. Монахини? Священника? Для этой цели, или с этой целью. — Она подняла руку, словно отгоняя дым. — Эта история существует. Она родилась в церкви, и многие верят в нее. Я верю в нее. Этого достаточно.

Сестра Сало снова посмотрела на Нону своими темными глазами:

— А нож в твоей постели выглядел так, будто его могли туда бросить?

Нона зажмурилась, вспоминая тот образ, который столько раз прокручивала в голове. Она представляла себе нож, вонзенный туда, руку Арабеллы Йотсис на рукояти... но угол...

— Окно! Его могли бросить оттуда — в ту ночь оно было открыто.

— Какая может быть честная причина для того, чтобы держать такие вещи в секрете? —

Сестра Колесо отодвинула Ару и придвинулась ближе, наклонившись, чтобы быть на одном уровне с Ноной, водянистые глаза изучали лицо, как будто там можно было обнаружить ложь.

— Она не держала это в секрете, — сказала Сестра Сало. — Настоятельница знала: она велела Ноне положить клинок на склад... Однако ее молчание по этому поводу очень странно.

— Настоятельница сказала нам: Туран Таксис поклялся самому императору, что все кончено! — Ара заговорила сбоку, возможно, чтобы остановить Сало, размышляющей над историей Ноны. Она одарила всех ослепительной улыбкой. — Мой отец видел, как он сказал это при всем дворе. Почему мы все еще должны беспокоиться об ассасинах?

Сало и Колесо переглянулись. Ответила Сестра Сало:

— Стоит быть осторожным, послушница. Ной-гуин не любят проигрывать, и они терпеливы. Кроме того, Туран Таксис поклялся, что Нона в безопасности от него, и его враги могут быть заинтересованы в том, чтобы ей причинить ей вред, думая навлечь гнев императора на дом Таксис. И вот этот нож...

— Как вы все здесь очутились? — спросила Нона, не желая, чтобы разговор вернулся к ее молчанию по поводу ножа и выявил сильные подозрения, которые она питала относительно роли Ары. — И... — она повернулась и посмотрела на Чайник. — Как ты... ты просто появилась из ниоткуда!

— Я — Сестра Благоразумия. — Чайник едва заметно улыбнулась, показывая свои белые зубы. — Ты видишь меня только тогда, когда я этого хочу.

— Нити привели нас сюда, Нона. — Сестра Кремень, глядящая вниз со своих могильных высот. — Госпожа Путь довольно скоро научит тебя нитям, теперь ты в Сером Класе.

Сестра Сало поручила Аре обучить Нону основам работы с ножом. Все остальные послушницы занимались на меч-пути, так что они вдвоем полностью завладели вниманием Госпожи Меч, что всегда было неудобно. Они кружили, работая в тишине, прерываемой резким дыханием и отдаленными воплями девушек, падающих с меч-пути.

— Нет. — Сестра Сало взяла Нону за запястье и плечо, переместив ее руку в блок, который только что показала.

После тридцати повторений того же блока и того же удара Нона попробовала другую вариацию.

— Нет. — Сестра Сало снова поправила руку Ноны. — Этому должны научиться мышцы, а не разум. Должны быть образцы, на которые твое тело может опираться, когда нет времени для размышлений. Как только они укладываются в тебя, можно начать импровизировать.

Нона снова вошла в ритм: круг, удар, блок, круг. Судя по частоте отдаленных криков, даже для наиболее тренированных послушниц меч-путь был особенно трудным в тяжелых боевых туниках. Из девушек, которые тренировались на пути в свободное время, большинство были хунска, пол-кровки и праймы. Хотя, учитывая, что просто добраться до конца меч-пути оказалось серьезной задачей, скорость действительно не была обязательным требованием. Нона решила, что тех, кто сейчас в боевой одежде, сильнее всего привлекает соревнование; хотя в последнее время прилежная Джула продемонстрировала довольно большой талант к этому, завершая весь путь, хотя и мучительно медленно, — подвиг, который из недавних выпускников Красного Класа смогла совершить только Клера, прежде чем ее подняли в Серый.

Мгновенная потеря концентрации — и Ара прочертила черную линию на бледной коже одежды Ноны.

— Опять! — рявкнула Сестра Сало.

Круг, удар, блок, круг, удар. Блок.

— Когда вы колете, вы можете смертельно ранить своего противника, но чтобы вонзить свой клинок, вы должны подойти ближе, чем для того, чтобы порезать им. Когда вы колете и находите плоть, клинок может застрять в костях извивающегося противника. Необходимость подойти ближе и опасность застрявшего клинка открывают вас для возмездия. Практически невозможно нанести удар, который был бы настолько быстр и смертелен, что мог бы предотвратить ответный удар.

Круг. Удар, блок. Круг, удар. Блок.

— Даже пара дюймов хорошо отточенного ножа могут разрезать ткань, кожу и мышцы под ней. Бои на ножах — это война на истощение. Сочетание потери крови и потери подвижности из-за различных ран в конечном итоге собьет вашего врага с ног, что позволит нанести *coup de grâce*^[4].

Клинок Ноны скользнул мимо блока Ары и прочертил черную линию поперек ее живота. Ее тут же захлестнула волна вины. Она провела два года, думая, что ее подруга могла ударить ее ножом во сне или, по крайней мере, угрожала это сделать.

— Конечно, против неподготовленных противников бой часто может завершиться в считанные мгновения. Рекомендуется удар в горло и быстрое продвижение к следующей

цели, хотя удар в сердце, глаз или под челюсть также возможны, если вы контролируете клинок противника.

Круг-удар-блок. Круг-удар-блок.

— Брейк! Вы можете присоединиться к остальным на десять минут до следующего колокола.

Нона выпрямилась, смаргивая пот с глаз. Время ускользнуло от нее, но волдыри на ее руке с ножом и круг пола, освобожденный от песка, сохранили более точную меру времени, чем ее разум.

— Да, Госпожа Меч. — Ара кивнула и поспешила в раздевалку.

Нона откинула мокрые волосы со лба, снова моргнула и бросилась в погоню.

— Это здорово, что тебя подняли в Серый. — Ара закончила с последней завязкой и одним плавным движением сняла с себя меч-одежду. — Я уже начала волноваться, что мы не будем учиться вместе.

— На это у нас было еще три месяца. — Нона влезла в свою меч-одежду и провела руками по волосам — короткая густая копна. Она хотела вырастить их длинными, но они становились дикими, если она позволяла им вырасти длиннее пяди руки, и никакая щетка не могла их укротить. Когда они становились длинными, Сестра Колесо переставала называть ее крестьянкой и вместо этого называла шлюхой — что почти стоило того, но не совсем.

— Я надеюсь, что и другие тоже успеют до этого. — Ара надела носки и обувь, собираясь уходить.

— Нам нужны хотя бы Рули и Джула, — кивнула Нона. Серый Класс каждый год отправлялся в поход, далекое путешествие по открытой местности. Это была важная часть годовых занятий. Без всяких припасов им приходилось жить за счет земли и проходить несколько монастырских испытаний на своем пути. Во время предыдущего похода были ранены две девочки, одна из которых не смогла достичь цели за отведенное время. Настоятельница не стала выгонять послушницу за неудачу — хотя ее предшественница так бы и сделала, — но было ясно, что никто из тех, кто провалил поход, никогда не наденет серое или красное. — Это будет первый раз, когда я сойду с этой скалы... с тех пор, как пришла сюда.

— Побежали! — Ара потянула Нону за руку, вытряхивая ее из размышлений о том, что она так и не прошла обратно через колонны за пределами монастыря. — Давай наперегонки.

Нона и Ара босиком вскарабкались по ступенькам на платформу в зале меч-пути, Ара вырвалась вперед и чуть не сбила с ног девочку, стоящую на краю. Около половины послушниц уже отказались от тренировки в пользу ранней ванны, но у них все еще была некоторая конкуренция. Кетти сидела спиной к ним, свесив ноги в пространство, а две более старшие послушницы ждали своей очереди. Более высокой из них двоих, которую Ара чуть не сбросила в сеть, была Алата. Ее темные глаза неодобрительно сузились при появлении Ноны. У девочки были чернильно-черные волосы, так туго завитые, что они, казалось, плавали вокруг головы, темная кожа была покрыта еще более темными шрамами, их приподнятые бугорки выглядели так, как будто они произносили послание, смысл которого лежал за пределами понимания. Другой послушницей была Лини, рыжеволосая девочка с такой бледной кожей, что на голых ногах и руках проступали синие паутинки вен.

На самом пути Клера, все еще в меч-одежде, опасно покачивалась, пытаясь подняться по спирали.

— Следи за задней ногой! — крикнула Ара.

Клера дернулась, замахала руками в воздухе и упала с яростным криком, темные волосы заструились вверх, закрывая ее лицо. Ара повернулась к Ноне с виноватым видом и подняла руки:

— Ну, она ее неправильно поставила.

Нона ничего не сказала, хотя, честно говоря, Клера была в плохом положении.

Алата широким жестом указала на трубу:

— Посмотрим, что ты можешь, новенькая.

— Ты. — Бледная девочка указала на Нону. — Я хочу посмотреть, упадет ли Щит быстрее, чем все остальные.

Нона пожала плечами. Она и Клера были единственными признанными полн-кровками хунска в низших классах, хотя Ара, возможно, тоже, и она была очень быстрой для прайма. Полн-кровки всегда вызывали в равной мере ревность и благоговейный трепет, но действия Ноны на испытании довели эти чувства до крайности.

Потребовалось время, чтобы стряхнуть песок с ног и нанести смолу. Ара подарила ей маленький флакон с самой липкой смесью, какую Нона когда-либо видела. Сам флакон был серебряным, богато украшенным и обработанным — самая ценная вещь, к которой Нона прикасалась, и все же Ара дала его ей так, словно это была сердцевина яблока.

— Помни, не торопись, думай! — сказала Ара, когда Нона ступила на трубу, вытянув руки для равновесия. — Ты всегда слишком торопишься. — Ара впервые прошла путь меньше месяца назад, и ее энтузиазм давать советы еще не угас. Она сделала чуть больше четырехсот делений по сравнению с лучшими двумястами девяноста делениями Клеры, и с тех пор ей не удавалось улучшить время, хотя она еще дважды доходила до конца.

Нона двинулась вперед, вынужденная тянуть, чтобы освободить каждую ногу от сцепления, которое могло оказаться жизненно важным на более крутых участках. Она еще не достигла половины пути. Что-то никогда не казалось правильным, как будто вся изменчивая форма меч-пути была разработана только для того, чтобы бросить ее, Нону Грей, в сеть внизу, чтобы оскорбить лично ее. Каждый раз какая-то неуловимая часть головоломки ускользала от нее, какая-то горькая нота в песне, какая-то неправильность ботинка на ее ноге.

— У тебя все хорошо получается! — Ара с платформы, уже высоко над головой Ноны, которая закончила длинный медленный вираж начального спуска и приблизилась к резкому подъему первого витка спирали.

— Сеть хочет тебя видеть, мелочь. — Бледная послушница.

— Дарла тоже! — Алата.

Смех и улюлюканье донеслись снизу, где другие послушницы наблюдали за происходящим от входа.

Нона начала подниматься, убедившись, что ее задняя нога находится в лучшем положении, чем у Клеры. Она поднималась медленными шагами, тормозя, поправляя себя то тут, то там, пока совершала трудный переход с внутренней поверхности спирали на внешнюю. Конструкция тряслась и раскачивалась на опорных тросах. Она медленно вздохнула и пересекла вершину первой петли.

Щелчок. Маятник качнулся за середину, и колесо продвинулось еще на одно деление, отсчитывая время неторопливости Ноны. Прыжок на вершину следующей спирали соблазнял ее, но правила игры гласили, что нужно пройти весь меч-путь. Она начала спускаться, полагаясь на смолу, чтобы не поскользнуться. Щелчок.

В нескольких ярдах впереди тяжелая часть меч-пути стала поворачиваться на шарнире, реагируя на смещение веса Ноны по спирали. Каждая часть меч-пути приводила в движение какую-то другую часть: малейший шаг мог привести в движение какой-то участок, весь путь изгибался и перестраивался.

Нона погрузилась в этот момент, замедлив бег мира до ползания, смех послушниц прорывался сквозь регистры, пока не достиг глубокого рычания грязь-быка. Она потянулась за поддержкой, перемещая свой собственный вес, чтобы противостоять движению под ногами. Медленная охота за равновесием в промежутке между ударами сердца.

Каким-то образом все закончилось так, как это часто бывало: Нона поняла, что миновала точку невозврата, что теперь ее не спасет никакое погружение в мгновения, и позволила тяжести взять ее. Она упала беззвучно, только беззвучное рычание скользнуло по ее губам. Столкновение с сетью, отскок, рывок в сторону — все прошло не задерживаясь: она знала, что может пройти по меч-пути, знала это кровью и костями, и все же... и все же...

— Не повезло! — Клера обняла Нону за плечи. — Но ты движешься все лучше и лучше.

— Нет.

— Давай посмотрим, как упадет Ара. — Клера усмехнулась. — Или просто состаримся, глядя, как она заканчивает путь.

Послушница, почти такая же высокая, как Дарла, но наполовину уже, потянула рычаг на стене, поймав маятник в ловушку на конце размаха, и установила колесо обратно на ноль.

— Прикосновение к Пути — вторая по опасности вещь, которую может сделать человек. — Сестра Сквородка расхаживала по классу с энергией, совершенно не соответствующей ее древнему телу. — Эти игры, в которые вы играете с мечами и ножами, ядами и кислотами... вы думаете, это опасно? Девочки, вы даже не представляете, какую боль может причинить острый край Пути — одно неверное движение запястьем, и вы открыты миру: кровь, кости, нервы, кишки, все мягкое чудо тела пронзено насквозь. Если вы выживете, боль может длиться всю жизнь, потеря... если вы выживете. — Она подняла правую руку и посмотрела на обрубок, где должна была быть ее рука, наклонив голову, как будто все еще могла видеть отсутствующие пальцы,двигающиеся по ее воле. Мгновение спустя старуха повернулась лицом к Ноне. — Я уже сто раз говорила этим девочкам — им это не грозит. Все это пустяки, потому что у них нет крови для этого. Но ты... ты, маленькая Нона, ты еще можешь это сделать. Эта опрометчивая связь, которую Послушница Гесса установила с тобой, — возможный знак. Не настоящая нить-связь, но эхо одной из них. — Сестра Сквородка наклонилась и постучала по лбу Ноны пальцем, сухим и темным, как древесный уголь. — Возможно, там заперто прикосновение квантала... и все, что нам нужно сделать, — найти способ освободить его.

— А что самое опасное? — спросила Нона.

— А? — Сестра Сквородка моргнула, словно путь ее собственных мыслей ускользнул у нее из-под ног. Она стояла темная на фоне великолепия витражей.

— Вы сказали, что прикосновение к Пути — вторая по опасности вещь, которую может сделать человек, — сказала Нона. — А что самое опасное?

— Уход с Пути, конечно, — ответила Сестра Сквородка, снова сосредоточившись и став острой, как бритва. — И почему же, Послушница Гесса? — Она указала на Гессу позади себя, не отводя взгляда от Ноны.

— Потому что, когда ты уходишь с пути, ты должна быть очень осторожной, чтобы вернуться в себя, а не в какое-то другое место, — сказала Гесса.

— В другое место, — повторила Сестра Сквородка. — В какое-то ужасное место, откуда ты можешь никогда не вернуться. В темное место, где шепчутся невидимые демоны. В горячее место, где твой разум будет гореть. В настолько холодное место, что мы, оставшиеся здесь, увидим намек на его мороз в твоих пустых глазах. В безмолвное место, куда время не рискует входить и откуда ничто никогда не уходит... Ты *должна* вернуться в себя. А что еще? Что еще делает возвращение опасным, Послушница Арабелла? — она указала на Ару.

— Ты должна владеть тем, что держишь, — сказала Ара.

— Правильно. — Кивок. — Каждый шаг по истинному Пути Предка — пути проходящем через все творение, — это дар и бремя. Каждый сделанный шаг — это дар сырой силы творения, каждый шаг увеличивает потенциал внутри вас. Звучит неплохо, не так ли?

Нона кивнула. Истории рассказывали о Святых Ведьмах, наполнявших свои руки магией, которая могла разнести в щепки самую крепкую дверь, превратить камень в порошок. Они говорили, что Сестра Облако могла метать молнии, как гроза. Сестра Сова могла одним взмахом руки разогнать мужчин, словно они были кеглями.

— Представь себе поток твоего любимого напитка. Девушки любят медовое вино, не так ли? Только представь себе.

Нона никогда не пробовала медового вина, вина или меда, но она снова кивнула.

— А теперь представь, что тебе его вливают в рот. Тебе нравится вкус, ты глотаешь и глотаешь, это хорошо. Но кувшин продолжает литься — он бесконечен — слишком быстро, — и ты можешь только глотать. Твой живот раздувается, желудок разрывается. Ты не можешь больше терпеть. Ты вырываешься.

— Путь — что-то вроде этого. Ты возвращаешься переполненная даром, горящая им, взрывающаяся им. И ты должна овладеть и привести в порядок то, что тебе дано. Потерпишь неудачу, и подарок разорвет тебя на части — всегда по-разному. И смерть будет не быстрой. Дар поддерживает. Даже уничтожая тебя, он будет держать тебя здесь. Даже когда ты будешь гореть, остатки тебя будут переносить настолько острые страдания, что императорские палачи зарыдают от зависти. — Сестра Сквородка нахмурилась, как будто хотела еще что-то сказать, потом выжидающе посмотрела на Нону.

— Тогда я буду придерживаться мечей и яда, — сказала Нона.

— Ха! — Сестра Сквородка рассмеялась лающим смехом. — Это все, на что ты сгодишься, юная Нона, если не будешь работать над своей безмятежностью. Безмятежность — это то, что приведет тебя сквозь туман этого мира к Пути. Ясность позволит тебе увидеть его. У меня нет претензий к твоей ясности. С другой стороны, твоя безмятежность... — она пошевелила пальцами.

Нона проигнорировала смех, разнесшийся по комнате. Большая часть класса не знала о ней ничего, кроме того, что она показала в испытании Щита. Это и то, что она сломала Дарле палец, конечно. И сегодня утром пустила в ход настоящий нож против Арабеллы Йотсис. И сделала то же самое в первый же день своего приезда.

— Я нахожу безмятежность трудной, Госпожа Путь.

Сестра Сквородка похлопала Нону по плечу и вернулась в начало класса, калейдоскоп цветов скользил по ней, пока она шла.

Клера подмигнула Ноне. Обе они сумели пройти экзамен на безмятежность через много времени после того, как овладели ясностью, а затем терпением. К трансу было трудно прикоснуться, еще труднее — погрузиться в него, а уж оставаться в нем, несмотря на все отвлечения, было почти невозможно. Сестра Сквородка предложила упражнения, помогающие достичь каждого состояния, а также объяснила, чего ожидать и почему. На занятиях она давала указания по формированию характера и повседневного бытия человека, чтобы лучше соответствовать требованиям. Но в конце концов это были слова, слова и еще раз слова.

— Я могу показать тебе, где он лежит, — говорила она. — Я могу показать на него пальцем. Я могу его описать. Но я не могу *заставить* тебя увидеть его. Я не могу вложить его тебе в руку. Единственный человек, который может увидеть его, принять его и овладеть им, — это ты сама.

Старая монахиня учила их стихам, рассказам, отрывкам песен, даже загадкам и шуткам, и все это помогало им смотреть на мир другими глазами — каким-то образом видеть то, что она видела так легко. Иногда она открывала большой окованный железом сундук в передней части класса и доставала оттуда какой-нибудь красивый предмет, чтобы очаровать глаз узорами. Осколки древнего стекла, переливающиеся всеми цветами радуги, запутанные головоломки из черного металла, обманывающие картинки — на первый взгляд старик,

глядящий направо, на второй — мальчик, глядящий налево, или холм, который со сдвигом восприятия становился ямой. Бесконечное разнообразие с одной общей чертой: все они вели к одному и тому же месту разными дорогами, и для каждого был свой путь.

Нона была ближе всего к безмятежности, когда прокручивала в голове старую песню. Ту самую, которую пели дети в деревне. *Она падет, она падет / Луна, луна, луна, луна / Она падет, она падет / И скоро будет не видна.* Она снова и снова произносила эти слова неподвижным языком, пока каждое из них не теряло своего значения в цепочке беззвучных звуков, она вспоминала фигуры детей, танцующих черными пятнами на фоне фокуса луны, и в эти мгновения она достигала того спокойного места, где ничто снаружи не могло коснуться ее, где каждое воспоминание было лишено своих острых краев. Это было не состояние без забот и без цели, но то, в котором безмятежность позволяла подняться над страхом или даже болью.

Нона, однако, не нашла никакой пользы в нем на меч-пути: это просто означало, что она безмятежно падала и меньше беспокоилась о том, какую малую часть пути она проделала не вертикально.

— Давайте поразмышляем о безмятежности, послушницы. — Сестра Сквородка устроилась на огромном сундуке.

Клера прикрыла рот рукой и преувеличенно зевнула для Ноны. Нона сжала губы в тонкую линию и усилием воли заставила себя не сползти. Если бы их парты стояли на Пути, она бы с удовольствием стукнулась лбом о свою. Прошло два года, а она и близко не касалась Пути, не говоря уже о том, чтобы идти по нему. Мало того, она не видела, чтобы кто-то еще это делал. Время от времени недовольная Сестра Сквородка вела Гессу, а позже и Ару, вниз по лестнице, когда решала, что для них пришло время попытаться выйти на Путь. Остальные послушницы, конечно, бросали медитировать, бежали к окнам и заглядывали в маленькие цветные окошки, чтобы увидеть, куда ушла Сестра Сквородка. Но она так и не появлялась. Однажды Кетти, вернувшаяся из санатория после лечения вывихнутого плеча, сообщила, что портретный зал внизу пуст и что она никого не встретила на винтовой лестнице. Из этого следовало, что Сестра Сквородка должна была отвести девочек в потайную комнату в средней части башни. Но после бесконечных подъемов и спусков по этой лестнице Нона понятия не имела, где может находиться потайная дверь.

Нона, вздохнув, сбросила напряжение, насколько это было возможно, не упав на пол бескостной грудой, и начала свою охоту за безмятежностью. *Она падет, она падет / Луна...*

В первое мгновение она подумала, что голос Битела — плод воображения, но звон продолжался, и стальной колокол быстро прорезал слои спокойствия, которые Нона уже собрала вокруг себя. Ко второму удару она уже была на ногах вместе со всем классом.

— Кровь Предка! — Клера встала рядом с ней, разбросав стулья.

— Мы отправимся в дом настоятельницы упорядоченным образом! — Сестра Сквородка повысила голос.

Бител держал язык за зубами с тех пор, как Первосвященник Джейкоб привел архонтов на суд. Нона заняла свое место в очереди послушниц, спешащих вниз по лестнице вслед за Сестрой Сквородка.

— Пусть это будет пожар. Пусть это будет пожар. — Кетти, на два человека позади.

Нона почти хотела, чтобы она оказалась права. Некоторые природные катаклизмы были предпочтительнее тех, которые люди могли обрушить друг на друга.

Ветер за ночь переменялся и дул с севера неровными, холодными порывами, заикаясь,

как будто даже сейчас он мог передумать и позволить ветру Коридора гоняться за ним по поясу мира. Но скоро, если перемена сохранится, завоют наполненные льдом ветры, дующие из бескрайней белизны, и вся империя содрогнется. Нона поплотнее закуталась в свою рясу и обуздала желание бежать, подстраиваясь под темп Сестры Сквородка.

Настоятельница Стекло ждала на своей лестнице, Сестры Колесо и Роза — ступенькой ниже, а ступенькой ниже их — Сестры Сало и Правило. Сестра Яблоко торопливо пробиралась сквозь растущую толпу, когда приблизился класс Ноны.

Время от времени среди колонн мелькал всадник, который скакал прочь, позади него на ветру развевалось серебряно-алое знамя.

— Королевский герольд, — сказала Ара, подходя к Ноне справа.

— Ну да. — Клера толкнула локтем Нону слева. — Не нужно быть Сис, чтобы понять это.

Нона уставилась на удаляющуюся фигуру. Возможно, не нужно быть Таксисом или Йотсисом, чтобы узнать этот штандарт, но для этого требовался некто больший, чем крестьянская девочка из Серости. Знамя затрепетало в последний раз и исчезло, вызвав что-то в память, какое-то событие, которое попыталось вернуться в ее голову.

— Неужели император придет сюда? — Эта мысль показалась ей глупой еще до того, как она закончила говорить.

— Император отправился с армией Рексуса, чтобы противостоять набегам дарнишских пиратов, — сказала Ара.

— Откуда ты это знаешь? — Рули придвинулась к ней сзади. Она любила говорить, что ее семья была контрабандистами, а иногда рыбаками, но, на самом деле, ее отец владел несколькими большими рыбацкими лодками, гораздо бóльшим числом торговых судов, и у него были люди, которые плавали на них для него.

Ара пожалала плечами, как будто все это знали.

— Целая армия? И сам император? Ради пиратов? — спросила Нона.

— Когда пираты нападают на берег, рука проктора Дарна всегда у руля, — сказала Рули. — Так они прощупывают слабости. Император должен их ударить. Показать силу.

— Госпожа Академия одобрила бы твой анализ, Рули. — Клера, наполовину насмехаясь.

— Значит остаются сестры, — раздался голос Гессы из-за спины группы.

— Тогда Велера, приехала с побережья, — предположила Клера.

— Убежать от пиратов? Пока ее брат марширует по берегу? — Ара фыркнула. — Ты не знаешь милую Велеру! Она окрасит прибор в малиновый цвет.

Настоятельница Стекло ударила пятой посоха по ступеньке.

— Сестры, послушницы, завтра нас ждет неожиданный визит. Шерзал, сестра императора, приближается с востока и просит показать ей этот монастырь. Первосвященник Невис встретит королевскую процессию у городских ворот и будет сопровождать нашу почетную гостью во время ее визита.

— Шерзал? — Нона оглянулась на Ару. — Разве не ее солдаты пытались украсть тебя у твоего отца, когда его вызвали ко двору? И теперь она пришла лично, чтобы забрать тебя?

— Не будь душой, — прошипела Клера. — Сам император не может забрать Арабеллу из Сладкого Милосердия. Вот почему Йотсисы отправили ее сюда.

Холодный ветер кружил вокруг них, поднимая рясы и развевая волосы. Настоятельница Стекло слегка наклонилась вперед, продолжая свою речь:

— ...занятия приостанавливаются до отъезда наших посетителей. Сестрам рекомендуется набирать послушниц для выполнения необходимых работ по подготовке к приему. Девочки, которых Сестра Правило потребует для хора, освобождаются от другой работы. Я уверена, что Сестра Хризантема будет счастлива найти работу для любой послушницы, которой будет нечем заняться: всегда есть какая-то часть монастыря, которая нуждается в уборке.

Само собой разумеется, завтра мы постараемся показать себя в лучшем виде... но я скажу это в любом случае. Последний визит Первосвященника Невиса был несколько... травмирующим, поэтому давайте сделаем все возможное, чтобы заменить это воспоминание более счастливым. И Шерзал, конечно, делает нам честь, посещая нас. Давайте постараемся заслужить ее.

Настоятельница Стекло махнула рукой, распуская собрание. Глаза Ноны следили за рукой настоятельницы, по которой все еще бежал шрам в том месте, где ее обожгла свеча. Любой визит, объявленный Бителем, мог оказаться более опасным, чем прибытие ной-гуин ночью без предупреждения.

— Предок! — Рули огляделась по сторонам. — Давайте убежим, пока Сестра Швабра не заставила нас чистить Необходимость!

— Бегите, крестьянки! — Клера усмехнулась. — Я буду петь до *моего* ужина. — И с этими словами она направилась к Сестре Правило — та стояла рядом с собором и размахивала над головой указкой, созывая хор.

Нона попыталась улыбнуться в ответ, но внутренним зрением увидела крик на лице Настоятельницы Стекло, когда та держала руку над ровным пламенем. Внезапно лед-ветер взвыл, возвращая Нону в настоящее. Он заговорил снова, его голос был ледяным, раздирающим плоть — словно вместо льда он нес миллион крошечных метательных звезд — и все побежали в укрытие.

Нона, пошатываясь, вошла в дормиторий Серого Класа, стряхивая лед с густой копны волос — всего несколько минут назад она вытирала их полотенцем в бане и от них шел пар. Она думала, что на уроках Меча тренирует каждую свою мышцу, но три часа подметания, уборки и чистки под взглядом глаз-бусинок Сестры Швабры помогли ей открыть новые. И они болели.

— Кажется, я перенапрягла голос. — Клера лежала на кровати рядом с дверью, распластавшись на спине, вытянув длинные ноги и уставившись в потолок; на полу валялась верхняя ряса. На раскрытой ладони поблескивал серебряный пенни.

— Мне кажется, я перенапрягла все, кроме голоса. — Нона огляделась в поисках неиспользуемой кровати.

Ара вошла следом за ней, волосы спереди были покрыты коркой льда, а сзади все еще дымились.

— Я видела, как Сестра Колесо велела Швабре поставить тебя чистить уборные...

— К счастью, у Швабры есть послушницы, которых она действительно терпеть не может, — сказала Нона. Она знала, что лучший способ вызвать гнев монахини — оставить беспорядок в трапезной. Монахиня одобряла любого, кто ничего не оставлял на тарелке, так что Нона стала ее любимицей.

— Ты ей нравишься, потому что ты крестьянка, — сказала Клера. — Швабра любит девушек, которые не боятся тяжелой работы. Меня она бы заставила мыть утес под Необходимостью, пока Сестра Правило ей бы пользовалась.

Ара пересекла комнату, быстрым прыжком перескочила через двух девушек, лежащих на одеялах, и плюхнулась животом на незанятую кровать. Нона нахмурилась, все еще ища кровать, которую можно было бы назвать своей. В дальнем конце комнаты, спиной к ним, стояла Дарла, сгорбившись над чем-то, что она держала на коленях.

— Кто там спит? — Нона указала на пустую кровать напротив кровати Ары, которая была довольно аккуратно застелена, но все же, возможно, слишком неопрятна, чтобы быть невостробованной.

— Алата. — Клера кивнула на кровать позади себя.

Нона моргнула. Из кучи одеял торчали две ноги, но ее внимание привлекло не количество ног, а то, что одна была темно-коричневой, а другая — молочно-белой. На самом верху она увидела только веер рыжих волос, рассыпанных по подушке. В Красном Класе говорили, что некоторые старшие послушниц разделяют кровати, но Нона никогда не видела такого раньше.

Ставни задрезжали, когда лед-ветер осыпал их градом. Клера похлопала по одеялу рядом с собой:

— Сегодня вечером будет холодно. Могу поделиться, если хочешь. — Она сказала это легко, но слова все равно имели вес.

Нона снова перевела взгляд на две босые ноги, которые теперь терлись одна о другую. Она почувствовала, как вспыхнули ее щеки, и смущенно отвернулась.

— Эта свободна! — Ара махнула рукой, указывая на кровать чуть дальше от нее.

— У меня все слишком болит, чтобы делить. — Нона схватилась за бок. — Дарла умеет бить ногами. — Она заковыляла по проходу между кроватями, не желая видеть, появилась ли

боль в глазах Клеры.

Нона легла в свою новую постель, кряхтя, как старуха, синяки от побоев начали твердеть. Она надеялась, что раны Дарлы болят сильнее, чем ее собственные. Большая девочка бросила на нее неприязненный взгляд, но придержала язык. С забинтованными правой рукой и левой ногой у нее, вероятно, не было аппетита к дальнейшим неприятностям. В любом случае, Ноне не хватало энергии, чтобы беспокоиться. Она повернула голову к Аре:

— Что такое нити? — Нож ассасина привлек Сестер Кремень, Колесо и Чайник, и все они появились в Зале Меча с разницей в несколько минут. Именно то, как это произошло, не давало Ноне покоя все время, пока она скребла и убирала.

— Нити очень сложны, — сказала Ара, положив голову на подушку.

— Я слишком устала для сложных понятий, — сказала Нона.

— Это почти Путь, но не совсем. У всего есть свои нити, и они переплетаются друг с другом. Обученный квантал может сплести нити одного человека с нитями другого или с предметом. Или необученный может сделать это случайно — как Гесса сделала с тобой.

Мистическая Сестра, должно быть, связала нити, оставленные сбежавшей ассасин, с некоторыми из наших монахинь. Они, вероятно, использовали двойника кинжала, который ты взяла, вот почему связь была такой сильной. И они сделали это, чтобы почувствовать, если она вернется.

— Это сделала Сестра Сквородка?

Ара фыркнула:

— Сквородка? Она слишком стара и уже много лет не касалась Пути. Нет, это была настоящая Мистическая Сестра. Святая Ведьма!

— Тогда... почему же они не нашли нож давным-давно?

— Все очень сложно.

— Ты не знаешь?

Ара рассмеялась:

— Да, не знаю. Но я знаю, что есть нити, которые тянут тебя к неподвижной вещи, и нити, которые тянут тебя, когда вещь движется. Я думаю, они выбрали и связали нити, которые потянули бы за сестер, если бы ассасин двигалась близко к монастырю — и это включало ее вещи, которые, как они предполагали, она должна была нести. Для этого у них был один из двух других ее ножей. А потом, ты передвинула первый нож... и они пришли!

— Ох. — Нона вспомнила, как Сестра Чайник, казалось, вынырнула из тени у основания стены и врезалась в ее уже избитое тело. — Она нахмурилась. — Монахини были там еще до того, как я коснулась ножа.

— Говорят, что очень сильная связь может дать предчувствие. Некоторые вещи связываются лучше, чем другие, но со временем нити всегда ослабевают.

Некоторое время они лежали молча, и в комнате воцарилась тишина. В конце концов еще один вопрос всплыл на поверхность сонливости Ноны. Она широко зевнула, а потом спросила:

— Почему у сестер императора нет титулов? Разве они не должны быть принцессой Шерзал и принцессой Велерой?

— Ты слишком много слушала рассказов бардов. — Ара тоже зевнула. — У нас уже сотни лет не было королей и королев, принцев и принцесс. Может быть, они все еще где-то есть, если идти по Коридору достаточно долго.

— Но они же его сестры, а он — император...

— Крустикэл не доверяет ни одной из них дальше, чем на плевок. — Ара уютно устроилась под одеялом, виднелись только ее волосы. — Титулы только поощрили бы их. Их отсутствие напоминает всем, где находится благосклонность императора, а где — нет. То же самое во во всех знатных семьях.

Нона закрыла глаза. Предательство и обман не ограничивались знатными семьями. Кровные узы не были ни избранными, ни трудноразрываемыми, что бы ни говорил по этому поводу Предок. Она лежала неподвижно, не обращая внимания на боль, зная, что уснуть будет трудно. Она подумала о своем бое с Дарлой. Да, с точки зрения Дарлы это вообще не был бой, но она, по крайней мере, проявила некоторую злость, некоторую жестокость. Для Ноны это был *настоящий* бой. Искусство, которому учила Госпожа Меч, было смертоносным, но ему не хватало страсти. Состязания казались Ноне скорее танцами. Танцы, которые закончились бы болью и кровью, если бы ты пропустил шаг, но все равно танцы, лишённые ярости или ненависти. Сестра Сквородка сказала им, что транс безмятежности поможет им в меч-кулаке и на меч-пути. Это хорошо сочеталось с наукой боя, которой обучала их Сестра Сало. Нона видела в этом логику. Но был кусочек, которого не хватало.

В деревне дети всегда преследовали Нону за то, что она была мрачной, когда они веселились, за то, что она была молчаливой и бдительной вне круга. Они редко ловили ее, но иногда большие дети застигали ее врасплох. Это были *бои*. Рычащие, отчаянные, дикие и полные ярости.

Контроль. Сколько раз Госпожа Меч произнесла это слово сегодня в классе?

В Калтессе Нона была поймана только однажды, Денамом, рыжеволосым герантом, который правил чердаком, по крайней мере, когда Регола, быстрого и темного, не было рядом, чтобы держать его в узде. Она была в узком коридоре, ведущем к выходу, который глядел на задний двор конюшни. Денам подошел к ней сзади, пока она глазела на двух жеребцов, которых тренировали конюхи. Он взял ее предплечья, по одному в каждый мясистый кулак.

— Что это у нас тут?

Нона изо всех сил лягалась и извивалась, как могла. Удары, похоже, причиняли боль ее ноге, а не мальчику. Он был ростом не больше шести футов, но обладал железными мускулами: она могла выскользнуть из его рук не больше, чем поднять здание. Зарычав, она наклонилась, чтобы укусить его за руку, умудрившись пустить кровь, прежде чем он болезненно вытянул ее руки, выставив кулаки за пределы досягаемости.

— Ты за это заплатишь. — Денам, казалось, хотел сказать что-то еще, но его прервал глухой стук. Тиски на руках Ноны ослабли, и через мгновение она вырвалась на свободу. Она обернулась и увидела Денама, обеими руками вцепившегося в поясицу, а за ним еще одну фигуру, чуть пониже ростом.

— Иди.

Новоприбывший не повысил голоса, но Денам побежал от него, все еще держась за спину, и протиснулся мимо Ноны во двор. Нона пнула его сзади в колено, но он, казалось, этого не заметил.

— Удар по почкам. Будет мочиться кровью целую неделю. — У этого человека были плоские глаза и шрамы на лице, характерные для одного из лед-племен — две линии, пересекающие каждую щеку. На нем была кожаная куртка, штаны из тюленьей кожи, на шее

болталась железная цепь, а на боку висел плоский меч, известный как *тулар*. Нона видела один из них среди огромного множества мечей на оружейном складе Калтесса: лезвие было полностью прямым, более широким на конце, чем на рукояти, и требовало ножен, открытых по всей длине. В деревне о лед-племенах рассказывали куда более худшие истории, чем о пеларти. Никто не знал, что они ели там, на ледяных равнинах. По общему мнению, сами себя.

— Ты очень маленькая. Самый маленькая из тех, кто есть у Партниса?

Мужчина был лыс, не слишком высок, но крепок; он говорил медленно и таким глубоким голосом, что каждое слово было похоже на скатывание тяжелого камня, взвешенное и обдуманное. У Ноны было такое чувство, что он никогда не будет торопиться со словами, даже если увидит, что его первенец лежит мертвым у него на руках, или проснется в горящем доме.

Она потеряла предплечья в том месте, где ее схватил Денам.

— Ты ринг-боец? — Она не видела его раньше, и знала бы наверняка, если бы видела. Его глаза были бледно-голубыми, как ледяное озеро, а кожа — темно-красной.

Он кивнул:

— Я бьюсь на ринге — я бьюсь вне его. Меня называют Таркакс. — Он внимательно осмотрел на нее.

Ноне обнаружила, что чувствует себя неловко под его испытующим взглядом. В нем было что-то от волка, но Нона знала волков.

— Имела неприятности раньше. — Мужчина приложил руку к щеке, показывая на синяк, оставшийся от пощечины, которую Гилджон дал Нона в тот день, когда ее продал. — Но сегодня первой пустила кровь. Это хорошо. — Он посмотрел мимо нее на двор за домом. — Скоро они начнут тебя учить. Как этих. — Снаружи лошади все еще бегали галопом вокруг конюхов на тренировочных веревках. — Бой-мастера Партниса расскажут тебе свою науку, дело кулаков и ножей. Они скажут тебе: сохраняй хладнокровие, отстраненность, контроль. — Мужчина быстро пожал плечами и сплюнул. — Он скажут тебе, что *профессионал* рассчитывает, наблюдает, строит планы.

— А разве нет? — Нона снова повернулась к нему.

— Нас создала природа, маленькая девочка. Создала животных. Хищников. Добычу. Миллионы лет. Воюем, делаем детей, умираем. Цикл, который оттачивает каждого для своей цели. И что же у нас общего — у волка, орла, человека, недо-убийц, медведей, у всех нас? — Его брови сформировали вопрос.

Нона ждала, что он ответит, гадая, кто же такие «недо-убийцы».

— Ярость. У нас есть ненависть, гнев и кровавая ярость, ребенок. Я и в тебе ее заметил. Вцепилась зубами в этого идиота-мальчишку. Даже не думала о том, что он может оторвать тебе руки. — Мужчина опустился на одно колено, приблизив к ней лицо. — Здесь, в Коридоре, тебя учат не поддаваться гневу. У них свои причины. Сохраняй спокойствие, и ты увидишь больше. Но на льду мы знаем, что лучше не выпускать из рук оружие, которое выковали для нас столько тяжелых лет. — Он ткнул тупым пальцем в грудь Ноны. — Держи этот огонь. Используй его. Мы, люди, дикие существа, и, когда мы вспоминаем об этом, мы становимся самыми опасными.

Нона больше не видела этого человека, но его слова ударили по ней, как молоточки по колоколу, и она звенела ими даже сейчас, в тихой темноте, и крепко держалась за свой гнев.

— Вставайте! Они идут!

Нона открыла глаза, которые, она была уверена, только что закрыла, и увидела только ночь.

— Быстро!

Она застонала, напрягшись всем телом, и перекатилась как раз вовремя, чтобы увидеть высокую фигуру, уходящую от двери с фонарем в руке. Вокруг нее послушницы вскакивали с постелей, кто-то ворчал, кто-то тревожился.

— Шерзал собиралась быть здесь не раньше полудня!

— Члены королевской семьи делают, что хотят. — Клера, все еще комок в постели.

— Всем встать! Одеться. — Мэлли, староста Серого Класа, подкрутила фитиль в ночном фонаре.

Нона застонала, сбросила одеяло и начала влезать в юбки. Пальцы занялись шнурками и завязками, не нуждаясь в наставлениях от ее одурманенного сном разума. Она не солгала, что ей будет слишком больно делить постель с Клерой. Во время сна она только заостенела: она надеялась, что пальцы рук и ног Дарлы болят так же сильно, как синяки, которые та дала взамен.

Послушницы, спотыкаясь, вышли в морозный предрассветный сумрак, на востоке алело солнце. Рассеянный лед, растаявший в фокусе луны, замерз и превратился в сплошную пленку, предательскую и трудноразличимую. Клера проскользнула по двору, двигаясь с грацией танцовщицы и презирая угрозу внезапного падения, точно так же, как и на меч-пути.

— Послушница Клера! Становись в строй! — Сестра Кремень завернула за угол — тонкая темная полоска, которую солнце еще не решилось развернуть. — Мы нужны у дома настоятельницы. Быстро и тихо, соблюдая благопристойность.

Медленное, холодное течение часа нашло послушниц и монахинь с онемевшими пальцами, дрожащими в своих рядах перед лестницей Настоятельницы Стекло, наблюдающими за колоннами в поисках любого признака приближения королевской процессии. Гесса увидела ее первой. Ноне, проследившей за пальцем Гессы, пришлось несколько мгновений прищуриваться, прежде чем она тоже заметила какое-то движение между колоннами.

Первыми показались солдаты: пять рядов по пять человек, все в алом и серебряном. Вид их вызвал у Ноны чувство тревоги, что-то шевельнулось в ее памяти... Отряд не состоял из одинаково высоких мужчин, как церковь-стража первосвященника, но был скроен из множества тканей с разной степенью щедрости. Когда солдаты подошли поближе, Нона заметила, что у них всех есть две общие черты: ни один из них не был молод и никто не выглядел так, будто пересечь ему дорогу было бы хорошей идеей.

Нона ожидала, что сестра императора приедет в паланкине, который будет больше и величественнее, чем у первосвященника, но они оба приехали верхом, несмотря на лед-ветер. Шерзал оказалась внушительной фигурой в мехах белого медведя, ехавшей верхом на огромном белом коне. Первосвященник Невис, с другой стороны, выглядел смущенным и неловким, съездившись в плаще с капюшоном на спине серой кобылы.

Позади двух всадников тянулась длинная вереница священников, слуг и носильщиков багажа, многие из которых сгибались от ветра, как деревья на гребнях гор.

Когда солдаты начали выстраиваться в шеренги перед лестницей, хор запел первые высокие ноты Конкорданса. Увы, бедная Сестра Правило сумела насладиться только одним мгновением песни, а потом лед-ветер поднял свой собственный голос и заглушил

послушниц, наказывая плато осколками, летевшими прямо из северных ледяных равнин. Благопристойность тоже улетучилась, когда Настоятельница Стекло возглавила атаку на Собор Предка.

Через несколько минут посетители и все население монастыря собрались в хаотическую и забрызганную льдом смесь, вылившуюся за пределы колонн фойе в главный купол, незаслуженная награда для любой послушницы Красного Класа, случайно оказавшейся втянутой в толпу.

Шерзал, конечно же, стояла на своем собственном месте, в центре плотного кольца солдат, которые, освобождая место, без малейших угрызений совести отталкивали молодых девушек или старых монахинь. Нона проскользнула и обогнула их, чтобы впервые войти в гулкое пространство под куполом. Теперь, когда она училась в Сером Класе, она имела право стоять под куполом, хотя для Сестры Колесо было бы вполне естественно отложить знакомство на недели или даже месяцы, просто чтобы указать Ноне ее место. Нона посмотрела вверх, карлик по сравнению с огромными стенами, изгибавшимися к далекой золотой вершине. Замкнутое пространство поглотило незваных гостей, заставив их казаться немногочисленными и крошечными, окутав их разговоры и жалобы своей тишиной. Нона стояла как вкопанная, стены, казалось, вращались вокруг нее, пока она смотрела на далекий свод. От ее рясы шел пар, с подола падали крупные капли воды.

Нижняя сторона купола была черной и усеяна звездами, сделанными из кровавого кристалла. Кое-где звезды приобретали более бледный оттенок, и около самой высокой точки лежала Надежда — сверкающий белый кварц. Небесный пейзаж некоторое время удерживал взгляд Ноны, но вскоре ее внимание привлекла статуя в центре: человеческая фигура, футов двадцать сверкающего золота. Даже если бы это был золотой лист поверх камня, его богатство могло бы купить роскошь на всю жизнь. Фигуре не хватало деталей. Был ли это мужчина? Женщина? Это был Предок, которого Сестра Колесо описала как единение всех, кто когда-либо жил, идеал, в котором лучшие части человечества слились в единое радостное целое.

Когда голоса позади нее стихли, Нона обнаружила, что, хотя она все еще смотрит на статую, она смотрит не на нее, а *мимо* нее. Тем, что привлекало ее и слабо тянуло с той самой первой ночи в монастыре, когда она спала в монашеской келье, оказалось фойе в дальнем конце, напротив того, через которое она вошла. Что-то там — что-то за темными мраморными колоннами — требовало ее внимания, как и в ту первую ночь, когда Сестра Яблоко вела ее по коридору между спящими монахинями. Полнота. Непохожесть. Что-то.

— Эй! — Клера ткнула Нону под ребра, потом потянула ее за руку, чтобы развернуть. — Ты всё пропустишь!

Солдаты стояли широким периметром вокруг Шерзал, к которой присоединились Первосвященник Невис, настоятельница и девочка лет двенадцати-тринадцати. Сестра императора сбросила медвежью шкуру, обнажив струящееся алое платье, отороченное серебром. Девочка, темноволосая и с плоскими скулами лед-племен, носила близкое подобие боевой одежды, хотя оно тоже было алым с серебряной отделкой вокруг воротника и поясом из серебряных звеньев.

— Кем она себя возомнила? — прошептала Клера. — Красной Сестрой?

С другой стороны от Клеры фыркнула Генна.

— Она та, за кого ее выдает Шерзал, — прошипела Ара. — Ты не захочешь переходить дорогу никаким Лансисам, но Шерзал — худшая из них. Три года назад она заживо сожгла

Симу Бресис как еретичку, потому что та пошутила о ее волосах на большом балу у Таксисов. Говорят, она владеет половиной инквизиции.

— ...приветствуем сестру императора, достопочтенную Шерзал, в Сладком Милосердии... — монотонно произнес первосвященник...чтобы Настоятельница Стекло сказала несколько слов. — Он с явным облегчением повернулся к настоятельнице.

Настоятельница Стекло хорошо произнесла свою речь, щедро поблагодарив за возможность показать столь высокой персоне монастырь, которым она сейчас скромно руководит. Она упомянула прославленные благочестие и великодушие рода Лансисов и о том, как расцвела империя во времена правления Крустикэла. Она говорила до тех пор, пока послушницы не начали переступать с ноги на ногу, и не застыли даже терпеливые улыбки монахинь.

— Я бы просто спросила, чего она хочет, — прошептала Нона.

— Именно поэтому ты будешь воином, а не настоятельницей, — ответила Ара.

— Почему она не заткнется? — Клера обхватила руками живот. — Завтрак решит, что я его больше не люблю.

Джула шикнула на всех: Настоятельница Стекло подошла к тому месту, где не оставалось ничего, кроме как спросить у человека, чего он хочет.

— ...дайте нам знать, чем мы можем быть вам полезны, достопочтенная Шерзал.

— Благодарю вас, настоятельница. — Шерзал широко улыбнулась — окрашенные красным губы и яркая линия, слишком белая, чтобы быть зубами. — Первосвященник. — Она кивнула Невису, и копна темно-рыжих кудрей слегка подпрыгнула вокруг ее головы. На вид ей было лет тридцать, возможно, ровесница Сестры Яблоко, почти красавица, но каждая черта ее лица была слегка преувеличена. Оживленное лицо, полное злобного добродушия. — Я не собираюсь задерживаться здесь надолго. Я, конечно, помолюсь. Было бы невежливо не сделать этого. Ведь это место построил мой пра-пра-пра-дядя, не так ли? Или это был пра-пра-прадедущка? Во всяком случае, один из Персисов.

— Вы ведь покажите мне все это, Невис? Прежде всего, я должна признаться, что у меня есть скрытый мотив для моего визита... Предок не благословил меня детьми, и я взяла под свое крыло юную Зоул. — Шерзал указала на девочку в красном одеянии и наклонила голову к первосвященнику. Она понизила голос, но, по случайности акустики купола или по собственному замыслу, осталась слышна. — Ребенок был единственным выжившим из города Итис после вторжения Скифроула в девятом году. Я взяла ее к себе под опеку. — Она повернулась лицом к Настоятельнице Стекло и продолжила более царственным тоном. — Я обучала Зоул и тренировала ее у самых разных преподавателей, в том числе у Сафиры, которая извлекла много пользы из восьмилетнего обучения в этом самом монастыре. Однако я думаю, что единственное место, где она действительно может закончить свое образование по самым высоким стандартам, — именно здесь. Мне сказали, что Серый Класс лучше всего подходит для ее нынешних навыков.

Улыбка Настоятельницы Стекло дрогнула, на долю мгновения, но Нона это заметила. — Мне очень жаль, но это, конечно, совершенно невоз...

— Настоятельница. — Первосвященник Невис кивнул в сторону фойе. — Я уверен, что эти вопросы лучше всего обсуждать в вашем кабинете, возможно, с бокалом лучшего вина Сладкого Милосердия, которое поможет бороться с холодом дня. Это было долгое и... бодрящее... путешествие от Истины.

Улыбка Шерзал стала шире, чем, по мнению Ноны, это было возможно, и показала

больше зубов, чем, казалось, человек может обладать.

— Мы оставим Зоул с ее классом, хорошо? Ваши монахини смогут оценить ее таланты.

Настоятельница Стекло нахмурилась и открыла рот, но первосвященник заговорил первым:

— Конечно, отличная идея. — Он слегка поклонился и указал на дверь. — Думаю, теперь мы можем рискнуть и отправиться в дом настоятельницы.

На этот раз на маске настоятельницы не было никаких трещин.

— Конечно. — Только намек на скованность в ее голосе. — Послушницы, возвращайтесь к своим занятиям. Сестра императора может перед отъездом заглянуть к нам, чтобы посмотреть, как идут дела.

Шерзал зашагала к главному входу, а Первосвященник Невис — толстый и чуть ниже ее ростом — изо всех сил старался ее догнать. Настоятельница Стекло посмотрела им вслед, солдаты последовали за ними двумя шеренгами. Мгновением спустя она вскинула руки, указывая Сестре Сало на Зоул, и поспешила за сестрой императора.

— Серый Класс. Похоже, я все-таки буду иметь удовольствие видеть вас сегодня утром в Зале Меча. — Жесткий взгляд сестры Сало убил волну болтовни, поднявшуюся вслед за посетителями, покидающими купол. — У вас еще есть время позавтракать — по крайней мере, если вы поторопитесь и сумеете не сломать ноги на льду. Зоул пойдет с вами. Алата, ты присмотришь за ней. Вперед! Не опаздывайте.

Выход Серого Класса положил начало общей спешке — все побежали в трапезную. Клера первой пролетела через дверь, резко остановившись в начале Серого стола. Ара, Зоул и Кетти нашли свои места на удар сердца позже, Нона подошла за ними. Через несколько мгновений зал вокруг них наполнился послушницами, карабкающимися на стулья, хватающими тарелки и пытающимися запихнуть еду в рот быстрее, чем слова выходили из них. Нона сидела с Арой справа от нее и Зоул слева, пока Алата не раздвинула их стулья и не скользнула между Ноной и новенькой.

— Сафира была изгнана из монастыря.

Ара не повышала голоса и не поднимала глаз от тарелки, но каким-то образом все за столом ее слышали.

— Кто? — спросила Нона. Имя показалось знакомым.

— Сафира — та, что обучала ее. — Ара повернулась и посмотрела мимо Ноны и Алаты на Зоул, которая ответил ей таким же взглядом, ее лицо превратилось в маску. — Ее выгнали из монастыря за то, что она ударила ножом другую послушницу, когда та повернулась к ней спиной после победы над ней на уроке Меча.

— Ложь. — Губы Зоул едва заметно дернулись, чтобы произнести эти слова.

— Откуда ты все это знаешь? — спросила Клера.

— Кого ударили? — спросила Нона.

— Я знаю, потому что отец постоянно сообщает мне то, что касается меня. — Ара не сводила глаз с Зоул не притрагиваясь к еде. — Шерзал охотилась по всей империи за возможными два-кровками, выслеживая любую нить, которую могли найти ее академики. Она подобрала эту, — она кивнула в сторону Зоул, — после того, как мой дядя перехитрил ее войска и благополучно доставил меня в монастырь. Шерзал попытается внедрить ее к нам в качестве шпиона или, может быть, ассасина.

— Ты слишком много о себе думаешь. — Зоул откусила кусок хлеба и проглотила его в два приема. — Высочество Шерзал давно потеряла к тебе интерес.

— Потому что у нее есть ты? — фыркнула Ара.

Зоул не ответила, продолжая есть. Остальные, уставшие от вчерашней работы, раннего подъема и долгого ожидания на холоде, последовали ее примеру. Пока она ела, Нона украдкой поглядывала на новенькую. У нее были плоские черты лед-племен: широкие скулы, глаза, похожие на черные камни. Без каких-либо других подсказок ее легко было принять как за мальчика, так и за девочку.

Брей прозвучал слишком быстро, и Нона, прихрамывая, вышла из-за стола, продолжая жевать и пошла сзади вместе с Дарлой, сгорбившейся от ветра — послушницы Серого Класса направились в Зал Меча. В десяти ярдах от дверей, закрывшихся за остальными учениками, Дарла поскользнулась на ледяной поверхности и тяжело упала, не в силах остановить падение раненой рукой. Нона преодолела себя и протянула руку более крупной

девочке, чтобы та смогла подняться.

— Мне не нужна твоя помощь, нахалка. — Дарла зарычала и снова поскользнулась, пытаюсь подняться.

Нона осталась на месте.

— Когда в монастыре полно чужаков, нам незачем драться друг с другом. — Она потянулась к локтю Дарлы. — Когда-нибудь мы станем сестрами.

Дарла хмыкнула, но позволила Ноне взять на себя часть ее веса, когда она встала. Они вместе вошли в дверь, уши щипало от лед-ветра, лица покраснели.

Сестра Сало ждала их на песке, рядом с ней стояла Зоул в алом и серебряном, остальные ученики уже скрылись в раздевалке. Шерзал, первосвященник и Настоятельница Стекло сидели на скамьях в окружении слуг. Солдаты Шерзал выстроились вдоль стен, вытеснив набитые кожей боевые манекены в коридор, чтобы освободить место.

Дарла и Нона поспешили к туннелю, опустив головы, чтобы избежать неодобрения Сестры Сало. Нона вошла в знакомую теплую раздевалку и обнаружила, что Клера только что закончила переодеваться и готова вернуться. Жар труб всегда напоминал телу Ноны о том, что оно должно ожидать боя, — это и запах этого места, запах молодых тел и застарелого пота, который не могла стереть даже ежедневная уборка.

— Сегодня одежда для меч-кулака. — Проходя мимо них, Клера усмехнулась. — Мы будем колотить по новой девочке!

Нона вышла из раздевалки предпоследней, оставив Дарлу возиться с завязками. Сломанный палец спасет ее волосы — Сестра Сало редко бреет послушниц за опоздание, если у них есть искреннее оправдание. Нона подавила свою боль и выбежала на песок так легко, как только могла, с каждой раной и травмой последних двух дней, кричащих на нее. Серый Класс наблюдал за ее появлением.

— Хорошо. — Сестра Сало, похоже, не собиралась дожидаться Дарлу. — Послушница Клера, продемонстрируй классу кату меч-кулака.

Клера шагнула вперед, ее улыбка исчезла, когда она сосредоточилась на сложном наборе необходимых движений, длинном танце насилия, демонстрирующем все основные формы искусства и подчеркивающим каждую мышцу и сустав, которыми владело ее тело. Зоул стояла рядом с Сестрой Сало, ее лицо ничего не выражало, темные глаза сверкали.

Нона взглянула на Ару и увидела то же бесстрастное выражение на лице подруги. Эхо невысказанных слов дрожало на ее губах, глаза были устремлены куда-то вдаль, мимо Сало и Зоул. Возможно, на высокие окна, каждое из которых открывало темно-синюю бесконечность неба.

Клера двигалась в кате, ее скорость ослепляла, она наносила удары ногами над головой в таком быстром темпе, что для большинства зрителей это было бы не более чем размытое движение. Она прыгнула вперед и скользнула на корточки, ее голова почти коснулась пола, потом прыгнула вверх, подтянув ноги и оставив под собой столько пустого места, что Нона почти могла пройти под ней. Последовала серия блоков и ударов в заданном порядке, перемешанных с вращениями и разворотами. Песок брызгал из-под ее ног, главным образом в сторону Зоул.

Еще минута, и представление закончилось ударом в прыжке, достаточно сильным, чтобы сломать челюсть геранту прайму. Девяносто отдельных движений, сплетенных вместе и выполненных с захватывающей дух скоростью. Клера вернулась в первый ряд, покрасневшая и делающая усилие, чтобы скрыть, как утомило ее упражнение.

Сестра Сало повернулась к Зоул:

— Может быть, теперь ты продемонстрируешь нам свою подготовку?

Зоул слегка наклонила голову:

— Я знаю меч-кулак, ной-тал, игру-убийство Скифроула и элементы торки. Что бы вы предпочли увидеть, Госпожа Меч?

Сестра Сало нахмурилась:

— Торку редко можно увидеть...

— Она тренировалась с ной-гуин, — прошипела Клера. — Наверняка. Они убивают всякого другого, кто обучает ной-тал!

— Можно мне? — Шерзал повысила голос с трибуны. — Может быть, продемонстрируете на практике? Зоул могла бы показать себя в спарринге с одной из ваших послушниц. Невис мне говорил, у вас есть девочка, которая прошла испытание Щитом через несколько недель от поступления в монастырь?

Настоятельница Стекло взглянула на Сестру Сало, которая едва заметно покачала головой. Нона почувствовала, как напряжение покидает ее, и разжала зубы. Сало знала, что Дарла устроила ей хорошую взбучку.

— Может быть, другая послушница? — Настоятельница с улыбкой обернулась. — У Ноны была трудная неделя. Может быть, Послушница Арабелла?

Шерзал повторила улыбку настоятельницы:

— Я бы хотела, чтобы эта ваша Нона сразилась с моей девочкой.

Первосвященник Невис, сидевший рядом с сестрой императора, поднял руку:

— Щит все еще должен охранять Аргату, плохая неделя или нет. Это должно быть хорошей подготовкой для выполнения этой обязанности. — Он махнул рукой, приказывая.

Настоятельница Стекло начала было подниматься со своего места, но тут же откинулась назад, и жесткая линия ее рта вернулась к улыбке, которую она на мгновение потеряла:

— Конечно.

— Нона, — Сестра Сало поманила ее к себе. — Покажи нашей гостье, как мы сражаемся в Сладком Милосердии.

Нона шагнула вперед, встретившись взглядом с Зоул. Она почувствовала, как жар поднимается где-то глубоко, прямо под ребрами. В глазах девочки был вызов — такого она не чувствовала с тех пор, как впервые увидела Раймела Таксиса. Уверенность убийцы. И что-то внутри нее загорелось в ответ. Нона уже не раз сражалась в Зале Меча. В течение двух лет она училась и училась, упражнялась до тех пор, пока ее мышцы не начинали рваться, а кости — скрипеть. Сестра Сало постоянно натравливала послушниц друг на друга, но для Ноны это были не бои. Соревнования. Соревнования между друзьями или, по крайней мере, одноклассниками. Даже когда Дарла вышла против нее вчера утром, Нона в глубине души не считала это боем.

— Отметьте углы. — Сестра Сало указала на тренировочные манекены и послушницы поспешили вытащить четыре, обозначив ими квадрат, двух девочек едва хватало, чтобы управиться с одним — грубыми мужскими фигурами из набитой конским волосом кожи, установленными на деревянных столбах, которые стояли на тяжелых и округлых основаниях, чтобы качались, а не падали.

Нона позволила остальным сделать всю работу и осталась рядом с Арой, потягиваясь и пытаясь избавиться от усталой боли в мышцах.

— Принцесса не хочет честно попотеть на глазах у королевской семьи? — Клера

посмотрела в сторону Ары, кряхтя от напряжения — они с Кетти тащили манекен в ближайший угол.

Ара ничего не ответила, просто продолжала смотреть на высокие окна напротив, с призраком какого-то речитатива на губах.

Через минуту послушницы снова выстроились в шеренгу перед Госпожой Меч, а четыре манекена стояли по углам квадрата в десяти ярдах друг от друга. По кивку Сестры Сало Нона шагнула на поле боя. Она скрутила голову в одну сторону, потом в другую, потянулась шеей, затем провела руками по коротко остриженным густым волосам.

Зоул вошла в квадрат с другой стороны. Она была на голову выше Ноны.

— Ты кровью умоешься, — сказала она с резким акцентом. — Независимо от того, как быстро ты подчинишься.

Нона повернулась боком, одна нога вперед, согнувшись в позе меч-кулака, руки подняты:

— Я готова.

— Бой. — Сестра Сало отступила назад.

Зоул пошла вперед, неторопливо, но без колебаний. Нона, стоя на месте, отступила в промежутки между мгновениями, заморозив пылинки, плясавшие в лучах падающего солнечного света. Потребовалась целая вечность, чтобы Зоул оказалась на расстоянии вытянутой руки, и в этот момент она ударила Нону кулаком в горло. Кулак девочки понесся так быстро, что только инстинкт спас Нону, ее рука отразила удар, который попал в ключицу. Сила удара угрожала сломать кость, и Нона отшатнулась назад.

Потеряв равновесие, Нона упала, едва избежав второго удара. Падая, она пнула ногой, целясь в челюсть Зоул. Девочка лед-племени приняла взлетающую ногу Ноны на трицепс и, высоко подняв ногу, ударила в грудь Ноны. Ноне не хватило равновесия и времени, чтобы заблокировать удар. Приняв удар на свои ушибленные ребра, она сильно ударила предплечьем чуть ниже колена девочки, используя другую руку, чтобы смягчить падение. С глухим стуком она ударилась о землю, послав в воздух ленивый рой песчинок.

Зоул продолжала наступать точно в том же темпе, в каком шла с самого начала, ударяя ногами по рукам и голове Ноны, откатывавшейся в сторону. Нона каталась и перекатывалась, пытаясь увернуться от ног Зоул. Одна пятка, нацеленная ей в голову, опустилась на плечо, шок от удара запульсировал в кости, расходясь по мышцам. Нона зацепила локтем ногу и позволила вращению тащить ее вперед. Вместо того чтобы сопротивляться движению, Зоул ускорила его, а затем вышла из него, сделав обратное сальто. Когда руки Ноны оказались под туловищем, она оттолкнулась изо всех сил, создав достаточно инерции, чтобы вернуться в стоячее положение, неловко крутанувшись, как раз тогда, когда закончилось сальто Зоул. Девочка приземлилась на пятки, пригнулась и приготовилась.

Большинство зрителей увидели быстрый шквал ударов, Нона упала на землю, Зоул потеряла равновесие, и обе девочки поднялись на ноги с акробатическими трюками — все в одно мгновение. Однако и Нона, и Зоул за этот короткий отрезок времени успели многому научиться. Один удар сердца они стояли, глядя друг на друга.

Нона атаковала, пытаясь перехватить инициативу, красный гнев бушевал в ней, достаточно горячий, чтобы сжечь усталость и боль. Она пошла вперед, поднимая руки для защиты, короткими, высокими шагами, которые держали ногу наготове, чтобы заблокировать или ударить. Зоул позволила ей подойти ближе, позволила ударить, ударить и снова ударить,

отклоняя каждый удар приемами, которые Клера показала в меч-кулаке ката. Ответный удар Зоул был молниеносным, но Нона поймала его одной рукой и попыталась другой рукой нажать на запястье девочки. Каким-то образом, неизвестными Ноне движениями, Зоул взобралась на нее, используя захваченный кулак как якорь и поставив ноги на колено и бедро Ноны. Получился рычаг, который швырнул Нону в небо. Ей пришлось отпустить руку Зоул и отражать удары ногами, пришедшие, пока она падала на песок.

На этот раз, когда Нона приземлилась, она могла только подтянуть ноги, чтобы подготовиться к удару. Она откатилась в сторону и увидела, что Зоул уже идет к ней тем же неторопливым шагом. Нона потянулась, чтобы замедлить движение мира, но ее хватка на потоке времени ослабла, усталость пронзила ее до костей, и каждая частичка тела болела. Гнев вспыхнул снова. Нона заставила себя подняться, когда Зоул подошла. Она бросилась вперед, принимая мучительный удар в живот и скользящий удар Зоул по голове, костяшки пальцев девочки скользнули по ее губам. Это движение свело их вместе, рука Ноны легла на Зоул, пальцы сомкнулись над небольшой выпуклостью груди.

Какую-то долю секунды они так и стояли, глядя на руку Ноны — Нона рычала от усилия, которое потребовалось, чтобы удержать невидимые клинки, перерезавшие горло Раймела Таксиса. Она могла бы разрезать плоть и ребра, вырезать сердце суки и держать его капающим над собой. Она могла стоять, тяжело дыша, над развалинами своего врага и выть о своей победе. Боль в животе, кровь во рту, ярость, пульсирующая в каждой жилке, — все требовало этого.

— Что? — удивление Зоул сменилось презрением, мгновенная нерешительность исчезла. Она ткнула лбом в лицо Ноне и повалила ее на землю.

Нона осталась лежать там, где упала. На нее дождем сыпались удары ног и пинки Зоул. Она блокировала худшие из них, но даже те, которые прошли, были более жестокими, чем у Дарлы. Это была комбинация силы и точности, которая не могла не сломать ее.

— Нет!

Голос принадлежал не Ноне и не Зоул. И не сестре Сало. Он даже не был человеческим. Каменный пол загудел, а песок затанцевал в золотистой дымке, пронизанной странными узорами. Воздух стал хрупким. Это заставило Зоул прекратить атаковать, а Нону — защищаться.

Нона уронила голову на бок. Один глаз не открывался, но сквозь щель второго она увидела, что пространство вокруг Ары очистилось. И с ней что-то было не так. Она выглядела так же, но по-другому, как будто была сделана из чего-то не от мира сего, кусок цветного стекла, вырезанный и раскрашенный, чтобы походить на Арабеллу Йотсис, но освещенный изнутри, кровоточащий светом с оттенками, которые Предок никогда не предназначал для людей.

Ара стояла, глядя на Нону на песке и на Зоул над ней. Струйка крови побежала из ее носа и добралась до губы. Она содрогнулась, или весь мир содрогнулся, показав ее в трех позах, каждая из которых не соответствовала другим. Она шагнула вперед, или, скорее, одна Ара шагнула вперед, другая осталась, третья застряла между ними; они перекрывали друг друга, каждая вибрировала сквозь следующую.

Ары, или образы Ары, сошлись вместе с треском, как будто небо разорвалось, и перед ними предстала Ара, одна, с горящими глазами, как будто ее голова была полна света. Она сделала еще два шага в сторону Зоул, а затем с рычанием повернулась к ближайшему тренировочному манекену. Ее удар был слишком быстрым, чтобы заметить, но кулак прошел

сквозь кожу и глубоко вошел в обивку. Она рванула его вбок, разорвав толстую кожу, отполированную десятью тысячами ударов, и рассыпав конский волос в клочья. Осталась только обнаженная зияющая рана, деревянный центральный столб раскололся там, где в него ударил кулак Ары.

Ара посмотрела на Зоул все еще горящими глазами.

— Отпусти Нону, — в ее голосе перекатывались гармоники.

— Или? — Надо отдать Зоул должное, она не испугалась, а может быть, ей просто не хватало воображения.

Ара протянула руку к боевому манекену и ухватила за тяжелый столб. Звук начинался как стон, быстро нарастая, прорываясь сквозь зубы Ары, превращаясь в вопль, и в одно мгновение манекен превратился в куски, обрывки кожи разлетелись наружу, облако конского волоса вытряхнулось из его комков, а в середине... осколки... тысячи осколков.

Шум, похожий на конец света, толкнул Нону, перекатывая ее снова и снова. Она закрыла глаза, крепко сжала руки и ноги, и вокруг нее сыпались песок и мусор.

— Нона?

Что-то холодное и мокрое вернуло Нону в зал, к острым углам ее боли. Она тонула в бесконечном комфорте глубоких темных подушек, и переход не был желанным.

— Что? — Она попыталась оттолкнуть влагу.

— Открой глаза.

Нона открыла их и обнаружила, что смотрит на Клеру, стоящую над ней с мокрой тряпкой в руке. Гесса стояла у плеча Клеры, озабоченно нахмурившись.

— С тобой все в порядке? Что-нибудь сломано?

Нона простонала бессловесный ответ и прижала руку к ребрам.

— У Ары столько неприятностей! — В голосе Клеры прозвучало благоговение. Ее полуулыбка отражала противоречивые чувства.

— Ч-что случилось?

— Ты разве не видела? Она вошла в транс безмятежности и пошла по Пути! — Клера наклонилась, чтобы смахнуть кусочки манекена с волос Ноны. Позади нее стояла стена спин послушниц, смотрящих на трибуны в конце зала. — Ара сделала по меньшей мере три шага, а может, и больше! Ты видела, как она шла?

Нона попыталась подняться, схватившись за бок. Сначала Клера попыталась не дать ей встать, но потом решила помочь. Нырнув под руку Ноны, она поставила ее на ноги. Гесса пыталась помочь, но в основном мешала.

— Твоя голова? — Нона увидела, что левая сторона лица Гессы была в ссадинах и кровоточила.

— Я чувствовала, как она била тебя, — пожала плечами Гесса, признавая связь между ними. — ...и я упала.

Вместе они подошли к концу шеренги послушниц Серого Класса. Нона заметила Зоул в двух девочках от себя, ее туника была порвана, мелкие раны усеивали лицо.

Ара стояла перед трибуной, Сестра Сало стояла рядом с ней, положив руку ей на плечо. Откуда-то появилась Сестра Колесо и остановилась у подножия лестницы, ведущей к сидениям. Первосвященник в сопровождении Шерзал и Настоятельницы Стекло вышел вперед и осуждающе уставился на послушницу.

Шерзал широко улыбнулась, перегнувшись через перила:

— Впечатляющее зрелище, юная Йотсис, — крикнула она вниз. — Но, похоже, оно нарушило все монастырские правила.

Ара молча уставилась на сестру императора.

— Послушница Арабелла, ты воспользовалась Путем без разрешения, без полной подготовки и подвергла опасности одного из моих личных гостей. По моему мнению, тебе следует дать двадцать ударов тростью, приговор должен быть приведен в исполнение немедленно. — Первосвященник кивнул Сестре Сало. — Госпожа Меч, исполните наказание.

Сестра Сало повела Ару обратно в зал, подталкивая ее, и Ара не протестовала, возможно, все еще ошеломленная.

Первосвященник сделал короткий жест.

— Может быть... — Шерзал растянула это слово, ее голос каким-то образом остановил всех, несмотря на кажущуюся небрежность. — Может быть, поскольку юная Арабелла, по слухам, Аргата, ее Щиту будет уместно принять на себя порку вместо нее? В конце концов, именно неудача ее Щита стала причиной неосторожности бедной девочки.

— Конечно, это был бы совершенно неправильный пример. И, кроме того, Зоул... — Настоятельница Стекло хотела еще что-то сказать, но первосвященник перебил ее:

— Это было бы необычно в контексте наших монастырей, достопочтенная Шерзал, хотя я вполне понимаю, что подобные обычаи распространены среди знатных семей. Сама Арабелла вполне могла быть воспитана с девочкой для битья, которая получала наказания вместо нее.

— Я знаю, что так было со мной. — Шерзал улыбнулась. — Мои наставники пороли бедную Сьюзи. Но, похоже, я так и не выучила их премудрость.

— Возможно, это было бы неуместно *здесь*, достопочтенная Шерзал. — Первосвященник Невис почти съезжился, словно ему было больно противоречить сестре императора, в любой форме. — Даже если послушница королевского происхождения. Наши рекруты оставляют мирские привязанности позади, когда присоединяются к нам.

— Я сделаю это. — Нона повысила голос и шагнула вперед.

— Что? — Первосвященник, моргнув, отвернулся от Шерзал.

— Я сделаю это, — повторила Нона.

— Видите, — Шерзал развела руки. — Девочка готова понести наказание за свои ошибки. — Ее улыбка стала еще шире. — Если бы только все крестьяне были такими услужливыми!

— Хорошо... — Невис нахмурился. — Если послушница согласна... — Он взглянул на Настоятельницу Стекло, но слишком быстро, чтобы не дать ей возможность ответить.

Сестра Колесо отошла от лестницы и извлекла из складок своего одеяния длинный прут — черную полоску металл-ивы, достаточно тонкую, чтобы резать при каждом ударе.

— Я же говорила тебе, — тихо произнесла Зоул за спиной Ноны. — Что я заставлю тебя умыться кровью.

— Закуси вот это.

Сестра Сало протянула Ноне кожаный ремешок.

— Зачем? — спросила Нона.

— Тебе будет чем заняться.

Нона покачала головой, не сводя глаз с Сестры Сало. Старуха ответила ей тем же взглядом. Трудно было представить, что ее лицо может выражать какие-либо эмоции, — маска из жесткой кожи, маленькие, тугие морщинки, ниточки старых шрамов, острые скулы и короткая и горькая линия рта. Нона всегда считала Госпожу Меч старой, хотя в ее движениях не было заметно возраста. Сестра Роза сказала, что хунски живут своей жизнью: возможно, Госпожа Меч и Отравительница когда-то учились вместе, но Сестра Яблоко все еще была сладкой и шла по дороге долгой жизни, в то время как свеча Сестры Сало горела с обоих концов и освещала ей путь к пыльной смерти.

Мысли Ноны занимали ее, пока Сестра Сало проверяла ремни, стягивающие ее запястья над головой. Кожа привязывала ее к самому низкому из пяти железных колец, вделанных в стену. Сестра Сало отошла, оставив Нону перед каменной кладкой, голой. С нее сняли рясу, чтобы прут мог достичь тела, а юбки и панталоны сняли, чтобы спасти их от крови. Многие из ее одноклассниц ахнули, когда она разделась — они впервые увидели темное и пестрое лоскутное одеяло синяков на ее спине, ребрах и бедрах. Работа не Зоул — хотя эта тоже скоро проявится, — а Дарлы, сделанная накануне.

— Готова? — спросила Сестра Сало.

— Да, — Нона не забыла Серость: два года монастырской жизни не отняли у нее этого чувства. Сестра Колесо по-прежнему называла ее крестьянкой, и если крестьяне что-то и знали, так это как страдать и как терпеть.

Металл-ива ударила. От левого плеча к правому бедру, не сокрушительный удар, как те, которые Первосвященник Джейкоб нанес Четыре-ноги, но режущий, шокирующе болезненный, оставивший на спине прожегшую кожу линию кислоты; из мышц и костей потекла кровь. Нона закричала. Она не собиралась молчать — она не придавала значения угрюмому вызову. Она выкрикнула смертную боль, бессловесное проклятие, обещание жестокого возмездия, клятву, что если Зоул или кто-то другой выступит против нее вне правил зала, она вырвет его сердце.

Следующий удар хлыста пришелся поперек первого, и Нона издала свой вызывающий рев, не девичий крик, а что-то глубокое и гортанное, звук, на который она сама не была способна. Еще один удар, и еще. В глубине глаз Нона видела все четыре удара как яркие, пересекающиеся линии. Пятый. Она снова зарычала, чистая угроза, звериная, без всяких сложностей. Колебание перед шестым, как будто она заставила даже Госпожу Меч остановиться.

Седьмой. Руки Ноны вцепились в камень, расшатывая ремни на запястьях и железное кольцо наверху. Восемь. Яркие линии сплелись в единую извивающуюся нить света, горящую алым и золотым поперек ее зрения. Девять. Десять. Нона уже не могла сказать, кричит она или нет: каждая новая линия, которую выжигала в ней металл-ива, перетекала в пылающий путь перед ней, превращаясь в единую веревку, скрученную из всех них. Веревка висела перед ее мысленным взором, обвиваясь и закручиваясь вокруг себя, петли ярких

нитей виднелись здесь и там, словно шерстяные ниточки в клубке. Одиннадцать. Двенадцать. Спина Ноны словно расплавилась: она чувствовала, как кровь струится по ее ягодицам, вниз по бедрам, ощущала каждую каплю, как будто это был раскаленный металл, жидкий от нечеловеческого жара горна и кузницы. Но еще сильнее горели глаза ее врагов: Зоул и Шерзал. Ничто другое не имело значения, ни послушница, ни монахиня, ни первосвященник, ни Госпожа Меч, наносящая удары... только глаза ее врагов, отягощенные весом их удовлетворения.

Еще несколько ударов, счет исчез между ними, один удар такой резкий, что она запрокинула голову и открыла глаза. Стена перед руками была поцарапана, темные линии выделялись на бледном камне — глубокие и заполненные тенями щели в известняке, там, где в стену врезались когти ее ярости. Ее тайна раскрыта. Тело Ноны ударилось о стену, и ярость достигла нового накала, прогоняя все следы боли. Единственный путь, сплетенный из нитей дюжины и более ударов, внезапно обрел новую конфигурацию, превратился в узор, заполнивший ее взор: одинокая линия, проходящая через жесткие углы, угол, угол, еще один угол, поверхность, наполненная прямоугольниками, пространство, наполненное блоками, нарисованными одной яркой линией. Стена.

Еще один удар пришелся точно в цель, и, зарывав, Нона бросилась на Путь. Она ступила на него... и наполнилась. В одно мгновение Путь хлынул сквозь нее. Ужасный и удивительный потенциал побежал по венам, заполнил каждую пустоту, стал давить изнутри на глаза, запел в каждой кости, разрывая и поглощая, потек кровью из пор. Страх разрушения не отпугнул Нону от Пути — она погналась бы за такой чудесной судьбой хоть на край света. Скорее, сам Путь хотел выскользнуть из-под нее, живой и извивающийся, сворачивающийся в сторону, когда она пыталась сделать следующий шаг. В каком-то сложном месте с дюжиной подъемов и сотней спусков, Нона потеряла равновесие и, споткнувшись, вернулась в этот мир.

Металл-ива ударила ее. Она услышала ее треск. Треск прошел сквозь нее, сквозь руки, прижатые к стене, глубоко проник в узор углов, прямоугольников и блоков. На один удар сердца в зале воцарилась новая тишина, и в этой тишине задрожали стены. В следующий удар сердца камень перед ней начал раскалываться с таким шумом, словно наступил конец света, и рухнул.

— Вставай. — Сильная рука сомкнулась вокруг запястья Ноны, потянув ее вверх и в сторону. Другая ее рука, все еще привязанная к первой, тоже поднялась. Куски разбитого известняка посыпались с нее, когда она выпрямилась. Ее ноги нашли землю, и она наткнулась на Сестру Сало, больно ударившись о неровный камень. Поверхность стены разлетелась вдребезги на глубину четырех или пяти дюймов в нескольких ярдах в поперечнике. Железное кольцо болталось на ремнях, все еще связывавших запястья Ноны, его штырь застрял в куске битого камня размером не больше ее ладони.

Сестры Сало и Роза завернули Нону в простыню. Послушницы смотрели на них, бледные от пыли, которая теперь оседала в другом конце зала.

— Я понесу ее. — Сестра Роза потянулась к Ноне, как тогда, когда та лежала, пораженная стрелой, на второй неделе.

— Нет. — Нона сплюнула кровь на песок. Ее спина болела так, словно в нее вонзились тысячи обжигающих крючков, каждый из которых был натянут на веревки, тянувшие в разных направлениях. — Я пойду пешком.

Она вышла из зала, опустив голову и опустив глаза на песок, ступая старушечьими

шагами, а Сестра Роза следовала за ней по пятам. Она остановилась только один раз, когда проходила мимо Зоул, стоявшей в шеренге послушниц. По-прежнему не поднимая головы, она повернула лицо и посмотрела на девочку единственным еще не заплывшим глазом. Она не произнесла ни слова, только обнажила зубы в алой усмешке и двинулась дальше. У Зоул было лицо, на котором, казалось, ничего нельзя было прочесть, но, как бы ни была глубока вера девочки в себя, в ее темных глазах мелькнуло сомнение, когда Нона улыбнулась.

Нона прошла через главные двери и скрылась из виду. Лед-ветер схватил ее секундой позже, и Сестра Роза оказалась проворнее, чем выглядела, подхватив Нону прежде, чем та упала на землю.

Какие бы травы ни перемалывала Сестра Роза, какие бы отвратительные куски отвратительных животных она ни извлекала и ни очищала, ничто, казалось, не могло заглушить боль от рваных ран Ноны так хорошо, как отвлечение внимания. Как жаль, что санаторий был, возможно, самой скучной частью монастыря, и не предлагал ничего интереснее окна в маленький сад.

Нона многое бы отдала за компанию. Остальные четыре кровати оставались пустыми, и вскоре она дошла до того, что находила разумным столкнуть кого-то вниз по лестнице, чтобы заполнить одну из них.

Первой посетительницей, которую приняла Нона, была Сестра Колесо, и даже это оказалось приятным развлечением. До этого она лежала на боку, глядя в окно, пока бок не становился слишком онемевшим и Сестра Роза не переворачивала ее, после чего Нона смотрела на стену.

— Не задерживайся, Колесо, — сказала Сестра Роза в спину Сестре Колесо, когда более маленькая женщина протискивалась мимо ее внушительного тела. — И не волнуй ее.

Сестра Колесо, которая уже подошла к кровати Ноны, повернулась и пристально смотрела на Сестру Розу до тех пор, пока та не покраснела, не отвернулась и не отступила в дверной проем, закрыв за собой дверь.

— Не смогла меня удержать. — Сестра Колесо протянула руку и постучала по своему головному убору. — Только сама настоятельница могла бы... но даже она не может одержать победу над нами обоими. Вот почему это я и Роза. Выбрала нас, потому что мы никогда ни в чем не соглашаемся друг с другом. — Она придвинула стул поближе к кровати, скрип его ножек был громким и неприятным. — Я полагаю, ты чувствуешь себя очень довольной собой, не так ли? — Она села и сложила руки на коленях. — У тебя есть прикосновение квантала, и ты думаешь, что ты — два-кровка.

Если бы у Сестры Колесо был лучший пример два-кровки, чем та, у кого в жилах текут квантал и хунска, Ноне было бы интересно это услышать. Нужно больше, чем прикосновение квантала чтобы достигнуть Пути. Но она проглотила любой ответ и сжала губы в тонкую линию, наблюдая за широко раскрытыми и водянисто-враждебными глазами монахини.

— Ты думаешь, что можешь быть Аргатой. Ну, это не так. Из Серости никогда не выходило ничего хорошего, только сломанные вещи. Крестьяне и ложь. Аргата послана, чтобы спасти нас! Будет ли она золотой принцессой из рода самого императора? Или оборванкой, которую выгнали из-под тени петли? А ты как думаешь? На самом деле? — На подбородке монахини выступили капельки слюны.

— Настоятельница объяснила, что пророчество просто выдуманно, — сказала Нона.

Сестра Колесо отмахнулась от этой идеи:

— Это именно то, чем является пророчество! Это нечто выдуманное, которое мы, истинно верующие, считаем правдой.

Нона снова сжала губы в тонкую линию. Она не собиралась спорить о вере с Госпожой Дух, даже если Госпожа Дух была почти так же вменяема, как прогулка голый на лед-ветру.

— В любом случае, — Сестра Колесо прищурилась, — это не ты. Возможно, что ты и есть Щит. Я развлекаю себя этой маловероятной мыслью. Но не вздумай лезть с идеями выше своего положения. — Она встала, чтобы уйти, сделала три шага к двери, остановилась и

сжала костлявые кулаки на своей рясе чуть выше бедер. На мгновение она замерла в нерешительности, потом оглянулась через плечо. — По всем правилам тебе полагается еще два удара прутом. Возможно, в этом нет необходимости. Просто прими мои слова к сведению. У Предка есть план для тебя, девица.

Когда Сестра Колесо вышла, в комнату ворвалась Сестра Роза с кучей льняных полосок в руках.

— Сейчас я сменю тебе повязку, дорогая.

Нона вздохнула и легла на живот, а Сестра Роза, ворча, суетилась вокруг нее.

— Это было неправильно. Совсем неправильно. — Ловкие пальцы монахини стянули с Ноны запачканные повязки. — Это достаточно жестокое наказание, даже если ты виновна...

Нона не хотела слышать, как Ару критикуют.

— Почему она меня ненавидит?

— Кто? — Невинность Сестры Роза даже не приблизилась к предгорьям убедительности. Нона больше ничего не сказала, и через мгновение монахиня нарушила молчание. — Она не ненавидит тебя, Нона. Что ж... она... просто Колесо. — Она отодрала еще одну льняную полоску, липкую от крови, и Нона поморщилась. — Ты знаешь, что она пришла из Серости?

— Кто? Сестра Колесо?

— Из крошечной деревушки под названием... Я забыла, но мне кажется, там трудно выжить. Мы ведь вместе были послушницами, знаешь?

— Сестра Колесо из Серости? — Ноне было трудно себе это представить. — Вы учились в одном классе? — В это было поверить еще труднее. — Но она же старая!

Сестра Роза рассмеялась:

— В Колесо есть хунска, больше, чем прикосновение. Годы не были добры к ней. И морщины не показывают, что мы... хорошо заполненные... личности.

— У нее нет акцента. — Нону это не убедило.

— За два года ты потеряла половину своего. Побудь здесь еще немного, и никто не узнает, откуда пришла Нона Грей, если ты дашь Серости уйти. — Сестра Роза принялась промывать порезы.

Новая боль спасла Нону от мыслей об ответе на это. Она стиснула зубы и зарычала, уткнувшись лицом в подушку.

Сестра Сквородка пришла навестить Нону в тот же вечер, используя свое звание, чтобы преодолеть барьеры, все еще сдерживающие послушниц. Она села, положив одну руку на колени и положив на нее обрубок другой.

— Ну, — сказала она.

Нона слегка улыбнулась монахине. С первого дня пребывания Ноны на уроках Пути это был, пожалуй, единственный раз, когда Сквородка посмотрела на нее с каким-то особым интересом. Ноне нравилась Сестра Сквородка: у старухи был острый ум, но она никогда не была злой, она развлекала и направляла, а не руководила или диктовала. Тем не менее, она казалась почти слепой к тем, у кого не было хотя бы намека на квантал, как будто послушницы были взаимозаменяемы, за исключением Гессы и Ары, и она действительно оживлялась только с этими двумя.

— Похоже, ты добралась до Пути по дороге, которой я тебя не учила, — сказала Сестра Сквородка.

— Почему вы не учили ей? — спросила Нона. Возможно, что, несмотря на все свои

годы, Сквородка не знала этой дороги.

Монахиня улыбнулась древними морщинами, показывая потертые колонны оставшихся зубов.

— Настоятельница Стекло могла бы возразить, если бы я приковала каждую послушницу цепью к стене и избила до крови, надеясь, что она убежит от хлыста и достигнет Пути. — Она потеряла подбородок. — Кроме того, даже на кванталах это почти никогда не срабатывает. И даже когда удается, вряд ли ты захочешь повторить опыт. Безмятежность позволяет человеку достигать Пути медленно и размеренно. Кроме того, удержаться на Пути невероятно трудно. Для этого требуются годы тренировок и редкий врожденный талант. Сделать больше нескольких шагов по Пути тяжело, даже если человек ступает на него осторожно. Когда же тебя приведут туда ярость или боль... Вспомни игру меч-путь, которую Сестра Сало держит в своем зале. Безмятежность — это послушница, которая выходит с помоста, раскинув руки для равновесия; она аккуратно ставит ноги, размышляя о том, что ждет ее впереди. Ярость — это послушница, во весь опор выскакивающая из двери и мчащаяся к обрыву. Она может коснуться меч-пути на своем пути вниз, но на самом деле она не идет по нему.

— Это было всего лишь прикосновение? — Уже говоря, Нона знала, что это правда. Она упала с Пути, как только «ступила» на него — не то чтобы ноги были вовлечены, но образ помог ей осмыслить пережитое.

— Мы обсудим этот вопрос в классе, Нона. Впереди могут быть захватывающие времена! А пока попрактикуйся в безмятежности. Она поможет справиться с болью. Это само по себе должно быть достаточной мотивацией, даже без Пути, который ждет тебя. — Сестра Сквородка встала с громким скрипом. — Ищи Путь, но не касайся его! — Она огляделась по сторонам. — Сестра Роза не простит тебе, если ты разрушишь санаторий! Сестра Сало далеко не в восторге от ущерба, нанесенного Залу Меча. Кроме того, ты, скорее всего, умрешь. Тебе очень повезло, что ты смогла сформировать и протолкнуть энергию Пути в стену. — Задумчивый взгляд. — Мы поговорим о том, как тебе это удалось. Позже.

Сестра Сквородка повернулась, чтобы уйти, и зашаркала к двери со скоростью старой дамы лет на двадцать моложе ее.

— Спасибо вам, сестра. — Нона тихо произнесла эти слова в спину Сестре Сквородка, но монахиня, опровергая уверения Клеры в том, что она глуха, резко обернулась.

— Спасибо тебе, послушница. Когда ты доживешь до моего возраста, тебе понадобятся такие вещи, чтобы продолжать жить. Поверь мне. Я была и слишком молода, чтобы знать, и слишком стара, чтобы заботиться. Именно в этом — о, таком узком — промежутке между ними и рождаются воспоминания. Так что наслаждайся ими. — И с этими словами она ушла, хлопнув за собой дверь. — Волнующее время. Волнующее время.

Нона лежала, уставившись на дверь. Оживление, возникшее на лице Сестры Сквородка, когда та говорила о Пути, вернуло ее к тому моменту контакта, к той ужасной энергии, которая наполнила ее, как огонь под кожей. Воспоминание отодвинуло боль от ран, оставив ее лишь щекоткой на коже. Было мгновение освобождения, когда она вонзила свои когти в стену и выпустила силу Пути в камень. Она хотела снова испытать это чувство. Раньше она ничего подобного не чувствовала. Укрытие и тепло костра после лед-ветра не подходили даже близко, как и еда, предложенная желудку, остававшегося пустым слишком много дней. Она хотела его снова.

Клера, Рули и Джула пришли на следующий день, болтая за спиной Сестры Роза, Рули

наклонилась в сторону, чтобы ухмыльнуться Ноне из-за круглой монахини. Они опустили на ее кровать, заставив ее вздрогнуть, когда матрас сдвинулся под их весом.

— Я в Сером Класе! — Джула скрестила ноги на дальнем конце кровати. — Отравительница наконец-то поставила мне печать Тени!

— Вот это здорово! — Нона скучала бы по Джуле, особенно по ее помощи в Академии. Они улыбнулись друг другу. Ноне нравилась Джула: она могла направлять руку Ноны, чтобы та выводила идеальные буквы на грифельной доске вместо ее шатких попыток. Но еще больше ей нравилось то, что вся книжность Джулы исчезала на песке Зала Меча. Если ты не будешь предельно внимательной, дочь писца уложит тебя на спину, яростно, и все это без капли хунска в жилах.

— Как ты себя чувствуешь? — Рули встревоженно наклонилась, протягивая руку к ладони Ноны. — Ты выглядишь ужасно.

— С ней все в порядке! — сказала Клера. — Она снесла эту чертову стену. Показала этой суке Зоул.

Нона с некоторым трудом села, изобразила улыбку и позволила разговору течь вокруг нее. Требовалось только «да» здесь и «почему» там, чтобы все продолжалось, и она находила утешение в знакомом ритме их болтовни.

Ара, очевидно, зайдет к ней позже. Она хочет прийти одна, чувствуя себя очень виноватой из-за всей этой истории с девочкой для порки.

— И она должна так чувствовать! — Клера прервала Рули. — Они все так делают. Сис плюют на нас все время. Даже если не собираются. Они просто думают о нас, как о вещах, которые можно использовать.

Когда Шерзал уехала, Зоул осталась, и ее приняли в Серый Класс, где она хранит настороженное молчание, не реагируя на насмешки или угрозы. Клера с радостью сообщила, что девочка из лед-племени упала с меч-пути в пяти ярдах от начала и не проявила особых способностей в Академии. Особенно примечательным и достойным мимического изображения было ее знакомство с Отравительницей, когда она выбежала из пещеры всего через несколько минут после начала урока, держась руками за оба главных отверстия.

Сестра Сало, по словам Рули, провела весь их последний урок, задумчиво глядя на изрытую воронками стену и позволяя старшим послушницам избивать младших до синяков.

— Но она пообещала научить нас противостоять тому движению торки, которое использовала на тебе Зоул, — сказала Клера. Она улыбнулась, а затем перешла на другую тему. — Мой отец все еще в долговой тюрьме, но они разрешили маме и моим сестрам навещать его. — Монастырь не одобрял разговоры о семье, и ни одна послушница не игнорировала это столь впечатляюще, как Клера. — Она нахмурилась. — Его уже должны были отпустить: остались только долги, которые, как всем известно, фальшивые.

— Отец Джулы сейчас работает во дворце! — вмешалась Рули, ослепительно улыбнувшись.

Джула, приверженец правил до мозга костей, лишь быстро и взволнованно помотав головой, опустила взор долу.

Болтовня продолжалась, отвлекая мысли Ноны от ее ран, пока не заговорил Брей. Глубокий голос колокола резонировал по всему монастырю, и трое посетительниц вскочили, чтобы уйти.

— Следующий Дух! Тебе лучше остаться здесь! — крикнула через плечо Клера.

— Поторопись и поправляйся! — Рули последовала за ней.

— Я буду молиться за твое выздоровление. — Джула положила свою руку на руку Ноны и побежала догонять остальных.

Прошло несколько часов, и в комнату проник алый свет, край солнца горел над крышей. Нона решила, что все пройдет и день закончится до того, как Ара придет навестить ее, но дверь открылась и та появилась на пороге.

— Мне очень жаль!

— Почему, ради Предка? И это была моя реплика. — Ара поспешила сесть на стул рядом с кроватью Ноны.

— Я не сумела ее победить, — сказала Нона.

— Ты же не можешь победить *всех!* И, кроме того, ты уже была ранена. — Ара с беспокойством посмотрела на Нону, ее взгляд метался туда-сюда, ища следы ран. — Как ты себя чувствуешь?

Нона пожала плечами и тут же об этом пожалела.

— Сестра Роза скоро меня отпустит.

— По крайней мере, ты избежала кровь-войны, пока тебя избивали. В ней мало приятного.

— Кровь-войны? — Нона нахмурилась. Она была почти уверена, что это было бы благословение по сравнению с двадцатью ударами ивового прута.

— Когда я стала способной подойти ближе к Пути — когда моя квантальная кровь начала заявлять о себе, — я чувствовала себя ужасно. Думала, что умираю. Ну, не умираю, но меня тошнило недели. Сестра Сквородка говорит, что это называется кровь-войной. Но твой переход прошел так быстро, что ты ее пропустила!

— ... — Нона закрыла рот. Может быть, это и было небольшим благословением, но она полагала, что это *было* благословением.

— Зоул *очень* быстра. — Ара посмотрела на свои руки, лежащие на коленях, пальцы сжаты в кулаки. — Я должна была позволить Сестре Сало закончить бой.

— Почему же ты этого не сделала?

— Она так долго тянула, а Зоул делала тебе больно...

Нона поджала губы и посмотрела в опущенные глаза Ары. Волосы подруги падали ей на лицо, такие же длинные и золотистые, как и в день ее приезда.

— Ты была в трансе безмятежности, Ара. Ты могла бы смотреть, как она убивает меня, не теряя самообладания. Ты готовилась еще до того, как начался бой. Я видела тебя. — Сомнение ударило, холодное и сильное. — Ты считала, что у меня нет шансов, верно?

Ара резко подняла голову:

— Все было совсем не так! Это из-за Шерзал. Я хотела, чтобы она боялась меня!

— Боялась? — Сестра императора не была похожа на женщину, которая умеет бояться.

— Она украла меня из семьи — она *действительно* украла меня из семьи, только в монастырь, а не в свои лапы. И теперь она пытается проникнуть сюда, чтобы добраться до меня. Поэтому я хотела показать ей, что та самая причина, по которой она хочет меня, является и той причиной, по которой она должна бояться меня. Я хотела, чтобы она знала: если она попытается удержать меня в своем дворце, я обрушу стены ей на уши... Но *теперь* она поняла, что ты тоже ей нужна, и у тебя нет таких семейных связей, о которых она могла бы беспокоиться, как у меня...

— Так ты себя чувствуешь? Украденной? Ты хочешь вернуться к своей семье и своим слугам? Бросить нас всех? — Слово «нас» выскочило в последний момент вместо «меня».

— Я бы хотела чувствовать себя в безопасности, навещая их. Повидаться с мамой и папой. Я скучаю и по своей маленькой сестренке. Даже по Сонелле, чуть-чуть... может быть, теперь она не такая уж и корова.

Нона ухмыльнулась. У Ары была сотня историй о своей старшей сестре, ни одна из них не была лестной, а некоторые заставляли смеяться так сильно, что можно было обмочиться.

— Ну... может быть, мы обе ее напугали, или, возможно, записали себя в ее список приобретений. В любом случае, мы вместе, как и должно быть, Избранная и ее Щит.

— Ты же знаешь, что все это чепуха, не так ли? — Ара на мгновение стала серьезной. — Шерзал хочет нас не потому, что пророчество реально, а потому, что люди верят в него.

Нона кивнула:

— Даже если бы я верила в пророчества, Сестра Колесо, так сильно желающая, чтобы это оказалось правдой, не позволила бы мне поверить в него.

— А это еще кто? — спросила Нона.

Невысокая женщина приближалась к Башне Пути, черное пальто развевалось вокруг ее ног, темные волосы были собраны сзади в строгий пучок, кожа имела тот же красноватый оттенок, что и у Зоул. На каждом бедре у нее висело по мечу.

— Йишт, — сказала Ара. Они пришли первыми, прямо из санатория. Сестра Роза сказала Ноне накануне вечером, что на следующий день она может вернуться в дормиторий и возобновить все свои уроки, за исключением Меча — большое разочарование, учитывая, что Меч был единственным классом, который действительно волновал Нону.

— Йишт? — Нона нахмурилась. — Это настоящее имя?

— Такое же настоящее, как и Зоул, — сказала Дарла, сердито глядя на приближающуюся женщину. Джула и Дарла присоединились к ним у восточной двери, ожидая, пока Сестра Сквородка откроет ее.

Не успела Дарла произнести имя, как Нона заметила Зоул, идущую в тени Йишт.

— Она — телохранительница Зоул, если ты можешь в это поверить, — сказала Ара. — Шерзал хотела поставить шестнадцать своих телохранителей, чтобы они присматривали за ее драгоценной наследницей. Настоятельница сумела настоять на одной. Она знала, что они будут делать больше, чем просто присматривать за Зоул.

Джула кивнула:

— Я думаю, что первосвященник приказал Настоятельнице Стекло не вмешиваться в ее дела. Однажды Алата выбежала из-за угла, и Йишт ударила ее о стену, чуть не сломав руку. Сказала, что это выглядело так, как будто она набросилась на Зоул... как будто Зоул не может защитить себя!

Джула кивнула:

— И что сделала настоятельница?

— В том-то и дело. Настоятельница ничего не сделала. Сестра Роза, должно быть, сказала ей, потому что она назвала Йишт целой кучей имен, которые, я готова была поклясться, она не знает. А Сестра Роза никогда не сердится!

— Как бы то ни было. — Ара снова взяла инициативу в свои руки. — Сестра Сквородка не пускает ее в башню. Она должна стоять здесь на страже. — Она бросила злобный взгляд на Зоул и ее защитницу, которые преодолевали последние несколько ярдов. — Надеюсь, снова поднимется лед-ветер.

— Йишт со льда, как и я, — сказала Зоул, подходя к Джуле. — На льду ветер ревет. Здесь вы слышите шепот и думаете, что знаете холод. — Она удивленно покачала головой.

Ара продолжала, как будто девочка ничего не говорила:

— Шерзал хотела, чтобы шестнадцать возглавила Сафира! Сафира! Изгнанная послушница, предавшая монастырь и церковь, обучающая меч-искусству за деньги.

Нона вспомнила, как Ара упоминала об учительнице Зоул в тот памятный день, когда приехала сестра императора.

— Она кого-то здесь зарезала? Другую послушницу?

— Она ударила ножом Сестру Чайник. Ей повезло, что ее не утопили. Должны были.

— Чайник? — Мысли Ноны понеслись вскачь. Целый год Сестра Чайник учила ее читать и писать, молодая монахиня всегда была полна болтовни и сплетен, но о том, что ее

ударили ножом, не было и речи. Теперь Нона подумала о легкой хромоте Чайник и о том, что никто в монастыре не подходил близко к ее результату на меч-пути, и о том, что она никогда не ходила по нему за эти два года. — Ты сказала, что Сафира ударила ножом послушницу...

— Тогда они с Сафирой были послушницами. — Ара наклонилась, чтобы прошептать, ее волосы упали на плечо Ноны, дыхание щекотало ухо. — В Святом Класе они делили кровать, но потом к монастырю присоединилась Сестра Яблоко и... ну, ты знаешь. Сафира ревновала, были ссоры, и Чайник получила удар ножом, когда окончательно решила уйти от Сафиры.

Дверь задрезжалась, Сестра Сквородка отперла ее изнутри. Ара отпрянула, как будто ее застали за чем-то нехорошим, и Дарла протиснулась внутрь.

Пока Сестра Сквородка отпирала следующую дверь, Нона, Ара и Джула поспешили вслед за Дарлой вверх по лестнице, не обращая внимания на портреты. Зоул поднималась по лестнице последней, позади Серого Класа, следуя за сестрой Сквородка и вполголоса что-то спрашивая.

— Она всегда подлизывается к Госпоже Путь, — сказала Клера, севшая слева от Ноны. — Наверное, запоминает все, чтобы доложить, когда вернется к Шерзал.

— И когда же это будет? — Нона перешла на шепот, убежденная, что предполагаемая глухота Сестры Сквородка была всего лишь уловкой старухи, чтобы она могла быть в курсе сплетен послушниц.

Клера пожала плечами:

— Она говорит, что хочет стать монахиней.

Первые две трети урока прошли, как обычно, с медитацией и наставлениями в трудном деле достижения ясности, безмятежности и терпения. Клера обычно шутила, что им всем следует сначала поработать над терпением, потому что оно им обязательно понадобится, чтобы пережить урок. Но шутка была старой еще до ее рождения, и теперь она обычно проводила уроки, пытаясь заснуть с открытыми глазами, или приставала к Сестре Сквородка, чтобы та разрешила классу попрактиковаться на меч-пути, пока она занимается со своими звездными учениками.

Нона никогда не добивалась бóльшего успеха с терпением, чем с безмятежностью. На самом деле они казались ей почти одним и тем же, хотя Сестра Сквородка настаивала на обратном.

— Терпение принадлежит хищнику. Он выжидает перед ударом. Терпение бесценно для Сестер Осторожности. Те, кто умеют плести тени, используют терпение, чтобы очень глубоко погрузиться в темноту и собрать ее вокруг себя.

— Вы хотите сказать, что, если я научусь ему, смогу сделать то, что Сестра Чайник сделала в Зале Меча? — Образ Чайник, возникающей из ниоткуда, вернулся к Ноне. Она видела это снова и снова — Чайник, волочащая за собой тень, вскакивает и бросает ее на песок. — Я смогу быть невидимкой, как ной-гуин?

— Ной-гуин не невидимки, ребенок. — Сестра Сквородка недовольно скривила губы. — Их тень-работники так хороши, потому что они сосредотачиваются только на этом и ни на чем другом. Столь узкое образование имеет ограниченное применение. В любом случае, ответ на твой вопрос — нет. Только те, у кого есть хотя бы капля марджала, имеют потенциал для тень-работы, и даже некоторые из них никогда не справляются с ней. Но независимо от того, есть у них талант или нет, им нужно войти в терпение-транс, чтобы

установить наилучший контакт.

— А что кванталы могут делать с силой, полученной от Путь-хождения, кроме того, чтобы все ломать?

Сестра Сквородка повысила голос, привлекая внимание тех, кто еще не слушал ее:

— Марджалы — колдуны. Они касаются силы мира во многих отдельных местах, далеко от Пути. К каким частям тайного мира они прикасаются и насколько глубоко, зависит от их индивидуальной природы и от того, насколько густо марджал течет в их жилах.

Путь совсем другой. Он отделяет живое от неживого. Некоторые марджалы касаются только живой стороны мира, другие — только неживой, некоторые — и той, и другой. Большинство марджалов работает с магией, лежащей далеко от Пути. Величайшие марджалы касаются областей, которые лежат близко. Но никто из них не трогает и не ходит по самому Пути. Их магия многочисленна и обычно незначительна, хотя часто очень полезна.

Но путь — это настоящая сила. Источник силы и ее природа. Большинство кванталов могут только собрать эту силу и освободить ее короткими, сильными вспышками. За энергию Пути опасно держаться. Однако есть — очень редкие — кванталы, которые, при достаточном мастерстве, правильной тренировке и многолетней практике, могут собирать на Пути энергию, удерживать ее, формировать и направляться к цели без конца. Путь — линия, но не прямая. Он касается всех вещей и разделяет их. Путь придает смысл идентичности, тому, *чем* одна вещь отличается от другой и *как* она отделяется от другой. Его сила может разрушить мир... и создать его заново.

Сестра Сквородка оглядела класс.

— А теперь, если Клера пообещает не ломать мебель, торопясь уйти, те послушницы, которые захотят, могут попрактиковаться на меч-пути до колокола. — Когда стулья загремели и девочки побежали к лестнице, трепеща и хлопая юбками, она положила свою культю на плечо Ноны. — Ты, Нона, останешься.

Как бы Ноне ни хотелось погнаться за остальными, скованность из-за шрамов и боль, которую она чувствовала, напрягая мышцы, были достаточны, чтобы удержать ее на месте даже без тяжести внимания Сестры Сквородка. Меньше чем через минуту на своих местах остались только Нона, Ара, Гесса и Дарла, а также Зоул и бледная рыжеволосая Лини, подруга Алаты.

— Ара и Гесса пойдут со мной. Ты тоже, Нона. Дарла, Зоул и Лини продолжайте вашу работу над терпением.

Сестра Сквородка подошла к большому сундуку и закрыла его крышку, прежде чем начать спускаться по винтовой лестнице. Гесса последовала за ней, неуклюже опираясь на костыль. Она оглянулась на Нону — *держись рядом!*

Нона пристроилась позади Гессы, Ара — за ее спиной, и все трое последовали за Сестрой Сквородка вниз по узким спиральям лестницы.

— Представь себе Путь, Нона. Не закрывай глаза, но смотри на него. Не прикасайся к нему, но позволь ему вести тебя. — Голос Сестры Сквородка отдавался эхом, словно они находились в огромном зале, а не на узкой лестнице. — Следуй за мной. Не по ступенькам под твоими ногами. За мной.

На мгновение Нона увидела яркую линию Пути, пересекающую темную шерстяную рясу Гессы. Путь притягивал ее — горящая трещина, одна линия и много, прямая, как копьё, но в то же время извилистая, его изгибы и петли заполняли пространство между плечами Гессы, проникая внутрь и сквозь нее, как будто ее там и не было...

— Вот мы и пришли, — голос Сестры Сквородка вернулась к своему обычному удивительно молодому тону.

Нона моргнула. Они находились не на лестнице и не в огромном зале, который она ощущала вокруг себя. Комната изгибалась, словно жила между стеной башни и лестницей, занимая треть полного круга. В ней не было окон, только несколько маленьких язычков пламени горели в нишах, освещая ее. Шесть стульев из черного дерева стояли в беспорядке в центре комнаты, каждая стена, пол и потолок были заполнены сигилами, написанными серебром, вырезанными в камне.

— Садитесь, — Сестра Сквородка указала на стулья.

Нона села, уставившись в потолок, насыщенный сверкающим серебром. Благодаря сигилам обычные буквы — когда-то казавшиеся дьявольски сложными — выглядели глупо простыми. Каждый символ размером с ладонь был произведением искусства, одна-единственная линия, сложенная в сложную структуру, которая горела в глубине глаз и начала складывать рассудок вокруг себя. Они выглядели почти как фрагменты Пути, застывшие на мгновение.

— Не пялься так, Нона. Это вообще невежливо. Там, где дело касается сигиллов, это может быть опасно. — Сестра Сквородка приложила пальцы к ближайшей стене. — Это работа марджала, пуст-писца, мастера этого искусства, ныне давно умершего. Они гарантируют, что любые несчастные случаи, которые могут произойти при попытке пройти по Пути, ограничатся этой комнатой. Я люблю эту башню, как Сестра Сало любит свой зал, и мне бы не хотелось, чтобы какая-нибудь безрассудная послушница снесла ее.

— Только недавно... ну, может быть, еще до твоего рождения... Послушница Сегга неожиданно рано ступила на Путь наверху. Я только что показала ей первое упражнение на безмятежность... Во всяком случае, она закричала так громко, что вылетели стекла. Все мои прекрасные витражи. Мы нашли их куски, воткнувшиеся в Собор Предка! После этого я долго ничего не слышала... — Сестра Сквородка повернулась к Аре. — Послушница Арабелла, которая уже слышала, как я выразила свое разочарование в ней из-за ее действий во время избиения Ноны, начнет. — Она жестом пригласила Гессу и Нону присоединиться к ней в дальнем конце комнаты, ближе к тому месту, где изгиб стены скроет их из виду.

Нона подошла и встала рядом с монахиней. От нее исходил странный запах, какой бывает у стариков, какими бы чистыми они ни были, — не затхлый, не кислый, не несвежий... просто старый.

— Теперь, Нона, когда мы знаем, какая в тебе течет кровь, ты должна понять — то, что мы, кванталы, делаем здесь, в этом монастыре, легче и эффективнее из-за корабль-сердца. Там, где оно бьется, пространство между частями мира сужается. Там легче прикоснуться к Пути, легче идти по нему, легче придать форму его энергии.

— Неужели? — Нона хотела употребить более резкое слово, которое, возможно, было новым даже для сквернословящей Клеры или моряков, которые учили ругаться Рули... но она проглотила его и пристально посмотрела на Сестру Сквородка. — Неужели? Потому что «легко» — это не то слово, которое я бы использовала для подобных вещей. — Госпожа Меч избила ее до полусмерти, прежде чем она сумела хотя бы мельком взглянуть на Путь.

Сестра Сквородка лишь слегка улыбнулась:

— Послушница Арабелла. Подойди к Пути в безмятежности. Сделай один-единственный шаг и возвращайся, владея тем, что тебе будет дано.

Нона вышла из потайной комнаты вслед за Гессой и Арабеллой. Остальная часть Серого Класса давно ушла. В комнате без окон было легко пропустить звон Брея. Сестра Сквородка вернула ее назад и приказала приложить руки к стенам, заполненным сигилами — это позволяло любому блуждающему следу энергии Пути покинуть тело.

Она поспешила вниз по винтовой лестнице, все еще кипит от возбуждения. Ее контакт с Путем был мимолетным, но восхитительным. Путь наполнил ее и пробудил понимание того, что всю свою жизнь она была пустой. Он превратил ее плоть в золото, а разум — в кристалл. Она хотела большего. Даже когда его сила ужасала ее и она чувствовала, что ее тело бесконтрольно дрожит, она хотела большего.

Восточная дверь захлопнулась за ней, закрытая ветром. Нона остановилась у подножия башни, с удивлением глядя на серость дня, зная, что за всем этим, через все это бежит Путь.

Кто-то взял Нону сзади за запястье, железной хваткой, выдернув ее из задумчивости. Вторая рука схватила локоть, обездвижив конечность, и через мгновение Нона наклонилась вперед, крича от боли, вытянув руку прямо за спину. Нападавший ткнул ее лицом в стену башни.

— Ребенок, держись подальше от Зоул.

— Йишт! — прорычала Нона, узнав акцент лед-племен.

— Скажи мне, что ты понимаешь и будешь повиняться.

Нона стиснула зубы от боли в плече. Когда твое лицо прижато к холодным камням, а рука скована, возможности убежать нет.

— Ты собираешься сломать мне руку? — У нее перехватило дыхание. — Сколько послушниц ты успеешь сломать, прежде чем настоятельница вышвырнет тебя вон? — Нона и не думала снова бросать вызов Зоул, но будь она проклята, если позволит себя запугать.

— Я могу сломать тебе не только руку, ребенок. — Давление усилилось. — Я могу сломать каждый сустав каждого пальца. — Йишт говорила без всякой страсти, но что-то в ее тоне не оставляло места для сомнений. Она может все это сделать. — Я могу вырвать тебе глаза...

Нона отшатнулась от стены, крича от боли. Если бы она вышла через другую дверь, ее могли бы увидеть из других монастырских зданий.

— Настоящий боец, как я погляжу. — Йишт опять прижала ее к каменной кладке. — Слишком храбра для угроз. Но я наблюдала за тобой. Ты заботишься о калекке. Перейди мне дорогу, любым способом, и, может быть, однажды ветреной ночью она упадет со скалы.

Она отпустила Нону с толчком, от которого та, спотыкаясь, двинулась вперед, словно демонстрируя, что может случиться с Гессой. Яма в скале зацепила ногу Ноны, и она упала лицом вниз, чувствуя, как что-то рвется в ее израненной спине. К тому времени, как она выпрямилась, Йишт уже исчезла.

— Как все прошло со Святыми Ведьмами? — захотела узнать Клера, когда Нона вошла в дормиторий. — Я скучала по тебе на Мече, в бане и на ужине! Джула сказала, что Сестра Сквородка что-то в тебе открыла и оставила тебя для специальных занятий, но я сказала...

— Она сказала, что ты умерла, — крикнула Джула с кровати. — Она сказала: «Нона не пропустит ни одной трапезы, пока не умрет».

— Я ела в санатории, пока Сестра Роза меняла мне повязки и накладывала швы.

— Итак... — Клера перевернулась на другой бок и положила подбородок на руки. — В чем же секрет? Куда Сестра Сквородка водит вас, ведьм, играть? Это как-то связано с десятой ступенькой не так ли? Я всегда так говорила.

— Да. Десятая ступенька. Нажми на нее справа, и откроется потайной ход. — Нона осторожно забралась в кровать.

— Ах ты лгунья! — Клера поджала под себя колени. — Рассказывай!

— Сестра Сквородка сказала, что преподает урок...

— Не будь такой трусихой. Теперь ты любимица Кастрюли. Она не причинит тебе вреда.

— ... всем, кому я расскажу, — закончила Нона.

— О. — Клера поникла, потом просияла. — Расскажи Джуле! Она мне потом все передаст.

Нона фыркнула и легла на бок, стараясь не растягивать рваные раны. Сестра Сквородка предупредила ее о необходимости хранить тайну, но она была по характеру скрытной задолго до того, как она попала в монастырь. В то первое утро Сестра Яблоко велела ей раздеться, она не хотела, но сделала, потому что ей действительно нужно было принять ванну. Однако, раскрыв секреты, она становилась более обнаженной, чем сняв любую одежду. Она скорее пойдет обнаженной по монастырю, чем откроет свою истинную сущность. В деревне это понимали. Ее собственная мать это понимала. И она уехала оттуда в клетке — с проклятиями и комьями земли, брошенными ей в спину. Слова были тяжелее и ранили сильнее.

В ту ночь сон приходил урывками, окруженный мягкими звуками спящих девочек. Снова и снова в темноте мелькали образы Ары и Гессы, работающих с энергией Пути. Яркий и потрескивающий свет наполнял руки, падал на покрытые сциллами стены, или втягивался в тело, наполняя его ужасной дрожащей силой.

Видения Пути наконец растаяли, но Нона все еще не могла убежать в сон. Железная хватка Йишт не давала ей уснуть, синяки на руке Ноны сковывали ее тупой болью. Остальным она ничего не сказала. Это напугает Гессу и ничего не даст. Все, что нужно было сделать Ноне, — не мстить Зоул. Но, помимо этого, ее заставлял молчать стыд. Стыд за то, как легко эта женщина одолела ее, и стыд за тот страх, который она испытала. Она лежала, глядя в темноту. Только когда вспыхнул и погас яркий фокус луны, разум Ноны убежал в забвение.

Прошло почти три недели, прежде чем спина Ноны полностью зажила. Она со страстью вернулась к урокам Меча, сражаясь с ножом против более старших и более опытных послушниц, хотя и держалась подальше от Зоул. Конечно, ей придется встретиться с девочкой, если Сестра Сало даст указание на спарринг, но монахиня никогда не приказывала Аре и Ноне драться с Зоул.

Нона старалась попадать в комнату меч-пути по крайней мере три дня из каждых семи, хотя теперь она никогда не избегала урока Пути. Но как бы медленно она ни шла и сколько бы смолы ни наносила на подошвы, ей все равно удавалось пройти не больше половины пути, а обычно и меньше. Сочлененные трубы всегда, казалось, заканчивались в разных комбинациях положений в конце предыдущей попытки, что делало курс непредсказуемым, с секциями, качающимися или вращающимися неожиданным образом и в неожиданное время. Единственным утешением служило то, что Зоул сумела преодолеть только треть пути.

Но была инеприятная нота — Джула больше не тренировалась с ними. Клера и Джула

внезапно и односторонне — со стороны Клера — поссорились после седьмого дня, в течение которого им обоим разрешалось навещать семью в Истине. Клера не стала говорить об этом, но не упускала возможности пройтись острым язычком по Джуле, которая просто выглядела несчастной и смущенной.

— Почему ты со всеми такая стерва, Клера? — спросила Ара после одного яростного обмена репликами, который заставил Джулу убежать в слезах.

— Со всеми?

Нона моргнула: «Со всеми?» — Она посмотрела, как Джула сворачивает за угол мимо скриптория в самый дальний конец двора, и удивилась — они два года учились принимать самые яростные удары и наносить ответные, но простые слова так легко преодолели их защиту.

— Со всеми. — Ара кивнула, сузив глаза и глядя на Клера.

Нона нахмурилась. Возможно, это было правдой. Если ты не была подругой Клера, ты для нее ничего не значила.

Клера пожалала плечами и подбросила свою серебряную крону, ловя монету, чтобы рассмотреть голову императора на аверсе.

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь грустил, когда я умру.

Рули присоединилась к Серому Классу в тот день, когда Сестра Сало познакомила Нону и по меньшей мере треть послушниц с метательной звездой. Нона держала ее только один раз, и то недолго — Сестра Колесо бросила такую в нее и пробила дыру в ладони. Там все еще оставалась белая ниточка шрама.

Бросать звезду оказалось легче, чем ловить, но попасть в цель с любой точностью оказалось труднее, чем она ожидала. Но даже при этом Нона неплохо справлялась, как и Зоул и, неожиданно, Рули, которая метала лучше всех из девушек, новичков в оружии. Клера и Ара твердо придерживались мнения, что у Зоул был предыдущий опыт. Клера оказалась чем-то вроде обузы, Сестра Сало в какой-то момент выразила сомнение, сможет ли она надежно ударить метательной звездой даже по полу.

Когда, наконец, прозвучал голос Брея, руки у всех болели от метания — Сестра Сало настаивала, чтобы они учились и левой, и правой рукой, — и ни у одной из новеньких девочек не было пальца без хотя бы небольших порезов.

— Послушницы. — Сестра Сало подозвала к себе весь класс. В этом не было ничего удивительного: Меч не был тем классом, из которого можно убежать по звуку колокола. — Мы быстро приближаемся к ежегодной ковке Калтесса. Возможно, это уместно, учитывая трудности, которые представляет для этого класса использование послушницей Зоул неизвестных вам боевых стилей. Мы будем путешествовать в Истину каждый день в течение трех дней, и начнем после следующего седьмого дня. Я ожидаю, что Серый Класс хорошо проявит себя против подмастерий Калтесса. Две из послужниц, выбранных из Лини, Дарлы, Алаты, Шилар и Крой, будут сражаться на меч-ринге; три еще не выбранных — без оружия.

Гонка в баню после Меча стала предметом особой гордости с момента прибытия Зоул, и даже такие жгучие новости, как внезапная близостьковки Калтесса, должны были подождать, пока спринт не закончится. Все послушницы приготовили свою дневную ряску, чтобы переодеться после купания, и собрались у главных дверей, готовые бежать. Дарла, чей палец на ноге все еще заживал, а телосложение в любом случае делало ее плохой бегуньей, распахнула двери, и девочки хлынули наружу.

Размер Ноны ставил ее в невыгодное положение, но за два года хорошей еды в

монастыре она на несколько дюймов обогнала своих подруг. Зоул, Кетти и Клера вышли вперед на первом же свободном отрезке пути мимо Зала Сердца, Ара следовала сразу за ними, но Нона знала, что приблизится к ним на крутых поворотах вокруг прачечной и длинного низкого здания винодельни. Там, где Зоул и остальные замедлили ход, чтобы сделать резкий поворот среди паров белья, Нона побежала прямо к противоположной стене, вскочила на нее и съехала вниз в узкий проход между зданиями. К тому времени, как остальные выбежали из облака пара, Нона уже была впереди.

— Как... — возмущенный вопль Клеры потерял столь необходимый ей вдох и еще несколько шагов.

Нона и Кетти пронеслись мимо ошеломленной Сестры Скала и с победой ворвались в двери бани, Ара, Зоул и Клера последовали за ними по пятам.

— А как она будет выбирать? — Вопрос запрыгал по раздевалке, когда с неприличной поспешностью была снята вся одежда. — Каким образом?

— Мне все равно как, лишь бы она выбрала меня. — Клера сбросила оставшийся башмак. — Не понимаю, как она не сможет. — И с этими словами она бросилась в горячий туман комнаты с бассейном.

— Иногда она проводит соревнования. Иногда выбирает своих любимчиков. — Алата вылезла из своих нижних юбок. — В прошлом году были любимчики.

Еще несколько мнений скрестились в разные стороны, но Нона преследовала Ару, и они вместе прыгнули в обволакивающее тепло бассейна. Нона вынырнула и повисла в воде, без костей, дрейфуя в белой слепоте, позволяя болтовне, лишенной всякого смысла, смешиваться с плеском и течь вокруг нее.

— Хорошо! — Клера плыла в дымящейся воде, темные волосы веером рассыпались по поверхности позади нее. — Калтесс. Для тебя это будет все равно, что вернуться домой. — Вокруг них в тумане мелькали силуэты послушниц, лениво плавающих посреди бассейна или тихо переговаривающихся небольшими группами по краям.

— Что? — Нона пришла в себя и стряхнула сонливость. Она попятилась перед наступлением Клеры, размахивая руками перед собой, ноги в ярде над дном. Она понятия не имела, сколько времени прошло, хотя ее пальцы были морщинистыми, так что, должно быть, не так-то мало. Ее окружали стены бассейна, она оказалась в одном из самых дальних от раздевалки углов.

— Калтесс, — повторила Клера. — Знакомая тебе почва.

— Я пробыла там всего пару месяцев. — Она знала, что ковка приближается — никто не проходил через Серый Класс, не испытав ее, — но дату никогда не назначали заранее, она зависела от графика боев в Калтессе и любых других обязательств, которые мог иметь Партнис Рив.

— Отец поставит на меня, — сказала Клера, подплывая ближе и загоня Нону в угол, так что волны от ее приближения достигали ног и живота Ноны. — И выиграет достаточно, чтобы купить свое освобождение.

— Я думала, что на матчах не будет публики. — Нона вспомнила лай толпы под чердаком Калтесса, что-то живое, животное, большее, чем его многочисленные части. Она спросила себя — каково это, сражаться в такой ситуации.

— Ее и не будет, глупая. — Клера нырнула под воду и вынырнула еще ближе, брызгая на Нону водой из поджатых губ. — Но это не значит, что люди не ставят на них, или что богатые люди не платят, чтобы шпионить за послушницами из скрытых галерей.

— Но меч-кулак — это тайна... Используйте, если потребуется, никогда не выставляйте на всеобщее обозрение — вот что сказала Сестра Сало.

Клера усмехнулась и протянула руку, чтобы отодвинуть влажный от пара локон над глазом Ноны.

— Они больше интересуются нами, глупая. — Она вынырнула из воды и выпятила грудь вперед, прежде чем с плеском отскочить в сторону.

Ее место заняла Ара, светлые волосы которой потемнели от воды.

— Ты беспокоишься о Таксисе? Ты ведь знаешь, что Раймел больше не дерется?

— Знаю, — пожалала плечами Нона. Туран Таксис забыл о ней. Его сын был жив. Ему было о чем беспокоиться помимо крестьянской девочки, сбежавшая в монастырь. За два долгих года, прошедших после ассасинов ной-гуин и суда над первосвященником, ничего не произошло. Но Настоятельница Стекло по-прежнему не позволяла ей покидать монастырь в седьмой день, хотя половина послушниц отправлялась в Истину с горсткой монахинь, сопровождавших их.

Той ночью, лежа в темноте дормитория, Нона снова представила себя среди бочек, ящиков и свернутых веревок чердака Калтесса, окруженную десятками купленных детей, спавших беспокойными снами. Она подумала о братьях Таксисах и их отце, которого никогда не видела, но который потратил целое состояние, чтобы увидеть ее мертвой. Даже если они все не забыли ее за два долгих года, визит в Калтесс вряд ли будет разумным временем для мести. Нона будет окружена свидетелями, не говоря уже о Сестре Сало и нескольких других Красных Сестрах.

Но даже так она не могла уснуть. Что-то тянуло ее к себе. Ногти, проведенные по классной доске, неслышные, но все же каким-то образом вызывающие тошнотворную дрожь в костях. Простое беспокойством?

Она выскользнула из-под одеяла и медленно пошла между двумя рядами кроватей. Ночная рубашка, скользнувшая по ее ногам, была подарком Ары. У Ноны не было ничего, что не было бы подарком: даже ее присутствие в монастыре было подарком, ее плата за конфирмацию каждый год возобновлялась «анонимным» спонсором — хотя она была уверена, что это дело рук Настоятельницы Стекло.

Не обращая внимания на ночник, горевший у двери рядом с кроватью Мэлли, Нона выскользнула в общий коридор и направилась к главному входу. Ее пальцы нащупали холодную ручку. Из-за двери доносились низкие и стонущие угрозы ветра, ледяной сквозняк окутывал ее ноги. Под холодом железа что-то еще покалывало ее чувства, что-то темнее ночи, холоднее ветра, многоугольное и странное. Она приоткрыла дверь — совсем чуть-чуть — и заглянула в щель. Ветер свистел вокруг, словно насмехаясь над ее попытками быть незаметной.

Какая-то фигура стояла так близко от двери, что у Ноны перехватило дыхание. На мгновение ее сердце замерло в груди, но поднятая рука фигуры не потянулась к ней, продолжая выписывать невидимый узор в движущемся воздухе между ними. Глаза над черным шарфом, закрывавшим нижнюю часть лица, принадлежали Йишт. Акульки глаза, как называла их Рули, плоские и мертвые. Женщина была так поглощена своей работой, что легкое движение Ноны не отвлекло ее внимания. Нона смотрела, как Йишт заканчивает узор, ее палец, казалось, оставлял в воздухе затяжное волнение, видимое, как вода на стекле. Она шагнула вправо и начала снова. Она что-то искала?

Белый палец, такой бледный, что казалось, будто в него впился иней, прочертил новый

изгиб в пустом пространстве. Этот узор врезался Ноне в глаз, давя на мозг, ощущение было неприятным и знакомым. Сигилы!

Не раздумывая, Нона распахнула дверь. Мгновение они стояли, Нона в зубах ветра, потрясая холодно, ее ночная рубашка облегалась ее и не давала никакой защиты, Йишт неподвижная, рука на рукояти меча, виден блестящий дюйм стали. Не говоря ни слова, Йишт опустила протянутую руку, повернулась и пошла прочь; ночь, казалось, сгустилась вокруг нее и за пять шагов она полностью исчезла.

— Закрой эту чертову дверь! — Крик из Серого дормитория.

Нона, дрожа, закрыла ее и поспешила обратно в постель. Она быстро заснула, почти против своей воли, ее мысли крутились вокруг фигур, которые Йишт оставила висеть в воздухе.

Клетка.

Нона последовала за единственной извивающейся огненной нитью.

Клетка.

Это слово царапнуло по ее сосредоточенности. Нона постаралась, чтобы голос принадлежал ей. *Я в клетке — той самой клетке, которая держала меня всю мою жизнь. Я была в клетке до того, как Гилдзон забрал меня, и никогда не покидала ее. Клетке, сделанной из моих собственных костей.*

Нить свернулась в спираль из трех витков, точно так же, как и меч-путь. Она поднималась и опускалась, создавала узоры, частично знакомые, частично новые, изгибалась, преследуя ее.

Клетка. Проснись!

Я не сплю.

Путь перед ней извивался, как змея от смертельной боли, завязывался в узел, и все же она шла по нему, вниз, в изгибы сигила...

КЛЕТКА!

Нона открыла один глаз.

— Я беспокоилась. — Ара склонилась над ней так близко, что ее волосы рассыпались по лицу Ноны, щекоча ей шею. Она отстранилась.

Нона повернула голову. Ара стояла на коленях у кровати, полностью одетая. Все остальные кровати были пусты, дормиторий наполняли только косые солнечные лучи.

— Г-где все? — Сигил все еще горел перед ее глазами.

— Завтрак, потом Меч. — Ара встала с кровати. — Тебе нужно вставать и одеваться прямо сейчас. — Она помолчала, наклонившись вперед. — Или тебе нужно идти к Сестре Роза? Джула решила, что мы должны позвать ее. Большинство из них просто думали, что это смешно, когда ты не встаешь, но Джула сказала, что, можешь быть, ты заболела.

— Она не пошла к?..

— Нет. Я сказала, что приведу Сестру Розу, если не смогу тебя разбудить. Потом Гесса сказала, что, по ее мнению, ты заболела, но нам следует послать за Сестрой Сквородка. Она сказала, что с тобой что-то не так, но это может быть Путь-работа. Она сказала, что пойдет к Сестре Сквородка после завтрака, если ты не появишься.

— Ты произнесла мое имя, — сказала Нона, — выбранное мной.

Ара закусил губу.

— Я подумала, что это может помочь. Я перепробовала все остальное... — она выглядела слегка виноватой. — Тебе нужно вытереть лицо. И подушка у тебя немного

мокрая.

— Ты плеснула на меня водой?

— Дважды. И дернула за волосы. О, и у тебя на руке следы от ногтей, там, где я тебя ущипнула.

Нона села, вытирая лицо одеялом:

— Какое счастье, что имя сработало! Похоже, еще минута и ты бы подожгла мне волосы или попыталась поцеловать, как тот принц из старой сказки.

Ара быстро посмотрела себе под ноги.

— Нет! — Нона вскочила с кровати и потянулась за юбками.

Ара сверкнула улыбкой:

— Это первое, что попыталась бы сделать Клера.

Нона нахмурилась, стягивая с себя ночную рубашку и влезая в нижние юбки.

— А где Клера? Разве у нее не было мнения?

— Было. — Ара протянула Ноне ее рясю. — Она считала, что с тобой все в порядке, и если мы опоздаем на Меч, Сестра Сало сдерет с нас шкуру. Или, еще хуже, оставит нас тут, когда остальные отправятся в Калтесс.

— Тут она не ошибается! — Нона сунула ноги в башмаки и побежала к двери. — Поторопись! Я умираю с голоду!

Нона проглотила свой завтрак и побежала на первый урок, все еще пережевывая ночную встречу. Сигил Йишт отправил ее в постель и погрузил в настолько глубокий сон, что она могла бы не проснуться. Но что она может сказать монахиням? Какие у нее были доказательства? Родная сестра императора послала эту женщину, и она, казалось, имеет право делать все, что ей заблагорассудится. Даже если Йишт признается в сигил-работе, она просто скажет, что это было сделано, чтобы предупредить ее об угрозах Зоул.

Остаток недели был отдан Мечу, к большому неудовольствию Госпожи Путь, Госпожи Академия и Госпожи Дух. Только Госпожа Тень призналась, что с облегчением избавилась от тупоумия послушниц, и поклялась потратить время на приготовление нового яда, который она испытает на вернувшихся.

Сестра Сало безжалостно муштровала Серый Класс, каждую ночь отправляя их в постель с болью. Она использовала Зоул и ее репертуар незнакомых боевых стилей, чтобы пробудить у послушниц мысль о том, что бойцы Калтесса нападут на них, используя незнакомые приемы.

— Нона и Зоул, — Сестра Сало махнула им рукой. Встреча была неизбежна.

Зоул выпрямилась, отводя с глаз мокрые от пота волосы. Песок покрывал половину ее лица — Ара, наконец, сумела бросить ее на землю. Единственная победа Ары.

— Вернулась за добавкой. — Зоул наблюдала за ней, не улыбаясь.

Нона свирепо усмехнулась и пожала плечами. Она отработывала приемы торки, которые предпочитала Зоул, и внимательно следила за тем, как девочка из лед-племени швыряет остальную часть Серого Класса.

Они встретились, ноги сделали дюжину быстрых движений, прежде чем каждая из них положила руку на другую. Нона напряглась, сжала зубы и слегка опустила тело, чтобы встретить любой бросок, которые любила использовать Зоул. Рука Зоул сжала ее рясю чуть выше груди. Нона потянулась к локтю, опускаясь еще ниже, чтобы сопротивляться броску, но Зоул отпустила ее руку, другая рука скользнула мимо защиты Ноны медленным и плавным движением, которое можно было легко перехватить — но не получилось. Обе руки

Зоул потянулись к лицу Ноны. Нона вцепилась в локоть одной из них, но у нее не хватило сил остановить большую девочку. Зоул не ударила, отсутствие скорости, которое одурачило Нону, означало, что в ударе не было большой силы; скорее, она выполнила некоторую комбинацию шлепков и пощечин, которые заставили дезориентированную Нону, спотыкаясь, пролететь мимо нее.

— Мягкие руки ной-тал! — крикнула Сестра Сало. — Только потому, что вы видели, как ваш противник сражается одним способом против предыдущего соперника, не позволяйте этому заставить вас слишком привязаться к контр-тактике. Разнообразие очень важно. Предсказуемый воин, каким бы талантливым он ни был, умрет раньше, чем менее опытный воин, которого не так легко предугадать.

Зоул осталась непроницаемой. Нона предпочла бы усмешку или насмешливую улыбку: по крайней мере, тогда она почувствовала бы, что ее заметили.

Но последнее унижение Сестра Сало приберегла на полдень шестого дня, перед перерывом седьмого и их ранним утренним путешествием в Истину в начале следующей недели.

— Брейк, — Сестра Сало щелкнула этим словом, как хлыстом, и по всему Залу Меча пары послушниц прекратили спарринг. Нона стояла, тяжело дыша, и улыбалась Клере, которая притворно пошатывалась, хотя пот, капавший с ее челки, не был притворным. До остановки они сражались друг с другом с помощью ослепительных комбинаций ударов, блоков и резких пинков ногами. Нона больше не была на голову ниже Клера и, возможно, была немного быстрее, но Клера компенсировала эту разницу хитростью и изобретательностью.

— Зоул! — Сестра Сало указала на подопечную Шерзал, и Нона застонала, подумав, что их снова пронзит острие универсальности девочки. За последние три дня ее уже четыре раза заставляли есть песок. Но Зоул просто кивнула, подошла к главной двери, открыла ее и высунулась наружу. Через мгновение она уже шла обратно, Йишт следовала за ней по пятам.

Вслед за Зоул Йишт вошла в середину послушниц и остановилась, разглядывая их мертвыми глазами, расположенными над грубыми и выступающими скулами. На ней было ее обычное черное пальто с черными кожаными ремнями под ним, стягивавшими ее тунику, которая когда-то была желтоватой, а теперь стала коричневой от грязи и возраста.

Сестра Сало подошла и встала рядом с телохранительницей.

— Йишт-Раани — известный воин, чей меч стоит дорого. Я попросила ее продемонстрировать свои боевые навыки сегодня днем. Безоружной, конечно — я предпочитаю, чтобы остались выжившие, которые поедут в Калтесс.

Нона начала поднимать руку, чтобы предложить себя. В ней горел огонь, и этот огонь хотел видеть, как истекает кровью Йишт. Но что-то в мертвых акул-глазах женщины заставило ее заколебаться. Она почувствовала, как ее рука дрожит, и поняла, что ее удерживает страх.

— Кто будет с ней сражаться? — спросила Дарла, все еще красная после схватки с Джулой. Она была на голову выше Йишт и толще как телом, так и конечностями.

— Все вы, — ответила Сестра Сало, как будто это был глупый вопрос.

— Кто первый? — Дарла редко знала, когда остановиться.

— Вместе.

Послушницы, двенадцать, выстроились в ряд, готовые к атаке. Зоул встала позади группы, и Нона присоединилась к ней.

— Что ты делаешь? — прошипела Клера, когда Йишт заняла позицию у стены и прислонила клинки к каменной стене. — Это будет очень весело!

— Сестра Сало не дура, — прошипела в ответ Нона. — Эта женщина опасна. Я хочу посмотреть, как она дерется. Будь осторожной. Я очень серьезно!

— Подходите. — Йишт поманила своих противников.

Дарла, Ара и Кетти первыми достигли ее, остальным пришлось толпиться по бокам или ждать своей очереди. Йишт нырнула под Дарлу, уклоняясь от ее удара. По инерции большая девочка перелетела через плечо Йишт и врезалась в стену. Тем временем тяжелое тело Дарлы, летевшее по воздуху, послужило щитом, под которым Йишт продолжала двигаться, появившись под неожиданным углом как раз вовремя, чтобы поймать запястье Ары одной рукой и отразить удар Кетти другой.

Если Ару ловили, ее скорость мало что значила: чтобы не сломать себе запястье, она позволила Йишт прижать себя к стене. Алата двинулась вперед вместе с Лини, темная девочка сильно ударила Йишт по ребрам, когда та развернулась вместе с Арой, бледная девочка попыталась схватить ноги Йишт и удержать одну из них. Сестра Сало не тратила много времени на работу в команде, поскольку Красные Сестры, скорее всего, будут призваны действовать в одиночку, но она обучила их работать вместе против превосходящего противника. Лини следовала этим инструкциям, делая себя уязвимой, но изолируя конечность. Если другие поступят так же, бой будет коротким.

Йишт, казалось, не заметила удар Алата и ответила локтем в шею девочки. Женщина из лед-племени двигалась быстро, но не с скоростью хунска. Каким-то образом она отразила еще один удар Кетти, приняв его на плечо, и поймала руку Клеры, которая пыталась ударить ей в лицо.

— Она знает. — Нона сказала это себе, но рядом с ней одобрительно хмыкнула Зоул. Йишт, казалось, предвидела каждую атаку и в конечном итоге была готова отразить ее, хотя послушницы хунска были значительно быстрее ее.

Через три коротких секунды на песке оказались еще три девочки — Джула, Катча и Рули, и ни одна из них не горела желанием снова встать. Дарла и Ара ошеломленно лежали у подножия стены. Одна нога Йишт стояла на горле Лини, которой пришлось отпустить другую ногу. Кетти, чьи ноги болтались в воздухе, тяжело приземлилась на спину.

Нона перепрыгнула через рухнувшую Алату, Зоул последовала за ней, Шилар и Крой приближались вдоль стены с противоположных сторон, Клера все еще пыталась ударить ногой, хотя Йишт вывернула ей запястье.

Йишт отпустил Клеру — уже потерявшую равновесие и падающую — и, вытянув руку, поймала руку Шилар, в то время как другая ее рука была поймана Крой, наступавшей слева. С этой поддержкой Йишт подняла обе ноги; удар одной из них в грудь Клеры отбросил ту на путь Зоул. Нона, уже находившаяся в воздухе под властью гравитации, обнаружила, что плывет к вытянутой ноге Йишт.

Скрестив перед собой руки, чтобы смягчить удар, Нона врезалась в ногу Йишт, и через мгновение все, казалось, упали. К тому времени, как Нона поднялась с песка, держась за ребра, Йишт каким-то образом ухитрился ударить Шилар о Крой, после чего они обе не могли сражаться. Клера лежала позади Ноны, изо всех сил пытаясь вдохнуть воздух обратно в легкие. А Зоул... Зоул приземлилась, перепрыгнув через Клеру. Она стояла, готовая нанести удар, когда Йишт вывернулась из-под Крой и Шилар. Зоул согнула руку, готовясь ударить воина по незащищенной шее.

Йишт подняла руку, признавая свое поражение, и Зоул отступила, не нанеся удар. Вокруг них на песке лежали послушницы, все остальные. Некоторые, в том числе и Клера, уже вставали, готовые присоединиться к драке, но больше половины не собиралось вставать в ближайшее время, в том числе и Ара.

— Первые послушницы, коснувшиеся дальней стены, отбираются для состязаний Калтесса. — Сестра Сало говорила небрежным тоном, и в первое мгновение никто не воспринял ее слова.

Клера первой начала карабкаться к двери. Джула встала на четвереньки прямо перед ней, и Клера использовала ее, чтобы приподняться, вдавив лицо Джулы в песок. Она побежала, хотя и не потрудилась встать, так что она частично ползла, частично ковыляла, а не бежала по-настоящему. Зоул двинулась следом, быстро обогнав Клери. Алата вскочила, держась за горло, и бросилась бежать. Крой споткнулась о Лили, пытавшуюся встать, и зашаталась.

Нона наблюдала за ними. Хочет ли она вернуться? Хочет ли она драться под крышей Калтесса, под взглядом Партниса Рива? Класть монеты в его кошелек, пока богачи Истины ставят на то, в какую сторону хлынет кровь? Она подумала о Раймеле Таксисе. Будет ли он наблюдать? Будет ли ему еще более стыдно, если она не встанет в шеренгу бойцов монастыря? Или она хочет посмотреть ему в глаза и показать, что не боится?

Джула снова встала на колени, сплевывая песок. Два из трех мест в забеге достанутся Клере и Зоул, но последнее будет ее. Нона поймала себя на том, что бежит. Ее рот выкрикнул «прости», когда она пронеслась мимо Джулы, но ее ноги заработали еще сильнее.

Калтесс обладал собственным неповторимым запахом. Нона не обратила на это внимания, когда пришла сюда с похитителем детей, но теперь, среди множества запахов Истины, именно этот особый запах заставил призрак Сайды встать рядом с ней. Пот, кровь, опилки, нечистоты, старое пиво, выдохшееся вино — Калтесс можно было вдохнуть и за один вдох узнать от пола до стропил.

Пятерым участницам из Серого Класса, сопровождаемыми Сестрами Сало, Кремень и Скала, выделили угол главного зала, где они могли потренироваться. Дети Партниса расставили стулья и длинный стол, на который повара Калтесса приносили полуденную трапезу и одни и те же освежительные напитки. Это гарантировало, что монахиням и послушницам не придется смешиваться с различными обитателями Калтесса.

Остальная часть Серого Класса наблюдала за происходящим с огороженной веревкой площадки в углу напротив той, где продавали эль в дни боев. За ними присматривала Сестра Чайник. Йишт тоже приехала, но шагала по залу, как хищник в поисках добычи, не обращая внимания на границы.

Все это время Нона чувствовала себя выставленной напоказ, гораздо больше, чем если бы они сидели за столом с ринг-бойцами, подмастерьями и закабаленными детьми. Она знала, что каждая трещина и щель в потолке высоко над ней имеет свой глаз. На этом насесте, скорее всего, правят новые короли — Регол и Денам давным-давно должны были присоединиться к подмастерьям Партниса, — но там, наверху, среди мешков и пыли чердака, ничего не изменилось.

Несколько молодых людей из зала подмастерий стояли у главных дверей, наблюдая за происходящим с веселой ленцой, хотя они, наверняка, уже не раз видели это зрелище. Даже ринг-бойцы, казалось, находили предлоги, чтобы пересечь зал туда-сюда больше раз, чем казалось разумным.

Однажды мимо прошла Гретха, седовласая боец-герант, которая дралась на втором ринге в ту первую ночь, когда Нона и Сайда наблюдали за работой Раймела. Она одарила послушниц щербатой улыбкой.

— Она огромная! — прошептала Клера рядом с Ноной.

Нона только кивнула. Руки женщины были такими же толстыми, как тело Ноны, и окаймлены татуировками — черно-красные узоры изображали извивающихся змей.

Около них остановились два бойца-геранта, чтобы посмотреть, как послушницы работают над своими катами. Каждый из них представлял собой огромную массу мускулов, причем шрамы на лице одного из них выглядели умышленно нанесенными, что делало его улыбку чем-то демоническим, хотя в глазах наверху не было злобы. Другой, лысеющий, с седыми волосами, подстриженными до щетины, хмурился, как будто с радостью съел бы послушницу целиком, будь у него хоть пол-шанса. Мимо четыре раза неторопливо прошел молодой человек, что-то напевая себе под нос и сардонически улыбаясь.

— Это Эйгон, — сказала Алата после первого прохода. — Новейший ринг-боец Калтесса. Он приплыл из Дарна.

— Откуда ты знаешь? — Взгляд Крой задержался на двери, за которой скрылся незнакомец. Нона предположила, что он был красавец — худощавый и темноволосый.

— Все знают, — сказала Клера, прежде чем щелчок пальцев Сестры Сало вернул их к

работе.

Приближался назначенный час — в Калтессе не было колоколов, но люди все равно начали собираться. Сестра Сало прервала тренировку и позволила послушницам понаблюдать за наблюдателями.

— А это еще кто? — Клера указала туда, где с бокалом вина в руке стоял Партнис Рив, окруженный толпой ринг-бойцов и подмастерий.

— Владелец. — Ноне никогда не удавалось до конца возненавидеть Партниса, хотя она знала, что должна это сделать.

Партнис Рив ждал и разговаривал со своими бой-мастерами и тренерами, наблюдая за гостями из монастыря. Нона знала обоих мастеров боя: худощавые, серые люди в темно-зеленой униформе Калтесса. Сбоку от них стояла женщина или, может быть, мужчина, закутанная в капюшон и мантию. В спокойные минуты взгляды монахинь устремлялись на эту фигуру. С другой стороны стоял мужчина, которого Нона, как ей показалось, узнала. Он казался маленьким по сравнению с бойцами, сгрудившимися вокруг Партниса, хотя, возможно, до шести футов ему не хватало всего несколько дюймов. Он казался неуместным в штанах из тюленьей кожи и рубашке, сшитой из меха множества мелких животных. *Туллар* на бедре и шрамы на обеих щеках наконец зацепили нужное воспоминание и вытащили его на поверхность. Этот человек вмешался однажды, когда хулиган с чердака, Денам, застал Нону врасплох. Он сказал, что он — ринг-боец... Таркакс, вот как его звали.

Наконец дети начали спускаться с чердака под бдительным оком великанши Майи, которая играла роль матери в Калтессе.

— Ты первая, Нона. — Сестра Сало кивнула в сторону ринга. — Никого не ломай.

Нона взобралась на платформу и перепрыгнула через веревки, образующие прямоугольник, в котором ей предстояло сражаться. Тот факт, что они называли его кольцом, все еще раздражал ее. Светловолосый мальчик небольшого роста забрался в противоположный угол, выглядя взволнованным. Нона огляделась вокруг и обнаружила, что высота чуть меньше двух ярдов открывает совершенно иную перспективу. Она смотрела сверху вниз на монахинь, на Зоул, Клери, Крой и Алату; даже самым высоким герантам она могла смотреть почти в глаза. Гретха, стоявшая рядом с веревками, ухмыльнулась ей и стукнула огромным кулаком по бочкообразной груди.

— Бой! — рывкнул один из бой-мастеров Партниса, и мальчик вышел вперед, поднимая кулаки.

Нона откинулась назад и пнула его, когда он подошел поближе. Ее пятка ударила его в солнечное сплетение. Мальчик согнулся пополам, издав «уууууфф» от того, что весь воздух разом покинул его легкие, и рухнул на бок на доски. Нона огляделась, гадая, не стала ли она жертвой какого-нибудь трюка. Наблюдавшие за ними послушницы, казалось, тоже были удивлены.

— Следующий! — крикнул мастер боя.

Гретха наклонилась и протянула длинную мускулистую руку, чтобы вытащить мальчика из-под нижней веревки. Внутрь забралась здоровенная краснолицая девочка и заняла его место, ее калтесское платье было грязным от пыли и паутины чердака.

Эта приняла на себя пару ударов и получила удар ногой в заднюю часть колена, который уложил ее. Она дважды пыталась подняться, несмотря на удары локтя Ноны в спину. Но не в третий раз.

Следующей была темноволосая девочка, моложе Ноны. Она попыталась увернуться от

первого удара Ноны, и у нее была некоторая скорость, но недостаточная. Кулак Ноны с хрустом врезался ей в нос, и девочка отшатнулась, кровь потекла по ее губам и подбородку, а затем разразилась слезами. Гретха одной рукой приподняла ее тело над веревками, нахмурившись, но скорее от сочувствия, чем от отвращения.

Нона сразилась с шестью противниками подряд, прежде чем Сестра Сало отозвала ее с ринга.

В первый же день Зоул, Клера и Нона столкнулись с длинной чередой учеников Калтесса. Слово «ученики» означало детей с чердака, купленных Партнисом и приставленных Майей к домашним работам, пока не станет ясно, каковы их потенциальные возможности. Нона подозревала, что помимо бега по кругу и просмотра боев, обучение, которое получали «ученики», сводилось к тому, что они просто ели. Тот факт, что многие хунска и геранты не набирали полную скорость и не показывали значительных размеров до подросткового возраста, означал, что Партнис не хотел тратить время своих мастеров боя на детей, дюжины которых он покупал каждый год.

Нона видела, как бой-мастера делали заметки, записывая невнятные комментарии Партниса. Здесь не ковали новичков: Партнис хотел посмотреть характер своих покупок, хотя Нона понятия не имела, почему он не может использовать для этого собственных подмастерий.

Зоул сражалась с учениками с жестокой эффективностью, казалось, намереваясь уложить каждого на доски с минимальным количеством ударов. Йишт вышла на ринг во время поединков Зоул и что-то кричала ей на лед-языке. Приказы, поощрения, угрозы? Нона так и не узнала.

Нона поймала себя на том, что дает соперникам шанс, позволяет им размахиваться, наказывая их за ошибки, а не за усилия. Клера, казалось, наслаждалась возможностью ударить и не быть ударенной, и, используя своих противников как манекены для тренировок, осыпала их десятками ударов, как будто проверяя, сколько раз она сможет ударить их, прежде чем они упадут. После первой полудюжины, последним из которых был гигантский и унылый деревенский мальчишка, она соскочила с ринга вся в крови, ухмыляясь, как сумасшедшая.

После ленча каждый из них встретился со второй партией из шести противников. Эти были старше, демонстрируя больше признаков настоящей тренировки, или, по крайней мере, больше мышц и выносливости. По крайней мере, некоторые из хунска были пол-кровками. Ни один из них не представлял собой вызова.

К вечеру толпа наполнилась новыми бойцами и другими людьми, чье право быть здесь, казалось, было написано богатством ткани на их спинах. Партнис поставил свой кубок и куриную ножку на стол и придвинулся поближе. Если он и узнал Нону, то глаза его не подали виду, холодно оглядев ее. Нона проигнорировала его, ожидая в своем углу третьего набора противников.

Второй из шести противников Ноны был первым в этот день, кто ударил ее. Высокий парень с длинными волосами чернее воронова крыла и шрамом, который заставлял его постоянно криво улыбаться. Он позволил ей нанести пару ударов, явно полагаясь на то, что узнал, наблюдая за ней в тот же день, — она не пойдет на убийство. Он скрыл свою скорость и застонал от ударов, отшатнувшись назад. Когда Нона прыгнула, чтобы положить его на землю, он нанес удар со скоростью хунска прайм, прямой удар, о котором его тело не предупредило, нацеленный ей в горло. Нона глубоко нырнула и ухитрилась принять удар в

лицо, откатившись назад и сплевывая кровь. Она подошла к веревкам и обнаружила, что мальчик наблюдает за ней, его улыбка со шрамом больше не была кривой.

— Ох. — Она вытерла рот, ее рука побагровела, и предложила в ответ красную улыбку.

Остальная часть этого боя была короткой, жестокой и односторонней.

— Следующий! — крикнула Нона, прежде чем это успел сделать бой-мастер.

Ее последний противник заставил доски задрожать, когда перешагнул через канаты. Темноволосый герант с мускулами на толстых костях рук. Красивый мальчик, на пару лет старше Ноны, и, судя по радостным крикам детей с чердака, популярный, хотя, по правде говоря, последние несколько часов они подбадривали любого, кто мог оказать хоть малейшее сопротивление.

— Привет. — Мальчик улыбнулся Ноне сверху вниз. — Я постараюсь не испортить тебе лицо. — Мясистый кулак врезался в широкую ладонь.

Нона бросилась к нему, упала на спину и скользнула между его ног. Она поднялась на ноги задолго до того, как он успел повернуться... но он так этого и не сделал. Пока она скользила между его лодыжек, выгибаясь на плечах, она успела ударить его ступней между бедер, и это оказалось именно так эффективно, как на уроках обещала Сестра Сало. Юноша постоял неподвижно, ссутулив плечи, молча, если не считать яростного шипения, затем без всякого предупреждения упал сначала на колени, потом на доски, свернувшись калачиком и схватившись за пах.

Второй день был посвящен Мечу. Утром Алата и Крой вышли на ринг, сначала с затупленными ножами, а затем с деревянными мечами, сражаясь с немногими самыми лучшими учениками. Красивый герант был одним из трех противников Алаты. Он бросил на Нону грязный взгляд и забрался на ринг, на этот раз осторожно. Однако и с мечом в руке он продержался недолго. Алата парировала удар, нырнула под замах и ударила мечом по его толстой шее.

Другие схватки были такими же короткими, и ни один из учеников Калтесса не приблизился к победе, хотя мальчик-хунска, ударивший Нону, успел нанести удар ножом Крой, прежде чем она «перерезала» ему горло.

— Теперь они выставят нас против подмастерий, — сказала Крой, спускаясь с последнего утреннего состязания. Вид у нее был не слишком восторженный.

— Ты видела это раньше? — спросила Нона.

— Мы были здесь в прошлом году вместе с Лини, участвовали в кулачных боях, — сказала Алата. — Калтесс своих учеников не учит и на пенни, они вкладываются только в обучение подмастерий. Для этих нет ни Пути, ни Академии, только бой. Пока мы находимся в классе Духа или измельчаем яды, они сражаются. Мы получаем удовольствие в боях с учениками. Калтесс берет реванш в боях с подмастерьями.

Полдень доказал, что Алата права. На ринг вышли подмастерья, закаленными годами целенаправленных тренировок. Алата, с ее скоростью хунска, выиграла два раунда против двух учеников-герантов, первый из которых был неуклюжим рыжим из чердачных дней Ноны, Денамом. Теперь он был ростом почти в восемь футов, и казалось, что его тело вот-вот лопнет от напряжения всех мышц, скопившихся вокруг костей. Когда Алата проскользнула сквозь его защиту и вонзила свой деревянный клинок ему в живот, он выхватил его у нее одной огромной рукой, и на мгновение Ноне показалось, что сейчас он протянет руку и раздавит ей голову. Но крики бой-мастера достигли его, и он бросил оба меча вниз, прежде чем, ругаясь, покинуть ринг.

Крой не выиграла ни одного боя. У нее был природный талант к фехтованию, но лишь прикосновение хунска, и ни того, ни другого было недостаточно, чтобы преодолеть несоответствие между ее единственным годом в классах Меча и целенаправленным обучением подмастерий в течение нескольких лет.

Первым победил Алату Регол. Высокий сардонический мальчик, которого Нона знала как короля чердака, теперь превратился в высокого сардонического юношу с неизменной насмешливой улыбкой и настороженным взглядом. Он оказался быстрым, как молния, и очень умелым, преодолев защиту Алаты в ослепительном обмене выпадами, защитами и финтами. Алата проиграла всем подмастерьям хунска и одному из более старших герантов.

Обе девочки вернулись в монастырь той же ночью с записями своих поражений, написанными на них черными полосами синяков. Последнюю четверть мили по Дороге Безмятежности Крой проковыляла, да и Алата выглядела измученной, когда они добрались до колонн. Пока они, пошатываясь, шли к бане, Нона не была уверена, что послушницы доберутся до бассейна.

— Завтра твоя очередь с подмастерьями, — сказала Алата на прощание.

На третий и последний деньковки Сестра Сало снова поставила Нону первой, чтобы ответить на Вызов Калтесса. Толпа стала еще больше. Бой на мечах трудно рассмотреть в подробностях, он может быстро закончиться, и с деревянных клинков редко течет кровь, развлекая народ. Бои без оружия более зрелищные: каждый понимает их или, по крайней мере, может обмануть себя, думая, что понимает. И кровь будет течь часто.

— Выучи что-нибудь. — Сестра Сало послала Нону на ринг.

— А не «не ломай их»? — Нона оглянулась.

Сестра Сало улыбнулась одной из своих редких улыбок:

— Попробуй.

Нона перепрыгнула через веревки в свой угол. Мгновение спустя Регол неторопливо забрался в свой. Дети Калтесса начали скандировать имя Регола, сначала тихо, но все громче, и со всех сторон толпа придвинулась ближе. Если ученики дрались в униформе Калтесса, все еще пыльных от пребывания на чердаке, подмастерья дрались в толстых белых набедренных повязках, а девушки обвязывали грудь тяжелой льняной повязкой.

Таркакс, лед-воин, придвинулся ближе к рингу, маленький, по сравнению с рингбойцами, герантами, стоявшими за его спиной. Он смотрел на Нону с легким интересом, словно ожидая, что она произведет на него впечатление. Йишт стояла рядом с ним, и они что-то бормотали друг другу, едва шевеля губами. Нона спросила себя, о чем они могли бы говорить. Может быть, лед-воины просто делятся своим презрением к боевым навыкам Коридора? Но Ара сказала, что Шерзал присутствовала на балу у Турана Таксиса, а Партнис был под каблуком у Таксиса. Если Таркакс — его креатура, а Йишт — Шерзал...

Регол поднял руку в приветствии и сделал полный круг, прежде чем его глаза остановились на Ноне. Его привычная насмешливая улыбка стала более искренней:

— Маленькая Нона. Ты выросла.

— Ты меня вспомнил. Я тронута. — Нона не смогла сдержать ответной улыбки. — Но я не буду с тобой церемониться.

Регол кивнул, мгновенно став серьезным. Он вышел на середину ринга, бормоча сквозь застывшую улыбку так тихо, что она едва расслышала его слова:

— Тебя помнят. Никогда не думай иначе. У детей короткая память, у взрослых — длинная. — Его глаза метнулись влево, и, проследив за его взглядом, Нона увидела в глубине

толпы, позади Партниса, за богачами в мехах и драгоценностях, Раймела Таксиса. Его девятифутовое тело было закутано в темный плащ из шкурок крота, который не мог скрыть его размеров. Серебряный обруч удерживал его золотые волосы на лбу, а вот лицо под ним изменилось. Вены на правой стороне его шеи чернели на фоне плоти, как ночные завитки, поднимающиеся из-под плаща, и что-то было не так с левым глазом, хотя на таком расстоянии Нона не могла точно сказать, что именно. Возможно, он был полон крови.

Нона повернулась лицом к Реголу, стоявшему в центре:

— Он пришел посмотреть, как я сражаюсь? — Что-то в этом двухцветном взгляде зацепило Нону за живот, словно холодная рука, пробудив в ней старые чувства, которые она никогда особенно не использовала. Страх.

— Он пришел посмотреть, как тебя ранят, — сказал Регол, встряхивая руками и качая головой.

— Ты собираешься меня ранить? — Рычание искривило губы Ноны, огонь поднялся в ее животе, прогоняя беспокойство.

— Нет. Я собираюсь тебя побить. Постарайся подчиниться четко и быстро, чтобы у меня был хороший повод остановиться. Следующий...

— Бой! — Сквозь шум прорезался лай бой-мастера.

— Следующий — Денам. Не дай ему схватить тебя.

Регол нанес удар, когда его губы сомкнулись на последнем слове. Удар ногой с поворотом был направлен прямо в грудь Ноны. Она замедлила мир, растягивая каждую секунду в век, но как бы глубоко она ни копала, нога Регола отказывалась замедляться. Нона одновременно блокировала и отклоняла удары, но против взрослого мужчины это не имело особого значения, ее блокирующую руку ударом просто вбивало в грудь, всей силой. Нона почувствовала, как ее ноги отрываются от земли, посмотрела на лету на застывшие лица толпы и согнулась, когда веревки поймали ее в грубые объятия. Отскок бросил ее на пол, где она быстро поднялась на ноги, борясь за дыхание, ее тело превратилось в массу боли.

Регол не стал продолжать атаку. Он стоял расслабленный, со своей прежней улыбкой, а вокруг него раздавались радостные возгласы.

— Ты быстрее меня... — Слова вырвались с болезненным хрипом. Факт ранил Нону сильнее, чем боль в легких.

— Да, — кивнул Регол. — Но ты, скорее всего, будешь быстро расти, а я уже лучше не буду.

Нона приняла стойку клинка. Немногие хунска достигали своего полного потенциала до четырнадцати лет, но даже так она была потрясена, обнаружив кого-то настолько очевидно более быстрого, чем она сама.

— Бой!

Нона рванулась вперед, нанося удары в прыжке по Реголу, проверяя его защиту короткими ударами по корпусу, но попадая только в воздух. Его длинные руки держали ее на расстоянии и, в сочетании с его скоростью, оставляли ее в недоумении, как действовать дальше. Регол принял решение за нее молниеносным движением ноги. Нона перепрыгнула через нее в самом узком месте, бросив себя не просто вверх, а вперед к плечу Регола, когда вращение отвернуло его от нее.

Это была ловушка. Регол заманил ее внутрь, и его локоть поднялся ей навстречу. В воздухе Нона превратилась в рабыню событий, уже приведенных в движение. Она изогнулась и подняла руки, чтобы заблокировать удар. Локоть Регола отбросил ее руки в

сторону и ударил по голове.

Нона очнулась на досках, рев толпы был почти не слышен на фоне звона в ушах, словно кто-то предупреждающе стучал в Бител. Она подняла голову, и мир закружился вокруг нее, а вместе с ним и неясная фигура ее противника.

— ...сдавайся. — Резкий шепот, когда Регол приблизился.

Нона подняла руку, растопырив пальцы. Кровавый рев толпы на удар сердца смолк, затем перешел в приветствия и насмешки. Нона перекатилась на спину, тяжело дыша, борясь с тошнотой, наблюдая за спиной Регола, который возвращался в свой угол.

Нона не видела боев Клеры и Зоул. Она слышала, как завывает толпа, слышала смех, улюлюканье, вздохи, но все это время она лежала на столе в помещении, похожем на зал подмастерий, в голове звенело, изнеможение пробегало по ней, хотя поединок длился всего несколько мгновений. Сестра Кремень дала ей сахар в воде и велела отдохнуть. Сестра Скала склонилась над ней, на ее грубом лице застыло неодобрение. Своими на удивление нежными руками она широко раскрыла глаза Ноны и помахала перед ними пальцем.

— Все будет хорошо, ребенок. Но сегодня больше никаких драк.

Примерно через час, хотя он показался как гораздо длиннее, так и гораздо короче, Клера, прихрамывая, подошла и села на стол:

— Мы обе проиграли.

— Ты выглядишь ужасно. — Нона села. Она чувствовала себя намного лучше. Определенно лучше, чем выглядела Клера — глаз почернел, губа рассечена.

— Ты бы посмотрела на другую девочку. — Клера усмехнулась, обнажив красные зубы.

— Ты побила подмастерье?

— Что? Нет. Ты с ума сошла? Она побила меня. Нет, я имела в виду Зоул.

Нона огляделась. Она сидела в зале подмастерий, на обеденном столе, куда за время своего пребывания в Калтессе приносила из кухни дюжины блюд.

— Где она сейчас?

— Сестра Кремень везет ее обратно в монастырь. — Клера снова усмехнулась. — На муле! — Она прикоснулась к губе и поморщилась. — Эта девчонка не знает, когда остановиться! Но одного из них ей все же удалось достать. Талиту, высокую хунска, с косами. Помнишь?

Нона не помнила, но кивнула.

— Она держала Зоул мертвой хваткой. Та никак не могла убежать. Но Зоул все равно ударила ее ногой в лицо. — Клера изобразила удар. — Замечательно.

— А потом? — спросила Нона.

— Я думаю, она сломала Зоул руку, — пожала плечами Клера.

Сестра Сало появилась в дверях, мельком взглянув на толпу позади нее, грохот которой заполнил зал. Кто-то привлек ее внимание прежде, чем она успела войти в комнату.

— Нет. Мы возвращаемся в монастырь.

Нона не могла расслышать ее собеседника из-за шума снаружи.

— Меня это не касается, Рив.

— ...

— Мне все равно, чего он хочет. — Сестра Сало хотела было отвернуться, но к ней приблизилась высокая фигура. Партнис Рив потянулся к ее руке, но передумал и отдернул руку, пока она смотрела на нее.

— Я не знаю, что ты слышала, сестра, но он не какой-нибудь уличный злодей! Клянусь

Предком, он наследник одного из старейших семейств империи! Утонченный молодой человек с хорошим образованием...

— ...— Голос Сестры Сало упал до шепота.

Отвечая, Партнис заговорил громче:

— У многих молодых людей есть... аппетиты. Такие промахи прискорбны, но...

Сестра Сало отступила в комнату и захлопнула дверь перед носом у Партниса.

— Нона, ты готова к путешествию? Мы возвращаемся.

Нона соскользнула со стола. Звук и запах этого места, оба они наполнили ее голову образами — Раймел Таксис на ринге, видимый через чердачную щель, купающийся в многоязыком голосе толпы, Раймел Таксис на коленях, кровь струится из рваных ран на его шее, Сайда на полу, ее сломанная рука торчит под странным углом, Раймел Таксис смотрит темно-красным глазом, черные пальцы бегают по коже его шеи. Она тряхнула головой, чтобы прогнать видения:

— Я хочу драться.

— Сестра Скала говорит, что ты получила сильный удар по голове. Нет ничего постыдного в том, чтобы уйти сейчас. — Сестра Сало пересекла комнату и встала над Ноной. Она взяла Нону за подбородок и наклонила ее лицо, прищурившись, чтобы рассмотреть.

— Я чувствую себя лучше. — Это не было ложью. Она действительно чувствовала себя лучше. Не очень хорошо, но лучше.

— Твой противник готов, — сказала Сестра Сало. — Ты могла бы многому у него научиться, но это были бы суровые уроки, и, возможно, сегодня тебя уже достаточно научили.

— Я буду драться.

Сестра Сало пожевала щеку, нахмурилась и отпустила подбородок Ноны.

— Мир — опасное место. Мы не поможем тебе, если скроем от тебя твою же слабость. Ты можешь драться. — Она повернулась и направилась к двери.

Нона последовала за ней.

С тех пор как она свалила Раймела Таксиса, Нона ни разу не находилась так близко от кого-то столь массивного, как Денам. Подмастерье, казалось, занял половину ринга, и ей пришлось вытянуть шею, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Я собираюсь разорвать тебя пополам, маленькая девочка. — Денам скривил губы. Его руки, казалось, могли сделать это без усилий. За два года он вырос, стал, возможно, еще более уродливым, и на него было неприятно смотреть. Его лицо, покрасневшее от гнева, щеголяло отвратительной коллекцией гнойничков и редкой рыжей бородкой. Еще больше пятен виднолось на его руках, спина была покрыта ими.

— Тебе не следует смазывать мышцы маслом. — Клера из-за угла Ноны. — Это вредно для твоей кожи! — Ноне пришлось прикрыть рот рукой, чтобы скрыть усмешку, когда лицо Денама исказилось от ярости.

Раймел Таксис придвинулся ближе к рингу, возвышаясь над торговцами и лордами, среди которых теперь стоял. Во всей этой толпе только один человек, казалось, был готов стоять рядом с Раймелом, и вокруг них образовалось пустое пространство, несмотря на давление зрителей. Этот человек, худой, как скелет, был одет в одежду из небесно-голубого шелка, его маленькая голова сидела на длинной шее, темные волосы над бледными глазами были зачесаны назад длинными редеющими прядями. Он, казалось, больше интересовался

Раймелом, чем сражением, и постоянно поглядывал на гиганта слева от себя.

Раймел, в свою очередь, не сводил глаз с Ноны. В левом глазу не было ни белков, ни радужки, только черный зрачок, окруженный алым. Нона почти вообразила, что за ней наблюдает нечто нечеловеческое. Но правый глаз был весь Раймела — синий и полный злобы.

— Бой!

По крику мастера боя Нона бросилась вперед. Денам двигался, как камень, тонущий в густом меду, и едва успел вздрогнуть, как Нона ударила его ногой в живот. С таким же успехом она могла бы пнуть стену. Она крутанулась под огромной ищущей рукой, нанесла серию ударов по нервным центрам основных мышц правого бедра, а затем жестокий удар в заднюю часть колена. Герант отреагировал настолько медленно, что Нона осталась, чтобы нанести еще три удара в самые уязвимые места его левой ноги, удары, которые должны были оставить большую часть бедра мертвой и бесполезной на большую часть часа. Наконец она отскочила от неуклюжего взмаха его руки.

— Даже Регол может ударить сильнее. — Нона ожидала, что Денам рухнет, но он шел, как ни в чем ни бывало, и ей пришлось нырнуть в сторону, чтобы избежать его широко раскинутых рук.

Снова проникнув под его защиту, она сосредоточила атаку на его правой ноге, ударив достаточно сильно, что могла повредить пальцы, но толстые пласты мышц казались непроницаемыми. Она изо всех сил пнула его в коленную чашечку и отпрыгнула от очередной попытки схватить ее.

Нона отступила назад, переводя дыхание. Денам весил по меньшей мере в четыре раза больше, чем она, и у нее не было физической силы, чтобы причинить ему боль. Он почти не замечал удары, которые свалили бы с ног любую послушницу.

— Ты не первая хунска, с которой я сражаюсь, святая девица.

Нона поджала губы и снова двинулась вперед, огибая тянущиеся к ней руки. Денам сдвинул ноги, умудренный ударом в пах во время ее предыдущих схваток. Тем не менее, Нона нанесла три удара в самую полную на вид часть набедренной повязки Денама и откатилась в сторону. Рев геранта присоединился к реву толпы и на время заглушил его, лицо приобрело более глубокий багровый оттенок, чем казалось возможным без пролитой крови... но он продолжал идти, не останавливаясь.

Нона продолжала танцевать вокруг неуклюжих выпадов Денама, осыпая нижнюю часть его тела своими лучшими ударами рук и ног. Но это не принесло ей никакого преимущества, и она почувствовала медленный, но неумолимый подъем усталости. Ни одна хунска не может танцевать между мгновениями слишком долго, прежде чем их тело не выдержит, и у Ноны был трудный день.

Пригибаясь и отклоняясь, она посматривала уголком глаза на Раймела Таксиса. На каждом перерыве, который она выигрывала и ждала, когда Денам догонит ее, она рисковала бросить взгляд на своего врага. Сейчас он криво улыбался, предвкушая мгновение, когда ее ресурсы будут настолько истощены, что Денам сможет поймать ее. Ассасины ной-гуин и продажный первосвященник Предка, должно быть, облегчили даже кошелек Таксиса, но сколько стоило заставить Денама поклясться сломать ей хребет, когда он поймают ее, или выколоть ей глаза своими толстыми пальцами? Соверен? Нона не удивилась бы, узнав, что это были пенни или, возможно, просто стоимость вежливой просьбы.

Еще один раунд прыжков с каната на канат, из одного угла в другой. Нона

почувствовала, что замедляется. Даже Денам, багровый и мокрый от пота, казалось, выбился из сил, подпитываемых яростью. Тем не менее, в тесноте ринга она почти не сомневалась, что герант в конце концов поймает ее — если только его сердце не взорвется.

Общий рев сотен голосов сейчас сошелся на единственном цикле уууух и аааах, как во время игры в мяч, когда вытянутые пальцы Денама пронеслись в доле дюйма от Ноны.

— Наслаждайся своим бегом! — Крик Раймела донесся до нее сквозь затишье в голосе толпы. Он подошел ближе, остановившись в нескольких ярдах от веревок. — После сегодняшнего дня тебе будет нечем заниматься.

Насмешка остановила Нону прямо на пути Денама. Она перевела взгляд с Денама на Раймела. Этот человек убил Сайду так же верно, как если бы сам задушил ее. И вот он стоит в своем богатстве, ожидая, что его наемник покалечит ее. Здравый смысл подсказывал Ноне выскользнуть из ринга и укрыться в безопасности монастыря. Но красный гнев поднялся в ней, заглушая голос разума.

Рыжий герант взвыл от жажды крови и протянул к ней руку.

Нона погрузилась в этот момент и рассчитала свой прыжок. Она приземлилась с согнутыми ногами, одной ногой упершись в тыльную сторону ладони Денама, позволяя его инерции нести их обоих вперед. Когда он взмахнул рукой, пытаясь одновременно сбросить и поймать ее, Нона выпрямила ноги, оттолкнув широкую тыльную сторону ладони Денама. Со стороны могло показаться, что он буквально подбросил ее в воздух в неуклюжей попытке схватить.

Поднявшись в воздух, Нона проплыла над верхним канатом, глядя на свою цель. Раймел успел поднять голову и пошевелить руками, но, застигнутый врасплох, не имел ни малейшего шанса остановить ее. Крутанувшись в воздухе, Нона выставила ноги вперед, ударила Раймела обеими ногами в грудь и схватила за затылок, чтобы удержаться на месте. И тут же, задолго до того, как его руки смогли дотянуться до нее, что-то другое схватило ее, словно какая-то невидимая когтистая рука вонзила свои когти в ее разум, разрезая воспоминания, позволяя эмоциям истекать кровью. Она почувствовала *их*. Она почувствовала тех, кто сейчас делил череп Раймела, пассажиров, вернувших его из долгого пребывания на границе между жизнью и смертью. Они прятались у него под кожей, наблюдая за ней из темно-красного глаза.

Нона и Раймел оставались в контакте лишь долю секунды, но какой-то инстинкт подсказал ей, что, хотя оба глаза смотрели на нее, только красный глаз действительно *видел* ее, и более того, *узнал*. Что-то пробудилось внутри Ноны, когда ее взгляд встретился с теми, кто скрывались внутри черепа ринг-бойца. Их общение длилось лишь мгновение, но ее скорость растянула его на целую вечность. Глубокое и скручивающее ощущение охватило ее, наполовину боль, наполовину тошнота.

Дюжина разных мыслей уместилась в том маленьком отрезке времени, который Нона оставила для размышлений. Она должна отпрыгнуть. Она должна его убить. Она должна его пометить.

Руки Ноны решили за нее: «За Сайду». — Она вонзила свои когти в горло Раймела, проведя ими по его толстой шее, затем отпрыгнула назад, перепрыгивая через его поднимающиеся руки. Она кувыркнулась в воздухе и приземлилась на обе ноги, прямо перед рингом, раскинув руки для равновесия, но выглядя так, словно приглашала аплодисменты.

На нее упала тень. Подняв глаза, она увидела руку, достаточно большую, чтобы схватить и раздавить ее голову, а за ней Денама, багрового и разъяренного, перегнувшегося через

веревки, чтобы схватить ее. На этот раз у Ноны не было времени пошевелиться. Но как ни близок был Денам, Сестра Сало добралась до нее первой. Одна рука сжала запястье Денама железной хваткой, другая схватила его мизинец. Мгновение спустя он уже стоял на коленях на ринге над ними, взывая об освобождении хриплым от боли голосом. Сестра Скала увлекла Нону к главным дверям. Для зрителей, для Денама, возможно, даже для монахинь все это выглядело как случайный инцидент. Нона вылетела с ринга после удара геранта, врезалась в толпу и отскочила в сторону.

Наполовину подталкиваемая, наполовину несомая к выходу, Нона не сводила глаз с Раймела Таксиса и суетившегося вокруг него человека в голубой мантии. Что-то было не так. Клинки, способные вонзиться на шесть дюймов в каменную стену, были отброшены в сторону, как будто плоть Раймела таила в себе что-то враждебное их природе. Вместо страшной раны они оставили лишь неглубокий порез, едва рассекавший кожу. Когда красная волна гнева схлынула, Нона поняла, что могла бы стоять с окровавленными руками перед сотней свидетелей убийства сына лорда. Даже сестры отвернулись бы от нее. Если бы ей удалось сбежать из зала, то солдаты императора охотились бы за ней от берегов Марна до границ Скифроула. И все же... *все же*, какая-то часть ее испытывала разочарование.

Раймел, со своей стороны, проигнорировал стоявшего перед ним мага Академии и уставился на Нору своими алым и синим глазами. Он держал одну руку прижатой к горлу, между его пальцами только начинали сочиться крошечные струйки крови. И пока они смотрели друг на друга, острая тошнота снова скрутила внутренности Ноны.

— А что они вообще едят?

— Что? — Нона оглянулась на Клера, стоявшую позади нее в очереди, ожидая, пока Бента откроет ворота и разрешит им спуститься по лестнице в пещеру Отравительницы.

— Что они там находят, чтобы поесть? — спросила Клера.

— Кто?

— Лед-племена. Они же не могут просто жевать лед.

— Они охотятся. — Отец Ноны охотился на льду.

— А на кого они охотятся?

— Белый медведь, хула, рысь. Все такое.

— Чтобы съесть?

— Мой па продавал их шкуры.

— А что едят медведи?

— Они спускаются на границы и добывают еду.

— Я говорю о глубоких племенах. Зоул сказала, что ее народ бродит за тысячу миль к северу.

— Э-э... — Нона нахмурилась. — Рыба, кажется. И с каких это пор ты разговариваешь с Зоул?

— Рыба? Разве она не должна замерзнуть?

— Но там внизу море, — сказала Нона.

— В *милях!* Как... — лязг ключа в замке положил конец дискуссии.

Бента распахнула ворота и смотрела на послушниц, пока те не зашевелились. Клера утверждала, что мертвенно-бледная кожа Бенты и тревожная, неестественная голубизна ее глаз являются затяжными последствиями одного из ядов Сестры Яблоко, и ее положение ассистентки было своего рода компенсацией. Но Нона слышала от Сестры Чайник, что, если пройти тысячу миль по Коридору на восток, такой цвет — обычное дело, и что Бента получит головной убор в следующем году как Сестра Благоразумия.

Сестра Яблоко стояла и ждала, когда Серый Класс гуськом войдет вслед за Бентой. Тяжелые занавеси висели на трех окнах шахты, выходящих в стену утеса, комнату наполняла движущаяся темнота. Три рабочих стола переставили к стенам и поставили на них скамьи, фонари поместили между ними, оставив большое пустое пространство. Даже стол Отравительницы был очищен от обычных флаконов, банок с маринованными органами и всякой всячины. Нона стояла вместе с остальными, чувствуя себя неловко в мерцающих тенях. В конце концов они, возможно, узнают что-то еще, кроме ядов. И все же Нона не стала снимать воск с кончиков пальцев. Никогда не стоит терять бдительность в классе Тени, и все, к чему ты прикасаешься, может оказаться одной из маленьких ловушек Сестры Яблоко.

— Свет — незваный гость. — Сестра Яблоко заговорила тихим голосом человека, уверенного, что его услышат. — Те из вас, кто слышал эту речь раньше, начинайте заниматься. — Она махнула рукой группе, и четверо или пятеро послушниц попятнулись в дальний конец комнаты, где царила самая густая тьма. Нона поймала улыбку Лины, когда послушница провела руками по своему телу от бедер к груди и лицу, и каким-то образом ночь, казалось, последовала за ней, ее кожа, обычно почти такая же бледная, как у Бенты,

стала трудно различимой, как будто дрожащий свет фонарей не мог на ней укорениться. По сравнению с ней темно-коричневая кожа Алаты, казалось, кричала о себе.

Тошнотворное ощущение поползло вверх по животу Ноны, то же самое чувство, которое она испытывала со времениковки Калтесса. С тех пор как она вернулась, все стало только хуже. Возможно, Раймел каким-то образом отравил ее, когда она его резала, или отравил ее днем раньше. Может быть, именно для этого он и появился — посмотреть, как она умирает в муках. Если так, то он просчитался с дозой. Нона не сказала об этом никому, кроме Ары и Клеры. Ара предположила, что это могут быть чары. Говорили, что ной-гуин могут наложить заклинание марджала, которое заставит сгнить плоть сильного человека в течение недели. Клера рассмеялась и сказала, что большинство девочек их возраста каждый месяц испытывают одни и те же симптомы и к этому надо привыкнуть. Обе предлагали пойти к настоятельнице, но Нона и слышать об этом не хотела. Если кто-то из монахинь и понял, что столкновение Ноны с Раймелом было не случайным, или что она пыталась убить его, они, похоже, ничего не сказали настоятельнице. Нона тоже не собиралась этого делать. Настоятельница Стекло подверглась ужасному испытанию, едва избежав еще более худшей участи, когда Нона в последний раз разозлила семью Таксис. А теперь Нона пошла и перерезала горло первенцу Турана Таксиса... снова, хотя и не так глубоко, как ей хотелось. Нет, закончить бой предстояло именно ей.

— ...свет — временная доброта. — Нона обнаружила, что отравительница подхватила свою любимую тему и стала красноречивой. Она встряхнулась и попыталась сосредоточиться. — Его делают новым в пламени свечи или в горячем глазу солнца. Перед тем, как он приходит, правит тьма. После того, как он уходит, правит тьма. Ночь терпелива, бесконечно терпелива. А тень, тень — это война, рана, где сражаются двое, где свет истекает кровью.

Отравительница остановилась, чтобы заправить выбившуюся прядь рыжих волос обратно в головной убор.

— Оглянитесь вокруг: тень никогда не стоит на месте. Каждая тень имеет двух создателей: свет и то, что блокирует свет. Оба двигаются. И если мы покинем эту пещеру танцующих огней и беспокойных послушниц, то все равно не найдем тени без движения. Солнце движется, Абет движется, облака приходят и уходят. Чтобы скрыть себя, вы должны понять это движение. Вы должны научиться, когда быть спокойным, а когда двигаться. В Тени я научу вас терпению и скрытности. Мы будем изучать их до тех пор, пока они не станут вашей религией, и Сестра Колесо не спустится по моей лестнице, чтобы назвать вас еретиками.

Бывают моменты, когда ваша жизнь зависит от способности оставаться невидимым, или когда жизнь кого-то другого зависит от того, насколько искусно вы прокрадываетесь мимо защиты. Если вы возьмете красное или серое, так оно и будет, но, как бы вы ни служили Предку, знайте, что терпение и умение проскользнуть незамеченной окажутся одними из самых ценных навыков, которым учат послушниц.

Отравительница стояла перед ними темная, обрамленная золотым и бисерным светом, который пронизывал самые маленькие щели по краям занавесей.

— Сегодня я хочу, чтобы вы нашли место, где можно посидеть. Найдите терпение, как вас научила Госпожа Путь, и наблюдайте, как ваши старшие сестры охотятся друг на друга, или наблюдайте их так хорошо, как только можете. Сокрытие — это девять частей видения. Так что наблюдайте. Смотрите.

— Разве мы не будем учиться плести тени? — Клера не сдвинулась с места, когда остальные начали расходиться.

Нона остановилась и обернулась:

— Сестра Чайник говорит, что была Серая Сестра, которая могла отпустить свою собственную тень. Та ходила сама по себе и делала... вещи... — она замолчала, заметив неподвижность Отравительницы. В монастыре она была Сестрой Яблоко. В пещере она могла быть Отравительницей или Сестрой Яблоко, в зависимости от момента, но в темноте было трудно думать о ней иначе, чем об Отравительнице, и Нона знала, что если бы она могла видеть лицо монахини, увидела бы в ее глазах жестокий блеск, который всегда напоминал, насколько она опасна.

— Я приказала терпение, а ваш ответ — нетерпение? — Отравительница подняла руки перед собой, собирая похожие на паутину тени, которые поднимались вокруг нее. Темнота струилась между ее раскрытыми пальцами. — Мы плетем свет, а не тень. Как могут люди не отбрасывать тени? Только в том случае, если они сплетут свет так, чтобы его путь все еще вел к тому месту, куда бы он бил, если бы их там не было. — Пока она говорила, темнота в ее руках сгущалась. — Чтобы перерезать тень, требуется немного умения — только правильный нож. А такие, к счастью, встречаются гораздо реже, чем глупые послушницы. Это, пожалуй, самый безрассудно храбрый и глупый путь для тень-работника. Выпущенная тень могла бы стать ужасным оружием, но, освободившись, она перестает слушать своего владельца и вскоре исчезает в еще большей тьме.

Отравительница сжала руки в кулаки, сжимая свернувшуюся в них ночь в чернильную тьму, которая кровоточила между ее пальцами. Она сжала сильнее, ее губы скривились в усмешке, а затем снова разжала кулаки. На каждой ладони лежало по маленькому черному шарiku, словно в ее ладонях проделали дырку.

— Возьмите их. — Госпожа Тень перевела взгляд с Клеры на Нону. — Если вы хотите работать с тенями, вы должны проглотить ночь. Нет?

Клера неуверенно шагнула вперед и взяла маленький шарик тьмы из левой руки монахини, тени закружились вокруг ее пальцев. Нона взяла другой, оказавшийся холодным и твердым.

— Проглотите их.

Нона положила свой в рот. И тут же мерзкая горечь растеклась по ее языку, поползла вверх по щекам. Тошнота, уже свернувшаяся в животе, превратилась в колючую проволоку, туго обвязанную вокруг ее внутренностей. От боли ей захотелось закричать. Ей ничего так не хотелось, как выплюнуть пилюлю, но она крепко сжала челюсти и, давясь рвотой, попыталась собрать достаточно слюны, чтобы проглотить ее. Ей показалось, что язык у нее во рту сморщился. С булькающим звуком отвращения ей удалось задушить темноту и отправить ее вниз. Но Клера только сплюнула на пол большое черное месиво.

— Предок! — Клера сплюнула и сплюнула еще раз. — Это отвратительно.

— Как и плевок на мой пол, Клера Гомал. — Отравительница сморщила нос. — Неважно. Правда — это горькая пилюля, которую нужно проглотить, не так ли, Нона?

— Да, Госпожа Тень, — ответила Нона онемевшими и сморщенными губами.

— И Клера тоже должна была получить достаточную дозу. — Отравительница наклонилась к Клере. — Ты когда-нибудь жульничала на одном из моих экзаменов, послушница?

— Нет, — первой ответила Нона, хотя и не собиралась этого делать.

— Да, — сказала Клера, широко раскрыв глаза. — В прошлом месяце я подменила тигель Аре, пока она не... — Клера зажала рот руками. — ...видела. И в тесте на противоядия я... — Клера продолжала говорить, прикрыв лицо руками, ее слова были приглушенными, но слышными.

— Вам не мешало бы зашить губы, послушницы. Истина — это топор. Без суда и следствия она ходит большими кругами, раня всех подряд, — сказала Отравительница. — Позвольте мне это продемонстрировать. Нона, какой вопрос ты больше всего боишься услышать от меня?

— Я боюсь, что вы спросите меня, что же на самом деле заставило мою мать продать меня. — Нона изо всех сил стиснула зубы, но ее язык дергался в нетерпеливом желании рассказать всю историю, о которой ее не спрашивали.

На мгновение морщинка неодобрения пересекла лоб Отравительницы. Она остановила Нону, подняв руку:

— У меня есть более интересный вопрос: в кого ты влюбилась, Нона?

— Арабелла, и вы, и Регол... — Нона побежала к двери, зажимая обеими руками рот, щеки пылали, преследуемая смехом сестры Яблоко, Клера чуть позади.

— Она отравила нас! — крикнула Клера вслед Ноне, когда они поднимались вверх. — Эта сука отравила нас.

— Она сказала, что сделает что-нибудь новое, пока мы все будем готовиться к ковке. — Нона не могла заткнуть себе рот, даже когда бежала. Она оглянулась, опасаясь погони, чувствуя себя уязвимой, как никогда.

Нона выбежала с лестницы на дневной свет, яркий красный свет солнца после заполненной тенями пещеры. Клера натолкнулась на нее с разбега, развернувшись от столкновения и подпрыгнула, чтобы удержать равновесие. Они оказались лицом друг к другу, в десяти ярдах вглубь двора, который был пуст, если не считать Сестры Швабры, идущей из прачечной.

— Почему...

— Нет! Я метну ее тебе в глаз! — Рука Клеры вынырнула из ее рясы, сжимая метательную звезду — не пятиконечную, подобную которой можно найти на складах Меча, а меньшую четырехконечную модель.

— Где ты это взяла? — Нона ничего не могла с собой поделаться. Кроме того, Клера не бросила бы его в нее.

Рот Клеры дернулся, губы скривились: «Партнис!» — Она выкрикнула это слово.

— Почему...

— Что...

Обе девочки начали было задавать вопросы, но, зная, что им придется отвечать друг другу, прервались, развернулись и побежали в противоположные стороны, Клера помчалась со всех ног, Нона с трудом заковыляла, боль пульсировала в ней.

Нону вырвало еще до того, как она добралась до края монастыря, но прошел еще час, прежде чем горечь покинула ее рот и она снова могла лгать.

— Я вовсе не чудовище. — Эти слова показались ее языку приторно-сладкими.

Она встретила Клера, удрученно стоявшую у ворот в пещеры Отравительницы и пытавшуюся набраться храбрости, чтобы спуститься вниз. Двор был пуст, остальные послушницы гуляли по аркаде или все еще сидели за вечерней трапезой.

Нона присоединилась к ней, все еще страдая от боли, но уже способная ходить, не

сгибаясь.

— Откуда у тебя эта метательная звезда? Зачем она тебе понадобилась?

— Я же сказала тебе. — Клера сжала губы и сердито нахмурилась. — Мне ее дал Партнис Рив. Он хочет, чтобы я билась у него. Мой отец сказал ему, что я не возьму красный, когда закончу здесь. — Она облизала зубы, морщась от какого-то слишком сильного запаха. — В любом случае... *почему* твоя мать продала тебя?

Нона повернулась к приоткрытым воротам.

— Давай покончим с этим. — Она пошла впереди, Клера последовала за ней.

Сестра Яблоко сидела за своим столом и читала свиток, комната для занятий вернулась к своему обычному виду.

— Послушница Клера, послушница Нона, как хорошо, что вы вернулись. — Она положила свою палочку-указку, тонкий кусок металл-ивы, поверх свитка, чтобы отметить место. — Я только что читала о сладком алоэ, растении, которое исчезло при наступлении льда. Видимо, оно очень хорошо смягчает горечь. Мне бы хотелось попробовать его в моем токсине правды, который, как вы, наверное, заметили, не из тех, что можно подсунуть кому-то незаметно. — Она положила руки на стол и встала. — Возможно, в архивах собора все еще хранятся семена... — Она пересекла комнату и остановилась перед ними. — Чему вы научились, девочки?

— Не доверять вам, — сказала Нона.

Монахиня рассмеялась:

— Я пытаюсь научить тебя этому с того самого дня, как ты спустилась по лестнице, Нона Грей. На этот раз урок не пропадет? Ее взгляд скользнул влево. — Клера?

— Правда — это оружие, а ложь — необходимый щит.

— Как поэтично, — сказала Сестра Яблоко. Она протянула руку и положила ее на плечо каждой из девушек, подталкивая их ближе друг к другу. — Но когда я спросила, какой урок вы выучили... Я хотела услышать «терпение». — И с этими словами она стукнула их головами.

— А море такое же? — Нона сидела вместе с остальными, свесив ноги с обрыва к далекой воде. Лунный свет освещал дальнюю сторону провала, но остальное скрывала тьма. Стеклянная Вода был на много фатомов глубже, чем расстояние от его скалистых краев до покрытой рябью поверхности. Нона обнаружила, что ей трудно такое представить.

— Ха! — Рули делала так часто, а смеялась редко. — Море огромное.

— Знаю, я же не дура. — Нона видела карты Сестры Правило, которые тянулись по всему Коридору, хотя карты самых отдаленных стран были нарисованы несколько столетий назад. — Я имела в виду, такое же глубокое.

Рули покачала головой, а Клера фыркнула, хотя Нона знала, что она никогда не была на берегу.

— Глубже, — сказала Рули. — Мой отец часто повторял мысль, которую он прочитал в какой-то книге. — Она нахмурилась, пытаясь вспомнить. — *«Что бы ни случилось, море замкнется в себе и сохранит свои тайны, стирая завесой волн все, что прошло. Глубокое море ждет. Терпеливые, голодные глубины, неведомые тем, кто скользит по их поверхности и думает, что знает целое. Пустые мили, темные места, где никогда не было света, и глаза человека никогда не узнают их. Что за чудеса там...»* Остальное я забыла. — Она откинула волосы на плечи, наклонилась вперед и уставилась вниз, мимо пальцев ног. — Он хочет, чтобы я вернулась, когда закончу здесь. Он говорит, что в Абете есть нечто большее, чем Церковь Предка. Но я думаю, что останусь. Если я не смогу быть Серой Сестрой, стану Святой.

— Ты думаешь, что в мире есть на что смотреть? — спросила Гесса со своего насеста на ближайшем камне — она никогда не сидела на краю, возможно, стесняясь своей иссохшей ноги или зная, что если упадет, то утонет.

— О, да, — сказала Рули. — Больше, чем я могу узнать. Но и здесь есть больше, чем я могу узнать. — Она плотнее запахнула ночную рубашку, ветер согрелся от приближающегося фокуса, но все еще был слишком холодным, чтобы чувствовать себя комфортно.

— Вот так они тебя и ловят, — сказала Клера. — Они говорят, что ты можешь уйти, и семьи платят взносы из года в год, но многие ли уходят? Всегда есть что-то — вера, тайны, гордость; это место, кажется, всегда ухитряется зацепить тебя. — Она откинула голову назад. — Но только не меня. Как только мне предложат красное, я уйду.

— Ты видишь, что за нами наблюдает Йишт? — прошипела Ара. — *Не смотри!* — Когда Рули начала поворачиваться.

— Она все время следит за нами, — сказала Гесса. — Ну, во всяком случае, за тобой и Ноной.

— Разве она не должна присматривать за Зоул? — Клера бросила камень, который, описав дугу, упал в воду.

— Генна сказала, что видела, как она взбиралась на купол, — сказала Рули. — Она рассказала об этом Настоятельнице Стекло, но та не захотела слушать.

— Не захотела слушать? — переспросила Нона.

— Это все из-за сестер. — Рули кивнула. — Они все боятся, что Шерзал заберет Зоул обратно. Вот что я слышала. Хотя почему их это волнует, я не знаю. Может быть,

первосвященник рассердится? Как бы то ни было, Зоул берет частные уроки у Сестры Сквородка, вы знаете об этом? И у Отравительницы! — Она скрестила руки на груди. — Вот почему они ничего не хотят делать с Йишт. Они думают, что если они вышвырнут Йишт, то Зоул тоже уйдет. Так что Йишт может залезть на Собор Предка, сколько она хочет.

— Генна вечно выдумывает всякие истории. — Клера покачала головой. — Надеюсь, я закончу занятия в Сером Классе до того, как она выйдет из Красного. Но в одном она права: Йишт что-то замышляет. Она *всегда* лезет не в свое дело.

— Я думаю, она что-то ищет, — сказала Гесса.

— Ты думаешь, Йишт расскажет об этом настоятельнице? — спросила Рули. — То, что мы здесь? — Тайком убежать ночью из dormitorio было не так уж и неслыханно, но уж точно не позволялось.

— Ну, если она это сделает, то это будет твоя вина, — сказала Клера. — Ты могла бы показать нам в бане, там много пара.

— Я не могу это делать в бане. Не знаю почему. Может быть, потому, что воздух постоянно движется.

— Здесь воздух тоже движется — или ты не заметила ветра?

— Только не там, внизу! — Рули указал на воду. — Ну, не сильно. Я не знаю... может быть...

— Может быть, ты просто нигде не можешь этого сделать, — сказала Клера.

— Сейчас узнаем, — сказала Ара. — Так что спорить не о чем.

Она была права. Фокус приближался, луна была почти над головой, тени от провала ускользали, прижимаясь к ближней стене. Под их ногами в воде плясал красный прямоугольник, вторая луна.

Тепло разлилось по плечам Ноны и превратилось в жар. Она прищурилась. Клера и Ара лежали на спине, закрыв глаза и раскинув руки, обнимая яркий свет.

Нона наблюдала, как вода начала испаряться, оказавшись между двумя горящими лунами. Через несколько минут весь провал наполнилась туманом, новая поверхность вздымалась под ее ногами и быстро поднималась. Она была рада, что сейчас не в своей рясе: на плато было жарче, чем в бане, пот бисеринками выступал у нее на руках, стекая по ребрам под тонкой тканью ночной рубашки.

Когда пар достигал края, он расправлялся, как горячее мокрое одеяло, а затем его подхватывал ветер, во время фокуса кружащий и спутанный. Ара и Клера сели.

— Давай, — сказала Клера.

— Я... пытаюсь. — Рули подняла руки, туман струился вокруг них, неуклонно поднимаясь из пустоты провала и разрываясь вокруг послушниц, после чего его уносил ветер. Бледный лоб Рули нахмурился и стал еще бледнее, пот стекал по ее лицу.

— Я ничего не вижу, — сказала Клера.

Нона тоже не видела, но что-то чувствовала — покалывание в кончиках пальцев, которое распространилось на ладони, зуд в глубине сознания. Ее желудок выбрал момент, чтобы свернуться клубком смертной боли, согнув ее пополам и почти бросив в провал.

— Там! — Ара показала пальцем. Прямо под ними туман сгустился в форме... чего-то.

— Человек, — выдохнула Нона сквозь стиснутые зубы.

Фигура приблизилась, нечто более плотное белое среди поднимающегося пара. Безликая, возможно мужская, возможно женская, она напомнила Ноне статую Предка в Соборе.

— Я... говорила... вам! — Рули усмехнулась с очевидным напряжением.

— А теперь сделай лошадь! — сказала Клера. — Нет! Сестру Колесо... Нет! Чайник и Яблоко. Целуются!

Фигура распалась на части, и Рули облегченно выдохнула.

— Здорово, Рули. — Ара наклонилась мимо Ноны и положила руку на плечо Рули. — Ты — прикосновение марджала, по меньшей мере, а может быть и пол-кровка!

— У тебя не будет проблем с плетением теней, — сказала Гесса позади них. — Ты точно станешь Серой Сестрой, если захочешь.

— Я хочу увидеть больше. — Клера легла на спину, прикрыв глаза рукой. Фокус приближался к пику, скоро свет сдвинется дальше. На кромках льда оттепель будет в самом разгаре, племена, живущие у озер, будут заняты сбором лунных даров, прежде чем те снова замерзнут. — А что еще ты можешь сделать?

— Только это. — Рули тоже легла спину. — И даже это вызывает у меня головную боль.

— Ты должна сказать настоятельнице, — сказала Гесса.

Рули фыркнула:

— Настоятельница заботится только о Пути. Весь монастырь заботится только о Пути. — Она пожала плечами. — Отравительница скоро узнает, если я сумею работать с тенью, и поможет мне. — Улыбка. — Чайник и Бента тоже. Мы, Серые, держимся вместе!

Они прокрались обратно в дормиторий в последних лучах лунного тепла, уже дрожа, когда ветер восстановил свой голос и окутал их влажными сорочками.

Ноне потребовалась целая вечность, чтобы уснуть, свернувшись вокруг своей тошноты. Раймел каким-то образом отравил ее, и она должна дать ему отпор.

На следующий день Нона обнаружила, что зевает на Пути. Она часто так делала, даже не имея такого оправдания, как потерянный сон. Безмятежность оказалась неуловимой, а путь — всегда недостижимым. Сестра Сквородка сто раз говорила ей, что она слишком старается: «Безмятежность — это не то, что можно ухватить, взять, добыть силой воли. Это подарок, к которому ты должна быть открыта».

Но даже так, хотя Нона старалась не желать ее, безмятежность все же не желала протянуть руку, взять ее в свои объятия и мягко опустить на Путь.

Сестра Сквородка кашлем отвлекла внимание девушек от их размышлений. Она стояла перед огромным окованным железом сундуком, черным на фоне залитого солнцем витража.

— Есть линия, которая разделяет, и линия, которая соединяет, это одна и та же линия, и эта линия — Путь.

Нона находила заявления Сестры Сквородка все более и более разочаровывающими, особенно теперь, когда она знала, что у нее есть подлинная способность прикоснуться к Пути. В Красном Классе Нона позволяла философствованию старой монахини омыть ее просто ожидая шанса сбежать на меч-путь, но теперь она чувствовала себя обязанной слушать, надеясь вопреки всему, что Сквородка действительно может сказать что-то полезное.

— Есть нить, которая проходит через все вещи, которая связывает каждую историю с каждой другой, нить, которая проходит через вены, костный мозг и память каждого существа.

Нона вздохнула. Все это было очень хорошо, Сестра Сквородка произносила красивые речи, но было бы гораздо полезнее, если бы она просто *сказала* им то, что им нужно знать. Если ты что-то понимаешь, ты должна быть в состоянии это объяснить; если ты этого не

понимаешь, нечего этому учить. В любом случае, то, что старуха изливала на них свои стихи, нисколько не помогало.

Нона обнаружила, что ее голова кивает, и резко выпрямилась, моргая и стараясь держать глаза широко открытыми. Какой бы яд ни попал в нее от Таксиса, он действовал беспорядочно, симптомы появлялись и исчезали без всякого смысла или причины.

В отчаянии от своих неудач с безмятежностью, Нона несколько раз украдкой покидала монастырские постройки, чтобы попытаться вернуться на Путь тем единственным способом, которым она когда-либо туда добиралась.

Она ускользала от своих друзей и выходила на сужающийся отрог плато. Там, горбясь от ветра, она глядела на сады Истины и Коридор, сужающийся к востоку между ледяными стенами. Если она смотрела вниз, то видела монастырские виноградники, прижавшиеся к стенам плато и защищенные от непогоды.

Боль и гнев уже приводили ее на Путь. Она легко вызывала в себе гнев: Раймел Таксис все еще дышал, и этого было достаточно. Она хотела убить его во времяковки, и несколько дней спустя ее пальцы все еще зудели по ночам от желания его крови. Но она обнаружила, что ее клинки не могут сделать больше, чем поцарапать его. Может быть, человек рядом с ним сотворил какое-то колдовство? Или дьяволы, разделяющие его кожу, защитили от нее своего хозяина?

В любом случае Нона подвела Сайду. В нескольких ярдах от того места, где Раймел ранил ее, Нона схватила его за горло... и все же он жив. Ей достаточно было подумать о своих собственных неудачах и о своей подруге, и ее охватывал гнев. Как и боль.

На это требовалось время. Время разжечь гнев и дать ему разгореться до белого каления, время позволить ее боли подняться из глубоких и скрытых мест, где она ее хранила. Но она могла сделать это, и каждый раз, когда она делала это, Путь сливался с хаосом ее мысленного взора. На мгновение он появлялся, вытягиваясь перед ней, извиваясь из стороны в сторону, словно белая змея в предсмертной агонии. И в следующее мгновение ее швыряло на него с пугающей скоростью.

В первый раз, когда она коснулась Пути во время одного из таких путешествий, она коснулась его мимолетным прикосновением, и энергия этого прикосновения вырвалась из нее с грохотом, от которого задрезжали ставни в монастыре и птицы по спирали полетели к земле, убитые в полете. Звук был настолько громким, что никто не знал, откуда он донесся. Сестра Правило предположила, что в многочисленных пещерах, пронизывающих плато, произошел какой-то обвал.

Во втором и последующих случаях Ноне удавалось направить энергию Пути в скалу, разбивая известняк, превращая его в порошок, но не причиняя никакого ущерба, который мог быть замечен из монастыря. Однако после дюжины или более попыток, несмотря на все ее усилия замедлить приближение, обрести равновесие, как на меч-пути, и осторожно продвигаться вперед, ей удалось сделать всего один шаг или, возможно, скользящий второй шаг, прежде чем Путь сбрасывал ее.

— Нона?

— Да? — Нона подняла глаза, заново открывая для себя комнату, великолепные цвета окон, послушниц со всех сторон на своих стульях и Сестру Сквородка, стоящую перед ней. — Да, Госпожа Путь?

— Мне показалось, что ты переходишь черту между безмятежностью и сном. — По комнате прокатился смех.

— Простите, Госпожа Путь.

— Я сказала, что ты будешь сопровождать меня в Академию.

— Я?

— А еще Гесса и Арабелла. Я отвожу туда кванталов Серого Класса каждый год в двадцатый седьмой день. Если они у нас вообще есть. Очень важно, чтобы вы подверглись воздействию чар марджал; точно так же магистры Академии считают, что их ученики должны знать кое-что о магии Пути.

Прозвучал голос Брея, и Сестра Сковородка нахмурилась, слушая затихающий звон, прежде чем, с несвойственным ей раздражением, махнуть рукой, распуская класс. Стул Клеры чуть не перевернулось, когда она вскочила с него и начала проталкиваться, чтобы первой спуститься по лестнице.

Вечером, когда Нона подошла к столу в трапезной, она обнаружила, что Клера уже атакует миску с тушеным мясом. Дарла занималась ножкой, которая, казалось, была добыта из лебедя, а не из курицы, и, казалось, была полна решимости сгрызть мясо до костей, ее щеки и подбородок были покрыты жиром.

— Ты опоздала. Не похоже на тебя, — умудрилась выдать из себя Дарла, не прекращая работать с ножкой. Из всех послушниц только у Дарлы был больший аппетит, чем у Ноны.

— Сестра Колесо поймала меня и прочитала нотацию. — Это было враньем — она снова попыталась идти по Пути, добравшись до него в гневе. Как обычно, ее попытки замедлиться и управлять им привели к тому, что через несколько мгновений ее выкинуло с Пути. Безумие разбитого камня и трещины, которые тянулись на ярд или больше в скале — вот и все, чем она могла похвастаться.

— Я видела, как Колесо шепталась с Йишт за свинарниками. — Клера не поднимала глаз от своей миски, говоря между полными ложками. — Я думаю, они вместе что-то замышляют.

Нона огляделась в поисках Зоул, но девочки не было. Шерзал часто посылала ей посылки с едой, чтобы удовлетворить ее «этническую диету», и Зоул можно было найти едящей их в аркаде. Обычно еда походила на сушеную рыбу, иногда с тревожными намеками на щупальца. Иногда напоминала кубики жира, почерневшие от времени; от их вони у Ноны слезились глаза. Никто никогда не просил поделиться.

Нона положила себе тушеного мяса и кусок хлеба, втиснувшись между Клерой и Кетти.

— Сестра Колесо скорее отрежет себе нос, чем пропустит пение четвертого псалма перед едой. Она последняя монахиня во всей вере, которая может замышлять заговор против церкви.

— Может быть, не против церкви. — Ара выдвинула стул с другой стороны стола и наклонилась за хлебом. — Может быть, она не считает тебя частью церкви, Нона. Ты умудряешься уничтожить каждую молитву, которую она заставляет тебя учить.

— Я правильно произношу слова!

— Ты произносишь их так, словно молитва — смертельная угроза. Даже если бы все не знали, что ты ее ненавидишь, им достаточно было бы послушать тебя на уроке Духа, чтобы в этом убедиться. — Ара села.

— Я не ненавижу ее, — Нона прожевала и проглотила. — Просто она мне очень, очень не нравится.

— В любом случае, — сказала Ара. — Забудь про Сестру Колесо, через четыре дня мы поедем в Академию!

— Я там была. — Нона сунула в рот большую ложку тушеного мяса и, обнаружив, что оно слишком горячее, села, быстро вдыхая и выдыхая, а Ара бросила на нее яростный взгляд, требуя дополнительных разъяснений.

— И...

Нона, наконец, выиграла битву и начала жевать, ее язык был немного ошпарен.

— Это не так уж и здорово.

— Как ты туда попала? Я хотела навестить отца, а нам не разрешили! — Ара подняла глаза на Гессу, которая вышла из толпы более старших послушниц и заковыляла к столу. — Она говорит, что была там!

— Я тоже, — сказала Гесса. — Это не так уж и здорово.

— Что?! — Ара уронила ложку в мясо. — Возмутительно. Есть ли в этом монастыре кто-нибудь, кроме меня, кто не был на экскурсии?

— Все, что тебе нужно сделать, это попасть в руки того, кто хочет тебя продать, — сказала Гесса. — А Нона не была, она просто вспоминает мою память.

Нона моргнула и подняла глаза.

— Но... — она нахмурилась, наморщив лоб. Гесса права — это было воспоминание, которое они разделили в ту ночь, когда она и Гесса покинули dormitorio вместе, все благодаря нить-работе Гессы, которая у Ноны никак не получалась — надо было двигаться очень близко от Пути, но не касаться его. — Я думаю, ты права. — Она посмотрела туда, где сидела Рули, уставившись на пар, поднимающийся из ее миски. — Рули? Что такое... — Пар свернулся в бледную змею, и болезненная агония охватила Нону. Она обнаружила, что падает, не в силах ничего сказать, таща за собой тарелки и хлеб. Потребовалась целая вечность, чтобы упасть на пол.

— Нона! Нона! — Ара стояла на коленях, держа лицо Ноны двумя руками.

— ... что с ней случилось?

— Сестра Роза...

— Нет! — Рука Ноны схватила Джулу за лодыжку, когда та уже собралась бежать.

— Роза ей не нужна. — Клера, скорее противоречит Джуле, чем рассуждает здраво.

— О чем ты говоришь? — Ара отпустила голову Ноны и села на корточки. — Ты больна.

— С ней все в порядке. Просто поскользнулась. — Клера, стоя, махает послушницам с других столов, чтобы те вернулись на свои места.

— Я не больна. Меня отравили, — прошипела Нона.

— Что ж, это еще более веская причина, чтобы отнести тебя в санаторий, — сказала Рули, присев на корточки рядом с Арой и озабоченно нахмурив брови.

— Меня вышвырнут вон, если монахини узнают, что я сделала. — Нона свернулась калачиком вокруг своей боли, которая теперь ослабевала, но живот все еще сводило судорогой. Прямо сейчас, быть выброшенным не казалось неоправданной платой за то, чтобы чувствовать себя лучше.

— Мы не можем оставить тебя отравленной. — Ара переглянулась с Рули. — Это может убить тебя. И кто это сделал? Ты действительно думаешь, что это как-то связано с Раймелом Таксисом?

— Я не должна оставаться отравленной. — Нона попыталась подняться и с помощью

Клеры снова села на стул. — Мы знаем, как делать противоядия. — Два года занятий с Отравительницей это гарантировали.

— Ты должна узнать, что тебя отравило. Мы знаем тринадцать различных противоядий. Мы не можем сделать их все, а половину из них даже небезопасно принимать вместе с другими. — Гесса потянулась за костылем и с трудом поднялась со стула.

— Еще есть черное лекарство, — сказала Нона.

— Которому нас не учили, — ответила Гесса. — И оно может убить пациента или оставить его слепым.

— Кроме того, у Сестры Яблоко есть все необходимые ингредиенты. — Рули, сидевшая по другую сторону стола, наклонилась вперед, стараясь говорить громким шепотом.

— Мы даже не знаем, где она их держит. — Клера снова принялась за еду.

— В пещере, — ответила Нона.

— Ну да, конечно, — проговорила Клера с набитым ртом.

— Мы можем поискать. Я была глубже, чем вы, и видела несколько мест, где она могла бы их хранить. — Нона покачнулась, чтобы отвлечься от боли, все еще острой, но ослабевающей.

— Ты была глубже? — Ара нахмурилась.

— Когда ее задержали для суда, — сказала Гесса, тоже хмурясь, хотя она хмурилась все это время.

— О.

— Есть замок, — сказала Джула.

Клера фыркнула.

— Есть, — настойчиво сказала Джула. — Ворота всегда заперты. Мы даже не можем добраться до комнаты Тени, если Сестра Яблоко или Бенга не разрешают нам.

— Мы? — Клера оторвала взгляд от тарелки и вытерла рот тыльной стороной ладони. — Ты собираешься пробраться в пещеры, Джула? За всю свою святую жизнь ты ни разу не нарушила ни одного правила.

— Мы нужны Ноне. — Джула опустила глаза.

— Я ей нужна, — сказала Клера. — Я могу открыть этот замок.

— Каким образом? — спросила Ара.

Клера поджала губы и замолчала, сердито глядя на нее из-под черной копны волос:

— Я украду ключ у Бенги.

Послушницы зашикали на Клеру, чей голос стал довольно громким, но никто, казалось, не заметил этого среди шума четырех классов: все ели, разговаривали и гремели.

— Я открою замок, — тихо сказала Гесса. — Я могу это сделать. Но это не меняет того факта, что мы даже не знаем, какое противоядие нам нужно сделать. — Она заковыляла к главным дверям.

Остальные посмотрели ей вслед, мгновение смотрели друг на друга, а затем кивнули. Гесса не была склонна к хвастовству. Если она сказала, что может это сделать, значит, может.

Пришла Зоул, протолкнувшись сквозь толпу послушниц, вставших, чтобы выйти из-за соседнего стола. Серый Класс искоса взглянул на нее, и разговор оборвался.

— Сегодня вечером, — сказала Нона и снова занялась тушеным мясом.

Вечером Нона остановилась у скриптория, направляясь в dormitorio. Она постучала и

подождала. Легкий дождь смешался с ветром, на грани замерзания. Она съежилась в дверном проеме и уже подняла руку, чтобы постучать снова, когда тяжелая дверь с грохотом распахнулась.

— Нона! — Сестра Чайник улыбнулась ей, хотя и не с такой высоты, как раньше. — Входи.

Нона проскользнула в щель и оглядела комнату, пока Чайник закрывала за ней дверь. Большую часть пространства занимали четыре больших слегка наклонных стола, на каждом из которых лежали раскрытые свитки, перья и чернила. Сестра Шрам сидела на единственном занятом месте, перед ней на пюпитре лежала тяжелая книга, по обе стороны от нее стояли свечи. Она бросила на Нону короткий взгляд, прежде чем снова уткнуться в свиток. Клера сказала, что монахиня назвала себя так из-за шрама, который разделял ее щеку, огибал слепой белый глаз и пробегал сквозь короткие седые волосы. Джула сказала, что Шрам получила эту рану на миссии задолго до того, как она приняла священный сан, и имя связано с каким-то другим шрамом или тайной.

— Чем мы можем тебе помочь, Нона? — В глазах Чайник застыло обычное озорство. — У тебя есть книга, которую ты хочешь переписать?

— Я бы хотела воспользоваться библиотекой.

Чайник в восторге захлопала в ладоши, заслужив укоризненный взгляд Сестры Шрам.

— Я научила тебя читать, а теперь ты хочешь взяться за книгу! Вот, должно быть, каково это, когда твой ребенок делает первый шаг! Пошли! Пошли! — Она поспешила к двери в дальнем конце комнаты.

Нона последовала за Чайник в монастырскую библиотеку — комнату, похожую по размерам на первую, но лишенную окон, со стенами, скрытыми от пола до потолка книжными полками. Еще одна открытая дверь вела в длинную галерею, на полках которой стояли глубокие ящики, в которых хранились сотни свитков.

— Вот, у нас есть священные тексты, духовные писания, жития святых и почитаемых сестер нашего ордена. — Яблоко взмахнула рукой, чтобы охватить всю противоположную стену. — Там у нас есть трактаты о стилях боя по всему Коридору и за его пределами. Вот история и генеалогия Сис. Вон там труды о тайнах Пути — не надейся найти в них какой-нибудь смысл. — Она указала на секции на стене справа. — Серые книги вон там, на самой верхней полке. А здесь... — Чайник провела пальцами по кожаным корешкам дюжины книг, стоявших за запертыми створками, — у нас есть художественная литература!

— Почему они заперты? — спросила Нона. Она думала, что здесь могут быть книги о ядах. Но это...

Чайник усмехнулась и неохотно оторвала руки от книг:

— «Расскажи мне историю» — так начиналось любое оболение.

— Настоятельница не хранит *таких* книг! — Нона почувствовала, что краснеет.

Чайник покачала головой.

— Ну, по крайней мере, не здесь. — И снова ухмылка. — Но предупреждаю тебя, юная Нона: книга так же опасна, как и любое путешествие, которое ты можешь предпринять. Человек, закрывающий заднюю обложку, может быть не тем, кто открыл переднюю. Относись к книгам с уважением.

— Я могу просто... читать их? — спросила Нона.

— В любое время, когда захочешь. Просто не бывай класть их обратно, когда будешь уходить. И не причиняй им вреда. Это мои дети. Мои старые кожистые младенцы. И у меня

есть очень неприятный яд от Сестры Яблоко для любого, кто хотя бы загнет страницу.

— А как мне добраться до тех, что на верхних полках? — Нона поглядела на самую верхнюю полку, которая шла по всей комнате чуть ниже потолка.

— Вырасти! — Чайник удивленно посмотрела на нее. — Ты не захочешь читать ни одной из этих книг, маленькая Нона, пока не станешь выше ростом. — С этими словами она вернулась к двери. — Если я тебе понадобится, я буду здесь с Сестрой Шрам.

— Ты его нашла? — Ара ждала у двери дормитория, когда Нона вернулась. Все остальные послушницы уже спали или переодевались в ночные рубашки.

— Да. — Нона прошла мимо Ары в комнату, крепко скрестив руки на груди. Лихорадка вонзила в нее свои зубы, и Нона хваталась за себя, что, казалось, помогало не дрожать. Она упала в постель, слишком замерзшая и дрожащая, чтобы раздеться, хотя ряса прилипла к ее потному телу. Клера и Ара смотрели, как она вытаскивает дощечку из внутреннего кармана одеяния. Со стоном она наклонилась, чтобы положить ее под кровать, чтобы тщательно нацарапанные инструкции не размылись.

— Значит, ты собираешься это сделать, — прошептала Клера.

— Да, — Нона откинулась назад. Рецепт был записан в книге Сестры Коппер из Скалы Джеррена, написанной более двухсот лет назад. Предупреждения были более страшными, чем у Гессы, но она его получит. У нее будет черное лекарство.

— Поторопись! — Клера стояла, прижавшись лицом к щели между двумя прутьями ворот, закрывавших вход в туннель. По другую сторону ворот лестница вела вниз, в комнату класса Тени. — Быстрее!

— Она идет так быстро, как только может, — сказала Ара.

Гесса ковыляла к ним, усердно работая костылем, ее больная нога болталась. Прислонившись спиной к стене, Нона вглядывалась в окружающие их монастырские постройки, темные и безмолвные. Где-то ухала сова, а в темных углах сновали крысы. Ара открыла фонарь, слегка, чтобы провести Гессу внутрь.

— Смотри на ступеньки. — Нона двинулась, чтобы подхватить Гессу, если та упадет.

— Здесь. — Ара приоткрыла колпак фонаря настолько, чтобы его свет залил ворота.

Солнца не будет еще час: фокус прошел, камни потеряли его жар, звезды спрятались в угольном мешке неба. Шли серые часы, когда человечество крепко спало, а мир стоял открытым для смелых.

Если какая-нибудь послушница в dormitorio Серого Класа поднимется, чтобы воспользоваться Необходимостью, она обнаружит, что фонарь исчез. Кроме того, есть опасность быть обнаруженными теми монахинями, которые должны открыть пекарню этим утром, или Сестрой Сало, или одной из ее Красных Сестер во время ночного патрулирования.

Гесса подошла к воротам. Свет фонаря, упавший на ее лицо, показал кривую полуулыбку и спокойствие, которое, как учила Сестра Сквородка, приводит истинную кровь на Путь. Гесса положила руку на замок.

— Не взрывай его! — Нону охватил внезапный страх, а вместе с ним образ разрушенных ворот и Сестры Яблоко, стоящей перед ними в лучах утреннего солнца.

— Путь проходит через нас, как наша подпись, написанная на мире. — Гесса, казалось, цитировала Сестру Сквородка. — Мы сложны и изменчивы, как и наша подпись. — Рука Гессы привлекла внимание Ноны. Она не светилась, но почему-то казалась ярче и реальнее, чем все вокруг. — Но не замок. Замок — это простая вещь, независимо от того, как он может быть сконструирован. Он закрыт или открыт. Его нить произносит одно слово или другое. И если... я схвачу... эту нить и потяну.

Щелчок замка заставил их всех вздрогнуть.

— Я возвращаюсь, — сказала Гесса.

— Вы *все*. — Нона взяла у Ары фонарь.

— Но не я! — Ара протянула руку, чтобы забрать фонарь.

Нона отстранила фонарь от нее.

— Один может искать так же легко, как и трое. Я справлюсь без тебя.

— Ерунда. Если нас будет трое, мы сможем охватить больше территории. У нас мало времени! — Брови Ары сошлись на двух вертикальных линиях, которые появлялись прямо над ее носом, когда она упрячилась.

Нона распахнула ворота ровно настолько, чтобы войти самой.

— У нас есть всего один фонарь. Мы не можем разделить. Пусть накажут только одного из нас, если поймают. — Она закрыла за собой ворота, когда Ара потянулась к ним. — Помогите Гессе вернуться. Она может споткнуться в темноте.

Клера, казалось, приняла эту логику или поняла, как сильно ей не хотелось оказаться в черном списке Отравительницы. Так или иначе, она взяла Гессу за руку и начала помогать ей подниматься по ступенькам.

— Но ты же отравлена! — запротестовала Ара. — В этом-то все и дело. А что, если тебе там станет хуже? И мы тебе понадобится?

— Если меня поймут, у меня будет оправдание: меня отравили. Мне нужны эти ингредиенты. У вас двоих нет никакого оправдания. — Не дожидаясь ответа, Нона поспешила вниз по туннелю, уверенно ступая по знакомым ступенькам.

Как только Нона миновала дверь в пещеру класса Тени, дальше она могла полагаться лишь на одно старое воспоминание. Сестра Яблоко вела ее и Настоятельница Стекло по этому туннелю в железных колодках. Чтобы добраться до карцера, где они провели ночь, Сестра Яблоко провела их мимо полудюжины перекрестков, где туннели расходились и уходили в черные тайны Скалы Веры.

У подножия лестницы Нона какое-то время наблюдала за пляской пламени своего фонаря, потом отвернулась от него и стала смотреть на воспоминание о его танце, написанное на темноте. Из всех путей к ясности, которые показывала ей Сестра Сквородка, больше всего подходил Ноне именно этот. В течение следующих нескольких минут транс окутал ее своими холодными, покалывающими объятиями, каждая тень становилась все более осмысленной, каждая деталь в стенах взывала к ее вниманию.

В воздухе стоял металлический запах, запах глубоких мест. Нона дрожала, хотя влажный воздух не был особенно холодным. Мысленным взором она увидела себя и свой крошечный мерцающий огонек, входящих в огромный лабиринт. Сестра Правило однажды показала им слепок туннелей внутри муравьиного холма, такой сложный, такой невероятно запутанный, что Нона спросила себя, как вообще муравьи находят выход. Сегодня она была муравьем.

Она шла медленно, изучая землю. Склад Отравительницы должен быть не слишком далеко от классной комнаты, и путь между ними будет хорошо утоптан. Грязный песок, собравшийся в неровностях скалы, свидетельствовал о частом хождении. Ей нужно обратить пристальное внимание именно на повороты.

Первый выбор пришлось сделать там, где в стене туннеля образовалась трещина, едва достаточная для того, чтобы в нее протиснулся взрослый человек. Нона опустилась на колени и принялась изучать пол. Капля воды ударила ей по затылку, холодная как лед. То, что она увидела в дрожащем свете фонаря, ее удивило. Закругленный край ботинка оставил свой отпечаток в расщелине, в нескольких дюймах от входа, там, где в складке скалы собралась древняя грязь. Отпечаток был четким и довольно резким. Если бы он был там долгое время, то, конечно, кап-кап-кап туннелей размыл бы его края... Нона глубоко вздохнула и, повернувшись боком, скользнула в расщелину.

Трещина вела вниз под небольшим углом, пол состоял из неустойчивых камней, застрявших там, где стены сближались. Нона шла так быстро, как только осмеливалась, ожидая увидеть, что путь расширяется, но вместо этого обнаружила, что он сужается. Она не могла представить себе Отравительницу, расхаживающую здесь взад и вперед с руками, полными припасов для котлов послушниц. И все же кто-то прошел этим путем.

Стены царапали ее с обеих сторон, слышно было только ее дыхание и ничем не пахло кроме дыма ее фонаря и, слабо, влажного камня, древнего, как вечность.

Нона продолжала идти, хотя путь становился все теснее. Казалось, трещина вот-вот

сойдет на нет, и она все больше беспокоилась, что может застрять, не в силах ни повернуть, ни отступить, зажата в холодных объятиях камня, пока фонарь не погаснет и жажда не сведет ее с ума.

— Кто бы это ни был, он, должно быть, повернул назад. — Темнота поглотила ее голос. Страх дразнил ее, заставляя двигаться дальше.

Ближе к самому узкому месту Нона заметила сажу на стене. Ее было трудно не заметить, учитывая, что нос был всего в дюйме от нее, а затылок царапал противоположную стену. Дым от ее фонаря поднимался вдоль стены, перекрывая более старую черноту.

— Они, должно быть, повернули здесь.

Тем не менее Нона проковыляла еще ярд. Здесь больше не было закопченных стен. Она начала было возвращаться, но остановилась и принялась. Ее собственный фонарь испускал едкий смолистый дым горящего камень-масла, но в воздухе висел еще один запах, более сладкий, всего лишь слабое воспоминание о нем. Старый дым, но не дешевая дрянь, которую жгли послушницы: Нона почувствовала такой же дым в прихожей дома настоятельницы и в Зале Сердца, когда первосвященник проводил суд.

Она рванулась вперед, теперь схваченная с обеих сторон, извиваясь там, где трещина в камне была слишком узкой для ее бедер. В какой-то момент челюсти скалы сжали ее голову, и она не могла ни двинуться вперед, ни отступить. Страх оказался достаточной смазкой, и через мгновение она прорвалась. Мужество покинуло ее еще до того, как трещина снова начала расширяться, но к этому моменту движение вперед стало единственным выходом, и, рыдая от ужаса, проклиная себя за глупость, Нона медленно двинулась вперед.

Наконец стены отпустили ее, и она, спотыкаясь, вывалилась в более широкое пространство. Другой туннель. Над ней, в потолке туннеля, открылась шахта. Она не выглядела ни высеченной вручную, ни естественной, а имела странный «расплавленный» характер, стены были то гладкими, то неровными. Пол туннеля покрывали обломки — щебень из шахты наверху, — в некоторых местах треснутые, в других — гладкие, а в третьих — несущие следы кирки. Нона ничего не могла понять.

Шахта находилась слишком высоко, чтобы дотянуться до нее, камнепад завалил туннель слева от нее и нервы Ноны еще не были готовы к попытке возвращения, так что единственным выходом оставался проход направо.

Она продвигалась вперед, исцарапанная и грязная, проходя мимо небольших трещин, а один раз мимо занавеси водопада, образованного стекающей с плато ледяной водой. На мгновение ее охватила паника, когда она представила себе огромную тяжесть Стеклойной Воды где-то рядом. Насколько тонкими были стены, удерживающие этот резервуар на месте? Что нужно сделать, чтобы эти воды хлынули по этим древним путям и утопили ее в темноте?

— Яблоко никогда не ходила этим путем. Только не на склады. — Звук собственного голоса Ноны убедил ее, и она начала возвращаться.

Вот тогда она и услышала его. Только один раз, и очень далеко. Звук удара металла о камень. Она затаила дыхание и ждала, напрягая слух. Ничего. Она устремилась к более глубокой ясности, погружая свой разум в мантру, которой научила ее Сестра Сквородка. *Одинокий огонек в темноте. Единственная нота, висящая в пустоте. Одинокая искорка на покрытом рябью озере.* По-прежнему ничего... нет, ничего, кроме слабого звука льющейся воды в нескольких поворотах и во многих ярдах позади нее. Звук раздался снова. Металл о камень.

Зарычав, словно желая отогнать страх гневом, Нона повернулась и пошла вперед. Через двадцать ярдов туннель расширился еще больше, но на широком глиняном полу не было видно никаких следов чьего-либо движения. Звуки стали раздаваться чаще, или Нона слышала не только самые громкие из них. Кирка по камню. Кто-то копал, но в гулком коридоре было невозможно определить направление.

Еще немного вперед — и звуки стихли. Нона вернулась по своим следам и обнаружила в стене расщелины каменистую щель выше ее головы. Здесь звуки были громче. Она развязала веревку, которая подпоясывала ее рясу, и привязала один конец к кольцу для переноски фонаря, а другой — к лодыжке. Подпрыгнув, она ухватилась за край верхнего туннеля, не шире канализационной трубы, и подтянулась вверх, фонарь покачивался под ней.

Через минуту она уже медленно ползла по туннелю на животе. Теперь удары были такими громкими, что она потушила фонарь и двинулась вперед вслепую.

После того, что казалось холодной, влажной вечностью, в течение которой она дважды ударилась головой о камень и ободрала колени, шепот света достиг ее среди криков кирки, кусающей камень. Она видела конец туннеля, светящийся так слабо, что его можно было заметить только в полной темноте.

Успокоив дыхание, Нона подползла к краю, где какой-то большой, новый туннель прорезал старый, в котором она находилась. Внизу, в большом проходе, одинокая фигура в черном рубила стену, уже почти скрывшись из виду в коротком проходе, который она проделала. Обломки усеивали гладкий от воды пол позади нее. Работа, должно быть, заняла недели.

Нона зачарованно наблюдала за происходящим, осознав, что испытывает новое ощущение. До этого момента ее сознание было заполнено давящим знанием о весе камня над ней и о том, как долго и узко возвращаться на поверхность — если она вообще сможет вспомнить все изгибы и повороты. Но теперь ее внимание привлекло нечто большее. Более громкое, чем треск кирки, более тяжелое, чем фатомы камня. Полнота. Непохожесть. Что-то древнее и полное энергии, от которой у нее дрожали руки и горела кожа.

Землекоп остановился и повернулся, чтобы поднять кожаную бутылку, стоящую на камне у входа в расщелину. Подняв руку, он откинул со лба мокрые от пота волосы и выпил.

Йишт! Как только Нона мысленно назвала ее, глаза женщины устремились к выходу из туннеля. Нона отпрянула назад, вжалась в камень и затаила дыхание. Она подождала мгновение, достаточно долгое, и Йишт снова стала пить из бутылки с водой, как собиралась, затем начала поворачиваться.

Двигаться назад по туннелю, не имея возможности развернуться, таща за собой дымящийся фонарь и стараясь не издавать ни звука, было нелегко. Свечение в конце туннеля стало ярче: Йишт, должно быть, приближается! Нона поползла назад так быстро, как только могла, по-прежнему не издавая ни звука. Если Йишт заберется наверх, она может увидеть или учуять следы фонаря Ноны. Сколько же времени пройдет, прежде чем в воздухе мелькнет нож? И если не брошенный нож, то сама Йишт. Эта женщина практически победила весь Серый Класс, вместе взятый. Она запросто могла бы убить Нону здесь, внизу, и ее тело пролежало бы незамеченным еще долго после того, как рассыпались бы кости.

Ноги Ноны в конце концов нашли открытый воздух, и она свесилась через край, прежде чем скользнула в нижний туннель, сильно ударившись подбородком о выступающий край скалы. Через несколько мгновений она уже спешила обратно к расщелине, и ее фонарь пропускал сквозь колпачок ровно столько света, чтобы она не ударилась о стены до потери

сознание. Она мчалась вперед, преследуемая тенями, скользя и обливаясь потом, уверенная, что в любой момент чья-нибудь рука сомкнется на плече.

— Ты их добыла?

— Да, — прошипела в ответ Нона. — Ш-ш-ш!

Клера скатилась с кровати и подошла к Ноне. Ара плюхнулась в свою, зевая и потягиваясь под одеялом. Гесса, казалось, крепко спала.

— Все прошло нормально? — прошептала Клера так близко к уху Ноны, что его начало покалывать.

— Да, возвращайся в кровать. — Она пощупала украденные ингредиенты в сундуке с одеждой. Черный корень, завернутый в льняную ткань, красный чесночный порошок в бумажной обертке, ртуть в промасленном кожаном мешочке, соли аклита и сера. Пещера-кладовая была следующей по пути, большой и легко доступной; ингредиенты были разложены на полках в маркированных мешках, пучках, флаконах и горшках. Если бы ее не сбил с пути след от ботинка Йишт, она бы вошла и вышла за четверть часа.

— Как ты себя чувствуешь? Я могу остаться с тобой?

— Я в порядке. Ложись.

— Но ты нашла все? Даже ртуть?

— Да.

— Хорошо. — Клера сжала ее руку, поколебалась, потом вернулась в постель. — Кстати, от тебя воняет грязью.

Нона сняла с себя рясу и сунула ее под кровать. Нужно вымыться, но эту проблему она решит при свете дня. Она скользнула под одеяло, шерсть оскорбила ее ободранные колени, темнота была полна образов туннеля за туннелем, узкие скалистые глотки ловили ее в мерцании пламени, все теснее сжимаясь вокруг. Она повернулась на бок и свернулась калачиком, стараясь казаться в темноте как можно более маленькой мишенью. В ночи, прошедшие послековки, она сворачивалась вокруг боли, вокруг первого и все новых и новых кльков яда, который в нее влил Раймел. Конечно, ничего быстрого — он хотел бы знать, что она долго и тяжело страдала, прежде чем умереть. Сестра Яблоко рассказывала им множество ужасных историй о токсинах, которые именно так и действуют. Есть яды, которые заставляют плоть гнить вокруг костей в течение нескольких недель, есть и другие, которые сначала вызывают слепоту, затем шелушение кожи хуже, чем любой ожог, и, наконец, безумие и смерть месяцами позже. Но сейчас она поняла, что кроме коленей, кистей, рук и челюсти... ничего не болит. Голова, живот и суставы, все, что скручивала медленная всепроникающая боль, действительно были в порядке. Она сказала, что все в порядке, чтобы заставить Клеру вернуться в свою кровать... но это оказалось правдой... она испытывала только затянувшееся чувство полноты, овладевшее ею, когда она шпионила за Йишт. Чувство, которое она испытывала только в одном месте, и никогда так сильно — перед черной дверью в Собор Предка в дальнем конце монашеских келий.

Последней ее мыслью перед сном была мысль о том, воспользовалась ли Йишт воротами и заметит ли она или Сестра Яблоко, что они остались незапертыми.

На продуваемом всеми ветрами выступе, в перерыве между уроком Меча и вечерней трапезой, Нона, Ара и Гесса сгрудились вокруг неглубокой впадины, частично защищенной низкими стенами, образованными нагромождением камней — их Нона разбила с помощью

Путь-энергии во время одного из своих многочисленных тайных занятий.

Зажечь огонь оказалось настоящим кошмаром: несколько украденных кусков растопки сгорели прежде, чем подождли угли, украденные из кухонного склада. В конце концов Нона и Ара сели, дрожа, и стали ждать, пока Гесса искала безмятежность, необходимую, чтобы добраться до Пути, после чего, наконец, зажгла угли с помощью размеренного высвобождения Путь-энергии.

Они начали варить черное лекарство, используя горшки, украденные из кухонь — было безопаснее украсть их, чем пытаться стянуть правильное оборудование из запасов Отравительницы. Не имея весов, Гесса взвешивала ингредиенты, используя измерительную линейку, уравновешенную в средней точке на столовом ноже. У Гессы была коллекция камешков, которые она ранее взвесила в классе Тени, и она утверждала, что, поместив их на правильном расстоянии от точки равновесия линейки, она может, при помощи некоторой арифметики, измерить любой желаемый вес на другой стороне. В теории это казалось, по крайней мере Гессе, легким делом. Ветер Коридора играл с неудобными ингредиентами, хотел сдуть их или разбросать, не давая положить на качающуюся линейку... Ноне казалось, вся эта работа ближе к догадкам, чем к любой науке, преподаваемой в Академии.

Это заняло больше времени, чем предполагалось. Они полагались на ветер, который должен был унести опасные пары, а это означало частые поспешные движения, когда ветер налетал с другого направления.

— Приближается лед-ветер, — сказала Ара.

— Они могут послать нас в поход, если он продлится. — Нона вылила еще одну серебряную каплю жидкого металла в черную вонючую кашу, кипевшую в кастрюле.

— Возможно. — Ара вздрогнула и обхватила себя руками. Походы почти всегда начинались при лед-ветре. Во время предыдущих пропало несколько послушниц, а через несколько дней их нашли замерзшими на земле. Некоторых не нашли вообще.

В конце концов все трое пропустили вечернюю трапезу и вернулись в монастырь в темноте, их рясы пропахли черным корнем, разрушенный горшок был брошен через утес, угли все еще тлели позади них, спрятанные во впадине. Нона держала черное лекарство в крошечном флакончике духов, который Ара принесла в монастырь, когда только приехала. Когда лекарство сварили до состояния осадка и процедили через ткань, стараясь не дать жидкости коснуться кожи, осталось ничтожно мало.

— Ты действительно его примешь? Ты ведь знаешь, что его называют «убить или вылечить»? — спросила Гесса, стараясь не отставать от Ноны и Ары. — Даже если я правильно рассчитала пропорции, это ужасный риск. Просто скажи настоятельнице, что ты сделала. Она может рассердиться, но не вышвырнет тебя вон.

— Я подумаю об этом. Сегодня я чувствую себя не так уж плохо. — Боль, тошнота — все это прошло за одну ночь, но у Ноны не хватило духу рассказать об этом остальным после того, как они рисковали ради нее. Кроме того, с врагом, который прибегает к яду, никогда не повредит быть готовым заранее. Она почти не сомневалась, что у Сестры Яблоко и остальных Сестер Благоразумия есть собственные коллекции маленьких пузырьков на любой случай — в том числе и черное лекарство.

С урчанием в животе они прокрались в dormitorio и переоделись, причем Ноне пришлось одолжить у Ары старую рясу. Три испорченные платья они завернули в испачканную грязью рясу Ноны, оставшуюся со вчерашнего вечера, и отнесли в прачечную. Если бы какая-нибудь монахиня узнала запах черного корня и внимательно посмотрела на

сверток, то обнаружила бы там всю литанию девичьих преступлений. К счастью, черный корень не был обычным ингредиентом, и Сестра Яблоко, казалось, никогда не работала в прачечной.

Нона прошла вслед за Арой в комнату для стирки, рукава хлопали по рукам, но она уже не казалась такой крошечной в рясе Избранной, как раньше. Почти час ушел на то, чтобы отстирать грязную рясу в деревянных чанах и пропустить ее через каток для отжимания, пока она не стала сухой настолько, что ее можно было повесить.

Они работали в темноте, по локоть в холодной воде, спины болели, несмотря на все тренировки Сестры Сало. Свет мог бы привлечь нежелательное внимание.

— Я видела Йишт, — сказала Нона в темноту, ее голос был едва слышен из-за плеска воды.

— Я тоже, с Зоул в классе Духа, — ответила Ара. — Сестра Колесо впустила Йишт в класс, сказав, что каждому не помешает больше поучений в священных делах.

— Я видел ее в пещерах.

— Что? — Ара перестала плескаться.

— Я свернула не туда и увидела, как она копает.

— Копает? — спросила Ара. — Почему? Куда?

— Я думаю, она прокладывает путь к чему-то под куполом — там что-то спрятано, что-то могущественное.

— Кровь и зубы, Нона! И ты ждала весь день, чтобы сказать мне это... почему?

— Если бы я сказала это в присутствии Клеры, половина монастыря, вероятно, уже знала бы об этом.

— Клера умеет хранить секреты, — сказала Ара. — Те, которые она хочет хранить.

— Она... — Ноны перестала отрицать, когда перед ней вспыхнул образ той странной метательной звезды. Она никогда больше не спрашивала о ней, и Клера никогда не просила рассказать истинную историю того, как она оказалась в клетке Гилджона. Это казалось честным обменом. — Она умеет хранить собственные. Чужие — совсем другое дело.

Ара фыркнула:

— Тогда почему же ты не рассказала нам, когда мы там варили? Уж там точно никого лишнего не было!

— Гесса заставила бы меня рассказать настоятельнице.

— Чертова Гесса! Я заставлю тебя рассказать настоятельнице!

— Рассказать ей, что я ворвалась в подземелье, планируя украсть дорогие монастырские ингредиенты, потому что напала на человека, из-за которого она сожгла себя, чтобы защитить меня после того, как я напала на него в первый раз? Насколько нам известно, Настоятельница Стекло могла попросить Йишт выкопать для нее туннель или дать разрешение на разведку в пещерах. Она могла открыть ей ворота с помощью ключа.

— Но она этого не сделала.

— Да. На самом деле я видела новую шахту, ведущую наверх, и я уверена, что она находится под гостевыми комнатами. Йишт, должно быть, выкопала что-то из своей комнаты и занялась исследованием.

— Тогда все, — сказала Ара. — Она виновна, как грех.

— Но настоятельница, вероятно, отпустила бы ее. Какая бы власть ни была у Шерзал над ней, она очень сильна! — Нона швырнула пропитанную водой рясу в бадью для полоскания. — Мы сами должны что-то с ней сделать.

— Как? В бою она убьет нас всех! — Ара выжимала свою рясу под крутящемся катком, ее лицо было всего лишь пригоршней отблесков там, где свет из далекого скриптория просачивался в окна прачечной.

— Вот об этом я все еще думаю. — И Нона наклонилась к своему отжиманию.

Они вышли, с больными руками и морщинистыми пальцами, как раз вовремя, чтобы встретить остальных младших послушниц, идущих из аркады в темный dormitorio.

К тому времени, как они добрались до здания, Нона уже шла в хвосте группы, замедленная болезнью, которая возвращалась весь день. Она стала подниматься по лестнице к двери, шагая со ступеньки на ступеньку. Три события произошли одновременно. Осколок льда скользнул по ее лицу, раздался резкий крик, и нога Ары ударила Нону в бок. Удара было достаточно, чтобы обе девочки полетели в разные стороны. Прежде чем обе послушницы упали на землю, кусок гнилого льда размером больше головы Ноны ударил в то место, где она стояла. Обломки засыпали их обоих.

— Предок! — выдохнула Ара. — Это было близко!

Нона лежала на спине, ей не хватало воздуха, чтобы ответить, взгляд был устремлен на край крыши, окаймленный сосульками. Неужели там была тень? Хотя бы на мгновение? Или, возможно, усталые глаза и напряженное воображение поместили ее туда.

Нона и Ара поднялись, прошли под аркой двери и отряхнули друг друга.

— Ну и денек. — Ара вошла первой.

Нона легла в кровать, погруженная в свои мысли. Неужели Йишт только что пыталась убить ее? Неужели эта женщина подозревает, что за ней следили в пещерах? Если так, то только подозревает, иначе она наверняка предприняла бы более прямые действия...

Она плюхнулась на тюфяк, измученная и голодная, выбросив Йишт из головы. Прошел целый день, и не было ни минуты для подготовки визита в Академию. У Гессы было время конечно, но она вряд ли нуждалась в этом. Нона видела школу Академии такой, какой она была в воспоминаниях Гессы: величие и авторитет, высеченные в камне, и выстроившиеся в ряд академики императора, ожидавшие, когда их впечатлят. И она увидела перед ними себя, маленькую послушницу в рясе, все еще влажной и слегка пахнувшей черным корнем, которая могла бы, если бы пришла в бешенство, разбить вдребезги несколько их дорогих каменных плит.

В шестой день лед-ветер снова задул всерьез, впервые с тех пор, как появилась Зоул. Нона скорчилась в обожженной огнем яме, в которой они варили черное лекарство, пытаясь найти ярость, которая была ей нужна, чтобы попасть на Путь. Оказалось, что трудно найти нужное тепло, если тебя держат ледяные зубы ветра. На плоскогорье перед ней, под унылым небом, съезжился монастырь, похожий на зверя, отправленного на бойню. Наконец, она бросила напрасные усилия и помчалась к Башне Академии, надеясь не опоздать на урок.

Выяснилось, что она была первой, с грохотом поднявшейся по лестнице в класс, занятый только Сестрой Правило.

— Доброе утро, послушница. — Сестра Правило выглянула из-за стола, где она обычно устраивалась поудобнее и оставалась на протяжении всего урока, используя свою указку, чтобы указать на заголовки, написанные мелом на доске рядом с ней.

— Доброе утро, госпожа Академия. — Нона нашла свое место в конце класса.

— Свежо, не так ли?

— Да, Госпожа Академия. — Изогнутая полоска льда, образовавшаяся на затылке Ноны, выбрала именно этот момент, чтобы упасть и разбиться об пол.

Гесса ввалилась через мгновение, выглядя удивленной, что не была первой.

— Какое самое ценное сокровище в монастыре? — Нона удивила себя, задав этот вопрос, но Сестра Правило всегда хорошо относилась к вопросам, а задавать их вошло у Ноны в привычку.

— Корабль-сердце. — Без колебаний.

— И оно хранится под Залом Сердца?

— Да, конечно. — Сестра Правило закрыла книгу, которую читала, и, прищурившись, посмотрела на Нону. — Планируешь его украсть? — Она выдержала этот взгляд достаточно долго, чтобы Нона подумала, что она говорит серьезно, а затем рассмеялась.

Остальная часть Серого Класа вошла более или менее вместе, Ара выглядела усталой. Клера драматично сгорбилась над своим столом, Джула со своей обычной аккуратностью положила перо, свиток и грифельную доску, Дарла неуклюже склонилась над своим столом и умудрилась разбрызгать чернила, когда открывала горшочек. Староста Мэлли впереди. Алата и Лини бок о бок, каждая с трогательной преданностью нашла под столом пальцы другой. Зоул заняла свое обычное место в центре комнаты, выглядя безмятежной, как будто никогда не выходила из транса.

— Сегодня. — Сестра Правило резко опустила свою указку. — Мы обсудим лед.

Едва заметная морщинка пробежала по лбу Зоул.

— В Красном Класе мы обсуждали толщину льда, его наступление, как историческое, так и современное. И причину — угасание нашего собственного умирающего солнца. Сегодня мы обратимся к народам, которые сделали его своим домом. — Она повернула голову к Зоул и дружелюбно улыбнулась. — О чем послушница Зоул знает гораздо больше, чем кто-либо из присутствующих. Может быть, она захочет рассказать нам что-нибудь о лед-племенах?

— Нет. — Губы Зоул едва шевельнулись, но слово прозвучало громко и отчетливо.

Сестра Правило сжала губы в тонкую линию, которая сумела выразить удивление, веселье и неодобрение одновременно.

— И почему, послушница?

— Лед надо испытать на себе. В ваших книгах нет слов, которые могли бы его описать.

Путешествие по льду — цена за такое знание.

— Хорошо... — Сестра Правило постучала указкой по столу. — У нас есть первое наблюдение: племена глубоких льдов имеют свои собственные кодексы поведения, которые могут сильно расходиться с нашими. Вам придется проехать сотни миль на восток до Скифроула или на запад через море до Дарна, чтобы ощутить значительные культурные различия в Коридоре, но путешествие менее чем на тридцать миль на север или юг поставит вас лицом к лицу с народами, чьи обычаи более чужды нам, чем обычаи любого жителя Дарна. — Она оглядела класс. — Я уверена, что вам будет любопытно узнать о вашей новой подруге и ее телохранительнице. Задайте мне несколько достойных вопросов, и я поделюсь с вами той... — она перевела взгляд на Зоул, — скудной информацией, которой я располагаю.

— Что они едят? — Рука Ноны взметнулась вверх, но она уже выпалила вопрос.

— Хороший вопрос! — Сестра Правило стукнула по столу. — К самой сути дела. Они едят рыбу.

— Но как? Лед толщиной в несколько миль! — Нона видела стены Коридора, и даже там, сразу за краями, лед уходил на сотни ярдов в глубину.

— Да. — Сестра Правило потянулась к сверкающему белому шару на своем столе с почти исчезающе тонким цветным поясом, сохраняющимся благодаря теплу лунного фокуса. — Но есть места над океаном, где море лежит открытым, лед тает от более теплой воды, поднимающейся из океанских глубин. В некоторых местах море доступно круглый год. Дальше на север и юг, где правят времена года, лед очищается только в разгар лета. Во всех случаях открытая вода ограничена участками не более мили в поперечнике, но густо усеянными океанской жизнью. Лед-племена либо стараются держаться на одном месте, либо кочуют в зависимости от времени года от одного временного оазиса к другому. В своих путешествиях они исследуют туннельные системы везде, где их можно найти, ищут пути к коренным породам и любым подземным городам, покинутым Пропавшими.

Мысли Ноны устремились к рассказам отца о ледяных туннелях. Воспоминания о том, как он рассказывал ей, улетучились, оставив лишь впечатление, как ее подбрасывают на коленях, а она благоговеет перед странностью его рассказов. Сами истории она узнала по рассказам матери, когда была еще совсем маленькой.

Она смотрела на класс глазами, которые не видели ничего, кроме темных, сверкающих туннелей, прокладывающих себе путь все глубже и глубже, наполненных старой ночью и новыми возможностями. Когда зазвучал голос Брея и оторвал ее от приключений в туннелях, Нона с удивлением обнаружила, что урок закончился и все девочки вокруг нее поднялись со своих стульев.

На Мече после обеда они упражнялись с метательными звездами. Послушницы провели большую часть двух часов, стараясь попасть в мишени. Сестра Сало установила дюжину семифутовых досок, на которых были нарисованы человеческие фигуры с достаточной анатомической детализацией, чтобы позабавить девочек. Первые четыре доски она поставила всего в трех ярдах от линии броска, следующие четыре — в шести, а последние — еще на шесть ярдов дальше.

— Если вы хотите поразить противника, находящегося еще дальше, вам действительно следует взять с собой лук. Метательные звезды занимают меньше места и менее заметны, идеально подходят для городских ситуаций и использования внутри зданий. Но, взамен, они

менее точны и приносят меньше вреда. — Сестра Сало расхаживала позади рядов послушниц, выстроившихся в очередь для броска.

Они бросали до тех пор, пока их руки не устали и не начали кровоточить от дюжины мелких царапин. Потом они бросили еще несколько.

— Вы думаете, это трудно? — Сестра Сало продолжала расхаживать взад и вперед, то и дело останавливаясь, чтобы поправить положение рук или действия послушницы. — Вам повезет, если вы когда-нибудь получите настоящую цель, неподвижно стоящую прямо перед вами. Цельтесь в глаза. Любое попадание в голову — неплохой шанс вывести противника из боя, но глаз — это гарантированный конец для любого.

Стоявшая рядом с Ноной Рули, которая с первого же урока оказалась на редкость хороша с метательной звездой, вытянула руку и резким движением запястья вонзила звезду в глаз ближайшей мишени, острие застряло в черном зрачке.

— Хвастунишка, — сказала Клера справа от нее. В мишени перед Клерой торчало три звезды: одна во лбу, другая возле ребер, а третья висела примерно в футах от шеи мужчины, полный промах. — Ну, сделай это снова.

Рули послала еще одну вращающуюся звезду, направив острие в зрачок другого глаза мишени.

— Это даже нечестно! Ты не можешь судить, куда попадет острие! — Клера бросила следующую звезду и едва не промахнулась мимо доски.

Рули пожала плечами:

— Если бы мишень была ближе и у меня было бы копье, я могла бы наклониться вперед и ткнуть ее в глаз.

Нона бросила свои четыре звезды в быстрой последовательности. Все четверо попали в голову, две — в глаза.

В конце шеренги Дарла сделала свой последний бросок, и все четверо пошли к мишеням, чтобы забрать свои звезды, прежде чем наступит очередь следующей шеренги.

— Ты не попала в зрачки, — сказала Клера, все еще злясь на подвиг Рули.

— Когда острый кусок металла попадает тебе в глаз, у тебя будет очень плохой день, куда бы он ни попал. — Нона пожала плечами.

— Продолжай твердить себе это, — усмехнулась Рули. — Однажды ты встретишь врага с очень маленькими глазами и пожалеешь, что не взяла меня с собой!

В бане после Меча Нона висела в горячей воде, пока класс плескался и болтал вокруг нее или сидел на краю бассейна, восстанавливаясь в клубах пара. Откинув голову назад, она парила, объятая теплом, над ней не было ничего, кроме белизны, медленное кружение пара эхом отдавалось в ее голове. Завтра Академия покажет своих учеников перед Сестрой Сквородка и какой-нибудь большой аудиторией. Гесса, в свою очередь, покажет им тонкости работы с нитями, а Ара — направленную силу Пути, которую она соберет за три или даже четыре шага и высвободит контролируемые все разрушающими взрывами. А Нона... крестьянская девочка из Серости... несостоявшаяся убийца, сбежавшая из-под смертного приговора... что она может показать им такого, чтобы они не ухмылялись, прикрыв рот руками?

И когда она вернется, то будет все еще отравлена, будет все еще стоять перед дилеммой: признаться ли в нападении на Раймела или рискнуть принять черное лекарство, пытаться решить свои собственные проблемы. И над всем этим. Или, скорее, *под* всем этим была Йишт, зарывшаяся во что-то тайное, как червь в сердце монастыря.

Нона вздохнула и поняла, что иногда даже горячая ванна не может помочь.

МОНАСТЫРЬ НАНЯЛ ПОВОЗКУ, чтобы отвезти Сестру Сквородка и трех послушн в Академию. Остальная часть класса провожала их за Башню Пути. Девочки, за исключением Зоул, сгрудились вокруг, хлопая по плечам или обмениваясь объятиями, в зависимости от их характера.

— Сделай так, чтобы мы гордились тобой! — Дарла почти нежно толкнула Нону, зашатавшуюся и едва не упавшую.

— Покажи этим соплякам из Академии что-нибудь новенькое! — Клера изобразила взрыв.

— Предок присматривает за тобой. — Джула улыбнулась и коротко сжала руки Ноны.

— Будь осторожна! — Рули обняла ее.

— Не потеряйся. — Алата, с предупреждающим взглядом.

Ара и Нона помогли Гессе забраться в повозку.

— Тебе повезло, — наклонилась к ней Клера, когда Сестре Сквородка заняла свое место рядом с кучером. — Церковь, кажется, считает, что монахини должны ходить повсюду пешком. Seriously. Даже сестре Облако не досталась лошадь! Если бы Гесса не была хромоножкой, а Кастрюле не было бы сто девять лет, ты бы пошла в Академию ножками.

Кучер взмахнул кнутом, и повозка, запряженная двумя лошадьми, тронулась с места. Нона схватилась за борт и вспомнила фургон Гилджона. Начинается еще одно путешествие...

Повозка загрохотала по дороге, которая огибала свинарники и «курятник» — длинное здание, слишком большое для его нынешнего назначения. Слева, всего в нескольких ярдах от дороги, лежал голый каменный край утеса. Клера утверждала, что однажды шалость послушницы напугала лошадь, запряженную в фургон с припасами и отправила ее обратно на равнину самым прямым путем, вместе с фургоном и возницей. К счастью, на этот раз такой шутник не появился, и повозка уцелела, чтобы проложить путь через каменный лес. Нона лежала на спине и смотрела, как колонны тянутся к небу, а кучер петляет вокруг них. Даже Сестра Правило понятия не имела, кто их здесь поставил. Ни одна книга в библиотеке не упоминала об этом. Когда колонны закончились, Нона спросила себя, как долго продлится оставленная ею рябь, прежде чем исчезнет и Абет забудет о ней. Даже если она построит тысячу каменных столбов выше и толще самых больших деревьев, мир будет катиться и помнить ее не лучше, чем таинственных основателей каменного леса.

— Я знаю, о чем ты думаешь. — Гесса подвинулась, чтобы присоединиться к Ноне, наблюдавшей за исчезающими вдали колоннами.

— Нет, не знаешь.

— Я не думаю, что у нас осталось достаточно времени, чтобы быть забытыми. Точно нет, если мы сделаем что-то экстраординарное. Если мы будем гореть достаточно ярко, нас будут помнить до тех пор, пока Луна не упадет и Коридор не закроется.

— Тогда все не так уж плохо.

— Так и будет, если мы все еще будем живы, чтобы увидеть это!

Сестра Сквородка мрачно посмотрела на них:

— Никогда не стоит связывать двух послушниц нитями. Твой эксперимент был опрометчивым, Послушница Гесса, даже если ты не знала, что у Послушницы Ноны есть кровь. — Она рассеянно потеряла культу. — И теперь вы делитесь не только снами и болью,

но и праздными мыслями... Жизни тех, кто так тесно связан, тяготеет к тому, чтобы стать зеркалами жизни друг друга — со временем их ритмы начинают совпадать, пока не останется никаких различий, одно совпадение в восприятии кризиса и мира.

Гесса пристыженно опустила глаза. Нона неуверенно протянула руку к ее плечу:

— Звучит не так уж плохо. Если мы будем держаться вместе, это просто означает, что мы вместе будем бороться с неприятностями.

Повозка выехала на Виноградную Лестницу, более длинный спуск на равнину, но менее опасный, чем Дороге Безмятежности, и, несмотря на свое название, без лестницы. Покинув плато, они повернули, миновали монастырские виноградники, приютившиеся в объятиях скал, и по Ратлендской дороге въехали в Истину.

Величественные ворота города были открыты. Казалось, у людей внутри столько же неотложных дел, сколько и во всем мире за пределами города, что привело к огромному скоплению народа; многие использовали локти и хлысты, чтобы проложить себе дорогу, и все кричали.

Нона сидела сгорбившись и обхватив колени, пока тележка медленно продвигалась вперед.

— Я совсем забыла этот запах, — сказала Гесса. Она была единственной из Серого Класса, кто не пришел посмотреть на ковку в Калтессе.

Ара сморщила нос, зачарованно наблюдая за толпой:

— Ты должна приехать сюда в свят-день! Есть так много... — Она замолчала, вспомнив, что сейчас она поймана в ловушку на скале жадностью Шерзал, а Гесса — собственной ногой, так же эффективно. — Прости.

Настоятельница держала Ару в монастыре по просьбе ее дяди — лорд Йотсис все еще был обеспокоен тем, что Шерзал планировала похитить его племянницу. Практически Ара залилась на Зоул только из-за этого факта, который нависал над каждым седьмым днем. Ара буквально тосковала по Истине. Ходьба по магазинам, говорила она, — величайшее из удовольствий. Нона, никогда ничего не покупавшая и не имевшая денег, не имела никакого мнения на этот счет, но, судя по уличным лоткам, теснившимся вдоль главной улицы, ведущей от ворот, это был один из самых популярных контактных видов спорта в городе.

Как только они миновали ворота, толкотня стихла, и через сотню ярдов они уже спокойно ехали по широкой мощеной улице. По обе стороны возвышались величественные заведения в три и четыре этажа, с ресторанами внизу и гостевыми комнатами наверху. На боковых улицах теснились кузнецы, колесники, кожевники, седельники, лавки галантерейщиков и всевозможные гостиницы. Позже главную улицу захватили портные и ювелиры, серебряных дел мастера и золотых дел мастера, с роскошными квартирами наверху; иногда на одном из балконов был виден какой-то богатый арендатор, потягивающий вино и наблюдающий за миром, текущим буквально под его ногами.

Взгляд Ноны завораживали цвета. В монастыре все было серым, черным или бледно-желто-зеленым, как известняк. Когда Красная Сестра надевала свой официальный костюм, это было ярким всплеском на тусклой палитре. Если бы Красная Сестра появилась среди толп, окупировавших Истину, никто не остановил бы на ней свой взгляд.

Кучер свернул на оживленном перекрестке и поехал вверх по пологому склону в районы, отведенные под частные дома. У Ноны возникло ощущение, что она уже бывала на улицах, по которым они проезжали. Она обернулась и увидела, что Гесса смотрит так же, как и она. Гесса вдруг показалась очень юной, ее костлявое тело было слишком маленьким

для ее рысы, а лицо таким худым и угловатым, что она могла сойти за одну из лесных никси, о которых рассказывала истории Нана Эвен. Солнце, все еще низко висевшее на востоке, придавало ее светлым кудряшкам нечто неземное, превращая их в подобие нимба. На мгновение Ноне показалось, что Гесса ничуть не изменилась с тех пор, как они много лет назад путешествовали с Гилджоном, ни на йоту.

— Мои воспоминания. — Гесса наклонилась вперед, одной рукой опираясь на качающуюся тележку, а другой касаясь руки Ноны. — Ты вспоминаешь мои воспоминания.

Над ними прошла тень, и Нона, подняв глаза, увидела высокую кирпичную башню с большим колоколом, открытым навстречу стихиям. Она уже видела ее раньше. Но другими глазами. К тому времени, как они подъехали к Академии, Нона уже могла сказать кучеру, где повернуть налево, а где направо.

Они проехали вокруг большого здания, в котором Гесса и другие проходили испытание, мимо ряда других школьных зданий и пересекли большой мощный двор. Перед ними прошел отряд солдат — двадцать человек в кольчугах, с копьями за плечами, в золотых и зеленых туниках и с эмблемой на груди: огромным деревом, черным на фоне восходящего красного солнца.

— Войска императора, — сказала Сестра Сквородка. — А это, послушницы, стены императорского дворца. — Сестра Сквородка указала култей на широкую стену, уходящую вдаль в обоих направлениях. Прямо за стеной возвышался круглый замок, самая могучая крепость, какую только могла вообразить Нона, выглядевшая так, словно принадлежала к другой эпохе, когда гиганты строили из огромных скальных блоков. Казавшееся маленьким в тени стены, но все же такое же большое, как Калтесс, и гораздо более величественное, лежало еще одно здание. — То, что возвышается над стеной императора, и есть Ковчег-Крепость. А наша цель — Зал Академии. Все эти здания — Академия, но это ее сердце.

— Почему он стоит совсем близко от стены императора? — спросила Нона. Это выглядело странно, словно император и Академия поссорились из-за какой-то спорной границы.

— Чтобы быть как можно ближе к Ковчегу. — Сестра Сквородка помахала рукой в воздухе, словно пытаясь что-то забрать из пустого пространства перед собой. — Можешь ли ты его почувствовать?

Нона могла, хотя это ощущение подкрадывалось к ней так медленно, что прошло мимо ее внимания. Та же самая полнота, то же самое ощущение спящей силы наполняло воздух здесь, как наполняло воздух в задней части купола предка. Оно пульсировало в медленном ритме. — То же самое... как в монастыре.

Сестра Сквородка бросила на нее острый взгляд, а затем перевела взгляд на остальных:

— Гесса? Арабелла? Вы чувствуете это?

Обе озадаченно покачали головами.

— Очень немногие могут, — сказала Сестра Сквородка. — Даже среди кванталов. — Она снова обратила свои бледные глаза на Нону. — Это та же аура, что и у корабль-сердца, только сильнее и богаче.

— Но... — Настала очередь Ноны нахмуриться. — Корабль-сердце находится под Залом Сердца и...

Сестра Сквородка подняла руку, заставляя Нону замолчать:

— Корабль-сердце находится под Залом Сердца. Да. А Зал Академии расположен как можно ближе к Ковчегу, что позволяет академикам творить здесь большую магию, чем где-

либо еще в империи.

— Без нашего корабль-сердца Сладкое Милосердие было бы похоже на любой другой монастырь. Его присутствие делает во сто крат более легкой задачей обучать Мистических Сестер или позволяет тем, у кого есть прикосновение марджала, учиться тень-работе. Корабль-сердце не просто согревает нас. Это сердце нашего сообщества. Дар от Предка. — Она указала на стены дворца, возвышающиеся над крышами Академии. — Ковчег такой же самый, но другой. Еще сильнее. На самом деле вам пришлось бы пройти по Коридору много тысяч миль, чтобы найти магию, равную ему по возможностям, — один из двух других Ковчегов, которые, как говорят, все еще свободны ото льда.

— Сколько их подо льдом? — спросила Гесса.

Сестра Сквородка поджала губы:

— Кто знает наверняка? То, что пропало, — пропало. Старые книги расходятся во мнениях. *Палимпсест* дает самую большую цифру — тысяча двадцать четыре.

При этих словах глаза Ноны расширились. Народы боролись за контроль над Ковчегом. Императоры убивали своих отцов и сыновей. Тысяча двадцать четыре — огромное число.

— Однако задумайся, — продолжала Сестра Сквородка. — Они равномерно распределены по свободной от льда поверхности Абета, и между ними все равно будет пятьсот миль. Сколько бы их ни было, они редки. Даже реже, чем корабль-сердца.

— Корабль-сердца кораблей? Я думала, что есть только одно!

Сестра Сквородка улыбнулась:

— У каждого корабля, который доставлял племена в Абет, в ядре двигателей было сердце. Наши предки прибыли сюда не на одном корабле. Даже если бы каждая из нас прибыла на одном корабле, это были бы четыре сердца. Мне кажется, Сестра Правило видела в Орисоне тексты, которые предполагают, что там было множество кораблей.

— Множество! — Нона попыталась представить себе, как они плывут в черноте меж звезд.

— Множество, — кивнула Сестра Сквородка. — Хотя я знаю меньше полудюжины сердец во всей империи, и это число не удвоится, даже если ты обещаешь весь Дарн и Скифроул.

Повозка остановилась перед широким и многоколонным портиком Зала Академии. Солдаты императора стояли по стойке смирно на ступенях за колоннами, за ними возвышались огромные ворота из темной бронзы, каждая с дюжиной отполированных выступов размером со щит.

Сестра Сквородка велела кучеру подождать и повела Нону, Ару и Гессу вверх по мраморным ступеням. У больших ворот Сестра Сквородка направила их к единственной двери поменьше, расположенной в самой левой из них. Она слегка постучала, дверь поменьше распахнулась, и Сестра Сквородка вошла в фойе, каждая часть которого выглядела так же величественно, как купол Предка на Скале Веры.

Нона позволила своему взгляду поблуждать по высоте окружающих колонн и поморщилась. Тошнота, которая периодически мучила ее с тех пор, как она вернулась из Калтесса, снова скрутилась в животе, не такая резкая, как раньше, но предупреждающее эхо.

— Я знаю, что нужно Йишт, — прошипела Нона Аре, когда высокий, одетый в черное академик повел Сестру Сквородка и послушниц вглубь здания. — Она пытается украсть корабль-сердце!

— Но ты же сказала, что она копала под куполом! — прошипела в ответ Ара. — А

корабль-сердце находится под Залом Сердца.

— Нет, оно под куполом! — настойчиво сказала Нона. Она чувствовала его, но не знала, что это именно оно. История о Зале Сердца, должно быть, была преднамеренной мистификацией на случай, если кто-то придет в надежде украсть его.

— Что? — Ара остановилась в коридоре. Двери по всему коридору открывались в кабинеты академиков.

— Она права, — сказала Гесса, меняя курс, чтобы обойти их обоих.

— Что? — Нона и Ара вместе.

— Откуда ты знаешь? — спросила Нона. — Ты же сказала, что не чувствуешь его!

— Да, не чувствую. — Гесса обогнула их и пошла за Сестрой Сковородка. — Но надо просто посмотреть, откуда идут трубы с горячей водой. И это не Зал Сердца!

Наконец академик привел их в большой зал, который, прорезав все четыре этажа здания, вел к многооконному куполу на главной крыше. Галереи окружали периметр зала на каждом этаже, десятки академиков или сотрудников Академии стояли, наблюдая, некоторые облокотились на каменные балюстрады, другие собрались небольшими группами и разговаривали между собой. Некоторым пожилым людям принесли из кабинетов стулья с высокими спинками, чтобы они могли хорошо видеть происходящее.

Нона почувствовала, что потеет, и схватилась рукой за живот. Казалось, что яд, которым отравил ее Раймел, просто спрятался и, по какой-то причине, именно сейчас решил просочиться обратно в кровь.

В самом зале не было никакой мебели, кроме длинного дубового стола с дюжиной стульев позади него и восьми простых деревянных табуретов у противоположной стены. Четыре академика и священник Предка сидели за столом в одеяниях разных цветов, каждый своего. Сестра Сквородка заняла свое место за столом, а одетый в черное академик ушел тем же путем, каким их привел.

Внимание Ноны привлек один из академиков. Небесно-голубая мантия скрывала его болезненную худобу, хотя выпуклость позвоночника и длина шеи все равно были видны; на его маленькой голове застыла ухмылка черепа. Он смотрел на нее бледными, ничего не выражающими глазами. Она уже видела его раньше: в Калтессе, рядом с Раймелом Таксисом. Возможно, магия академика спасла жизнь ее врагу, а может быть, это сделали демоны, прятавшиеся под кожей геранта. Может быть, этот академик отравил ее в тот момент, когда она пыталась отнять жизнь у Раймела? Был ли он здесь сегодня по приказу Таксиса, чтобы закончить работу? Нона замерла, чувствуя челюсти капкана вокруг себя. Она могла бы рассказать Сестре Сквородка, но тогда разве они не нанесут Академии смертельное оскорбление? Кроме того, монахиня может просто повторить слова настоятельницы, напомнив Ноне, что Туран Таксис поклялся самому императору. Что дело закрыто. Нона стиснула зубы, когда тошнота снова напомнила о себе.

Самый старший из академиков поднялся на ноги, седовласый человек, чья кожа, казалось, была ужасно обожжена давным-давно, а в глазах застыла молочная слепота.

— Мы приветствуем последних из наших гостей — Сестру Сквородка из монастыря Сладкого Милосердия и трех послушниц одного возраста с нашими учениками третьего года обучения. — Он замолчал, и вежливые аплодисменты пробежали по галереям наверху. — Прошу прощения, Госпожа Путь, но время поджимает. Если вы готовы, мы начнем немедленно. — Он указал на табуреты у двери, и Сестра Сквородка жестом пригласила послушниц сесть.

Пять из восьми табуретов были заняты. На них сидели три студента Академии в серых туниках, ближе всех — яркая блондинка, затем Чара и Виллум. Чара выглядела такой же суровой, какой ее помнила Нона, черные волосы были подстрижены так близко к черепу, что под ними виднелась темная кожа. Виллум казался чуть менее непривлекательным, чем раньше, за два года его подбородок стал четче, а глаза — ярче. Два последних табурета занимали два послушника в коричневых рясах братства Предка: крупный рыжеволосый мальчик с красными щеками и слегка улыбавшийся Маркус. Нона, не дожидаясь разрешения, доковыляла до свободного табурета и упала на него, прислонившись спиной к стене. Гесса

устроилась рядом с ней.

Академик прочистил горло.

— Мы начнем с... — Он наклонился и приложил ухо к губам угловатой женщины, сидевшей справа от него. — С Послушницы Гесса и Проксимы Чара. — Он хлопнул в ладоши.

Сестра Сквородка со вздохом поднялась на ноги и, подойдя к двери в левой стене, поманила Гессу. Академик, сидевший справа, встал и проводил Чару через дверь в правой стене. Сестра Сквородка обещала объяснить, чего от каждого из них ждут перед схваткой, и Нона предположила, что это оно и есть. Ее собственные шансы сделать что-то большее, чем просто упасть в обморок, казались ничтожными.

Пока Гесса и Чара прятались в боковых комнатах, одетый в черное академик вернулся и поставил железную корзину с горящими углями между двумя дверями. Он ушел, и где-то через минуту ударил гонг.

— Значит, Чара поработает огонь-работником. — Маркус, через два места от Ноны. Она повернулась, чтобы посмотреть на него, сумев сквозь боль отозваться на его нервную улыбку. — Студентам нужен легкий источник.

Снова прозвучал гонг, и обе двери открылись, показывая участниц. Чара поспешила к корзине с углем и склонилась над ней так близко, что Ноне показалось, будто у нее загорелись волосы. Гесса хромала, опираясь на костыль, и сосредоточенно хмурилась, глядя на Чару. Нона ожидала, что Гесса глубоко погрузится в безмятежность. Гесса, возможно, и не смогла бы сделать шаг без посторонней помощи в обычном мире, но на Пути у нее были более проворные ноги, чем у Ары, и обе они далеко превзошли Нону, которая все еще не могла сделать больше, чем мимолетное прикосновение.

— Что она делает? — Боль превратила слова Нона в выдох.

— Нить-работу, — сказала Ара.

Чара стояла, в ее глазах горел огонь. Она сложила руки, и пламя вспыхнуло среди углей, не угасая, а сворачиваясь и поднимаясь, пока не превратилось в змею, обвившуюся вокруг нее. Каким-то образом жар змеи не достигал Чары, ее кожа осталась незапятнанной, туника даже не опалилась. Но боль Ноны нарастала от плохой к нетерпимой, звеня в костях. Она порылась во внутренних карманах рясы, обхватив пальцами свое несчастье. После экстаза возни она достала пузырек с черным лекарством.

— Сдаешься, послушница? — спросила Чара с явным презрением. Она протянула руку к Гессе, змея обвилась вокруг руки, подняв голову, чтобы ударить.

Хмурый взгляд Гессы прояснился, словно в этот момент она решила головоломку.

— Есть нить, которая привязывает твою пламя к углям. — Пока она говорила, ее рука двигалась, большой и указательный пальцы были сжаты вместе, как будто она дергала за какую-то невидимую нить. Она стояла там, ее пальцы работали, пряди волос развевались на ветру, которого не было.

— Что? — Настала очередь Чары нахмуриться. Змея, быстрее, чем поднялась, по спирали спустилась вниз по ее руке, снова обвилась вокруг тела и вернулась в огонь-корзину.

— Они все еще связаны друг с другом, — сказала Гесса.

Чара скривила губы и сжала обе руки в кулаки. И снова пламя вырвалось из раскаленных углей, уже не так яростно, как раньше, и неуверенно потянулось к ней.

— И все части угля все еще соединены... — В голосе Гессы прозвучало удивление, как

будто близость Ковчега раскрывала в поразительных деталях то, что она только мельком видела раньше. — Так много... — она оперлась на костыль и подняла обе руки, сложенные чашечкой, и развела пальцы, словно перебирая невидимые нити. Пламя над огонь-корзиной втянулось обратно в пылающие угли, дым неестественно быстро закружился и устремился вниз, исчезая из воздуха. И, несмотря на рычащее сопротивление Чары, в течение нескольких мгновений свечение угасло, угли потемнели, огонь исчез, как будто его никогда и не было.

Чара рухнула на пол, задыхаясь, как будто все это время она задерживала дыхание и только теперь могла дышать. Гесса, с искренней улыбкой на лице, шагнула вперед и протянула руку:

— Спасибо за уроки, проксима.

Чара отмахнулась от нее и, нахмурившись, вернулась на свое место. Гесса тоже вернулась и села между Арой и Ноной. За столом академики шепотом обсуждали происходящее, на галереях наверху зрители, тоже шепотом, обменивались наблюдениями.

— Сестра Сквородка расскажет тебе, чего ожидать, — сказала Гесса. — Мы не хуже друг друга, так что мы не должны причинить боль друг другу.

Нона сидела так тихо, как только могла, черное лекарство было так крепко зажато в ее узловатом кулаке, что она боялась, как бы пузырек не разбился.

— Что делала Чара? — выдохнула она сквозь стиснутые зубы, желая отвлечься.

— Многие марджалы работают со стихиями. Самая частая — воздух. Проще всего работать с чем-нибудь легким. Потом огонь. Вода встречается реже. Земля — очень редко. — Гесса нахмурилась. — Думаешь, она меня не помнит? Она смотрела так, будто никогда не знала меня... С тобой все в порядке, Нона? Ты выглядишь ужасно.

Нона отмахнулась от вопроса:

— Откуда ты все это знаешь? Сестра Сквородка никогда не учила нас этому. Или учила?

Гесса пожала плечами:

— Кое-что она уже успела рассказать, прежде чем ты присоединилась к Красному Классу. Но бóльшую часть я прочитала в библиотеке, пока вы там колотили и пинали друг друга.

Старший академик снова поднялся на ноги:

— Следующая пара — Послушница Арабелла и Проксим Виллум.

Как и прежде, Сестра Сквородка пошла в одну комнату с Арой, а академик повел Виллума в другую. Огонь-корзину убрали, на ее место ничего не положили. Двое соперников появились при звуке гонга, Ара — золотая и сияющая, Виллум — бледный и нервный. Его студенческая туника была заменена мантией с длинными рукавами, доходившими до пят, и украшена сигилами, вышитыми золотой нитью. Казалось, она весит столько же, сколько он сам.

— Похожи на те, что в Башне Пути, — сказала Гесса. — Сигилы отрицания, именно для Пути. — Она прищурилась. — Некоторые более общие. Впрочем, все отрицания.

Ара и Виллум шагнули навстречу друг другу. Но ничего не произошло. Они стояли лицом друг к другу, губы Ары подергивались от эха ее мантры безмятежности, Виллум, не обращая на нее внимание, уставился на свои сжатые кулаки.

— Ах, — выдох вырвался, когда боль Ноны вспыхнула ярче. Она поднесла лекарство к губам, ее рука судорожно повиновалась ее требованиям.

— Нона! — прошипела Гесса, протягивая руку, чтобы остановить ее. — Ты что, с ума сошла?

— О-отравлена!

— Тогда проси о помощи! Мы же в Академии. Здесь больше марджалов кровью-работников, чем во всей остальной империи, вместе взятой!

— Ч-что он делает? — Нона кивнула в сторону Виллума, чтобы отвлечь Гессу. Она не собиралась отдавать себя в руки академиков. Человек, сидевший за столом напротив, вероятно, был тем, кто защитил Раймела от ее клинков. Что еще он приготовил, чтобы помочь Таксису?

— Он строит стену, — сказала Гесса, не отводя взгляда. — Невидимую стену. Есть недостатки во... всем... изъяны в вещах мира, места, где путь соскользнул и оставил дефект. Виллум поворачивает их и собирает в стену. Говорят, что коснуться ее — все равно, что коснуться стекла. Редкий талант. Его стена статична, но, говорят, гроссмейстеры могут делать подвижные стены. Говорят, что у одного Дарн-мага есть дефект-меч, невидимое лезвие, которое пронзит любую сталь, поднятую против него! — Гесса протянула руку и схватила ладонь Ноны, не выпуская флакон изо рта. — Не надо!

— Мне нужно. Я... — но, пока Нона говорила, лезвие, воткнутое в живот, слегка притупилось, сведенные судорогой мышцы расслабились и она наклонилась вперед, извергая кислоту на пол.

— Он закончил.

Нона выпрямилась, не обращая внимания на недовольный взгляд студента слева от нее. Виллум стоял и ждал. Если он и построил какую-то стену, она ее не видела. Прошло несколько минут, пока Ара погружалась в транс и невыносимая боль Ноны сменялась тупой и острой тошнотой. Ей хотелось снова оказаться в туннелях под монастырем, чтобы увидеть, как близко Йишг находится к корабль-сердцу, и снова испытать то облегчение, которое она испытала в последний раз, когда ей было так плохо.

Наконец Ара заговорила глубоким и звучным голосом:

— Ты закончил?

Виллум кивнул, облизнув губы.

Нона чувствовала эхо шагов Ары, когда та шла по Пути. *Один. Два. Три. Четыре.* Ара никогда не заходила так далеко. Возможно, в присутствии Ковчега даже Нона смогла бы сделать второй шаг. *Пять.*

Ара вернулась, встряхнув все тело, ее волосы взметнулись золотым облаком вокруг головы. Энергия Пути окутывала ее ярким коконом, сочилась из плоти. Нона решила, что она бы с таким не справилась, но Ара направила силу вперед и послала ее в сторону Виллума зубчатым пламенем, походившим на горящую молнию.

Атака Ары ударила в стену Виллума в ярде от того места, где он стоял, и зал содрогнулся от взрыва. Нона уловила краткое впечатление раскаленной добела энергии, расплющивающейся и разливающейся вокруг полукупола; только слабое эхо проникло через него и ударило в грудь студента, но золотые сцигалы поглотили ее, как будто были отверстиями в каком-то другом месте.

По галереям прокатилась легкая волна аплодисментов. Виллум нерешительно поклонился и вернулся в комнату, из которой вышел.

— Что? Он выиграл? — спросила Нона.

— Нет. Ара. Виллум был бы ранен, если бы не носил сцигал-мантию — и они стоят

больше, чем поместья большинства лордов, так что не входят в стандартный академический гардероб. Но это было впечатляюще — он смог почти полностью остановить такой мощный взрыв. Вряд ли Ара смогла бы сделать в спешке еще один.

Академики снова принялись за свои дискуссии, старший из них быстро задавал вопросы Сестре Сквородка. Нона наклонилась вперед, чтобы посмотреть на Маркуса. За последние два года он заметно вырос, а может быть, всегда был эффектным, а она этого не замечала. Симпатичный, но не как Раймел Таксис, высокомерие которого сделало уродливыми даже правильные черты лица и квадратную челюсть.

— Что ты можешь сделать? — спросила она его.

— Я эмпат.

— И что это значит?

— Ну... Я могу тебя рассмешить.

— Не можешь!

Он скривил лицо, высунул язык и скосил глаза. Она расхохоталась, отчего дискуссия в конце зала затихла.

— Это обман, — прошипела она.

— Разве не в этом заключается магия? — Он ухмыльнулся. — Но я могу. Я могу залезть тебе в голову и заставить тебя смеяться... или плакать. Или, если мы столкнемся друг с другом, я заставлю тебя сдаться.

— Не скажу насчет смеяться или плакать, но заставить меня сдаться ты не сможешь.

— Ну. Я бы очень постарался. — Маркус улыбнулся, но без особого энтузиазма.

— Это не сработает. Сдаваться — это не то, что я делаю. Ты ведь помнишь меня, правда? — Но, произнося эти слова, Нона гадала, что он может помнить о ней. Она помнила его серьезным, склонным к соперничеству мальчиком, от которого осталось совсем мало. Два года в монастыре изменили его, или, возможно, его изменила собственная сила. Возможно, ты не можешь проникать в головы людей без того, чтобы часть их не потянулась назад и не сформировала тебя.

— ...Послушница Нона и Проксима Люта. — Старший академик поднялся на ноги, в то время как мысли Ноны были далеко.

С табурета поднялась третья студентка, высокая девушка со светлыми волосами, закрывавшими половину ее лица. Видимый глаз был темным и враждебным, а скула — такой острой, что об нее можно было пораниться.

Нона последовала за Сестрой Сквородка в комнату для подготовки. Когда она вошла, тошнота отступила. Она стояла озадаченная, но успокоенная, глядя на картины, развешанные по стенам, пока Сестра Сквородка закрывала дверь. Академики в черных мантиях смотрели на нее со всех сторон, их нарисованные лица были одинаково суровы.

— Нона, твой противник — тень-ткач.

— Она, что, собирается спрятаться в тених и прыгнуть на меня? — Нона нахмурилась. — Можно мне ее ударить?

— Нет! — Сестра Сквородка топнула ногой. — Никаких ударов! — Она вздернула подбородок. — Ты не будешь лягаться, кусаться, бодаться головой или делать еще чего-нибудь такое, чему тебя научила Сестра Сало. Только Путь.

— Но я едва могу дотронуться до Пути. И как это поможет против теней? Можно мне ее взорвать?

— Я не думаю, что сможешь, Нона, нет. Но если ты вдруг овладеешь этой способностью

— а в такой близости от Ковчега случались и более странные вещи, — она будет в сигил-мантии, и да, ты можешь взорвать ее. Было бы упущением с моей стороны не добавить, что мантия рассчитана на десять ступеней. Устрой взрыв сильнее, и ты проделаешь дыру в студенте Академии. А это было бы очень плохо.

— Итак... что я могу использовать? Грубый язык? Наорать на нее? — Нона нахмурилась. — А что она может сделать *мне*?

— Тень-работа гораздо глубже, чем то, что тебе успела показала Сестра Яблоко. Сокрытие — наименьшая из таких манипуляций. Одни тень-работники умеют вызывать страх. Другие могут быть способны впустить в тебя тьму. Слепота — самый легкий вред, но целая конечность может тебя подвести, если заразится тенью.

— Вы уверены, что я не могу просто дать ей по морде, прежде чем она начнет?

— Ты, Нона, обретишь безмятежность и в ее доспехах будешь защищена от всех подобных нападений.

— Даже от инфекции?

— Да.

— И это все, что есть? Безмятежность побеждает тени?

Какое-то мгновение Сестра Сквородка жевала внутреннюю сторону щеки.

— *Раздиратель* может использовать для атаки собственную тень. Он может разорвать плоть, и нет никакой физической защиты. Умная нить-работа может победить такой злой умысел. Или можно просто проделать дыру в тень-работнике. Но раздирание — редкий талант, и в том маловероятном случае, если юная Люта обладает этой силой, академик Антаст сейчас говорит ей не использовать его против тебя, точно так же, как я говорю тебе не бить бедную девочку.

Нона подумала о зрителях, ожидающих ее там. Все эти суровые и серьезные академики, чьи умы были полны волшебных хитросплетений марджала. Она чувствовала себя достаточно нервной даже здесь, под нарисованными взглядами зрителей на стене...

— Не думаю, что смогу... Я плоха в безмятежности даже там, в монастыре, с друзьями. Здесь... со всеми этими незнакомцами...

— Это представление, Нона. — Сестра Сквородка улыбнулась. — Ты же воин. Может быть, Путь и течет в твоих жилах, но в глубине души мы обе знаем, что ты боец. А что такое бой, если не представление? — Она остановилась и театрально подняла руку. — *Каждая звезда, вращаясь в черной глубине небес, горит только потому, что человечество подняло лицо, чтобы посмотреть.* Каждое великое деяние должно быть засвидетельствовано. Иди туда и сделай что-нибудь великое.

— Итак... — Нона обвела взглядом нарисованное на стенах неодобрение. — Безмятежность... — Она начала прокручивать в голове слова лун-песни.

Она падет, она падет,

Луна, л...

Сестра Сквородка повернулась к двери.

— Она будет работать быстро. Так что обрети безмятежность как можно быстрее.

— Вы мне не поможете!

— Мир редко так поступает, девочка.

Нона вышла в зал. Люта появилась из двери напротив мгновением позже, бледная за бледным водопадом волос, ее взгляд был напряжен.

*Она падет, она падет,
И скоро будет не видна.*

Люта огляделась. Зал был хорошо освещен окнами купола, но у основания восточной стены лежали неглубокие тени. Более глубокие тени лежали под столом академиков, к которому вернулась Сестра Сквородка.

*Лед придет, лед придет,
Но нет луны, но нет луны.*

Люта подошла к восточной стене, пошла вдоль нее, и там, где она прошла, тени становились все тоньше, сгущаясь вокруг нее подобно платью из серого тумана. Нона стиснула зубы, когда боль и тошнота поднялись вместе. Она взглянула на одетого в синюю мантию академика. Это он? Играет с ней по приказу Раймела?

*Мы все падем, мы все падем,
И скоро будем не видны.*

Нона не чувствовала безмятежности. Ее тошнило. Ей хотелось кататься по полу и корчиться от боли, чтобы хоть немного успокоиться. Ей захотелось броситься к девочке и сбить ее с ног ударом в шею.

Люта прошла мимо судейского стола, бормоча свои собственные заклинания. Когда-то ее тень на полу была тонкой и понятной, но теперь она стала многоугольной, темные углы двигались, ножки и спинки стульев тянулись вперед, как веретенообразные щупальца какого-то огромного черного насекомого. Мучительная боль вспыхнула в костях Ноны, но почему-то не смогла впиться в нее зубами.

*Она падет, она падет,
И скоро будет не видна.*

Нона представила себе безмятежность как толстую белую шубу, мех белого медведя, мягкий, обволакивающий, заглушающий суровость мира, выдергивающий жало из любой колючки. Она накинула шубу на плечи. Ее боль стала чем-то далеким, принадлежащим кому-то другому. Объект любопытства, не более того. Она не разрешила себе думать о том, как долго она будет оставаться в отдалении.

Тени вокруг Люты закружились, внутри замелькали силуэты, колеблющиеся, становящиеся любой тревожащей фигурой, которую Ноне могла себе вообразить. Там лежали ее кошмары, питаясь тем, что она им давала. Это была темнота, в которой Раймел Таксис неуклюже топтался на заднем плане, в то время как впереди падал сломанный Четыре-ноги, пытался подняться и снова падал.

Люта подняла руки, и тени хлынули вперед, свернулись спиралью вокруг Ноны, касаясь ее кожи холодными, воздушными ласками. Изнутри — не снаружи — поднялся страх. Ужас, который она испытала на тропе через Лес Реллам, когда темнота щипала ее за пятки, а деревья шептались со всех сторон. Страх утонуть в Стеклованной Воде, и оказаться среди костей мертвых девушек глубоко в черной грязи внизу. Страх потерпеть неудачу. Страх перед ее правдой, перед тем, что ее разоблачат как чудовище, перед концом любой дружбы.

Возможно, без обволакивающей безмятежности, которая притупила атаку, Нона могла

бы убежать или упасть на пол, свернувшись калачиком вокруг своего ужаса. Возможно. Но Нона так не думала, не под куполом, не под пристальными взглядами стольких незнакомцев. Темной лунной ночью в каком-нибудь пустынном квартале... скорее всего.

Тени окутали ее плотнее, покрыв ее плоть неровной серой черепицей. Она чувствовала их, как холодную и грязную воду, пытающуюся проникнуть под кожу, но так же, как и вода, они убегали.

— И это все, что у тебя есть? — Нона говорила сквозь стиснутые зубы, ее боль все была еще огромной, но далекой.

Люта обмякла, и только ее собственная тень собралась у ее ног. Она открыла рот, чтобы заговорить, но в это мгновение боль Ноны вернулась к ней, и в то же самое мгновение лицо Люты исказила судорога, превратившая покорность в животную ярость. Она вытянула руки перед собой — плечи вперед, пальцы растопырены под неудобными углами, — и тень потекла вперед, словно за девочкой садилось солнце; она вырвалась из своей лужи и развернула веером призрачные когтистые руки.

За один удар сердца Люта перешла от поражения к слепой ярости. В ту же раздробленную секунду, когда тень скользила по полу, Нона замедлила движение мира, но не смогла остановить взбирающуюся на нее тень, и там, где она касалась ее плоти, кожа расступалась, словно под острым лезвием ножа. Нона почти не сомневалась, что, как только она достигнет шеи и лица, порезы станут глубже: выражение лица Люты не оставляло места для жалости.

Сидевшие за столом в центре зала академики едва ли заметили, что Люта передумала: когда они сообразят и начнут действовать, все будет кончено. Нона начала нырять назад и в сторону, но тень может двигаться так же быстро, как свет, и она знала, что уклонения будет недостаточно. В отчаянии она призвала свои клинки и, когда тень поднялась, рубанула находящейся впереди рукой, зная, что не сможет порезать себя. Эффект был мгновенным. Когда невидимые лезвия встретились с тенью, они рассекли ее, и все следы тени над срезом исчезли. И в то же мгновение мир Ноны взорвался яркими осколками боли, такими ослепительными, что она не увидела, как пол поднялся, чтобы принять ее, и не почувствовала, когда он ударил.

Нона услышала голоса, и эти голоса вытащили ее из глубин, которые ее держали.

— ... с ней? — Мужчина.

— Как она вообще отбилась? Это было раздирание! — Женщина, моложе мужчины.

— Да. — Голос Сестры Сквородка. — Да, раздирание. Как вы могли выставить такую неуравновешенную студентку против моей послушницы? Будут последствия. — Она придвинулась ближе к Ноне. — Многие будут твердо убеждены, что это не было случайным нападением. Они спросят: как далеко в Академию простирается золотая рука Турана Таксиса?

Нона поняла, что ей больше не больно. Она даже не почувствовала боли в том месте, где раздирающая тень порезала ей ноги.

— Посмотрите на своих, сестра. — Мужской голос. Они находились в гораздо меньшей комнате, чем зал для испытаний. Нона не открывала глаз, боясь прервать их разговор.

— Моих? — Сестра Сквородка возмущенно повысила голос.

— Проксима Люта не выполняла никакого тайного приказа. Вы же ее видели. Ее пришлось вытаскивать из зала, полную ярости. Даже повреждение ее тени не испугало ее, —

сказала женщина. — Один из монастырских эмпагов вложил в нее этот гнев. Вам нужно поговорить со священником, или с Братом Джаксом в Санта-Круа.

— Я ни на секунду не поверю, что слуга Предка, брат или послушник, мог...

— Но как она с этим справилась? Нет никакой Путь-магии, которая сделала бы это... не так ли? Как она повредила тень Люты? — Женщина вернулась к своему первоначальному вопросу. — И почему она так страдала от незначительных порезов?

— Она справилась, потому что она марджал, — сказал мужчина.

— И она страдает из-за кровь-войны, бушующей в ней. — Голос Сестры Сквородка. — Марджал борется с кванталом.

— Кровь-война, — сказал мужчина. — Усугубляется близким применением заклинаний марджал... Интересно, что же ее спровоцировало? Должен был быть какой-то серьезный вызов системе. Вроде бы ваша Госпожа Тень — марджал прайм, верно? Не было ли какой-нибудь достаточно серьезной тень-работы, которая ее разожгла?

— Девочка прикоснулась к Раймелу Таксису две недели назад, — ответила Сестра Сквородка и сухо добавила: — Разве ваши академики не оставили мальчика полным демонов?

Пауза.

— Этого *могло* быть вполне достаточно.

— Марджал против квантала — всегда самое трудное сражение, — сказала женщина. Похоже, слова Кастрюли ее не убедили. — Но даже если и так, я никогда не читала о таком ужасном случае. Ее метаболизм опасно нарушен. Она должна мучиться от нестерпимой боли. Я не понимаю, как...

— Она три-кровка, полн-кровка хунска.

— Предок, пусти мне кровь!

Минута молчания охватила комнату и задержалась.

— Три-кровка? — В голосе мужчины послышалось сомнение. — Вы понимаете, что...

— Я понимаю лучше, чем вы думаете, Рексус Дегон. — Голос Сестры Сквородка впервые выдал ее настоящий возраст.

— Вам лучше вернуть ее в монастырь, пока об этом не услышал император. И скажите Невису. Он лучший первосвященник из всех, что у вас были за последнее время, — не то чтобы это о многом говорит. По крайней мере, с ним на вашей стороне, у вас есть шанс.

Нона слышала эти слова, но не могла сложить их в уме так, чтобы они подходили друг другу. Если она три-кровка... Значит ли это, что она Избранная? Кто же тогда Ара? Она обратила свои мысли к чему-то более понятному.

— Я не отравлена? — Нона открыла глаза. Потолок над ней был бледно-голубым, как небо — она никогда не видела такого, — и оштукатуренные гипсовые украшения тянулись со всех сторон, как странно причудливые и угловатые облака.

— Ты не отравлена. — Сестра Сквородка наклонилась вперед. — И как долго ты подслушивала?

Нона села.

— Но у меня всегда были мои клинки...

— Твои? — Женщина, та самая, которая говорила, академик с длинными седыми волосами и в белом халате.

— Клинки. — Они отнесли ее в санаторий, похожий на санаторий Сестры Роза. Она лежала на одной из кроватей в галерее с низким потолком.

— Клинки? — Женщина нахмурила лоб.

Плавным движением Сестра Сквородка извлекла из своего одеяния нож, серьезный, девять дюймов темной стали, отточенный для потрошения.

— Покажи мне, — она протянула его Ноне.

Нона наклонилась вперед, вспомнила болезненный, влажный щелчок, когда Раймел сломал руку Сайде, и провела рукой по ножу, близко, но не касаясь. Сестра Сквородка хмыкнула от усилия, потребовавшегося, чтобы удержать его, и, когда Нона убрала руку, поперек стали остались три линии, три параллельные зарубки на режущей кромке.

— Замечательно! — Старший академик, Рексус, наблюдавший за состязаниями, подошел ближе, чтобы осмотреть повреждения.

— Я всегда была способна это делать...

— Мы называем это шуткой крови, — сказала женщина. — Изолированный талант марджал. Самодостаточный и бессознательно порожденный. Это не такая уж редкость у детей, когда кровь еще не проявила себя должным образом... — Она нахмурилась, глядя на нож в руке Сестры Сквородка. — Хотя дефект-клинки, конечно, я почти никогда не видела.

— Оррен из Маннерс Рич может создать и поддерживать передвижную дефект-стену... — Взгляд Рексуса не отрывался от руки Ноны. — Но вот это... — Он покачал головой. — Заберите ее, сестра. Быстро и тихо.

— Они увезли тебя оттуда в такой спешке! — Ара присела на край кровати Ноны. — Мы так волновались!

— Я ехала домой на осле! — Гесса опустила на один из стульев, которые Сестра Роза принесла в санаторий. — Это не так весело, как я думала. Теперь мой зад болит сильнее, чем нога!

Ара бросила взгляд на Гессу.

— Госпоже Путь и мне пришлось идти пешком! А ей по меньшей мере тысяча лет. — Она оглядела комнату. — Ты должна получить здесь собственную кровать. Похоже, ты проводишь в сане половину времени.

Нона поджала губы. Это было почти правдой. Она действительно чувствовала себя главным клиентом Сестры Роза. Она посмотрела на сад. С каждого куста свисал лед.

— Если станет еще хуже, они пошлют нас в поход. Нам нужно разобраться с Йишт до этого.

— Или сообщить настоятельнице, — раздраженно сказала Гесса.

— Настоятельница ничего не захочет услышать, — сказала Ара. — Она смотрит на Йишт слепыми глазами. Не знаю почему. А Сестра Колесо? Сестра Колесо, кажется, ее любит. Я все время вижу, как она шепчет что-то Йишт на ухо.

— Она наверняка захочет услышать, что корабль-сердце собираются похитить! — воскликнула Гесса. — Без корабль-сердца мы ничем не отличаемся от любого другого монастыря. Половина кванталов никогда больше не коснется Пути, прикосновения марджал не смогут соткать тени, для этого потребуется по крайней мере прайм. И я сомневаюсь, что настоятельница останется надолго настоятельницей, если его потеряет.

— Давай мы скажем настоятельнице только если другого выхода не будет. — Ноне очень не хотелось, чтобы до этого дошло. — Но что, если я смогу остановить Йишт, не признавшись, что ворвалась в подземелье и украла со склада Сестры Яблоко? Если я смогу сделать это до начала похода...

— Сначала тебе надо поправиться, — сказала Гесса. — Что с тобой случилось? Ты приняли лекарство, несмотря ни на что?

— Нет. — Нона хлопнула по своей рясе над карманом, в котором лежал пузырек. — Роза не знает точно, что со мной было, но теперь, кажется, мне лучше. — Сестра Сквородка поклялась ей хранить тайну о крови марджал. Монахиня сказала, что расскажет настоятельнице, но пока больше никому. Первая три-кровка за сто лет доведет верующих в Аргату до иступления. Толпа захочет отнести ее к Ковчегу на своих плечах. Они расположатся лагерем у колонн. И что могут сделать император и его сестры, чтобы завладеть ею... Сестра Сквородка не сказала, но подразумевалось, что это может кончиться большой кровью. Академик Рексус согласился сохранить это дело в тайне, но Сестра Сквородка, похоже, не очень-то поверила в его заверения. Кроме того, с такой аудиторией академиков, наблюдавших за состязаниями, вполне возможно, что один или несколько из них разгадают загадку случившегося и самостоятельно узнают правду. — Я смогу уйти, как только она проверит меня еще раз.

Дверь в конце комнаты открылась, и Рули высунула голову. Она собрала свои бесцветные волосы в тугий пучок, и ее лицо так изменилось, что Нона рассмеялась. Рули

ввалилась внутрь, подталкиваемая Клерой. Обе бросились к ней, все еще мокрые после бани.

— Что это за безумная идея — идти против Йишт? — Клера прыгнула на край кровати.

— Она охотится за корабль-сердцем, — сказала Гесса. — Возьми его, и ты можешь навсегда закрыть Башню Пути.

— Превосходно! Я не выношу всей этой унылой медитации. — Клера презрительно скривила губы.

— И не будет горячей воды, — сказала Нона.

— Как мы можем победить Йишт? — Глаза Клеры сверкнули праведным негодованием.

— Не понимаю, как это можно сделать, — сказала Ара.

— Конечно это можно сделать. — Клера фыркнула.

— Она может побить вас всех, не вынимая меча, — сказала Гесса. — Сестры в любом случае увидят, что вы пытаетесь это сделать, и остановят вас. И настоятельница заберет у вас рясю. И даже если вы победите ее — и никто этого не увидит, — что вы собираетесь с ней делать? Запереть в кладовке и надеяться, что никто ее не услышит?

— Бросить ее в Стекланную Воду, — мрачно сказала Клера.

— Мы не собираемся ее убивать! — Шокированная Рули побледнела еще больше.

— У меня есть план. — Нона села на кровати. — Почти весь, кроме последней части. И нет, Клера, я не хочу бросать ее в провал.

— Давай послушаем. — Ара соскользнула с кровати и придвинула стул, как будто ей нужно было расстояние, чтобы правильно оценить предложение Ноны.

Нона нахмурилась. У нее было чувство, что они все закапывают себя глубже, чем когда-либо прежде, и уверенность: то, что они решат сейчас, нельзя будет отменить, оно будет управлять их судьбами в течение многих лет — если, конечно, у кого-то из них есть много лет или даже один год, на который можно рассчитывать.

— Если вы подойдете к моей кровати в дормитории и протяните руку под нее, то найдете сумку, привязанную к нижней стороне одной из досок. — Нона взглянула на Гессу. — Я взяла ингредиенты не только для черного лекарства, когда совершила набег на склад Отравительницы.

По лицу Клеры медленно расползлась улыбка.

— Там вы найдете пучок сушеной кот-травы и...

— Ингредиенты для бескостной смеси, — шумно обрадовалась Клера. — Мы отравим ее, а когда она будет слишком слаба, чтобы двигаться...

— Но ведь все это увидят! — запротестовала Гесса.

— Нет, если я сделаю это в туннелях, — сказала Нона.

— А потом? — спросила Гесса.

— Ну... Я еще не придумала, — призналась Нона. Часть ее хотела связать Йишт, оттащить ее в самую отдаленную шахту и оставить там висеть.

— Бочки... — Рули подняла голову. — Бочки!

— О чем ты говоришь? — спросила Ара.

— Мы посадим ее в бочку, — сказала Рули.

— Великолепно. Тогда у нас будет смертоносный воин в бочке. — Ара развела руками.

— Зато легко скатить с утеса! — сказала Клера.

— Винная бочка, — продолжала Рули. — На винодельне полно пустых. Мы засунем Йишт внутрь, набьем бочку соломой и поставим рядом с остальными для фургона. Он придет завтра.

— А когда ее откроют? — спросила Нона.

— Завтра фургон отправляется в Марнпорт. Я знаю, потому что он идет к моему отцу, который переправит часть вина через Марн в Дарн. Те, что предназначены для корабля, помечают руной его имени. Я могу поставить эту руну на бочку Йишт, и ее отправят в Дарн!

— Великолепно. — Клера захлопала в ладоши. Она потерла лоб, возможно, вспоминая, как Йишт сбила ее с ног на Мече. — А они могут столкнуть ее бочонок за борт, когда выйдут в море?

— Это не сработает. — Гесса стукнула костылем по стулу. — Бочонок вина стоит не меньше соверена. А ты не подумала, что они могут сосчитать, сколько им положено взять? На учетных свитках сделаны всевозможные записи и...

— Я знаю, — сказала Рули. — Я помогала Сестре Дуб. Она говорит, что я — прирожденный торговец.

— Но разве Йишт просто не выйдет из бочки и не вернется? — спросила Ара. — Я имею в виду, как бы забавно это ни звучало, разве мы не рискуем быть убитыми только для того, чтобы доставить ей неудобства на несколько дней?

— Ты ее не видела, — покачала головой Нона. — Шахту, я имею в виду. Она должна вести вниз из комнаты Йишт. Когда Йишт не придет охранять Зоул, монахини зайдут в ее комнату. И увидят туннель вниз. Мы позаботимся, чтобы увидели. Они проведут расследование, и настоятельница узнает, что целью было корабль-сердце. К тому времени, как Йишт выйдет из бочки, каждая сестра в Сладком Милосердии получит приказ остановить ее, едва увидев, и у Шерзал тоже будет куча неприятностей!

Гесса и Нона сидели вместе в конце классной комнаты на Духе. Сестра Колесо утверждала, что чем дальше от доски сидит послушница, тем больше она склонна грешить. Нона с гордостью прислонилась спиной к задней стене. Зоул сидела почти вплотную к доске, так что меловая пыль попадала ей на нос. Йишт никогда не сидела на уроках, или, по крайней мере, она никогда не сидела на Духе — единственный урок, на который она была допущена, — а стояла у стены как можно ближе к Зоул.

На этот раз, хотя ее глаза были направлены на лед-женщину, Нона сосредоточилась на маленьком окне над ее головой. Снаружи лед-ветер раздувал щеки, завывая достаточно громко, чтобы заглушить литанию Сестры Колесо. Постоянно пронесившийся мимо окна мокрый снег создавал иллюзию, что купол — это огромный корабль, движущийся кормой вперед по морю льда.

— И как же она собирается сбежать с ним? — прошипела Гесса.

— Что? — Нона оглянулась, стараясь говорить тихо.

— Эта... штука... если Йишт ее получит. Почему она думает, что сумеет с ней сбежать?

— Если она вошла, — сказала Нона, — то сможет и выйти. И она, вероятно, не знает, что мы с Сестрой Сквородка чувствуем сер... эту штуку.

— Зато она разбирается в нить-работе. Шерзал вряд ли отправила бы ее сюда, если бы не разбиралась. Здесь может быть дюжина монахинь, которые мгновенно почувствовали бы, если бы эту штуку переместили — а, может быть, даже за несколько минут до этого! Они достаточно быстро набросились на твой кинжал.

— Но никто из монахинь даже не родился, когда туда поместили корабль-сердце. Как они связаны с ним? И есть ли у них сейчас доступ к нему? Возможно, оно окружено стеной со всех сторон. Или нити к нему не прилипают... Я не знаю. — Глаза Ноны снова метнулись

к женщине, темной на фоне стены, взгляд которой, в свою очередь, не отрывался от Сестры Колесо, а одна рука лежала на рукояти тулара. Странно, неужели она думает, что может просто выйти незамеченной из монастыря вместе с корабль-сердцем? Или она действительно считает, что сможет пробиться сквозь Красных Сестер, как будто они ничто?

— Нона и Гесса — я не решаюсь назвать их послушницами — семь раз повторят молитву императора перед Предком после урока. — Сестра Колесо повысила голос, чтобы он долетел до них сквозь завывание ветра. — Госпожа Академия говорит мне, что было время, когда можно было отрезать послушнице язык за пустую болтовню в классе Духа. Так что пусть это будет свидетельством того, что не всякий прогресс является хорошим.

Наказание Сестры Колесо означало, что Клере придется делать яд в одиночестве, на том самом мысу, где неделю назад они варили черное лекарство. Нона решила, что Клере будет очень трудно — если она вообще справится — с дующим ледяным ветром и без Гессы, которая могла бы разжечь огонь.

Пока Нона и Гесса опять и опять повторяли молитву императора, все четырнадцать стихов, стоя на коленях у основания золотой статуи Предка, Ара и Рули приводили в порядок бочку и корректировали записи. Рули занималась бумажной работой, а Ару назначили «отвлекать внимание». Ее ранг и красота идеально подходили для этого.

Нона поерзала на ноющих коленях. Сестра Колесо не дала им молитвенных подушек. Монахиня свято верила, что боль и молитва идут рука об руку.

— Предок направь императора в его выборе и поступках. Присмотри за ним на восходе солнца и на закате. Присмотри за ним в долгих ночных переходах. Присмотри за ним...

— Она ушла. — Гесса зашаркала вперед. Из — за иссохшей ноги ей было позволено сидеть, а не стоять на коленях — факт, который, казалось, оскорблял Сестру Колесо сильнее, чем если бы Гесса объявила себя сторонницей Церкви Надежды и занялась наблюдением за звездами.

Нона перестала молиться, но осталась стоять на коленях, не сводя глаз с далекой двери. Сестра Колесо любила возвращаться назад и ловить послушниц на непослушании.

— Оно все еще здесь? — спросила Гесса.

— Да. — Аура корабль-сердца все еще тянулась из задней части купола. Но не так сильно, как внизу, в туннелях, где она чувствовала его ритм, бьющийся в скале. Йишг, внизу, должна быть ближе к нему, чем они здесь, наверху.

— Мы могли бы поискать вход отсюда... — предложила Гесса.

— Есть веские причины, по которым Йишг копает путь к нему. Если бы она могла открыть здесь дверь и спуститься по лестнице, то была бы уже на полпути к границе.

На обратном пути в dormitorio Нона приняла решение.

— Гесса, иди дальше. Мне нужно кое-что сделать.

— Ты собираешься рассказать об этом настоятельнице, — сказала Гесса без тени сомнения в голосе.

— Как...

— Нить-связь. — Гесса постучала себя по лбу.

— Я должна. А что, если один из вас пострадает, просто пытаюсь спасти меня?

Гесса слабо улыбнулась и даже не попыталась ее отговорить. Нона повернулась и пошла прочь, гадая, сколько она может потерять.

До лестницы настоятельницы было недалеко, но ей показалось, что это самое длинное путешествие в ее жизни. Настоятельнице придется по меньшей мере изгнать ее из

монастыря. А если вмешается Сестра Колесо, наказание будет значительно хуже.

Дом надвигался все ближе, предвещая конец всем ее мечтам.

— Куда ты собралась, Нона? — Ее нагнала Сестра Скала.

— Повидать настоятельницу. — Нона подумала, что это должно быть очевидно.

— Тебе придется долго ждать. Ее вызвали во дворец. Сестра Яблоко и Сестра Сало ушли вместе с ней. Завтра занятия по Мечу буду проводить я. Зачем она тебе понадобилась?

— Я... Это не важно. — Ушла? Как она могла уйти? — И когда она вернется?

Сестра Скала поднялась по лестнице, вынимая из кармана большой ключ.

— День? Может быть, два. Надеюсь, до того, как Серый Класс уйдет в поход, если ты об этом беспокоишься. Я могу чем-нибудь помочь?

— Нет. — Нона повернулась, чтобы уйти, не зная, что и думать. — Спасибо, — Она не знала, кому еще сказать. Сейчас монастырем управляли старшие сестры, Колесо и Роза. Сестре Колесо Нона не доверяла почти так же, как не доверяла Йишг. У Сестры Розы было сердце доброе, но робкое, и Нона не могла себе представить, что от нее будет много пользы.

Нона пошла по извилистой тропинке обратно к dormitorio. Ее выбор, казалось, свелся к нулю. Им самим придется разбираться с воровкой.

Прозвенел ночной колокол, но Клера еще не вернулась. Нона сидела на своей кровати рядом с Арой и Рули. Они нашли подходящую пустую бочку и поставили на ней отметку об экспорте. Рули поправила гроссбухи, а Ара «позаимствовала» бондарные инструменты, необходимые для снятия и замены крышки бочки. Вопрос о том, как ими пользоваться, оставался нерешенным, но Рули сказала, что видела, как Сестра Шрам делала это дюжину раз, и это не выглядело таким уж сложным.

— Где же она? — Рули скрутила одеяло Ноны.

— Если она не придет в ближайшее время, Мэлли захочет погасить фонарь. — Глаза Ары были устремлены на закрытые высокие окна, темные от слоев льда.

— Мэлли, наверное, донесет на нее. — Гесса встала со своей кровати на другом конце dormitorio.

Рули кивнула. Староста не любила Клери.

— Вы должна пойти и поискать ее. — Джула грустно улыбнулась со своей кровати рядом с кроватью Гессы, все еще обеспокоенная, несмотря на то, что Клера каждый день говорила ей какие-нибудь гадости.

Нона уже собиралась согласиться, когда дверь с грохотом распахнулась и в комнату, пошатываясь, вошла Клера, вся покрытая льдом и мокрая.

— Мне кажется, я умираю.

Ара потянулась за полотенцем.

— Иди сюда и перестань дрожать.

Лицо Клери покраснело от холода, и она вообще выглядела так, словно побывала на войне.

— Фу, от тебя воняет. — Ара сморщила нос.

— Малкин описал мою запасную рясу, и у меня не было времени его сменить. — Клера тяжело опустилась на кровать, отчего та подпрыгнула. Ара только успела подложить под нее полотенце.

— Малкин описал твою запасную рясу... и ты... переоделась в него? — Ара скорчила гримасу и посмотрела на остальных. Нона нахмурилась. Кот настоятельницы точно был

занозой в заднице, но остальное не имело смысла.

— Конечно. — Клера закатила глаза и понизила голос до шипения. — Я вышла из Духа и собиралась провести следующие Предок знает сколько часов, занимаясь незаконной алхимией. Как ты думаешь, что я хотела бы сделать в первую очередь, когда вернусь?

— Переоденься в чистое... о! Я тебя поняла, — Улыбнулась Рули. — Значит, тебе пришлось снять чистую рясу и надеть то, которое «благословил» Малкин, чтобы теперь у тебя было чистое.

Клера кивнула:

— Я, конечно, собиралась сходить в баню, но это заняло чертовски много времени!

Казалось, на это ушла целая вечность, но на ветру и во льду... Нона пожала плечами.

— Значит он у тебя?

— Ну конечно! Я — Клера! — Она достала маленькую вощеную тыкву с запечатанной пробкой. — Бескостный сироп. Гарантирую, что сильный человек ослабеет в коленях почти так же быстро, как я.

— Ты знаешь, что если это не сработает, она убьет нас? — сказала Ара, потянувшись за тыквой.

— Нас? — Клера позволила ей взять тыкву. — Я думала, это сделает Нона.

— Нас. — Ара кивнула. — Как только Йишт упадет, нам понадобится четверо, чтобы сдвинуть ее с места. По крайней мере.

— И если что-то пойдет не так, настоятельница убьет нас, — сказала Рули.

— Метафорически, — добавила Ара.

— И Йишт убьет нас, — сказала Нона.

— Буквально. — Ара сжала губы в озабоченную линию.

— Мы должны были его проверить! — прошипела Клера.

— Мы его проверили. И в любом случае — ты сама его сделала, — ты хочешь сказать, что он никуда не годится? — ответила Ара.

Нона протиснулась мимо них к углу прачечной, проверяя, нет ли во дворе дворе монахинь. Ветер обернул рясу вокруг ног, пронизывая насквозь, и руки уже онемели. Ей было невыносимо думать о том, как будет в походе.

— Он подействовал на Гессу, — пробормотала Рули и по сигналу Ноны бросилась через двор к противоположной стене скриптория.

— Да, — ответила Нона ночи. Гесса рухнула так, словно у нее не было костей, и они оставили ее в безопасности в кровати. Но подействует яд так же быстро на взрослую женщину? Были ли лед-племена другой породой?

Нона махнула Клере и послала Ару за ней по пятам.

Через минуту все четверо собрались в укрытии у входа в туннель, который вел вниз, в Тень.

— Справишься? — спросила Клера.

— Справлюсь, — проворчала Ара. — А теперь заткнись. — Она стояла на коленях, лицом к замку. Гесса потратила несколько часов, пытаясь научить ее нить-трюку с замками.

— Но у Тени другой замок! — запротестовала Ара, когда наконец-то открыла замок кладовки в прихожей dormitorio.

— Ты упускаешь самое главное! — Гесса вскинула руки и чуть не потеряла костыль. — Один замок, другой замок, сложный или простой, запоры или защелки... все они либо заперты, либо не заперты. Тебе нужно просто найти нить замка и потянуть за нее.

— Как эта?

— Это нить дуба, из которого сделаны доски.

— Эта?

— Ты только что повернула один из анкерных винтов...

На ледяном ветру и в темноте потянуть за нитку замка оказалось не легче, чем в дорме.

— Поторопись! — Клера нетерпеливо топнула ногой.

— Заткнись! — Ара прильнула глазом к замочной скважине, словно таким образом ей легче было раскрыть секрет замка.

В поле зрения появилась Рули, катившая бочку по открытому плато между Башней Академии и входом в подземелье. В какой-то момент ветер чуть не украл бочку у нее. Нона представила себе, как Рули гонится за бочкой, а лед-ветер швыряет ее через край к виноградникам далеко внизу.

— Если мы и дальше будем здесь торчать, то встретимся с Йишт. — Клера обхватила себя руками, пока Ара продолжала возиться с замком.

— У нее есть туннель вниз от ее комнаты. Я в этом уверена. Это единственное, что имеет смысл. — Нона вцепилась в ледяные прутья ворот, чувствуя себя все более уязвимой с каждой секундой, проведенной на открытом месте.

Рули прибыла с бочкой, которая давала некоторое укрытие от ветра.

— Она не могла оттуда копать. Кто-нибудь должен был ее услышать.

Нона пожала плечами:

— Это единственный путь. Должно быть, она изучала маршрут, по которому пришла я, но не дошла до конца. — Йишт жила в комнате в гостевом крыле, примыкающем к Залу Сердца. По расчетам Ноны, туннель, ведущий из пещеры Тени, должен был проходить под залом. Она всегда была рада, что Йишт не позволили исполнять роль телохранительницы Зоул, ночуя с ними в Сером дормитории, но, возможно, было бы лучше, если бы позволили.

— Тебе придется взорвать его, Нона! — сказала Клера.

— Взорви его, — согласилась Рули, дуя на ладони.

— Я взорву тебя, если ты не ЗАТКНЕШЬСЯ! — Голос Ары звучал не так безмятежно как должен был.

— Кажется, кто-то идет, — сказала Клера, глядя на темное открытое плато на востоке.

щелчок

Ара встала и толкнула ворота.

— Бочку внутрь, быстро!

Через несколько мгновений ворота снова закрыли, изнутри подперев их бочкой.

— Она там не останется, — сказала Нона, тыча пальцем в бочку. — Сильный порыв ветра швырнет ее вслед за нами вниз по лестнице.

— Ну, мы вряд ли можем оставить кого-то, чтобы держать ее. Нам всем нужно будет тащить Йишт. — Ара ткнула в бочку и нахмурилась, когда та закачалась. Третью основания нависала над первой ступенькой.

— Для того, чтобы справиться с Йишт, нам не нужны все четверо. — Нона похлопала по бугорку, торчащему из-под рясы — там находилась тыква Клеры с бескостным, сваренным из кот-травы. — Я займу позицию и подожду ее. Когда все будет кончено, я вернусь за вами, чтобы вы помогли мне ее тащить. — Не дожидаясь ответа, она выхватила фонарь из рук Клеры и поспешила вниз по лестнице.

— Будь осторожна! — крикнула ей вслед Клера. — Если ты разобьешь тыкву, когда будешь протискиваться, то пробудешь там какое-то время!

Ноне потребовалось около четверти часа, чтобы добраться до раскопок Йишт от расщелины в главном туннеле, которую она нашла во время своего первого исследования. Но ей показалось, что прошла четверть жизни. Осторожно двигаясь по узким проходам, пробираясь через самую узкую часть расщелины и извиваясь вдоль тонкого соединительного туннеля в конце, она каждое мгновение ожидала, что услышит глухой треск, тыква сдастся давлению и напиток из кот-травы начнет стекать по ноге. Если жертва его выпивала, эффект был почти мгновенным — каждая мышца быстро расслаблялась до такой степени, что человек не мог даже поднять палец. Главное, чтобы жертва не проглотила язык и не задохнулась. Они очень тщательно уложили Гессу, в соответствии с уроками Отравительницы, чтобы обеспечить ее безопасность.

Когда напиток всасывался через кожу, эффект был медленнее и варьировался в зависимости от того, какая часть тела принимала дозу. План Ноны состоял в том, чтобы выплеснуть содержимое тыквы в лицо Йишт и убежать. Бескостный расправится с ней довольно быстро. Если повезет, она тоже проглотит немного и пойдет ко дну еще быстрее.

Нона ждала у входа в узкий соединительный туннель, фонарь висел у нее за спиной на веревке. Она следила за любым проблеском света или намеком на звук. Ничего. Но она все равно ждала. На уроке Меча, после того как Йишт в одиночку свалила всех одноклассниц Ноны, кроме Зоул, Сестра Сало прокомментировала это представление.

«Хороший боец живет настоящим, но видит будущее. Чем лучше боец, тем дальше он

видит. Каждый может развить в себе этот природный талант, который дал ему Предок. Однако, некоторые марджалы имеют неестественный талант к этому. Вполне достаточно видеть на пять ударов сердца в будущее, чтобы компенсировать любую скорость хунска».

Поразмыслив, Нона поняла, что Йишт заранее предвидела каждое движение, направленное против нее. Но был ли это опыт или нечто большее?

Она притянула к себе фонарь и спрыгнула на пол большого туннеля. Ничтожный сдвиг колпака фонаря дал достаточно света, чтобы осветить темный вход в раскопки Йишт. Нона чувствовала, как сила корабль-сердца пульсирует в ее костях, поет в ее крови, заставляет каждый волосок встать на дыбы. Она чувствовала, что в силах сделать все. Стоило только захотеть, и ноги оторвутся от пола, она была в этом уверена.

Нона двинулась вперед, жужжа энергией, но твердо стоя ногами на камне. Йишт прорезала в известняке узкую щель, достаточно высокую, чтобы стоять в ней и размахивать киркой. Щель вела полого вверх на двадцать ярдов: невероятное продвижение, которое заставило челюсть Нону отвиснуть. В некоторых местах стены были испещрены отметинами от кирки, в других казались странно расплавленными, как в той вертикальной шахте, которая, как подозревала Нона, вела в спальню Йишт.

На торце воздух, казалось, пульсировал вместе с пульсом корабль-сердца. Собственное сердце Ноны замедлилось, чтобы соответствовать темпу. Она закрыла глаза, и перед ней открылся Путь, широкий, как река, слишком яркий, чтобы смотреть на него, и слишком яркий, чтобы отвести взгляд.

Она повернулась и поспешила вниз по проходу, ноги скользили на камнях, разбросанных по полу. Гесса сказала устроить засаду на женщину как можно ближе ко входу. Теперь это казалось очевидным, но Ноне и в голову не приходило ждать где-либо, кроме самой щели, дожидаясь возвращения Йишт на место преступления. Она вернулась назад, снова вскарабкалась вверх, снова извивалась, кралась и, наконец, остановилась в нескольких ярдах от шахты, по которой должен был спуститься ее враг. Она поставила фонарь на землю, прикрыла его, присела на корточки и стала ждать.

Ожидание и естественная темнота вселили в Нону гораздо больше страха, чем усилия Люты с зачарованной тенью в Академии. Йишт пугала Нону так, как никогда не пугал Раймел Таксис, даже когда демоны извивались под его кожей или смотрели на нее из его окровавленного глаза. Раймел убил бы ее с ликованием, со страстью: он бы наслаждался ее смертью. Йишт зарежет ее без раздумий, не больше заботясь о ней, чем мясник заботится о свиньях, перерезая им глотки. Почему-то от этой мысли ей стало еще хуже.

Когда что-то скользнуло и ударилось совсем рядом, Нона чуть не вскрикнула. Она прижалась к стене с пересохшим ртом, сжимая тыкву дрожащей рукой. Слабое свечение освещало круг шахты в потолке, черный конец веревки, подергиваясь, болтался внизу — кто-то, все еще невидимый, спускался вниз.

Нона заставила пальцы, сжимавшие тыкву, разжаться как раз в тот момент, когда в поле зрения появилась пара черных сапог с зажатой между ними веревкой. Одетые в черное ноги. Узкие бедра. Без предупреждения Йишт отпустила веревку и спрыгнула на пол.

Нона погрузилась в это мгновение так же глубоко, как и всегда, замедлив спуск Йишт до ползания. Она швырнула тыкву из темноты туннеля, ее рука так онемела от нервного напряжения, что Нона вообще сомневалась в своей способности ударить Йишт, даже если бы та стояла неподвижно, не говоря уже о том, чтобы ударить ее по лицу во время падения. Тем

не менее, когда тыква покидала ее пальцы и уходила из-под контроля, Нона знала, что это был хороший бросок — точно так же, выпуская метательную звезду, она не всегда попадала в цель, но всегда знала, попадет или нет.

Приземляясь, Йишт подняла руку. Она поймала тыкву в футе от своего лица, ее рука двигалась так, чтобы уменьшить удар, как будто знала, что тыква хрупкая и ломать ее опасно. Вторая рука Йишт уже выронила фонарь и теперь достала метательный нож, выпустив его обратно по пути, по которому пришла тыква. Холодный ужас охватил Нону, хотя она и отпрянула в сторону. Как будто Йишт точно знала, что произойдет, и тысячу раз практиковала именно эту ситуацию.

Нона упала влево, ее разум яростно перебирал варианты и находил драгоценные немногие, которые содержали хотя бы проблеск надежды.

Она видит будущее. Она знает, что я собираюсь сделать.

Нона упала на землю и покатилась, уворачиваясь от очередного брошенного кинжала. Она встала, держа в левой руке большой камень, а в правой — несколько мелких. Она бросала камни в самом быстром темпе с одинаковыми интервалами, каждый из них вылетал из метательного захвата, когда наступала его очередь. Она выпустила их в полет — промазал, попал, попал, промазал, — их судьба была известна еще до того, как первый преодолел половину расстояния. Еще один нож скользнул через темноту, и лишь мерцание лезвия выдало его приближение. Нона отбила его камнем.

Первый камень Ноны прошел на расстоянии пальца от тыквы, ударив Йишт в грудь. Лед-женщина уже разжала руку, и тыква с ядом начала падать. Она понимала, что случится, если камень разобьет тыкву, когда та будет у нее в руках.

Второй камень попал в верхушку тыквы и разбив ее, вызвав сдержанный всплеск жидкости. Третий ударил в ладонь Йишт. Четвертый не попал бы в тыкву, если бы она все еще находилась в руке Йишт, но так он угодил точно в центр падающей тыквы — та разлетелась на куски, выплеснув бескостный прямо на грудь женщины.

Растекшееся масло от упавшего фонаря Йишт вспыхнуло, капли жидкости заискрились на маслянистой черноте ее пальто. Нона была далеко не уверена, что хоть что-то из этого проникнет под кожу. Скорее могли бы помочь поднимающиеся пары и брызги, попавшие на ладонь Йишт, когда фляга разбилась вдребезги.

— Нона Грей. — В голосе Йишт не было никаких эмоций. — Ты выбрала одинокое место, чтобы умереть. — Она вытащила тулар из открытых ножен. Клинок напоминал длинный узкий прямоугольник стали, только немного шире к концу, чем у рукояти и кусок у конца скошен, чтобы получился один острый угол, один тупой и другой побольше.

Ноне нужно тянуть время: достаточно долго, чтобы позволить бескостному расправиться с Йишт, но недостаточно, чтобы позволить Йишт расправиться с ней. Она могла остаться на свету и противопоставить свою скорость мечу Йишт и ее неестественной способности точно знать, что любой противник сделает в следующие несколько секунд... или она могла бежать вслепую в темноту.

Она повернулась и побежала. Она достаточно хорошо знала туннель на протяжении следующих пятидесяти ярдов. Она бежала, вытянув руки перед собой, не ровным шагом, но гораздо быстрее, чем ей было удобно бежать в полной темноте.

Звук одетых в сапоги ног, ударявших по камню преследовал ее во мраке. Нона хотела было нырнуть в сторону и пропустить Йишт... но это женщина знала ближайшее будущее и, не исключено, знала, что произойдет, если Нона рванется влево или вправо. Или нет? Быть

может ее видение следующих нескольких мгновений было, на самом деле, видением следующих нескольких ярдов вокруг нее в любом направлении? Нона не хотелось этого проверять.

Она миновала боковой туннель. Миновала его или почти достигла его. В любом случае, у нее не было возможности исследовать щель чуть длиннее вытянутой руки, не потратив при этом гораздо больше времени, чем она имела. Йишт сократила разрыв: ее шаги звучали так близко, что взмах тулара мог бы подстричь волосы Ноны.

Черт побери. В ближайшие несколько ярдов туннель может сделать крутой поворот. Нона может растянуться на камне или сломать ногу в расщелине. Йишт неизбежно найдет ее без чувств или раненой и убьет без всякого удовольствия и жалости. Нона резко остановилась, накренившись в сторону. Если ей суждено умереть, она сделает это лицом к лицу с врагом, обнажив клинки.

Йишт быстро приближалась, не сбиваясь с шага. Нона побежала к ней, одной рукой нащупывая стену, другой рассекая темноту дефект-лезвиями.

Нона споткнулась на неровной земле, там, где пол изгибался, превращаясь в стену. Она бросилась вперед, когда Йишт атаковала. Что-то трянуло ее руку, металлический скрежет и удар о клинки, эхом отдавшийся в костях до самого плеча. Нона перекатилась и встала, вытягивая руки. Позади нее Йишт выругалась на лед-языке и, спотыкаясь, остановилась.

— Ты отравила меня.

Нона побежала туда, откуда пришла. Шаги Йишт продолжались еще несколько ярдов, затем снова остановились. Она что-то невнятно пробормотала.

На мгновение воцарилось молчание. Звук чего-то падающего на землю.

Нона глубоко вздохнула и позволила напряжению внутри себя развеяться. Она сделала шаг к Йишт. Другой.

Что я делаю?

Ей нужны другие. Она снова повернулась и медленно пошла назад, обшаривая руками пространство перед собой.

Йишт с ревом вскочила и бросилась бежать, спотыкаясь, хитрость не привела Нону к ней.

Нона просто бежала, крича, потеряв всякий контроль в темноте. Она ударилась о стену, отскочила от нее и упала, ее голова горела от боли, мокрая от крови. Йишт споткнулась о нее еще до того, как она перестала катиться, и через мгновение вес женщины придавил ее, локти прижали ее предплечья к земле, обе руки обхватили горло Ноны. И там, глубоко под землей, замкнутые вдвоем в слепой темноте, Йишт начала душить ее.

Нона не могла поднять руки, чтобы воспользоваться клинками, не могла пошевелиться, не могла дышать. Она бушевала, клинки изгибались, тело вздымалось, видя огни в этом темном месте, где не было огня, грохот ее сердца наполнял уши. Она боролась. Она боролась изо всех сил. И проигрывала.

— ...а...

Слишком слабый звук, чтобы выразить такую сильную боль, но это было все, что можно было выдавить из горла, узкого, как соломинка. Ничего не изменилось. Нона все еще была прижата к полу. Она по-прежнему ничего не видела. Руки все еще сжимали ее горло. Ее руки все еще были прижаты. Но она могла дышать. Все изменилось!

Нона сделала еще несколько глубоких вдохов, каждый из которых был мучительным, но все равно восхитительным. Руки на ее горле просто лежали. Она рванулась и высвободила

руки из-под локтей Йишт. Протянув их вверх, она оторвала несопротивляющиеся пальцы женщины от своего горла.

— Получила. Ты. — Маленькие слова. Болезненные. Торжествующие.

Нона начала выбираться из-под воина. Для маленькой женщины она, казалось, весила невероятно много — словно ее кости были сделаны из свинца. Нона боролась одной безвольной рукой, почти не в силах пошевелиться. С внезапным ужасом она поняла, что бескостный, пропитавший грудь Йишт, начал действовать на нее. Паника придала ей сил. Тем не менее потребовалось несколько минут, чтобы выбраться из-под воина, и к тому времени Нона почувствовала себя слабой, как ребенок, и потеряла всякое чувство направления.

— *Думай, Нона. Думай.* — Слова Гессы, проникшие сквозь туман ужаса Ноны.

Нона сделала глубокий вдох и, вытянув руки, стала ощупывать Йишт. Наконец, по положению тела воина, она поняла куда идти и, пошатываясь, пошла прочь, опираясь рукой о стену.

Она шла сквозь древнюю подземную тьму, с каждым пройденным ярдом надеясь, что заметит брошенный фонарь Йишт. Она покрывала все большее и большее расстояние, все еще не видя света Йишт; в ней снова начало расти отчаяние. Конечно же, она избежала удушения не для того, чтобы умереть, затерявшись в червоточинах Скалы!

Нона призвала свою мантру ясности, ища спокойный и открытый ум, который показала ей Сестра Сквородка. Она пошла медленнее, все чувства обострились.

Дым. Она принюхалась. И снова принюхалась.

Еще минута поисков на четвереньках, и она обнаружила маслянистый осадок вокруг сгоревшего фонаря Йишт. Потребовалась еще одна минута, чтобы найти ее собственный, стоявший там, где она его оставила, с колпачком и призраком пламени, парящим над коротким фитилем. Поднимая его, она чувствовала себя так, словно подняла еще одну послушницу, ее руки дрожали от слабости, но помощь света в темном месте невозможно переоценить.

— Предок! Ты выглядишь ужасно. — Рули схватила Нону за руки и, притянув к себе, вытерла ей лоб платком. — О, черт возьми! Твоя шея!

— Она что, идет за тобой? — Клера, широко раскрыв глаза, посмотрела поверх бочки.

— Она лежит, — прошептала Нона.

— Нам лучше поторопиться. — Ара шагнула вперед и быстро обняла Нону. — Показывай дорогу.

Они нашли Йишт лицом вниз на полу туннеля, ее меч, разрубленный на две части, лежал у стены, две глубокие борозды были вырезаны в куске лезвия, все еще прикрепленного к рукояти.

— Как это... — Клера подняла меч и поднесла к фонарю, который Нона держала в руке. Нона убрала фонарь.

— Мы должны... перенести ее. — Болезненный шепот. — Нет времени.

Клера опустила на колени рядом с воином.

— Сначала я должна дать ей остальное. — Она достала еще один из старых флаконов с духами Ары и, держа рот Йишт открытым, вылила в него содержимое. При приеме через рот это была максимально безопасная доза. Безопаснейшая. Согласно таблицам, которые Отравительница заставила их запомнить, яд должен был держать невысокого взрослого

недееспособным в течение нескольких дней. Главной опасностью, помимо удушья, было обезвоживание организма.

Пока Клера следила за тем, чтобы Йишт проглотила дозу, Нона быстро обыскала воина, вынув два кинжала и пять ножей для метания. Она не хотела оставлять лед-женщине ничего, что могло бы помочь ей сбежать или побудить вернуться. Нона сунула руку под тунику Йишт, и пальцы нащупали что-то холодное. Она вытащила его. Амулет, сигил, отлитый из черного металла, достаточно маленький, чтобы она могла обхватить его по окружности большим и указательным пальцами. Подобно сигилам, которые Йишт нарисовала в воздухе за пределами дормитория, он притягивал взгляд, искажая зрение Ноны. Пальцы Йишт дернулись, и из ее горла вырвался какой-то глубокий звук, возможно, угроза.

— Эта штука работает? — Нона дернула сигил, и тот освободился, волоча за собой порванный ремешок. Она сунула его во внутренний карман.

— Подожди еще несколько секунд. — Клера нахмурилась. — Она крепче, чем выглядит. А она выглядит чертовски крепкой!

Потребовалась целая вечность, чтобы вытащить Йишт обратно. Самое страшное было, когда ее мертвые акульи глаза случайно указывали Ноне путь.

Со своей единственной настоящей проблемой они столкнулись там, где трещина проходила между их туннелем и туннелем, ведущим от пещеры Тени к карцеру. Ара и Клера с трудом протиснулись сквозь нее, даже несмотря на постоянные заверения Ноны, что трещина вот-вот расширится. Клера потеряла самообладание и начала бы кричать, но сильный толчок Ары выбросил ее из самого узкого места в более широкую секцию.

— Как мы ее протащим? — спросила Рули.

— Но мы же не можем поднять ее туда! — Ара указала на туннель в потолке.

— Веревка? — Нона протянула руку, чтобы потянуть за веревку, которую оставила Йишт. Ара уже поднималась в комнату наверху, чтобы гарантировать, что яма будет замечена.

— Мы никогда не поднимем ее вверх, — сказала Клера. — А если бы и смогли, как нам незаметно ее вытащить?

— Итак, — Рули вернулась к своей теме. — А как мы протащим ее через эту щель? Она весит столько же, сколько Дарла!

— По кусочкам? — предположила Клера.

— Она не такая уж большая, — сказала Ара. — А если мы ее немного поцарапаем... ну, разве это имеет значение? Мы можем оставить некоторые улики, которые приведут Отравительницу к раскопкам. После этого она уже не вернется, правда, Йишт?

В конце концов они ее протащили. Клера и Ара взяли за ноги — Клера была слишком напугана, чтобы взять другой конец: а вдруг Йишт застрянет и преградит путь. Нона и Рули толкали плечи лед-женщины. Хотя на самом деле это Рули толкала плечи, а Нона толкала плечи Рули, потому что там было место только для одного, а у Ноны не было сил. И, неизбежно, Йишт застряла.

— Поверни ее! Поверни ее плечи! — Клера, близкая к истерике.

— Мы их повернули, — отозвалась Рули. — Это ее голова.

— Ну так отрежь ей уши! Что угодно! Я не знаю. Я не могу здесь оставаться.

Нона толкнула голову Йишт, но та застряла между двумя каменными стенами.

— Дай-ка мне попробовать еще раз, — сказала Рули.

Нона отступила, увидев, что Рули держит в руке маленький открытый глиняный

кувшинчик.

— Жир? — Шептать было больно.

— Да.

— Почему? — прошептала Нона. — У тебя. Есть жир?

— У меня в карманах *полно* всякой всячины, Нона Грей, — чинно ответила Рули и снова принялась тянуть Йишт.

В конце концов жир подействовал, и лед-женщина внезапно вырвалась на свободу.

Поднимать ее по лестнице было сущим кошмаром. Так же как и посадить ее в бочку, и обмотать обивкой. Надеть крышку тоже было кошмаром, и Рули сумела ударить по большому пальцу бондарным молотком.

— Ты уверена, что она может там дышать? — спросила Ара, когда они перевернули бочку на бок, готовясь вкатить ее вместе с остальными во двор винодельни.

— Нет, — ответила Клера.

— Нет, она не может? Или нет, ты не уверена?

— Нет, мне все равно.

— Она пыталась украсть корабль-сердце, Ара, — сказала Рули. — И ты ее ненавидишь. — Она выглядела так, словно пыталась убедить в этом не только Ару, но и саму себя.

— Она, вероятно, убьет нас всех, если снова увидит, и я сомневаюсь, что мы сможем остановить ее, поэтому мне действительно наплевать, умрет ли она там. — Клера покатила бочку и нырнула за нее, защищаясь от ледяного ветра. — Пошли!

— Ее увезли! — Рули торопливо подошла к Серому столу, в трапезной было шумно от обычной болтовни за обедом. — Мы разговариваем, а фургон грохочет по Виноградской Лестнице!

— Спасибо Предку за это! — Ара взглянула на Зоул, сидевшую в дальнем конце стола. Девочка, опустив голову, атаковала еду.

— Спасибо Предку, — сказала Гесса с несвойственным ей благочестием. Она протянула руку, чтобы потереть шею. — Я больше никогда не хочу видеть эту женщину.

Нона кивнула, обнаружив, что тоже щупает рукой шею, касаясь синяков. Гесса сказала, что со временем нить-связь между ними должна исчезнуть, и Нона думала, что уже, но, когда Йишт душила Нону, Гесса непрерывно страдала. Им просто повезло, что никто в дормитории не проснулся и не бросился за Сестрой Розой: доза бескостного, который Гесса помогла проверить, не дала ей метаться и шуметь. Если бы не это, отсутствие послушниц было бы замечено, и весь план был бы раскрыт.

— Мы должны сделать так, чтобы настоятельница узнала, чем занималась Йишт. — Нона отправила в рот еще кусок яичницы, начала было говорить дальше, но передумала.

— Пусть сначала заметят, что она исчезла, — сказала Ара. — Они проверят ее комнату. И обнаружат шахту. Когда они это сделают, будет достаточно легко сказать.

Нона ожидала настоятельница или, по крайней мере, Сестру Сквородка, чтобы пойти и рассказать о своих открытиях. Она прятала свои клинки со дня своего прибытия. Теперь, когда в один день их обнаружили, а во все следующие — проигнорировали, она была озадачена. Ара говорила о том, какой редкостью является любая три-кровка, и академики, несомненно, были впечатлены этим открытием. Но настоятельница просто сидела в своем доме, не обращая внимания на Нону и занимаясь тем, чем она там занималась, а потом ушла во дворец. Неужели кто-то вообще научит ее использовать свой талант марджал для чего-то еще, кроме тень-работы?

Раздались радостные возгласы.

— Время?

— Двести шесть, — крикнула Ара вниз.

Нона моргнула. Далеко внизу, частично скрытая пальцами ног Ноны, Клера исполняла победный танец. Новый личный рекорд завершения меч-пути и новый рекорд нынешнего Серого Класса. Она побила рекорд Крой на четыре счета.

— Твоя очередь! — Ара потянула за рычаг, чтобы остановить маятник и вернуть колесо на место.

— Клянусь кровью! — Нона закинула ноги на платформу и пошла липкими ногами к началу дистанции. — На этот раз я пройду.

Она осторожно вышла, нащупывая дорогу. Как всегда, весь меч-путь ощущался так, словно это была чья-то чужая перчатка, что-то, что отказывалось подходить ей, что бы она ни делала. И если это была перчатка, то дело было не только в том, что она не подходила ей по размеру, но и в том, что это была не та рука. Слишком мало пальцев!

Нона прошла только половину пути. Рекорд, по крайней мере для нее. И упала с воплем отчаяния.

Клера, все еще бывшая на нижнем стоп-уровне, последовала за Ноной вверх по длинной деревянной лестнице, давая советы. Нона не обратила на нее внимания.

Лед придет, лед придет

Она призвала свою мантру безмятежности. Она обрела безмятежность посреди страданий от кровь-войны между марджалом и кванталом.

Но нет луны, но нет луны

Она обрела безмятежность под критическими взглядами десятков академиков.

Мы все падем, мы все падем

Она обрела безмятежность перед лицом Люты, собирающей тени, чтобы вселить ужас в ее сердце.

И скоро будем не видны.

— Заткнись! — Нона резко повернулась, и Клера чуть не налетела на нее. — Заткнись, Клера, или, клянусь, я столкну тебя с этой лестницы.

Клера отступила назад, подняв руки.

— Ладно, ладно, все в порядке. Я просто пыталась помочь. — Но в ее голосе прозвучала обида, а выражение лица было трудно разглядеть в полумраке лестницы.

Нона повернулась обратно и продолжила подниматься по ступенькам.

Мы все падем, мы все падем...

Снова оказавшись на платформе, Нона осталась стоять, прислонившись спиной к стене, а не села на краю вместе с остальными. Она смотрела на меч-путь, игнорируя все остальное, мантра беззвучно дрожала на губах.

— Твоя очередь. — Клера, не обращая внимания на угрозу Ноны, встала с края и помахала рукой перед лицом Ноны. — С тобой все в порядке?

— Я в порядке. — Нона шагнула вперед. Она остановилась прямо перед трубой, ее ноги почернели от смолы. — Я безмятежна. — Она сделала первый шаг. — Я так чертовски безмятежна, что, если потеряю равновесие, просто пойду по воздуху.

Нона чувствовала себя так, словно ее окутали одеялом золотистого света. Она смотрела на мир с совершенной легкостью, как будто смотрела на него из конца длинного туннеля, удаленная от его текущих потребностей, далекая от его нетерпения.

Она сделала шаг вперед. Еще три. Еще.

И упала. Ей показалось, что она может взлететь, как перышко, но она падала так же быстро, как и всегда. Единственная разница была в том, что она не слишком возражала.

Клера упала еще до того, как Нона успела дотянуться до рычага, чтобы засечь время. Она подпрыгнула и перевалилась через край сетки, приземлившись на ноги.

— Слишком нетерпеливо. Это всегда случается после того, как я пройду. — Она помолчала. — В любом случае, мне надо бежать, Кремни везет меня в город. — Ее улыбка исчезла. — Отца вернули в Раттер — это тюрьма, в которую его посадили в самом начале, самая страшная.

— Мне казалось, что его собираются оправдать? — Нона никак не могла разобраться в деталях этого дела. Насколько она понимала, это был не долг, сделанный благодаря дружбе и уважению, — отец Клеры, казалось, был пойман в изменчивую отравленную атмосферу бумажных долгов, штрафных санкций, процентов, дивидендов и штрафов.

— Это все политика. — Клера покачала головой, ее победа на меч-пути уже улетучилась. — Я боюсь, он там умрет. Это не самое хорошее место. Крысы и болезни. А его главный кредитор подал прошение на двадцать ударов плетью и еще больше штрафов...

— Надеюсь, с ним ничего страшного не случится. — Нона протянула руку и коснулась плеча Клеры. — Прости, что накричала на тебя.

Клера выдавила из себя улыбку, глаза ее заблестели. Она высунула язык, повернулась и поспешила на встречу с Сестрой Кремень и другими послушницами, которым разрешили сходить в Истину в сопровождении эскорта.

Нона продолжала упражняться на меч-пути до обеда, остальные приходили и уходили. У нее было десять попыток, но она прошла не больше трети пути. Трубы качались неправильно, секции вращались неправильно, все это было неправильно. Неважно, как медленно она шла, как осторожно... земля просто продолжала тянуться вверх, чтобы забрать ее.

Она присоединилась к остальным за Серым столом, придя последней, чего раньше никогда не случалось. Клера сидела одна в дальнем конце стола, уставившись в пустоту поверх тарелки с супом. Нона подошла к ней.

— Как все прошло? — Нона потянулась за хлебом и принялась наливать себе суп из большой глазированной супницы, стоявшей между ними.

— Семья — это очень важно, не так ли? — Взгляд Клеры не отрывался от пустоты, которая его поймала.

— Ну... — Нона подумала о матери и почувствовала, как напряглись мышцы челюсти. — Так должно быть.

— Моя мать — не очень сильная женщина, — сказала Клера. — Ты могла бы подумать, что сильная. На самом деле нет.

— О. — Нона не была уверена, сколько же этот разговор идет без ее участия.

— Было время, когда она была моим миром. Когда я была маленькой девочкой, я часто лежала в постели и плакала — я думала, что она может умереть, и не знала, как буду жить без нее. Звучит глупо, но я так и делала.

— Что-то... — Нона отложила ложку, которой не успела воспользоваться. — С твоим отцом что-то случилось?

— Его собираются отпустить, — сказала Клера. Пенни пропутешествовал по костяшкам пальцев. — Все долги списаны.

— Ну... Это же замечательно! — сказала Нона. — Разве нет?

— Да, — Клера улыбнулась, но только губами. Пенни пропутешествовал обратно.

— Это... — Нона увидела, что это не пенни, не старый медный пенни Клеры и не серебряная корона, которая заменила его. — Это же золото!

— Да, — Клера спрятала соверен в рясу. — Я взяла один пенни и вывела из него много.

— Ну... — Нона встретилась взглядом с Клерой. — Отличные новости!

— Да. — Клера отвела взгляд и взяла ложку. — Я спрашиваю себя, через сколько дней Йишт окажется на побережье?

После обеда Нона вернулась в Зал Меча, где ее постигла очередная неудача. Она присоединилась к другим занимающимся и продолжила падать.

Ближе к вечеру на них пришла посмотреть Сестра Чайник. Она стояла внизу и работала рычагом, устанавливающим время, наблюдая, как двадцать послушниц по очереди падают, прежде чем пришла Сесса из Священного Класа и дошла до конца с первой попытки.

— Сто восемьдесят, — прочитала с колеса результат Сестра Чайник.

Нона сделала следующую попытку и упала на счет тридцать. Она едва успела добраться до спирали, как противовес качнулся и труба под ней подпрыгнула.

— Шестьдесят девять! — выдохнула она, спрыгивая с сетки и приземляясь рядом с Сестрой Чайник. — Как тебе это удалось?

Сестра Чайник пожала плечами и усмехнулась:

— Я бежала.

— Не очень-то помогает! — Нона нахмурилась. — А Сестра Сова... двадцать шесть... это, должно быть, вранье?

— Или она бежала быстрее...

Нона поплелась вверх по лестнице. Другие послушницы приходили и уходили, но ближе к вечеру давка начала ослабевать. Час спустя остались только Рули и Нона. Остальные, возможно, изгнанные ее гнусным нравом, перед сном отправились в баню, чтобы смыть свои усилия на меч-пути.

Нона стояла, хмуро глядя на перекрученную трубу.

— Это просто смешно. Это просто металл и провода. Почему мы так долго играем в эту дурацкую игру? Она ничего не значит.

— Разве не для этого существуют игры? Чтобы зря потерять время? — Рули пожала плечами. — Кроме того, Сестра Чайник говорит, что это больше, чем игра. Как и Сестра Сквородка. Может быть, если ты думаешь об этом как об игре, то именно поэтому не выигрываешь?

— Ты считаешь, что я должна сделать это вопросом жизни и смерти? — спросила Нона. — Превратить из игры в жизнь? Я могла бы разрезать сеть... — Вот тогда это будет иметь значение. Упади и умри. Когда она столкнулась с Йишт в туннелях или с Раймелом в его покоях, не было никакой сети безопасности. — Я разрежу сеть.

— Ха! Ха! — Рули невесело рассмеялась. — Нам пора идти.

— Тебе лучше уйти, — ответила Нона.

— Пойдешь со мной? — Рули выглядела обеспокоенной.

— Со мной все будет в порядке. — Быстро, яростно, бесповоротно. Вот что такое битва. Именно так проходили самые тяжелые испытания в жизни Ноны. — Давай я попробую еще несколько раз сама.

Рули взглянула на дверь, наклонила голову и направилась к ней.

— Подожди, — сказала Нона, прежде чем Рули покинула платформу. — Дай мне этот твой жир...

Рули нахмурилась, но сунула руку в карман и протянула ей маленький глиняный кувшинчик.

— Не наделай глупостей.

Нона подождала, пока затихнут шаги рули на лестнице.

— Быстро. — Она уставилась на свои смоляные подошвы. — Бесповоротно. — Вот так она добиралась до Пути, стремительная от гнева, всегда старалась замедлить шаг и всегда падала. Но, возможно, она не соответствует монастырским меркам. Возможно, она не может пригнуться, чтобы соответствовать их образцам.

Она принялась стирать смолу с подошвы левой ноги. Когда она вышла на меч-путь, закутанная в безмятежность, она безмятежно упала. Она стала осторожнее, пошла медленнее, упала. Сестра Чайник совершила меч-путь за шестьдесят девять делений. Должно быть, она бежала. Сестра Сова за двадцать шесть, гласила легенда. Должно быть, она летела. Нона принялась чистить другую подошву.

Десять минут спустя она качнула маятник и встала на краю платформы, глядя на трубу в

дьюме от пальцев ног.

— Нет. — Она попятилась, еще немного попятилась, сделала еще один шаг назад, и ее плечи уперлись в дверь. — Нет. — Она открыла дверь и спустилась по лестнице. — Быстро. Безоговорочно.

Нона рванулась вверх по лестнице, поджав пальцы для лучшей хватки. Она влетела в дверной проем, все больше ускоряясь. Подпрыгнув, она ударила по трубе обеими смазанными жиром подъемами подошв. Она заскользила, гравитация захватила ее, ускоряя с ужасающей быстротой. И вот, наконец, она нырнула в этот момент, позволив маятнику ползти между делениями.

Нона рванулась к штопору с поворотами. Есть вещи, которые нужно делать быстро или не делать вообще. Если кто-то спрашивает тебя, любишь ли ты его, ты не можешь колебаться. Есть пути, по которым нужно не идти, а быстро бежать.

Нона начала подниматься по изгибу, ее ноги бежали перед ней, и в первый раз, хотя это было очень далеко от безопасности... это было правильно!

Протяжный перезвон Брея нагнал Нону, шедшую от арки Зала Меча через двор. Она промчалась по темному переулку рядом с прачечной и выскользнула из-за угла как раз в тот момент, когда Сулери потянулась, чтобы закрыть главную дверь дормитория. Дверь не запиралась, но любой, кто приходил после Сулери — теперь она была старшей послушницей монастыря — и закрывал ее, считался опоздавшим ко сну, его преступление записывалось в протоколы, которые доставлялись Настоятельнице Стекло каждый седьмой день. Сулери, новичок во власти, не была склонна к снисхождению.

— Подожди! — Нона перемахнула через ступеньки и нырнула под руку послушницы, так быстро проскользнув по коридору, что чуть не проскочила мимо двери в Серый дормиторий.

Сулери захлопнула дверь.

— Ты босая, Нона!

Нона не удостоила ее ответом. *Мне сейчас не до такой ерунды.* Она с шумом ворвалась в Серый дорм.

— Угадайте, что произошло!

— Завтра с первыми лучами солнца мы отправляемся в поход. — Ара оторвалась от разговора, который вела с Мэлли у двери.

— Ух. Неужели? — Нона оглядела комнату. Все послушницы возились с поход-пальто, либо разложив на кровати, либо надев.

— Твое пальто лежит на кровати. Их принесла Сестра Кремень. А еще они непромокаемые.

Нона поспешила к своей кровати, взволнованная перспективой на этот раз действительно выбраться из монастыря, и тут же выбросила собственные новости из головы. В прошлом году Сестра Сало учила их основам устройства убежища, хотя теперь уроки казались очень давними, а детали — пугающе расплывчатыми.

— Вы что-нибудь помните об ориентировании?

— Нет, — ответила Клера, склонившись над своим пальто, у которого были какие-то проблемы с пуговицами.

— Куда мы вообще идем? — Нона взяла свое собственное пальто, тяжелую черную вещь, которая будет висеть вокруг ее лодыжек. Это была самая красивая одежда, какую она

когда-либо носила, но в деревне, из которой она пришла, всегда можно было найти укрытие и спрятаться, когда дул лед-ветер. Каким бы теплым ни было поход-пальто, она не испытывала удовольствия от перспективы пройти много миль, когда между ней и ледяным ветром не будет ничего, кроме ткани и подбивки. — Мы уже знаем нашу цель?

— Мы все направляемся в Кринг. — Клера дернула, и в ее руке появилась деревянная пуговица. — Нассать на него!

— Куда? — В этом имени было что-то знакомое — что-то из рассказов Наны Эвен.

— Ты должна знать! Я надеялась, что ты доставишь меня туда! — Клера прижала пуговицу в том месте, откуда вырвала, как будто та могла волшебным образом снова прикрепиться. — Это в Серости. Вещь, которую Пропавшие оставили после себя. Колонна из черного железа выше дерева и такая же широкая.

— Я слышала об этом, — нахмурилась Нона. Теперь она вспомнила это описание, но больше не помнила ничего. Она спросила себя, не был ли амулет Йишт, холодный предмет в ее кармане, отлит из того же металла. — А для чего она служила?

— Ответ на этот вопрос... пропал. — Клера бросила пуговицу и сплюнула. — Как бы то ни было, поход — это не ориентирование и даже не выживание на ветру. Мы можем спросить дорогу. Мы можем даже просить убежища. Кто откажет послушнице Предка? — Она прижала руки к щекам и захлопала ресницами. — Речь идет о том, чтобы пережить *их*.

— Кого? — спросила Нона.

— *Их!* — Клера замахала руками. — Всех остальных. Мир. Абет. Он полон голодных людей. А голодные люди — опасные люди.

— Я думаю... — Нона замолчала. Зоул целеустремленно шла к ним.

— Где Йишт? — Зоул бесстрастно разглядывала их, ее черные глаза были поразительно похожи на глаза воина.

— Понятия не имею, — ответила Клера. — Мы только что это обсуждали. Она не может быть хорошим телохранителем, если не может охранять свое собственное тело, не так ли?

— Если вы что-то натворили...

— Да, да. — Клера отмахнулась от нее. — Ты покажешь нам причудливый прием из торки, а потом Нона вывернет тебя наизнанку. А теперь убирайся, почему бы тебе этого не сделать?

Зоул одарила их обоих взглядом, одновременно спокойным и угрожающим, затем повернулась и пошла обратно к своей кровати.

— Надеюсь, мы потеряем ее во время похода. — Нона смотрела, как уходит лед-девочка.

— Большинство групп послушниц к концу объединяются, — сказала Клера. — Мы можем разбиться на группы в первые дни, но все мы направляемся в одно и то же место, так что у цели станет тесно.

Нона пожалала плечами, сбросила свое походное снаряжение с кровати на пол и начала раздеваться. Через минуту она уже лежала под одеялом, а еще через минуту ей снился сон.

На следующий день после завтрака Сестра Кремень собрала Серый Класс. Гесса попрощалась, когда они вышли из трапезной. Она крепко обняла Нону одной рукой, но Нона осталась деревянной, так и не привыкнув к объятиям.

— Постарайся быть в безопасности, — сказала Гесса.

— Это поход — нет никакой безопасности. — Нона растянула губы в улыбке.

— Ну, будь осторожна. — Гесса отпустила ее. — Если ты упадешь со скалы и сломаешь себе руки... Я сразу узнаю об этом все.

— Пока нас не будет, ты можешь поработать над разрывом нити, — сказала Нона. — А если ты еще не можешь этого сделать, то хотя бы сделай так, чтобы мы могли делиться хорошим опытом, а не только плохим! Не посылай мне свои кошмары. Если я буду лежать, дрожа, где-нибудь в сугробе, я хочу, чтобы ты отмокала в бане, и тогда я согреюсь.

— Постараюсь. — Гесса усмехнулась. — Я буду скучать по тебе. Мне будет очень одиноко без всех вас.

— По крайней мере, тебе не придется каждый вечер бегать наперегонки с Ноной из-за последней картофелины. — Ара обняла Гессу и потянула Нону прочь. Сестра Кремень уже махала им выходить.

— Следуйте по Пути! — крикнула им вслед Гесса, опираясь на костыль. — Если заблудитесь, следуйте по Пути. Для этого он и нужен!

Монахиня отвела их к дому настоятельницы, где они стали, ссутулившись от лед-ветра в своих поход-пальто. У всех новичков были свои спальники и связки припасов на спинах. Ноне выдали короткий нож для снятия шкур, две проволочные ловушки, трутницу и маленький железный котелок.

— Я уже замерзла, — сказала Клера из-под капюшона.

— А это еще кто? — Ара указала на фигуру, появившуюся из-за дома настоятельницы.

— Мужчина! — Джула была шокирована.

— Таркакс, — сказала Нона.

Воин был одет в те же черные штаны из тюленьей шкуры и меховую куртку, что и в Калтессе, и, казалось, его ничуть не беспокоило то, что он оказался в зубах бури. Он ухмыльнулся девочкам, обнажив белые зубы на темно-красном лице:

— Прекрасный день для похода, молодые леди! — Обойдя их, Таркакс поднялся по лестнице и постучал в дверь настоятельницы.

Через несколько мгновений появилась Настоятельница Стекло, закутанная в мягкие одеяния; рука, сжимавшая посох, была спрятана в толстой черной рукавице. Сестра Сало вышла вслед за ней в поход-пальто.

— Послушницы! — Настоятельнице Стекло пришлось перекрикивать ветер. — Это будет большое испытание для вас, но, я уверена, вы все справитесь. Сестра Сало и Сестра Кремень обучили вас навыкам, необходимым для достижения вашей цели. Мне остается только напомнить вам: независимо от того, с какими условиями вы можете столкнуться на своем пути, независимо от того, какие испытания вы испытываете, вы являетесь представителями церкви, посланниками веры и, прежде всего, послушницами монастыря Сладкое Милосердие. Я ожидаю, что вы будете действовать соответственно. И запомните. Если кто-нибудь поднимет на вас руку... у вас есть мое разрешение ее отрезать. Берегите себя. Сестра Сало будет ждать вас у Кринга.

Она направилась было обратно в теплый свет прихожей, затем обернулась, вспомнив.

— Здесь со мной знаменитый воин и следопыт Таркакс, также известный как Лед-Копье. Таркакс будет действовать в качестве телохранителя Послушницы Зоул из-за неожиданного отсутствия Йишт. Он не будет помогать ей в походе, разве что в исключительных обстоятельствах. — Она повернулась и пошла обратно в дом, захлопнув дверь с глухим стуком, в котором чувствовалась какая-то окончательность.

— Лед-Копье! — Джула едва не не пискнула. — Я читала о нем!

— Не может быть! — Дарла, громоздящаяся над дочерью писца.

— Читала! — Джула посмотрела на Дарлу сквозь туннель капюшона. — Он знаменит!

Он есть в лубках, которые продают в Истине на седьмой день возле библиотеки Абона. У лед-племен есть песни о нем!

Нона повернулась и наклонилась к Аре:

— Он работает на Партниса Рива, я уверена.

— Что делает его человеком Таксиса, — сказала Ара.

Клера наклонилась к Ноне с другой стороны:

— Разве Туран Таксис и Шерзал не ненавидят друг друга?

— В последние несколько лет они определенно не были друзьями. Зоул должна быть в ужасе. — В голосе Ары не прозвучала досада, и, хотя Нона не могла видеть ее лица, она знала, что Избранная улыбается. Ара не помнила обид, но сестра императора и все, что с ней связано, были исключением из правила.

Клера потянула Нону за руку.

— Если он человек Таксиса, то ты можешь пересмотреть свое отношение к Зоул... Враг моего врага может быть моим другом. — Она пожала плечами. — Конечно, друг моего друга часто бывает придурком. — Она незаметно ткнула большим пальцем в черной перчатке в сторону Ары.

Сестра Сало спустилась по лестнице и подняла руку, приглашая послушниц собраться вокруг нее. Нона подошла и встала рядом с Таркаксом, который посмотрел на нее сверху вниз и усмехнулся:

— Мой друг из Калтесса.

— Ты говорил мне, что ты — ринг-боец, — сказала Нона.

Таркакс поднял руки и указал одной на восток, другой — на запад:

— А что такое Коридор, если не кольцо?

— Ты солгал мне, — нахмурилась Нона.

— Обрати внимание на свою монахиню. — Таркакс незлобно шлепнул ее по затылку.

— ...откуда мы отправимся к точке старта на окраине Харранских болот. После этого вы будете предоставлены сами себе. — Сестра Сало оглядела собравшихся и повела их по Дороге Повозок.

Нона последовала за ними, потирая затылок и спрашивая себя, как Таркакс получил такое глупое имя, как Лед-Копье.

— Я не знаю, как кто-то из нас это переживет, — сказала Джула.

Послушницы Серого Класса тащились за Сестрой Сало уже несколько часов, и Джула высказала эту мысль по меньшей мере восемью разными способами с тех пор, как они спустились со Скалы Веры.

— Серый Класс ходит в поход каждый год, Джула. Крой ходила трижды! В первый раз она пошла, пробыв в классе неделю. — Рули, казалось, была счастлива выйти наружу и двигаться, ее щеки покраснелись, глаза блестели.

— Но мы *не* тренировались! — Джула захромала дальше, жалуясь, что ее башмаки натирают.

— Мы уже прошли чуть-чуть, — сказала Ара. — Это и *есть* тренировка!

— Перестань ныть, Джула. — Клера плелась, не глядя по сторонам. — Обычно во время

похода никто не умирает.

Они вышли из небольшой долины на открытое место, и лед-ветер, завывавший над бескрайними бесплодными полями, застал их врасплох. Нона пошатнулась, сгибаясь под ударами ветра. Двух послушниц перед ней бросило на колени. Таркакс просто наклонил голову и зашагал следом за Зоул, словно это был всего лишь легкий ветерок.

Полдень увидел, как они сгрудились под навесом коровника. В небе над ними висело солнце, огромное и багровое, но дававшее мало тепла, да и то ветер уносил в тот же миг, как оно появлялось. Нона жевала хлеб с сыром, глядя в никуда, ее мысли были заняты Раймелом Таксисом. Может ли быть, что его рука стояла за нападением тень-работницы в Академии? Или протест старшего академика был искренним — какой-то враг внутри самой церкви заставил Маркуса или его друга свести девушку с ума от ярости? Ей не хотелось думать, что это Маркус, но, возможно, для него клетка Гилджона была просто воспоминанием, сухим фактом, который можно было вынуть и изучать без всяких эмоций.

Туран Таксис поклялся в суде, поклялся перед императорским тронном, что с этим делом покончено. Ее имя, Нона Грей, было произнесено в присутствии императора: ее мать должна была... Нона отмахнулась от этой мысли. Она была вся в крови, когда покидала деревню, и, хотя кровь давно смыли, пятна никогда не исчезнут.

— Говорят, на побережье неприятности, — прервала Дарла размышления Ноны.

— Неприятности? — Нона вспомнила пиратские набеги. Без них Шерзал не осмелилась бы прийти в Истину и рисковать навлечь на себя неудовольствие брата.

— Из Дарна приплыла настоящая армия. Регулярные войска на пиратских барках, просто не в форме. И Крустикэл вызвал генерала Катрада с границы со Скифроулом.

Нона посмотрела на Дарлу:

— Откуда ты все это знаешь? — Обычно именно Ара знала все о мире.

— Мой отец — офицер в штабе Катрада. Он приехал раньше генерала, чтобы собрать разведданные. — Дарла кивнула. — Он говорит, что корсары высадились на берег и послали отряды рейдеров вдоль северных льдов, в то время как император и Велера связаны у Хониспорта.

— Значит... не подходить слишком близко ко льду?

— Да, если только ты не хочешь воевать, — сказала Дарла.

— Мы воюем? — Нона и не подозревала, что все так плохо.

— Мы воюем всегда. — Дарла пожала плечами. — Пока лед не сомкнется, у нас всегда будет война — так говорит мой отец. Разница лишь в том, как это называть. Сейчас это называют рейдами. Церковь должна будет сыграть свою роль. Как ты думаешь, чем так занята настоятельница? Говорят, она даже была при дворе!

— И они посылают нас в поход? Во время войны? — спросила Нона.

Дарла снова пожала плечами:

— Формально мы будем спасаться от войны. Кринг находится в противоположном направлении. Наверное, поэтому они и выбрали его в этом году. В прошлом году нам пришлось добираться до острова Хэрн, это у побережья. И вообще, поход — одна из самых древних частей обучения монахини. Говорят, какое время — такое и обучение. Если впереди нас ждет открытая война, то не удивительно, что нас посылают в эту...

Шагая по дорогам и тропинкам в самом сердце империи, Нона вспоминала о путешествии с Гилджоном, хотя дороги, которые он выбрал, были более темными, и идти приходилось гораздо меньше. И все же, когда дул лед-ветер, все вокруг принимало тот же

унылый вид, не лишенный определенной красоты. Тонкий слой ледяного снега покрывал поля, скрывая посевы. Большинство из них восстанавливалось — фермеры выращивали породы, которые восстанавливались, — но, когда наступал достаточно длинный период ветра Коридора, кое-кто всегда рисковал посеять что-нибудь более ценное и уязвимое, надеясь собрать дорогой урожай. Живые изгороди стояли под толстым слоем льда, который покрывал каждую ветку, притуплял шипы, блестел и сверкал, делал их ненастоящими, держал под стеклом — можно видеть, но нельзя трогать, — словно клал на хранение... на некоторое время. Однажды это будет навсегда.

В лесах стояли винт-сосны и мороз-дубы, увешанные сосульками; их было много, и они густо свисали со всех ветвей, некоторые длиннее руки Ноны. В разгар лед-ветра фокус не мог полностью растопить лед, и каждую ночь сосульки росли и множились, пока ветер наконец не ослабевал или огромная тяжесть льда не разрывала дерево на части. Проходя через леса во время лед-ветра, люди могли погибнуть. Когда приходил фокус, каждая ветка каждого дерева могла за считанные минуты сбросить вес человека и даже больше в виде сосулков длиной в ярд, превращая любой лес в кошмар из вонзающихся ледяных копий.

К вечеру они миновали городок Аверин и поднялись на гребень невысокой гряды холмов, откуда было видно, как река Грохот извивается в сторону Марна. Сестра Сало нашла им ночлег в сарае для сена неподалеку от реки и неизобретательно названной деревушки Мост, которая располагалась по обе стороны длинного каменного моста, перекинутого через Грохот.

— Ты знаешь, почему ее называют Грохот? — спросила Джула, пока Нона возилась среди сена.

— Нет. — Два года назад постель из сена показалась бы роскошью. Теперь она была колкой и вызывающей зуд, а сарай — ящиком со льдом. Нежное Милосердие, возможно, вооружило Нону многими боевыми искусствами, но сделало ее мягкой и в других отношениях. Поход был запоздалым уроком — и таким, на который она намеревалась обратить пристальное внимание.

— Когда начинается таяние — здесь оно как раз перед рассветом, — вода бежит так быстро, что все камни в русле грохочут друг о друга. Я читала об этом в *«Географической истории Кванталого моря»* Хеннана. — Джула, нахмурившись, корчилась на своем тюке сена. — Похоже, я не в состоянии здесь заснуть...

— Попробуй, — сказала Нона. — Вряд ли завтра вечером ты найдешь кровать получше.

Монастырь нанял судно, чтобы доставить всех участников похода в Харранские болота. Ноне оно показалось похожим на весельные лодки рыбаков на Белой реке, только в десять раз длиннее. У него была высокая мачта, сейчас лежавшая вдоль корпуса, как и туго свернутый парус; их обоих поднимут для обратного путешествия вверх по течению — чтобы доставить послушниц к болотам, требовалось только течение Грохот.

Нона, Ара и Клера сидели вместе на носу, не обращая внимания на непогоду. Порывы ветра поднимали волны ряби на реке, гоня их вперед, прежде чем сокрушить и снова сделать плоскими.

— Я собираюсь стать кем-то, — сказала Клера, не глядя ни на одну из них.

— Ты уже кто-то, — сказала Нона.

— Я не родилась в семье Сис. Я не два-кровка с пророчествами, свисающими с моих плеч. Но я собираюсь стать кем-то. Чего бы это ни стоило.

— Ты говоришь так, будто думаешь, что мы тебе мешаем, — сказала Ара.

Клера огляделась вокруг, как будто впервые их заметила.

— Мы — новое поколение в старом мире. Это все наше, и мы можем забрать его себе. — Она снова посмотрела на воду. — Просто придется заплатить цену. Так устроен мир. Торговля и потери. Предложение, спрос, цены, которые ты должна платить. По крайней мере, так это работает для тех из нас, кто не родился с удачей, записанной в крови. Ты делаешь то, что не хочешь делать, для людей, которые тебе не нравятся, и ты продолжаешь это делать, потому что знаешь — однажды все изменится, и ты будешь тем, кто отдает приказы.

— У меня есть план. Я еще не вижу все части, и не понимаю, как они подходят друг к другу. — Она протянула руку в перчатке, как будто компоненты лежали у нее на ладони. — Они яркие, искрящиеся и сложные, но когда-нибудь я соединю их вместе, и в этот день я разрушу этот мир и создам другой.

Ара фыркнула:

— Ты репетируешь роль для пьесы, Клера? Или нанюхалась того, что осталось от запасов, которые Нона украла у Отравительницы?

Клера опустила голову:

— Я просто говорю то, что у меня на уме. То, что было у меня на уме в течение долгого времени. Поход — опасное дело, что бы ни говорили. Не все возвращаются. Так что если вам есть, что сказать, лучше всего сказать это сейчас.

Нона обнаружила, что ей нечего сказать, и они сидели в молчании.

Судно бросило якорь рядом с обледелым участком пляжа, обрывистый берег за ним поднимался к нависающему дерну и покрытым льдом кустам. Джула первой сошла с судна, прыгнув с носа на мелководе. Она казалась маленькой и одинокой фигуркой, черной на фоне гальки, ожидающей других послушниц, пока гребцы изо всех сил старались удержать судно на месте.

Следующей была Рули, за ней пролился поток ее одноклассниц. Нона последовала за Арой. Галька уступила место земле еще до того, как Нона достигла шестифутового берега. Она вскарабкалась наверх, запачкав руки в грязи. Перед ней простиралась пустынная страна, покрытая замерзшим болотом и усеянная ломкими зарослями камыша.

Таркакс появился последним, перепрыгнув с борта судна на мелководе. Он зашагал по пляжу, ухмыляясь.

— Я здесь, чтобы присматривать за этой девочкой. — Громкий голос, палец направлен прямо на Зоул. — Ты, ты и ты. — Он ткнул пальцем в группу послушниц на высоком берегу. — Я и пальцем не пошевелю для вас, всех остальных. Приказ монахини. Попадете в беду, и я буду смотреть, как вы умираете. Так что считайте, что меня здесь нет. — Он в два прыжка вскочил на берег и неторопливо пошел осматривать окрестности.

Сестра Сало обратилась к послушницам с носа судна.

— Послушницы, вам нужно добраться до Кринга в течение четырех дней. — Позади нее гребцы разворачивали корабль. — В сельской местности будет опасно. Вполне возможно, что будут и набеги дарнских рейдеров, но наши собственные люди куда хуже их. Нет ничего менее предсказуемого, чем испуганный крестьянин. Они будут настороже, подозрительны, готовыми ударить первыми и без предупреждения. Но наши люди могут стать и вашим спасением: доброта незнакомцев часто является единственным, что поддерживает нас. Если ваши группы будут слишком велики, вы вряд ли найдете кого-то, кто примет вас. Если они

будут слишком малы, вы будете уязвимы для злодеев.

Киль заскрежетал по руслу реки, и двое матросов с длинными шестами принялись поворачивать судно, ставя его носом против течения. Сестра Сало подняла руку на прощание.

— Предок пойдет с вами, девочки.

— Надеюсь, Предок принесет мешок с едой и теплую палатку. — Нона выдавила из себя улыбку, которой не чувствовала. Увидев, что Дарла изо всех сил пытается взобраться на мокрый берег, она спрыгнула вниз, чтобы помочь, но оказалась по щиколотку в замерзшем иле.

— Клянусь кровью! Ненавижу грязь.

Дарла фыркнула от смеха и одним прыжком вскарабкалась на берег.

Матросы уперли шесты в дно, капитан повернул руль, и лодка, чиркнув по гальке, поплыла вперед, в более глубокую воду. Поднятый парус наполнился лед-ветром, и через минуту Нона смогла закрыть Сестру Сало, команду, а затем и все судно одним большим пальцем вытянутой руки.

Внезапно почувствовав себя очень одинокой, несмотря на болтовню одноклассниц на берегу, Нона посмотрела вниз и увидела, что грязь начинает покрывать ее башмаки.

— Черт побери.

Пока дюжина послушниц спорила о том, на сколько групп им следует разделиться и кто из них будет в какой группе, Нона отошла в сторону и стала наблюдать за рекой. Она знала, в каком направлении им надо двигаться. На восток, по Коридору. В тепле монастыря это казалось достаточно просто.

— Ты легко найдешь дорогу — ведь ты выросла в глуши. — Алата смешала презрение с ревностью.

Нона не потрудилась объяснить, что, когда живешь в Серости на грани голодной смерти, то не проводишь дни в походах по дикой местности, а пытаешься найти себе пропитание в скудной почве. В деревне были свои охотники, которые уходили в глушь в поисках дичи, но на каждого охотника с их лес-ремеслом приходилось десять фермеров, которые знали, как поворачиваются ветра, что сажать и когда, и которые никогда не уходили дальше, чем на пять миль от хижины с земляным полом, где матери принесли их, вопящих, в этот мир.

Трудно заблудиться, когда твой путь лежит между двумя ледяными стенами высотой в милю. Но в месте, где вокруг поднимается лес, легко затеряться, ползя как паук, заблудиться на пространстве в несколько десятков акров, несмотря на все усилия идти прямо. Ширина коридора, может быть, и не превышает пятидесяти миль, но если идти по нему, все время видя только деревья и холмы, с таким же успехом он может быть шириной в десять тысяч миль. Нона вспомнила глобус в классе Сестры Правило: Абет в белом, с узким цветным поясом, таким тонким, что его можно не заметить с первого взгляда. Так много всего зависит от перспективы — от того, где ты стоишь и когда.

На уроках Пути Сестра Сквородка показывала послушницам рисунки, которые ум мог видеть двумя способами, тремя или даже четырьмя. Безмятежность, ясность и терпение похожи на такие картинки. Ничего не изменяется, кроме способа, каким ты смотришь на мир. В одну минуту ты видишь его таким, каким видел всегда, но, если ты мысленно шагнешь влево и выберешь правильную перспективу, все может перевернуться, все может найти новую интерпретацию, и в одно мгновение весь мир изменится.

Нона спросила себя, верно ли то же самое с более широкими тайнами мира. Не могла ли Настоятельница Стекло немного другим способом посмотреть на запутанную неразбериху церковной и придворной политики, на сложную паутину одолжений и обязательств, выделить какую-нибудь — на первый взгляд незначительную — взаимосвязь, и внезапно воспринять всю картину с новой ясностью? Увидеть ее как какой-то простой механизм, который, прикладывая давление здесь, давление там, можно двигать в направлении ее желаний?

Не является ли дружба чем-то вроде этого? Может ли Нона выйти за пределы тайны своих запутанных отношений с Арой и Клерой, посмотреть на них с какой-то новой точки зрения и увидеть что-то простое и понятное?

Судя за голосами за ее спиной, все решилось. Она будет с Арой, Клерой и Рули. Джула — с Алатой, Лини и Зоул, остальные — в третьей группе. Вновь возник спор о начальных маршрутах для каждой группы. Никто не хотел идти через болота. Все три группы хотели идти вверх по течению к сосновому лесу, мимо которого они проплыли, надеясь найти защищенные тропинки. Спор длился около часа, и Нона подозревала, что в хорошую погоду

они могли бы пререкаться целыми днями.

— Это выглядит плохо! — Дарла подняла руку на запад. Темная гряда облаков уже некоторое время надвигалась на них, но теперь они увидели белую стену, тянущуюся под ней.

— Лед-буря, — нахмурилась Зоул. — Нам надо идти в лес. — Она повернулась, чтобы уйти, не обращая внимания на протесты, что все они не могут пойти этим путем.

— Это выглядит еще хуже! — Нона прищурилась. Там были фигуры — примерно дюжина людей продвигались вдоль берега дальше вниз по течению; бежали впереди бури, пробирались через кусты.

— Дарн? — Ара присоединилась к Ноне на самой высокой точке берега. — Это что, копия?

— Бежим! — Джула не привыкла отдавать приказы, но этому подчинялись все. Даже Таркакс.

Через несколько мгновений весь отряд уже мчался к дальней линии деревьев. Нона смотрела только вперед, сосредоточившись на земле перед собой. Шквал застал их всех врасплох. Только что они мчались к деревьям и темным промежуткам между ними, а в следующее мгновение ветер поднял белизну вокруг них, завывающий вихрь, нагруженный острыми осколками льда. Видимость уменьшилась до расстояния вытянутой руки, рев ветра заглушал крики и вопли. Ошеломленная и ослепленная, Нона быстро потеряла всякое чувство направления. Когда перед ней замаячило дерево, она едва не врезалась прямо в него.

То, что последовало за этим, было кошмаром — бег, укрытие и падающий лед. Через сотню ярдов слепота бури сменилась слепотой леса, сосны стояли так плотно, что Нона едва могла протиснуться между ними. Сухие ветки хлестали ее, когда она пробивала себе дорогу. Ярость ветра и треск верхушек деревьев позволяли ей слышать лишь отдаленные крики. Воображение заполнило каждое темное пространство дарнищами с дикими глазами, ножами и топорами наготове.

Когда буря утихла, Нона почувствовала себя замерзшей, измученной, мокрой и одинокой. Час спустя она выбралась из леса и попыталась сориентироваться. В конце концов она нашла тропу и пошла по ней.

Нона тащилась вперед, согнувшись от ветра, ноги в мокрых и грязных башмаках онемели. Там и сям колеи от колес были полны бурой воды, гнилой лед под ней ломался, если она неправильно ставила ногу. Глаза следили за дорогой, мысли преследовали остальных. Возникли образы ее друзей, насаженных на дарнишские копьа. Она вытряхнула их из головы. Рули и Джула убегут. Клера и Ара скормят Дарну его собственное копье. С ними все будет в порядке, и лучший способ найти их — направиться к цели. Даже если они упали в лесу, она может бесцельно бродить среди деревьев целый месяц и все равно не наткнется на них.

Нона шла по тропам с самыми явными признаками недавнего движения. Она знала, что на такой дистанции вполне достаточно направиться в сторону Серости, а ее трудно пропустить, если держаться в основном на восток и немного на север. Она проверила направление на следующий город у пожилого угольщика, стоявшего у тонкой струйки дыма, пробивающейся сквозь деревья, а потом у фермера, который вел с торфяника пару десятков оборванных коз. Фермер предложил Ноне место у очага, но она не доверяла его глазам, лихорадочно блестящим над высокими скулами. Ни один из них ничего не знал о ее друзьях.

Нона все время высматривала новых рейдеров — на самом деле она высматривала кого угодно. Угольщик взмахнул черными от сажи руками и предупредил о дарнишских пиратах, мародерствующих на окраинах, убивающих стариков и забирающих молодых, чтобы продать их на плоть-рынках в Дарне. Но Нона не чувствовала себя в опасности. Рейдеры были у нее за спиной. Когда подул ледяной ветер, все крестьяне, кроме самых отчаянных, прервали свои труды и укрылись в домах, ожидая перемены погоды. Коридор никогда не был так пуст, как в те времена, когда дул лед-ветер, и хотя ветер мог нести в себе смертоносное лезвие, он, по крайней мере, позволял ясно видеть любого чужака, приближающегося со своими смертоносными лезвиями.

Когда свет померк и ветер снова одичал, Нона нашла каменную стену, за которой можно было укрыться. Она была построена как защита от ветра для овец, и, когда она появилась, несколько животных уже толпились там. Овцы смотрели на нее выпученными глазами с прямоугольными зрачками, совершенно ничего не понимая, но вскоре они пришли к соглашению: она будет игнорировать их, они будут игнорировать ее; все они собрались вместе, чтобы укрыться от шторма.

Стена была древней, возможно, старше, чем клочки леса поблизости, построенная в те годы, когда ветер дул слишком сильно, чтобы любое дерево могло поднять голову. Нона подумывала разбить лагерь в роще, которая тянулась вдоль ручья, но овцы предпочитали держаться подальше от деревьев, и она не доверяла их тесноте, медленному росту и бесконечному скрипу.

Нона сидела в сгущающейся темноте, закутавшись в пальто и одеяло, прислонившись спиной к стене, и слушала стоны ветра на склонах, пение ветра среди деревьев и резкий шепот ветра между камнями. Овцы вокруг нее переминались раздвоенными ногами, пытаясь прижаться ближе друг к другу.

Небо прояснилось. Она съела половину оставшейся еды — черствый хлеб и вареное яйцо — и заснула голодной.

Ветер говорил сквозь ее сны, иногда вырывая ее из них, только чтобы выпустить в следующий. И хотя каждый сон отличался от предыдущего, какая-то темная нить, дикая и полная ни с чем не связанной радости, пронизывала их всех, соединяя один с другим. Одна извилистая линия, разделяющая и соединяющая, идущая непрерывно, как струящиеся буквы с пера Сестры Чайник; она выписывала слово за словом, пока слова не превратились в реку, а река — в историю, а история — в ее жизнь.

Сон исчез, настолько, что она с трудом могла быть уверена, что это вообще был сон, но нить осталась, нить была Путем, и Путь привела ее к этому моменту. Нона открыла глаза. В восточном небе виднелся едва заметный намек на сияние. Она проспала фокус луны, несмотря на шевеление и хрюканье овец, ветер и мокрый снег. Где-то в ночи ясный звук прорвался сквозь голос ветра. Металл о металл. Нона медленно опустилась на колени и заглянула в щель между двумя камнями на вершине стены. Слева от нее хребет казался черным пятном на фоне самого темного серого неба. Справа от нее поле спускалось к тонкому ручью и редкой рощице.

У линии деревьев ее внимание привлекла сложная тень. Она смотрела, прищурив глаза. Ничего нет лучше ночного темного леса, чтобы взять вашу фантазию и придать ей форму. Никого. Только черные силуэты и тишина. Тем не менее, одна за другой овцы покидали укрытие стены и бежали вдоль склона к гребню.

Нона не последовала за ними. У нее не было причин выходить из укрытия, не было

причин предлагать движение любому врагу, который мог там скрываться.

Свет зари распространялся с мучительной медлительностью, он коснулся одного предмета, сделал его из черного серым, коснулся другого, сделал две ветви из одной угрожающей руки и наполовину упавший ствол из молчаливого и бдительного монстра. Когда солнце осветило гребень, оно принесло с собой намек на зелень, покрытую тонким и пятнистым льдом. И все же, хотя свет приближался с каждой минутой, он не мог придать смысл темной путанице там, где первые деревья выходили из поля.

Нона втянула резкий и холодный воздух сквозь зубы. Эта складка была коленом мужчины, следующая — рукой, изгиб — щитом. Возможно, с полдюжины из них лежали, растянувшись в смерти, запутавшись в подлеске, одна рука была поднята среди колючих колец шиповника.

Что же делать? Двигаться дальше, ничего не узнав? Исследовать и обменять риск на знание? Нона окинула взглядом гряду холмов, потом снова уставилась в непроницаемый мрак между деревьями. Кто угодно мог наблюдать... но зачем?

Она призвала ясность. Мысленно она начала жонглировать, направляя свои руки к этой задаче, направляя каждый шар по необходимой дуге. Сначала три мяча, узор, которому, как она видела, Амондо пытался обучить деревенских детей, затем четыре, узор, который он использовал, когда дразнил публику, привлекая ее к своему представлению. Затем пять, с которыми жонглер блистал, и шесть, с которыми он боролся, потея и волнуясь — они увенчивали его представление. К девяти мир вокруг нее был заключен в кристалл, не став более контрастным — тени не стали светлее, детали не увеличились; тот же самый мир, но другой. Она стояла, и все вокруг кричало о своем значении, каждая часть головоломки раскрывала свои секреты. Она шла в свирепой ясности, которая жгла глаза. Ничего не изменилось, но все изменилось, и в мире больше не было места, где можно было бы спрятаться от Ноны Грей.

На земле лежали пять мертвых мужчин, все воины: рейдеры, судя по их одежде и пятнам соли, все еще остававшимся на их плащах. Нона медленно подходила, и тайна леса раскрывалась перед ней.

Нападавший убил их метательными кинжалами и тонким мечом. Точные удары, никакого безумия, никакого милосердия. Бойня началась среди деревьев и закончилась на краю леса. Нона подошла ближе, достаточно близко, чтобы ощутить вонь мертвых тел и крови, не смытый запах путешествия и зловоние испражнений, который дает честную и унижительную правду о внезапной смерти на острие меча. Светлые окаймленные льдом волосы рассыпались, покрывая голубые глаза. Мечи и топоры лежали без присмотра, некоторые ладони были открыты и побелели, другие, темные от крови, сжаты в последнее мгновение агонии. Никакое дыхание не затуманивало их.

Нона подцепила носком башмака петлю рюкзака и подтянула его поближе. Она вынула сушеное мясо и сухари, завернутые в промасленную ткань, и добавила их к крошкам своих припасов. Все еще голодная, она потянулась за другим пакетом — и застыла. Из глубин ее ясности поднялся один-единственный факт и схватил ее за горло. Где-то рядом билось еще одно человеческое сердце. Нона не могла сказать, из каких свидетельств был собран этот факт. Она знала только, что это правда. Она стояла, наблюдая за тишиной деревьев и затененных пространств между ними.

Рейдеры двигались по краю рощи, там, где она тянулась вдоль ручья. На них напали, когда они собирались уходить, целясь в овца-стену, где спала Нона. Через десять ярдов после

первого всплеска крови налетчиков Нона оставила их след, начертанный на пятнистом льду и полузамерзшей грязи, и углубилась глубже в лес. Она продиралась сквозь заросли ежевики, прокладывая себе путь среди острых и ломких ветвей низкорослых кустов ардны, густо росших между вязами. Для ее собственных ушей она звучала как армия в движении. Каждый инстинкт подсказывал ей уйти, продолжить свой путь, достичь цели и оставить эту тайну другим. Но зачем кому-то подстергать ее в холодном лесу, когда можно было застать спящей?

Сначала Нона увидела кровь на листьях, потом кровь на стволе одного дерева, размазанные пятна на другом. Потом башмак. Потом ногу. Потом, обойдя ствол огромного мороз-дуба, она увидела тело, сидящее, прислонившись к стволу, опустив голову и спрятав лицо под капюшоном монастырского поход-плаща.

Она остановилась, внезапно испугавшись, ее сердце не желало биться. Мгновение спустя то, что она приняла за шестой труп за утро, откинуло голову назад.

— П-привет... Нона. — Сестра Чайник смотрела на нее, темные глаза на бледном лице, вокруг рта шокирующе алая кровь; улыбка, которая всегда была там, исчезла.

— Чайник! — Нона бросилась к упавшей монахини и присела на корточки. — Что... — Белая рука, сжимавшая рукоять ножа, украла ее слова. Клинок торчал из бока Чайник, плащ под ним блестел от крови. Навершие, железный шар, вот и все, что виднелось от ножа, остальное потерялось в ее сжатой ладони.

— Маленькая Нона, — Сестра Чайник снова улыбнулась своей прежней улыбкой. — Ты нашла меня. — Она закашлялась, брызгая алым, ее губы были очень красными. — О. Мне не следовало этого делать. — Гримаса. — Больно.

Нона обнаружила, что ее глаза затуманились, одна рука лежит на плече Чайник, другая — в волосах.

— С тобой все будет в порядке. С тобой все будет в порядке.

— Тебе нужно бежать, маленькая Нона. — Чайник обвела взглядом деревья, не двигая головой.

— Нет, — покачала головой Нона. — Ты убила их. Они все мертвы. Я проверила.

— Это была не я. — Чайник облизнула губы. — У тебя есть вода?

Нона наклонилась и начала вытаскивать свою фляжку.

— Э-это... не я. — Она улыбнулась. — Обычная случайность. Я бы не смогла помешать им найти тебя. Часть... похода. Т-трудный момент, но сейчас... трудные времена, Нона.

— Кто же тогда это сделал? — Нона огляделась вокруг, держа фляжку у рта Чайник. Ясность покинула ее в одно мгновение, смытая испытанным ей потрясением, которое испытала Нона, когда Чайник подняла голову.

— Ной-гуин. Вот почему меня послали следовать за тобой.

— Почему? — Это слово стояло перед слишком многими вопросами, и Нона не могла выбрать, какой из них задать.

— Хочет тебя для себя. Гордая, эта ной-гуин. Два года назад от нее сбежала маленькая девочка. Не собирается оставить это без внимания, какие бы обещания ни давал императору Туран Таксис.

— А где она сейчас? — Взгляд Ноны вернулся к ножу в боку Чайник. У нее был его близнец, которого она вытащила из своей кровати...

— Б-больно. — Чайник показала зубы, красные от крови. — Я хорошо ее уделала. Но... она убежала. — Она поморщилась. — Тебе тоже надо бежать. Она может вернуться. Вместе

с другими.

— Я никуда не уйду. — Нона поискала причину. — С тобой я в бóльшей безопасности.

— Нет. Они не знают, куда ты идешь. Они выследили нас из монастыря или знали, что мы высаживаем послушниц вдоль Треск. Но цель всегда разная. Заметай следы и двигайся на север, потом к Крингу. Ты должна быть в состоянии догнать Ару. Она в безопасности, Сестра Яблоко следует за ней. Нужно нечто большее, чем буря, чтобы избавиться от Яблока.

— Яблоко! Мы все под охраной? — Нона нахмурилась. Даже сейчас, когда с деревьев капала кровь, это казалось неправильным. Что-то вроде жульничества.

— Маленькая Нона... — Чайник ухмыльнулась, словно прочитав ее мысли. — Не все. Только ты из-за ассасинов. И Ара... из-за ее... отца. И Избранная.

— И Избранная? — Нона нахмурилась.

— Хех. — Чайник сплюнула кровь. — Ябби меня убьет. Но... — она пожала плечами, поморщилась и посмотрела на нож, — ей придется поторопиться.

— Что ты имеешь в виду?

— Арабелла не Избранная. Как и ты. — Чайник положила ладонь на руку Ноны лежавшую у нее на плече. На ощупь ладонь была как лед. — Вы обе... щиты, если хотите. Это Зоул. Она настоящая проверенная четыре-кровка. — По щеке Чайник скатилась слеза. — Вышла из легенды. Она пришла, чтобы спасти нас, Нона. Я это знаю.

— Зоул? — Нона моргнула, гадая, не бредит ли Чайник.

— Именно это и убедило настоятельницу в честности Шерзал, — сказала Чайник. — Она отдала Зоул на попечение церкви.

— С Йишт, чтобы охранять ее...

— У Йишт отличная репутация благодаря своим навыкам.

— И теперь у Зоул есть только Таркакс...

— Репутация Лед-Копья еще выше. — Чайник резко вздохнула. — И никто не знает, что Зоул — Избранная. Если кто-то и охотится на Избранную, то он будет преследовать Ару.

Чайник замолчала на долгое мгновение, достаточно долгое, чтобы Нону начали осаждать вопросы: чем она может помочь? Сможет ли она тащить Чайник, если сделает волокушу из веток... у рейдеров была веревка...

— Ты должна идти, — нарушила молчание Чайник. — Беги. Найди Ару.

— Я никуда не уйду. — Нона присела на корточки, скрестив руки на груди.

— Это не просьба. — Еще один вздох вырвался сквозь стиснутые зубы. — В отсутствие настоятельницы или старшей сестры я... представляю власть монастыря.

— Я все равно не уйду.

— Это прямой приказ. — Чайник нахмурила лоб. — Именем Предка.

Нона пожала плечами:

— Я никогда особо не верила в дело Предка. Лично я предпочитаю Церковь Надежды. Или, может быть, туннельных богов.

— Нона! — Чайник попыталась сесть и, задыхаясь, упала обратно. — Это серьезно. Ты *должна* идти. Ной-гуин позовет других.

Нона снова пожала плечами:

— Я убью их, если они придут. — Она помолчала, обдумывая слова Чайник. — А как твоя раненая ассасин могла бы позвать на помощь?

— Они — тень-работники. Она могла бы обратиться к другому, если у них есть связь.

— Насколько далеко?

— Зависит от связи. Миля? Десять? Большинство тень-работников могут послать простой зов о помощи на приличное расстояние.

— Так позови ее.

— Кого?

Нона, прищурившись, уставилась на Чайник.

— Сестру Яблоко.

— Но Арабелла...

— Ной-гуин хочет меня, а не ее. И они выследят меня отсюда, если я побегу. Поэтому нам нужен кто-то здесь, чтобы остановить это. И если Ара нуждается в защите — ну, я же щит, верно? Я выдержала испытание. А ты — нет.

— Но...

— Позови ее! — прокричала Нона.

— Я не хочу, чтобы она видела, как я умираю! — крикнула в ответ Чайник.

Нона ошеломленно откинулась назад.

— Ты... ты не умрешь. — Слова вырвались с трудом из пересохшего горла. — Это всего лишь маленький нож.

— На нем был яд, Нона. Он гложет меня изнутри. Я чувствую его всем своим существом.

— Подожди! — Нона стала рыться в своей рясе неуклюжими от горя пальцами. — У меня есть черное лекарство! — Она вытащила пузырек.

— Маленькая Нона. — К Чайник вернулась старая улыбка. — Где во всем мире...

— Я его сделала. — Нона отвернула колпачок. — Ты должен это выпить!

Чайник слабо усмехнулась:

— Я бы лучше выпила воды из канавы. Ты должна его выбросить. Это опасная штука, даже если ее делают не послушницы.

— Но...

— Я Сестра Благоразумия, Нона. Я уже приняла черное лекарство. Я приняла его, когда впервые увидела ее. Вот почему я до сих пор жива. Но этого недостаточно.

— Сестра Яблоко должна знать. Она могла бы что-нибудь сделать. Она — Отравительница! Она могла бы...

— Ее все еще так называют? — Призрак улыбки, слабый.

— Позови ее!

— Нет.

— Позови ее, или, клянусь Предком, я выслежу и убью эту ной-гуин. А потом я пойду в Тетрагод и начну убивать остальных, пока их не останется совсем.

— Нона!

Нона пожала плечами.

— Я уйду. Я видела ее кровавый след. Она отправилась на запад, в сторону реки. — Она встала.

— Я верю, что ты говоришь серьезно. — Чайник выглядела удивленной, хотя Нона не видела причины для этого.

— Клянусь, я сделаю, что сказала. — Нона отскочила в сторону и побежала по тропинке, которую проломила в подлеске.

— Нона!

Нона обернулась. Вокруг Чайник сгустились тени, темный туман струился по ветру.

— Ты можешь с ней связаться?

Чайник сидела, откинув голову на кору, лицо ее было бледно, как смерть, из уголка глаза вытекла слеза.

— Я всегда могу с ней связаться. Тысяча миль не имеет значения. — Она неуверенно подняла руку, и под ней простерлась тень, чернее ночи, уходящая в бесконечность, как будто солнце садилось за ее спиной. — Готово. Она знает, что я нуждаюсь в ней. Она знает направление.

— Ты клянешься в этом?

— Клянусь.

— Клянешься Предком?

— Клянусь Предком. — Слабое эхо ухмылки. — И Надеждой, и Пропавшими богами, эхо которых отдается в туннелях, и богами, слишком маленькими для имен, которые танцуют в лютиках и падают вместе с дождем. Теперь идти. Ради любви ко всему, что свято, уходи. Ты меня утомляешь, Нона. И я должна сосредоточиться на том, чтобы быть живой. Если она придет сюда и обнаружит, что я мертва, это разобьет ей сердце. — Она сделала неглубокий вдох. — Они обе в том направлении. Если ты пойдешь туда, пока не найдешь какую-нибудь тропу, есть хороший шанс, что ты найдешь на ней Ару и остальных. Попробуй путешествовать с Арой и Зоул. Таркакс может защитить тебя, если ной-гуин выследит тебя отсюда. — Еще один неглубокий вдох, вырвавшийся из-за боли. — Иди! Сейчас же!

Нона шагнула вперед. Она поставила фляжку на колени Чайник и поцеловала ее ледяной лоб. Потом побежала.

Клера нашла Нону раньше, чем та нашла Ару. Ближе к вечеру она спешила по лесной тропинке, преследуемая темным шквалом.

— Нона! Постой!

Нона с облегчением повернулась, чувствуя, как пот на лбу начинает замерзать, когда она встала лицом к ветру.

— Ты бежишь, как лошадь на скачках! — Клера, пыхтя, остановилась. — Мое оправдание — я пыталась тебя догнать. А твое?

— То же самое, — усмехнулась Нона. — Остальные в безопасности? Я вообразила себе ужасные вещи.

— Не знаю. Ты первая, кого я вижу. — Клера наклонилась, уперев руки в бедра и переводя дыхание. — Какое-то время назад я заблудилась, так что совершенно уверена, что все впереди нас... Предок, пусти мне кровь! Где, черт возьми, ты это раздобыла? — Она выпрямилась, глядя на обнаженный клинок в руке Ноны, короткий меч из дарнишской вороненой стали, длиной с локоть.

— Взяла у рейдера. — Нона нахмурилась. — Как ты думаешь, остальные в безопасности?

Клера тяжело выдохнула.

— Не знаю. Но нам нужно найти Ару и всех остальных... Рейдера? Одного из тех, кто гнались за нами? — Она оглянулась на тропу и стала медленнее всматриваться в деревья. — Они захотят вернуть этот меч...

— Нет, — ответила Нона. — Не захотят. Пошли. — Она побежала трусцой.

— Подожди! — Клера поторопилась догнать Нону. — Они охотятся за тобой?

— Кто-то, может быть. И нам нужно найти остальных.

— Кто-то? — Подозрение пересекло лицо Клеры. Она явно нервничала. — Я тебя не понимаю...

— Побереги дыхание для бега. — Ветер начал усиливаться, Нона продолжала бежать.

Шквал настиг их прежде, чем они успели преодолеть пятьдесят ярдов. Он бешено стегал винт-сосны, завывал между стволами, хватал сосульки длиной в меч Ноны и швырял их через тропу.

— Ты... ты убила человека, у которого был этот меч... да? — Клера, хунска-стремительная, нырнула под сломанную длинную сосульку.

— Их больше нет в живых.

Ветер унес ответ Клеры, и в течение следующих десяти минут они бежали в водовороте льда, ветра и летящих ветвей, уклонялись от всего, чего могли, и, полагаясь на толщину своих пальто и капюшонов, принимавших на себя тяжесть любых ударов, которых не удавалось избежать.

Час спустя они пробирались по проселку между осажденными льдом картофельными полями, шагая по хрустящим замерзшим лужам. Живая изгородь была усеяна кустами хор-яблок, темно-красные плоды блестели от инея.

— Где же она? Типичная Ара. Она заставит меня бежать до самого Кринга. — Клера снова поравнялась с Ноной.

— Ты очень хочешь найти Ару, — сказала Нона, глядя на подругу. — Я не думала, что

она тебе нравится.

— Да, нравится. — Клера перевела дыхание. — И ты должна выбросить этот меч. Он только мешает, и ты вряд ли сумеешь им воспользоваться. Мы еще не прошли нож-работу!

— Я должна выбросить этот меч? — Нона замедлила шаг.

— Он, должно быть, весит целую тонну.

Нона остановилась. Она держала меч между ними.

— Я должна его выбросить? — Она встретилась с темным взглядом Клера. — Он мне не нужен?

Клера отвела взгляд, устремив его на дорогу впереди.

— ...Нона...

Нона дала мечу упасть. Тот упал острием вперед и застрял в земле между ними.

— Тогда пошли. — И она побежала дальше.

— Эй! Послушницы! — Крик позади них.

Нона и Клера остановились и обернулись. Через мгновение Нона уже держала Ару в руках. Наследница Йотсисов с горящими глазами и покрасневшим от ветра лицом, улыбаясь, обняла ее в ответ.

— Кто ты такая и где спрятала Нону? — Ара сжала ее и отступила назад. — С каких это пор ты обнимаешься?

— Я — твой Щит. Ты должна крепко держать свой Щит. — Нона оглядела холодный лагерь Ары. Только бурелом и ствол, на котором можно посидеть. — Теперь мы должны найти Зоул.

— За каким чертом? — Клера внезапно рассвирепела.

— Зоул? — Улыбка Ары погасла. — За нее отвечает Таркакс. Нам нужно найти Джулу и Рули!

— Зоул, — подтвердила Нона. — Потому что Сестра Яблоко больше не присматривает за тобой, а нам нужен Таркакс на случай, если кто-нибудь попытается тебя убить. Кроме того, местность кишит дарнишскими рейдерами. Я видела еще одну группу в двух милях отсюда. И это уже третья, которую я видела.

— Во-первых, Сестра Яблоко за мной не присматривала! — Ара огляделась, как будто Отравительница могла стоять за деревом. — Или?

— Опять рейдеры? Я ничего такого не видела! — Клера обернулась и посмотрела на дорогу.

— Нам нужно двигаться! — Нона направилась обратно к тропе.

— Нона! — закричали они обе.

Нона остановилась и повернулась к ним.

— Сестра Яблоко шла за тобой тенью. Она — старшая Сестра Благоразумия; вряд ли ты в состоянии увидеть ее. И да, Клера, *еще* рейдеры. Они не увидели нас во время шквала, или увидели и не заинтересовались. Но, может быть, в следующий раз. — Она снова двинулась в путь. — Пошли, — бросила она через плечо.

Ара захотела узнать, откуда Ноне известно о присутствии или отсутствии Сестры Яблоко, учитывая невозможность обнаружить Серую Сестру, которая не хочет, чтобы ее видели. Поэтому, пока они спешили по дороге, Нона рассказала им всю историю, за исключением той части, где говорилось, что Зоул — легенда-четыре-кровка, исполняющая пророчества. Ей самой эта часть не слишком нравилась. Не то, чтобы она хотела стать любимицей Сестры Колесо или что-то в этом роде... просто это не имело смысла. Отдав

Зоул на попечение церкви, Шерзал заставила Настоятельницу Стекло поверить в ее добрые намерения. Это был драгоценный дар: он снимал всякое подозрение, что сестра императора хотела украсть Ару или Нону, чтобы управлять Аргатой или пророчеством. Вместо этого она отдала Настоятельнице Стекло Аргату и передала ей контроль над пророчеством, каким бы фальшивым оно ни было.

И все же... Нона знала, что намерениям Шерзалнельзя доверять. Она *пыталась* похитить Ару. И она отправила Йишт в монастырь, чтобы украсть корабль-сердце... Не была ли Зоул ценой, которую Шерзал согласилась заплатить за возможность украсть его?

Наконец Нона выложила им все, и Ара, казалось, удовлетворилась.

— Итак... если ты провела все утро, охотясь в лесу и помогая сестре Чайник... это объясняет, почему тебе пришлось так быстро бежать, чтобы догнать меня. — Ара перевела дыхание и продолжила. — Но ты же сказала, что Клера бежала, чтобы догнать тебя... так почему же она тоже так сильно отстала? Сестра Сало сказала, чтобы все шли медленно и размеренно, так что с тех пор, как я выбралась из хаоса на реке, я только так и иду.

Они обе повернулись, чтобы посмотреть на Клера, которая бежала рядом с ними, с красным лицом, держась за бок. Под их пристальными взглядами она споткнулась и остановилась.

— Мне нужно отдохнуть. Я не могу бежать всю дорогу до Кринга. Осталось еще добрых шестьдесят миль!

— Почему ты так сильно отстала от Ары? — спросила Нона.

— Заблудилась, я уже сказала. Понятно? — Клера нахмурилась, раздраженная. — Я — городская девочка. Может, тебя и вырастили волки, а у Арабеллы были поместья, где можно было охотиться, но я знаю улицы, рынки и дома, и если я вижу три дерева вместе, то понимаю, что пошла не туда.

Укрытие на вторую ночь пришло в виде свинарника среди множества сараев, которые, по мнению Ноны, придавали деревне процветающий вид. Их первым приветствием были два острия вил и спешное собрание свирепых крестьян, вооруженных топорами и мотыгами. Благодаря гладкой дипломатии Ары, первое предложение о жестоком убийстве было отклонено, чтобы освободить место второму — дать им место в незанятом хлеву на свежей соломе и угрожать насилием, если они попытаются сделать «что-нибудь смешное». Клера, порыбачив в рясе в уединении их нового жилища, поймала горсть серебра, из которого выудила медяк и пошла, чтобы купить квадратную буханку черного хлеба и обертку прогорклого масла.

— Откуда у тебя столько денег? — спросила Нона, жуя свою порцию хлеба.

— Я же говорила тебе, что судьба моего отца изменилась. — Челюсть Клеры выпятилась, когда она принялась перемалывать хлеб. Казалось, что использовалось больше песка, чем муки. Золотой соверен пробежал по костяшкам пальцев: — Церковь учит вере, но со временем ты узнаешь, что именно деньги двигают горы. Церковь проповедует вероучение Предка, но золото говорит. Все, что мы делаем, все эти дела с императорами и храмами, все войны, союзы, убийства, больницы... все это плавает на деньгах. Финансы — вот потоки, которые двигают эти вещи и заставляют их танцевать. Политика, религия, любовь, вера, даже ненависть — это только то, что говорят люди. *Это...* — она поднесла монету к глазам, зажав между большим и указательным пальцами. — Это то, что они хотят на самом деле.

— Очень поверхностный взгляд на мир, Клера. — Ара наблюдала за ними из угла, сгорбившись в своем покрытом льдом пальто.

— Говорит девочка, вся жизнь которой была построена на золоте.

— Есть вещи, которые нельзя купить или продать, — сказала Нона.

Клера покачала головой:

— Некоторые скажут, что все имеет свою цену, и часто она удивительно мала. Другие

— если вещь нельзя купить, то она вообще ничего не стоит.

— А как насчет дружбы? — спросила Нона.

— А... — Клера легла на пол, устраиваясь поудобнее и собираясь спать. — Здесь нужно быть осторожным.

Ара сумела узнать, что не так давно несколько послушниц прошли через деревню, но сколько именно и сколько часов назад — определить было трудно. Хотя Нона сомневалась, что за ними идет кто-то еще. Разве только их схватил Дарн.

Послушницы по очереди дежурили всю ночь. Нона часами смотрела в темноту, спрашивая себя, жива ли еще Сестра Чайник и каким ужасным пыткам могла бы подвергнуть нападавших Сестра Яблоко, если нет. Она также удивлялась рейдерам, лежавшим под неестественными углами там, где их оставила ной-гуин. Все молодые мужчины, бледные, с короткими светлыми бородками и голубыми, как васильки, глазами. Интересно, что заставило их пересечь море? Они выглядели слишком сытыми, слишком хорошо экипированными, чтобы забраться так далеко терроризировать крестьян в их лачугах. Разве человек с хорошим железным мечом пересечет океан, чтобы украсть полуголодную козу?

Она смотрела в темноту и рисовала на ней рейдеров, вдыхая жизнь в их бледные конечности. Пойдут ли они еще дальше вглубь суши или отступят сейчас, опасаясь быть отрезанными, когда придут новые армии императора?

Ночью рейдеры не появлялись. А если и появлялись, то ушли дальше, надеясь на более богатую добычу, чем обещала кучка лачуг. Три девочки встали, когда небо побледнело, и направились к неглубокой долине, которая тянулась на восток и север к далеким горам, над которыми скоро взойдет солнце.

— Она сказала, что это единственный путь. Во всяком случае, это единственный легкий путь, и если мы хотим догнать остальных, нам нужен самый быстрый путь. — Клера взяла инициативу на себя. Старуха, добывшая из нее медяк за вчерашний хлеб, снабдила ее также направлением к Разрезу Эймона, который, по ее словам, был единственным безопасным проходом через горы, носившие красочное название Хребет Дьявола.

Нона могла сказать что, судя по рельефу местности, какая-то ледяная река вторглась сюда, как когда-то в Серость, но совсем недавно, всего лишь столетие или два назад, отступила, оставив скалы обнаженными от почвы; яростные кряжи стояли там, где бежали жилы более твердого камня. Хребет был как одна жила упрямого гранита, оставшейся там, где медленные, неумолимые потоки льда прорезали более мягкий камень. Он гордо возвышался, возможно, на тысячу ярдов над своим окружением, почти вертикально, и был заточен до остроты бритвы, протянувшейся на север и на юг больше, чем на дюжину миль.

Послушницы слышали о Хребте Дьявола. Ара даже видела его раньше, когда была маленьким ребенком — любопытство во время поездки, имевшей с целью посетить тот или иной отдаленный плод древа ее родословной. Но только когда они подошли поближе, подгоняемые лед-ветром, они по-настоящему оценили важность легкого прохода с одной стороны на другую.

— Мы пройдем через Разрез Эймона и поднажмем. Мы догоним остальных или нет. Если нет, мы можем встретиться с ними около Кринга, — сказала Клера. — Если не считать

отсутствия Рули, мы все равно собирались идти этой группой.

Пересечение каменных пустошей заняло больше времени, чем предполагалось. По камню тянулись трещины длиной в несколько миль и шириной в несколько ярдов. В других местах камень был испещрен впадинами с острыми краями, некоторые из которых были заполнены темной водой, некоторые пусты, некоторые достаточно глубоки, чтобы утонуть, а некоторые достаточно малы, чтобы поймать ногу и сломать неосторожную лодыжку.

После полудня они заметили Разрез. И только к вечеру дошли до подъема к нему. Трое послушниц пробирались по лабиринту каменистых оврагов, которые в беспорядке змеились по расколотовой скале вверх к Разрезу, все еще находившемуся почти в полумиле от них. Ветер, не дававший им покоя с тех пор, как они покинули Скалу Веры, ослабел, словно испугавшись Хребта Дьявола, и стал порывистым.

— Он меняется, — сказала Ара.

— Завтра мы можем обнаружить, что ветер Коридора донесет нас до самого Кринга, — сказала Клера.

Нона очень на это надеялась. Ее отец охотился на льду большую часть своей жизни, в то время как она провела большую часть своей жизни, прячась за любыми стенами, которые могла найти, когда дул лед-ветер. Три дня, проведенные под его дыханием, только усилили уважение, которое она испытывала к нему. И добавило новую грань к беспокойству по поводу Йишт. Неужели женщина, выросшая в таком месте, действительно позволит своим амбициям быть расстроеными детьми или забудет то унижение, которое они на нее обрушили?

Разрыв в облаках посеял солнечный свет на гребень скалы. Нона остановилась как вкопанная. Как есть сила во многих чистых голосах, звенящих в унисон, так она живет в тени облаков и в свете, движущемся по ландшафтам, которых ты видишь в мгновения затишья.

— Он *меняется*, — опять начала Клера. — Не успеем оглянуться, как окажемся дома, в тепле и безопасности. Я собираюсь купить все на Колонном рынке. — В ее болтовне чувствовалась нервозность. Она казалась рассеянной и оглядывалась по сторонам.

— Мы должны... — Нона прикусила язык, глядя на камешек, который только что пролетел мимо нее. Она медленно повернулась, готовясь к прыжку. Ара и Клера, шедшие впереди, тоже остановились. Таркакс стоял у входа в небольшую пещеру в глубине оврага. Они прошли всего в десяти ярдах вниз, не заметив его. Он поманил их к себе, требовательным жестом, приложив палец к губам. Позади него, в тени, виднелась фигура поменьше, в поход-пальто.

— Пошли! — Нона направилась к воину.

— Нет! — крикнула ей вслед Клера. — Нам нужно поторопиться — ему нельзя доверять.

Нона оглянулась. Клера не шелохнулась. Ара, спотыкаясь, остановилась на полпути между ними.

— Вот почему мы здесь! — сказала Нона. — Мы пришли, чтобы найти Таркакса. Об этом мне сказала Сестра Чайник. Теперь он охраняет Ару, поскольку Сестра Яблоко ушла. Самое главное — доверять ему.

— Ну, а я не доверяю. — Клера протянула руку к Разрезу Эймона. — Нам надо идти именно туда. Это — путь к нашей цели. Сестра Сало ждет нас там. Теперь, когда она знает, как серьезно обстоят дела с дарнищами, с ней будет половина Красных Сестер монастыря.

— Я пообещала Чайник, что мы найдем Таркакса. — Нона нахмурилась.

— Ну вот, мы его и нашли. А теперь пошли, — сказала Клера. — Вспомни, кто он такой. Я видела его в Калтессе, он разговаривал с Йишт. Если бы мы не посадили ее в бочку, сейчас бы в этой пещере стояла она. И тогда именно ее тебе велела бы найти Сестра Чайник, чтобы присматривать за Арой. Ты доверяла Йишт?

Нона ничего не ответила, только оглянулась на Таркакса, который теперь сидел на корточках в тени входа в пещеру.

— Пошли отсюда! — Клера двинулась назад по оврагу к Разрезу.

— Нет! Клера! — Нона обещала Чайник. Она поклялась умирающей женщине. Своему другу. — Пошли. — Она махнула, чтобы Ара пошла за ней и поспешила вверх по крутому склону к воину лед-племен.

— Нона... — Ара последовала за ней, но медленнее, запинаясь. — А как же Клера?

— Она пойдет за нами, — сказала Нона, не уверенная, хочет ли она, чтобы это было правдой.

Нона добралась до пещеры первой. Таркакс по-прежнему сидел на корточках, но его глаза смотрели не на нее — они не отрывались от гребней и оврагов. Нона прошла мимо него, с удивлением увидев, что во мраке находятся четыре послушницы. Ее глаза еще не привыкли к темноте, но одна из них была так велика, что могла быть только Дарлой. Не обращая на них внимания, Нона обернулась и увидела Ару, которая прошла мимо Таркакса, за ней бежала разъяренная Клера, готовая кого-нибудь ударить.

— Нона! — Джула и Рули подбежали к ней с двух сторон.

— Рада, что дарнишцы не порубили тебя на кусочки, малявка. — Дарла откинула капюшон. У нее был подбитый глаз и окровавленный нос. Нона спросила себя, как выглядит человек, это сделавший.

Зоул посмотрела в ее сторону, но ничего не сказала, оставшись рядом с Таркаксом.

— Почему вы здесь? — спросила Нону всю пещеру.

— У Разреза ждут солдаты. — Таркакс даже не повернул головы. — Дюжина, возможно. Сидят в засаде, так что трудно сказать наверняка.

— Рейдеры! — сказала Ара. — Так далеко вглубь суши?

— Солдаты, — поправил ее Таркакс. — Не люди из Дарна.

— А в чем проблема с солдатами? — Клера осталась у входа в пещеру, не дойдя до Таркакса. — Императорский генерал, вероятно, послал их удерживать перевал на случай, если сюда придет отряд дарнишцев.

— Спрячься внутри, девочка. — Таркакс махнул рукой Клере, чтобы та шла за ним. — И они не люди императора. Никакой формы. Я убил двоих в оврагах. Один умер медленнее другого. Сказал, что он — человек Таксиса.

— Туран Таксис... — Рули схватила Нону за руку. — Но он сказал, что оставит Нону в покое. Он поклялся в этом императору!

— Но он не клялся, что не придет за Арой, — сказала Клера.

Таркакс попятился от входа.

— Некоторые люди готовы поклясться кому угодно, лишь бы получить желаемое. Я бы не слишком доверял словам Таксиса. — Он вытащил свой тулар, плоский клинок зашипел, выходя из ножен, как у Йишт в туннелях. — Они уже идут. Должно быть, они послали еще разведчиков и засекли вас.

— Мы не можем оставаться здесь! — Ара направилась к выходу. — Нам нужно бежать.

Таркакс опустил свой меч, преградив ей дорогу.

— Нас поймают и убьют на открытом месте. Здесь они могут напасть на нас только с одной стороны.

— Их там двенадцать! — крикнула Дарла из глубины пещеры.

Таркакс покачал головой и пожал плечами:

— На правильной земле я могу взять их всех.

— Эй вы, в пещере!

Прошел почти час, прежде чем раздался крик. Возможно, люди Таксиса рассредоточились, чтобы окружить и поймать добычу, от которой они ожидали бегства. Нона видела, как несколько часов тянулись медленнее — словно она цеплялась за каждый удар сердца с боевой скоростью хунска. Таркакс вернул меч в ножны и сказал им, что Сестра Сало приведет Красных Сестер на поиски через два дня. Он также сказал, что все они будут мертвы или отправятся в путь еще до захода солнца, так что все, что может сделать Сестра Сало, не имеет никакого значения.

— Нона? — Ара наклонилась вперед, ее лицо было в тени. — С тобой все в порядке? Твои глаза... они какие-то странные.

— Нам есть о чем беспокоиться, кроме моих глаз. — Нона посмотрела в сторону яркого света, сиявшего за каменным входом.

Крик раздался снова:

— Эй вы, в пещере!

— Только мой голос. — Таркакс приложил палец к губам и попятился к кучке послушниц, встав между Зоул и Арой. — Они не должны знать, кто или сколько стоит рядом со мной. — Он сложил ладони рупором и крикнул: — Эй вы, снаружи!

— Нам нужна девчонка! Пришли ее, и мы уйдем.

— Я встретил двоих из вас в овраге на востоке, — крикнул в ответ Таркакс. — Они присоединились к Предку. Я — Таркакс, Лед-Копье. Если вам нужна девчонка, придите и заберите ее. — Он оглянулся через плечо. — Если нам повезет, они потеряют час на поиски своих мертвецов.

— Зачем им это? — спросила Ара.

— От мертвецов можно многое узнать, — сказал Таркакс. — Были ли они застрелены стрелой, взяты сзади, задушены, убиты в одном и том же месте или порознь, одним человеком или несколькими, истекали ли нападавшие кровью, когда уходили? — Он пожал плечами. — Осторожный человек хотел бы все это знать. Эти солдаты — они знают мое имя. Теперь они захотят узнать, действительно ли человек, говоривший с ним, Таркакс. Возможно, они подождут, пока не смогут привести больше войск. Чем больше времени они проведут на открытом воздухе, тем холоднее станет, тем лучше для нас.

— Ты ведь не можешь убить двенадцать человек, правда? — спросила Ара.

Воин выпятил грудь.

— Я Таркакс... — он поморщился и начал поворачиваться.

— Ой! — Лицо Ары сморщилось от внезапной боли, и она тоже начала поворачиваться.

Нона уже развернулась, когда почувствовала резкий укол в шею сбоку. Обернувшись, Нона увидела, что Клера сцепилась с Зоул, обе они извивались, наносили и блокировали удары со скоростью, на которую мог надеяться только полно-кровка хунска. Они упали вместе, Клера под девочкой из лед-племени.

— Уберите от нее Зоул! — Ара нырнула, попытавшись схватив запястье, но

промахнулась.

Таркакс стоял неподвижно в течении того, что, на скорости боя, показалось целой вечностью, достаточно долго, чтобы Ара, наконец, поймала руку Зоул и повисла на ней, несмотря на удар в живот. Нона только наблюдала, охваченная холодной уверенностью и горячим отчаянием. Джула, Рули и Дарла стояли неподвижно, как статуи, пойманные в ловушку мгновения, как и любой без крови хунска.

Клера вырвалась, кровь текла изо рта, прядь темных волос была зажата в кулаке Зоул, когда Ара оттащила лед-девочку, получив мгновенное преимущество за счет того, что все ее внимание было направлено на Клеру. Со своей стороны Таркакс бросился назад и влево, к стене пещеры. Нона наблюдала. Ее шею жгло в том месте, куда была воткнута покрытая ядом булавка.

Ара держала Зоул на себе, ее руки были зажаты под мышками Зоул, ее руки были зажаты за головой Зоул, а обе ноги обхватили лед-девочку, но Зоул все же каким-то образом сумела дотянуться и схватить Ару за грудную клетку, заставив ту закричать от мучительной боли. Это было все, что нужно было Зоул, чтобы разорвать захват. Она покатила по полу к Клере.

Нона не действовала. Не могла действовать. Она должна была увидеть, как все это закончится. Она должна была в это поверить. Она стояла и смотрела сквозь прищуренные глаза.

Таркакс упал на землю рядом со своим рюкзаком и разорвал его.

Зоул перестала катиться, вскочила и бросилась на Клеру. Нога Клеры, нацеленная ей в лицо, поймала ключицу и с треском повалила на землю, мышцы бедра Клеры поглотили инерцию движения девочки.

Таркакс, пошарив рукой, вытащил из своих запасов кожаный сверток и начал его разворачивать. Внутри оказалась дюжина маленьких кожаных трубочек, запечатанных воском и пришитых к обертке. Метательная звезда расплылась перед глазами Ноны и забрала кожаную полоску, трубки и все остальное из рук Таркакса. Метательная звезда Клеры.

Ара неуклюже поднялась. Зоул перекатилась на бок и резко села, сверкая глазами. Таркакс неуверенным движением вытащил тулар.

— Ты? — Ара в ужасе уставилась на Клеру. Она неуклюже шагнула к ней. — Но почему? — Ей пришлось дернуться всем телом, чтобы сделать следующий шаг.

Зоул попыталась встать, но упала на бок. Таркакс пошатнулся и упал, меч вылетел из его руки, его голова сильно ударилась о камни.

— Деньги, — сказала Клера, плавно поднимаясь на ноги. — Много денег. Достаточно золота, чтобы поднять мою семью до Сис, и даже больше. — Она повернулась, чтобы посмотреть на Нону, все еще стоявшую там, где она стояла после первого острого укола предательства. — Нона, ему нужна Ара. Туран Таксис поклялся императору не причинять тебе вреда. Он возьмет ее, получит уступки от Йотсис и продаст обратно. Все через третьих лиц. Она ничего не потеряет, кроме месяца или двух и некоторых семейных перспектив. И вряд ли это будет иметь значение, если она станет Красной Сестрой. — Клера подошла ближе. — Так что, как видишь, это почти ничего не значит. — Еще ближе. Достаточно близко, чтобы прошептать. — Я буду скучать по тебе, Нона. — Она откинула голову назад и уставилась на нее. — Что, черт возьми, не так с твоими глазами? Они черные... каждый кусочек...

Кулак Ноны врезался в голову Клеры сбоку — такой сильный удар кладет конец разговорам и дракам. Она была у рюкзака Таркакса почти до того, как Клера упала на землю, но ей казалось, что она бежит сквозь дурной сон. Клера бросила ее всего лишь из-за денег? Доверие, говорила Сестра Яблоко, — самый коварный из ядов. Ноне было больно сознавать, как хорошо она усвоила этот урок.

— Свяжите ее, быстро! — Она бросила веревку из рюкзака воина в Дарлу. — Быстро! И заткните ей рот.

Через мгновение она уже была у кожаного свертка, пригнувшись так, чтобы ее не было видно снаружи. В него была воткнута метательная звезда Клеры, четырехконечная звезда от Партниса Рива. Содержимое четырех трубок безостановочно капало с кожи от удара.

Она принесла сверток обратно через пещеру и бросилась рядом с Таркаксом.

— Какой именно? Который из них? — Она помахала ими перед его лицом, но его глаза были расфокусированы, кровь текла из-под щеки и лба, где он ударился о камень. Она знала, что он потянулся за противоядием, но в какой трубочке оно было? Она не могла рисковать, используя не тот. Она могла бы подсыпать ему совершенно новый яд.

Поднявшись, Нона подошла к Аре и, обхватив ее лицо обеими руками, наклонилась к ее глазам.

— Тебя отравили, Ара. Клера уколола тебя иглой. Она была покрыта тюрягой. Настойкой корня сегрена. Ты уже получала ее, в первый день с Отравительницей. С тобой все будет в порядке. — Она взглянула на Рули, беспомощно стоявшую рядом и наблюдавшую, как Дарла и Джула связывают бесчувственную Клеру. — Помоги мне уложить ее.

Вдвоем они положили Ару на землю, и неестественная жесткость ее конечностей была неприятна на ощупь.

— Твои глаза, Нона. — Рули оторвалась от разглядывания Ары, все еще держа одну руку в своих золотых волосах. — Что с ними не так?

— Я... — Нона протянула руку, чтобы коснуться их. — Не знаю. Я могу видеть. Они не болят.

— Они черные... как будто кто-то вылил в них чернила. — Рули выглядела испуганной, но было много чего еще, чего можно было испугаться, помимо странных глаз.

— Я приняла черное лекарство... то, что я сделала вместе с Гессой и Арой.

Страх Рули сменился ужасом:

— Но почему? Зачем тебе это понадобилось?

Нона указала на ярко освещенные склоны.

— Эти солдаты пришли не только за Арой. Мне все равно, какие обещания дал Туран Таксис и где он их дал. Раймел Таксис хочет отомстить, и кто-нибудь из солдат знает, что, если они не вернутся со мной, то могут вообще не возвращаться. Может быть, все они это знают. И если они придут, я буду сражаться, но не отравленной и беспомощной, готовой к тому, чтобы меня связали и увели в какую-нибудь камеру пыток. — Это было почти правдой. Она поднесла пузырек к губам, когда услышала, что солдаты приближаются к пещере, опасаясь, что они могут принести яд, чтобы взять ее живьем — но что заставило ее опрокинуть его в рот? Воспоминание о том, как Клера вернулась с плато, сварив напиток из кот-травы. Она свалила всю вонь на беднягу Малкина, потому что, несмотря на название растения, глупый стишок Сестры Яблоко говорил чистую правду: кот-трава не пахнет кошачьей мочой, а вот корень сегрена — да.

— Я приняла его, потому что не доверяла своей подруге. — Такова была правда, и, как многие правды, она было тяжелой и болезненной.

Когда Нона совершила набег на склады Сестры Яблоко, она украла кот-траву и корень сегрена вместе со всем остальным, что выглядело полезным. После алхимии Клеры на плато часть обоих пропала, корень сегрена был срезан, чтобы скрыть потерю... но Нона все равно заметила это, потому что запах вызвал у нее подозрения, и, ненавидя себя, она проверила Клеру. Нона вышла в поход зная, что у Клеры с собой тюряга... она просто не совсем понимала, для чего.

— Зоул говорит... — Джула сидела на корточках рядом с девочкой, которую Шерзал заставила их взять. Четыре-кровка пришла, чтобы занять свое место в истории.

— Таркакс получил самую большую дозу, потом Ара, потом я. Зоул укололи в драке, но у Клеры, должно быть, кончились иглы или она использовала их дважды.

— Убей... Ее... — Тусклые черные глаза Зоул наблюдали, как Нона опустилась на колени рядом с ней.

— Я ее не убью, — сказала Нона. Что бы ни сделала Клера, она была подругой Ноны. Это не связь, которую можно разорвать. — Она хорошо связана.

— Убей.

— Нет! — отрезала Нона. — Скажи мне, чего хочет Шерзал. Мы, вероятно, умрем здесь, так что ты можешь спокойно сказать. Таксис не захочет оставлять свидетелей. Скажи мне, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы у тебя был шанс встретиться с ним, стоя на ногах.

— Аргата. — Зоул выдавила это слово сквозь сжатые челюсти.

— Я знаю, что она не хочет... — Нона нахмурилась. — Она у нее была. Раньше. Но что-то изменилось. Она отдала тебя аббатисе.

— Аргата. Не. Четыре-кровка.

— Нет. Пророчество говорит: Четыре крови говорят в один голос, и Ковчег их услышит.

— Четыре. Сердца.

— О, великие боги. — Нона огляделась. Только Дарла и Джула были на ногах, обе выглядели озадаченными.

— Йишт! — сказала Рули.

— Йишт, — кивнула Нона. — Шерзал охотится за четырьмя корабль-сердцами, а не за одной четыре-кровкой. И Йишт не перестанет стараться забрать его из монастыря.

Нона снова наклонилась к Зоул:

— А что может сделать Ковчег?

Зоул покачала головой, едва уловимая вибрация движения.

— Ты не знаешь?

— Да.

— Я знаю, — сказала Джула слабым голосом.

— Ты? — Нона поднялась на ноги.

— Ну. — Джула развела руками. — Я знаю, что об этом говорят книги из монастырской библиотеки. Во всяком случае, некоторые из них. Я помогала Гессе исследовать этот вопрос. Именно этим она занималась в течение двух лет, пока мы тренировались и сражались.

— И? — Нона не понимала, почему ее это волнует. Там, в овраге, были солдаты с мечами в руках и убийством на уме. — Что говорят книги?

— Много чего. Чудеса, исцеления, мудрость, все такое...

— То есть они ничего нам не говорят? — Нона питала тайные подозрения насчет того,

можно ли найти в книге что-нибудь стоящее.

— Гесса утверждает, что есть общая нить, — сказала Джула. — Вот так она и нашла нужные книги. Она очень хороша в нить-работе. Лучше, чем...

— Скажи мне! — рывкнула Нона. Перед ее мысленным взором солдаты уже приближались, рассредоточившись по склонам, красный свет солнца сделал их клинки кровавыми.

— Большинство отчетов сходятся во мнении, что Ковчег может доставить нас к Надежде точно так же, как четыре племени были доставлены сюда на своих кораблях. И...

— И? — Нона вспомнила улыбку Шерзал, когда Ара попыталась запугать ее силой Пути. Она не была похожа на женщину, которая пошла бы на все это, чтобы убежать к далекому солнцу. Даже тому, которое горело такой белизной среди небес, усеянных красными угольками умирающих звезд.

— И... он управляет луной. Он может повернуть ее, изменить фокус...

— Предок! — Рули прикрыла рот рукой.

— Черт! — У Дарлы отвисла челюсть.

— Боги! — Нона покачала головой. Тот, кто может управлять луной, не захочет бежать из Абета... он будет *владеть* Абетом!

— Пришли Нону Рив! — Крик снаружи. — Остальные могут быть свободны.

— Мне показалось, Клера сказала, что им нужна Ара... — Рули смутилась.

— Они ей соврали. За этим стоит Раймел, а не Туран. — Нона спросила себя, что бы случилось, если бы агент Таксиса сказал Клере правду: поднялась бы цена благодаря их дружбе или упала бы, потому что не было бы никого, кто отомстил бы ей за Нону? Как долго руки Клеры рылись в кармане Таксиса? Какую информацию она сначала продала, чтобы превратить медный пенни в серебряную крону?..

— Пришли Нону Рив!

Лежа на полу, Клера открыла глаза и начала вырываться из своих пут, бормоча что-то через полоску ткани, которой Дарла заткнула ей рот. Как долго она притворялась лежащей без сознания? Еще один обман? И откуда эта внезапная паника? Нона встретила с ней взглядом и поняла, что чувствует гнев, но не ненависть. Подруга никогда бы не продала *ее*. Таксисы использовали Клери, обманули ее, сыграли на недовольстве богатством Ары.

— Только девчонку! — крикнул кто-то со склона.

Нона резко обернулась.

— Я пойду к ним, но в любом случае нам придется сражаться.

— Сражаться? — Дарла фыркнула и пинком заставила Клери замолчать. — С помощью чего? Кулаками против мечей?

Нона вложила в ладонь Рули метательную звезду Клери.

— Вон это уже один мертвый. — Она вытащила из тени забытый тулар Таркакса, удивленная его тяжестью, и вложила его в руки Дарлы. — Надень его куртку и штаны. Ты не намного больше. Натяни капюшон. Если они тебя испугаются, это даст тебе преимущество. — Она наклонилась и вытащила из-за пояса Таркакса длинный нож и топорик. Вблизи от него пахло древесным дымом и какими-то незнакомыми пряностями. — Джула, возьми это. — Она подтолкнула их ей.

— Ч-что собираешься использовать ты? — спросила Джула, оружие дрожало в ее руке. Она была прирожденным воином, несмотря на свою любовь к книгам, но также и напугана, почему нет? Солдаты Таксиса расправятся с послушницами так же быстро, как и

подмастерья Партниса Рива. Они были взрослыми против детей и хорошо обучены. Дарла могла бы потягаться силой с взрослым мужчиной, но она держала незнакомый меч, да и тот дрожал в ее побелевшей руке. Кроме того, их было двенадцать, и в пещере Нона была единственной настоящей хунской, стоящей на ногах.

— Позвольте мне рассказать вам одну историю, — сказала она.

— Что? — На Дарлу это, казалось, не произвело никакого впечатления, она злилась на собственный страх.

— Историю. — Нона жестом пригласила их сесть. — У нас есть время. Если бы они не собирались проверять убийства Таркакса, то уже напали бы на нас.

— Какую историю? — спросила Рули, снова и снова поворачивая метательную звезду в руке и глядя на Клеру.

— Подлинную историю. — Нона посмотрела туда, где лежала Ара, пойманная в ловушку своим отравленным телом. — Раньше я наврала, когда рассказывала о том, почему моя деревня отдала меня похитителю детей... почему моя мать позволила им это сделать... Я врала и опять врала. Пришло время сказать правду. — Теперь она завладела их вниманием. Даже Дарла, которой никогда не врала, наверняка слышала эту историю от других. Возможно, даже Зоул знала ее.

— ОДНАЖДЫ В МОЮ деревню пришел жонглер. Он был моим первым другом. — И Нона позволила словам слетать с языка. Во второй раз она сказала правду — о том, как Амондо уехал, и мать обвинила в этом Нону, а та поверила матери, хотя причины этого были выше ее понимания. Это была правда, когда она сказала, что последовала за жонглером за самые дальние поля, следуя указаниям Матушки Сибл. Все это было правдой до тех пор, пока вокруг дороги не выросли первые деревья Леса Реллам.

Везде есть свои призраки, сказал Амондо, но в большинстве мест эти призраки, по крайней мере, скрываются в углах или прячутся под прямым углом к миру, ожидая своего часа. В Лесу Реллам можно было увидеть призраков, нарисованных на сумраке под куполом неба, их искаженные лица застыли в коре древних стволов. И еще было слышно, как они кричат в тишине, не совсем нарушая ее, но заставляя дрожать.

Я последовала за ним, не заботясь о призраках или феях, потому что когда тобой овладевает истинный страх, он вытесняет другие, те, которые люди пытаются всучить тебе, пытаются вложить в твое сердце рассказами и мрачными взглядами. Истинный страх растет в твоих костях.

Я последовала за ним, потому что думала, что, если я поверну назад, буду продолжать поворачивать назад, всегда буду отворачиваться от всех других страхов и от всего нового, что я никогда не покину то место, куда привел меня мой отец. Я буду жить, работать, стареть и умирать, и все это в пределах видимости хижины моей матери; лед навсегда останется линией, видимой вдалеке, я буду ничего не значить для этого мира, и он будет ничего не значить для меня.

И этот страх был больше, чем тени между деревьями.

Я позволила тропе вести меня, не останавливаясь, потому что именно тогда, когда ты останавливаешься, такие вещи догоняют вас. И не ускорила шаг, потому что в лесу с привидениями любое увеличение скорости, с которой идешь, — это скользкий спуск к слепой панике и безумному рывку, когда ты теряешься в густом лесу со сломанной лодыжкой.

Я шла, пока не стало слишком темно, чтобы разглядеть тропу, а потом села спиной к дубу и стал смотреть в темноту. Пошел дождь с мокрым снегом, он стучал по листьям, собирался там в лужицы и капал, соскальзывая на лесную подстилку с мягкими влажными звуками, которые воображение может превратить в кошмар.

Когда фокус пришел, он разбудил меня, сначала нарисовав мир в светящихся красных и черных тенях, подлесок извивался под острыми очертаниями ветвей. Когда от земли пошел пар, мне показалось, что я слышу крик где-то далеко, и я побежала по тропе, зная, что это Амондо.

Я встретила его на тропинке, он мчался ко мне из тумана так же быстро, как я бежала к нему. Он чуть не расплющил меня, но в последнюю секунду я быстро скользнула в сторону. Настолько быстро, что он даже не заметил меня. Я крикнула ему вслед, но он уже скрылся в розовом одеяле тумана.

Я подумала, что он ушел, но звук его шагов по дорожке внезапно прекратился.

— Нона?

— Это я! Я шла за тобой.

— Дорогой Предок! Прячься! Прячься в деревьях!

Я услышала звуки его преследователей — топот ног, крики и вопли.

— Клянусь кровью! — И Амондо побежал назад, горячий туман закружился, освобождая его. Он схватил меня за руку и потащил прочь от дороги, в лес. Шипы порвали мне юбку и порезали ноги.

— Ш-ш-ш. — Амондо затащил меня за дерево, зажав мне рот рукой.

Преследовавшая его банда прогрохотала мимо, лязгая металлом, хрипло дыша и топя тяжелыми сапогами.

Через минуту Амондо убрал свою руку и разжал другую, обхватившую мою.

— Почему они гнались за тобой?

— Я им кое-что должен.

— Почему ты уехал?

— Нона, я исчерпал лимит гостеприимства в первый же день. Настоящий вопрос — почему кто-то остается?

Фокус проходил, туман уже лежал полосками, которые ветер тащил по стволам деревьев. Лунный свет, уже не такой яростный, осветил лицо Амондо, встревоженное и настороженное.

— Я хочу знать...

— Люди всегда хотят что-то узнать... пока им не расскажут, и тогда уже слишком поздно. Знание — ковер определенного размера, мир больше его. Тебя должны беспокоить не неприкрытые края, а то, что скрыто под ним.

— Ничего не понимаю. — Он не был похож на жонглера, который бросает и ловит за кусок хлеба. Он выглядел старше, печальнее и мудрее.

— Есть линия, Нона, горящая линия, которая проходит через весь мир. Она бежит сквозь сны, под корнями и по небу... и ведет к тебе.

— Ко мне? — спросила я. Это казалось маловероятным. — Почему?

Он выдавил из себя улыбку:

— Мы снова возвращаемся к знаниям. Важно то, что люди, которые преследовали меня — один из них — может следовать по этой линии. Он называет это нитью. Умный человек с умными пальцами... Он может завязать три узла на реснице. И он будет продолжать

следовать за этой нитью. Он не хотел идти за тобой в деревню... поэтому послал меня...

— Ты пришел в деревню за мной? — Я почувствовала, как онемение пробежало по моим скулам, а в животе образовалась пустота. — Но ты же сказал, что мы др...

— И ты прекрасно справился с этим, Амондо, — раздался глубокий голос со стороны тропы. Луна освещала фигуры, двигавшиеся от тени к тени. Высокие мужчины в форме, с мечами на бедрах, мягкий металлический шорох кольчуг. — Как раз тогда, когда я начал сомневаться в тебе! — Смех. — Никто ее не похищал. Даже странствующий жонглер. Она убежала сама. Великолепно.

Солдаты окружили нас со всех сторон. Двое схватили Амондо за руки, третий — меня за шиворот.

Предводитель, тот самый, который, по словам Амондо, мог следовать за моей нитью, вышел на лунный свет. Он был не стар, не намного старше Амондо, но не был похож на нас, не был похож на настоящего человека. Он не выглядел голодным. Его борода свисала до самой шеи, и на ней не было ни пятнышка грязи. Его плащ был алым даже в лунном свете, серебряные ленты на плечах кроваво блестели.

— Конечно, мы все равно должны наказать тебя, — сказал он. — За бегство. — Он сделал знак двум солдатам, и они начали выкручивать Амондо руки. Он тут же закричал.

— И потом, конечно, нам придется убить тебя, — добавил мужчина, когда Амондо прервал свой крик, чтобы перевести дух. — Чтобы сохранить это в тайне.

Вот тогда-то я и это сделала. Я протянула руку к мужчине, державшему меня за шею, и порезала его, кожу, мышцы, сухожилия, артерии — Сестра Сало права, люди внутри похожи на свиней, — и его кровь хлынула так быстро, что залила мои плечи, хотя я уже двигалась так быстро, как только могла.

Я знала, что должна добраться до человека с бородой и с ловкими пальцами, не дать ему шанса проявить свою сообразительность. Я полоснула его по животу прежде, чем он даже заметил, что я свободна. Я разрезала его, и яркие кольца его кольчуги издали яркие маленькие звуки, когда они разорвались. Только тогда он заметил это и сложился пополам, обхватив руками живот. Еще одним движением я разрезала ему бороду вместе с горлом и оставила истекать кровью.

А потом все стали бегать, резать и кричать. Я вскарабкалась на одного человека, который пытался преследовать меня вокруг дерева с ножом в руке. Я вонзила свои клинки ему в спину и прыгнула на него. С ногой на его поясе — и клинками, воткнутыми ему в шею — я запрыгнула ему на плечи и спрыгнула на последнего из них. Он все еще держал Амондо за руку, а другая ее рука лежала на рукояти наполовину вытасченного меча.

И когда все было кончено — они растянулись среди кустов, деревья были забрызганы кровью и порезаны там, где солдаты размахивали своими мечами, — я встала посреди всего этого, одетая в их кровь, и закричала. Закричала, требуя *еще*. И Амондо убежал... хотя он был моим другом, и я спасла его... он убежал.

— На следующее утро они нашли меня, вот такой. Это моя тайна, и вот почему моя мать позволила им отдать меня похитителю детей. Я — чудовище.

Нона направилась к выходу из пещеры и к дню, который умирал на склонах сразу за ней.

— Это моя тайна и мой позор. Я — Нона Грей, война течет в моих жилах, и крики моих врагов — музыка для меня.

— Подожди! — крикнула Дарла. — Это чепуха. Откуда ты взяла свои ножи... как ты узнала, как ими пользоваться? Как ты убила шестерых воинов?

Нона повернулась и ударила рукой по стене. Дождь осколков пролился на пол пещеры, а там, где она ударила, в камне остались четыре выемки, темные и глубокие.

— Но... у них были мечи. — Дарла махнула своим, для верности.

— Никогда не пытайся махать ими в лесу, — сказала Нона. — И никогда не стоит недооценивать дикое животное, каким бы маленьким оно ни было.

Дарла ничего не ответила. Она приложила пальцы к выемкам, которые Нона оставила в скале, и удивленно уставилась на них.

— Алые и серебряные? — Рули заговорила из глубины пещеры, где она сидела на корточках, слушая рассказ Ноны.

— Что? — Правда вылезла наружу, и Ноне ужасно захотелось уйти, прежде чем они по-настоящему поймут, что она им сказала.

— Этот человек был в алом и серебряном? А остальные были в форме?

— Я... — Нона пыталась увидеть его. Но видела, в основном, кровь и раны. — Возможно. Да.

— Это цвета Шерзал, — сказала Рули. — Староста твоей деревни должен был это знать. Он должен был знать, что они не смогут защитить тебя — не с родной сестрой императора, идущей по твоему следу. Твоя мать тоже должна была понять. Похититель детей был твоим лучшим шансом. Спрятаться у всех на виду. Девочка с ценой на голове, проданная за бесценок, в клетке, готовая к продаже... Это все, что они могли сделать, чтобы обезопасить тебя.

— Нет. — Нона отмахнулась от этой мысли, словно клинки могли превратить ее в ложь. — Все было совсем не так. Они бы мне сказали...

— Да ну? — Рули стояла, с беспокойством глядя на Нону. Это было больше, чем она могла вынести. — Скорее всего, они не сказали тебе, чтобы ты и не думала возвращаться...

— Я собираюсь наружу. — Нона направилась к выходу из пещеры. — Как только это начнется, вы...

— Нона, их же *двенадцать!* — Джула последовала было за ней, но тут же остановилась, словно увидела что-то новое на месте Ноны. Возможно, какого-нибудь дикого зверь с глазами, похожими на дыры в ночи, и руками, полными старой крови.

— У тебя, может быть, и есть... — Рули нахмурилась, глядя на руки Ноны, — невидимые кинжалы... Но у них мечи, ростом с тебя! И мы не в темном, туманном лесу! Не иди!

— У меня есть Путь, Рули. — Нона слабо улыбнулась.

— В монастыре ты тоже имела Путь, — сказала Рули. — Но давай будем честными... ты не очень-то хорошо с ним справляешься. Ара гораздо лучше. А Гесса — она уже знает о нитях больше, чем Сестра Сквородка! Но разве не в этом весь смысл желания Шерзал заполучить корабль-сердце? Так далеко от него даже Святой Ведьме трудно дотронуться до Пути. А твоя безмятежность... ну... никуда не годится. — Рули опустила глаза. — Извини.

— Я отказалась от безмятежности. — Нона улыбнулась. — Это была не я. Но я поставила новый рекорд на меч-пути...

— Меч-пути? — спросила Дарла. — При чем тут, черт возьми, меч-путь?

— Новый рекорд? — спросил Рули. — Ты прошла его? Ну... — Она оглядела пещеру: Таркакс лежит в луже собственной крови, Ара и Зоул парализованы, Клера связана и

ошеломленно смотрит поверх кляпа. — ...поздравления?

— Я использовала жир, — сказала Нона.

— Что?

— Жир, который ты мне дала. Я все делала неправильно. Я двигалась все медленнее и медленнее и падала все быстрее и быстрее. Это неправильно. Это не для меня. Поэтому я сделала то, что делаю, чтобы добраться до Пути. Я побежала по нему. Я счистила смолу с ног и смазала подошвы. Меч-путь идет все время вниз, за исключением небольших участков, и к тому времени, когда ты добираться до них, ты уже двигаешься достаточно быстро, чтобы пройти.

— А как же штопор? — Рули подняла на нее глаза, моргая.

— Если бежать достаточно быстро, то можно проскользнуть по внутренней поверхности. — Нона усмехнулась. — Это замечательно. Все подходит. Все выборы, все балансирование происходят на бой-скорости и имеют смысл. Я сделала это за тридцать делений!

— ТРИДЦАТЬ делений? — Рули ахнула. — Это невозможно.

— Не так быстро, как Сестра Сова, — сказала Нона. — Но я все равно рада.

— Мне на это наплевать, — сказала Дарла. — Как эта дурацкая игра может помочь против того, что снаружи? — Она махнула мечом в сторону склона.

— Это не просто игра, — сказала Нона. — Мы делаем это не просто так.

— Равновесие и время, — сказала Джула.

— Хунска идет по меч-пути ради этого. Но квантал делает это, потому что он тренирует ум для Пути. У меня было... Внезапно я увидела все по-новому. — Нона снова повернулась к дневному свету.

— Эпифания, — выдохнула Джула.

— Эпифания. — Сестра Чайник научила Нону этому слову, но она не находила его на губах, когда хотела. Эпифания. Видеть мир заново с новым пониманием. Когда загадочные картинки Сестры Сквородка вдруг обретают смысл, и ты видишь шишку вместо дыры, а молодую женщину — вместо старой дамы. То же самое произошло и с Клерой. Нона сделала шаг назад и в одно мгновение увидела ее предательство, ясно и целиком. Новая картина не стерла старую — шишка все еще была дыркой, но теперь она была и шишкой; старая дама все еще была молодой, но теперь она была и старой. Клера все еще была ее другом, но теперь — врагом.

И еще Нона увидела, что может рассказать правду. Горькая пилюля Сестры Яблоко... Только одно мешало ей расспросить Клеру о метательной звезде и распутать всю эту историю — ее собственное нежелание говорить об Амондо и лесе, в котором она стояла, одетая в кровь, явленная миру как чудовище, жаждущее убийства. Одна правда за другой, и они бы не стояли в этой пещере. Но сама эта правда, как и большинство других, оказалась слишком горькой, чтобы губы могли ее произнести.

Эпифания? Она увидела себя. Девятилетняя девочка, в волосах которой запеклась кровь шести королевских солдат. Она увидела похитителя детей, Гилджона, как он одной руке держит вожжи Четыре-ноги, и гремящую по переулку повозку с клеткой на ней. Она увидела Серого Стивена, наклонившегося к ней. Мать плачет. Она смотрела на это воспоминание так долго, так много раз... Неужели это возможно? Посмотреть на это по-другому?

— Ты думаешь, что сможешь идти по Пути сейчас? — спросила Рули. — Даже здесь?

— Да, — ответила Нона. — Мне просто нужно как следует разозлиться. — Ярости

смогла зашвырнуть ее на Путь в монастыре, рядом с корабль-сердцем. Ярость бросит ее на него и сейчас — достаточно сильная ярость. И на этот раз она не будет пытаться замедлиться, не будет пытаться тормозить, чтобы остановиться и восстановить равновесие. Она наберет скорость, побежит по Пути и заберет всю силу, которую он ей даст. И овладеет ей. Все, что ей было нужно — это ярость. Она потянулась к ней... но там, где когда-то пылал огонь, остался лишь тлеющий уголек. Неужели мать действительно спасла ее?

— Оставайся здесь, — сказала Дарла, глядя вниз. — Тебе не обязательно туда идти. Или... мы можем рассеяться и убежать.

— Нет, — ответила Нона. Если они побегут, Дарлу поймают первой.

— Мы можем подождать, — сказала Джула. — Яд закончит действовать, Таркакс сможет сражаться и...

— И Сестра Сало подойдет вместе с остальными, — закончила Рули.

— Иди. — Зоул удалось вложить в одно слово немного тепла. Она все поняла. Если ты хочешь победить, несмотря ни на что, ты должны принести сражение к врагам. Нужно застать их врасплох.

— Я должна... — но что-то темное и огромное потянулось, схватило ее, и прежде, чем Нона успела закрыть рот на последнем слове, она ушла.

Нону выдернули из ее тела так быстро, что она едва успела почувствовать, как начала падать. Она ничего не видела, даже темноты, не чувствовала ничего, кроме притяжения и стремительного движения. Затем, в одно мгновение, она снова погрузилась в себя. Она увидела мощный двор, справа — Зал Сердца, слева — Собор Предка, возвышающийся над блоком дормиторийев... Нона была влита в чей-то череп, но не в свой собственный. Она оперлась на костыль и сделала еще один прихрамывающий шаг. Гесса!

Мысли Гессы приливом закружились вокруг Ноны, грозя утопить ее. Нона кричала, что ей надо идти, кричала, чтобы ее отпустили обратно в пещеру, но Гесса просто сделала еще один шаг, как будто ничего не слышала.

Гесса знала, что это будет Йишт. Тем не менее, обнаружив, что ворота в подземные туннели не заперты, она почувствовала холодный ужас. Она разделяла с Ноной каждый мучительный миг, когда Йишт крепко обхватила ее руками за шею. Возможно, сдавлено было горло Ноны, но легкие Гессы тоже горели, пытаясь сделать вдох, который не мог прийти.

— Почему ты думаешь, что можешь вернуться? — прошептала Гесса. Это не имело никакого смысла. Неужели эта женщина хочет умереть?

— Что мы здесь делаем? — Генна обхватила себя руками, защищаясь от лед-ветра, который теперь был слабее, чем в конце своего правления, но все еще мог нести жало.

— Тебе нужно пойти к настоятельнице. Скажи ей, что Йишт снова проникла в подземные туннели. — Пока Серый Класс находился в походе, Гессу поместили в Красный дормиторий.

— Настоятельнице? Ты с ума сошла! Она меня убьет. Сейчас середина ночи. — Обычное настроение Генны не улучшилось, когда Гесса разбудила ее щипком и уговорила выйти в ночь, несмотря на ее протесты.

— Скажи ей, что Йишт вернулась. Если ты этого не сделаешь, она действительно убьет тебя! Это серьезно, Генна. Смертельно серьезно.

— Сиськи Предка! — Генна сплюнула на землю и побежала в сторону дома настоятельницы. — Лучше бы ты оказалась права, Хромоножка!

Гесса повернулась к воротам и вздохнула. Она взяла нити всех вещей Йишт, которые принесла ей Нона. Кровь, волосы, одежда, засапожный нож. И каждая яркая и извивающаяся нить туго натянулась в ее сознании, передавая бессильную ярость женщины, когда она тряслась на запад в своей бочке. Гессу пугала не глубина этой ярости, а то, как она была холодна.

Гесса толкнула ворота, и они распахнулись, туннель за ними зиял темной пеленой, поглощая свет ее фонаря. Она снова вздохнула и начала долгий и мучительный спуск по лестнице.

Никто из них и представить себе не мог, что Йишт осмелится вернуться после того, как ее усилия будут раскрыты. Гесса не могла сказать, как именно ей удалось ускользнуть от Серых Сестер, патрулировавших окрестности монастыря, но теперь эта женщина столкнется с Красными Сестрами. Должно быть, она сошла с ума, если думает, что сможет добраться до корабль-сердца, не говоря уже о том, чтобы убежать с ним.

Нити начали дрожать, когда Гесса попыталась уснуть этой ночью. Вибрация была настолько слабой, что она не могла отделить ее от собственных переживаний. Два дня назад Нона видела нечто ужасное. Смерть и мертвецы. Каким-то образом в это дело была замешана Сестра Чайник, но Нона слишком ожесточилась, чтобы бояться; что бы ни случилось, этого было недостаточно, чтобы установить полную связь между ними. Тем не менее, в ту ночь Гесса была потрясена и не смогла уснуть.

Этой ночью, несмотря на дрожь нитей, истощение унесло Гессу в сон. И нити вырвали ее из кошмара, дернув так сильно, что боль на несколько мгновений заполнила ее зрение искрами.

У двери в комнату Тени Гесса остановилась и оперлась на костыль.

— Что она здесь делает? Почему именно этот проход? — Гесса знала, что усилия Йишт были раскрыты. Монахини входили и выходили из гостевых покоев весь вечер того дня, когда Серый Класс ушел в поход. Они должны были обнаружить шахту и выставить охрану, пока принимались меры по защите корабль-сердца и вызову Шерзал по этому поводу.

— Что я могу сделать? — Гесса покачала головой и пошла дальше по туннелю, чувствуя себя неловко на неровной поверхности. — Если падение — это самое худшее, что со мной может случиться... — Она говорила вслух, чтобы придать себе смелости. Перед ней змеились в темноту нити, ведущие к Йишт.

Еще десять ярдов, и нити ушли в трещину в стене, такую низкую, что Гессе пришлось бы бросить костыль и ползти. «Как же она...» — но, конечно, несмотря на то, что трещина была настолько тесной, что испугала Нону, послушницы доказали Йишт, что она пролезет через нее.

Гесса опустилась на грязный пол и встала на все четыре. Или, скорее, на все три — ее иссохшая нога только волочилась. Она повернулась и поползла назад, в трещину позади себя. Она толкала за собой фонарь, молясь, чтобы он не упал, молясь, чтобы она не застряла, молясь, чтобы Йишт уже была схвачена и не пробиралась обратно через те же самые проходы.

Расстояние до туннеля побольше составляло около двадцати ярдов, но на то, чтобы протиснуться до него, ушла целая жизнь, и, когда Гесса наконец выползла, она легла на спину, задыхаясь и дрожа. В самом узком месте Гесса заметила, что камень был убран, оставив странные гладкие выемки, расширяющие проход.

— Значит, камень-работник. — Редчайший из основных талантов марджала. Очевидно,

Йишт обладала уникальными талантами.

Гесса подняла фонарь повыше. Шахта в крыше туннеля вела к закрытому досками входу. Она посмотрела вниз по туннелю. В любой момент из этой тьмы мог выпрыгнуть нож и вонзиться в нее, и история Гессы будет закончена, втянута в великую историю Предка, как капля дождя в океан. Она должна просто подождать монахинь.

Невидимые нити, пробегающие сквозь пальцы Гессы, говорили, что Йишт не так уж близко... но пришла ли она одна, или в черном туннеле ее поджидал кто-то из сообщников, молчаливый и готовый перерезать горло?

Со вздохом Гесса зашаркала по полу туннеля, дюйм за дюймом, фут за футом. Она протрет юбку насквозь.

— Если я выживу, Сестра Швабра убьет меня.

Она продолжала идти в темноте, зная, что находится примерно в том месте, где Йишт чуть не задушила Нону.

Несколько минут спустя она сидела, глядя на вход в низкий туннель, соединявший ее проход с тем, где рыла Йишт, когда Нона нашла ее. Из дыры свисала веревка с узлами, очевидно, натянутая, когда монахини спустились вниз, чтобы посмотреть, в чем дело. Без нее у Гессы не было бы ни малейшего шанса подняться туда. Но даже с ней ей пришлось дотронуться до Пути, чтобы влить в руки достаточно сил для подъема. Через минуту она уже лежала в соединительном низком проходе, тяжело дыша. Она предпочитала не прикасаться к Пути: его энергия тревожила ее и наполняла мечтами о силе, которые в лучшем случае неуклюже вписывались в ее упорядоченный разум. Более тонкая нить-работа подходила ей гораздо лучше. Ей нравилось работать так близко к Пути, но не позволять его силе властвовать над собой. По-своему нить-работа была столь же мощной, как и Путь-хождение, ближе к чудесам, которые Настоятельница Стекло совершала без насилия или угроз. Путь-хождение было ближе к грубым и жестоким методам Таксисов — не то чтобы они были уникальны среди Сис в этом отношении.

Легкое натяжение нити Йишт показало, что та уже близко, но сосредоточена на какой-то задаче. Гесса почти видела ее, высоко в восходящем разрезе, который она сделала за долгие недели раскопок. Она опять копала, но время от времени останавливалась, чтобы прикоснуться к камню, превращая его во что-то менее стойкое, что легко падало под взмахами ее кирки.

Гесса никогда еще не получала таких сильных и подробных впечатлений через нить. Она устала на свою руку, где переплетались нити. Интересно. И тут она почувствовала его. Пульс корабль-сердца, бьющийся в нитях, бьющийся во всем, даже в самом камне. Стоя от нетерпения, она поползла дальше по узкому проходу, видя, как окружающее пространство заполняется деталями, поскольку корабль-сердце вливало в нее силу. Она видела нити, оставшиеся после ухода других людей. Ноны, Йишт, трех монахинь, которых могла бы опознать, если бы выбрала их нити и осмотрела. К тому времени, когда она добралась до входа в более широкий проход, усыпанный щебнем, Гесса начала видеть нити в самих скалах, их родословная уходила назад через зоны в древние моря или огни земли. Она даже видела нити вод, которые когда-то бежали здесь, вырезая эти туннели, нити, которые вели к рекам и океанам, вверх, в небо, и вниз, чтобы просочиться через темную почву и бежать в тайных реках.

Гесса покачала головой, прогоняя видения и сосредоточиваясь на своей задаче. Теперь она понимала, что Йишт ускоряет свое продвижение. Камень-работница использовала свою

марджал-силу, которая помогала ей в раскопках, но по мере того, как она приближалась к корабль-сердцу, его аура усиливала ее таланты, и она могла прокладывать туннели еще быстрее.

Теперь Гесса поняла, почему рядом с корабль-сердцем и в туннелях вокруг него нельзя было установить никаких нить-предупреждений, как это было сделано с ножом ной-гуин, который спрятала Нона. Биение корабль-сердца вздымалось волнами, не стесненными толщей камня, и могло смыть любую подобную работу. Уцелели только истинные нити, и никакое переплетение не могло выжить долго в таких условиях.

Еще одна веревка свисала с дальнего конца туннеля, закрепленная на железном штыре, вбитом в трещину в стене. Одной из монахинь, пришедших на разведку, не хватило атлетизма, чтобы проделать это путешествие без посторонней помощи. Значит, никакой Красной Сестры.

— Нона! Нона!

Нона качнула головой, захлебнувшись, ледяная вода стекала с ее лица.

— Где?..

— Они снова собираются снаружи. — Джула наклонилась вперед, держа в руке флягу с водой. Над ней крыша пещеры покрылась красными волнами и тенями, солнце уже скрылось за гребнями гор.

— Ты упала... ты лежишь здесь уже целую вечность, бормочешь... мы думали, что тебя достал корень сегрена... или черное лекарство... или и то и другое.

Нона повернула голову и посмотрела в сторону входа. Там стояла Дарла, в капюшоне, довольно хорошо заполняя тюленьи шкуры Таркакса, тулар в руке.

— Она позволила им увидеть себя, чтобы они не подумали, будто мы убегаем через задний туннель, — сказала Рули.

Нона попыталась встать, стяхивая с себя последние мысли Гессы.

— Здесь нет заднего туннеля! — сказала Джула, сердито глядя на Рули. — Мы уже посмотрели.

— Давай поднимем тебя, — Рули подхватил Нону под руку.

— Подождите! — Нона выкрикнула это достаточно громко, чтобы отвлечь внимание Дарлы от склонов. — Я была с Гессой... то есть видела то, что видит она. Йишт снова в монастыре. Она пытается украсть корабль-сердце. Гесса попытается остановить ее.

— Йишт? О чем ты говоришь? — Дарла протопала вперед, перешагнув сначала через Таркакса, а потом через Ару. — Откуда ты это знаешь?

— Как Гесса может остановить ее? — Рули.

— Ее же убьют! — Джула выглядела потрясенной.

Нона села.

— Она думает, что сможет это сделать. Она больше не боится. Вот почему меня здесь не было. Мы соединяемся только тогда, когда с одним из нас происходит что-то действительно плохое.

— Черт побери, тогда она должна была бы следить за нами! — фыркнула Дарла. — У нас тут снаружи двенадцать видов плохого.

Нона нахмурилась.

— Среди связанных нитями совпадений не бывает, — повторила она слова Сестры Сквородка. Монахиня сказала им, что ритм их жизни начнет совпадать — и вот они обе

оказались лицом к лицу со смертью.

— Гесса думает, что сможет победить Йишт? — с сомнением спросила Рули.

— Да, но она не сможет этого сделать. — Нона покачала головой. — Это работа корабль-сердца, оно дает тебе силу, заставляет думать, что ты несокрушима... это как Путь. Но Йишт убьет ее!

Дарла вернулась, чтобы посмотреть на склоны, зная, что для тех, кто находится там в последнем свете дня, она будет невидима во мраке пещеры.

— Почему это происходит? — Рули помогла Ноне подняться. — Я имею в виду, почему сейчас, почему Йишт идет к корабль-сердцу, когда мы в ловушке и вот-вот умрем?

— Мы не умрем. — Нона сбросила с плеч свое поход-пальто. — Они. — Она сжала кулаки и почувствовала, как формируются дефект-клинки. — А когда будет лучшая возможность? Половина Красных Сестер ушла с Сало, чтобы проводить нас обратно. Лучших из Серых Сестер тоже нет. А если весть о Сестре Чайник дошла до монастыря, то настоятельница, возможно, послала еще сестер на помощь... сейчас самое подходящее время, чтобы нанести удар.

— Солдаты, которые искали убитых Таркаксом, вернулись. Все двенадцать, они снова на склоне. Они готовятся сделать ход. — Дарла понизила голос, но он дрожал от волнения.

Нона двинулась вперед.

— Позволь мне... — но тут ее схватил ужас Гессы. Нона боролась с нитью-связью, зная, что сможет только наблюдать за борьбой Гессы, зная, что ее друзья нуждаются в ней. Но сила связи оказалась слишком велика. Ее тело беспомощно упало, а враги собрались нанести удар. И снова Нона оказалась связанной в сознании Гессы. Молчаливый свидетель.

Гесса спустилась по веревке, здоровой ногой нащупывая пол, фонарь болтался у нее на локте, привязанный ремнем, дымный и горячий. Она спустилась и рухнула на гладкий мокрый камень, мышцы ее рук горели.

Подняв фонарь, она в ужасе вскрикнула. Всего лишь на расстоянии вытянутой руки от ее лица, невидимая во время спуска, Сестра Кремень сидела под соединительным проходом спиной к стене. Ее длинная шея лежала под странным углом к плечам, кости неприглядно торчали из-под темной кожи там, где угол становился наиболее острым. Ее глаза смотрели в никуда, отражая пламя фонаря, а из уголка рта бежала тонкая красная струйка слюны.

Возвращайся. Нона заговорила в шуме мыслей Гессы и осталась неуслышанной.

Гесса посмотрела на вход в шахту Йишт, освещенный далеким светом фонаря ассасин. Звук ударов киркой и грохот камней эхом отдавался в главном туннеле. Она снова посмотрела на Сестру Кремень. Она была Красной Сестрой, самым прекрасным воином какого только могла породить Сладкое Милосердие. И Йишт убила ее.

Возвращайся! — крикнула Нона, изо всех сил пытаясь быть услышанной, несмотря пульсирующие удары корабль-сердца.

Гесса подняла руки. Она могла видеть висящие на пальцах нити, которые вытянула из Йишт, — золотая, серебряная, алая и черная. Потяни за золотую, и поток воспоминаний хлынет на нее, затопит кровавой историей этой женщины. Вытяни ее достаточно далеко, и она увидит лед, увидит Йишт еще до того, как та начала помнить, закутанную в меха и невинную. Потяни за алую, и она сможет изменить мнение женщины, потяни достаточно сильно, и любое ее намерение сменится противоположным, каким бы твердым оно ни было. Потяни за серебряную нить, ту, что связывала Йишт с душой, и связь разорвется. Гесса знала, что сможет это сделать. Она держала жизнь Йишт в своих руках, и корабль-сердце давало ей

всю силу и ясность, в которых она нуждалась.

Гесса пробралась к шахте, камни царапали ее, резали руки и разрывали рясу. Темные брызги среди каменных обломков поймали свет фонаря Гессы и вернули его обратно. Она наклонилась и коснулась пальцем одного блестящего пятна: «Кровь!» — Значит Йишт не осталась невредимой после встречи с Сестрой Кремень...

Оглушительный грохот эхом прокатился по шахте, и мгновение спустя каменная пыль взметнулась вверх, затуманивая зрение Гессы, заставляя ее кашлять.

Тишина. Затем, когда пыль начала оседать, послышался звук покотившегося камня. Гесса прошаркала последний фут и посмотрела вверх по крутому склону узкого прохода, который вырезала Йишт. Весь проход светился. Свет лился из какого-то источника, гораздо более яркого, чем любой фонарь; он поймал остатки пыли и превратил ее в золото. Сначала Гесса подумала, что Йишт, должно быть, пробилась на поверхность, но когда пыль осела еще больше, она увидела размытые черные очертания женщины — свет охватывал ее со всех сторон, как будто миниатюрное солнце находилось перед ней на уровне талии. И если это было солнце, то это и была Надежда, а не красная звезда Абета, молодое солнце, полное белого и золотого.

И жара. Даже на таком расстоянии Гесса вспотела.

— Она никогда не выйдет с ним... — Гесса прищурилась от яркого света.

Свет изменился, тени побежали и закачались, пульс корабль-сердца изменился. Йишт повернулась, ее красные пальцы обхватили светящуюся сферу корабельного сердца, кости потемнели в розовой дымке плоти.

Уходи! — прокричала Нона Гессе, и на мгновение ей показалось, что ее услышали.

Гесса наблюдала, глядя одним глазом от входа в проход, ее решимость улетучилась, как туман на лед-ветру. Йишт никогда не выйдет с корабль-сердцем. Она начала отходить. Йишт держала перед собой корабль-сердце и толкала его к стене. Воздух заскулил, как будто тысячи комаров собрались на пир... и скала потекла прочь, как будто это была жидкая грязь. Йишт шагнула в пустоту.

— Нет! — Теперь Гесса все поняла. Йишт могла быть марджалом пол-кровкой или даже праймом, но ее камень-работы было достаточно только для того, чтобы помочь ей копать, ослабить камень, подготовить его к удару кирки, или позволить медленно и бесшумно начать шахту, которую она вырыла под своими гостевыми покоем. Возможно, это также позволило ей интуитивно понять, где проходят туннели и трещины... Но по мере того, как она приближалась к корабль-сердцу, ее мастерство увеличивалось, разрешив вырезать последние ярды прохода всего за несколько часов. И теперь — когда она держала в руках корабль-сердце — скалы двигались по ее воле. Гесса понятия не имела, во что обойдется Йишт такой подарок. Существовала причина, по которой сердце корабля лежало погребенным, а не в руках монахини... но чего бы это ей ни стоило, это также позволит марджалу камень-работнице спастись. Она может пробить туннель, закрыть за собой шахту и выйти в заранее подготовленном месте, чтобы, без сомнения, быть встреченной войсками Шерзал.

Гесса протянула руку к краю прохода и потянула за все нити Йишт сразу. Воин отлетела назад из дыры, которую создала. Противоположная стена остановила ее с хрустом, который заставил Гессу вздрогнуть. На мгновение она почувствовала себя виноватой — она не хотела ранить женщину, — затем рассмеялась над своим чувством вины, точно зная, что Йишт сделает с ней, если представится такая возможность. В следующее мгновение мысли и

воспоминания Йишт хлынули на нее и затопили, когда Гесса потянула за золотую нить ее существа.

Образы, пойманные сознанием Гессы, нахлынули на Нону. Один образ, горящий важностью, привлек ее внимание, и Нона ухватилась за него, когда он проходил мимо: амулет, который она забрала у Йишт, сигил, черный на фоне потока мгновений, воспоминаний, ощущений. И вместе с образом амулета пришло понимание. Сигил отрицания, созданный с исчезающе редким талантом мастером этого искусства столетие назад. Ключ Йишт к обороне дома настоятельницы. Ее второстепенная миссия — завладеть секретами монастыря — теперь не имела значения... Прижатый к любому заклинанию амулет мог стереть магию или, по крайней мере, разрушить ее.

Йишт медленно развернулась, свет от сердца корабля разлился вокруг нее, когда она выпрямилась, открывая его.

Убей ее! — крикнула Нона. — *Быстро!* — Так близко к сердцу корабля, и с нитями, вытянутыми из собственной крови Йишт... она могла бы разорвать серебряную нить, связывающую дух Йишт, и теплая плоть женщины упала бы на землю, пустая.

Гесса работала быстро, ловкие пальцы ее разума сортировали и перебирали нити, связывавшие ее с Йишт.

— Положи его. — Гесса только одними губами произнесла эти слова, но Йишт обнаружила, что опускает корабль-сердце на землю, не против своей воли, а потому, что ее воля изменилась.

Кончай ее! — Нона знала убийц. Йишт была убийцей. Гесса — нет. У убийцы всегда есть клинок. — *Не давай ей ни мгновения!*

Йишт подняла руку, и над головой Гессы от потолка отвалилась каменная глыба.

У нее не было времени отреагировать, не было боли, не было воспоминаний о столкновении, только сознание того, что мир перевернулся на бок, что масло фонаря вспыхнуло где-то вокруг ее ног, и что теперь она видит Йишта единственным глазом, полным крови. Ничего не болело, и это беспокоило Гессу больше всего.

Йишт приблизилась к ней с тонким ножом в руке, ее походка была неуверенной, как будто столкновение со стеной сломало что-то внутри.

— Личный подход. — Гесса обдумала эти слова, но ее губы едва шевелились, а дыхание было влажным.

Нона бросила каждую унцию своей воли против нитей, связывавших ее с Гессой, но в результате мир только начал трястись, как будто Йишт решила отказаться от ножа и подняла всю свою земля-магию, чтобы сокрушить врага.

— **НОНА!** — **ПОЩЕЧИНА**, от которой ее щеки запылали. — **Нона!** — Крик в лицо полный отчаяния.

Нона не открыла глаз — они уже были открыты, — но она снова начала видеть сквозь них. Ее трясла Дарла:

— Проснись! Они идут! Все до единого!

— Купи мне минуту! — Она выдохнула эти слова, и пораженная Дарла отпустила ее.

— Что?

— Одну минуту. — Нона села. — Мне нужно помочь Гессе. — Ее тень лежала перед ней, отбрасываемая заходящим солнцем, протянувшись к задней части пещеры, где она сливалась с общим мраком. Нона сжала кулак и вытянула из него один палец,

заканчивавшийся единственным дефект-клинком.

— Подождите, мы ее высылаем, — крикнула Дарла от входа в пещеру. Она отпрянула назад. — Если они собираются нас убить, почему они так хотят, чтобы мы послали тебя?

— Чтобы меня не убили в бою. Как только в дело пойдут мечи, может случиться все, что угодно. — Нона принялась резать свою тень, срезая ее прямо из-под ног. — Arrrrr! Черт побери, это больно! — Она знала, что ее клинки режут тень — этому ее научили в Академии. Она не знала, что резать собственную тень будет так же больно, как резать собственную плоть.

— Что? — Рули в ужасе уставилась на рваный край тени Ноны и странное искривление света вокруг разреза. — И как это их остановит?

— Не их. *Ee!* — Нона ударила снова, длинным рвущим движением, крича от боли.

Позади нее Дарла подхватила окоченевшее тело Ары и понесла ее ко входу в пещеру. — Мы должны были усмирить ее ядом! — крикнула она наружу.

— Что ты делаешь? — Джула присоединилась к Рули, сжимая дрожащий кинжал. Трудно было сказать, к кому она обращалась — к Ноне или к Дарле.

— Нарушаю правила. — Нона бросилась на свою разорванную тень, прежде чем та успела скрыться в кромешной тьме, а затем метнулась обратно к Гессе, боясь, что будет слишком поздно, боясь, что она промчится вдоль нитей уз, выкованных в такой печали и так давно, только для того, чтобы найти ничто, просто пустое место, которое ее подруга когда-то занимала в этом мире.

Острие ножа Йишт замерло на расстоянии пальца от глаза Гессы. Сама Йишт сидела на камнях прямо перед ней. В другой руке ассасин Шерзал держала корабль-сердце — белоголубой чудо-шар, поверхность которого представляла собой многослойное сооружение, по которому плавали призраки знакомых и неизвестных форм. Она прижимала его к дыре в своей тунике, плоть под ней была разорвана и окровавлена.

— ...я не склонна к жестокости, ребенок.

Нона сообразила, что это говорит Йишт.

— Но ты проникла в мой разум, а подобное нарушение не может остаться без ответа.

Гесса чувствовала запах горящего мяса и знала, что это она, но боль все еще не достигала ее. Нож, приставленный к глазу, напугал ее, но она откинула голову назад, насколько могла, и острие все еще продолжало приближаться.

Нона чувствовала себя потерянной, бессильной наблюдательницей, ее планы были нелепы. Где-то у нее были руки, и эти руки были полны теней, но ее честолюбивое желание протащить эту освобожденную тень к Гессе лежало так далеко за пределами ее таланта, что она понятия не имела, с чего начать.

Помоги мне, Гесса!

И там, где приказы и требования Ноны остались незамеченными, ее крик о помощи привлек внимание подруги — даже под пятой мести Йишт.

— Каким образом?

Помоги мне притащить ее сюда! Она попыталась показать Гессе, что ей нужно.

— Легко! — Гесса почувствовала, что уплывает прочь, за пределы боли, за пределы борьбы. Она слышала песню Предка, многоголосую и более прекрасную, чем все, что она когда-либо могла себе представить. И все же — ее подруга попросила о помощи...

Когда корабль-сердце было так близко, казалось, сама простота — взять темные нити из неуклюжих кулаков Ноны, безрезультатно колотившим по стенам между ними, и протянуть

эти нити через узы, которые они разделяли. *Мы — дети Гилджона.* Эта мысль пронеслась по глади ее сознания, когда песня Предка стала громче. *Сестры по клетке.*

Останься! Нона попыталась удержать Гессу. Она чувствовала, что та уходит, но не имела ни малейшего представления о том, куда она идет и как последовать за ней.

Острие клинка Йишт прочертило горячую линию вдоль лица Гессы, и в это мгновение боли тени внезапно закружились, поднимаясь от земли так быстро, густо и темно, что разбитые камни задребезжали от их движения. Тень Ноны отделилась от тени Гессы и бросилась на Йишт, словно продолжение ее воли, раздирая, разрывая, выкрикивая свою ненависть в диапазонах, которые невозможно услышать.

Судя по тускнеющему, пропитанному кровью виду, которое давал глаз Гессы, Йишт отскочила назад с рваными ранами и разорванным пальто. Она повернулась и захромала прочь, тыча корабль-сердцем в тень Ноны, чтобы отогнать его. Нона увидела, как ее тень стала огромной и чудовищной, словно это была тень ее истинного «я», колючая от ненависти, раздувшаяся от ярости. Йишт пятилась назад, отступая вверх по шахте, которую она столько часов и со столькими усилиями прорубала в скале. Шахте, которая никуда не вела и не давала выхода.

— ...идут...

— Проснись! Вставай!

— Я проснулась. — Она открыла глаза.

— Нона... — Джула протянула руку, и на ее лице не было надежды, только слова прощания. Снаружи приближался топот множества ног. Стрела отскочила от стены и с грохотом влетела в пещеру.

Нона покачала головой и плавно поднялась на корточки. Ярость, в которой она так нуждалась, наполнила ее с ног до головы, ее тело вибрировало от нее.

— Я была рождена для убийств — боги создали меня для разрушения. — Она отбила в сторону одну стрелу и выхватила из воздуха другую, прежде чем та достигла шеи Джулы. Она засунула ее за пояс.

Нона рванулась вперед и вверх, целясь в ярко освещенный вход, где высокие фигуры толпились, как тени зубов в открытом рту пещеры. Ара лежала у их ног, беспомощная жертва. Стрелы, слепо пущенные во мрак, рикошетили от стен, стуча вокруг нее по каменному полу. Позади себя она слышала крик Дарлы, когда послушница нашла в себе смелость и вызов. Что-то пронеслось мимо уха Ноны, пока она сокращала расстояние до врага, настигая ее, вращаясь и рассеивая последние лучи солнца. Метательная звезда Клеры, пущенная куда более умелыми пальцами Рули, нашла лицо ближайшего солдата.

Когда ноги Ноны понесли ее вперед по неровному полу пещеры, она позволила своему гневу, каждой частичке боли, ярости и отчаяния бросить ее разум на Путь. Нона без труда собрала то, что ей было нужно. Она чувствовала, как уходит Гесса, чувствовала, как ее милая и умная душа соединяется с чем-то большим и более далеким, словно ручеек, втекающий в океан. Гесса ушла, на последней миле она не хромала и не шаркала, даже не шла на обеих ногах, а бежала. Гесса не боялась смерти. Но Нона боялась жить без нее.

Попав на Путь, Нона не сделала ни малейшей попытки замедлиться или обрести равновесие, к которому всегда стремилась: вместо этого она использовала свою скорость, как и на меч-пути, позволяя ярости толкать себя, а безмятежности — держать; она мчалась по перекрученной невозможности Пути, пронеслась сквозь извилины и полагалась на инстинкт, чтобы не сбиться с курса, что бы ни случилось.

В то самое время, когда мысли Ноны бежали по Пути, ноги гнали ее к солдатам, толпившимся у входа в пещеру. Она наклонилась к стене, прыгнула на нее и оттолкнулась, набирая высоту. Ее скорость и неожиданный характер нападения, пришедшего к слепым от дневного света людям из темноты пещеры, пронесли ее за острия их мечей. Ее цель, более быстрая, чем остальные, сумела поднять свой клинок, но Нона прокрутилась вокруг него, ее движения в физическом мире каким-то образом дополняли и дополнялись одновременным бегом по Пути.

Нона летела, вытянув руки, и ударила мужчину в лицо обоими кулаками. Ее шестидюймовые дефект-клинки, торчащие из костяшек пальцев, дали ей необходимую опору, чтобы поставить ноги ему на плечи. Не останавливаясь, она освободила лезвия и прыгнула дальше. Меч зашипел в ее сторону, когда она пролетала над последним из солдат. Ей удалось сильно махнуть руками перед собой, когда клинок перерезал ей путь. Последовал мгновенный контакт, яркий металлический звук, и она упала на землю, кувыркаясь по каменистому склону; вокруг нее, звеня, падали части аккуратно разрезанного длинного клинка.

Нона упала с Пути в тот же миг, как ударилась о землю. Удар о грубый камень мог сломать кости или, по крайней мере, разорвать плоть, и оставить ее слишком раненой, чтобы сражаться. Вместо этого, окутанная силой Пути, Нона оставила за собой канал из разбитого камня и, перекатившись на ноги, присела в боевой стойке. Она не знала, сколько шагов прошла по Пути, но их было много, и с каждым шагом внутри нее нарастала энергия. После десятого или двенадцатого Нона заметила, что энергия покидает ее, и что каждый новый шаг наращивает ее резервы немного медленнее, чем предыдущий, но все же это накопление было неумолимым и волнующим. И это было настолько великолепное чувство, что, если бы она не упала, никогда не покинула бы Путь добровольно.

Сидя на корточках — солдаты поворачивались, пытаясь ее увидеть, — Нона поняла, что столкновение с землей спасло ей жизнь. Даже сейчас она боролась с тем, что дал ей Путь. Его сырая энергия дымом выходила из ее кожи. Скала вокруг нее задрожала, и выбитые ею при падении осколки камней начали подниматься с земли, медленно вращаясь.

Нона открыла рот, и крик, который вырвался из него, был больше, чем ее тело, — он, как молот, ударил по скале, срубил солдат, которые начали падать, как пшеница, срезанная косой, загремел прочь по каждому оврагу, достиг далеких стен Хребта и эхом вернулся назад. Крик разорвал ее легкие и горло, разбрызгав ярко-алую кровь по камням перед ней. Нона чувствовала, как распадается на осколки, каждый из которых был ее образом, пойманном временем, когда сила, которую она изо всех сил пыталась сдержать, вибрировала сквозь материю реальности.

Ара была разбита на три части энергией Пути, которую она использовала в тот день, когда в монастырь пришел Зоул. Но она сражалась и вновь стала целой. Нона встала, состоя из девяти частей — некоторые были захвачены в тот момент, когда она упала на скалу, другие держались вокруг нее, некоторые просто поднимались на корточки, другие вставали на ноги.

В тот самый момент, когда заимствованная сила Ноны угрожала разбросать ее по склону, что-то ударило ее в грудь. Ее пронзило холодное, сосущее что-то, голодная пустота, высосавшая часть того, что она приняла.

Нона знала, что за один удар сердца ее тела разорвется на части и каждая частичка умчится прочь, оторванная энергией Пути. Ей нужно было собрать себя в единое целое,

найти общую нить, которая свяжет их вместе. Все, о чем она могла подумать, все, что заполнило ее сознание, когда она смотрела на солдата, с которого спрыгнула, все еще падающего, с разбитой головой — жажда убить остальных.

Этого хватило.

С треском, словно какая-то глубокая кость встала на место, Нона оказалась целой, овладела энергией Пути и вплела ее в плоть, укрепляя и бронируя свое тело. Камни висевшие в воздухе вокруг нее, начали падать.

Нона рванула рясу на груди, где холод каким-то образом пронзал ее вновь обретенную силу. Ряса порвалось, и амулет Йишт выпал из разорванного внутреннего кармана. Нона отбросила его, прежде чем железный сигил смог выпить еще немного ее силы.

Она замедлила вращение мира, глубже погружаясь в то мгновение, в котором находилась. Падающие камни, казалось, ползли к земле, и когда она бросилась на высокого воина с топором, стоявшего ближе всех к ней, она пронеслась по воздуху так быстро, как никогда не летело никакое копьё. Ее крик ярости заставил его начать падать, но она не дала ему времени удариться об землю.

Нона двигалась среди закованных в кольчуги тел своих врагов, вращаясь и раскачиваясь, открывая ужасные раны везде, где касались ее руки. Щиты и кольчуги не оказывали сопротивления ее клинкам. С Пути-силой, заключенной в ее мускулах и костях, хорошо направленный удар мог раздробить бедро взрослого мужчины через его броню. Ее кровь пела от насилия. Нырнув под взмах меча, она вцепилась в колено женщины и бросилась на самого крупного из них, семифутового воина, крупного и мускулистого. Нона запрыгнула на него. Удар, который она нанесла ему в горло, был настолько силен, что ее рука прошла сквозь его шею, разбрызгивая мелкие кости позвоночника в малиновые брызги.

Красная работа убийства продолжалась. В какой-то момент Нона вытащила из-за пояса стрелу и воткнула ее в глаз человека, который стрелял в нее. Нона так долго скрывала свою тайну, так долго старалась быть... нормальной, но правда лежала вокруг нее в багровых дугах крови, написанных на камнях. Она пришла в Сладкое Милосердие, клейменная именем «убийца», которой стала, придя в Калтесс из клетки, куда, в свою очередь, попала из-за первой резни, ученной ею. Но еще до этого деревенские дети видели ее такой, какая она есть, — лисой среди кур. *«Биллем Смитсон пытался причинить мне боль, — сказала она. — Это было внутри него».* Ей, должно быть, было всего три или четыре года.

Она увернулась от ленивого спуска двух мечей и удара копьем, нырнув между лесом ног, она рассекала мясо бедра, вскрывала мышцы и артерии, оставляя отметки на костях. Послушницы, монахини, сама настоятельница, все они теперь узнают, что она чудовище, бешеное животное, непригодное для общества достойных людей, святых или нет.

Топор метнулся к ней, его владелец был бледным и отчаявшимся; он скорее мог ранить друга, чем достичь Ноны, и все же, по счастливой случайности, он поймал ее во время поворота, почти не имевшей времени отреагировать.

Ее клинки разделили рукоять на кувыркающиеся секции, через которые она и нырнула. Головка топора отлетела в сторону и ударило в грудь женщину, колено которой Нона повредила и которая все еще падала.

Люди, которые были в первых рядах банды, ворвавшейся в пещеру, вернулись к месту кровавой бойни. Помимо четверых, выскочивших на свет, только один солдат остался невредим. Все четверо остановились — опрометчивое колебание, которое позволило Ноне прыгнуть на лицо их спутника и с криком бросить его его голову на камни среди останков

его товарищей.

Когда Нона подняла свою голову, с волос которой капала кровь, четверо выживших отступили на шаг. Тулар Дарлы опустился в неумелом, но сокрушительном махе, едва не обезглавив самого левого из мужчин и вонзив лезвие глубоко в его грудь. Появилась Джула, обняв за плечи следующего, крича и яростно вонзая нож ему в шею. Рули свалила еще одного, ударив камнем, который она держала двумя руками, в колено сзади.

Последний солдат бросился бежать, петляя по склонам. Нона выхватила окровавленное копье у поверженного хозяина и метнула его. Энергия пути уже улетучилась из ее рук, и копье показалось тяжелым. Но даже так оно полетело верно и ударило его между лопаток, бросив на землю.

Нона стояла, тяжело дыша, кровь капала с рук, кровь в волосах, вкус крови во рту, кровь текла по ее ногам, кровь покрывала рясу, словно она уже была Красной Сестрой. Она подняла глаза, ее взгляд медленно заскользил по дергающимся раненым и неподвижным мертвецам, боясь увидеть осуждение на лицах подруг.

Все три стояли над телами убитых ими солдат. Джула с ее пепельными волосами, растрепанными и торчащими во все стороны, лицо, шея и плечи забрызганы кровью, нож Таркакса блестит в руке. Рули подняла лицо, камень в ее руках потемнел от крови. Она разбила солдату голову, когда он упал, и брызги крови украсили ее алым цветом. Дарла влажным рывком высвободила тулар и подняла его над головой. Все три на мгновение замерли, тяжело дыша. Потом все как один заорали о своей победе, и Нона, подняв руки, завывала вместе с ними. Она стояла, сердце ее колотилось, глаза были полны слез, грудь переполняла странная смесь горя и ликования, которую она никогда не могла объяснить, чувство, которое не могли выразить никакие слова.

Ей потребовалось мгновение, чтобы вспомнить Гессу. Ее смерть все еще не казалась реальной. Нона стояла, не отбрасывая тени, и обнаружила, что ничего не чувствует к своей подруге. Есть эмоции, настолько большие, что их нельзя увидеть изнутри; они — как ледяные узоры, написанные на пустых милях, которые имеют смысл только с большой высоты. Она тяжело пошла, шатаясь, усталость догнала ее. Со временем она найдет эти мили, и тогда, она боялась, будет достаточно горя, чтобы заставить мертвых плакать.

Нона подошла к Аре, которая лежала на краю склона с веревкой вокруг запястий, где один из солдат начал ее связывать. Они не верили, что яд удержит ее в неподвижности, но все равно он хорошо справился. Нона встретилась взглядом с Арой, разрезая пути.

— Они все мертвы, Ара. — Нона оглядела себя, все еще красная от побоища. Она все еще не могла заставить себя заговорить о Гессе. Ей хотелось убежать в монастырь, пробежать всю дорогу и убить Йишт собственными руками.

— Некоторые просто ранены. — Рули подошла, с пустыми руками. Когда Рули заговорила, Нона услышала позади себя стон.

— Мы должны с этим что-то сделать. — Дарла подняла окровавленный тулар и задумчиво посмотрела на него.

— Они не представляют угрозы, — сказала Джула, рукав ее рясы был красным и мокрым. — Нам нужно заставить остальных двигаться. Тогда мы сможем уйти.

Склон пропах смертью, отвратительный запах.

— Оставьте их в покое, — покачала головой Нона. — Лучше помогите мне с Арой, — Она выпрямилась. Когда она двинулась, ее внимание привлек блеск солнечного света на металле дальше по оврагу.

Последний луч заходящего солнца все еще освещал Хребет Дьявола, и, когда человек появился в поле зрения, свет украсил бисером гладкий изгиб стального наплечника. Мужчина был закован с головы до ног в броню, раковину из переплетенных стальных пластин, его шлем представлял собой цилиндр с дырами впереди. Нона была поражена, что кто-то может ходить под такой тяжестью металла.

— Унесите Ару обратно в пещеру! — крикнула она.

По крайней мере пятеро солдат еще дышали, хотя, возможно, никто из них не переживет ночь. Она присела на корточки рядом с женщиной, ветераном со шрамами на лице, ее дыхание было поверхностным, головка топора сидела в ее ребрах там, где она пробилась звенья кольчуги. Нона грубо встряхнула ее.

— А это еще кто?

— Ты не можешь... ать? — Женщина поморщилась. — Подожди... пока он не подойдет... ближе.

— Раймел Таксис? — Нона все поняла. Только герант мог носить такие доспехи.

Она двинулась вниз по склону, скользя по рыхлому камню, в овраг, где журчал маленький ручеек. Когда Раймел подошел ближе, Нона снова испытала то же потрясение, как и тогда, когда ее глаза впервые осознали его размер. Меч, который он вытащил из-за плеча, был, должно быть, шести футов в длину и тяжелее ее.

— Когда имеешь дело с ведьмами, всегда стоит подождать. — Раймел Таксис опустил острие меча на землю. — Возможно, мне следовало привести с собой больше солдат. Я бы предпочел, чтобы тебя схватили и мы могли бы провести какое-то время вместе. Но отец держит свои войска в ежовых рукавицах и считает, что ты не стоишь того, чтобы нарушать обещание, данное императору. Не в этом году, во всяком случае. Я с ним не согласен. — Его голос был таким же глубоким и богатым, каким его помнила Нона, но под ним, на самом краю слуха, она, казалось, слышала другие интонации, другие шепчущие слова голоса, голоса, которые были старше, жестче и голоднее.

Нона отступила, подстраиваясь под наступление Раймела.

— Я думал, ты боец, малявка? — Еще три шага. — В Калтессе ты выглядела достаточно пылкой. Оба раза.

Нона продолжала пятиться.

— Теперь, когда ты потратила свою магию, ты уже не такая храбрая? — Острие меча Раймела с грохот скользнуло по камням у ручья, с неблагозвучным шумом оставило отметки на подножии утеса.

Нона моргнула. Призрачное эхо Пути висело в темноте позади ее глаз, но оно лежало вне ее досягаемости, как иссякшая страсть. Возможно, она сумеет дотянуться до него на следующее утро, но не раньше. И ее дефект-клинки — она видела, что они едва царапали человека, защищенного дьяволами, которые делили его кожу. Она продолжала пятиться.

Раймел перестал наступать.

— Пытаешься увести меня от своего гнезда, мать-птица? — Он повернул голову, чтобы посмотреть на пещеру и тела, распростертые под ней. Дарла исчезала в пещере, держа Ару на руках. Еще бы мгновение, и она бы скрылась из виду. — Все это, — он поднял руку в перчатке к стальным пластинам на шее, туда, где она порезала его два года назад, — было из-за другого птенца. Я был обязан узнать ее имя после того, как мне стало лучше. Сайда. Грязная маленькая крестьянка, как и ты. Не то, из-за чего умирает наследник Таксиса! — Он поманил Нону к себе. — Ты все еще сердисься из-за нее? Бьюсь об заклад, так оно и есть.

Ты должна выйти и показать мне.

Нона схватила из ручья круглый камень и попятилась назад.

— Нет? — Раймел помолчал. — Я рад, что она умерла. Я сожалею только о том, что мне не удалось это сделать, и по-моему. Но отец просто приказал ее повесить, и быстро. Он не из тех, кто любит скандалы, мой отец. — Он вложил меч в ножны и широко раскинул руки, словно провоцируя ее на нападение. — Ты помнишь, как она кричала?

В глубине сознания, где Нона ожидала вспышки гнева, возник образ Сайды. Ее широкое лицо с его смесью робости и дружелюбия. Если бы она была здесь, то лечила бы раненых. Солдат, которых разорвала Нона. Сайда хотела исправлять, а не ломать. Нона сделала еще один шаг назад.

Раймел пожал плечами, его доспехи протестующе закрипели.

— Похоже, кое-кто из твоих друзей не сможет бегать так же быстро, как ты. — Он пошел к пещере, такими шагами, что большинству людей пришлось бы бежать трусцой, чтобы не отстать.

Нона бросила камень. Она отскочила от шлема Раймела. Тот даже не обернулся.

— Рули! Джула! — закричала Нона. — Дарла! Он идет. Он идет за вами.

Страх пробежал по ней, холод пронзил до костей ^[5]. Впервые за целую вечность она ощутила лед-ветер, дующий порывами, потерявший силу, но все еще ледяной, а у нее не было поход-пальто: «Он идет!» — Она не знала, что делать. Она хотела, чтобы они бежали, но, если они оставят Ару, Зоул и Таркакса, Раймел заставит овраги зазвенеть от их криков.

Дарла появилась у входа в пещеру с туларом Таркакса в руке, все еще липким от крови. У нее отвисла челюсть, когда она увидела огромную фигуру Раймела, шагающую по трупам.

Нона отбросила усталость и бросилась бежать. Она поймала Раймела за пять ярдов до пещеры и бросилась на него. Подпрыгнув и вытянув руку так высоко, как только могла, она вонзила дефект-клинки в его поясницу. Один набор проткнул стальную пластинчатую броню, другой скользнул по ней, оставляя на металле яркие линии. Подтянувшись выше, Нона протянула руку и изо всех сил рубанула вторым набором клинков чуть ниже лопаток.

Раймел заревел и начал поворачиваться. Но если клинки и ранили его, то это были всего лишь царапины. Кровь не хлестала и даже не вытекала из щелей, которые она проделала в его кольчуге. Пока он поворачивался, она карабкалась все выше, рубила и снова карабкалась, как скалолаз, погружающий в лед свои ледорубы.

Огромная рука потянулась к ней, достаточно большая, чтобы обхватить голову Ноны и раздавить ее, как орех. Отпустив кольчугу, она схватила большой и указательный пальцы; одетые в латную рукавицу, они были настолько толстыми, что она не могла сомкнуть вокруг них собственные пальцы.

Скорость хунска позволила ей вскарабкаться на его запястье и достичь железной вершины локтя прежде, чем хватающая рука успела сомкнуться в воздухе там, где она только что была. Обхватив одной ногой его локоть, Нона рубанула по забралу Раймела, вложив всю свою силу в два удара: восходящий — слева направо и, уже падая, нисходящий — справа налево.

Упрямая сталь сопротивлялась ее клинкам, пока они не натыкались на одно из многочисленных отверстий, через которые воин видел мир. Затем, ворвавшись внутрь, дефект-клинки умудрялись прорезать несколько линий от одних дыр к следующим, прежде чем снова выскочить на поверхность.

Нона развернулась в воздухе и приземлилась на ноги, тут же споткнувшись и упав

навзничь на раненого солдата, схватившегося за рану в животе. Со своего места на земле она увидела, что перекрещивающиеся клинки вырезали несколько ромбовидных секций забрала, и теперь она могла видеть один сверкающий глаз, скулу ниже и часть носа Раймела. Но его плоть сопротивлялась клинкам лучше, чем сталь — там, где его лицо должно было быть изрезано в клочья, остались лишь красные царапины.

Огромный меч Раймела Таксиса упал, как молния, разделив человека, о которого споткнулась Нона. Она откатилась в сторону, когда лезвие вонзилось в скалу. Ее скорость покидала ее сейчас, потраченная на слишком много актов экстравагантной быстроты. Раймел выпрямился, взмахнув мечом над склоном. Нона попыталась вникнуть в этот момент, но промежутки между ударами сердца, когда-то такие глубокие, теперь выдавили ее наружу. Она перескочила через режущую кромку всего на дюйм.

На фоне утомленной Ноны, Раймел, казалось, обладал безграничной выносливостью. Преследуя ее, он испускал ледящей душу вой — смесью ликования и ненависти. Нона схватила брошенный меч и, пробежав под очередным ударом, рубанула Раймела по ноге. Это было все равно что рубить каменный столб. Меч выскользнул из ее рук, и от удара, передавшегося по лезвию, запястья ее пронзила белая мучительная боль.

Сверкающая дуга следующего взмаха Раймела привлекла внимание Ноны, и удар ногой поймал ее врасплох — скользящий удар, пришедший сбоку, пока она смотрела на меч. Удар закружил ее, и она упала среди тел, схватившись за горячую влажную боль в боку: сломанные ребра, по крайней мере.

— Ты еще пожалеешь, что сделал это, — прорычала она. — Но не очень долго. — Придя в ярость, она попыталась вскочить на него, но на этот раз тело предало ее, слишком поломанное и наполненное слишком большой болью, чтобы повиноваться.

Раймел возвышался над ней, поднимая ногу, чтобы наступить ей на ноги.

Нона подняла руку в тщетной попытке защититься, и в этот момент что-то маленькое и вращающееся прорвалось сквозь пустое пространство над ней, исчезло в щели, которую она проделала в забрале Раймела и ударило его в глаз.

С безумными криками Дарла, Рули и Джула бросились вниз по склону, размахивая над головами украденными мечами. Раймел, взыв, выронил свой собственный клинок и поднял огромную руку к лицу. Трое послушниц кололи и рубили его со всех сторон, от лодыжек до груди. Нона выползла из схватки, скользя вниз по скользкому от крови склону, держась за ребра.

Раймел выдержал бурю мечей. Он развернулся среди грохота и лязга, размахивая левой рукой. Дарла приняла на себя основной удар, его предплечье ударило ее в живот и оторвало от земли. Она приземлилась в нескольких ярдах от него с ужасающим стуком. Рули и Джула, сбитые с ног, повалились в сторону Ноны.

Одетые в железо пальцы сомкнулись на острие метательной звезды и вытащили ее из развалин глаза Раймела. Он отбросил оружие в сторону. За неповрежденной секцией забрала алый глаз, принадлежащий дьяволу, уставился на растянувшихся послушниц, ненависть была такой сильной, что казалась физической, давящей на них, обжигающей и ледяной одновременно.

Нона схватила копье и перекатилась на спину. Она умрет лицом к лицу со своим врагом, с оружием в руках, а не уползет прочь. Рядом лежала Рули, оглушенная, с окровавленной головой. Джула перекатилась на бок рядом с Рули, ее запястье было согнуто под болезненным углом, нож во второй руке, глаза сверкали. И Раймел стоял над ними,

покрытый тенью после захода солнца; его огромный меч поднялся и приготовился прикончить всех трех одним ударом.

Из темного входа в пещеру вынырнула маленькая фигурка, шатаясь и неуклюже ступая на негнущихся ногах. Арабелла Йотсис, с растрепанными золотистыми волосами, безоружная, шатаясь, спускалась к ним по склону. Ноне хотелось крикнуть ей, чтобы она бежала, но было уже поздно. Слишком поздно для чего-либо. По крайней мере, Ара сможет умереть вместе с ними, в один кровавый миг, и избежать жестокости Раймела.

Какой-то воинский инстинкт — возможно обыкновенный острый слух — заставил Раймела оглянуться, но, увидев спотыкающегося ребенка, он быстро вернул свое внимание к жертвам перед ним.

Последние несколько ярдов Ара спотыкалась и падала, лишь в последний момент вскинув руки над головой. И в этот момент Нона осознала силу Пути, дрожащего в пустых ладонях Ары. Ара хлопнула по броне на спине гиганта, и энергия, которую она собрала, достигнув безмятежности в худшей возможной ситуации, излилась в Раймела Таксиса. Сырой материал творения взорвался на Раймеле, как когда-то взорвался на боевом манекене, который пострадал от гнева Ары вместо Зоул. Доспехи Раймела запульсировали светом и, с яростным и оглушительным треском, разлетелись на части.

Нона стряхнула эхо с головы и, подняв глаза, обнаружила, что, хотя Ару сбило с ног, Раймела — нет. Он стоял в изломанных остатках своей пластинчатой брони, пятьсот фунтов кровоточащих мышц, уложенных в три ярда высоты. Синевато-багровая метка, тянувшаяся по его шее, продолжалась вниз по широкой груди, извиваясь в узоры, которые помнили сложность и форму сигиллов. На боку и ниже плеча виднелись огромные пятна алой рубцовой ткани, словно от старых ожогов. Своими рубцами и впадинами, они, казалось, удерживали внутри злобные лица. Летящие куски доспехов прорезали неровную борозду на его теле, но в целом он остался невредим. Сила взрыва снесла его шлем, и он уставился на нее обоими глазами: одним, разрушенным и мокрым, и другим — алым окном в разум дьявола. Под ними висело эхо улыбки, которую он носил, когда сломал Сайду.

В это мгновение в Ноне снова взревел воин, найдя последнее прикосновение скорости, последний вздох силы. Она бросила копье, за которое цеплялась. Оно ударило достаточно сильно и вонзило пару дюймов лезвия между ребер Раймела, достаточно, чтобы удержаться там, гордясь собой. Поднявшись одновременно с броском, Нона пролетела между ног Раймела, выдернула из земли брошенный нож и полоснула его сзади по колену, где пластина брони висела на одной заклепке, обнажая плоть. Она сделала глубокий надрез, рассекая сухожилия и мышцы. Потеряв равновесие, Раймел начал падать. Рули и Джула, не теряя времени, очистили ему место, когда он с ревом упал между ними.

Наконечник копья Ноны вырвался из спины Раймела, когда тот упал, ударившись рукоятью о землю и вытянув руки, чтобы принять удар. Нона вскарабкалась на бледную и обнаженную спину Раймела, а громадный мужчина с приглушенным ревом вскочил на четвереньки. Она вонзила нож ему между лопаток. Опять и опять. Дьяволы под его кожей кричали и бушевали, странные и чужеродные формы двигались под его плотью. Нона резала их, как змей под ковром. Кровь, хлынувшая из этих ран, обжигала и воняла, пачкая ее руки, наполняя ее черной агонией за пределами понимания — но ее ярость оказалась больше, чем любая боль, и сталь в ее кулаке поднималась и опускалась. Нона ехала верхом на своем враге, ее вопли были контрапунктом к его реву.

И все же, несмотря на изуродованную спину, Раймел повернулся и перекатился,

потянувшись к Ноне, копьё, пронзившее его живот, ударилось о землю. Она отползла на спине, но одна огромная рука сомкнулась вокруг ее ноги ниже колена.

— Нет! — Нона вонзила кинжал ему в запястье, теперь с ее гневом боролся страх. — Умри!

— Я не могу умереть. — Он не разжал рук, сплевывая кровь, и притянул ее к себе. — Они мне не позволят! — Его красный глаз встретился с ее черными, и в этот момент она поняла, что никакая рана не остановит его. — Я не могу умереть.

В последний оставшийся у нее удар сердца, Нона заметила амулет Йишт, тускло поблескивающий между двумя камнями почти в пределах досягаемости. Она бросилась к нему, вытянув руки перед собой. Если бы не кровь, она бы никогда этого не сделала. Скользя от крови рука Раймела скользнула по ее ноге от колена до лодыжки, и кончиками пальцев она поймала железный сигил.

— Я не могу умереть, — Раймел навис над ней, стоя на четвереньках.

Нона села и большим пальцем прижала черный сигил к его лбу:

— Нет, можешь. — Другой рукой она вытащила нож из его запястья и вонзила его под подбородок Раймелу, по самую рукоять.

Раймел заревел. Нона увидела лезвие, сверкнувшее у него за зубами. Сигил отрицания прожег его лоб и разъял плоть, вокруг него поднимался красный туман, и с хором криков дьяволы покинули его тело. Хватка на ее лодыжке ослабла, и Нона откатилась в сторону, повернув колени и освободив ногу. Позади нее Раймел Таксис рухнул на землю, раскинув руки и залил алым камнями вокруг себя.

Очень важно, убивая монахиню, привести с собой достаточно храбрую армию. Ибо когда Сестра Клетка из монастыря Сладкого Милосердия выходит на поле боя, мужества часто не хватает.

Она вышла из подземелий, и Скала Веры содрогнулась до основания, как будто глубоко в слепоте своих корней Скала сама родила ее.

Она встала среди монастырских зданий, позади огромного Собора Предка. Самые младшие из послушниц все еще находились в их дормитории, у двери сидела одинокая древняя монахиня. Они смотрели в окна, разинув рты. Много лет назад, до того, как некоторые из этих девочек появились на свет мокрыми и кричащими, другая группа послушниц наблюдала, как Сестра Клетка впервые появилась в Сладком Милосердии.

Мало что осталось в Сестре Клетка от того ребенка. Она стоит, не отбрасывая тени, в окруженном факелами дворе, и в одно мгновение послушницы понимают, что все рассказы — правда. Она смотрит в их сторону, каждый глаз абсолютно черный, словно кто-то вливал в них пропавшую тень, пока не заполнил ее череп.

Далекий крик раздается из-за Собора Предка, глубоко среди колонн. Сестра Клетка поворачивает голову. Она смертельно бледна, странна в своей красоте, у нее черные и неровные волосы, коротко подстриженные. Ее ряса выцвела, покрылась пятнами, волочит за собой рваные хвосты ткани, но она все еще красная, и на бегу она похожа на смерть, спускающуюся с какого-то высокого места.

МЕЖДУ КОЛОННАМИ СТОЯЛИ пеларти, образуя широкий ореол вокруг того места где Сестра Шип лежала в своей крови. Клера Гомал стояла над упавшей монахиней, которую когда-то и очень давно она в этом месте называла подругой. Казалось, что мир вращался вокруг них, столбы вращались вокруг оси, которая стояла между Шип и Клерой, как все звезды на небе вращаются вокруг одной точки тьмы.

Клера Гомал открыла было рот, чтобы заговорить, но не сказала ничего, ибо годы лишают нас слов для таких моментов, делая каждую истину слишком горькой для языка, слишком тяжелой, чтобы ее можно было произнести. Она стояла среди чужих людей перед телом сестры.

Сестра Клетка выхватила меч и побежала к первому из пеларти. Несколько часов назад Сестра Сало вложила ей в руку рукоять этого меча. Длинное лезвие, тонкое, с легким изгибом, его край достаточно жесток, чтобы резать тишину и заставлять ее кричать.

Она не искала Пути, не издавала ни одного боевого клича, не бросала никакого вызова. Она проскочила через группу из шести человек, и звон ее меча о металлический воротник последнего из них возвестил о ее появлении.

Сестра Клетка остановилась, опустив голову, меч свисал сбоку от нее, алая линия тянулась через скалу от его острия.

Перед ней дюжины наемников повернули головы, чтобы посмотреть на новую угрозу, а позади нее шесть тел рухнули на камень, некоторые еще не осознали, что они мертвы, потому что смерть пришла к ним слишком быстро.

Где-то на территории монастыря раздался звон Битела. Там, где Сестра Шип предлагала защиту, Сестра Клетка предлагала только войну, абсолютную и беспощадную. Годы, когда ее

называли Щитом, давно прошли. Сладкое Милосердие открыло двери. Все, кто дышал в его стенах, вышли наружу, от самых юных послушниц до древних монахинь.

Сестра Клетка подняла лицо к своим врагам, темные глаза и узкая красота среди щрамов, полуулыбка, сообщавшей, что она более чем немного влюблена в смерть, и пригласила их потанцевать.

В рядах пеларти закрипели луки, поднялись копья, побелели костяшки пальцев на рукоятках мечей и топоров. Лучница с ястребиными глазами, с разодранной и окровавленной щекой в том месте, где метательная звезда Шип прошла мимо, прицелилась в лицо новой монахини.

Они знали ее под многими именами, эти пеларти, но «Клетка» таила в себе столько же страха, как и любое другое. Клетка. Она не отпустит тебя, ты не убежишь. Истории говорили, что она совершила свое первое убийство в тот же год, когда научилась ходить. Они говорили, что она голыми руками разорвала мальчика на части и забрала его сердце, чтобы показать своей матери.

Сестра Клетка нашла лучницу с раненым лицом среди теснившихся сил пеларти, и между ними, между холодными серыми глазами лучницы и черными глазами сестры, пронеслось понимание. Стрела упала со стуком. Лучница молча повернулась и начала проталкиваться назад, мимо воинов своего клана. Слева от нее повернулся другой наемник, мускулистый мужчина, на руках которого рунами были начертаны имена его предков. Двое из тех, кого он оттолкнул, повернулись и побежали вместе с ним.

Ручеек превратился в поток. Пеларти оставили десятки своих мертвых тел, все еще разбросанных или сгрудившихся там, где их убила Сестра Шип. Они бежали, преследуемые ужасом, которому не могли дать названия, чем-то большим, чем сестра, стоявшая позади них, но, возможно, таким же маленьким, как разочарование в ее глазах, когда они повернулись, чтобы бежать.

Клера ждала рядом с Арой, пока Нона шла к ним между колоннами. В небе над ними первые алые звезды осмелились открыть глаза.

— Она мертва?

— Как ты здесь оказалась? — Клера проигнорировала вопрос. — Тебя не должно было быть здесь! Откуда ты знала?.. и даже тогда, как ты сюда попала?

— Она мертва? — Нона бросилась вперед, отталкивая Клера от Ары, которая все еще была обернута вокруг копья. Она опустилась на колени, протянув руку, чтобы коснуться распущенных золотых волос. — Ара?

— Тебе не следовало отпускать меня. — Слова вылетели из Клеры так, словно это она была ранена, словно это она была обернута вокруг копья. — Ты связала меня. Виновна. Ты должна была позволить им утопить меня.

— Я никогда так не поступлю с другом. — Нона положила пальцы на шею Ары, ища пульс. Раздался еле слышный стон, слегка дрогнула рука.

Короткий смешок вырвался у Клеры, похожий как на боль, так и на радость.

— Они все думают, что ты — страшная злодейка. Молот церкви. Клетка-Без-Тени. А ты все еще ребенок, Нона! Ты влетаешь во все с распахнутым сердцем, ожидая... чего? Ты не понимала, как действуют люди, когда настоятельница привела тебя сюда, грязноногую крестьянку. Ты не понимала, когда она отослала тебя. И теперь ты не понимаешь. Люди лгут, Нона, они воруют и обманывают, им нельзя верить. Люди причиняют тебе боль, подводят тебя. И они продают тебя.

— Это не значит, что я должна быть такой. — Нона посмотрела на Клеру, которая вздрогнула, чувствуя себя виноватой перед этими черными глазами. — У нас есть целая церковь, построенная на предках. — Она махнула рукой в сторону купола. — Семья. Мертвая семья. — Она взяла руку Ару в свои. — Ты *выбираешь* себе друзей. Уж если ты собираешься поклоняться мертвым людям, которых не выбирала, тогда, возможно, и узы дружбы не должны быть так легко разорваны. Верно?

Клера покачала головой:

— Ты глупа, Нона Грей. Ты собираешься убить меня сейчас или позволишь это сделать кому-то другому?

— Ара может выжить. Если мы доставим ее к Сестре Роза. Сейчас же! — Нона оглянулась на монастырь. Они приближались. Старые сестры и молодые девушки. Сестра Шип поклялась защищать их. Сестра Клетка будет сражаться бок о бок с ними.

Клера раздраженно махнула рукой в сторону монахинь:

— Пусть они заберут ее. Мне все равно. Я пришла не за Арой. Она просто стояла у меня на пути.

Нона отпустила руку Ары и встала.

— Я скучала по тебе, Клера. Прошло слишком много лет.

Клера окинула взглядом плато:

— Мы были детьми, Нона. Дети постоянно заводят и разрывают дружеские отношения. Это не важно. Но то, что мы сейчас делаем, очень важно. Речь идет о сторонах в великой игре. И ты не на той стороне. На стороне тех, кто проигрывает. Тебе следует перейти на другую.

Нона покачала головой:

— Я не играю. И я всегда была на твоей стороне, Клера. Ты просто этого не понимала.

Клера посмотрела на Ару сверху вниз.

— Я хотела, чтобы она убежала.

— Я знаю.

— Ей следовало бежать. Их было слишком много для нее. Почему она была такой глупой?

Нона пожала плечами:

— А где Лано Таксис?

— Ты же знаешь Таксисов. — Клера кивнула в сторону плато, простирившегося за колоннами. — Им нравится, когда ты тратишь свою силу на людей, которых они считают расходными. Потом они приходят, чтобы закончить работу, если что-то еще осталось закончить.

— Так оно и есть.

— Он там со своими солдатами и восемью ной-гуин. Его учителями из Тетрагода. И другими.

Нона посмотрела на свой меч.

— Моя сила не истрачена.

— Ты думаешь, что сможешь убить меня, не дотянувшись до Пути, маленькая Нона? — Клера вытащила свой меч, близнец меча Ноны, взятый с тела Красной Сестры.

Нона повернулась спиной к Клере и посмотрела на плато.

— Я думаю, мне не придется тебя убивать, — сказала Нона. — Я думаю, ты будешь драться с ними вместе со мной. Сестра.

notes

Тропинка пьяницы — термин из лоскутного шитья (квадратами), когда из квадрата в квадрат идет широкая многоцветная линия.

Игра слов: ring — кольцо, и, одновременно, (боксёрский) ринг.

Интересное слово Набокова

coup de grâce — смертельный удар, которым добивают умирающего из жалости (фр.).

Овидий, Метморфозы, 11:417.